

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЙНИК

МАЙ 2004 № 111

БОРИС ИВАНОВ
УЧАСТНИК
ПОИСКОВ

В частное агентство «Ким» обращается двенадцатилетний мальчик с просьбой о помощи. Агент Ким Яснов заключает с необычным клиентом контракт, тот с полной серьезностью платит аванс и... исчезает.

Тревога за судьбу ребенка заставляет Кима начать поиски. Невольно он оказывается втянутым в странные и жестокие игры, которые ведутся на Планете Чуева. Андроиды, звенны, тахо, пан Волына по прозвищу Рыло, Барри Стук с его Подземными Театрами, Элен Каманера и шулер Бэзил Кац... Кто кому помогает и кто за кем охотится? Зачем нужен им этот странный мальчик? Кто он такой?

И почему именно его детским ладошкам приемный отец, старый скрипач Нолан, смог доверить Платиновую Карточку с записанным на ней Кодом спасения?

Борис Иванов

Участник поисков

*Великой тени графа А. Т. с глубочайшими извинениями
посвящается*

*А между завтра и вчера
Живущих снова ловит в сети
Чужая взрослая игра....
Но это знают только дети.*

А. Домбровский

Пролог

ДВА КОНТРАКТА

Каждый умудряется быть несчастным по-своему. Да и способов достичь этого состояния множество. Но один из самых надежных — это купиться на рекламу того налогового рая, который рисуют буклеты, раскиданные по всем приемным стоматологов Федерации.

По крайней мере, утром первого дня месяца Веселого бога — по календарю Большой Колонии (Бэ-Ка), что расположена на далекой от дел земных Планете Чуева, — Ким Ясно имел все основания считать, что это именно так.

Нет, все было правильно: его лицензия на проведение независимых расследований и оказание юридических услуг гражданам Федерации была вполне действительна и в пределах юрисдикции Большой Колонии. Налог на этот вид деятельности был ничтожен, плата за аренду офиса (он же — архив, он же — с некоторой натяжкой — криминалистическая лаборатория, он же — спальня в ночное время суток) вполне терпима.

Плохо было только с этими самыми «гражданами Федерации», которые ни в каких юридических услугах и ни в каких независимых расследованиях, похоже, отродясь не нуждались. По крайней мере — в услугах невесть откуда взявшихся — пусть даже и из самой Метрополии — свежеиспеченных докторов юриспруденции и магистров криминалистики. В этом была своя логика. В Большой Колонии не то что пришлым — своим-то не слишком верили. Познавшая после распада Империи чуть ли не весь спектр политических режимов, от синдикато-анархии до анонимной Диктатуры Семи, не самая богатая планета Федерации вот уже сорок лет как не желала отдавать управление в ненадежные руки блудливых, вороватых и склонных к коррупции и черт-те каким еще злоупотреблениям созданий, именуемых людьми. Еще меньше заслуживали доверия оба местных вида разумных существ — не до конца еще изведенные звенны и одним себе понятные тахо. Управление Большой Колонией благополучно осуществлялось Большой Сетью. И, несмотря на зловещие прогнозы экспертов Федерации, осуществлялось без особых эксцессов.

Экспертов можно было понять: Большая Колония подавала опасный пример одним членам Федерации и бросала вызов другим. По всему Обитаемому Космосу каждый уважающий себя чиновник, срывая голос, с пеной у рта кидался в спор с любым, кто, кивая на Бэ-Ка, намекал на то, что с управлением государством, в принципе, успешно справляется и достаточно продуманная компьютерная сеть. При этом все четыре десятилетия Большой Колонии неустанно обещали, что она «доиграется». Как доигралась, например, Фронда.

Однако Бэ-Ка ни до чего особенного пока не доигралась. Более того: к тому времени, как Кима угораздило именно в Колонии открыть собственное детективное агентство, людям здесь доверяли уже только функции управления, требующие непосредственного присутствия на месте и быстрой реакции в экстремальных условиях. Ну, например, ликвидацию последствий транспортных происшествий, усмирение несанкционированных выступлений и тому подобную мелочь. Да еще людям дозволено было принимать решения в окружных судах, — гражданских и уголовных — когда решение это не влекло за собой необратимых последствий для сторон. И, как говорится, «никто от этого не умер» — придаться не к чему.

Понятно, если не брать в расчет такой пустяк, как «проблему андроидов».

Так или иначе, вопрос о пополнении счета агентства стоял весьма остро. Единственной — и весьма слабой — надеждой на поступление денег были заработанные еще в Колонии Констанс ценные бумаги, коммерческой стоимости не имеющие, но, по словам знатоков, привлекательные для коллекционеров.

Сам Ким в подобного рода сделки влезать не стал, а просто перед отбытием на Бэ-Ка оставил всю эту головную боль своему поверенному (и хорошему другу) Лене Курляндскому. И постарался забыть про нее. С историей того гонорара у него были связаны не лучшие воспоминания...

Ким закончил рисовать букет незабудок на бланке Налогового управления и поднял глаза на единственный предмет роскоши, украшавший его кабинет, — ветку психоморфа, укрепленную в специальном губчатом камне на блюде с питательным раствором. Та — хоть и находилась не менее чем в трех метрах от рабочего стола — отчетливо приняла очертания нарисованного букета, довольно точно передавая его трехмерный дизайн.

«И ведь теперь неделю торчать будет неммым укором, — с тоской подумал Ким. — А вот сколько ни сосредоточивайся специально, сколько на нее глаза ни пяль, она хоть бы пошевелилась... Одно слово — паразит сознания!»

Те несколько разновидностей чувствительных к биополю псевдорастений Большой Колонии, что обладали загадочным свойством воплощать в своих формах образы человеческого сознания, были отменно капризны. Так, они с легкостью «ловили» образы, пронесившиеся в сознании водителей, отвлеченном на управление каром, образуя вдоль дорог причудливые подобия зарослей земной растительности, которые могли ввести в заблуждение и профессионального ботаника. Порою же вдоль трассы можно было узреть нечто и вовсе непотребное. Разное приходит в голову человеку за рулем.

Психоморфы подчинялись прихотливой воле очень немногих художников — таких по всей планете можно было пересчитать по пальцам — в студиях психопластики. Да еще, говорили, колдунам из Братства Дымных Рощ. А вот в научных лабораториях, по слухам, они крайне неохотно проявляли свои удивительные свойства. Не желали психоморфы отвечать и на усилия простых смертных изменить их форму с помощью мысленного воздействия со стороны. Хотя иногда ставили таковых в неудобное положение, отразив вдруг такое из их подсознания, чего те демонстрировать вовсе не желали... Держать у себя в кабинете этакое создание здешней биосферы считалось признаком экстравагантности. Киму его экземпляр достался в наследство от предыдущего арендатора помещения. Собственно, психоморф был принадлежностью офиса, а вовсе не его собственностью. Но они успели как-то сродниться.

От отвлеченных рассуждений Кима вернул к действительности сигнал дверного сенсора. Последний раз срабатывало это устройство с неделю назад — ошибся адресом разносчик пиццы. Не иначе как в этот раз очередной андроид перепутал его с заказчиком китайской лапши. Или еще какая-нибудь чушь в этом роде...

«До тех пор пока у здешнего киберпарламента будет хватать денег на программы социальной адаптации негуманоидов, — подумал он, вставая из-за стола, — внедрять здесь сервисные автоматы будет невыгодно. Рабский труд всегда дешевле любой механизации. Правда, во всем есть свои плюсы — с сервисным автоматом не поболтаешь о жизни и не угостишь его сигаретой».

При мысли о сигаретах он вздохнул. Курить он начал — и тут же бросил еще две недели назад — после оплаты очередного арендного взноса. А щедрость его в отношении андроидов была в общем-то вынужденной — продать запас курева, закупленный и ввезенный по

льготной цене как лицу, открывающему предприятие, было решительно некому. Бэ-Ка была миром некурящих. По крайней мере — формально. Курение было привилегией андроидов — когда на тебя не распространяется действие Конституции, то в этом есть свои плюсы. Но и разрешение на пользование деньгами на них тоже не распространялось. Три с половиной миллиона вполне разумных созданий содержались здесь — в пределах геостационарной орбиты Планеты Чуева — за счет хозяев, региональных и федеральных социальных программ и благотворительности населения. И получать свой заработок могли только натурой.

У двери Кима ждал небольшой сюрприз: идентификатор, прицепленный слева от входа, отмечал наличие у посетителя, торчащего в области действия радиоэха, полноценного удостоверения личности на имя Оруэлла Нолана, двенадцати лет от роду, не судимого и в розыске не состоящего. А дверной экран показывал ему худенького и угловатого парнишку, бедно одетого, скуластого и чумазого. Попрошайкой он быть не мог — не было в Верхнем городе малолетних попрошаек, — и чумазость его не сочеталась с одеждой — не модной, но и не рваной. Аккуратный «секондхэнд», подобранный по цене, а не по вкусу. Кем-то из родителей, надо полагать. Не мог несовершеннолетний Орри быть и заплутавшим посыльным — для гуманоидов труд в качестве таковых был под запретом. Как и вообще наемный труд несовершеннолетних. «Мальков», как их здесь называли. Да и не станет ни один самый пропащий пацан в Колонии отбивать хлеб у андроидов. Иных предположений у Кима не было. Была только смесь симпатии к раскосому пареньку и предчувствие большой неприятности.

— Здравствуй, мастер! — вежливо выпалил паренек. — Вот у вас в двери торчало...

Он протянул ему клочок бумаги.

— Вы, должно быть, не заметили, мастер...

Это здешнее повсеместное «мастер» — форма обращения ко всем имеющим специальность лицам — порядком доставало Кима. Но в устах малька, сияющего выглядеть взрослее своих лет, оно звучало довольно мило.

— Здравствуй, Орри. — Ким жестом пригласил паренька заходить.

Он не знал, почему сходу выбрал именно такое сокращение для имени малька. Мог бы сказать, например, «Вэлли» или как-нибудь еще. Но этому шустрому на вид, черноглазому плуту подходило почему-то только Орри.

Тот чуть испуганно попятился, на физиономии его отразилась детская озадаченность, но уже через долю секунды — видно, решив не отступать, — он быстро юркнул в кабинет и с интересом завертел головой. Башка у него была круглая и лохматая. Высокие скулы, разрез глаз и цвет волос наводили на мысль о Чайна Тауне. Малек снова открыто улыбался.

— А откуда вы знаете мое имя, мастер? — спросил он. — У вас тут сканер? Как в полиции?

— Твоя карточка мне рассказала, — пояснил Ким, затворяя за ним дверь.

Прежде чем сделать это, он бросил взгляд в обе стороны улочки-галереи, на которой помещался офис. Никто из малочисленных прохожих не вызывал ни малейших подозрений. Потом заглянул в позабытую было в руке записку. Кто и когда ее засунул между металлическим косяком и довольно плотно подогнанной к нему дверью, было неясно. А вот то, что он бумажку эту не заметил, вовсе не было удивительно — с утра Ким всегда заходил в офис с черного хода. Чтобы не встречаться с соседями по пассажиру и уклониться от вопросов по поводу текущих успехов своего бизнеса. Ну да ладно — записка так записка...

«Я не могу дозвониться до вас, г-н Яснов, — было нацарапано на ней. — Вас очень трудно застать на месте. Позвоните мне — это важно!» Далее шел номер канала связи и подпись — Г. Г. Ким бросил записку на стол.

— Сканер? — переспросил он. — Вроде того... У меня тут обычное «эхо», — он постукал пальцем по коробочке у двери.

— Как в аптеке у Пуччи? — понятно уточнил малек.

Как ни мал был мирок этой провинциальной столицы, об аптеке Пуччи Киму слышать не приходилось. Оно и ни к чему было: «эхо» монтировали на дверях квартир любой жилой многоэтажки. И офисов любого доходного дома. Но Орри Нолан вырос, наверное, в другом месте. Там, где никого не тревожило, кто постучал к тебе в дверь.

— Как в любой лавочке... — согласился Ким. — Чтобы знать, кто пришел...

Малька это успокоило.

— У меня проблемы, мастер... — начал он, прежде чем Ким успел спросить его, от кого он и по какому делу пришел. — Но я могу заплатить вам сразу только сорок кредиток...

— Садись на стул и рассказывай, — вздохнул Ким, кряхтя достал с нижней полки холодильника запечатанную упаковку фруктовой смеси и протянул ее малолетнему клиенту.

Тот, вопреки тайной надежде директора и единственного сотрудника детективного агентства «Ким», не стал отказываться от угощения и тут же отгрыз пробку трубки-сосалки, подумал немного — куда бы ее спровадить — и, не найдя такого места, как мог незаметнее сунул в карман. Потом шмыгнул носом и отпил глоток.

— Так что случилось, Орри?

— Я хочу, чтобы ты представлял мои интересы, мастер, — взрослым тоном заявил юный Нолан. — И поэтому плачу тебе задаток... Вот моя карта...

Он протянул Киму идентификатор.

— Я не могу подписать контракт с несовершеннолетним, — как можно более миролюбиво сообщил ему Ким. — Пусть придут твои родители — папа или мама... Или м-м-м... или твой опекун...

Ему только сейчас пришло в голову, что мальчишка-то — похоже — приемыш. Впереди просматривалась неутешительная проблема тяжбы со злым дядей-опекуном или с каким-то из интернатов. Он вставил карточку Орри в щель терминала и убедился, что недалек от истины. И в то же время невообразимо далек от нее.

«ДАННЫЕ О РОДИТЕЛЯХ ОТСУТСТВУЮТ, — гласила информационная строка. ПРИЕМНЫЙ ОТЕЦ — РЕШЕНИЕМ ОКРУЖНОГО СУДА 18/30 ОТ 9.06.37: НОЛ НОЛАН — МУЗЫКАНТ. ПОРУЧИВШИЕСЯ: КЛАВДИЙ МОХО, АЛЕКСАНДР ТИ АДРЕС: ДАУНТАУН 550-1310. ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОХОДИТ ЭКЗАМЕНАЦИОНН КУРС В КОЛЛЕЖ-ДЕНИЗ. АТТЕСТАТ УДОВЛЕТВОРЯЕТ СТАНДАРТУ».

Ким чуть не присвистнул: перед ним сидел мальчик ниоткуда.

Сорок лет на планете не было ни войн, ни эпидемий. Природных катастроф и серьезных социальных волнений тоже не было. Рождаемость — после голодной эпохи Изоляции — с грехом пополам превышала смертность. О брошенных детях известно было только понаслышке. И вот вам нате: приемыш Орри, родители которого неизвестны. О котором вообще неизвестно ничего до момента его усыновления музыкантом Ноланом Ноланом год назад.

«Учится грамоте дома или с репетитором, экзамены сдает в каком-то Коллеж-Дениз — это у них называется экзаменационный курс. Будем надеяться, что с лицензией на аттестацию учащихся у этого Коллеж все в порядке...», — прикинул про себя Ким.

Объект его размышлений напряженно следил за ним. И хотя он выглядел долговязым, ноги его еще не доставали до пола: то и дело он смущенно заплетал их одну за другую, произвольно покачивая ими в воздухе. Две длинные, загорелые, со сбитыми коленками ноги в коротких выцветших шортах и стоптанных кроссовках. К подошве левой кроссовки прилепился кусочек жвачки.

«Впрочем, паренек не слишком развязно ведет себя, — констатировал Ким. — Не похож на запущенного беспризорника. Правда, и на ангела — тоже не слишком похож».

— Вот с опекуном у меня как раз и проблема, мастер, — сказал его новый клиент, очень серьезно глядя Киму прямо в глаза.

При этом его глаза — и без того отчаянно черные — округлились и стали темны уже какой-то космической чернотой.

— Ты ведь понял, мастер, о ком идет речь? — кивнул Орри на экран монитора.

— Твой опекун, Орри, — музыкант Нолан... — чуть недоуменно изложил известные ему на данный момент сведения Ким. — Ты поссорился с ним?

— Нет... Ты... ты совсем ничего не знаешь про Скрипача Нолана? — до глубины души удивился Орри.

— Признаться — совсем ничего... — решил не морочить юному клиенту голову Ким. — Я ничего не смыслю в музыке, Орри...

Глаза у малька округлились так, что приблизились к европейскому стандарту.

— Речь не о музыке, мастер, — осторожно, словно больному стал объяснять он. — То есть папа Нолан хорошо играет, мастер. Очень хорошо играет на своей скрипке. Но... Он... К нему приходят люди, мастер... Такие люди, которые дружат с андроидами... И к нему приходят андроиды тоже, мастер... И поэтому его очень хорошо все знают здесь... В этом Мире, мастер... А теперь его хотели убить... Это было в новостях — вчера вечером, мастер...

— Но... — Ким заколебался.

Пожалуй, что-то и впрямь было вчера по Ти-Ви... Но тогда разборки между местными интегратами и сегрегатами интересовали его меньше всего.

— Но... Ведь у господина Нолана не было неприятностей с полицией? — осторожно осведомился он. — У него не отняли разрешение на опеку?

— Это не полиция его хотела убить, мастер! — с досадой воскликнул Орри. — Это... Это — я не знаю, кто хотел этого!.. Это очень плохие люди, мастер!

— Но... — теперь Ким припомнил-таки вчерашнюю сводку новостей. — Но они ведь все-таки не убили господина Нолана? Он... Он...

— Он сейчас в одной больнице, мастер. Лучше никому не знать — в какой... Теперь они будут искать меня, мастер. Они... И, может быть, полиция тоже будет искать меня. Поэтому я хочу, чтобы ты представлял мои интересы. И еще — чтобы ты сделал так, чтобы меня никто не нашел...

Ким остолбенело смотрел на мальчишку.

— Давай начистоту, Орри... Почему ты думаешь, что тебя будет искать полиция? Ты... ты натворил что-то?

Мальчишка нервно дернул головой, и Ким отметил про себя, какая у этого мальчишки

тонкая, загорелая и давно уже немытая шея.

— Я ничего не натворил, мастер! И не... И я не собираюсь ничего такого... делать! Но они... Они что-нибудь выдумают, мастер... Скажут полиции, что я украл деньги или какую-нибудь штуку... Или еще что-нибудь...

— Но если тебя будет искать полиция... — Ким старался говорить как можно более мягко и успокаивающе. — Ты не можешь меня нанять, чтобы я прятал тебя от полиции, Орри. Это против закона... Но ты можешь... У меня пока что мало друзей тут — в Большой Колонии... Но я договорюсь с кем-нибудь, чтобы ты побыл у него... А я как-нибудь улажу дело с полицией... Это называется...

— Ты совсем ничего не понял, мастер! — снова дернул головой Орри. — Тебе не надо нарушать закон! Тебе не надо прятать меня. Я сам... Сам. Уйду и спрячусь. Ты только должен будешь... Делать то, о чем я тебя буду просить. И — быть в курсе... Защищать мои интересы! — повторил Орри чьи-то чужие слова — как заклинание.

— Тебе лучше... — Ким мысленно подсчитал свои наличные и — также мысленно — добавил к ним тот кредит, на который мог бы рассчитывать как исправный член Лиги Правосудия в ссудной кассе. — Тебе лучше сейчас остаться у меня и хорошенько поесть, Орри. — Тут у меня есть горячий душ — ты искупаешься и поспишь. Никто тебя здесь искать не будет. — Ты выспишься хорошенько и потом все мне подробно расскажешь. А я пока наведу справки про тех людей, которые приходили убивать господина Нолана... И про полицию... И мы с тобой придумаем, как быть...

Орри неожиданно соскочил со стула и метнулся к двери. Пустой стакан из-под фруктовой смеси покатился по полу.

— Ты... У тебя нет права меня здесь задерживать, мастер! — испуганно и одновременно с вызовом выкрикнул он, хватаясь за ручку двери.

Ким поднял обе руки, демонстрируя свои добрые намерения. Потом спохватился и вытащил из терминала карточку-идентификатор.

— Ты забыл это, Орри!

Орри уже успел остыть.

Он медленно вернулся к столу и чуть подозрительно воззрился на Кима, шмыгнув носом.

— Вставь ее назад, мастер. Я хочу, чтобы мы подписали контракт. Это можно. Ведь папу Нолана найти нельзя! Спроси Большую Сеть. Есть закон — «В отсутствие возможности вступить в контакт с родителями или с лицом, осуществляющим фактическую опеку...» И там дальше... Тогда интересы ребенка может представлять адвокат по его выбору. По ребенка выбору. Статья сто третья... Ты ведь адвокат, мастер? А ребенок — это я!

Спорить с ребенком не приходилось. Ребенка кто-то основательно поднатаскал в вопросах права. Если у тебя есть лицензия на расследования, то ты не можешь не иметь адвокатского диплома и двух лет судебной практики. И в отсутствие опекуна адвокат обязан принять несовершеннолетнего, как полноправного клиента. Все так.

Ким молча вставил карточку обратно в щель опломбированного Министерством юстиции терминала. Потом сел за стол и угрюмо начал искать в базе данных темплейт подходящего контракта. Орри неотрывно следил за ним.

— Вот... — наконец чуть осипшим голосом сказал Ким. — Садись и слушай... «Оруэлл Нолан — несовершеннолетний, в дальнейшем именуемый „Наниматель“, со своей стороны, и Ким Яснор — директор и владелец предприятия „Ким“ (лицензия 820/5440), в дальнейшем

именуемый „Исполнитель“, — со своей, заключили между собой следующее Трудовое Соглашение...»

— Дай я сам прочитаю, мастер! — решительно сунул нос в экран юный Наниматель.

Ким послушно посторонился, и Орри чуть не влез в монитор с головой. Помешали этому, пожалуй, лишь его трогательно оттопыренные уши. Читал юный Нолан, судя по всему, а особенно по вдумчивому посапыванию и шмыганью носом, старательно, как первый ученик, перечитывающий экзаменационное сочинение, прежде чем вверить его строгому учителю. Что-то, впрочем, подсказывало Киму, что первым учеником Орри сроду не был — нигде и никогда.

— Вот тут, мастер... — объявил малек. — Так не годится!

Он ткнул пальцем в экран.

— «Пункт четыре-восемнадцать, — прочитал он вслух. — В случае смерти, исчезновения или недееспособности приемного отца Нанимателя, Нолана Нолана, Исполнитель обязуется...» Так не должно быть!

— Ты хочешь сказать, что я не должен брать на себя никаких обязательств в случае, если твой э-э... папа не сможет... Но ведь в этом и весь смысл...

— Так не годится, мастер! — снова запальчиво выкрикнул Орри. — Нолан не может умереть! Он просто не может сейчас мне помочь...

— Так тут как раз про это...

— Тут не про это, мастер! Тут про то, что будет, если Нолан умрет... А он не должен умереть! Понимаешь, мастер, за этим я к тебе и пришел! Чтобы ты ему не дал умереть!

Ким почесал в затылке. И было отчего.

— Тогда все надо составить по-другому... Тогда получается, что ты меня нанимаешь, чтобы я обеспечил охрану и лечение твоего отца...

— Да нет!

Орри махнул рукой, поражаясь бестолковости Кима:

— Ты его лечить не должен! Его и так хорошо лечат. Доктор Гаррет... И другие...

Он запнулся. Киму показалось, что Орри сгоряча выболтал. Что-то, чего не хотел выбалтывать. Но он не подал виду, что заметил это.

— Ты должен просто сделать так, чтобы он не умер, — объяснил Орри уже более спокойно. — Чтобы его не убили... Я же с самого начала сказал, что ты должен представлять мои интересы. А это и есть мой интерес — самый главный. Чтобы Нолан был живой...

«Это точно: мальчишка — приемыш, — прикинул Ким. — Никто не называет отца по имени. Или тем более по фамилии. Впрочем, в данном случае не разберешь...»

— Хорошо, — сказал он вслух. — Тогда запишем так...

Он поколдовал над клавиатурой и через минуту-другую прочитал свое творение вслух:

— «Пункт четыре-десять...» Ты слушаешь меня, Орри? «Исполнитель берет на себя обязательства, в порядке исполнения ранее возложенных им на себя обязательств по пункту четыре-один, обеспечить отцу Нанимателя Нолану Нолану защиту от посягательств на его жизнь и здоровье и немедленно надежно обеспечить оказание последнему необходимой помощи и защиты или сам оказать таковые в случае возникновения угрозы для этого последнего...» Так тебя устроит?

Орри минуту-другую, с подозрением во взгляде, старательно шевеля губами, читал написанное. Потом с сомнением спросил:

— А все это нельзя написать как-нибудь попроще, мастер?

Ким вздохнул. Его самого постоянно, а особенно при составлении юридических документов преследовала мысль о том, что все то, что он излагает на бумаге корявым языком юриспруденции, неплохо было бы написать простым человеческим языком и тем ограничиться. О, эти мечты...

— Орри, — сказал он поучительным тоном. — Поверь мне — так надо. Я свое дело знаю.

Орри вздохнул, но спорить не стал.

— Теперь — вот этот пункт, — продолжил Ким. — Предпоследний. Об оплате... Она — почасовая. Вот смотри.

Плату Ким означил чисто символическую — один бакс в час. Но мальку этого было, слава богу, не понять. А то бы принял за обиду.

Орри снова вздохнул и полез в карман.

— Сейчас у меня с собой только сорок баксов, — снова напомнил он. — Я в карманах никогда много не ношу — в Нижнем городе общитопают. — Он положил две аккуратно сложенные и, кажется, даже выглаженные «двадцатки» на стол.

— Но ты пиши все как надо, мастер. Я потом буду тебе переводы делать. Не веришь? Да вот чтоб я сдох!

И прежде чем Ким успел остановить его, малек деловито цапнул себя острыми, как иголки, зубами за указательный палец левой руки — у основания. После чего стряхнул выступившую кровь на пол — три раза, по ритуалу здешней шпаны.

Ким втянул воздух сквозь плотно сомкнутые зубы, издав легкое сипение — это с детства было его реакцией на чужую боль, — и, шипя таким манером, вытянул из стола аптечку, а из аптечки — спрей с репарирующим гелем и протянул его Орри. Но тот презрел такие нежности и уже энергично зализывал укус языком.

— Не стоило тебе уродоваться, — нахмурился, попенял ему Ким. — Я тебе и так верю. Я вообще доверчивый человек...

Он ткнул пальцем в клавишу терминала и подождал, пока текст Контракта сойдет с принтера. Сел за стол и, все еще посматривая на гордого своим героическим поступком но все же морщившегося от боли Орри, подписал два экземпляра документа, дарующего ему статус Агента на Контракте — После чего протянул листки и электрокарандаш своему Нанимателю.

Орри подписывал Контракт, старательно высунув язык, кругло-корявыми буквицами, словно свою школьную тетрадь. Пожалуй, это был первый в его жизни документ, который ему приходилось подписывать. По крайней мере — подписывать по своей инициативе, на собственный страх и риск. От сознания ответственности у него даже пот бисеринками выступил на лбу.

Справившись с этим делом, он протянул оба листка Киму. Тот вернул ему его экземпляр.

— Держи это у себя, — строго объяснил он. — На всякий случай...

Орри покачал головой.

— Н-не... Не могу я с бумагами повсюду таскаться, мастер. У меня могут спереть. Или прочтет кто-нибудь... Или потеряю я. Или испачкаю. Тут такая хорошая бумага, мастер, — прямо загляденье... А я... Вот, мастер! — спохватился он. — Мы же одну вещь забыли! Придется снова все переписывать!

На его раскосой физиономии отразилось глубокое уныние.

— Что мы забыли, Орри?

— Да вот... Я не хочу, чтобы кто-то знал, что я тебя нанял... А там — в Контракте — про это нет...

— Вот. — Ким, проводя пальцем по нужной строке, терпеливо зачитал: — «Оставаясь в рамках действующего законодательства, Исполнитель обязан соблюдать все требования Нанимателя, касающиеся той или иной статьи данного Контракта, или же всего Контракта в целом...» Это — как раз то. Если ты хочешь, чтобы я никому ни слова не говорил о наших с тобой делах, то я и не скажу никому ничего...

— Клянешься?

— Гадам буду!

В глубине души Ким надеялся, что от него все-таки не потребуются пускать себе кровь, чтобы убедить юного Нолана в том, что он будет нем, как могила. Он и не собирался афишировать свою сегодняшнюю сделку. Единственный Контракт за полгода, да и тот с несовершеннолетним подростком — это был конфуз такого масштаба, о котором следовало помалкивать.

— Так не клянись, мастер! — сурово остановил его Орри. — Мне так уже один чистодел клялся: «Гадам, — говорил, — буду, если Брендика говорить не выучу!» Еще и деньги взял.

— Ну и как? — поинтересовался Ким, вертя в руках распечатки Контракта.

— Все точно, — вздохнул Орри, — как в аптеке. И Брендика говорить не научил, и гадам оказался. Денег не отдал. Четырнадцать баксов.

— А Брендик — это?.. — предположил было Ким.

— Это песик мой. Он вон там — за дверью сторожит, пока я выйду. А нет — такое устроит, мастер... Когда вырастет, у него полное имя будет — Бренди. А пока — просто Брендик. Вот слышите?

Он присвистнул — тоненько, тихо, но пронзительно. В ответ из-за двери донеслось преданное поскуливание — тоже, надо полагать, весьма пронзительное — звукоизоляция в офисе агентства «Ким» не вызывала никаких нареканий. Сквозь стекло можно было заметить — за обрезом стальной рамы двери — энергичное копошение чего-то мохнатого и беспородного.

Ким понимающе помолчал.

— Ну и как мне тогда клясться? — осведомился он наконец. — Тоже на крови?

Орри молча сопел.

— Ладно, мастер! — махнул он рукой. — Вообще, не надо клясться. Я тебе верю. У тебя, мастер, — хорошие рекомендации...

— Вот как? — поразился Ким. — И можно поинтересоваться, кто же меня тебе сосватал?

Орри опять посопел немного.

— Это тебе ни к чему, мастер. Верные люди с Прерии про тебя хорошо говорили... Ну, я пошел...

— Погоди.

Ким решительно протянул ему его экземпляр Контракта и обе двадчатки.

— Мне твой экземпляр у себя держать не положено. Не принято так. Если боишься, что его украдут или что ты его потеряешь, то оставь его в абонентском ящике на почте. Там тебе

объяснят, как...

— Я знаю! — отмахнулся от него Орри. — Это верно. Это я не додумал...

— А это — чтобы ты заплатил за аренду.

Ким вложил баксы в горячую, сухую ладошку Орри.

— Потом добавишь к переводу. Мне пока не надо...

Тут он, конечно, слегка кривил душой, но эти бумажки буквально жгли ему руки.

Орри покрутил баксы в руках, исподлобья глядя на своего Агента. Потом сунул одну двадцатку в карман, а другую вернул Киму.

— Мне двадцати баксов хватит. А тебе аванс положен, мастер. Иначе дело не задастся... Ну пока! Удачи тебе, мастер!

Дверь отворилась, выпустила юного Нолана на свободу, а взамен впустила в офис изрядную порцию залиvistого лая и затворилась. Ким сунул свой экземпляр Контракта в регистратор и сел за стол. Ему было о чем подумать. Но сидя как-то не думалось. Надо было собраться с мыслями.

Ким подошел к окну и, развернув полоски жалюзи под подходящим углом, принялся рассматривать панораму утреннего Нью-Чепеля. Столица Большой Колонии, несмотря на упорные усилия мэрии и муниципальных властей всех уровней, оставалась тем, чем была с самого своего зарождения — конгломератом сросшихся провинциальных городишек, населенных людом, с бору по сосенке переселившимся в новооткрытый тогда еще мир в эпохи Второй и Третьей Экспансий.

И хотя кварталы делового центра, высоко вознесшегося над пересекающей город Лолита-ривер, сияли золоченым стеклом наимоднейших (и довольно бессмысленных при здешней дешевизне земли) небоскребов, лицом столицы Бэ-Ка оставалась все-таки заповонившая равнину путаница кривых улиц Нижнего города. Огромный, пронизанный многочисленными пассажами «Чин-Чин билдинг», в котором приютился скромный офис агентства «Ким», располагался аккурат на границе между этими двумя — такими разными — мирами.

Одна сторона здания небоскребом высилась над простирившимися к северу от него бывшими Церковными пустошами (ныне — районом дешевых казино и гостиниц-почасовок, заполняющих дно бывшего каньона). Вторая — зацепившаяся за край этого каньона — смотрелась со стороны Верхнего города приземистым — всего на десяток-другой этажей — строением, вторгшимся в деловой центр из недр презренных речных кварталов. Окна агентства «Ким» располагались в восточном торце «Чин-Чин билдинга» и позволяли созерцать сразу обе ипостаси Нью-Чепеля. Впрочем, особого времени на созерцание и размышления судьба Киму не отвела. Надо было как-то ответить на ее смешной вызов.

Конечно, проще всего было оставить визит вздорного мальчишки без всяких последствий и, забыв о нем, заняться текущими делами. Но к мальчишкам в беде у Кима было свое отношение. Кроме того, текущих дел у него не было и не предвиделось.

Поэтому он, подумав немного, ввел в терминал запрос относительно всех практикующих в Нижнем городе медицинских работников по фамилии Гаррет. И принялся искать среди сваленных в ящик стола визиток карточку Ника Стольниково — своего, можно сказать, коллеги, для которого, судя по всему, Нижний город был родной стихией. Ему не слишком долго пришлось предаваться этому занятию — зуммер сенсора известил его о том, что рак на горе свистнул, а в четверг прошел дождичек — к нему пожаловал клиент.

Второй за эти полгода и за этот день.

«Эхо» заблаговременно оповестило Агента на Контракте, что его желает видеть некто Джанни Волина, предприниматель. Забранная пропускающим свет только внутрь офиса «вентильным» стеклом дверь продемонстрировала ему, однако, сразу три внушительные мужские фигуры, сгрудившиеся у входа в агентство. За предпринимателя мог сойти каждый из этих троих. В самом деле, каждый из них был наделен стандартным для представителей этого сословия набором признаков: добротным, консервативного покроя костюмом, дорогим галстуком, темной шляпой, атташе-кейсом и выражением твердокаменной уверенности в себе на физиономии. Можно было подумать, что в услугах Кима вдруг испытало потребность солидное похоронное бюро.

Каждый из этих троих мог носить славянскую фамилию Волина и итальянское имя Джанни — внешность всех троих была усредненно-европейской. Но что-то в этой внешности настораживало Кима и будило в нем смутные ассоциации с кадрами криминальной хроники и детективных сериалов. Если бы Агент на Контракте имел в Большой Колонии крупные долги или вообще представлял здесь интерес хоть для кого, кроме несовершеннолетнего Орри Нолана, он бы призадумался перед тем, как открывать дверь таким гостям.

Но поскольку подобных поводов для опасения у Кима решительно не было, он ограничился тем, что вытащил из ящика стола и нацепил на себя наплечную кобуру с «полицейским» «вальтером» в ней, поверх накинул пиджак, пребывавший до той поры на спинке стула, и, приняв деловой вид, надавил на кнопку сенсора дистанционного управления.

Дверь послушно скользнула в сторону, и мрачная троица тут же заполнила собой не слишком просторный офис.

Сразу стало ясно, кто же из них, собственно, является Джанни Большой, а значит, и главным действующим лицом в предстоящем представлении. Им оказался тот из троих, галстук которого вызывал наибольшие ассоциации с картиной ночного пожара где-нибудь в джунглях Гринзеи. Судя по всему, только он и проявил какой-то интерес к личности Агента на Контракте. Выразилось это в том, что он решительно шлепнул на его стол свою шляпу, развалился в кресле, предназначенном для клиентов, и достал из внутреннего кармана тисненой кожи футляр с сигарами. Минуту-другую он выбирал, какую из своих «гаван» пустить в дело, еще столько же обрезал избранницу серебряным ножичком — изрядно накрошив на потертый ковер — и наконец раскурил ее от пламени массивной золотой зажигалки размером с походный примус. Испрашивать разрешения хозяина кабинета пан (или синьор) Волина и не подумал.

Вне всякого сомнения, пан или синьор был небедным. Закон Большой Колонии обкладывал ее граждан солидным налогом за пользование табаком.

Некоторое время он недобрым взглядом рассматривал хозяина кабинета сквозь облако сизого дыма и мгновенно возникшей взаимной неприязни. Два его спутника, не снимая шляп, принялись неторопливо слоняться по кабинету, изучая — от нечего делать — его нехитрое убранство: пару разностильных шкафов для бумаг, дешевый терминал Сети, несколько взятых под стекло ксерокопированных дипломов на стенах, макет древнего клипера на специальной полочке и коллекцию портретов великих сыщиков двадцатого века. В основном это были фотографии. Те же из знаменитых сыщиков, что являлись плодом

воображения досужих литераторов, были представлены работами различных иллюстраторов или кадрами из фильмов. Коллекцией этой Ким очень гордился. Досталась она ему в наследство от первого его партнера — человека, отдавшего душу богу или дьяволу при очень непростых обстоятельствах.

Перед принявшим совсем уж затейливую форму психоморфом оба типа замерли в молчаливом раздумье.

Ким демонстративно не торопился выяснять у нагловатых посетителей, чем он может быть им полезен. Так что начинать разыгрывать партию пришлось все-таки главе прибывшей делегации.

— Волына, — наконец соизволил представиться он, толкнув по столу по направлению к Киму свою визитку.

Тот не стал торопиться брать ее в руки, а просто, слегка скосив глаза, пригляделся к этому атрибуту делового знакомства. Атрибут уточнял характер предпринимательской деятельности господина Волыны. «Волына и Барбер. Оказание услуг» — значилось на белоснежном прямоугольничке. Ким не стал интересоваться, оказанием какого именно рода услуг занимаются господа Волына и Барбер. И кому они их оказывают. Он продолжал ждать.

Клиент сделал следующий ход.

— Я вас нанимаю, — невозмутимо сообщил он Киму. И уже чисто для проформы добавил:

— Вы согласны принять заказ на розыск физического лица?

Ким натянуто улыбнулся в ответ.

— Я могу заключить с вами контракт и дальше действовать в качестве вашего агента, если вы э-э... потрудитесь изложить мне обстоятельства дела, которое привело вас ко мне, — благополучно справился Ким с фразой, прямо-таки взятой напрокат из наставления по работе с клиентурой для начинающих детективов.

Следовало бы добавить еще пару пассажей относительно его обязанности соблюдать при исполнении условий контракта федеральное и региональное законодательство, но вид потенциального клиента явно не располагал к подобного рода упражнениям в красноречии, и Ким благоразумно воздержался от излишней риторики.

— Обстоятельства простые, — неприятным тоном уведомил его пан («все-таки, по всему судя — пан», — решил про себя Ким) Волына. — У меня сперли деньги, и я хочу, чтобы вы мне нашли воришку. Только и всего!

Над столом поплыло новое облако сигарного дыма.

— Гм... Вы пробовали обратиться с вашей проблемой в полицейский участок? — попробовал уточнить Ким.

Физиономия пана Волыны — и без того малоподвижная прямо-таки окаменела.

— А как вы это себе представляете? — ядовито осведомился он так, словно речь шла о чем-то невероятном. — То, что Джанни Волына обратится в полицию?

Его спутники подтвердили изумление шефа произвольными смешками.

— Да и кроме того...

Волына описал над столом дымящейся сигарой небрежную загогулину.

— Полиция не возьмется за это дело — раз уж я сразу не поймал шкета за руку. Я ведь и не подумал брать с него расписку или что-нибудь вроде этого...

— Тогда каким же образом вы хотите вернуть... — начал формулировать свой вопрос Ким, но Волына на корню пресек эту попытку.

— Таким! — рывкнул он, швырнув сигару на стол. — Это мое дело, то, каким образом я буду возвращать свои деньги! Ваше дело — его мне найти!

— Так... — вздохнул Ким. — Заранее должен предупредить вас, что если это лицо впоследствии подаст на меня в суд за соучастие в шантаже, или...

— Это лицо не подаст! — снова оборвал его Вольна.

Он поднял сигару со стола и, морщась, отряхнул ее. Снова дыхнул вонючим дымом и уставился на Кима кабаньим взглядом — зло и вопросительно.

— Ты берешься за дело, мастер, или мы так и будем воду в ступе толочь?

Ким с каменным лицом смахнул пепел со стола.

— Прежде всего, надо оговорить... — снова начал он.

— Вот тебе на предварительные расходы...

Вольна бросил на стол рядом со своей шляпой пачку федеральных кредиток. Пачка выглядела убедительно.

— А в контракте запиши: сотня за час. За розыск здесь все берут так. Плюс всякие накладные расходы...

Ким молча достал из ящика стола стандартный бланк расписки и стал заполнять его. С этого момента он снова становился Агентом на Контракте. Второй раз за этот странный день.

— Расскажите мне о человеке, которого надо найти, — сухо попросил он.

— Его хорошо знают в Нижнем городе, — чуть более благодушно начал клиент. — Это — паренек папаши Нолана...

Ким оцепенел.

— Кажется, он ему на самом деле отец, — как ни в чем не бывало продолжал ничего не заметивший Вольна. — По крайней мере — приемный. Так что, стало быть, его фамилия и будет Нолан. Орри Нолан. Я передал ему четырнадцать шгук. Хотел сделать взнос на этот их Храм...

— Сколько лет парнишке? — ничем не выдавая себя, справился Ким.

И это был его первый шаг по тонкому льду лжи.

— Да черт его знает. Такой вот шпентик.

Вольна мановением руки довольно точно показал рост Орри.

— И вы доверили такую крупную сумму несовершеннолетнему ребенку?

Ким изогнул узкую атласно-черную бровь с чуть наигранным удивлением. Клиент как-то кисло скосился на кончик своей сигары. Видимо — чтобы не смотреть в глаза своему Агенту на Контракте.

— Парнишке можно было доверять... — буркнул он нехотя. — Тогда... Бывало, что ему доверяли кое-что и на суммы побольше.

Эти слова и кислое выражение физиономии клиента вызвали у Кима нехорошие ассоциации. Вполне конкретные. Нижний город был тем еще клоповником — со времен самого основания Нью-Чепеля — славной столицы Конфедерации Свободных Республик, называемой в обиходе, по старинке, Большой Колонией. Незаконный траффик спиртного. Незаконный траффик наркотиков. Живой товар. Торговля андроидами. Шалости с валютой и оружием. И — стаи подростков, втянутые во все это. Подростков, среди которых попадались, говорят, шкеты и помладше Орри. С этой средой Киму почти не довелось соприкоснуться вплотную за неполные полтора года пребывания в здешних краях. Теперь, видно, пришло время.

— И что же вдруг так изменилось? — спросил он. — Почему же теперь вам приходится искать Орри днем с огнем?

— Все из-за затей Скрипача с Храмом...

— Скрипач, это?.. — поинтересовался Ким с безразличным видом.

Волына опять остолбенело уставился на него. Уровень невежества Агента, видимо, поверг его в состояние, близкое к прострации. Потом он снисходительно усмехнулся.

— Это Нолан и есть. Нолан Нолан. Нолан-Скрипач. Музыкант он же...

— Понятно. Он действительно хорошо играет на своей скрипке?

Волына снова усмехнулся. Еще более снисходительно.

— Своей скрипки у Скрипача отродясь не было. И не будет. На тех инструментах, которые тут есть в продаже, он играть, говорят, брезгует. А тот инструмент, что ему доверил Спонсор, Спонсор этот и заберет — когда придет время... А уж как он на том инструменте наяривает — его дело. Его — и тех, кому охота душу не тому, кому надо, продавать. А меня — увольте. Джанни Волына — честный католик. С нами — Дева Мария. Матка-Боске Ченстоховска. И чужого бога нам, как говорится, просим не предлагать. Без надобности нам это...

Честный католик Джанни Волына замолк, пережевывая бульдожьими челюстями свою «гавану».

Дальнейшие расспросы, видимо, были излишни — они могли только усугубить ситуацию. Спонсор... Инструмент... Когда придет время... И чужой бог, коего не надобно. Что может быть яснее?

Ким кашлянул, намекая, что не мешало бы двинуться дальше от вложившейся неловкой ситуации.

— Я говорю... — Клиент перебросил сигару из одного угла рта в другой. — Все из-за этих его музыкантовых затей с Храмом. Только я передал Орри денежки, как тут же, как на грех, какие-то УРОДЫ вперлись к старику со своими сектантскими разборками. Разнесли всю его нору в пух и прах. А самого хрыча во время уличных волнений, что на Тик-Таке приключились — слышал на «перышко» поставили. Ну и, ясное дело, старый Нолан загремел в реанимацию, а парнишка переср... испугался, одним словом, и подался в бега... Со всеми папашинными денежками.

Очередное облако табачного дыма украсило пространство над столом.

— Но тогда получается, что пострадавшей стороной являетесь не вы, пан, а сам старый Нолан... — постарался внести ясность в положение дел Агент на Контракте. — Он имеет претензии к ребенку? И вообще — он сейчас в состоянии принять какие-нибудь меры к тому, чтобы найти мальчика?

Слово «пан» вырвалось у него машинально. Это было последствием его предыдущих пребываний в Мирах с преобладанием славянского населения. Как ни странно, Волына не нашел в таком обращении ничего необычного. Во всяком случае — не среагировал никак. Он только махнул рукой, отмечая то ли клубы сизого дыма, то ли вопрос Кима.

— Этот блаженный никогда и никаких мер для возвращения своих баксов принимать не станет! — уверенно заявил он. — Не той закваски старый хрен! Так что о нем забудьте. Это — особый разговор. Главное, что парень взял и мои деньги и был таков! Вот и все! Мне нужно только, чтобы вы привели его ко мне. Или — меня к нему, если так получится. Или — на худой конец — просто дали знать, где он находится. Какие вам еще нужны сведения?!

— Если деньги были переданы господину Нолану, то это уже не ваши деньги... — как

можно деликатнее постарался расставить точки над Агент на Контракте.

Клиент презрительно фыркнул.

— Покуда старый хрен не взял баксы в свои грабли и пока он не чиркнул свою закорючку на расписке — денежки мои. И нет базара!..

Он вдруг задумался.

— А и верно... Вот что. Про деньги там — в Контракте — не надо. Вообще ничего про них не пиши, мастер. Ни к чему это. Как говорится: «свои люди — сочтемся». Лучше напиши, что я опеку хочу учинить над малолетним на время болезни старого хрыча. И с тем его и разыскиваю... Ясен пень?

Ким молчал. И молчал довольно долго. Потом, по-прежнему не говоря ни слова, ткнул несколько раз в клавиши терминала. Из принтера выползли два заполненных бланка Контракта. Ни слова о четырнадцати тысячах федеральных баксов в нем не было. Ким поискал в столе электрокарандаш, нашел его у себя в кармане, подписал оба и толкнул листки по столу к пану. Волына быстро пробежал их глазами и, попыхивая сигарой извлек из внутреннего кармана роскошный «Паркер», подмахнул сначала один экземпляр, потом — другой и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

— Вот еще что, — сообщил он, выпуская клуб дыма к потолку. — Не надо никому знать, что это я тебя нанял. И вообще — кто и зачем... Если народ в Нижнем городе узнает, что ты на меня горбатишься, мастер, ты ни из кого и слова не вытянешь. А того и гляди — подянку какую-нибудь подкинут. Сволочной там народишко... Гнилой... И самому парнишке, как на него выйдешь, ни полслова — кто и зачем его вычисляет. И вообще — чем меньше звону, тем лучше, мастер...

«Ну вот, и он уже со мной на „ты“... — подумал Ким. — Край непосредственных человеков. Прямых и простодушных. Без задней мысли за душой...»

Ему потребовалось сделать над собой усилие, чтобы подавить усмешку.

— С этого момента, — сказал он сухо, — я ваш Агент на Контракте. И пожелание клиента для меня — закон. Если вы считаете, что в этом деле необходимо соблюдать конфиденциальность, значит, я об этом позабочусь.

Он помолчал, разглядывая физиономию клиента. На той отразилось удовлетворение достигнутым взаимопониманием.

— Я позволю себе еще один вопрос, — откашлялся Ким. — Разрешите?

— Слушаю тебя, мастер, — благожелательно разрешил пан Волына, поднимаясь из кресла и отряхивая с колен сигарный левел.

Ким снова откашлялся:

— Почему, господин Волына, вы остановили свой выбор именно на моем агентстве?

Клиент внимательно уставился на Кима своим кабаньим взглядом — тупым и хитровато-свирепым одновременно. Потом пан протянул массивную лапу вперед и похлопал Агента на Контракте по плечу.

— Х-хе... У тебя просто неплохие рекомендации, парень. Люди с Прерии говорили мне о тебе — когда тебя занесло в наши края. Хорошо говорили. Ну вот мы и решили дать тебе пустить здесь корешки. А теперь, глядишь, ты и пригодился...

Ким оцепенел — второй раз за время этого разговора.

Пан прихватил шляпу, кивнул своим людям и направился к выходу. По дороге он скомкал и небрежно швырнул в попавшуюся под ноги корзину для мусора расписку за аванс.

С минуту Ким рассматривал захлопнувшуюся за гостями дверь. Потом вздохнул и набил

на клавиатуре терминала коротенький запрос.

Просто неприлично было для профессионального (пусть и начинающего свою практику в здешних местах) детектива не знать ровным счетом ничего о том, с кем только что подписал контракт об оказании агентских услуг.

Нет, не то чтобы Ким сроду не слышал этого имени... Нет... Пару — да какую там пару! — добрую дюжину раз ему приходилось слышать это имечко — и, пожалуй, всегда в недоброжелательном контексте. Но интереса оно у него в ту пору не вызывало.

«А напрасно! — сказал себе Ким. — Агент обязан быть любопытным. Внимательным к слухам. Доброжелательным к сплетникам. И всегда задавать вопросы. А ты расслабился, Ким Яснов. Махнул рукой на жужжание аборигенов в их столь чуждом тебе улье. Вот они — плоды долгой незанятости работой по профессии!»

«ВОЛЫНА, — сообщила ему база данных криминальной полиции, — ДЖИОВАННИ ПО МАТЕРИ — ДЕЛЬ ФИОРЕ ДЕЛЬ КАППУЧИНО.

КЛИЧКА РЫЛО.

ЖЕНАТ ВТОРЫМ БРАКОМ.

ОТ ПЕРВОГО ИМЕЕТ СЫНА И ДОЧЬ, ОТ ВТОРОГО — ДВОИХ СЫНОВЕЙ.

ОБРАЗОВАНИЕ — НЕОКОНЧЕННОЕ СРЕДНЕЕ.

СОВЛАДЕЛЕЦ БЮРО УСЛУГ «ВОЛЫНА И БАРБЕР» И БАНКА «БАРБЕИ ВОЛЫНА».

В ПРОШЛОМ — УЧЕНИК ПАРИКМАХЕРА, ЗАТЕМ (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО КИЛЛЕР, ЗАТЕМ — ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КАЗИМИРА ВОЛЬНЕВСКИ (ХРЯК РУКОВОДИТЕЛЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКИ «ЗАКОННИКОВ»). ПОСЛЕ СМІ ПОСЛЕДНЕГО ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЭТУ ГРУППИРОВКУ ВОЗГЛАВИЛ.

ОТБЫВАЛ СРОК ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗА НАНЕСЕНИЕ УВЕЧИЙ СЕ ПЕРВОЙ ЖЕНЕ. ОСВОБОЖДЕН ДОСРОЧНО. ЗАТЕМ СЕМЬ РАЗ СУДИМ, СЕМЬ ОПРАВДАН».

Сообщались также основные даты жизни пана и прилагалось меню к его более обстоятельному досье.

На увлекательное путешествие по сайту, который полиция Нью-Чепеля посвятила преславному Джиованни, у Кима ушел едва ли не час. Одно только перечисление особо тяжких преступлений, в причастности к которым подозревался Волына, впечатляло. Однако определенной «специализации» в его деяниях не прослеживалось. Скачав самое интересное на свой ноутбук, Ким отправил в сеть запрос о приемном отце Орри и позволил себе отвлечься на то, чтобы отхлебнуть немного кофе из припасенного с утра термоса.

На запрос по имени Нолан Нолан (прозвища — Скрипач, Музыкант) Сеть выдала предельно скупую, но довольно выразительную информацию:

«ЖИВЕТ В НЬЮ-ЧЕПЕЛЕ С ГОДА ЗОЛОТОЙ РЫБЫ.

ОБРАЗОВАНИЕ — ВЫСШЕЕ. ИМЕЕТ ТРИ СПЕЦИАЛЬНОСТИ (ИСТОР ФИЛОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ). ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛУЧИЛ В МЕТРОПОЛ (ОКСФОРД, СОРБОННА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТ. ПОЯВЛЯЕТСЯ ПОД РАЗНЫ ПСЕВДОНИМАМИ НА САЙТАХ (ШЛО СОЛИДНОЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ДОВОЛЬНО ПОПУЛЯРНЫХ АДРЕСОВ ЗДЕШНЕГО ИНТЕРНЕТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЕТИ). НЕФОРМАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДВИЖЕНИЯ

ХРАМ ЕДИНЕНИЯ. МУЗЫКАНТ-ВИРТУОЗ (СКРИПКА).

ИСТОЧНИК ДОХОДОВ — ПУБЛИЧНЫЕ КОНЦЕРТЫ, ГОНОРАРЫ, РЕНТА.
НЕ ЖЕНАТ, НЕ СУДИМ, ИМЕЕТ ПРИЕМНОГО СЫНА, ПРОЖИВАЕТ
АДРЕСУ...»

Ну и, разумеется, — даты, даты, даты... Особого меню к более полному досье на Скрипача не прилагалось. Впрочем, можно было попутешествовать по его «родным» сайтам. С этим Ким решил подождать. Он только умозаключил, что в каком-то смысле Скрипач был полной противоположностью пану Вольте...

Агент пожал плечами.

Потом смахнул со стола остатки пепла и прочий хлам в поднятую с пола упаковку из-под фруктовой смеси и бросил к прочему мусору в корзине, после чего некоторое время корзину эту разглядывал. Подумав немного, он решил, что и впрямь Налоговому управлению нет никакого дела до того, почему щедрый клиент решил не декларировать сумму аванса агентству «Ким» в числе своих расходов, — и оставил скомканную расписку среди прочих обреченных на предание пасти утилизатора бумажек. Куда и свалил их вместе с пластиковым стаканом. А вот свой экземпляр Контракта он бережно поместил в приемник регистратора.

Потом, вспомнив что-то, поискал на столе записку от таинственного «Г. Г.», решил уточнить номер его канала связи и плюнул с досады: вместе с прочим хламом записка канула в недра утилизатора. Придя к выводу, что если «Г. Г.» это надо, то он дозвонится-таки или зайдет попозже, он выкинул досадную мелочь из головы.

Пока опломбированный Юридической комиссией механизм с легким урчанием исполнял свои обязанности, Агент на Контракте подошел к полке с расположенным на ней психоморфом добавить тому толику питательного раствора. Приблизившись к причудливому псевдорастению, он слегка растерялся.

Психоморф «поймал» новый мысленный образ. Вместо прежнего меланхолического букета блюдо с раствором украшала злобно ощерившаяся кабанья морда.

Первая часть
МУТАБОР!

Ким посмотрел на часы, на пачку баксов и энергично потер глаза. Потом направился в крошечную умывальную комнату и умылся ледяной водой. Втиснулся в нишу-кухоньку, примыкающую к офису, заварил себе крепчайший кофе без сахара и выпил его одним глотком.

Только после этого он смог спокойно вернуться за рабочий стол и взяться за дело.

Сперва он вызвал на экран дисплея ответ на сделанный после визита Орри запрос. Никакого доктора Гаррета в числе лицензированных медиков Нью-Чепеля не значилось.

Зато в самом безнадежном из ящиков письменного стола отыскалась-таки карточка с кодом личного канала связи его доброго приятеля — лейтенанта Ника Стольниково по прозвищу Тамагочи. (Народ — да частенько и сам Ким — произносил Никово прозвище, оканчивая его на «а» — Тамагоча, но Ник как-то отыскал верное написание и часто попрекал собеседников их темнотой.)

Карточка эта уцелела еще со времен самого первого расследования, выпавшего Киму в здешних краях, — смешного дела о подкинутых близнецах. Надо заметить, что код этот Ник мало кому доверял. Памятуя о том, что злоупотреблять оказанным доверием — дело скверное, Ким не тревожил Ника по этому номеру больше двух или трех раз. Теперь снова настала пора воспользоваться своей маленькой привилегией.

Голос Ника был усталым и даже — несмотря на относительно ранний час — походил на голос человека, собравшегося отойти ко сну и неожиданно потревоженного во время исполнения этого маленького обряда. Впрочем, Киму Тамагочи был искренне рад.

— Тут у меня маленький вопрос к тебе, — пояснил после обычных приветствий Агент на Контракте причину своей назойливости. — Не мог бы ты...

— Для тебя, потомок Чингисхана, я все могу. Но только не по телефону и не сейчас. У меня по расписанию прием пищи. А через час — сон. Я, знаешь ли, после ночной смены. Причем всю ночь разнимал сцепившихся придурков в Нижнем. Боюсь, что меня будут мучить кошмары...

— Я думаю, что за час я уложусь со своей проблемой, — торопливо предложил Ким. — Ты где сейчас? Я тебя до дому подброшу — по дороге и поговорим... Дело несложное.

Тут Ким мысленно помолился Дин-тан-Лину — Простому Богу Лжи: пусть если уж дело сложное, то хотя бы не слишком.

— Подбросишь, говоришь? Это неплохо...

В голосе Тамагочи послышались отзвуки счастливого озарения.

— Ведь если ты будешь за рулем, то я смогу промочить горло чем-нибудь покрепче «колы»? — предположил он.

— Вот именно, — со всей серьезностью подтвердил Ким. — Так где мне ловить тебя?

— У «Порванной струны». Ты знаешь, где это...

— Ну и занесло же тебя... — заметил Ким, шаря в ящике стола в поисках пультика от своей «пульчинеллы».

— Тут, понимаешь, какой-то обколовшийся лопух приставал к людям. Пришлось зайти. А как раз у меня по расписанию...

— Прием пищи. Понял, — констатировал Ким, со вздохом облегчения вытягивая

пультик. — Жди. Буду минут через двадцать.

Три минуты у него ушло на поиски плаща и новой записной книжки. Этот архаичный атрибут — черная записная книжка, новая для каждого нового дела, — почерпнутый им в детстве из очередного детективного романа, почему-то казался ему всегда необходимой деталью для проведения толкового расследования. Во всяком случае, без нее он был, как без рук, хотя и заглядывал в свои записи редко — ввиду их, как правило, малого отношения к делу.

На улице его встретил прохладный ветерок — ветерок то ли ранней весны, то ли начала осени — сезона, вечно царившего на просторах Большой Колонии. Ветерок теребил, норвя окончательно сорвать его дешевенький — в три цвета — постер, украшавший рекламный щит на противоположной стороне улицы.

«Объединимся в вере!» — аршинными буквами гласил плакат. И буквами помельче ненавязчиво предлагал: «Жертвуйте на Храм Единения». Призыв сопровождала трогательная картинка — фигуры человека и андроида, дружески обнявшиеся на фоне предполагаемого к сооружению храма. Поскольку человека от андроида отличить почти невозможно, художник за отсутствием реальных анатомических различий постарался таковые создать. В результате изображение «универсального социального рабочего» было украшено гориллыми, чуть не до земли руками, косяками нижними конечностями и добродушной, плоскогубой и плосконосой физиономией; изображение выглядело карикатурным и, по существу, оскорбительным. Поперек андроида шла добавленная кем-то позже и второпях надпись по трафарету: «Нечисть с улиц — вон!» Мог ли Ким раньше хотя бы подумать, что этот плакат будет представлять для него какой-то интерес. Он вздохнул и нажал на прикрепленной к брелку панельке кнопку вызова кара.

«Пульчинелла» живо откликнулась на призыв дистанционного пульта — и резво выкатилась из-за угла.

Под «дворником» лобового стекла она волокла целый букет штрафных квитанций.

* * *

Штрафы за просроченную парковку, за отсутствие стандартного радиоотзыва и за невымытый капот Ким, скрепя сердце, готов был признать справедливыми. Но штраф за нарушение «урбанистической эстетики» он счел прямым оскорблением трудолюбивого и послушного механизма. Мелковатый по размеру кар был вполне симпатичен на вид и, припаркованный у старого здания Ратуши, ничуть не портил его вида. Так, по крайней мере, считал Агент на Контракте.

Предаваясь этим горестным размышлениям, Ким чуть не проехал мимо Тамагочи, машущего руками, как крыльями ветряной мельницы. Хотя, видит бог, не заметить мужика двухметрового роста и с добрую сотню килограммов весом, облаченного к тому же в полицейский мундир, было сложно.

— Ты сегодня задумчив, чингисид... — заметил Ник, не без труда втискиваясь в свободное пространство салона «пульчи», не занятое еще самим Кимом и сумкой с теннисной ракеткой. — Что — подвернулось очередное «убийство в запертой комнате»?

Ким тронул кар с места и тяжело вздохнул. На подколки по поводу своего родства с Темурчином он не обижался. У самого Ника внешность была отмечена — как и у многих

русских — всеми признаками ордынского происхождения его далеких предков. Пожалуй, корейские предки Кима оставили даже меньший след на его физиономии.

Ким вытащил из кармана мобильник, перевел его в режим автоответчика — чтоб не мешал — и покосился на приятеля.

— Слушай, Ник, — начал он с постороннего вопроса, чтобы «размочить» разговор. — А почему тебя в городе зовут так странно — Тамагочи? Это что-то японское?

— Угу, — отозвался Ник. — Японское и древнее. По-моему, что-то самурайское. Можно гордиться.

В кармане у него запищали часы. Ник вздохнул:

— Время таблетки пить.

— Желудок? — поинтересовался Ким, покосившись на этикетку на баночке в руках собеседника.

— Профилактика... — вздохнул Тамагочи. — Работа нервная. А у меня — предрасположенность к язве. И так — зачем тебе дядя Стольников?

— Да пустяки... Тут мне уточнить пару вопросов надо — для клиента, на предмет страховки...

— Скажи мне честно, ученик Шерлока Холмса, — наклонился к нему Ник, — твой клиент не собирается подавать в суд на действия полиции?

— Нет, — уверенно ответил Ким. — Похоже, что с полицией мои клиенты дела иметь не хотят. Ни на этом, ни на том свете.

Он помолчал, глядя в глаза Стольникова, и проникновенным голосом попросил:

— Расскажи мне, Тамагоча, что там у вас в Нижнем городе вышло со Скрипачом такое, что он к врачам загремел, а его сынишка и вовсе исчез куда-то?

Ник смотрел на Кима с тем недоумением, которое возникает у человека, собравшегося выпить стаканчик виски и обнаружившего там настой шиповника.

— Так и ты — про драку эту? На Тик-Таке? Тьфу ты, глупость какая! Меня уже вконец заманили с этой притчей — и полиция, и из новостей... А теперь — и ты еще... Ну, слушай...

* * *

Рассказ Тамагочи о происшедшем был предельно прост. Да и что, в самом деле, можно было поведать интересного про то, как на закате последнего дня месяца Ленивого бога в кофейню «Три шутника» влетел — «с глазами бешеной селедки», по выражению очевидцев, — Тедди Рубинчик и заорал: «Там опять те!!! Бешеные, как эти!!!.. Это ужас, что сейчас будет!!! Ужас, вам говорят!!!»

Выкрикнув свое сообщение, Тедди, сломя голову, нырнул в служебный вход и ретировался через кухонный зал, перевернув по дороге противень с грибной поджаркой.

— Злые языки утверждают, — мрачно заметил Тамагочи, — что при этом Тедди прихватил с собой кус копченого альдебаранского ската и лагунную поварешку — историческую реликвию, которой содержатель кофейни старина Санти очень дорожил. Но это — скажу я тебе — просто ложь. Выдумки. Не таков Тедди Рубинчик, чтобы под шумок размениваться на мелочи.

Он неодобрительно вздохнул и добавил сурово:

— Совсем не таков...

Так или иначе, но, сделав свое дело — посеяв в сердцах собравшихся страх и недоумение, — Тедди стремительно покинул место предстоящего действия. Общественность же, тусовавшаяся в «Шутниках», тут же разделилась на тех, кого охватила паника — они устремились по следам Рубинчика, сея в служебных помещениях — кухне и подсобке — страх и разорение, и тех, кто отважился нестройной толпой вывалиться на улицу, чтобы своими глазами узреть происходящее.

* * *

В зале остались только двое: хозяин кофейни — невозмутимый, как папа римский, Джузеппе Санти, и столь же невозмутимый — только не такой массивный — Скрипач Нолан. Скрипач сидел в дальнем темноватом углу небольшого зала — сухой, похожий на кузнечика старик с резкими, выразительными чертами узкого худого лица. На лице этом отдельной от него жизнью жили глаза — словно из-под маски усталого мудреца выглядывал на свет божий жадный до жизни, любопытный юнец.

Джузеппе не теряя времени принялся набивать на клавиатуре терминала связи код полиции.

— Черт бы побрал этих сегрегатов! — бормотал он себе под нос, дожидаясь, пока кибердежурный соизволит ответить на вызов. — Оголтелые ребята! Так я и знал, что сегодня что-то затевается — андройды-то все с утра попрятались куда-то. Словно ветром сдуло!

Андроидов действительно не наблюдалось — ни в самой кофейне, ни окрест. Такое тотальное исчезновение этих незлобивых и услужливых созданий могло говорить опытному наблюдателю только об одном — близится крепкая потасовка между разбушевавшимися представителями вида гомо сапиенс.

Музыкант безмолвствовал, с задумчивым интересом созерцая в окно-витрину разворачивающиеся на улице события. Казалось, его пробирал холод, и это в довольно теплом и уютном малом зале «Трех шутников». Своими длинными пальцами музыканта он обхватил стоявшую перед ним огромную пиалу с иссиня-черным, по его личному рецепту заваренным настоем тридцати трех трав — по одной от каждого из Тридцати Трех Миров, как любил он шутить. Впрочем, никто толком не знал, когда Скрипач Нолан шутит, а когда возвещает святую истину.

Казалось, он ждал чего-то. Чего-то такого, что было неизмеримо значительнее происшедшего за пуленепробиваемым стеклом витрины.

А происходило там вот что: в ближний конец улицы — из-за поворота на Церберштрассе — вываливались шеренга за шеренгой сегрегаты. Нестройные ряды разношерстной и подогретой разной крепости напитками публики. С виду толпа выглядела хотя и агрессивно настроенной, но все-таки довольно безобидной оравой. Никто не выставлял на всеобщее обозрение ни нунчаков, ни городошных бит, ни велосипедных цепей. Только карманы и отвороты курток топорщились весьма недвусмысленно, да выражение лиц — общее для всех — обещало многое.

Сама по себе толпа была невелика — менее сотни человек. Орава. Орава — вот было ее настоящее имя. Слегка упорядоченная и оснащенная внешними признаками гражданского уличного шествия орава. Но каждый из этой неполной сотни горлопанов пыжился за

четверых.

Народ, топтавшийся у «Трех шутников», с растущей опаской наблюдал за движением этой плотной людской массы. По мере приближения к неназванной, но четко намеченной линии бузотеры все меньше себя сдерживали. Над головами демонстрантов колыхались неплохо исполненные, на заказ, плакаты.

Тоже с виду безобидные.

«Нечисть с улиц вон!» — гласили одни. «Гражданские права — гражданам!» — требовали другие. «Род людской — в опасности!» — предупреждали третьи.

Самый придирчивый цензор не нашел бы в этих — визированных, кстати, муниципалитетом — тексточках никакого призыва к насилию. Тем более к насилию над представителями какой-то конкретной социальной группы, населяющей богом хранимый Нью-Чепель.

В самом деле — ну разве место нечисти на улицах приличного города? Правильно — не место, раз уж она нечисть. И разве любой психически нормальный человек станет возражать против того, чтобы гражданскими правами, отвоеванными в нелегкой борьбе, пользовались именно те, кого принято называть гражданами? Тоже правильно — никто не станет. А разве мало опасностей угрожает роду людскому с самых первых мгновений появления его во Вселенной? И разве не достойны внимания те, кто на опасности эти бесстрашно указывает? И тут все верно — и опасностей людям хватает на этом свете, и к предупреждениям прозорливых мудрецов прислушиваться нужно...

Бесспорно, все это так.

Вот только даже самый бестолковый гражданин Большой Колонии прекрасно знал, кого «сеги» именуют «нечистью». Андроидов — кого же еще! И только их. И теми «негражданами», на которых слюнявые либералы и презренные мертволюбы норовили распространить священные права граждан Бэ-Ка, были конечно же они. Именно они — андройды! И уж точно — той опасностью, что нависла над обосновавшейся под, здешним солнышком частью рода людского, были, разумеется, тоже они — растреклятые андройды!

* * *

Андройды, андройды, андройды...

Всего веку их в Большой Колонии на текущий последний День месяца Ленивого бога было ровно двадцать лет. Именно тогда — два десятилетия (почти целое поколение) назад — концерн «Айзеке энимэйшн» выпустил в мир своего первого серийного «универсального социального работника» — упрощенную и предельно удешевленную модель боевого биоробота времен Империи, приспособленного выполнять функции идеального разнорабочего. Так сказать, «универсального солдата» со снятым вооружением. Как физическим, так и психологическим. Технологическое старье — по правде говоря. Но — старье перспективное.

Замысел был неплох и явно санкционирован кем-то на самых верхах Федерации — во Дворце Директората. Почему бы, в самом деле, не опробовать в тихом углу — вдалеке от излишне чувствительной к гуманитарным проблемам общественности Метрополии новый тип социального института — рабство, основанное на труде рабов, только для этого рабства и созданных? Не угнетенных, не принуждаемых к рабскому труду — нет! Наоборот — только

на рабский труд и способных, находящихся в нем свое счастье и призвание и ничего, кроме забот по своему жизнеобеспечению, не требующих взамен! Не порабощенных, не изуродованных насилем, нет — сотворенных такими изначально! И — главное — предельно понятливых и универсальных!

Ну и что с того, что предки — там, на Земле, как черт от ладана открещивались от такого пути? Они даже проекты по использованию для черной работы мутантных гуманоидов — «братьев наших меньших», вроде шимпанзе — вынесли за пределы Метрополии и засекретили. И вполне удовлетворяются широким применением специализированных автоматов. Один кибер знает, как ставить клизму больному, другой — куда ее ставить. Вот и чудненько.

Громоздко, конечно, зато допускает массу комбинаций. И главное — никакого намека на насилие ни над личностью, ни над «квазиличностью». Никаких морально-философских проблем.

Но Большой Колонии земные традиции — не указ.

Конечно, никто здесь не говорил о рабстве и рабах. Просто речь шла о «назревшей необходимости заменить в сфере услуг малоэффективные специализированные сервисные автоматы универсальным, коллективно самоорганизующимся и социально ориентированным устройством по обслуживанию запросов лиц, коллективов и нужд муниципальных служб». Так предпочитали выражаться авторы проекта. Проект успешно прошел правовую и прочие экспертизы Сети Управления и был запущен в дело.

Мало того — он сработал.

В течение пяти первых лет своего существования в Большой Колонии армия андроидов числом сначала в восемь, а затем почти в двадцать миллионов заполнила все вакансии на «черных» работах здешнего Мира — от золотарей до пожарных. Только вот функции полицейских им решено было не доверять — согласно закону робототехники о невозможности причинения роботом вреда человеку своим действием или бездействием, по «великому Айзеку».

Соответственно все двести миллионов людского населения Бэ-Ка тут же воспряли духом и пополнили ряды держателей (и клиентов) игорных домов, притонов, кофеен, пиццерий, ремонтных мастерских и питейных заведений. Прогресс в этой области потрясал приезжих. Пополнились также ряды высококвалифицированных специалистов — Бэ-Ка стала завоевывать себе место на рынках высоких технологий. Правда, тут как раз уровень достижений пока что сильно отличался от ожидаемого — не в лучшую сторону.

Плоховато дело обстояло и со всякого рода полезными паразитами общества, вроде веб-дизайнеров, поэтов, композиторов, сценаристов и гениев компьютерной графики. Нежданно приключившееся материальное благополучие пока что слабо способствовало расцвету культурной жизни. Это требовало тихого и сытого загнивания общества на протяжении жизни нескольких поколений в преддверии какого-нибудь очередного потрясения. За отсутствием этих условий культуре Большой Колонии приходилось пробавляться всяким завозным ширпотребом — всеми активно презираемым и жадно потребляемым не отходя от кассы.

Одни только здешние хакеры расцвели безмерно. Начали поговаривать о том, что они стали пятой властью в Бэ-Ка.

Наибольший же прогресс демонстрировали две социальные группы людского населения этого Мира — бюрократия и безработные. И та и другая умножили свои ряды на два-три

порядка. Злые языки утверждали, что теперь экономика Колонии работает только на две статьи — премиальные для чиновных бонз и «вэлфер» для бездельников во втором поколении.

Что до разумных аборигенов Планеты Чуева — звеннов и тахо, то они остались, как всегда, безразличны к чудачествам землян. Первые еще больше уединились в своих священных лесах и подземных лазах и стали совсем уж редко попадаться людям на глаза. А вторые — следуя свойственной им непонятной логике — развили учение о Пришествии андроидов как начале эры новых святых, угнетаемых их создателями и мучителями, под которыми молчаливо подразумевались Неназываемые — то бишь люди. Никаких выводов из этого учения не следовало, кроме и без того всем известной необходимости уединяться на Болотах и там молитвами и постом крепить себя в вере назло тем самым Неназываемым.

Последним, впрочем, было глубоко наплевать и на тех и на других — у них было достаточно собственных причин для головной боли. Начало второго десятилетия эры андроидов уже со всей очевидностью напоминало кошмар. Тот самый кошмар, что предсказывали здравомыслящие противники Проекта.

Ведь о том, что «универсальный сервисный робот», в конечном счете, должен обладать способностями человека, знали все. А заодно — и это тоже было очевидно — придется наделить его и всеми человеческими потребностями, в том числе потребностями в человеческих правах и свободах. Обо всем этом не говорил и не писал только ленивый, начиная еще с того самого древнего чеха, что придумал слово «робот». И о том, что создание такого «универсального раба» выйдет боком, тоже немало говорили. О том, что это нововведение обернется новым одичанием, возвратом к рабовладельческой морали и ее перенесением на своего брата — гомо сапиенс, — предупреждали даже не провидцы, а просто достаточно здравомыслящие люди.

И наконец, андроиды стали отдушиной для всех негрофобов, антисемитов и прочих свихнувшихся на идеях расовой исключительности психов. До той поры полиция при мощной информационной поддержке Сети Управления успешно сводила на нет все акты взаимной агрессии среди людей. Но андроиды людьми признаны не были и, следовательно, были куда менее защищены от вспышек насилия. Кроме того, поскольку Большая Колония с первых дней ее освоения была прибежищем людей, далеких от ортодоксии, расистам на ней делать было просто нечего. До появления андроидов. Сначала начали бить их. Потом — их защитников. Потом терпение Сети начало истощаться.

Как всегда, Сеть начала с актов информационных.

Возникло мощное общественное движение «Откажемся от рабства», объединившее как сторонников немедленного уравнивания андроидов в гражданских правах с людьми, так и сторонников их немедленного и повсеместного истребления в целях ликвидации источника смуты.

Совещательная комиссия стала — один за другим — выдвигать на экспертизу Сети проекты сокращения сфер использования андроидов и уменьшения их числа — не травмирующими общественность методами.

А затем разразились скандалы. Скандал с разоблачением торговли людьми, выдаваемыми за андроидов. Скандал с использованием андроидов в сделках с наркотиками и — как это было сформулировано в здешней довольно-таки пуританской прессе — в «аморальных целях эротического плана». Скандал с избранием муниципальным головой — в прямом соответствии с Законами Великого Айзека — замаскированного андроида. И стало

ясно, что эксперимент Колонии благополучно испустил дух и требует тихого, не привлекающего внимания захоронения, пока сведения о его бесславном конце не стали достоянием всей Федерации.

Тут-то Большая Сеть тоже кое-что испустила, а именно — исторгла из недр своих «Постановление о прекращении эксплуатации универсальной сервисной автоматики». Производство андроидов было полностью прекращено, на ремонтные работы в отношении них наложены строжайшие ограничения, равносильные запрету, а коммерческое использование биороботов в пределах юрисдикции Большой Колонии безоговорочно запрещено под угрозой самых суровых кар. Сюда автоматически относились применение всех видов денежных расчетов между андроидами и между андроидами и людьми, а значит, и полная невозможность расплатиться с «универсальным рабочим» за услуги, даже предложенные им человеку вполне добровольно. Предполагалось, что поставленные в такие условия андроиды долго не протянут и быстренько сойдут на нет — в порядке естественного убывания.

Поскольку андроиды не считались людьми, моральная компонента при оценке «Постановления» не применялась, и оно не могло быть признано злым делом, так же, впрочем, как и добрым.

Кроме того, на андроидов принципиально не распространялось действие Конституции и всех видов законодательства Большой Колонии, кроме разве что закона о соблюдении мер гуманности при отправлении законов Федерации да еще закона об охране животных.

Мотивировка при этом была безупречна — андроиды не способны признать существование души, а следовательно, ее лишены. Чем и отличаются — принципиально — от людей и к таковым причислены быть не могут. Присутствовал и «аргумент от биологии» — с людьми андроиды, безусловно, не скрещивались.

* * *

Общественность Большой Колонии единодушно усмотрела в «Постановлении» яркое свидетельство того, что идиотские решения принимать могут не только сами люди, но и созданные ими компьютерные системы.

Но для Сети общественность не указ. Вот Сеть для общественности — еще как! Поэтому наученная горьким опытом общественность единодушно сделала вид, что безропотно подчиняется указаниям скопища интегральных схем и переплетения волоконных кабелей.

После чего начался цирк.

Андроиды, будучи внутренне устроены по образу и подобию своих создателей, точно так же, как и те, безропотно умирать от голода, холода и отсутствия медицинской помощи вовсе не собирались. А люди — со своей стороны — не торопились вернуться к пультам мусороуборочных агрегатов, унылой возне с переборкой отслуживших свое движков и уборке больничных палат за неспособными себя обслужить инвалидами. Еще меньше желающих было работать на объектах повышенного риска — космических и глубоководных установках, в цехах вредных производств.

Компромисс нашли быстро.

Андроиды — этикие доброхоты — стали дарить свой труд людям Большой Колонии бесплатно. А те — точно так же, по доброте душевной — соглашались кормить и поить

общину ставших социально ущербными бывших «универсальных социальных рабочих». Быстренько и без особых хлопот возникла и подпольная медицина для андроидов — либо откровенно противозаконная, либо в клиниках на территориях, не подпадающих под юрисдикцию Бэ-Ка. На «чужих» орбитальных станциях, при вечно нуждающихся в деньгах посольствах бедноватых Миров... Короче говоря, система использования андроидов, раз возникнув, не пожелала спокойно умирать. Она только стала в тысячу раз более сложной и лицемерной. Всяческих злоупотреблений — по сравнению с которыми те, что послужили основанием для принятия «Постановления», были просто «цветочками» — стало просто не счесть. Рабство и работоторговля, ранее узаконенные, а ныне ставшие незаконными оказались в десятки раз более жестокими и беспощадными к своим жертвам.

Города Большой Колонии переполнились толпами благорасположенных к людям — о, этот Первый Закон робототехники! — слегка неуклюжих миляг, готовых за кусок пиццы или чашку горячего супа вывернуться перед своим благодетелем наизнанку. Естественно, среди благодетелей нашлись такие, которые находили весьма оригинальное применение подобному напору добровольно предлагаемых услуг — в обход достаточно формальных Законов Айзека. А затем появились и андроиды со снятыми Законами. Такие, что вполне могли обслуживать трафик наркотиков или быть киллерами. А что тут удивительного? Все, что настроено, легко сбить с настройки. Гораздо легче, чем настроить вновь.

Крайне неприятной неожиданностью оказалось то, что никакой тенденции к снижению числа андроидов специалисты не обнаруживали. Скорее наоборот — последние лет пять поговаривали, что от андроидов скоро житья не станет и что состав их вроде как даже помолодел. Причины видели то ли в существовании мощной подпольной индустрии производства андроидов, то ли в том, что клятые твари наши-таки способ размножаться самостоятельно. Сперва такое предположение подняли на смех — самовоспроизведение андроидов не было предусмотрено ни их конструкцией, ни интересами производителя — кому нужен товар, который, будучи продан, затем начнет изготавливать себя сам? Но смеяться поторопились. Привлеченные к ответу специалисты «Айзеке энимэйшн» с большим скрипом раскололись и выдали засекреченную руководством концерна информацию. На крайний случай — при остановке основного производства (из-за аварии, нехватки средств, бойкота и т. д.) — способность к размножению все-таки была заложена в андроидов. Правда, ее чрезвычайно остроумно и как полагали разработчики — надежно заблокировали. Но кто не знает, что замки не от воров сделаны...

Как именно обстояло дело — не знал никто. И, похоже, не хотел знать. Ни Сеть, ни муниципальные власти Большой Колонии не торопились предпринимать расследование феномена неистребимости «универсальных рабочих».

А самым неприятным было то, что начала размываться, становиться все более зыбкой сословная грань между как бы рабами и как бы свободными людьми. Дошло до того, что человек со стороны уже не всегда был уверен, имеет ли он дело со смахивающим на андроида «бомжом», или с бомжеватым андроидом.

Весь этот процесс специалисты из Федеральной социологической службы окрестили мудреным именем «социальная эутрофикация» — «заболачивание общества». Защитив на материалах, собранных в Большой Колонии, не одну дюжину диссертаций по этой теме, они могли чувствовать себя вполне удовлетворенными. Чего никак нельзя было сказать, например, о жителях Нью-Чепеля. Как и обо всех обитателях Большой Колонии, впрочем.

Общество раскололось на «интеграторов» — сторонников немедленного или поэтапного

признания андроидов равной в правах с людьми частью населения Большой Колонии, а также постепенной интеграции с ними — со всеми вытекающими отсюда последствиями. И «сегрегатов» — весьма истерически настроенную и разношерстную партию, требующую полной изоляции андроидов, их изгнания, а вообще говоря — поголовного их уничтожения.

Людям деловым да и огромному числу лиц, склонных ловить рыбку в мутной воде, не нравилась ни та ни другая крайность, и это отражалось в опросах общественного мнения, на которые — в данном вопросе — ориентировалась Сеть Управления. Соответственно Сеть и не спешила с принятием мер.

Общество Большой Колонии отнеслось безразлично и к истерическому визгу сегрегатов, и к витиеватому бормотанию либеральствующих демократов-интегратов. От всего этого быстро устали. Гораздо внимательнее прислушивались люди к тихому, проникновенному голосу старика Нолана. Голос этот ненавязчиво отвечал на те вопросы, которые мог задавать ему любой.

Собственно, Скрипач Нолан не мог называться проповедником. Он никого ничему не учил. Он только отвечал на вопросы. Да иногда еще играл на скрипке. Он давно уже жил так — ходил по кофейням, играл на скрипке и отвечал на вопросы. Много-много лет подряд. И вот из ответов на эти вопросы — ответов, которые чьи-то заботливые руки старательно записывали, снабжая, как это принято в евангелической практике, комментариями, сложилось Учение.

Учение о Храме Единения, о слиянии душ всех, наделенных разумом, и с противостоянии духу вражды и ненависти, увлекшему за собой довольно много влиятельнейших лиц Колонии. Проповедь этого учения не сделала Скрипача Нолана ни пророком, ни богачом, ни политиком.

Политические и религиозные бури проносились над Нижним городом, а старый Нолан все сидел по кофейням, играл на скрипке и отвечал на вопросы — тем, кто его спрашивал. И посматривал по сторонам.

Вот и сейчас он внимательно наблюдал за тем, куда катит волна событий — там, за окном витрины. И, кажется, приготовился вмешаться.

* * *

А события разворачивались стремительно.

Стена надвигающихся «сегов» — уже от самой Цербер-штрассе — сперва вполголоса, затем все громче и громче начала скандировать:

«Нечисть — вон! Нечисть — вон!! Вон!! Вон!!!»

Это уже было угрозой.

Но и противостояла этой накатывавшей волне уже не просто кучка растерянных ротозеев. Так могло быть еще два года назад, от силы год. Теперь же жители Нижнего города были народом ученым. Сценарий предстоящего действия был уже ими расписан «от и до».

Те законопослушные граждане, кто публичные беспорядки не одобрял, заблаговременно растворились в пространстве. Лишь самые смелые из них заняли наблюдательные посты за окнами дежурной аптеки на углу. Остальные заведения, расположенные на одной с «Тремя шутниками» коротенькой Тик-Так-стрит, поспешили закрыться на непредвиденный перерыв. Впрочем, за приспущенными жалюзи хорошо просматривались прижатые к

небьющемуся стеклу носы их любопытных владельцев и не успевших обратиться восвояси посетителей.

Оставшиеся же неукротимые интеграторы поспешно укрепили свои ряды сбегающимися отовсюду сторонниками и пустили по рукам годный для предстоящего сражения инвентарь. В ход шло все — от излюбленных народом бит, бейсбольных и городошных, до палок сервелата твердого копчения, не уступающих своими боевыми качествами полицейской дубинке, и весьма схожих с ними товаров из ближайшего секс-шопа.

Главное, чтобы соответствующий предмет никак не проходил в грядущем полицейском протоколе в графе «оружие». Это должен был быть предмет сугубо мирного назначения, «случайно оказавшийся в руках» или подобранный (в целях самозащиты, разумеется) на месте действия.

К тому моменту, когда между уже сравнивающимися в числе рядами интеграторов и сегрегаторов оставалось метров двадцать, гражданские лозунги, скандируемые последними, сменились нестройными, но свирепыми залпами ругательств. Атакуемая сторона не осталась в долгу и вдобавок к вербальным действиям поколебавшись немного, двинула свои ряды навстречу врагу.

Сойдясь прямо перед витриной соседнего с «Шутниками» «Интим-шопа», оба воинства застыли в ожидании.

Соблюдая многовековые традиции такого рода представлений, в сужившийся до трех-четырёх метров разрыв между готовыми к сражению армиями вышли для нанесения завершающих взаимных оскорблений мастера этого неподражаемого искусства.

Со стороны интеграторов выступил массивный и невозмутимый, словно голем, Абрам Гринштейн, известный в Нижнем городе как виртуоз слова и мастер рукопашного боя. Сегрегатор же собрался достойно представить малорослый и юркий — смахивающий на сорвавшегося с вертела и потому слегка недожаренного, но уже хорошо прокопченного петушка — Жозе Челидзе. Последний в рекомендациях не нуждался.

Как и положено, из стоящей поодаль толпы любопытствующих раздался истошный крик:

«Не дайте!.. Не дайте этим кучерявым сцепиться!! Это ж будет ужас что!!! Море крови будет!!! Море крови, вам говорят!»

Ответом на этот вопль было лишь звенящее ожиданием молчание.

Штатные оскорбители безмолвно сверлили друг друга ненавидящими взорами.

А вот дальше сценарий слегка поломался.

То ли Джонни-Мухолову (известному среди сегрегаторов любителю кулачных разборок) пауза показалась затянувшейся, то ли он решил, что пора и себя показать, то ли просто от острой нехватки виски в организме шарики у Джонни заехали за ролики. Выйдя из рядов сегрегаторов, он вразвалочку приблизился к застывшим в позе взаимного презрения парламентарам и, не говоря худого слова, огрел Гринштейна городошной битой по темени.

Бита разлетелась в щепки.

Глаза Гринштейна вылезли из орбит, и их свирепый взгляд уперся точно в переносицу Джонни.

Последовала непереводаемая игра слов и крутой замах пудового Абрамова кулачища.

Внутри кофейни старины Санти Скрипач Нолан, видно, решил, что пора и ему вовремя сказанным словом разрядить сгустившиеся страсти. Скрипач поднялся из-за стола.

И тут на плечо его легла крепкая, затянутая в кожаную перчатку рука.

Впоследствии Джузеппе Санти так и не смог объяснить представителю закона Нику Стольникову, когда и откуда в тесноватом малом зале его заведения возникли эти двое.

— Пойми, Тамагоча, — втолковывал он ему. — На затылке у меня глаз нет. Я на улицу смотрел, а не на задний проход...

Санти имел в виду, конечно, проход служебный — с кухни. В общем, он действительно был слишком занят происходившим на улице. Так или иначе, но они — эти двое — уже были в кофейне, когда «снаружи началось».

Они были похожи, как близнецы, — два смуглых, крепко сбитых типа, одетых, словно на похороны. Оба были в черных кожаных перчатках, а физиономии — презрительные и скучающие.

— Эти свиньи, — сетовал старина Джузеппе, — даже шляпы не сняли в помещении.

Шляп типы, действительно, не сняли. Они просто сразу приступили к делу. Один стал справа от Скрипача, другой — слева. Этот последний и ухватил Нолана за плечо.

— Папаша, — глухим, угрожающим голосом спросил он, — мальчишка где?

Он собрался усадить Скрипача обратно за стол — просто нажатием руки. Но это у него не получилось.

Нолан с молчаливым презрением посмотрел на эту руку и аккуратным движением двух пальцев сбросил ее с плеча. После этого вытер пальцы салфеткой, повернулся к типу спиной и вознамерился покинуть помещение.

Путь ему преградил второй тип. А первый снова ухватил за плечо левой рукой. В правой у него появился нож. Довольно неприятный, явно не кухонный инструмент.

— Не дури, папаша, — предупредил тип и попробовал развернуть старика к себе лицом.

И в этом он тоже не преуспел — пришлось ему, слегка семеня, сделать вокруг Скрипача полукруг, чтобы стать прямо перед ним. Из рукава второго типа прямо ему в ладонь выпал короткий стилет с рукоятью-кастетом.

Вид холодного оружия порядком напряг старину Джузеппе, отвлекши его наконец от потасовки за окном.

— Эй, ребята! — окликнул он типов. — Вы чего тут надумали?

Тип со стилетом не торопясь обернулся на его слова и все так же не спеша, продевая на ходу пальцы в проемы кастета, подошел к стойке.

— Да вот, нам позвонить надо, папаша. Кое-куда. Телефончик есть?

Джузеппе, ощущая под ложечкой отчетливый холодок, кивнул на лежавший на стойке блок связи. Тип взял аппаратик, критически осмотрел его, взвесил на ладони и аккуратно приложил им в висок старому Санти. А потом еще пару раз по темени. Старик, надо сказать, был крепок — он и не подумал отрубаться, а лишь имитировал обморок, весьма натурально грохнувшись под стойку.

— А вот блочок хлипким оказался, — сетовал он потом Тамагочи, задумчиво рассматривая разъехавшийся по швам корпус изделия здешнего филиала «Белл лабораториз». — Для хорошей драки ни к черту не пригоден...

Дальнейшие события он воспринимал только на слух.

— Я говорю — не дури, дед! — продолжал пугать Скрипача тип с ножиком. — Говори, где мальчишка? Он ведь к тебе пошел — с денежкой от Волыны? Так куда ты его отправил?

— Никаких денег ни от какого Вольны Орри мне не приносил, — спокойно отвечал Нолан. — Его нет с утра. С утра дети ходят в коллеж — вы это знаете?

— Хрена с маслом заманишь твоего Орри в коллеж! — прервал его тип. — Прячешь ты его. С утра прячешь. С ночи, точнее... С той самой поры, когда с Болот весть про Предсказание пришла...

— Так вы знаете про Предсказание?

Голос Нолана чуть изменился.

— Вроде как дрогнул он у него — голос-то, — объяснял потом Джузеппе.

— Тогда, — продолжил Скрипач, — вы понимаете сами, что я не скажу вам, где находится мальчик. Ни при каких обстоятельствах...

— Не скажешь? — зло осведомился тип. — Ни при каких, говоришь, обстоятельствах? А при таких вот?! А при вот таких?!!

— Не знаю, что он там ему делал, — рассказывал Джузеппе, — но Скрипач застонал вроде... А ведь кремень старик... А тут как раз на улице разгон начался. Полиция подросла.

— Скорее! — распорядился тип со стилетом. — Не хочет признаваться, куда шкета дел, — и не надо! Малек сам притащится — к папочке на похороны.

— А и верно, — согласился первый тип. — Замочим урода, и дело с концом! Парнишка сам придет. Не сможет не прийти...

Тут уж Джузеппе не выдержал — понял, что отсидеться у него не получится. Надо заступаться за старого друга.

— Я, понимаешь, не привык терять клиентуру таким вот образом... — пояснил он Нику.

Устыдившись своей трусости, старый Санти взялся за имевшийся у него на всякий пожарный случай инструмент — заряженный картечью дедов двуствольный дробовик, надежно упрятанный под стойкой. Конечно, «Три шутника» — не подпольное казино, но и Нижний город, в котором кофейня расположена, — не детская площадка. Так что по паре стволов с выправленной на них лицензией сыскалось бы здесь даже в лавке, торгующей детскими подгузниками.

Не рискуя подставляться, Джузеппе лишь поднял над стойкой оба ствола своей пушки и грозно рявкнул:

— А ну бросай оружие, ребята!

Ребята уставились на стволы, как бараны на новые ворота.

Потом тот, что был вооружен стилетом, лениво бросил через плечо напарнику:

— Кончай старого дурня. Поскорее! Копы на горизонте!

А сам, не торопясь, двинулся прямо на пушку Джузеппе, поигрывая стилетом.

— Ты соображаешь, что прешь на людей пана Вольны? — осведомился он у скрытого стойкой Джузеппе,

— Соображаю! — зло отозвался тот.

Дальше произошло сразу много всякого-разного.

Тип с ножиком сунул этот нож Нолану под ребра. Раз, другой... И замахнулся для третьего удара.

Но ударить не успел.

От кухонной двери ядром клочковатой шерсти и ненависти метнулся средних размеров, но жуткого вида пес.

— Брендик во гневе кого хочешь со страху укакать заставит, — сообщил Тамагочи Киму. — Брендик, это у Орри собака такая, непонятная...

Ким не стал извещать Ника, что уже знаком с Бренди.

Упомянутого эффекта псина, судя по всему, добилась. Тип с ножом едва успел прикрыть лицо и горло. И был сбит с ног намертво вцепившимся в его руку защитником Скрипача.

А вслед за псом в кофейню влетел запыхавшийся Орри. И замер в растерянности посреди зала.

Растеряться было отчего.

Именно в этот момент решимость Джузеппе постоять за друга пересилила его природный ужас перед насилием и заставила нажать сразу на оба спусковых крючка своего древнего орудия убийства. Орудие сработало.

Один заряд попал по назначению — в плечо типа со стилетом. И раскрутил его волчком. Стиллет отлетел в сторону, а сам тип, проделав не по своей воле удивительнейшее балетное па, грохнулся на четвереньки и так — на всех четырех — ринулся вон черным ходом через кухню, на задворки Раббиш-плаза.

— В суперкевларе гад был, — объяснял потом людям Джузеппе. — Эх, дал я маху. В рожу ему надо было целить...

Вообще-то Джузеппе не целил никуда конкретно — он давил на спуск, плотно зажмурив оба глаза. Второй заряд чудом не снес Нолану голову и пришелся аккурат в украшавшую стену кофейни репродукцию «Шоколадницы» Лиотара, превратив ее в «Гернику» Пикассо.

Бандит, атакованный Брендиком, оставил псу рукав своего похоронного сюртука и молча ломанул в дверь, ведущую на улицу, крепко боднув входящего в эту дверь лейтенанта Стольниковца.

* * *

Тот со своими людьми как раз прибыл для ликвидации беспорядков и, бросив усиленный наряд на разгон взбесившихся придурков, решил проверить, не пострадало ли подконтрольное ему заведение Санти. Удар дурной бандитской башкой в живот был для него полной неожиданностью. Как был при полной боевой выкладке, так и сел он в дверях, преградив путь кинувшемуся за своим врагом псу. Враг же тем временем был таков.

— Что тут у тебя творится, Джузеппе?! — растерянно спросил Тамагочи, созерцая заполнившие кофейню клубы порохового дыма. — Эти уроды докатились до огнестрела?! Что с тобой, Нолан?

Скрипач, казалось, не обратил на происходящее ни малейшего внимания. Его левая рука была крепко прижата к животу — чуть ниже ребер. И сквозь пальцы пульсирующими толчками текла кровь.

— Беги! — сказал он.

Слова давались ему с трудом. Поэтому говорил он коротко и глухо.

— Беги, Орри! Это приказ — понял?

— Папа... — растерянно спросил Орри. Первый раз старый Джузеппе слышал, чтобы Орри назвал Нолана папой. Нолана его приемьш всегда называл Ноланом.

— Они тебя?.. — непонимающе произнес мальчишка. — Я принес...

— Беги! — снова выдавил из себя Нолан. — Я сказал — беги! Триз тебе скажет куда...

И инструмент. Ты знаешь где... Унеси инструмент... Беги.

Он покачнулся.

Орри панически стрельнул глазами вправо, влево. Он явно разрывался между желанием хоть как-то помочь Нолану и необходимостью подчиниться полученному приказу.

— Ну?! — прикрикнул на него Скрипач.

Ему с большим трудом удавалось повышать голос.

— Беги! Мне помогут! Ты же видишь — полиция здесь. И Джузеппе. И на ногах я сам стою...

Похоже, эти аргументы наконец подействовали. Орри, ухватив за поводок свирепо рычащего Брендика, в мгновение ока — только один раз напоследок оглянувшись на Нолана — исчез с места действия через разгромленную кухню и кладовку. Ник и пальцем не пошевелил, чтобы задержать малька.

Скрипач слабо улыбнулся — то ли Тамагочи, то ли чему-то своему, — сторбился и плашмя рухнул на пол поперек всего малого зала кофейни Джузеппе.

Вот, собственно, и все, что мог рассказать Ник Киму.

Ничего интересного.

— Одно — ножевое, двойное... И еще два перелома — вот и весь итог междусобойчика, — закончил рассказ Тамагочи. — Как только полиция прибыла, всех бузотеров как ветром сдуло. Они у меня ученые...

— Ножевое, это Нолан? — поинтересовался Ким.

— Он самый...

— А ты уверен, что это можно отнести за счет уличных беспорядков?

— По времени — как раз. А так... Сдается мне, что и беспорядки эти были устроены, чтобы под шумок Скрипача пришить... Затея пана Волыны и его людишек. Кстати, мой тебе совет. Этого дерьма не трожь. Зажми нос и не наступай. Они просто уголовники. Не сами по себе. У них крыша еще та... Можно черт-те на что нарваться. Вот так, потомок Чингисхана...

Ким почесал в затылке. Ставить Тамагочи в известность о том, что нанят этим самым дерьмом за неплохие бабки, он не торопился.

— Куда Скрипача определили? В какую больницу?

— Его Гаррет к себе увез.

Агент на Контракте с интересом взглянул на собеседника.

— Гаррет? Он врач? В смысле — доктор?

— В смысле — доктор. Юриспруденции. Интертрепи... Тьфу — интерпретирует постановления Сети. Богатый тип. И очень симпатизирует этой затее с Храмом Единения. Так что у него Скрипач как у Христа за пазухой.

Ким помолчал.

— А там не было еще чего-нибудь... Ну, чего-то необычного:

— Было всякое, чего в протокол заносить не стали... Ну, уйма синяков и ссадин. Одному чудаку задницу порвали.

— Это чем же его так? — поинтересовался Ким.

— Фаллоимитатором. Да-да. Они попутно «Интим-шоп» распетушить успели. Вот и... В общем, пострадавший попросил в протокол такое не заносить. Сам, сказал, разберется.

— Ясно, — констатировал Ким. — В общем, ничего необычного.

— Ничего, — пожал плечами Тамагочи. В кармане у него снова запели часы.

— Снова пилюли? — сочувственно спросил Ким.

— Да нет... — устало махнул рукой Ник. — Прогулка. Я, перед тем как лечь, должен четверть часа по воздуху гулять. Останови свою таратайку. Пройдемся через парк.

— С твоим режимом не соскучишься, — признал Ким, выбираясь из кара. — Кто тебе прописал такое?

— Журналы читаю, — пояснил Тамагочи. — Слушаю по Ти-Ви беседы со специалистами. И делаю выводы...

— Тогда понятно, — с некоторым разочарованием согласился Ким.

Он надавил на клавишу пульта, и осиротевшая «Пульчинелла», покорно хрюкнув мотором, покатила самостоятельно разыскивать себе место для парковки. Ким и Ник затопали под горку по прихотливо извивающимся тропинкам Парка Шести Патриархов. Парк этот был куском девственного леса, сохраненного причудами градостроителей прямо посреди бестолкового и шумного Нью-Чепеля, и путь через него был поистине тернистым.

Некоторое время они продирались через заросли, не отвлекаясь на пустые разговоры.

— Послушай, — наконец нарушил заполненное дружным сопением молчание Ким. — А что собой представляет этот пацан, из-за которого — по словам Санти — весь сыр-бор разгорелся? Зачем он сдался этим бандитам и куда, вообще говоря, делся?

Стольников остановился, тяжело отдуваясь и прикидывая, какое расстояние еще предстояло преодолеть обоим любителям пеших прогулок. Оно было достаточно велико. Прежде чем выйти в район уютных коттеджей, в рассрочку купленных народом среднего достатка, вроде Тамагочи, им придется основательно попотеть.

— Зачем тебе это? — с досадой спросил Ник, не глядя в глаза Киму. — Тебя что — храмовики наняли спасать свои деньжонки? Не стоящее дело... Если пацан денежки эти действительно свистнул, то теперь их у него уже реквизирует кто-нибудь из здешних лихих людишек. В таком случае жалко малька. За такую сумму могли и пришить вместе с барбосом его... Но скорее всего, — продолжил он, возобновляя спуск по крутой и взятой в плотное окружение колючим кустарником тропке, — денежки уплыли к погромщикам...

— Пардон, — смутился Ким. — Каким образом погромщики могли забрать деньги у Нолана, если...

— Ты про каких погромщиков говоришь? — раздраженно повернулся к нему Тамагочи. — Я тебе не про тех, что на Тик-Так повеселились... Я про тех, что тем временем Ноланову нору грабанули...

Ким снова смутился и, разведя руками, чуть не сверзился в пересекавший их дорогу ручей.

— Ты мне про это ничего не говорил...

— А ты не спрашивал, господин басурман. Тебя интересовал мордобой на Тик-Так-стрит. Я рассказал все как на духу. Теперь, оказывается, тебя интересуют пропавшие взносы на Храм Единения...

— Не прикидывайся шлангом, Ник! Эти вещи взаимосвязаны... Это же очевидно.

— Отнюдь! — Стольников скроил непроницаемую мину. — Хозяин дома вызвал полицию разобраться в дебоше, который учинили трое неизвестных в квартире, снимаемой уважаемым Ноланом, как раз в то время, когда еще двое бандитов пытались спровадить скрипача на тот свет в кофейне Санти. Мы явились, как только смогли, и констатировали акт вандализма. По квартире словно прошелся твой дальний родственничек — Мамай... Незваные гости просто перевернули все вверх дном. И дураку ясно, что искали что-то. Но,

похоже, ничего особенного не унесли. Если там было что уносить... Что взять со старого холостяка?

Тамагочи утер пот с физиономии. Ким кашлянул, чтобы сдвинуть разговор с мертвой точки.

— Каждая собака в Нижнем городе знает, — продолжал Ник, — что есть только две вещи, ради которых на старика могут покушаться. Его скрипка и казна Храма. Точнее, взносы на его строительство. Но Скрипач не идиот, чтобы хранить такие вещи у себя дома под подушкой. Или даже в сейфе. Тем более что там и сейфа-то никакого нет. Никто не подал заявления в полицию о пропаже казны и тем более скрипки. Но все уверены, что казны больше не увидят. Почему — не объясняет никто. Так что... не все так очевидно, как тебе кажется, Агент. Ведь ты уже снова Агент, правда? Кто-то нанял тебя?

Ким нахмурился.

— Ладно-ладно... — дал задний ход Тамагочи. — Понимаю — профессиональная тайна и все такое...

— Бог с ними, с деньгами и скрипками...

Ким принялся растирать колено, которым неудачно въехал в угол отменно твердого валуна.

— Меня сейчас больше всего интересует сам мальчишка. Почему — не стану распространяться. Сам сказал — «профессиональная тайна и все такое»...

— Знаешь, Агент, — развел руками Тамагочи. — Каждый мальчишка — это целая Вселенная! И с какого боку тебя интересует та Вселенная, которую зовут Орри Нолан?

— Ну, для начала я хотел бы знать, откуда он взялся. Ведь, в конце концов даже если Скрипач — его настоящий отец — чего только на свете не бывает, — то кто его мать?

Тамагочи уныло хрюкнул.

— Ким, ни о каком настоящем отцовстве не может быть и речи! Просто старый колдун в одну ненастную ночь — год назад — принес мальчишку из лесу, худого, как палка, насмерть простуженного, грязного, как тысяча чертенят, и завернутого в какой-то лоскут с рунами и росписью времен Предтеч. Впрочем, насчет рун и росписи скорее всего врут. Но во что-то этот зверек завернут, конечно, был.

— Скрипач не объяснил полиции, где нашел ребенка?

— Может, и объяснил. Но объяснение это до нас, простых смертных, не довели. Скрипач, конечно, великий затворник и, молчальник, но у него порой прорезаются совершенно неожиданные связи в верхах. Он поболтал часок-другой с полицмейстером Нью-Чепеля, при закрытых дверях нанес визит муниципальному голове, и — раз-два — ему выправили разрешение на усыновление малька и другое разрешение — до малька совершеннолетия не начинать в отношении него официального расследования на предмет установления прав наследства и степени вины его истинных родителей. В оставлении без присмотра и так далее...

— Интересно... — задумчиво промышчал Ким, карабкаясь (теперь уже наконец вверх) по тропинке, в конце которой замаячили долгожданные силуэты городских зданий. И вдруг высказал дикую догадку:

— А он, часом, не андроид, этот Орри?

Тамагочи уставился на него, как на дурня.

— Андроиды, дорогой, детьми не бывают. Кроме того, его бы сразу засекли, по первому же анализу крови...

— Извини, — вздохнул Ким. — Спорол-с... А вот с усыновлением — тут интересно...

— Очень, — согласился с ним Тамагочи. — Но, как говорится, не нашего ума дело. Что до мальчонки, то, похоже, травмирован он был сильно. Говорят, первое время ни читать, ни писать не умел. Говорил и то еле-еле... Но старик его выходил. Вам видеть малька приходилось? Вы с ним похожи, кстати.

— Мельком... — уклончиво определил характер утреннего знакомства со своим юным нанимателем Ким.

— Ну, тогда знаешь, — беспечно продолжил Тамагочи, — парнишка теперь для своего возраста в общем-то в форме. Хотя и тощий, как щепка. Разумеется, старый хвостун распустил слухи о том, что самолично — за год всего — от нуля выучил малька читать-писать и говорить. Но это брешут. Разумеется, у мальчонки просто память восстановилась. А Скрипач не мешал, да в обиду малька не давал. За что ему на том свете зачтется. Хотя... Я лично считаю, что оно к лучшему было б, если бы в воспитатели ему кого-нибудь попроще определили... И помоложе.

— М-м-м? — озадаченно глянул на него Ким.

— Чересчур шустер парнишка. Куда старому деду за ним углядеть? Вроде как к учебе его пристроил, а в классе его только и видели. Вроде как дома учится. Только это все фигня. Шастает он по всему Нижнему городу, как будто там и родился. А в Нижнем хорошему не научат.

Ник вздохнул и махнул рукой.

— Он такой... Неслук. И язык у него подвешен оказался получше, пожалуй, чем у самого Скрипача. Даром что немым его нашли. Просто удивительно, как он еще ни в одну банду малолеток не залетел. Хотя у нас в отделе малолеток на него сигналов тьма. Но серьезного в общем-то ничего. Нолан его, слава богу, каким-то делом все ж занял — он вроде курьера при нем. По храмовым его делам и вообще...

— А про какое Предсказание говорил Санти? — вспомнил тут Ким. — Ну, что те бандиты упоминали, когда добивались от Скрипача, куда делся мальчишка...

Тамагочи поскреб в затылке.

— А бес его знает... Я в эту муру вникать даже не пробую. У этой компании без конца то Предсказание, то Весть, то фиг его знает что...

Он примолк, отдуваясь.

— Что тебе еще про малька рассказать? Я ж не нянька ему...

Они выбрались наконец из тенистых пределов парка на залитую утренним солнышком парковочную стоянку — в двух шагах от Тамагочина особнячка. К легкому удивлению Кима, верная «пульчинелла» смиренно приткнулась в ее северном углу. За дворником была заткнута штрафная квитанция за неправильную маркировку номерного знака.

* * *

К дверям черного хода, ведущим на кухню жилища Алекса Триза, Орри подобрался второй раз за эти сутки. И второй раз ответом на его осторожное условное поскребывание в двери — неприметные и порядком обшарпанные, ведущие на пожарную лестницу старого (только в шесть этажей) полуаварийного доходного дома, угрюмо притулившегося на границе Старого и Нижнего города, — была тишина. Полная и абсолютная. Тишина, более

тихая, чем та, которой бывает наполнено по-настоящему пустое жилище.

Орри бесшумно присел на холодную стальную ступеньку и задумался.

Он всегда знал, что жизнь — непростая штука и что она любит выкидывать самые разные фокусы. Но сейчас она явно перестаралась. Первый раз с Орри случилось такое — Нолан послал его к кому-то, а этого «кого-то» бог весть где теперь искать. Тем более тревожно это было, что речь шла не о каком-то «кто-то», а о старом, надежном, как Норрский дуб, Алексе Тризе.

Мало того, что тот сгинул без следа, не сказав ни словечка ни Рокки — бармену из «Океана», ни Ронни-старьевщику.

Мало того, что никто из ошивающихся на причалах парней и стариков не видел его со вчерашнего дня. Алекса не было и в его норе. В норе этой поджидал Орри кто-то чужой. Совсем не Алекс. Кто-то, от кого пахло мертвой тишиной.

Орри передернуло.

Куда податься теперь?

Только не к друзьям Нолана. С ними, видно, стали происходить худые вещи...

Внизу — у выхода на задворки — еле слышно заскулил Брендик.

Зря пес шума не поднимал никогда. Орри все так же бесшумно поднялся и тихо по стенке стал спускаться вниз, при каждом повороте стремительно на ничтожную долю секунды заглядывая за угол. Но засады на лестнице не было. Орри выскользнул на захламленный самым невероятным мусором двор Тризова дома и присел над совершенно охрипшим за это время псом.

— Ну что ты? — вполголоса спросил он. — Блохи, что ли, одолели тебя, бедного?

— Нет. То не блохи...

На плечо Орри мягко легла знакомая рука.

— То я его побеспокоил...

Орри даже не нужно было оборачиваться, чтобы узнать перехитрившего его хитреца.

— Привет, дядя Клава, — протянул он с некоторым разочарованием, бросив косой взгляд за спину.

И тут же был ухвачен за ухо жесткими, крепкими, как тиски, пальцами мастера-краснодеревщика.

— Твое ухо? — осведомился Вредный Мохо, осторожно поворачивая Орри лицом к себе.

— М-мое... Чье же еще. Ой, больно! Отпусти, Клава!..

— А будет мое. Если еще раз назовешь меня Клавой, — наставительно заметил обладатель железных пальцев. — Унесу с собой, повешу на гвоздик и буду выдавать его тебе только по праздникам. Запомни, что имя мое Клавдий. А того лучше называй меня как все люди...

— Все люди тебя Вредным Мохо называют... — довел до сведения Клавдия ущемленный, но не сдающий своих позиций Орри.

Клавдий немного довернул его «лопух»:

— Для тебя я — дядя Мохо. Понял?

Брендак обнажил грозного вида зубы и тихо, но неодобрительно зарычал на обидчика своего верного друга. Обидчик, хоть и сам числился в Брендиковых друзьях, не должен был допускать того, что только старику Нолану позволительно.

Мохо покосился на песика и ухо Орри отпустил.

— Понял... — мрачно буркнул Орри, потирая ущемленный орган.

— Раз понял, пошли.

Мохо тихонько подтолкнул Орри в спину.

— Отсюда ноги уносить надо. И быстро. Ждут здесь тебя. И у меня дома ждали. Только они у меня...

Тут Мохо довольно хмыкнул в свою пушистую и непокорную бороду.

— Они у меня дождались... Совсем не того, чего хотели...

Он уже пересек двор — своей стремительно-неторопливой, вразвалочку походкой — и через малозаметный пролом в стене выскользнул на утопавшие в зелени Прудовые бульвары. Орри вприпрыжку еле поспевал за старым приятелем Нолана. Брендик следовал за ними немного в стороне — как бы сам по себе.

— Куда ты меня?.. — чуть задыхаясь от быстрой ходьбы, любопытствовал Орри.

— На Кудыкину гору! — сурово отрезал Моро. — К папаше твоему.

— К Нолану? — обрадовался Орри. — Как он там — у дока Гарриета?

— У дока Гарриета... — передразнил его Мохо. — У дока Гарриета... У дока своей мигрени хватает, кроме того чтобы еще и Скрипача у себя прятать. Это для всех он у дока Гарриета. А для тебя — совсем в другом месте. Туда и идем. Точнее едем.

Они остановились у невзрачного «фольксвагена», приткнутого к обочине. Мохо стукнул условным стуком в боковое окошко, и в нем показалась заспанная физиономия Рыжего Уитни. Уитни был Клавдию давним приятелем. И был он шкипером при собственной яхте. Морской, не космической. Уитни приветливо кивнул Орри и кряхтя отворил ему заднюю дверцу.

— Полезай сюда, — указал Мохо мальку. — На пол. И я рядом устроюсь. А ты, Рыжий, нас тем вот пледом прикрой. Не должны мы светиться, пока через город катиться будем... Вот так....

Это он произнес уже из-под пыльного покрывала, которым Уитни накрыл его и скрючившегося в три погибели Орри.

— А теперь дуй к Малой гавани... твоя «Матильда» без тебя небось уже соскучилась...

— Ясно, — буркнул Уитни, усаживаясь за руль. — Ну, сидите тихо, конспираторы...

Кар натужно засипел движком, чихнул и покатил по дороге.

К морю.

* * *

Ким помахал вслед убывшему в лоно семьи Тамагочи, поудобнее устроился в кабинке верной «пульчи», отыскал в «бардачке» свой мобильник, переведенный на время расспросов вечно занятого Ника в режим автоответчика, и включил его. Тот тут же сообщил ему, что на его имя за это время приспели аж два сообщения: одно — текстовое, другое — голосом. Ким начал с первого.

«Свяжитесь со мною как можно скорее, — гласило оно. — Это в ваших интересах! Номер моего канала я вам оставил в записке. Г. Г.»

— А второй раз настукать свой номерок этому Г. Г. было слабо. А может, не этому, а этой... Впрочем, посмотрим, что там в адресовке письма...

Номер, с которого было послано сообщение, в адресовке присутствовал. Ким настукал

его на кнопочной панельке и через несколько секунд выяснил, что попал в бар казино «Коллапс». Трубку взял бармен и после минуты-другой пререканий сообщил, что да, действительно, на аппарате с полчаса висел какой-то хмырь. Звонил не меньше чем по дюжине номеров. Минут десять назад вернул наконец трубку и отвалил. Похоже, был весьма расстроен тем, что не смог дозвониться куда-то. А куда — бог весть...

— Если он у вас снова появится, — возможно любезнее попросил Ким, — то пусть оставит...

— Не появится! — хмуро оборвал его бармен. — Будьте уверены. А если появится, то единственное, что он здесь мне оставит на память, так это пару-тройку своих гнилых зубов! В этом тоже можете быть уверены...

— Малый чем-то насолил вам? — посочувствовал невидимому собеседнику Ким.

— Вам, мастер, я вижу, — тоже, — все так же мрачно бросил бармен, — если вы его так упорно ищете. Стервец за разговоры расплатился льготными жетонами. От заведения. То есть я думал, что это жетоны. А стал ссыпать эту дрянь в кассу, так и увидел, что это какие-то рупии не рупии... В общем, непонятно что. Размер у них — точно под наши жетоны... Никогда меня так не накалывали...

— Сочувствую, — вздохнул Ким и переключился на прослушивание второго сообщения.

Запыхавшимся голосом Орри уведомил, что у него все в порядке и он отправляется искать отца. Звонок был сделан из той самой аптеки Поччо, о которой малек упоминал при своем историческом визите в Кимово агентство. «Ну что ж, — пожал плечами Ким. — Пора бы мне связаться с его почтенным родителем...»

— Я могу поговорить с доктором Гарриетом? — осведомился он у секретарши, снявшей трубку.

Судя по голосу, эта особа съела на завтрак что-то не располагавшее к приятной беседе. А запила это что-то уж точно чистым уксусом.

— Профессор Гарриет не принимает, — сообщил этот голос. — Можете сегодня не обращаться к нему. У профессора мигрень.

— Гм... Собственно, я хотел бы договориться о встрече...

— Профессор принимает только у себя в офисе. Я могу записать вас э-э...

Секретарша, видно, справилась по дисплею компьютера:

— Я могу записать вас на прием на конец Пьяного месяца.

«Месяц Пьяного бога... Притом — его конец. Это чуть ли не через шесть недель», — озадаченно прикинул Ким.

— Я не могу так долго ждать...

— Это ваши проблемы, мастер.

— Не вешайте трубку! — торопливо вскрикнул Ким. — Собственно, мне всего лишь нужно поговорить с вашим э-э... гостем. С господином Ноланом...

— Господин Нолан не в том состоянии, чтобы с кем-то разговаривать, — отрезала секретарша.

И повесила-таки трубку.

Ким шмыгнул носом с досады и призадумался.

Ладно. Бог с ним, с Ноланом, Он как будто в полной безопасности. Надо, конечно, поставить его в известность о деятельности приемного сына, но это может подождать. Гораздо важнее не дать людям Волыны сцапать малька. И с самим паном разобраться.

Конечно, по логике вещей следовало, по крайней мере, тут же расторгнуть контракт с

«крестным отцом» отпетый шайки, но... Но и это могло подождать. Тем более что от Волыны можно было выдоить небесполезную информацию. Не говоря уж о наличных.

Мук совести на этот счет Ким не испытывал.

Чтобы собраться с мыслями, он вытащил свой электрокарандаш, потом — девственно чистую записную книжку и раскрыл ее на первой странице. Подумал немного и написал на ней первое, что пришло в голову:

«Храм.
Предсказание.
Лоскут с рунами».

И сам удивился — с чего бы именно эти слова припомнились ему сейчас.

Потом раскрыл ноутбук и запросил в Сети адреса и коды каналов связи Клавдия Мохо и Александра Триза. С этой справкой проблем не было. Но не было и самих Александра и Клавдия. По крайней мере, у мобильных.

Ким израсходовал еще один из своего обширного запаса тяжелых вздохов и тронул «пульчинеллу» с места — искать встречи с поручителями Нолана Нолана — музыканта, подтвердившими его возможность быть приемным отцом малолетнего Оруэлла Нолана.

* * *

Малолетний Нолан тем временем стоял в изголовье узкой солдатской койки, занимавшей большую часть тесного помещения. На койке, едва помещаясь на ней, лежал Скрипач. Он улыбался Орри. И Орри тоже улыбался: наконец он впервые за эти сутки чувствовал себя спокойно. Пол под его ногами слегка покачивался. «Матильда», в каюте которой происходила его встреча с отцом, стояла на причале в крохотной бухте, врезавшейся в берег недалеко от восточной окраины Нью-Чепеля, а море сегодня было беспокойно.

— Как ты? — спросил Орри.

— Не трать время на глупые вопросы, — едва слышно ответил Скрипач. — Я выкарабкаюсь. И приду... Когда будет надо. Слушай меня внимательно. Я не успел...

Скрипач умолк. Улыбка погасла на его лице. Орри не произносил ни звука. Тихо стоял и ждал.

— Вот что...

Голос Скрипача хотя и был слабым, но выговаривать слова он старался отчетливо.

— Тебе многое придется сделать теперь самому. В одиночку... Мохо тебе будет помогать... И Триз тоже. Только сначала вы обязательно должны выручить Алекса из беды... И он поможет... Но главное ты должен будешь сделать сам... И, скорее всего, в одиночку...

— Я знаю, — торопливо кивнул Орри. — Инструмент. Надо его вернуть и надежно спрятать... И деньги для Храма...

— Да. — В голосе Скрипача прозвучала еле заметная досада. — И инструмент... И деньги... Но главное — это совсем другое... Главное — это то, что сказано было в Предсказании...

Орри испуганно сглотнул слюну.

— Я-я... Я должен найти Код? Да?

Нолан закрыл на секунду глаза и тихо сказал:

— Да. Найти Код и изменить судьбу мира... Только и всего... Но он в плохих руках сейчас — этот Код. Тебе будет очень трудно.

— В чьих... У кого в руках этот... этот Код?

— Сейчас трудно сказать, Орри. Но последний, кто им владел, даже не знал, что ему досталось. Он мог... Он мог просто продать его за горсть монет. Как ненужное барахло. Как простой кусок платины. Это ведь обычная карточка. Код записан на обычной карте памяти лазерным лучом. Только и всего. Обычная карточка. Вроде тех, которыми расплачиваются в супермаркете. Только платиновая. Серая такая. Незаметная... Его звали Барри — того человека... Барри-Циркач. Мы были дружны с ним. Пока не появилась эта карта... Предсказание пришло слишком поздно... Нет... Я путаюсь — слишком рано...

— А сейчас?.. Этот Циркач — где он?

— Он сошелся с плохими людьми, Орри. И сам стал таким, как они... Он стал очень опасен теперь. Но начни искать с него.

Нолан смолк, собираясь с силами.

— Но все это будет очень трудно, Орри. Поэтому сначала тебе обязательно... Обязательно надо будет сделать одну вещь...

— Какую? Я все сделаю, как ты скажешь...

Скрипач молчал. Потом сделал над собой усилие и заговорил снова.

— Сонное озеро... Помнишь, мы ходили к нему?

— Помню... — тоже очень тихо, но отчетливо ответил Орри. — Только... При чем тут Сонное озеро?

Скрипач и не подумал вдаваться в объяснения.

— Там — недалеко от берега, на дальнем конце озера — бьет ключ, ты помнишь? Я еще не разрешил тебе пить ту воду...

— Да, я помню...

Орри наморщил лоб:

— Там еще долго надо идти вдоль берега — через лес... Лес звеннов...

— Правильно. Ты сможешь туда добраться сам? Так, чтобы никто не увязался за тобой?

Орри уверенно, но по-прежнему не понимая, о чем идет речь, кивнул головой.

— Да, конечно, смогу.

— Этот ключ бьет из-под камня... Он не очень велик, этот камешек... Ты с ним справишься. Только... Надо прийти туда вечером. На ночь... Когда уже звезды будут видны в небе...

На минуту-другую Скрипач умолк и, прикрыв глаза, собирался с силами.

— Надо этот камень перевернуть. Там... На нижней его стороне выбито слово. Запомни, как оно пишется. Обязательно запомни, Орри. И потом положи камень на место. Сделай все, как было раньше. И напейся воды из этого ключа. Пей много. Ровно столько, сколько захочешь... Потом уходи. Найди место, где спрятаться на ночь...

— Я знаю, — торопливо отозвался Орри. — Там — немного выше в лес — хижина...

— Правильно. Спрячься в ней на ночь. И спи. Только запомни, это важно, — когда сон начнет приходить к тебе, ты должен повторять то слово — с камня. Только читай его наоборот — с конца к началу. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Орри. — От конца к началу. Задом наперед...

— Вот-вот, — устало прикрыв глаза, подтвердил Скрипач. — Тогда получится заклинание... Я из одной старой сказки взял его. Оно — ключ. Запустит в тебе программу. Программу использования скрытых резервов. Задом наперед повторяй то слово. От конца к началу. Ты понял?

— Понял, — снова кивнул Орри. — А что... А что будет потом?

Странное волнение охватило его, и от этого он стал немного заикаться.

— Потом ты, скорее всего, просто заснешь. Она дарит сон — эта вода из ключа... Недаром ведь озеро зовут Сонным... А когда проснешься, сможешь многое такое, чего никто не может...

Орри растерянно молчал. Потом потряс головой.

— А... а как? Как я узнаю, как делать это... Ну, те вещи, которые никто...

Нолан улыбнулся.

— Ты сам поймешь...

Снова Орри тряхнул своими иссиня-черными, словно кровельными ножницами остриженными волосами.

— Странно... Странно, папа... Как будто... Мне кажется, как будто ты мне уже рассказывал все это — ну, про камень... Про ключ... И еще что-то. Только я не помню...

Нолан молчал. Минуту. Еще минуту, пожалуй. Потом заговорил — совсем уж тихо и чуть сбиваясь.

— Когда я... Когда я тебя... Ну, скажем, когда я тебя учил... Пусть будет — «учил»... Так вот. Тогда я в тебя заложил... Запрограммировал... Очень большие возможности — на случай, если придет беда... Я надеялся, что не придется запускать этот... резерв. Но вот приходится все-таки... Это будет тяжело тебе... Но ты справишься. Ты у меня шустрый.

Скрипач еле заметно улыбнулся.

— И тогда ты сможешь много такого, чего люди не могут...

Орри буквально впился взглядом в лицо приемного отца. Губы его вздрагивали. Он догадывался. О чем-то таком, о чем только ему дано было догадаться.

— Такого... — повторил он вслед за Ноланом. — Такого, чего люди не могут... Но я ведь человек, папа? Я ведь человек?!

Глава 2

ЛЕС ЗВЕННОВ

Найти место работы — оно же и место жительства — Клавдия Мохо труда не составляло. Старый краснодеревщик позаботился установить рекламные щиты, приглашающие всех желающих сделать мебель на заказ «в стиле любого из Людовиков» посетить «Мастерские Мохо и Френкеля», на перекрестках вокруг Теплого квартала. Там эти мастерские и располагались — среди множества подобных же заведений. Собственно мастерскими назывался небольшой — на четыре верстака — цех, похожий на обычный сарай. К цеху примыкал офис, витрина которого была украшена голограммами с образцами изделий, могущих быть здесь заказанными по весьма сходной цене. Изделия были в основном имитацией шедевров мебельного искусства далекого прошлого. Кто мог бы платить поистине астрономическую цену за такую работу, догадаться было трудно — Теплый квартал не изобиловал роскошными особняками, и дорогие лимузины не скользили по его улочкам. Впрочем, надо думать, достаточно было получить пару-тройку заказов на такой вот псевдоантиквариат, чтобы обеспечить хозяевам и работникам вполне сносное существование до следующего такого заказа. Похоже, за офисом располагались жилые комнаты — одна или две, судя по размерам здания. Ни в цеху, ни в офисе признаков жизни заметно не было. Никакого Мохо. И тем более никакого Френкеля. Ким несколько раз нажал сенсор дверного звонка, постучал в двери офиса и сарая и, оглядевшись по сторонам, перешел к прямому нарушению закона о неприкосновенности жилища. Он обошел мастерские вокруг и легко обнаружил дверцу, ведущую в сарай с задворок. На ней и замка-то не было — створку придерживала простая щеколда. Тоже с претензией на принадлежность к антиквариату. Но не способная противостоять простому перочинному ножу и толике сообразительности любого желающего посетить мастерские в отсутствие хозяев. О какой-либо сигнализации вообще речи не было. Видно, в Теплом квартале воровать было не принято — здесь вам не Нижний город.

Внутри сарая было довольно чисто и светло — крыша была наполовину застеклена. По стенам висели самые невероятные инструменты, а на верстаках крепились старенькие программируемые деревообрабатывающие автоматы. Однако и ручным чудом здесь не брезговали, судя по наличию классики столярного дела — рубанков, стамесок и уймы пил, пилок и пилок самого разнообразного устройства и назначения. Приятно пахло стружкой и мастикой. На одном из верстаков была прикреплена записка, извещавшая «шефа» о том, что крышка секретера поставлена на просушку. Судя по угловатому почерку и лаконичной подписи «Торри», Мохо и Френкель не брезговали не только ручным трудом, но и трудом андроидов. И почерк и имя писавшего были характерны для этих «неграждан» Большой Колонии. Больше, на первый взгляд, в мастерской не было ровным счетом ничего интересного.

Ким уже принялся задумчиво изучать боковую дверь, ведущую, судя по всему, в офисную пристройку, когда вдруг уловил — боковым зрением — какое-то шевеление у дальней стены пустой на вид мастерской. Он повернулся в ту сторону и понял, что предметом, только что изменившим свое положение, была всего-навсего шляпа. Одна из двух ничем не примечательных черных шляп, брошенных на бумажные кули с каким-то барахлом, стоящие у торцевой стены помещения.

Агент на Контракте осторожно поправил надетую под пиджаком наплечную кобуру с газовым пистолетом, расстегнул пиджак и, держа руку на рукоятке газовика, осторожно приблизился к кулям. Когда он подошел к ним вплотную, услышал отчетливое сопение — тихое, но напряженное, исходившее из бумажных мешков. Это было достаточно странно. Подумав немного, Ким извлек газовик из кобуры и, держа его наготове, осторожно приподнял шляпу, украшавшую крайний справа мешок.

Из-под шляпы на него уставились полные ужаса и надежды глаза. Глаза эти украшали довольно малосимпатичную физиономию типичного громилы. Может быть, одного из тех, кто пару-часов назад приходил с визитом в офис агентства «Ким». Установить это точно было трудно — физиономию успели порядком изменить наметившаяся за время пребывания в бумажном куле щетина и основательный фонарь под левым глазом. Кроме того, физиономию эту здорово изменяло то обстоятельство, что изо рта громилы торчал некий предмет, природу которого Ким угадал не сразу, — цоколь электрической лампочки накаливания. Такие осветительные приборы можно видеть в исторических фильмах. Сама лампочка находилась у типа во рту и порядком осложняла ему жизнь: по подбородку из уголка рта бежала струйка слюны, стекавшая дальше на крахмальный воротничок и строгий галстук — насколько это позволял видеть край куля, стянутый вокруг шеи. Ким оттянул этот край и заглянул внутрь мешка.

Громила располагался в нем в согбенном — на манер эмбриона — положении, с той только разницей, что эмбрионам никто ног не связывает кожаными ремнями. Тем более не связывает их такими замысловатыми и надежными узлами. Кисти рук пленника были заведены ему под подогнутые колени и там тоже крепко-накрепко связаны. Следовало отдать должное умельцу, этак вот надежно упаковавшему столь небезопасный груз.

Ким молча прошелся по карманам типа и ничего напоминающего оружие там не обнаружил. Вполне естественно... Он снова перевел взгляд на послушно зажатый в губах у связанного дурня ламповый цоколь.

— Какого черта? — удивленно спросил Ким. — Зачем вы засунули эту штуку в рот? Вы что, с ума сошли? Немедленно выплюньте! Это антикварная вещь! Она денег стоит...

Громила некоторое время смотрел на Агента, словно на привидение, а затем изобразил — движением глаз, ибо ничем другим он шевелить явно не мог — полную невозможность выполнить предъявленные ему требования.

— Ага... — сообразил Ким.

И на всякий случай приподнял вторую шляпу.

Картина, открывшаяся его взору, в точности воспроизводила предыдущую. Тип во втором мешке был, похоже, близнецом своего соседа справа. Трогательно торчащие изо рта у обоих цоколи антикварных ламп еще больше усиливали сходство между ними.

Такой фокус Киму приходилось видеть в каком-то историческом детективе. Действительно, засунуть себе в рот — допустим, не совсем по доброй воле, как это имело место в данном случае — этакую стеклянную грушу относительно легко, но вот самостоятельно извлечь куда как трудно.

Ким поместил левую шляпу на место, решив, что можно ограничиться предоставлением слова только одному из новых знакомых. Сделать это оказалось не так легко. Челюстной аппарат громилы — прекрасно развитый, но не отличавшийся гибкостью — прочно удерживал хрупкое стеклянное изделие в его пасти. Некоторое время, порядком измазавшись в слюнях пострадавшего, Агент был близок к отчаянию. Потом он оставил пациента в покое

и принялся задумчиво перебирать валявшиеся на ближайшем верстаке инструменты.

Глаза пациента наполнились тягостным недоумением, и он умудрился издать — носом, видимо, — звук, исполненный вопрошающего ужаса.

— Тут без хирургического вмешательства не обойтись... — успокоил его Агент. — Небольшая такая операция... В конце концов, пациент как раз надежно зафиксирован, а потому в наркозе, в сущности, не нуждается...

Он задумчиво щелкнул кусачками.

Громила икнул от ужаса и каким-то чудом выплюнул осветительный прибор на землю. Ким едва успел перехватить антикварное изделие в полете.

— А теперь говорите, — приказал он. — Кто вы и как сюда попали?

— Т-ты с ума сошел! — с трудом возвращая себе умение правильно выговаривать слова, заорал громила. — Т-ты... убери эти железяки!

— Не командуй! — прикрикнул Агент. — Объясни лучше, что ты делал в чужом доме и как тебя угораздило этак вот — в упаковочку попасть?

— Да ты и сам-то здесь без ордера!.. Т-ты мне чуть челюсть не вывихнул, к-козел!.. — продолжал ругаться тип.

— За козла ответишь! — сурово оборвал его излияния Ким. И прицелился отвесить нахалу щелбан покрепче.

— Но-но! — взвыл тип. — За нас пан тебе глаз на задницу натянет! И тебе и Клаве твоему!

— Это ты про пана Волыну? — поинтересовался Агент. — Вот с ним мы сейчас и поговорим...

Он достал из кармана мобильник и визитку пана.

Визитку он подержал перед глазами своего неприятного собеседника.

— Я, знаешь ли, как раз работаю на господина Волыну. По Контракту. Сейчас придется ему на вас пожаловаться. Будешь хорошо себя вести, дам тебе самому объяснить, что тут у вас вышло.

Ким кивнул на трубку мобильника:

— Только сначала подскажи мне, где сейчас господин Мор? Кстати, как звать-то тебя, красавец? Неплохо бы нам и познакомиться...

Тип немного поостыл.

— Так ты — тот самый, извини за выражение, дефектив, которого шеф нам в помощь отрядил? Какого ж ты?.. Давай развязывай меня скорее, пока этот чертов столяр сюда полицию не навел... И Фреда, — тип кивнул на соседний куль, — Фредди не забудь...

Ким покачал головой.

— С этим повременим. С этим повременим, господин... Как тебя там? Этот — Фредди, а ты кто будешь? Как о тебе пану доложить?

Тип злобно выкатил глаза.

— Ты за кого меня держишь, сука такая?! Тебя зачем наняли — чтоб ты у нас под ногами путался?!

— Пока что это ты путаешься под ногами и у меня, и у твоего пана тоже, — уточнил Агент. — Вместе с Фредди. Ну ладно, не хочешь представиться — не надо. Я лучше пойду отсюда. Скучно с вами, ребята...

Он демонстративно развернулся спиной к типу и сделал шаг к выходу.

— Стой, ты — упертый! — раздалось ему вслед.

Упакованный в мешок громила, видно, наконец перепугался по-настоящему. В конце концов, неизвестно, что этот скуластый наплетет шефу. Да еще принимая во внимание приключившийся конфуз... Он даже попытался догнать Агента, подпрыгивая, словно участник соревнования по бегу в мешках, в своей упаковке в направлении его движения.

— Слушаю тебя, — вздохнул Ким, возвращаясь к пытающемуся сдвинуться с места мешку. — Итак, где Мор?

— Меня звать Руди, Рудольф... К твоему сведению, — облизнув пересохшие губы, несколько невпопад сообщил тип. — А ты, кажется, будешь Ким?

— Рад познакомиться, Руди, — отозвался Агент, задумчиво крутя в руках древнюю лампочку. — Так зачем вы пожаловали к господину Мохо, и что тут между вами вышло? И главное, что с этим господином сейчас и где мне его теперь искать?

— Пан распорядился, чтобы мы старого хрена заставили... Ну... встречу мальчишке назначить... Чтобы... Ну ясно, зачем. А он, старый пердун, хитер оказался. Засаду здесь устроил. Догадался, наверное, — после того, как Скрипачу шкурку попортили. И что самое подлое — в засаду андроидов поставил. Они-то нас и...

— Интересные у господина Мохо андроиды в друзьях ходят — покачал головой Агент. — С отключенным Первым Законом...

— Это не обязательно... — мрачно буркнул Руди. — А сам Клава сейчас хрен его знает где. Не доложил, знаешь ли...

— Так... — вздохнул Ким. — Я так понимаю, что пан не к одному господину Мохо людишек направил?

— Не к одному, наверное, — согласился Руди. — Но это не моего ума дело... Тут вопрос не ко мне. Ты давай поторопись, а то мне этак вот в мешке сидеть осточертело уже...

— Не спеши... — мягко осадил его Ким. — К Александру Тризу тоже от пана люди пошли?

— Да его еще ночью к пану привезли... Прямо из кабака. Его сейчас там уговаривают — ну, тоже... Вроде как помочь нам с мальчишкой этим... Наверное, уговорили уже... А...

— Угу... — умозаключил Ким и аккуратно вставил лампочку обратно Руди в рот.

Вошла она туда гораздо легче, чем выходила. Во всяком случае, повторить номер с освобождением от столь необычного кляпа Руди не удалось. Глаза бандита вылезли из орбит и выразили нечто, казалось бы, совершенно невыразимое. Чтобы не терзаться этим душераздирающим зрелищем, Ким прикрыл физиономию Руди его же шляпой и, сокрушенно вздохнув, покинул мастерскую.

* * *

Массивный блок связи на столе пана издал призывный звук, и Волына, послав собеседнику извиняющийся кивок, поднял трубку. Потом, услышав в трубке голос Кима, указал ему глазами на вторую, параллельную трубку. Тот поднес ее к уху.

— Послушайте, господин Волына, — сухо осведомился Агент на Контракте, — вы имеете привычку читать то, что подписываете?

— А в чем дело, парень? — недовольно поморщился пан.

— Дело в пункте восьмом моего Контракта, — все так же сухо уточнил Ким. — Там написано, что вы — Наниматель — берете на себя обязательство не препятствовать

намеренно или непреднамеренно выполнению обязательств, взятых на себя мною — вашим Агентом...

— Ну и что ты хочешь этим сказать? — недоуменно промычал Волына.

— Только то, что вам надо позаботиться о том, чтобы ваши Руди-Фредди не задерживались долго в мастерской господина Мохо. Пошлите за ними грузовой контейнер. Они там сложены в мешках у северной стены... Мне, извините, некогда возиться с ними.

— Они...

Пан закашлялся.

— Их что?.. Они... В каком они состоянии?

— В том, которого они заслуживают! Я настоятельно прошу вас предоставить мне возможность самому заниматься поисками нужного вам лица. Вмешательство ваших людей только создает ненужные помехи. В противном случае я немедленно разрываю контракт.

— Не горячись, парень... — уже почти примирительно буркнул пан. — Ребята, я вижу, прокололись... Но...

— Просто это уже не первый ваш прокол, господин Волына. Напомнить вам о другом? О том, что вышло в «Трех шутниках»?

Пана перекосило.

— Это не телефонный разговор, парень...

— Если вы хотите всерьез играть в тайны Мадридского двора, пан, то побеспокойтесь о том, чтобы ваши люди не кричали на всех углах о том, что они работают на вас. Во всяком случае, не надо этого делать, как говорится, на месте действия. А они слишком это любят. Я только что в этом убедился.

— Я вижу, тебя уже кто-то из моих успел достать, — не без удовольствия констатировал пан.

— Вот именно. Учитывая то, что вы подсунили мне такое дело, которым уже активно интересуется прокуратура, вам следует богу свечку поставить за то, что я еще продолжаю на вас работать. Я, видите ли, подписывался быть участником поисков. Участником, а не соучастником. Ощутите разницу.

Пан задумчиво скосил глаза на кончик зажатой в уголке рта сигары.

— Ну что же... Я и впрямь кое о чем позабыл тебя предупредить, парень. Можешь просить прибавку...

— Я прошу о двух вещах, господин Волына. Во-первых, ваши люди не должны вмешиваться в ход розыска вашего юного друга. По крайней мере, до тех пор, пока я вас о том не попрошу.

Собеседник пана, внимательно прислушивавшийся к происходящему разговору, обменялся с ним выразительными взглядами, сделал пану знак, и пан, скривившись, буркнул в трубку:

— Идет. Принимаю. Больше тебе мои люди не попадутся.

— И, во-вторых, мне необходимо поговорить с господином Тризом. Он ведь находится у вас в гостях? Надеюсь, что у него со здоровьем все в порядке.

Волына ожесточенно жевал сигару.

— Ладно, — буркнул он, косясь на собеседника. — Приезжай. Поговорите...

— Так не пойдет.

Ким старался выдерживать безапелляционный тон.

— Вам придется попроситься с Тризом. Как бы ни было вам приятно его общество. Я

буду говорить с ним только на сугубо добровольных началах. Повторяю — я участник, а не соучастник. Передайте господину Тризу, что за ним заедет, ну, скажем, адвокат. И дайте мне знать, куда подъехать за ним. Немедленно. Тогда я обещаю вам, что у Триза не будет претензий к вам... В противном случае...

— Не надо пугать меня, парень...

Волына буквально перемалывал злосчастную гавану своими каменными челюстями.

— Поверьте, я и не думаю вас пугать. Я просто хочу уберечь вас от больших неприятностей. О том, что Триз «гостит» у вас, знаю не только я...

Последовал новый обмен многозначительными взглядами через широкий стол пана.

— Принято. И это тоже. Подрули к «Нептуну». К ресторану, а не к торговому залу... И жди там своего Триза. Его подвезут тебе в красном «феррари». Примешь с рук на руки. Будет хныкать — утешь. Деньги нужны?

— Пока нет, — ответил Ким и дал отбой.

* * *

Некоторое время в кабинете царила тишина. Потом Волына со вздохом раздавил окурок сигары в малахитовой пепельнице.

— Нет, каков, право, гаденыш! — с чувством произнес он. — Не успел взяться за дело, а уже диктует свои условия! Его, можно сказать, наняли для страховки...

— Вы ошибаетесь...

Собеседник Волыны — вальяжный, ухоженный старик в дорогом костюме от такого портного, которых в Большой Колонии можно было пересчитать по пальцам одной руки, откинулся в кресле и развеял остатки табачного дыма величественным мановением широкой ладони.

— Вы столкнулись с людьми, с которыми не так-то легко сладить, пан, — продолжил он. — Именно поэтому я присоединился к тем, кто рекомендовал вам нанять для этих, гм... поисков именно господина Яснова.

— Чтобы все имело вид законности?

Пан пожал плечами.

— Знаете, меня это как-то мало волнует... — он откинул крышку серебряной шкатулки и принялся выбирать новую сигару. — Важен результат...

— Вот именно, пан. Вот именно... Вашими привычными методами вы не добьетесь ровным счетом ничего. Вы недостаточно серьезно отнеслись к моему совету... На тех людей, с которыми мы столкнулись, нельзя давить. С ними не выйдет плутовать. За ними стоит сила. Магия, если вам угодно так это называть. Они примут только честную игру. Им доступна такая роскошь — играть честно. А Яснов будет играть честно. И именно поэтому добьется успеха. Поверьте, мальчишка найдет карту с Кодом. А Яснов — мальчишку. Все будет о'кей. Только...

Волына наклонился к собеседнику, готовый ловить каждое его слово.

— Только надо будет принять во внимание одно маленькое обстоятельство... — холодно бросил тот.

— Какое же? — осведомился Волына, судорожно сжав выбранную наконец сигару.

— В конце... В самом конце — он будет не на нашей стороне, пан.

Всю дорогу от Гавани Орри сосредоточенно молчал. Только пару раз приструнил порывавшегося выразить какие-то свои собачьи чувства Брендика. Мохо не мешал мальку думать о своем. В Гавани Мохо взял напрокат машину ненадежнее, чем «фольксваген» — доходяга Рыжего Уитни. Теперь они тряслись в крытом фургончике, надежно спрятанные в его грузовом отсеке от случайных наблюдателей, глазающих на редкие на загородном шоссе корыта. И от неслучайных — тоже.

Заговорили они только тогда, когда послушный водила-кибер остановил фургон на смотровой площадке у Сонного озера. Дальше — поглубже в лес, по проселку Клавдий отогнал машину сам, вручную. Убедившись, что достаточно хорошо укрыл место предстоящего ночлега от любопытных глаз, он, тяжело кряхтя, выбрался из кабины и отпер заднюю дверцу фургона, выпуская Орри и Брендика на волю. Пес тут же воспользовался предоставленной свободой и устремился в ближайшие кусты — осуществлять предварительную рекогносцировку местности. Только его и видели. Лишь временами среди зарослей кустов и верхушек трав то там, то здесь мелькали его уши-бабочки и слышалось короткое, приглушенное потягивание. Орри не спешил соскакивать на разогревшийся задень гравий. Болтая ногами, он присел на порожке открытой двери грузового отсека и покосился на Мохо.

— Слушай, Кл... — начал он и тут же, прикусив язык, поправился. — Слушай, дядя Мохо... Я раньше тебя об этом не спрашивал... Ну, боялся, что ли... А теперь все так оборачивается... В общем, как так получилось, что Нолан стал мне отцом? Как он меня нашел? Или он не нашел, а...

— А что же еще могло быть, Орри? Ведь не купил же папа тебя в магазине... Да ведь тебе сто раз это рассказывали. Просто это не такая веселая история — для тебя, по крайней мере. Про то, как твои родители оставили тебя одного в Рощах за Болотами...

— Вот и я про это самое...

Орри потер лоб и оставил на нем мазок копоти — видно, там, в кузове фургона, ухватился за что-то не слишком чистое.

— Странно это как-то... Раньше я об этом не думал — как раз потому, что мне про это рассказывали... Ведь если детей бросают... Ну оставляют там в Рощах... Так ведь это — совсем маленьких. Новорожденных или... А мне-то уже больше десяти тогда было... И почему... Почему я ничего не помню... Говорить Умею. Даже писать-считать... Ну и много разного такого... А не помню, как меня учили. Ничего не помню — ни кто они, эти мои родители, ни вообще что со мною было. Все помнят, а я — нет. Понимаешь, раньше мне казалось, что так оно и должно быть. Что со всеми так... А со всеми — вовсе не так. Мне смешно даже, когда я вспоминаю, что так думал... А вообще, не думал я раньше ни о чем. Просто верил Нолану и тебе. И Алексу...

— Так ведь...

Мохо, кряхтя, достал огромный клетчатый носовой платок, поплевал на него и принялся оттирать копоть со лба Орри. Тот досадливо завертел головой, стараясь уклониться от мешающей разговору процедуры.

— Так ведь болел ты сильно... — продолжал Клавдий, ловя ускользящую башку малька и придерживая ее за ухо. — Потом, может, все это вернется, когда вырастешь и

станешь сильным... Самостоятельным... Тогда ты сможешь все правильно понять. А пока это твое подсознание сопротивляется...

Орри спрыгнул на землю и смотрел теперь на Клавдия снизу вверх. И взгляд его был полон сомнения и тревоги.

— Я об этом много думаю, дядя Мохо... Скажи... Может быть... Может, это я виноват? Может, я что-то такое сделал... Такое, о чем мне теперь не хотят рассказывать?

Мохо показалось даже, что голос мальчишки дрогнул. Он замахал на Орри руками.

— Брось ты такое выдумывать! И в голову не бери! Или это тебе пацанва в Нижнем в уши надула? Что ты такое мог тогда сделать! Да тебя тогда вообще...

Тут Мохо прикусил язык и, видно, вовремя. Потому что поймал во взгляде Орри уже не просто подозрение, а сгустившийся в черную молнию страх.

— Меня?.. Тогда?.. Меня — вообще?..

Теперь голос его дрогнул уже вполне отчетливо.

— Н-ну...

Мохо поскреб в затылке.

— Тогда... Тебя... Тогда тебя вообще щелчком убить можно было... Вот как, парень! — выпутался наконец из положения растерявшийся было Клавдий. — Так что ничего натворить ты и не смог бы, даже если бы уж очень хотел. И не выдумывай глупостей. Не забивай себе голову. В твоём возрасте надо больше думать о будущем, а не о том, что было и былём поросло!

И, развивая достигнутый успех, тут же принял строгий вид и перевел разговор на тему, которая всегда успешно подавляла у Орри всякое желание продолжать полемику.

— Лучше поломай голову над тем, как по геометрии экзамен сдавать будешь...

Орри тут же обнаружил, что его обувь не готова к предстоящему путешествию, опустился на корточки и всерьез занялся этим. На Мохо он посматривал исподлобья.

Мохо и сам присел теперь на порожек фургона и тяжело вздохнул, глянув на начинавшее припекать уже не на шутку солнце.

— Слушай, — окликнул он занявшегося шнурками своих кроссовок Орри. — Ты уверен, что тебя не надо... Ну, проводить немного? Вокруг Сонного озера Лес — он не такой, как всюду...

— Я знаю...

Орри уверенно шмыгнул носом.

— Нолан часто ходил со мной тут... Так что провожатых не требуется.

И тут же хлопнул себя рукой по лбу.

— Я там... Под скамьей... Фляжку оставил такую... Из жести...

Мохо не поленился слазить в пыльное нутро фургончика за пустой фляжкой и помог Орри приладить ее на пояс, под куртку. Покончив с этим, оба выпрямились и улыбнулись друг другу.

Из кустов, почуяв момент расставания, молнией вылетел Брендик и тут же прибил к ногам своего приятеля. Но тот сурово распорядился:

— Вот что, пес пусть лучше здесь побудет. Он глупый еще...

Вытянув из котомки самодельный поводок, он принялся натягивать его на смертельно уязвленного друга. Потом протянул конец поводка Мохо.

— Присмотри за ним...

И уже снова строго обратился к Брендiku:

— Ждать — понял?

«Понять-то понял...» — всем своим видом ответил уныло ссутулившийся Брендик. Он с неодобрением покосился на Клавдия, деловито привязывавшего его поводок к бамперу фургона.

— Вот что, — спохватился Клавдий. — Я тут тебе в дорогу... Сандвичи с луком и с печенкой... И с сыром. Бутерброды, одним словом...

Это малек одобрил.

Он протянул к Мохо свою уже снова помеченную мазком сажи ладошку.

— Ладно. Давай сюда бутерброды!

Мохо снова вздохнул — на этот раз облегченно. Раз малек не забыл про необходимость закусить в предстоящем походе, значит, меланхолия и черные подозрения ему нипочем.

Он протянул Орри увесистый пакет с запасом сандвичей и едва успел крикнуть «Счастливо!» вслед припустившему вниз по склону мальчишке. Тот остановился на миг, обернулся и помахал в ответ тонкой, дочерна загорелой рукой. Потом снова повернулся к озеру и замелькал между высокими, смолянистыми стволами деревьев, спускавшихся до самой воды и похожих издали на земные сосны. Стал еле заметным силуэтом среди резких перепадов света и тени. Исчез за крутизной берега. Словно растаял в полуденном свете, рушащемся с почти безоблачного неба.

Брендик будто ожидал этого момента — молниеносно вывернул голову из неумело сделанного ошейника и столь же молниеносно исчез в сельве вслед за хозяином, словно его и не было. Только пустой ошейник на поводке остался лежать на гравии проселка.

Мохо почесал в затылке, вздохнул еще разок и стал вытаскивать из фургона удочки и спальный мешок. Остаток дня можно было посвятить рыбалке, потом — вздремнуть в тени кара, а ночь — покемарить у костерка, позаботиться об ухе на завтрак. До следующего утра мальчишка не появится на горизонте. Зато утром будет голоден, как тысяча волчат...

* * *

«Нептун» — средних размеров торгово-развлекательный комплекс — был неплохим местом для проведения разных не требующих лишних свидетелей встреч не столько из-за какой-то своей уединенности, сколько наоборот — из-за постоянно царящей в нем толчеи. Стоянка у ресторана к тому же была совершенно изолирована от посторонних глаз бетонными навесами и рекламными щитами. Киму не пришлось слишком уж долго ожидать появления обещанного Большой красного «феррари».

Угадать, кто из трех человек, вышедших из кара, Александр Триз, не составляло труда. Двое выглядели, как видно, строго по уставу, неукоснительного следования которому требовал пан Вольна — они наряжены были словно на похороны. Третий же — немалого роста, рано поседевший здоровяк — смотрелся сейчас скорее как главный виновник тех похорон. Щеки него были серые и впалые, взгляд мутный, весь он был как-то болезненно ссутулен. Заметно прихрамывал. Своему изображению из справочного файла местной сети он, однако, вполне соответствовал. Взгляд, брошенный им на Агента, был достаточно выразителен, чтобы тот мог понять, что ничего хорошего от этого нового знакомства ожидать ему не приходится. Ким вышел из кара ему навстречу.

— Вот... получи и распишись! — иронически бросил неотступно следовавший за

пленником тип в черном и подтолкнул своего подопечного навстречу Агенту.

Ким сделал вид, что не понял иронии, и достал свой электрокарандаш.

— Расписка? — требовательно произнес он, протягивая руку за несуществующим, разумеется, документом.

Тип вылупил на него так, словно тот предложил ему между делом поставить — так, для порядка — очистительный клистир.

— Во, дурень-то... — пробормотал он, резко развернулся и скрылся в недрах «феррари». Машина тихонько взвыла сверхмощным движком и, с места набрав скорость, исчезла за ближайшим поворотом.

Ким протянул Тризу свою визитную карточку и распахнул перед ним дверцу «пульчинеллы».

— Будем знакомы. Я действую по просьбе ваших друзей. Позвольте подбросить вас до дома. Поверьте, вам теперь ничего не угрожает. В ближайшее время, по крайней мере.

Конечно, строго говоря, никакой «просьбы» формально не существовало. Но Ким счел, что не слишком кривит душой: и Орри, надо полагать, Клавдий Мохо, безусловно, не то что попросили — потребовали бы, чтобы Ким помог им выручить общего знакомого из беды. Будь они здесь.

— Вы можете выражаться яснее? — буркнул Триз, тяжело опускаясь на тесное сиденье. — У меня голова совершенно не варит...

Он внимательно перечитал визитку Кима.

— «Частный расследователь»... Ничего не понимаю... Как вы узнали, что эти олухи затащили меня в тот подвал? И... какие такие друзья?

— Простите...

Ким достал из «бардачка» портативный биомедицинский анализатор — штуковину дьявольски дорогую, но в выбранном им деле необходимую.

— Подержите немного.

Он протянул Тризу сенсорный блок. Тот неохотно сжал в кулаке штуковинку, похожую на елочную игрушку. Кулак у него был основательный. Ким забеспокоился даже, не раздавит ли он хлипкое на вид изделие «Шэдоу Интеруорлд».

Изделие испытание выдержало, и соединенный с ним анализатор, пропустив через свои электронные извилины данные о состоянии кожи, нервных окончаний, составе пота, крови (замер лазерным лучом) и еще о полуторе десятке показателей, выдал на мини-дисплей примерно то заключение, которого и ожидал Ким.

— Вас здорово накачали разной химией, Алекс. Причем не слишком профессионально накачали — вся эта химия легла на солидную дозу алкоголя. Могло плохо кончиться. Хотите заехать в ближайшую клинику — оформить заверенную справку?

Триз посмотрел на Агента исподлобья.

— А для чего? Я не собираюсь судиться с этой публикой. Себе дороже.

Ким пожал плечами и тронул «пульчу» с места.

Судя по всему, последствие «химии» все еще сильно сказывалось на ходе его мыслей. По крайней мере, он так и оставил вопросы, заданные Агенту, висеть в воздухе без ответа. Вместо того чтобы возвратиться к ним, он обхватил голову обеими руками и пробормотал, задумчиво глядя в пространство:

— Не помню толком ни-че-го! Как бы не наболтал им там лишнего...

Еще с минуту он все так же смотрел перед собой, беззвучно шевеля губами. Потом резко

выпрямился и энергично спросил:

— Куда мы едем?!

— К вам домой, — пожал плечами Агент. — Вам надо хорошенько отоспаться...

— К черту! — оборвал его Триз. — Разворачивайте вашу таратайку и гоните на Прибрежное шоссе! К лесам...

Ким молча покосился на спутника и послушно повернул руль.

— Вам бы стоило привести себя в порядок, — заметил он. — Ну, душ холодный или...

Алекс потряс головой.

— Кофе, — отрезал он коротко. — Крепкий и много. Литр, не меньше!

Он энергично захлопал себя по карманам. Вытащил бумажник, заглянул в него и презрительно поморщился.

— Эти ишаки даже гроша мне не оставили. Слава богу, хотя бы бумаги на месте. А вот денежки — тью-тью. Все наизнанку вывернули. Искали что-то... Будто я стариковы деньги с собой таскаю...

— Не беспокойтесь, на кофе для вас я пару монет наскребу, успокоил его Ким. — Я верно еду? — Верно, — заверил его Триз. — Минут через пять — на выезде будет мотель. «Приют чужаков» называется. Подъедем поближе, притормозите. Кофе и душ — там именно...

Последние слова уже как-то плохо выговаривались у него.

Триз уронил голову на грудь и только с усилием снова возвратил ее в исходное положение.

— Чжанн, — выговорил он совершенно отчетливо. Агент с сомнением покосился на него.

— Если я проболтался про Джанни, то ему крышка... — с уверенностью сообщил сам себе Алекс. — Быстрее надо. Раньше, чем эти...

— Вы что имеете в виду? — поинтересовался Ким.

Больше для порядка, чем в надежде понять хоть что-то из бессвязного бормотания своего спутника, все еще одурманенного какой-то разновидностью «сыворотки истины».

— Я про Чжанна, — пояснил тот. — Это — звенн. У них у всех имена такие... Звенящие и жужжащие. Этот — Чжанн. Или для простоты — Джанни... Впрочем, это только для нас они такими именами пользуются... Так их вообще слышать невозможно. Ну, вы, наверно, и без меня про звеннов наслышаны. Хотя... Хотя на вид вы — не здешний...

— Я, конечно, плохо разбираюсь в здешней специфике, — признал Ким. — Но ничего. Вы говорите, говорите... Я разберусь. Чего не пойму — спрошу.

Триз скосил на Агента мутный глаз и снова потряс головой.

— Не въеду я никак... — выговорил он наконец. — Ты откуда взялся? И за какую команду играешь?

Ким вздохнул. Хотел бы он сам знать ответы на эти вопросы.

— Считайте, что я играю за Орри Нолана, — определил он то, что точно знал сам. — И не оттого, что я такой добрый. Я просто Агент на Контракте.

— И кто тебя нанял, Агент?

Судя по всему, мозги Триза начали потихоньку приходить в норму.

— Тайна клиента, — пожал плечами Ким. — Вы вправе не доверять мне. И, конечно, можете в любой момент послать меня к черту и...

— Не горячись, парень, — оборвал его Алекс. — Ситуация уж больно стремная... Ты...

За тебя хоть кто-нибудь может поручиться? В Нижнем городе, разумеется. «Уважаемое общество» — не в счет...

Кима вдруг начал разбирать смех. Весь мир Большой Колонии вдруг предстал перед ним перевернутым с ног на голову. Обращение за помощью к закону сулило пострадавшему лишь удешевление его неприятностей. Человек, принесший освобождение, вызывал у узника подозрения чуть ли не большие, чем пленившие его враги. А рекомендация людей, считающихся приличной публикой — с точки зрения их «кредитной истории» в любом приличном банке, — могла только погубить репутацию рекомендуемого...

— Вот что, — поразмыслив немного, определил он. — Пожалуй, есть у нас с вами в Нижнем общий знакомый. Вы его должны хорошо знать — ну, хотя бы в связи со вчерашними событиями...

Триз нахмурился, уставившись на Агента с еще большим подозрением.

— Это про кого вы, мастер?

Ким усмехнулся как можно более благожелательно:

— Вам не приходилось иметь дело с офицером полиции по фамилии Стольников?

Физиономия Триза выразила полное недоумение.

— Это вы о ком?

Ким уже открыл было рот, чтобы уточнить — о ком, но тут Алекс треснул себя кулаком по лбу и тихо рассмеялся:

— Это ты про Тамагочу? Я и не сообразил... Так ты с ним корешись, что ли?

Неожиданный переход на «ты» (и на слегка неправильный русский) был неплохим признаком.

— Ник обижается, когда его погонялово склоняют, — кротко заметил Ким. — Не склоняется оно у него. Тамагочи и все... Что-то японское и самурайское... А так мы в неплохих с ним отношениях. Он, правда, сперва хотел закатать меня в кутузку, но передумал. Это когда у старого Бромфельда украли одного внука, а вернули двух...

Триз расхохотался. Теперь уже от души. И тут же, мучительно поморщившись, сжал виски ладонями.

— Так ты — тот самый детектив с Прерии... — выдавил он, снова переходя на галактический пиджин. — Тогда с тобой можно иметь дело. О тебе неплохо говорили людишки оттуда... С тобой можно идти к звеннам...

Ким промолчал. Только чуть пожал плечами.

— Кстати, — вспомнил Алекс, — они нашли тебя?

— Кто? — несколько недоуменно отозвался Ким.

— Эти типы с Прерии. Они тебя искали. По крайней мере, один из них. Немного смешной тип. И фамилия смешная... Только позабыл какая... Что-то на Г... И имя тоже — на Г...

В голове у Кима невесомым облачком проплыла какая-то ассоциация — с чем-то досадным, но его отвлекли мучения собеседника. Алекс уточнил:

— К Нолану он подкатывался с каким-то делом. Только тот его вроде вежливо отшил...

Он снова потер виски.

— Голова раскалывается...

«Господи, — в очередной раз подумал Ким, — кого это угораздило натрепаться о каких-то моих подвигах — о каких, кстати? — именно здесь и именно среди публики Нижнего города?»

Но опять это был не тот случай, чтобы пускаться в расспросы на этот счет. Да и «Приют чужаков» уже появился из-за поворота...

* * *

Идти через Лес звеннов, взявший в кольцо Сонное озеро, была делом, на первый взгляд, совсем пустяшным. Знай только выдерживай направление и под ноги не забывай посматривать, чтобы ногу о корявое корневище не ободрать. Или не влезть в клейкую ловушку — одну из многих, расставляя которые звенны, облюбовавшие эти места, были большие мастера. Еще, конечно, неплохо бы обойтись без того, чтобы наступить на помет Ару-Моро. Но от такой беды ничто не уберезет. Остается только полагаться на милость providения, да на то, что все Ару в это время года откочевывают за Далекие хребты.

Как проклятые твари эти самые времена года различают — на славящейся неизменностью своего климата Планете Чуева, — оставалось немалой загадкой для здешних планетологов. Что до Орри, то он над такими вещами голову не ломал. А если и ломал, то редко. Пробираясь еле заметными тропками Леса, он не мог позволить себе отвлекаться на подобную ерунду.

Уж он-то знал, что благодушное безразличие Леса к шастающим по нему пришельцам с далеких звезд — мнимое. Обманчивое безразличие.

Конечно, ни насекомым, звенящим в мареве полуденного зноя, ни гадам, скользящим среди густых трав и причудливых нагромождений палого листа, ни зверям, таящимся в здешних чащобах, ни хищным птицам, парящим в струении воздушных потоков, не было никакого дела до несъедобной для них и нечувствительной к здешним ядам и хворям плоти землян, вторгшихся в этот мир. Мир — такой похожий на мир их родной планеты и такой им чужой.

Людам не стоило бояться здесь ни насекомых, ни гадов, ни птиц, ни зверей. Людам, как всегда, стоило опасаться только себе подобных.

И Орри опасался. Он внимательно присматривался к залитым полуденным светом прогалинам между темными стволами древних деревьев. Всякий, кто вздумал бы укрыться за каким-то из этих стволов, непременно отбросил бы на золото опавшей листвы свою четкую тень. И тень эта не укрылась бы от острых глаз Орри.

Точно так же, как не ускользнул бы от его слегка оттопыренных ушей ни один подозрительный звук из тихой симфонии шумов, звонов и скрипов, заполнявших воздух Леса.

Но это трудно — по крайней мере, для двенадцатилетнего мальчика — все время пребывать в состоянии опасливой, напряженной сосредоточенности. От этой сосредоточенности на еле заметных тенях и едва слышных звуках Орри устал гораздо больше, чем от петляния по едва видимым тропинкам. Его все сильнее притягивал запах, исходящий от пакета с сэндвичами. С луком и с печенкой. И с чем там еще?

Кажется, с сыром. Надо проверить.

Собственно, у ключа под камнем Орри надо было быть к ночи, так сказал Нолан. Так что вполне можно сделать дневной привал. Надо только добраться до Невидимого ручья. Там можно будет прикорнуть в тени больших валунов, зарывшись в теплую грудку опавшей листвы, и утолить голод бутербродами Клавдия, а жажду — водой из Невидимого ручья.

Ручей не заставил себя ждать, заявив о себе еле слышным журчанием между скрывающими его валунами и сырой свежестью, пахнувшей вдруг, словно ниоткуда. Орри сноровисто — как учил его Нолан — соорудил себе незаметное убежище под нависшим над ручьем валуном.

Усевшись там так, чтобы быть как можно незаметнее со стороны, он глубоко вдохнул уже начавший изменяться воздух Леса.

Да, верно, климат Большой Колонии не знал сезонных изменений. Но в то же время это было и неверно. Просто все сезоны здесь норовили сменить друг друга за одни сутки. Морозные рассветы сменялись сырыми и дождливыми утрами, а тем на смену приходил солнечный день, кульминацией которого становился пронизанный застывшим зноем, душный полдень, за ним следовал затянутый тучами, а потом — утопающий в струях проливного дождя вечер. А под конец пронизанный ледяными ветрами закат сменяла ночь, во время которой мог случиться и настоящий снежный буран.

Изменения природы здесь были молниеносны и нечувствительны в одно и то же время.

Вот и сейчас — воздух между вершинами все еще дрожал от полуденного зноя, нагретая почва источала тепло. Но Орри ясно ощутил в наполнившем его легкие воздухе сырой и горьковатый привкус осени. Он усыплял, этот привкус.

Орри набрал пригоршню ледяной воды из ручья и жадно проглотил ее. Потом еще и еще. А потом вдруг, не успев прожевать и первого куска сэндвича из пакета, вдруг кувырнулся в приготовленную кучу листвы и замер, свернувшись калачиком, сморенный внезапно навалившимся на него глубоким сном.

* * *

Когда он открыл наконец глаза, далекое небо Большой Колонии уже затягивали тучи. Кое-где сквозь них еще пробивались яркие лучи здешнего солнца, и в лучах этих пели звенны.

Пели, звенели, шелестели так, словно Лес был полон ими. Да так оно и было — это был их час. И они старались вовсю: творили свое странное веселье — то ли спешное дело, то ли праздник, то ли обряд. Шелестом своим и звоном пугали непосвященных и приветствовали старых друзей. Сами кого-то пугались и радовались кому-то.

Но не показывались.

Про то, что Лес звеннов у Сонного озера — исконное обиталище этого древнего племени, озорного и опасливого, не знал в Большой Колонии только ленивый. Свидетельств тому было предостаточно. И гнезда, свитые на день и брошенные совсем недавно, и жертвы, возложенные на неприметные алтарики, и следы маленьких костерков — за минуты до появления людей тщательно загашенные. А еще были знаки и надписи — понятные только самим звеннам да немногим посвященным из других разумных племен. И обрядовые ленты травы на священных деревьях и кустарниках. И только самих звеннов не было видно.

Они открывались очень немногим — зыбкие и переменчивые, мастера отвода глаз, чемпионы быстроты, маскировки и мимикрии. Только тем, кому доверяли. Другим. Таких было немного в каждом поколении переселенцев с Земли и других, населенных человеческим племенем Миров. А среди этих немногих еще меньше было охотников рассказывать озвеннах лишнее. И уж совсем немногие — такие, как еретик от науки Да

Коста да великий врун и насмешник Ангел Ангелов — сподобились оставить миру свои «Наблюдения и воспоминания». Книги обоих классиков звеннологии назывались одинаково, и в них-то и сосредоточились, собственно, основные знания Человечества еще об одном Разуме, встреченном им в его неудержимом и немного бессмысленном странствии по все новым и новым Мирам.

Были, правда, также многочисленные кадры спецсъемок и протоколы с подробнейшими описаниями случайных контактов со звеннами различных научных и ненаучных экспедиций, но они лишь немного добавляли к тому, что сами звенны пожелали рассказать о себе людям.

Они быстро освоили земные языки, эти звенны. И людскую письменность особенно. Ибо звуками общаться с ними не получалось. А вот люди языка звеннов так и не раскусили.

По крайней мере до такой степени, чтобы свободно ими пользоваться при общении с Зыбким племенем.

... Оно — это племя, действительно, соответствовало своему прозвищу — ненадежное и настырное одновременно.

Никто не знал, появятся ли звенны в условленном месте или снова обманут.

Никто — особенно из тех, кому часто приходилось бродить по лесам Большой Колонии — не знал, не выглянет ли сейчас из-за его плеча радужный лик звенна.

Никто никогда не видел мертвого звенна.

По крайней мере с тех пор, как охота на них была строжайше запрещена.

Они, конечно, были смертны. Как и все, что живет. Должно быть, много их гибло во время частых на этой планете лесных пожаров. Они никогда не искали спасения на равнинах. Там у них был враг более страшный, чем пламя лесного пала — голод и хищное племя крохотных мышей-пираний, обитавших в здешнем степном травостое.

Были, наверное, у представителей Зыбкого племени и другие причины смерти. Хвори и войны. Исполнение Клятв и обрядов. И те из звеннов, кто был дружен с людьми, бывало, исчезали навсегда. А те, кто приходил на их место — звенны завещали друг другу друзей, — искренне горевали по тем, кого не стало. Бывало, что и по людям тоже.

И звенны тщательно следили за тем, чтобы хрупкие, рассыпающиеся в пыль уже через несколько минут после того, как жизнь покидала их, останки ушедших в вечность соплеменников не доставались никому, кроме Огня и Ветра. Это были их боги смерти — Огонь и Ветер. И богами жизни и обновления тоже были они.

Огонь и Ветер. Ими часто клялись в Лесах.

* * *

Орри подобрал рассыпавшиеся по траве и листьям бутерброды — они уже начали черстветь, но местные муравьи оставили земную пищу в полном небрежении — и, недовольно сопя спросонок, пополз умыться из небольшого бочажка, что образовался в течении ручья — чуть поодаль.

Он плеснул себе в лицо пригоршню ледяного холода и ВДРУГ, присмотревшись к неверным очертаниям отраженного в беспокойной воде мира, понял, что за спиной у него — Лагах в двух от приютившего его валуна — сидит Чжанн.

— Привет! — с напускной небрежностью бросил он задумчивому звенну. — Давно меня тут сторожишь?

Бессмысленно было допытываться у гигантского богомола, откуда он взялся тут, как и зачем нашел Орри и вообще о чем-то, что тот и так скажет, если сочтет нужным. Точнее, напишет.

Радужным сиянием по воздуху.

«Все время, пока ты спал», — написал Чжанн.

И буквы, начертанные снующими с немыслимой частотой многочисленными конечностями звенна, сотканые им из света, отраженного в их псевдохитиновых чешуях, казалось, еще несколько мгновений парили в воздухе перед Орри.

Он поэтому и выучился читать так быстро и так рано — из-за дружбы со звеннами. Никак иначе общаться с ними было нельзя.

«Я долго шел за тобой, — добавил Чжанн. — Почти от самой дороги. Я не мог понять».

Орри поднялся с четверенок, подошел к звенну поближе и уселся, по-турецки скрестив ноги, немного наискосок от старого приятеля. Садиться прямо напротив он поостерегся бы. Опасно долго смотреть на звенна — вот так, глаза в глаза. И глаз у порядочного звенна — шпук восемь или двенадцать. И голову кружат их — звеннов — бесконечные метаморфозы и стремительные переходы от одного облика к другому. Двух минут не пройдет, и начинает всякая чертовщина мерещиться. Поэтому человек знающий — а уж Орри-то тут собаку съел — разговаривает со звенном так: садится чуть поодаль от него и на диковинного собеседника только изредка, для порядка, поглядывает — чтобы тот не обижался на невнимание к нему, достойному представителю своего народа. Но чтобы и голова у тебя кругом не шла.

Только когда по воздуху поплывут призрачные, из отражений солнечных бликов сотканые надписи, надо быть внимательным. Они быстро меняются, эти надписи. А звенны не любят повторять сказанное.

То есть — тьфу! — начертанное.

— Чего... — недоуменно шмыгнул носом Орри, — чего ты не мог понять, Чжанн?

«Почему ты не пришел на встречу? Почему не сказал слов?»

Звенны пишут в воздухе по-разному. Одни так, словно школьники на доске. Другие — готикой. Третьи — нервными каракулями, едва понятно.

Чжанн писал той бегущей строкой, которую можно часто видеть в метро или в любом подземном переходе любого города, построенного землянами по всему Обитаемому Космосу. Вполне возможно, он и на самом деле бывал в том же, например, Нью-Чепеле — звенны существа любопытные и незаметные — и там и вдохновился такой манерой письма. Во всяком случае, читал Орри его послания без труда. Вот понимать их удавалось не всегда. Как вот сейчас, к примеру.

— Слов? — не понял Орри. — Встреча?

«Забери у меня деньги и уходи скорее. Опасно. Все больше и больше».

— Деньги...

Орри почесал в затылке:

— Кто тебе дал деньги для меня? И кому я должен отдать их?

«Алекс мне дал их, — побежала бегущая строка. — Не для тебя. Хранить. Пока не придет кто-нибудь и не скажет слова. Ты не сказал. Но я не могу держать их больше. Будет плохо. Я тебе скажу слова. Алекс тебе верит. И я верю тебе».

Орри потряс головой.

— Слушай, Чжанн... — неуверенно перебил он сбивчивый текст-скороговорку. — Если

Алекс доверил деньги тебе... Это ведь храмовые денежки, да?..

«Да, — подтвердил Чжанн. — Алекс говорил, это — деньги на тот большой Дом Единения. Так называют...»

— Так называют Храм. Я знаю, — остановил его Орри. — Тогда храни эти деньги у себя, пока Алекс или кто-нибудь, кому он сказал условные слова...

«Правильно, — припомнил звенн. — Условные слова. Так Алекс и сказал — условные слова...»

— Так вот, Джанни... То есть — Чжанн... Ты мне веришь. Это очень хорошо... Только все равно ты должен отдать деньги только тому, кто придет к тебе с условными словами... Только тому.

«Я не могу больше держать их у себя... Я раньше не знал, теперь — знаю... Ведь мы — звенны — умеем немного заглядывать в будущее... Так вот, меня из-за этих денег ждут большие неприятности...»

Орри насупился:

— Это точно? У тебя не бывает с этим ошибок?

«Не бывает».

Цвет у бегущей строки был какой-то грустный.

— Тогда, Чжанн, они у тебя ведь все равно будут — эти неприятности. Отдашь ты мне эти деньги или не отдашь...

Похоже, что Чжанна несколько поразило столь философское умозаключение, прозвучавшее из уст малька, которого он совсем недавно знал совсем беспомощным и глупым.

«Это так... Только тогда деньги бы достались плохим людям. А ты их спрячешь. У тебя ведь тоже будут неприятности...»

Орри уставился на звенна, забыв о возможных неприятных, последствиях разглядывания этих обитателей Леса в упор.

— Что же ты молчал, глупый таракан? — изумился он. — Почему ты сразу не сказал об этом?

«Мне кажется, — все также грустно сообщил ему Чжанн, — что с Алексом тоже неприятности... Он хотел от кого-то спрятать деньги. Но не успел сказать тебе слова. Тебе надо быть вежливым».

— Ты лучше скажи, — надел на него Орри, — какие неприятности со мной будут? Когда? И Алекс — он в какую беду попал?

«Ничего не знаю про Алекса, — огорченно ответил обиженный, видно, на „глупого таракана“ Чжанн. — Так мне кажется. А ты встретишь людей, которые...»

Текст вдруг оборвался — звенн прислушивался к чему-то, происходящему в лесной чаще.

«Ты встретишь людей, которые охотятся за деньгами. Не обязательно за теми, которые отдам тебе я... Тебе надо быть хитрым».

Совет, конечно, был дельным, вот только для Орри совершенно излишним. Уж до того, что без хитрости в Большой Колонии пропадешь ни за грош, малек додумался сам — и давным-давно. В масштабе его коротенькой еще жизни.

«Скоро здесь будут плохие люди, — сообщил ему звенн. — Нам пора расставаться».

Он задумчиво качнулся из стороны в сторону, распадаясь при каждом движении, слагающемся из тысяч мелких рывков, на целый калейдоскоп призраков, повторяющих друг

друга и в то же время неуловимо разнящихся. Потом протянул к Орри тонкую, словно и ненастоящую переднюю лапку, в которой была зажата электронная кредитка.

— Ого! — только и сказал Орри. Он не ожидал, что Алекс успел положить храмовые деньги в банк.

Однако сказать Чжанну о том, что никакие злые люди по этой карточке получить ни гроша не смогут — без знания кода вклада, который, верно, только Алекс и знал, — он не успел. Звенна уж и след простыл.

Орри так и стоял некоторое время, сжимая в ладони золотистый пластиковый прямоугольничек. Все-таки не стоило ему так долго пялиться на звенна, пусть даже тот и был его давним приятелем. Перед глазами у Орри плавали призрачные пятна, а в ушах отдавался еле слышный звенящий гул.

Должно быть, поэтому он и не заметил наблюдающих за ним издалека чужих глаз и не услышал затаенного чужого шороха.

Подобрал сандвичи, кое-как уложил их снова в пакет, оставив тот, к которому уже приступил перед тем, как сон сморил его. Этот он решил умять по дороге, спускаясь по тропинке вниз, вдоль Невидимого ручья к озеру. До ключа под камнем было еще далековато.

* * *

— Ты слышал? — спросила Каманера у Бэзила. — Похоже, кто-то доверил мальку порядочную сумму в федеральных баксах... Просто невероятно.

— Откуда ты взяла про баксы, Элли? — поразился тот, бесшумно спрыгивая наземь с нижней ветви здорового лесного гиганта и отряхивая с потертых брюк похожие на сосновые иглы. — И речи не было про баксы...

Бэзил Кац был не из тех, кто пропускает хоть слово из того, что говорится, если говорится это о деньгах, и особенно если для того, чтобы это услышать, приходится битый час сидеть в дупле неземного дерева, рискуя сверзиться оттуда прямехонько в гнездо здешних ос не ос, но на редкость злобно гудящих тварей грозного вида.

— Лопух, — поставила диагноз его напарница. — Ты хорошо разглядел кредитку, которую этот сверчок впарил мальку?

— На зрение не жалуюсь, — обиженно пожал плечами Бэзил. — Обычная универсальная карта. Все шесть галактических банков оплачивают счета по таким... Но если вклад сделан в местной валюте, то тогда его в местной же валюте и...

— То тогда ты — трижды лопух, — вздохнула Элен. — Помоги мне, в конце концов...

Бэзил галантно протянул ей руку, и легкая рыжая, как клочок лисьей шерсти, двадцатитрехлетняя пройдоха легко приземлилась на палую листву подле него.

— Ты слишком долго прожил в Метрополии, Бэз, — безнадежно махнула она рукой. — В этих краях ни один из шести Галактических банков не принимает на универсальный вклад местные деньги. Зона нестабильного валютного коридора... А ведь из нас двоих у тебя высшее экономическое...

Бэзил пожал плечами. За время своего относительно короткого партнерства с Каманерой он уже понял, что его высшее экономическое образование в здешних условиях и в подметки не годится незаконченному цирковому Элен.

«Зато мне лучше удаются пальцевые манипуляции», — утешил он себя.

— В общем, — решительно отрубил Элен, — мы не напрасно увязались за этим мальком. Ты говорил: «Потерялся, потерялся... Из дому убежал... Выкуп, выкуп... Благодарные родители...» А вот этого — не хотел?! Малек-то при денежках крутится!

— Только готов поклясться, что из малька этого денег не выбьешь даже отбойным молотком.

Каманера презрительно вздернула конопатый нос.

— Ты что? Собираешься пытаться ребенка?

— Не собираюсь, конечно. Да он и знать не может кода вкладчика...

Элен бросила на Бэзила взгляд, полный сожаления:

— Ну, я думаю, он его узнает. С нашей помощью... — Она присела, сорвала травинку и пощекотала ею свои конопушки. — Малек на вид — смышленный... Дичок...

— Такому палец в рот не клади, — согласился Бэзил.

Элен снова пощекотала свой нос:

— Обидно будет, если с ним что-нибудь случится. А, Бэз?

— Да, — задумчиво согласился тот. — Это будет трудно пережить...

— Вот и я так думаю, Бэзил Разноглазый, — сурово подвела итог его партнерша. — Наш святой долг — как порядочных людей — присмотреть за парнишкой. Одним словом — взять над ним шефство. Не дать ему пропасть...

— Да, — воодушевленно подхватил Бэзил. — Ни ему, ни его денежкам.

— Почему, собственно его? — снова недоуменно пожала плечами Элен. — О том, как лучше распорядиться этими баксами, мы еще поговорим... А сейчас главное — познакомиться с мальком. Подружиться... Не дать ему в песок уйти, по крайней мере...

Она решительно встала:

— Так что пошли, Бэз! Нечего глазами хлопать! Малек — видишь — ближе к берегу держится. А мы, если поторопимся, успеем его перехватить. Через вон тот перевальчик и ломанем...

Медлить Бэзил не стал.

Две легкие поджарые фигуры торопливо двинулись к очерченному светлыми пятнами каменных осыпей отрогу здешней невысокой горной гряды.

Наперерез чудному мальку.

Надвигающийся сырой сумрак делал их почти невидимыми.

* * *

— Предсказание Хакеров? — переспросил Ким. — Я ничего не слышал о таком. Что это за Предсказание?

Ответа он не получил. Его собеседник отвлекся. Переключился на другое.

— Вот он! — ткнул рукой куда-то вперед Алекс. — Видишь, там — дальше по грунтовке...

Ким решительно ничего не видел в сгущающейся мгле.

— Почему ты... — начал было он.

— Потому! — оборвал его Триз. — Потому что я эти места как свои пять пальцев знаю... Сворачивай на проселок и езжай осторожненько — того и гляди на своих же и натолкнемся...

Ким осторожно повел «пульчинеллу» на ручном управлении по дороге, теряющейся в густом тумане. Несмотря на все принятые меры предосторожности, на фургон Мохо он чуть не налетел — свет фар выхватил потрепанную колымагу из предгрозового сумрака в самый последний момент. Встревоженный и заспанный Клавдий вынырнул из-за ее корпуса, словно спугнутый с ночлега леший.

Триз, не без труда выбравшись из тесного уюта мини-салона «пульчи», растопырив руки, кинулся ему навстречу. Ким с беспокойством прислушивался к заглушаемому первыми порывами холодного ветра обмену приветствиями старых друзей.

Конечно, проглотив уйму крепчайшего кофе и вымокнув под струями ледяного душа, Алекс обрел способность членораздельно выражать свои мысли, но вместе с нею к нему вернулась и способность следить за тем, что срывается с языка. И хотя настроен по отношению к Агенту он стал более дружелюбно и даже поведал ему кое-что интересное из истории появления Орри в Нью-Чепеле и его жизни тут, осторожность уже не изменяла ему. Киму пришлось задавать собеседнику тщательно замаскированные наводящие вопросы и вдумываться в смысл его уклончивых ответов. Путь скользкий и, главное, долгий.

По крайней мере более долгий, чем дорога, ведущая к Лесу звеннов у Сонного озера.

— Как я понял, — осторожно наводил разговор на нужную тему Ким, — приемный отец Орри прослыл в здешних краях чем-то вроде колдуна...

— Это молва, — отмахнулся Триз, присматриваясь к мелькавшему за окнами частоколу деревьев. — Вздорные слухи, распространяемые невеждами... На самом деле Нолан — прекрасный музыкант. Под другим именем был хорошо известен знатокам скрипичной музыки в Метрополии. У него вышли какие-то неприятности с коллегами, и он вынужден был покинуть большую сцену. Сменить имя. И все такое... А здесь он стал проповедником. Таким же прекрасным проповедником, как был музыкантом... И еще — педагогом. Спасал, так сказать, заблудшие души Нижнего города. Те, которые еще можно спасти, — души детей, потерянных среди живых, и души зверей, в души людские заблудших...

Алекс усмехнулся чему-то и рассеянно добавил, заглядевшись в окно:

— Зверей заблудших и трав полевых... Трав полевых и древес чащобных... Можно сказать, дарил им всем часть своей души... — Потряс головой, стряхивая с души какой-то неожиданный морок. — Ну вот, а потом ему захотелось все-таки немного души вложить в кого-то, кто не уйдет от него... С ним останется. Станет его частью. А потом и его продолжением в будущее... По крайней мере, мне кажется, что старик хотел именно этого. Вот так и появился Орри... Все слухи о том, что мальчишка — особенный... Что Нолан его заколдовал — чушь, короче. Нолан просто его человеком делал...

— Ну что же... — отозвался Ким, приглядываясь к начавшей петлять дороге. — Можно сказать, мальчишке повезло. Наверное у своих настоящих родителей он не был счастлив... Но теперь у него снова начались неприятности — так ведь? После какого-то Предсказания... Что это за предсказание было? Кто и что предсказал ему?

Алекс скосил на Агента испытующий взгляд:

— Послушай, ты и на самом деле ничего не слышал о Великом Предсказании Хакеров? Ну и ну...

— Предсказание Хакеров? — переспросил Агент. — Я ничего не слышал о таком. Что это за Предсказание?

И тут разговор прервался. Алекс переключился на другое.

И вот теперь сквозь редкую сетку начинающегося дождя Ким смотрел, как Алекс дружески, но с силой колотит Клавдия по широкой спине, а Клавдий — с неменьшим воодушевлением — лупит приятеля по плечу.

Чтобы время не пропадало даром, он положил на колени свой комп и отстукал на клавишах запрос в Сеть: «Хакеров предсказание, Великое. Содержание и оценка специалистов».

Компьютер издал привычное икание — звуковое и визуальное. То, которое почему-то по всему Обитаемому Космосу называют «привет от Билли», и поведал Киму следующее:

«Великое Предсказание Хакеров — местн., Планета Чуева, Большая Колония — ежемесячно (раз в 40 местн. суток — т. е. в 1001 Земной Час) обновляемое сетевое сообщение. Публикуется незаконной организацией Хакеры всех Миров. См. также Клятва Хакеров. Великая Тайна Хакеров. Великая.

Мнение специалистов: введите код доступа. Содержание — доступ закрыт по соображениям социальной безопасности региона: введите особый код доступа».

Для кодов доступа, как водится, были заботливо оставлены разбитые на секции окошечки.

«Все у них Великое, — с досадой подумал Ким. — С большой буквы... А вот кода доступа к мнению просвещенных господ специалистов у меня и нет... Не говоря уж о коде доступа к содержанию документа».

Он наугад попробовал войти в закрытые файлы, использовав легально — в соответствии с выправленной по закону лицензией на ведение частных расследований — предоставленные ему коды и еще с полдюжины наворованных в разных источниках, но это, конечно, был дохлый номер.

Чтобы не сдаваться слишком уж легко, Ким обратился к выделенным цветом гиперссылки словам «Клятва Хакеров, Великая» и прочитал:

«Великая Клятва Хакеров — местн. Планета Чуева, Большая Колония — клятва, приносимая членами незаконной организации Хакеры всех Миров.

Текст — доступ закрыт по соображениям социальной безопасности региона: введите особый код доступа».

Ким не успокоился и посмотрел, что там по названию растреклятой незаконной организации — тоже выделенной цветами гиперссылки.

«Хакеры всех Миров, — доверительно сообщила ему Сеть — местн., Планета Чуева Большая Колония — незаконная организация специалистов по компьютерному взлому. Известный состав: введите код доступа. Эмблема — следовало изображение черной кошки, обращенной к зрителю своей „казенной частью“. Обернувшейся к тому же, чтобы продемонстрировать этому зрителю свой ехидный оскал. Устав и история введите код доступа. Члены обязуются хранить Великую Тайну Хакеров (выделено цветом гиперссылки). Организация публикует ежемесячно (раз в 40 местн. суток — т. е. в 1001 Земной час) обновляемое сетевое сообщение, известное как великое Предсказание Хакеров (выделено

цветом гиперссылки)».

Ким прошелся по словам «Великая Тайна...» и узнал:

«Великая Тайна Хакеров — местн., Планета Чуева, Большая Колония — клятва, приносимая членами незаконной организации Хакеры всех Миров.

Текст — доступ закрыт по соображениям социальной безопасности региона: введите особый код доступа.

См. также Предсказание Хакеров. Великое, и Клятва Хакеров. Великая».

Стараясь не взорваться от злости, Агент попытался проникнуть на странички частично кому-то известной информации о составе местной «всемирной» хакерской шарашки, о ее уставе и истории. Как ни странно, это ему удалось — сработал случайно сохранившийся в «мусорной корзине» код банковской полиции.

Историю и устав компьютерных лиходеев Ким слил в память своего компа для дальнейшего ознакомления в свободное время. А вот «известную информацию о составе» их организации — всего-то четыре имени, только три из которых сопровождались адресами — тщательно занес в записную книжку, некоторое время он смотрел на свои каракули, стараясь запомнить их:

«Довлатов Тенгиз — вторая городская тюрьма г. Нью-Чепель (Большая Колония);

Думштейн Аркадий — государственное учреждение принудительного лечения и реабилитации № 113, пос. Парадиз-19 (Большая Колония);

Дуленко (Банева) Элеонора — пос. Чудачий (Независимые Территории), п/я 777.

Биндерман Джордж-Амадей — в розыске».

Судя по всему, принадлежность к «всемирной» лавочке хакеров автоматически влекла за собой попадание в места не столь отдаленные, в желтый дом или в изгнание. На выбор. На худой конец — пребывание в бегах.

Агенту практически не приходилось еще сталкиваться с этой — весьма специфической — стороной жизни здешнего Мира.

Он успел раз пять, неслышно шевеля губами, повторить эти имена, прежде чем Триз и Мохо вспомнили наконец про забытого было Агента и энергично замахали руками, приглашая Кима забираться в фургон.

В фургоне было грязновато, тепло и уютно. Взаимные представления не заняли слишком много времени. Мохо гостеприимно сунул гостям по кружке заваренного на крутом кипятке какао и, обращаясь в основном к Киму, стал разъяснять обстановку.

— С мальчиком пока — все о'кей... Виделся он со Скрипачом. Тот не то чтобы в порядке был, но выбирается, выкарабкивается... Сильно его порезали, конечно, сволочи эти...

Он отхлебнул из своей кружки и прислушался к дождю, который начинал все сильнее и сильнее барабанить по металлопластиковой крыше фургона.

Агент воспользовался образовавшейся паузой.

— Значит, он был у господина Гаррета? — осторожно попытался уточнить он.

Мохо с сомнением посмотрел на него.

— У Гаррета — не у Гаррета, а встретились они...

Он снова задумчиво отхлебнул какао. Дождь уже всюду хлестал там — снаружи.

— Как-то он там теперь, — спросил Клавдий сам себя. И, горестно покачав головой, продолжил:

— Оно, конечно, лучше бы было его при себе держать... Да ведь Нолан — он все лучше знает. Хоть и слаб сейчас. Сказал — иди к Сонному один и на ночь — значит, так и надо... А с другой стороны, как посмотреть... С нами ему, бедному, может, как раз и опаснее всего... Алекса вон захомутали и на химию поставили. Да и ко мне прицеливались...

— Я это заметил, — подтвердил его опасения Ким. — Мне довелось побеседовать с двумя джентльменами, которых вы накормили старинными электрическими лампочками... Не беспокойтесь, я их потом после беседы назад вставил — лампочки эти... Где вы их только достали?..

Мохо посмотрел на него с некоторым неодобрением. Должно быть, ему не понравилось, что все кому не лень без спросу забредают в его мастерские. Но, подумав, он сменил гнев на милость.

— Х-хе!

В голосе краснодеревщика прозвучала двойная гордость — и за обладание предметами антиквариата и за их нетривиальное применение.

— Я, господин Агент, такие вещички буквально из-под земли добываю. Ведь если получаешь заказ на вещь под «двадцатый» — торшер, например, или там светильник, — так ведь не станешь же в него люминесцентную панельку впичуживать! Нет, лампу накаливания надо обеспечить. С патроном и проводами — чтоб все по натуре было... Иначе срамота получится. Новодел — не новодел, а так...

Он махнул рукой и, снова задумавшись, тяжело вздохнул.

— А фокус этот — лампу в рот засунуть так, чтобы потом не вытащить ни в какую, это мне еще дед рассказал. А ему — прадед...

— Один из этих типов сказал, что вам каким-то образом удалось напустить на них — на него и на его приятеля — ваших андроидов... — заметил Ким.

— Андроиды, они, мастер, у нас ничейные... — сурово заметил краснодеревщик. — А субчиков этих они мне в мешки засадить помогли для их же блага. Они ж не должны позволять человеку неприятности себе и другим причинять — так ведь? А кабы эти бандюки со мной что-нибудь сотворили, им же за то тюряга светила бы, ведь так? А тюряга, это, доложу я вам бо-о-ольшая неприятность... Так что и выходит, что для их же блага и надо было их того... Обездвижить. Так что с Первым Законом у нас все в порядке...

Последовал новый тяжелый вздох.

— Теперь субчиков этих, почитай, дружки их уж напрочь освободили... Поразнесли мне там все со злобы в ключья, небось... Ну да у меня вся потеха эта застрахована. Тем и живу, что страховки эти оплачиваю. Давно б пора сарай этот чертов в очередной раз спалить. А то господа страховые агенты даром свой хлеб едят...

— Не об этом печалиться надо, — оборвал его ламентиции Триз. — Сейчас надо Чжанна предупредить... А точнее, напрочь у него карточку забрать.

— О чем это вы? — осведомился Ким.

— Да все о денежках, — махнул рукой Алекс. — О чем же еще? Старик ведь у кого все сбережения свои хранил? И от концертов сборы и на Храм пожертвования... У меня, у кого

же еще... А я, как жареным запахло, все баксы эти на номерной вклад определил. На универсальный, кодированный — в Пятом Галактическом. Конечно, процентов при таком раскладе кот наплакал. Считаю — никаких. Зато гарантия.

Он отхлебнул какао и поморщился, обжегшись.

— Ну, карточку я сразу в эти места и снес, у Чжанна на хранение оставил...

— Надежно... — одобрил действия приятеля Мохо.

— А код, дурак, запомнил!

С досады Триз треснул кулаком по откидному столику, чуть не своротив его хлипкую крышку.

— Почему же дурак? — пожал плечами Клавдий.

— Потому что! — зло отрезал Триз. — Потому что идиот! Надо было делать все так, как такие вещи и делают — попросить клерка код запечатать в конверт, мне не показывая, а конверт у второго доверенного лица оставить. У такого, к которому люди Волыны не подберутся...

— А есть такие? — с сомнением спросил Мохо.

— Да имел я тут кое-кого в виду... — вздохнул Алекс. — А сейчас — боюсь я. Не выболтал ли я этим сукам чего — тогда, под «химией». И про Чжанна, и про код. И сам код...

Некоторое время все трое молчали.

— В конце концов... — нарушил молчание Мохо, — саму кредитную карточку они у звенна хрен получают. Звенна, его еще найти надо. А как найдешь — так словить. А как словишь — хоть какого-то толку от него добиться. А кто такое сможет?

Триз пожал плечами:

— Среди людей Волыны, конечно, никто. Но у них хватит денег, чтобы нанять хорошего охотника. Ловца. Сам знаешь — такие есть... Несмотря на все запреты...

Мохо поскреб в затылке:

— Где ж найдешь сейчас нашего Джанни. В дождь они ведь прячутся — звенны. По норам, по дуплам...

— И мальчишка тут же шастает, — раздраженно добавил Триз. — Как бы на гостей от Волыны не напоролся...

— Ну...

Мохо посмотрел на часы:

— Ну, Орри сейчас уже далеко. Подбирается к тому ключу, что у западного берега... Так что лишь бы не промок. Да и песик его следом за ним кинулся. А уж псина его в обиду не даст... Теперь они, наверное, вместе. Если б один был, то еще могло бы что-нибудь не то выйти. А так он вне опасности...

В этом старый краснодеревщик ошибался.

Орри дружил с Лесом. Поэтому ни холодный ветер, ни начинающийся дождь не слишком испугали его. Он быстро передвигался по сумеречным коридорам, пролегающим под кронами лесных гигантов и остающимся сухими даже под проливными дождями. Ночные холода тоже не были проблемой. В заброшенной хижине в лесу — над тем самым ключом под камнем.

Они должны были уже скоро появиться вдалеке — и ключ, и камень, а если присмотреться, то и хижина... Но еще раньше Орри заметил костерок. Маленький, но на редкость криво разожженный — с наветренной стороны кряжистого крауна, издали заметный не столько своим неверным огоньком, сколько едкой копотью, далеко тянущейся от него вдоль по ветру — прямо поперек дороги Орри. Разжигали костерок явно наугад подобранной поблизости дрянью — сыроватыми листьями и ветками того же крауна. И кого это занесло в такое глухое место, да еще вот так, на ночь глядя?

Орри, — сам того не желая, взял чуть в сторону и, осторожно приглядываясь к уютившимся у огонька фигурам незнакомых путников, понурых и явно намокших, стал приближаться к коптящему огню.

— Малек клюнул, — удовлетворенно сообщила Бэзилу Каманера. — Не оборачивайся... Запомни — из его болтовни с дурацким сверчком: Храм, плохие люди, деньги, Алекс...

— Да помню я все... — чуть слышно, но явно недовольно буркнул Кац.

Орри хорошо рассмотрел сидевших у костра только метров с двадцати — сумерки, раньше времени окутавшие Лес, давали себя знать. Эти двое были разными и вместе с тем похожими друг на друга. Легко, не для дороги одетая девушка — невысокая и легонькая на вид. Курносая и сильно конопатая — какими-то аристократическими, изысканными курносостью и конопатостью, как сказал бы себе Орри, если бы в его лексиконе присутствовали слова «изысканная» и «аристократическая». Но таких слов мальчишка из Нижнего города знать не мог, и Орри определил черты незнакомки как «чудные». Волосы девушки, уложенные коротко остриженным шлемом, отливали в свете костерка старинной медью. Глаза — большие, в пол-лица — были словно старше ее самой, взгляд их был пристальным и каким-то горьким. Словно разочарованным в чем-то — глубоко и надолго. Девушка ежилась под холодным ветром. Рыжий — как и она сама — свитерок вряд ли надежно защищал ее. Второй путник был постарше ее — этакий поджарый крепыщ, одетый словно на танцы. Даже галстук зачем-то украшал его короткую шею, а из нагрудного кармана уж и вовсе ни к селу и ни к городу торчал франтоватый треугольник носового платочка в мелкую полоску — в тон галстуку. Физиономия франта была круглой и немисливо хитрой. Глаза — узкие, внимательные щелочки, а изо рта пару раз — зато время, пока Орри рассматривал незнакомцев, укрывшись в наступающих сумерках — высунулся язык и плотоядно облизнул сложенные бантиком губы. Стрижен чужак был не по здешней моде — слишком коротко и на косо проборчик, словно хотел подчеркнуть странный пегий окрас доставшихся ему от бога волос. Они не были неприятны, эти двое. Скорее даже симпатичны. Но дьявольски подозрительны.

Совершенно неожиданно для Орри девушка вдруг помахала ему рукой — вполне доброжелательно и приветливо. Помахал ему и франт, тоже доброжелательно, но не так

энергично — с этакой вальяжной ленцой. Оказывается, чужаки уже давно заметили его. Орри залился пунцовым румянцем — слава богу, в полутьме незаметно было. Стыдно вот так проколоться — это ему-то, другу Леса. И перед кем — перед чужаками, которые толком и костра-то разжечь в здешних краях не умеют!

Теперь убегать уже не имело ни малейшего смысла. Стыдновато было убегать... Наоборот, стоило — и еще как стоило! — выяснить: что это за гастролеры завелись в здешних краях.

На вид вроде вполне безопасные чудаки. Но — непонятные...

Орри не торопясь, но и не подавая виду, что ждет от новых знакомцев подвоха, направился к костерку. Только от вонючего дыма отмахивался руками и головой.

— Привет! — бросил он еще издалека.

— Привет, — сказала девушка и улыбнулась Орри. Улыбка у нее была приятная — простая и искренняя. — Давай знакомиться: это — Бэзил. Бэзил Кац. Он играет на пианино... А я Элен Каманера. Я пою романсы. Мы — артисты... А ты, наверное, тот мальчик, которого тут все ищут?

Никто окрест не искал никакого мальчишку. Элен импровизировала. Камешек был брошен наугад. Но попал точно в цель.

— Может, и ищут... — пожал плечами Орри, — только я не знаю, кто бы это меня искал...

Но то, как эти плечи вздрогнули, выдало его с головой.

— А что вы по лесу ходите? — постарался перехватить инициативу мальчишка. — Вы, наверное, через перевал шли? И там вас и намочило... Там дождь всегда раньше начинается... А что такое романсы?

— Романсы, это такие красивые песни под музыку, мальчик, — вступил в разговор франтоватый Бэзил. — Как правило, старинные... Мы э-э... заблудились немного... Ты не в гостиницу идешь, мальчик? Мы здесь рядом остановились...

Он кивнул в сторону довольно далекого шоссе.

— В гостинице... В таверне, точнее. «У Зеленых чертей» — знаешь? Ты, наверное, тоже заплутал? Давай искать дорогу вместе... Кстати, как тебя все-таки зовут, мальчик?

Он, как и Элен, говорил искренне, убедительно, но только в интонациях этих чувствовался вкус сахарина.

— Орри... — представился малек.

— Я так и знала! — воскликнула Каманера, уловив мелькнувшее в его глазах-угольках недоверие и перехватывая инициативу. — Это как раз про тебя спрашивают на шоссе... Но если ты пойдешь с нами, то...

— Простите, мне не по дороге... — перебил ее Орри. — Вы легко доберетесь до «Зеленых чертей»! Это вон туда. Обрато через перевал, до шоссе. Там возьмете к северу — до перекрестка с дорогой на Гранвилль. И по ней — до мостика. Там и будет это самое... Только это вроде того... Место плохое... Вы бы лучше...

— А нам там очень понравилось... — меланхолически вздохнула Элен. — Совсем там неплохо — тихо и кормят хорошо... Говорят. Нам, знаешь ли, еще не перевели гонорар... Что это у тебя, мальчик, сэндвичи?

Что такое гонорар, Орри понятия не имел, но то, что его новые знакомцы основательно проголодались, он понял достаточно хорошо — по голодному блеску в глазах Каманеры. Бэзил предусмотрительно отвел взгляд в сторону.

— Да, мастер, — слегка смутился малек. — Хотите попробовать?

Он развернул пакет, и сэндвичи — ровным счетом пять — предстали перед изголодавшимися партнерами. Шестой — с луком и печенкой — Орри успел-таки умять по дороге. Несколько раз он попытался поделиться едой с укрывавшимися в кустах от предстоящего дождя птицами и другими мелкими тварями, но много в том не преуспел. Конечно, он знал, что корм, пригодный для людей и прочих земных тварей (и еще — для андроидов), для здешней живности несъедобен, но никогда не терял надежды, что отучит хоть кого-то из этой братии от такого дурного предрассудка.

— Должно быть, очень вкусно! — предположила Каманера и с удивительными изяществом и стремительностью подхватила сэндвич посимпатичнее и поднесла его к своим губкам. — У тебя и попить с собой есть?

Она указала глазами на выглядывающую из-под куртки Орри старенькую фляжку.

— Нет, она пустая... — горестно вздохнул Орри и для наглядности вытащил фляжку из-под куртки, раскупорил и потряс ею в воздухе. — Я хотел у ключа набрать ее... — объяснил он, пряча фляжку на место.

— У Странного ключа, мальчик? Зачем тебе та вода?

— Да... У Странного ключа... А вы что — знаете здешние места? Вот только я не успел той воды набрать...

— Жаль, — вздохнула девушка и надкусила сэндвич. Зубки у Элен были что надо. Маленькие, но крепкие и острые. Особенно клычки... Они даже слегка испугали Орри. Он сам и не понял — чем.

Половины сэндвича сразу как не бывало.

— В самом деле, твоя мама готовит удивительно симпатичные, м-м-г-мау... бутерброды! — признал Бэзил, с видимым безразличием потянувшись к свертку. Сэндвича не стало за то время, пока в воздухе звучало короткое, но неразборчивое «м-м-г-мау...» Должно быть, пианист не сразу оценил все достоинства нового, наверно, для него блюда, поскольку за этим сэндвичем сразу последовал другой. Реквиемом этому последнему прозвучало только короткое утробное урчание.

— А с сыром-то оно — куда как... — заметил Бэзил.

Каманера тут же проверила это. Она как раз освободила руки (и зубы), покончив со второй половиной выбранного сперва печеночного сэндвича, и присоединилась к мнению партнера. На травке остался лежать только распотрошенный сверток с одиноко торчащим из него последним сырным сэндвичем.

Орри вздохнул.

— У меня нет мамы... — признался он, и особой горечи в его голосе не прозвучало.

Горевать можно только о том, кого помнишь.

— Сэндвичи эти делал Клав... дядя Мохо. Одним словом, «Зеленых чертей» вы легко найдете без меня, мастер Бэзил и мастер Элен... А мне совсем в другую сторону — к ключу — там, за соснами...

— О господи! — сокрушенно воскликнула «мастер Элен». — Как я не догадалась! Туда-то тебе как раз и нельзя, мальчик! Мы уже были там...

В этот момент она много бы дала за то, чтобы иметь хоть малейшее представление о том, как выглядит ключ, о котором помянул Орри, и окрестности этого ключа.

— Мы уже были там, — продолжила она уверенно. — Именно там сидит засада...

— Какая засада? — насторожился Орри.

— Полиция! — встрял в разговор Бэзил. — Там сидят в засаде полицейские и всех спрашивают про мальчика как раз с такими приметам, как у тебя... Они спрашивают еще про какого-то Алекса, — добавил он уже по наитию.

— Полиция нас искать не будет... — задумчиво почесал в затылке Орри и с еще большим подозрением покосился на Бэзила.

«Идиот!» — еле слышно процедила сквозь зубы Каманера и незаметно, но очень пребольно заехала носком туфли по лодыжке Каца.

Тот зашелся беззвучным шипением и принял значительный вид.

Тут на помощь его неуклюжей выдумке вдруг пришла сама действительность. Со стороны Ключа под Камнем донесся отчетливый перебрех полицейских псов и короткие отрывистые команды. Полиция и впрямь прочесывала местность.

Каманера окаменела.

«Накаркал!» — зло прошипела она, обращаясь к своему партнеру.

Тот только отмахнулся.

И было почему — к тьяканью псов присоединились звуки похуже. Рычание и визг.

Орри замер. Тень какого-то предположения скользнула по его лицу. Но он тут же отогнал его и снова обратился в слух.

Далекая катавасия продолжалась — к визгу, лаю и рычанию присоединились чьи-то крики, уже вполне человеческие... Похоже, псы настигли кого-то и теперь всю когтили жертву. Жертва, правда, судя по доносившемуся собачьему визгу — уже отчаянному и порой прямо-таки душераздирающему, — дорого отдавала свою жизнь и свободу.

А потом захлопали выстрелы, не меньше полудюжины.

— Полиция. Это точно полиция, — тревожно пробормотал Орри.

Догадаться было нетрудно. Все нормальные люди носят нормальные стволы — беззвучные. И только полицейские и охотники пользуются оружием без глушителей, чтобы сигналить друг другу и распугивать простых смертных.

С минуту все трое молчали, прислушиваясь к тому, что происходило за пеленой все усиливающегося дождя. Но из-за шума дождя уже стало невозможно разобрать отдельные приходящие издали звуки.

Воспользовавшись этим отвлекающим, как им показалось, моментом, оба партнера — и Кац и Каманера, одновременно атаковали последний из оставшихся сэндвичей и сшиблись над ним в ожесточенной и беззвучной схватке.

Орри едва успел обернуться, чтобы застать финал баталии. Оба партнера обменивались злобными взглядами и сосредоточенно дожевывали каждый то, что сумел отстоять в схватке. Бэзил при этом отплевывался от рыжей шерсти свитерка Элен, забившейся ему меж зубов, а та в свою очередь осторожно проверяла — на месте ли различные части ее туалета, которые участвовали в схватке, завершившейся справедливым, в общем-то, разделом добычи.

— П-пойдем с нами м-мальчик... — с трудом справляясь с непрожеванными кусками сэндвича, предложила Каманера. — Мы тебя п-прикроем...

— А то видел — с собаками охотятся, — поддержал ее Бэзил, оторвавшись от созерцания клока мохера, извлеченного изо рта. — Это на ребенка-то... Какие, право же, сволочи!

Он взял Орри за плечи, словно стараясь вернуть ему присутствие духа. Потом похлопал по спине и слегка встряхнул.

— Ты как, Орри?

— Ничего... — глухо отозвался мальчик. — И впрямь надо с вами уходить... Только костер загасите. Сейчас дождь кончится...

— И действительно...

Бэзил демонстративно нагнулся к костерку и принялся его закидывать чем попало. Костер гаснуть и не подумал, но в отместку чуть не удушил обидчика, испустив уйму отменно вонючего дыма.

Орри закашлялся и принялся, как мог, помогать пианисту.

— Т-ты... — давясь теперь уже кашлем и пытаюсь развеять сизые клубы энергичными взмахами рук, выдавил из себя Бэзил. — Т-ты что-то уронил, мальчик... Ох ты!.. Это твое?

Он поднял с земли и протянул Орри золотистый прямоугольничек — электронную кредитную карточку, что дал ему Чжанн.

Орри машинально схватился за нагрудный карман. Он был пуст.

Он хорошо помнил, что застегивал карман на молнию. Да даже если бы он и не был застегнут — этот проклятый карман — карточка просто никак не могла бы выпасть из него, Орри готов был в этом поклясться.

Тем не менее факт был налицо — Бэзил только что на его глазах поднял карточку с земли и теперь, добродушно улыбаясь, протягивал ее ему — Орри. В лице пианиста не было ни малейшего подвоха — только самое искреннее удивление. В самом деле, откуда у малька взялась неиспорченная кредитная карточка солидного, во всех Мирах раскинувшего свои филиалы банка? Глаза Бэзила честно смотрели прямо в лицо Орри и слезились от проклятого дыма.

— Мое...

Орри протянул руку за карточкой.

— А ты, оказывается, у нас богач! — заметила Каманера, элегантно перехватив карточку на лету. Она присела к костру — чтобы поймать его свет, — быстро провела карточкой перед глазами и легким, невесомым движением возвратила ее в тот самый карман курточки Орри, откуда карточка эта так таинственно исчезла.

— Это не мои деньги... — торопливо и смущенно стал почему-то оправдываться малек. — Мне нужно передать это... Отнести...

— Так вот почему тебя так ищет дядя Алекс... — с укоризной в голосе произнесла Элен. — Или кто-то ищет тебя с дядей Алексом вместе...

— Это я ищу Алекса! — возразил Орри. — И он мне вовсе не дядя!

Костер наконец погас, и, словно по сигналу, дождь, ливший как из ведра, почти молниеносно стих.

Каманера, не теряя времени даром, легонько прихватила Орри за руку и стремительно повлекла его по мокрой тропинке.

— Пойдем с нами, мальчик, — повторила она. Бэзил заковылял за ними следом.

— Ну конечно, — уверенно объясняла Элен. — Я и не имела в виду, что Алекс — твой настоящий дядя... Это ведь просто так говорят про взрослых, знаешь, дядя Джон или...

— Дядя Мохо, — машинально подсказал Орри.

И прикусил язык.

Не стоило болтать так много.

«Дядя Мохо», — отметила про себя Каманера. — Он его уже второй раз поминает... Кажется, это тот тип, что снабдил его в дорогу такими ужасными сэндвичами...»

— В общем, надо поскорее связаться с этим твоим дядей, — вмешался в разговор

Бэзил. — Чтоб с тобой ничего такого не вышло... У него какой номер — чтобы ему позвонить, — у дяди Алекса?

Орри нахмурился, делая вид, что вспоминает что-то. На самом деле он просто лихорадочно соображал: стоит ли выдавать этим вот первым встречным — таким с виду симпатичным и таким подозрительным одновременно — номер канала Алекса. Крысиная — закоулками Нижнего города воспитанная — осторожность подсказывала ему простую истину: «Никогда, никому, ничего не выдавай! По крайней мере, ничего не выдавай даром!» Но хитрой осторожности Нижнего города противостояла мудрая осторожность — то ли данная ему с рождения, то ли от Скрипача Нолана идущая. Она подсказывала: «Враги все равно знают и номер блока связи Алекса, и его адрес. Мало того, они ждали тебя прямо у него дома. Будет как раз неплохо, если чужие люди — не ты сам — проверят: не вернулся ли Алекс домой. И не продолжают ли там подстергать люди пана?»

— Он... Он есть в справочнике... — выбрал Орри соломоново решение. — А так — я не помню точно... Семь-семь-восемь... А потом то ли тридцать девять, то ли сорок восемь... А дальше и вообще не помню...

В конце концов, он не обидел недоверием новых знакомых и не выдал Алекса.

— Прекрасно! — похвалила его Каманера. — У Косты безусловно найдется справочник, и он позволит тебе позвонить дяде Алексу... Или дяде Мохо, который так хорошо готовит сэндвичи...

Она сдержанно икнула. И пояснила:

— Коста — это хозяин «Зеленых чертей». Или арендатор. Я всегда путаю такие вещи...

В наступившей тишине на Лес, все еще мокрый, сочащийся сыростью Лес опускался ночной холод. Облака расступились, и первые ночные звезды послали свои лучи тем обитателям Большой Колонии и Независимых Территорий, которых не сморил еще сон.

«Надо прийти туда вечером. На ночь... Когда уже звезды будут видны в небе...» — вспомнил Орри слова Нолана.

Ч-черт! Не получалось у него пробраться в эту ночь к Ключу под Камнем. Никак не получалось! Нолан как в воду смотрел — предупреждал, чтобы он никому не давал увязаться за собой по дороге к Ключу. И надо же — увязались-таки! Приходилось топать на ночлег в таверну.

А у таверны той была дурная слава.

* * *

И вовсе не таверна то была по документам, а мотель. Мотель этот — носивший и вправду несколько предосудительное, но, говорят, исторически оправданное название «У Зеленых чертей» стоял на «ничейной земле». Там, где власть столичного ответвления Сети и заботы муниципалитета Нью-Чепеля — вместе с предусмотренными для этой территории привилегиями по части торговли спиртным и запретами на шалости с ценами — уже вроде бы кончалась, а власть Общепланетарного участка все той же Сети и заботы многочисленных региональных служб — с их ограничениями на сделки с алкогольной продукцией и льготами в области ценовой политики — еще как бы не начиналась.

В результате Коста Ставрос — очередной содержатель «Чертей», заведения на вид неприметного, только гнусным названием и выделяющегося — всю пользу своим

правом вовремя забывать о докучных запретах одних властей и вспоминать о бесполезных попустительствах других. Сколько себя помнят жители Большой Колонии, «Черти» не меняли своего традиционного облика — умеренно неопрятного, но довольно уютного мотеля.

Никому из непосвященных не приходило в голову, что эта небогатая на вид придорожная гостиничка у Горбатого мостика, вечно к тому же пустующая (ну кому вдруг приспичит становиться на постой, не доезжая совсем чуток до столицы или только что выехав из нее), является предметом постоянной головной боли армии налоговых инспекторов и источником обогащения уже не первого поколения ее содержателей. Отнюдь не доход от редких гостей делал ее золотой жилой, а заключающиеся здесь, на «ничейной земле», сделки. Сделки, в результате которых меняли своих хозяев тонны самых разных товаров, под крышу «Чертей» никогда не попадавших. Даже и не существовавших вовсе — если речь шла об отмывании хорошенькой суммы федеральных баксов.

За свое посредничество хозяева мотеля брали немного. Но этого хватало — всех их обладание «Чертями» рано или поздно приводило либо в городское узилище (что случалось довольно редко), либо (гораздо чаще) на достаточно высокие посты в муниципальной иерархии Нью-Чепеля или, на худой конец, какой-нибудь окрестной Виллановы. Каждый из них внимательно присматривал за тем, чтобы новым хозяином мотеля становился надежный человек из «уважаемого общества». Никому не хотелось, чтобы всплывали на свет божий бухгалтерские книги давно прошедших лет или вдруг снова вспыхивал интерес к разным давно забытым происшествиям вроде исчезновения остановившихся на постой в гостеприимных «Чертях» лиц, как правило с темным прошлым или обнаружения в чем-то багаже солидной упаковки с наркотиками. И всякого такого...

Коста — человек в Большой Колонии новый, несмотря на бродившие по Колонии слухи о его связях с лихими людьми и черным рынком андроидов — выдерживал пока требуемую марку, и дела мотеля шли прежними темпами — ни шатко, ни валко, а в самый раз. Был, был-таки у Ставросов фамильный нюх на то, к кому и как надо повернуться.

Сейчас нюх подсказывал Косте, что этой ночью бог пошлет ему гостей, с которыми надо будет держать ухо востро и ни в коем случае не спугнуть. Тогда и навар будет неслабый.

* * *

Окна мотеля Косты засветились вдалеке как раз тогда, когда из-за последних вечерних туч на мокрую и промерзшую землю Большой Колонии глянула Чистая Луна — царица местных ночей и предмет вдохновения натур поэтических.

Каманера, бесспорно, была таковой. Как и многие пребывающие не в ладах с законом лица. Кроме того, у Элен с лунами были особые отношения. С лунами этого Мира и с лунами других Миров тоже... А Чистая Луна Большой Колонии была ее талисманом. И ей она иногда молилась — стихами.

*«И леса абрис здесь не наш...
И Лун сиянье здесь не наше...»*

— мелодично прочла она по памяти.

Похоже, Элен и впрямь когда-то приходилось профессионально исполнять романсы.

«Не наши Злата блеск и звон, — подхватил то ли иронически то ли впад в сентиментальность, Бэзил. И совсем уж ернически закончил: — А были б наши — были б краше!»

— Ух ты! — восторженно воскликнул пораженный Орри. — Сами сочинили? Это и есть романсы?

Раньше ему не приходилось иметь дело с людьми, склонными под влиянием лунного света читать стихи. Со стихами он в основном имел дело только в Коллеж-Дениз — притом со стихами довольно скучными (зато поучительными). Так что ему вполне можно было простить наивное восхищение декламаторскими способностями новых знакомых, проявленными так к случаю.

— Пошляк ты, Кац... — вздохнула Элен. — Только и умеешь что коверкать чужие тексты. А ведь на самом деле как хорошо там дальше сказано:

*«Не наши злата блеск и звон.
Чужды мы Миру, нам — чужд он,
И в этом — боль и счастье наше...»*

— А? Это ведь про нас...

Если бы у Бэзила была шерсть, то она поднялась бы дыбом — так, по крайней мере, показалось Орри.

— Какая, право же, чушь! Типичные андроидские вирши! Им, видите ли, не дают гражданских прав, так по этому случаю — мировая скорбь и словоизвержение!

— При чем здесь андрюиды! — грустно вздохнула Элен.

— Да при том, — пожал плечами Бэзил, — что андроид это написал, твой любимый Тирлим-бом-бом...

— Бирим! — поправила его Каманера. — Никакой он не Тирлим! Бирим! И без всяких бом-бом! А то, что он — андроид, не имеет ни малейшего значения. Это — общечел... обчесчел... Тьфу! Общечеловеческое!

— Ага... — иронически заметил Бэзил. — Ты первому встречному за рюмкой чая раззвонила про свои шашни с лунным светом — что надо и чего не надо было... А этот стихоплет припомнил первые пришедшиеся к случаю стишата и с дури ума посвятил их твоему, с позволения сказать, светилу... И вот вам, пожалуйста, уже и общечеловеческая ценность! И общеандроидская тоже!

— Дурак ты, — снова меланхолично вздохнула Элен. — Это же действительно про всех! И про нас с тобой особенно! Кто мы на этой дурацкой планетке? Чужие! Хотя я на ней и родилась, а носит меня повсюду... Чужая я здесь... А ты так и вообще. Без роду, без племени... Чужие мы. Во всех Мирах. В Галактике. В Космосе. В Мироздании.. Проходимцы...

— Опять твои антисемитские штучки! — возмутился Бэзил. — Это я-то без роду, без племени? Это я-то проходимец? Это мне весь мир — чужой? Да если ты хочешь знать, это вам, цыганскому племени, весь мир — чужое добро. Плохо положенное! Оттого тебя по всей Галактике и носит — ты ведь не просто цыганка, а и рыжая притом! Просто недоразумение

какое-то! Такого не бывает, но ты — есть!

Он со значением втянул носом воздух. Таким носом, каким наделил его Создатель, можно было втянуть значительную часть атмосферы планеты, и побольше, чем Планета Чуева. Убедившись, что должное впечатление произведено, он с достоинством закончил:

— А для Каца весь мир — его! В кармане — только сунь руку и...

Он выразительно простер перед собой холеную длань и тут же получил по ней с размаху изящной и когтистой лапкой своей партнерши.

— А вот не надо совать руки!

Теперь оцетинилась уже и Каманера.

— Что ты имеешь против рыжих, пегий, разноглазый полукровка!?

Орри только сейчас заметил, что глаза у Бэзила, действительно, разные. Правый — черный, как антрацит, а левый — желтый, как Большая Луна. А вот у Каманеры оба глаза были зеленые — ведьмины. А сейчас даже, показалось ему, зрачки у нее от гнева сошлись в вертикальные щелочки. Орри даже мороз подрал по коже.

— Полукровка?! — окончательно завелся Бэзил. — Да мы, Кацы из Гаммельна, никогда...

— Брек! — шепотом крикнул Орри, и оба задиры с удивлением уставились на осмелевшую малявку. Но оба таки и стихли.

— Тут в Бэ-Ка все — полукровки, — запальчиво пояснил Орри.

Почему-то тоже шепотом.

— Может, и я тоже...

— Вот! — тихонько поддакнула Элен, перенося сделанный упрек почему-то целиком на своего спутника. — Я-то здесь провела детство и уж точно знаю. Все тут попере мешались. И никто не знает, кто кому еврей... А кому — цыган. Так что давайте жить дружно...

— Вот что...

Орри шмыгнул носом.

— В общем... Вы как, мне поможете? Или...

Вражды между бродягами сразу как не бывало. Оба его новых знакомых тут же расплылись в общей сияющей улыбке. Та часть этой улыбки, за которую отвечала Элен, выглядела вполне убедительно.

— Конечно, Орри, — вкрадчивым, словно котенок с холода, голосом промурлыкала она. — Неужели ты думаешь, мы покинем тебя в этом мокром лесу? Да еще голодного...

— Сейчас еще и снег будет, — заверил ее Орри. — Ты знаешь, если родилась тут...

— Сейчас зайдем к Косте, — с воодушевлением поддержал разговор Бэзил. — Заправимся, как следует, переночуем по-человечески, а там, как говорится, утро вечера мудренее...

— Тогда поклянитесь! — потребовал Орри и подчеркнул серьезность своего требования, сурово шмыгнув носом. — Клятвой звеннов...

— Клянусь! — воскликнул Бэзил охотно и торопливо.

— Ты хоть и Кац, а таки — дурак! — уведомила его Элен. — Хоть спросил бы, в чем клянешься... И чем...

— И Клятву звеннов делают не так, — по-прежнему сурово поддержал ее Орри.

Он быстро отошел под крону огромного птичьего дерева, отыскал место посуше и, сдвинув в сторону мокрую листву, стал сооружать из сухой листвы обрядовый костерок.

— Зажигалка есть? — спросил он у подошедшего к нему Бэзила.

Голос его стал глух и отрывист.

— Есть вот что.

Он протянул Орри шикарную штучку, коробок настоящих деревянных спичек — сделанная на заказ фиговинка. Прямая доставка из Метрополии. На этикетке были золотым вензелем по красному оттиснуты инициалы — В. Р. Ни Бэзилу, ни Элен они принадлежать явно не могли.

— А как этим зажигать? — озадаченно спросил Орри, вертя спички перед своим укороченного образца носом. Бэзил добродушно нагнулся над ним.

— Вот так, — показал он и поднес загоревшуюся спичку к кучке сухих листьев. Костерок занялся. В отличие от собрата, недавно испустившего свой едкий дух под кроной крауна, этот — подкормленный ароматно-горькой листвой птичьего дерева — почти не чадил. Горел ярко и светло, словно род свой вел от солнца и звезд.

Орри остался доволен.

— Протяните руки над костром, — попросил он.

Бэзил, опасливо хмурясь, осторожно, чтобы не подпалить рукава фрака, выполнил его просьбу. Каманера, зачарованно уставившись на огонь, как-то инстинктивно подалась назад. Орри словно не видел ее.

— Надо сказать так: Огню и Ветру... — подсказал он Бэзилу.

— Огню и Ветру, — повторил Бэзил, пожав плечами, словно показывая, что обряд сам по себе — каков бы он ни был — не может смутить урожденного Каца, потомка Кацев из Гам-мельна, что на Земле-матушке.

— Погоди клясться! — с неожиданной злобой в голосе остановила его Каманера.

Она с силой вцепилась в его рукав, словно не давая вскочить в какой-то поезд, невидимый, но явно не туда, куда надо, отходящий. И глаза у нее стали точно глазами ведьмы. Ведьмы, готовящейся перевоплотиться в лесную рысь.

— Ты уже поклялся один раз — Одноглазому. И отоварил нас работкой... Функцией... Теперь я от тебя отвязаться не могу, а ты — от меня...

— Так то была Клятва Рока... Я ведь не знал, что она магическая...

Бэзил снова пожал плечами, демонстрируя тем самым свою полную непричастность к чему-то очень для него и для его спутницы неприятному.

— Ты никогда не знаешь, чем клянешься! Из-за тебя я опять вернулась сюда — под луны...

— Ну и что, что под луны?! Ну и что, что под луны?! — затрепыхался Бэзил, пытаясь вырвать рукав своего концертного фрака из цепких коготочков подруги. — Отпусти меня! Оставь меня в покое, фанатичка!! Я есть хочу!!!

Упоминание о процессе поглощения пищи произвело на Элен магическое действие. Она недоуменно, словно вспомнив о чем-то крайне важном, уставилась на Бэзила и сглотнула слюну, на долю секунды явив миру остренький кончик розового язычка, которым стремительно облизнула губы. Потом был оставлен в покое рукав пианиста, а взгляд Элен, на глазах наполняясь надеждой, переместился на насупленного Орри. Она убрала руки за спину.

— Ну, в самом деле... Почему бы и не поклясться, — милостиво молвила она. — Не обращай на меня внимания, Орри. Это так, нервы... У меня... У нас очень тяжелые времена были недавно... Давай, мальчик, говори, в чем тебе поклясться двум проходимцам?

Орри опять недовольно шмыгнул, сердито подобрал губы и уточнил:

— Да не мне. Клятву звенны дают Огню и Ветру... И вы оба не должны себя называть проходимцами... Если дадите клятву, то вы уже будете мои друзья. А не проходимцы какие-нибудь.

Он сурово глянул на Элен:

— Вынь руки из-за спины! Держи вот так!.. И ты, мастер, тоже, — повернулся он к Бэзилу. — И если хотите клясться, повторяйте...

Каманера нехотя расплела скрещенные за спиной пальцы, вытащила руки из-за спины...

И вдруг зачарованно уставилась на яркий — почти без следов какого-либо рельефа — лик Чистой Луны. Вновь явившиеся в небе тучи — теперь уже ночные, снеговые — еще не затмили его. Но совсем другое изменение совершалось с этим правильным, словно в мастерской небесного ювелира выкованным диском. На краю его появился изъян. Стал стремительно увеличиваться... И вот уже на сияющем фоне белого пламени лунного серебра означился черный диск. Поменьше — в треть лунного. Почти совершенно черный, изъеденный едва намеченными в непроглядной копоти его поверхности язвами кратеров и шрамами горных кряжей...

Приют — третья и самая низкая луна Большой Колонии — пересекал лик ее луны первой — Чистой. Чуть пониже центра, если смотреть из этого полушария.

— Прохождение... — тихим, упавшим голосом вымолвила Элен. — Нельзя...

— Вот он... — тоже расстроено произнес Бэзил. — Легко, как говорится, на помине... Приют... Мы тут, кажется, поминали одного стихоплета? Так вот, можешь полюбоваться на его недавнее местонахождение, дорогая... Там о нем хорошо заботились. Есть кому... Зачем, спрашивается, было снова тянуть его сюда?

— Заткнись! — коротко оборвала его Каманера. — Прохождение... Такое не каждый год бывает. И вот — надо же...

А у Орри, наоборот, азартно вспыхнули глаза.

— Ну давайте! Надо успеть, пока не кончилось!..

Каманера вздрогнула и вместе с Бэзилем стала повторять следом за мальком: «Огню и Ветру — клянусь. Здесь, в Лесу звеннов, — клянусь. Клянусь, что Орри Нолан будет моим другом, пока есть Огонь и есть Ветер. И пусть Огонь и Ветер не дадут мне нарушить эту клятву. А нарушу ее — пусть Огонь сделает меня пеплом, а Ветер сделает пепел ничем. Все».

— А теперь так, — быстро сказал Орри, закатывая рукава.

Он прошептал слово-оберег и, присев над умирающим уже костерком, вытянул над ним руки. Элен еле слышно втянула воздух сквозь губы — ей показалось, что мальчишка сейчас обожжется насмерть. Бэзил просто отвернулся, морщась и жмурясь.

Орри затараторил быстро-быстро:

«Огню и Ветру — клянусь. Здесь, в Лесу звеннов, — клянусь. Клянусь, что Кац и Каманера будут мне друзьями, пока есть Огонь и есть Ветер. И пусть Огонь и Ветер не дадут мне нарушить эту клятву. А нарушу ее — пусть Огонь сделает меня пеплом, а Ветер сделает пепел ничем».

Поклявшись, он быстро вскочил и стал морщась хлопать себя по обожженным-таки рукам.

— Это... чтобы... клятва... вернее... была! — объяснил он, отрывисто, так же, как и Каманера, сквозь зубы, втягивая в себя воздух.

Окажись здесь Агент, он, наверное, сделал бы то же самое.

— Надо... для... этого — обжечься, — закончил Орри свои объяснения и принялся затаптывать костерок. — Пошли к вашему Косте...

Приют покинул сияющий лунный диск. И снова стал невидим.

* * *

Вообще говоря, Коста Ставрос не собирался задерживаться в Большой Колонии надолго. Хотя бы потому, что за все время его пребывания в этой галактической глуши ни одна брачная контора и никто из наемных сватов-одиночек не смог найти ему в жены чистокровную гречанку. А честь рода Ставросов требовала, чтобы все его члены вели свое происхождение только от истинных греков. Да не просто от тех, кого угораздило иметь папу и маму подходящей национальности, а от потомственных греков-контрабандистов, которым просто гены не позволили бы опуститься до того, чтобы зарабатывать себе на хлеб банковским ремеслом или изготовлением софтвера.

Нет, контрабандистов в Большой Колонии, состоящей из неполной сотни «субъектов Федерации» с установившимся благодаря мудрому руководству Сети невероятно нелепым соотношением цен и таможенных правил, хватало. Можно было, сильно поднапрягшись, найти и чистокровную гречанку (из числа новеньких в Бэ-Ка). Но либо в семье подходящих контрабандистов дедушка оказывался португальцем, либо чистокровная красавица-гречанка происходила непременно из семьи, которая всю свою долгую историю прожила в мире и гармонии с законом, что было уж вовсе неприемлемо.

Надо было радикально менять ситуацию — поджимал возраст.

Для этого требовалось немного. Всего лишь накопить сумму, потребную для того, чтобы убыть с нужным для открытия своего дела капиталом в более подходящие для его матримониальных планов места, — и только. Но накопить ее, даже продав перед отбытием чертовых «Чертей» (тут уж даже в мыслях Коста перестал обращать внимание на случайный каламбур), Ставрос мог только после десяти лет неустанного и убийственно нервного труда в порядке осточертевшей ему таверне. Был и еще вариант — пойти на какую-нибудь особо доходную, но и особо опасную авантюру. От первого варианта начинало ломить затылок, от второго — тянуть под ложечкой. А от все более и более глубокого осознания неизбежности окончательного выбора между этими вариантами Коста чернел ликом и мрачнел этого лика выражением, громоздясь — как правило, в полном одиночестве — за стойкой пустующего бара.

В таком положении — за две минуты до закрытия заведения — его и застала вломившаяся в «таверну» с ночного холода странная компания.

Котяру — Бэзила Каца — Ставрос знал еще с тех далеких теперь времен, когда тот был наводчиком на Океании, а по совместительству действительно пианистом-виртуозом, вхожим во многие дома тамошнего высшего света. О чем эти дома теперь горько жалели. Тогда ни он, ни Коста не помышляли ни о какой богом забытой Большой Колонии. Но времена меняются, и вот — судьба свела их в населенной свихнувшимися рабовладельцами глуши. Собственно, свела только позавчера.

Нельзя сказать, что с самого начала Коста был безумно рад появлению старого приятеля. Тем более что свои «е-2 — е-4»: «Знаешь, дружище, я что-то поиздержался в дороге, но когда выкуплю на таможне мой багаж...» с последующей просьбой о помощи в

размере полусотни баксов — Бэзил сделал, еще не переступив толком порога «Зеленых чертей». «Плох стал Котяра», — умозаключил тогда Коста, объясняя старому другу, что тот может покинуть гостеприимных «Чертей» точно в том же темпе, в каком явился, — и без всяких баксов, разумеется. Максимумом дипломатических успехов Каца было соизволение Косты воспользоваться его настольным блоком связи — и то при условии, что тот сделает не больше одного звонка.

Теперь — двадцать восемь часов спустя — Коста решил, что Котяра вконец тронулся умом. Или ограбил рейсовый автобус. Что вообще-то было одно и то же.

В здравом уме Бэзил не притащил бы с собой к Косте девицу. Причем — тут у Косты был глаз наметанный — девицу такую, которой палец в рот класть не следовало бы даже за большие деньги. Лицом она была изящна и конопата, одета — пристойно, а окрасом вышла в осеннюю лисицу. Только вот изысканный профиль ее украшал почти незаметный уже, но когда-то основательный «фонарь» под левым глазом. Свитерок был явно с чужого плеча и на одном рукаве, как ни маскируй, заметно надорван, а на другом — запятнан (да уж не кровью ли?.. Не-е-ет... Кетчупом, видно, — чур меня — конечно же, кетчупом...). Ну, а медно-бронзовая прическа все еще демонстрировала следы ножниц тюремного цирюльника.

«На Харуре сидела девка, — определил про себя Коста. — Точно, на Харуре. Там женщин в каталажке наголо не стригут, а такой вот шиньон делают...»

Того пуще был сопровождавший Котяру и его спутницу малек — шустрый, явно из местных, даже вроде на глаза попадался как-то. Одет бедновато, но не в лохмотья. И Котяру не боится. Да и уголовницу, что с ним, — тоже. Так или иначе, это не киднэппинг. И то слава богу. Кто ж он есть? Китайчонок — не китайчонок... Для вьетнамца слишком приземист, для казаха — наоборот... А против света поглядеть, так и за славянина сойдет, есть у них там такие — скуластые и раскосые. На Святой Анне плюнуть нельзя, чтоб в такого не попасть. Метис. Точно — метис, как и все здесь.

В любом случае это была не та компания, которую ожидал и вроде уже не дождался Ставрос.

Мальчонка, как ни странно, приглянулся Косте.

«Есть попросит — накормлю, — решил он. — И спереть мелочь какую-нибудь дам. До полутора баксов включительно. А что сопрет — это точно. По глазам вижу. Но не стану „ухи крутить“. Если, конечно, хамить не будет».

Хамить мальчонка вроде не стал — чинно уселся на лавке справа от вальяжно развалившегося за самым удобным столиком Котяры и слева от стриженной уголовницы и принялся разглядывать их снизу вверх, как диковинных зверушек. Ноги у него до полу не дотянулись, а потому заплелись одна вокруг другой хитрым кренделем. Уголовница погладила малька по криво стриженной макушке.

От компании разило холодом, голодом. И кострами.

С видимым безразличием Коста выгрузился из-за стойки, обмахнул клетчатой салфеткой сначала соседний столик, а уж затем и тот, за которым устроились гости. Потом разместил на своей физиономии необходимый минимум вежливого внимания и осведомился, терпеливо глядя в пространство, чего, собственно, господам мастерам надобно.

— Нам... — определил Котяра, с глубоким пренебрежением рассматривая слегка засаленный буклет с меню. — Нам, э-э...

— Нам пару сэндвичей, — опередил его малек. — Можно вчерашних... Для старших. А

мне гренок, если можно. И можно тоже вчерашнюю. И колы на всех...

Тут Бэзил заставил его умолкнуть громогласным «И-и-и-эппп!!!» и страшно выпученными глазами, а Элли больно придавила ему ладонь, которой малек держался за скамью.

— Да, — весело заявила уголовница, игриво повернувшись к Косте тем из своих профилей, что можно было помещать на обложке модного журнала. — Подайте нам пару вчерашних сэндвичей — только без лука и без печенки, разумеется, а также гренок для Орри. Проследите, чтобы гренок был вчерашний. Ну и, конечно, — всем колы. Только не из холодильника. На дворе прохладно, знаете ли.

Она задумалась, перебирая в тонких пальцах изъятые у Бэзила меню.

— Н-ну... Ну а к этому, будьте добры, добавить... Ага — вот! Копченых языков... Ну, чтобы хватило на всех... Языки у вас телячьи?

— Нет, мадам, свиные, — ответствовал Коста, принимая правила непонятной еще ему игры. — И, знаете ли, мадам, они не вчерашние...

Орри озадаченно крутил головой, переводя взгляд с Элли на Бэзила, а с Бэзила на Косту.

— Тогда — отставим языки, — милостиво приняла Элли шутку трактирщика. — Пусть это будут... пусть это будут... Ага — пусть это будут ростбифы!

— Просто ростбифы, мадам? — уточнил Коста.

— С гарниром, разумеется. И вовсе не обязательно вчерашние...

Элен мило улыбнулась и на лице у нее появилось мечтательное выражение.

— Итак, — все так же мечтая о чем-то, продолжила она, — просто ростбифы. По двойной порции. И мне... Мне лично — с кр...

Тут она запнулась, преодолевая что-то в себе, и решительно закончила:

— С кровью! Мне двойной ростбиф с кровью! Чтобы был почти сырой!

— Элли... — тихо произнес Бэзил, с опасливым упреком глядя на спутницу своим злым желтым глазом. — Что — Полнолуние?

— Бэзил! — томно отозвалась та и положила свою ладонь на его руку. — Луна, Бэзил... Это всего лишь Полнолуние Чистой Луны. Это не страшно. Двух ростбифов с кровью вполне хватит... Ты же ведь не хочешь, чтобы...

Бэзила передернуло.

— Нет, дорогая, не хочу... Но ты обещала...

— Ах... — вздохнула Элен. — Ведь это всего лишь коровы...

— Бог с тобой, Элли.

Бэзил погасил желтый огонь в глазах, отобрал у Каманеры меню и сделал вид, что углубился в него.

— Но все дела надо будет закончить пораньше... — буркнул он уже примирительно и зыркнул на подругу уже другим — непроницаемо-антрацитовым глазом. — Тебе надо обратиться отсюда вовремя. До того как Больная Луна...

— Оставь это! — уже резко и нетерпеливо оборвала его Элен.

Орри не понял этого разговора. Эти двое вообще говорили много непонятного.

Тем временем Бэзил распорядился, чтобы Коста в дополнение к ростбифам обеспечил усталых путников еще кучей всякой снеди — пирожками с курятиной, крабовым салатом, бужениной, артишоками («Нет у меня никаких артишоков! Они там для красоты вставлены!» — невозмутимо поправил его Ставрос), принес свежую дыню, бутылку хереса и какао для малька. Коста глядел теперь уже не в пространство, а куда-то меж разноцветных глаз

заказчика. И взгляд его становился все более и более подозрительным.

— Вы кончили? — осведомился он, мрачно смахивая со стола клетчатой тряпицей что-то одному ему только зримое и делая вид, что отчаянно старается, чтобы это «что-то» не попало в физиономии клиентов.

— Пожалуй, все, — подумав, заключил Бэзил. — Да, вот еще — не забудьте о зубочистках, пожалуйста...

— А ты помнишь, Котьяра, — с чувством спросил его сполна испивший всю чашу унижения, преподнесенную ему клятым прощельгой, Ставрос, — что у меня не подают в долг?

— Что за тон? — возмутился поименованный Котьярой потомок тех самых Кацев из Гаммельна, которые...

— Так в чем же проблема? — разрядила назревающий конфликт милейшая и снова благорасположенная ко всему миру Элен. — Обслуга э-э... сомневается в нашей платежеспособности?

При этом она окинула Косту рассеянным взглядом, не оставляющим сомнений в том, что она и не думает держать его за кого-либо, кроме невоспитанного полового.

— Элен! — поспешил усугубить унижение старого приятеля Бэзил. — Ты ошибаешься! Это же не ночной сторож и не мойщик полов... Позвольте вас представить друг другу: это...

Тут он сделал изящный жест в сторону своей спутницы:

— Это мисс Элен Каманера, артистка... А это...

Он чуть приобнял нависшего над ним Косту за необъятную талию.

— Это — мой ближайший друг Коста... Судьба наконец свела нас в столь далеких от мест нашей первой встречи краях... Коста, ты помнишь, как это было?..

Орри, не сподобившийся быть представленным хозяину заведения, ничуть не страдал от этого, а только лишь рыскал вокруг шустрим взглядом. Доносившиеся откуда-то с кухни запахи недавно приготовленной пищи придавали этому взгляду особую остроту и цепкость.

Коста тем временем освободил свой просторный торс от несколько навязчивых объятий старого приятеля и осведомился:

— Вот что, господа художники и артисты. Платить чем будем? Я предпочел бы увидеть шуршики, прежде чем изводить на вас съестное...

— О господи! — снова взяла на себя инициативу Элен. — Какие пустяки! Орри!

Она повернулась к Орри тем своим профилем, на котором синяк под глазом еще был заметен.

— Дорогой Орри, покажи господину э-э... Покажи дяде Косте свою замечательную кредитную карточку...

Орри с некоторым замешательством и с очень большой неохотой извлек на свет божий и повертел в воздухе золотистый кусочек пластика.

— Но... — хотел сказать он, однако не сказал: такой суровый взгляд устремили на него одновременно оба глаза Бэзила и один (подбитый) глаз Элен.

— Ну что ж, — все еще мрачно произнес Ставрос. — Дай-ка я гляну на твою игрушку, малек...

Орри с беспокойством проследил за путешествием карточки Пятого Галактического банка из его рук к носу Косты. В этот пункте своего маршрута кредитка задержалась. Не отводя взгляда налитых кровью глаз от свидетельства платежеспособности своих клиентов, Коста вытянул из кармана своего засаленного, но зато отороченного мехом жилета

мобильник и наступал на его клавишах номер дежурного по банку.

— Вот что, — буркнул он в трубку, как только в ней зазвучал сладчайший голос робота, благодарящий его за то, что он решил воспользоваться услугами столь надежного банка, как...

— Вот что. Меня интересует платежеспособность карты серии...

Он назвал роботу серию и номер кредитной карточки Алекса Триза.

— Можете не беспокоиться, мастер, — заверил его любезный автомат. — Названная вами карта вполне платежеспособна. И — если вас интересует этот деликатный момент — не объявлена ее хозяином в розыск. Вы можете...

Ставрос упрятал мобильник в карман и, пожевав губами, недоуменно мотнул головой. Потом вернул карточку Орри.

— Кирак! — крикнул он в дверь кухни. — Кирак, ты слышал заказ? Принеси господам все по списку...

— Скажи, Коста, — весело поинтересовался Бэзил. — А что, здесь, в этих местах, действительно встречали зеленых чертей? Или такое название просто так, для красоты?..

— Святая правда, — неприязненно морщась, заверил его Ставрос. — Здесь они и жили, в развалинах мельницы, на которых потом построили мотель. Ее еще первопоселенцы соорудили — мельницу эту... А может, она и раньше здесь была, еще до людей... И не мельницей была вовсе...

— Ну, может быть, не совсем уж черти? — не унимался Бэзил, почувствовавший, что задел крайне неприятную для старого приятеля тему, и всюю эксплуатируя это обстоятельство. — Может быть, твари поменьше — ну, ма-а-а-аленькие такие чертики?

— Нет, — отрубил Ставрос. — Тогда и мотель называли бы «У Зеленых чертиков»... А тут черти. Многим они до сих пор, говорят, попадаются — ближе к полуночи. Довольно крупные — экземпляры...

С тем он и убыл с поля боя, недовольно хмурясь и недоуменно тряся своими сединами.

— Не беспокойся, Орри, мы вернем дяде Алексу все деньги за этот ужин, все до копейки! — ласково заверила Элен встревожившегося мальчишку. — Ну, подумай сам — разве он не накормил бы тебя, окажись он здесь? И разве он не угостил бы при этом нас, твоих друзей?

* * *

Кирак — самый корявый и плосколицый из андроидов, каких только видел Орри за всю свою коротенькую жизнь, — судя по всему, или подслушивал под дверью, или обладал обостренным слухом, потому что тут же засновал между кухней и столом, расставляя на нем заказанные блюда и обеденные приборы. Вид у него был обиженный, хотя никаких обид от новоприбывших клиентов он еще не потерпел. Бэзил тут же поспешил исправить это несоответствие:

— Скажи, Элен, — спросил он, указывая вилкой с нацепленным на нее ломтиком буженины в сторону услужливо спешащего к столу, груженного подносами Кирака, — неужели ты и после ознакомления с этим индивидом будешь твердить мне, что андроиды — не уроды?

Элен рассерженно бросила салфетку на стол.

— Ты еще не выпил, Бэз, а уже начинаешь задирать андроидов! Как это мерзко! Ты же ведь прекрасно знаешь, что несчастная дубина не сможет ответить тебе оскорблением на оскорбление...

— Конечно, не сможет, — не без гордости за свое положение отозвался Бэзил и, отправив буженину в рот, сделал андроиду знак наполнить его бокал. — Потому что знает — оскорбляя человека, он наносит ему вред. Так ведь, милейший Кирак?

— Именно так... — подтвердил Кирак, наливший Бэзилу херес и замерший по левую руку от него в позе «чего изволите?» — Я могу только углубить и развить вашу мысль, уважаемый клиент...

— Углуби и развей, — барственно заметил Бэзил, отхлебывая вино и откидываясь на спинку скамьи. — Философия дебилов порой бывает невероятно забавна...

— Я хотел всего лишь заметить, что, оскорбляя того, кто не может ответить на оскорбление...

Тут он принял у Элен опустевшую салатницу и услужливо наполнил хересом и ее милостиво подставленный бокал.

— Оскорбляя того, кто не может ответить на твое оскорбление, — продолжил андроид, — человек наносит вред прежде всего самому себе... А мы, андроиды, не должны допускать своим бездействием, чтобы...

Бэзил помрачнел.

— Мы недовольны тобой, милейший, — прервал он экскурс Кирака в моральную философию. — Где же вчерашние сэндвичи, скотина? Ведь мы их заказывали...

Орри, напоминавший сейчас встревоженного воробья, мел подряд все съестное, оказавшееся в радиусе его досягаемости, и припрятывал кое-что из того, что не крошилось и не растекалось, в карманы своей куртки. В разговор старших он не вмешивался, но на Бэзила нахмурился. Он давно заметил, что многие новички в Большой Колонии сразу начинают вести себя с андроидами вот так — по-хамски. А у Бэзила явно был на андроидов какой-то свой, довольно большой, зуб. Похоже, что присутствие Элен заставляло этот зуб ныть с особой силой.

— Хозяин не держит у себя на кухне вчерашнего... — вежливо ответил тем временем Кирак. — Кроме того, я понял, что это была шутка. Андроиды отнюдь не лишены чувства юмора, что бы вы о них ни думали, мастер. Оно, видите ли, помогает нам в нашей жизненной борьбе...

С тем он в очередной раз и канул в недра кухонного зала — за ростбифами для Элен.

— Нет, — возрился Бэзил на свою партнершу. — Каков этот недоделанный философ? Ты слышала, они уже и о борьбе стали рассуждать, эти ваши...

Тут «недоделанный философ» снова явил себя клиентам «Зеленых чертей» и водрузил перед каждым из них небольшую гору прекрасных ростбифов. У Элен гора эта истекала натуральной кровью.

— Ты знаешь, дубина, что ростбиф с кровью — это не просто сырое мясо? — вскинулся на него дипломированный пианист. — Такие кулинары-философы, как ты, вызывают у меня желание открутить им голову и вставить ее туда, где ей самое место!

Он подставил опустевший бокал, и Кирак послушно наполнил его вином.

— Не придирайся! — оборвала его Каманера, ноздри которой хищно расширились, вдыхая запах крови. — Ростбиф — самое то!

— Я должен предупредить вас о надвигающейся на вас опасности, мастер... — скорбно

уведомил Кирак Бэзила.

— Что за опасность? Отравиться твоей стряпней, дурень?

— Отнюдь нет, мастер. Санитарный контроль доволен моей работой...

Кирак тяжело вздохнул.

— Дело в том, мастер, что я по опыту знаю, что люди, подобные вам, после второго или третьего бокала вина от слов переходят к делу... В смысле того, что вы говорили о перестановке моей головы... Так вот, мастеру Ставросу такие вещи не нравятся. Он нас — своих андроидов — защищает, словно отец родной... Своих — это значит, «своих друзей», — торопливо поправился он, припомнив пункт трудового законодательства. — Кроме того, господин Ставрос очень физически силен... И простите, но я заметил, что он не очень-то жалуется на вас, мастер... И я вряд ли смогу помочь, если мастер Ставрос начнет причинять вам вред... Это крайне прискорбно, но...

— Это какой же, спрашивается, вред станет причинять мне мастер Ставрос? — грозно выпятил грудь Бэзил.

Каманера, забыв про ростбиф, с интересом наблюдала за развернувшейся пикировкой.

— Он всегда мешает тем, кто обижает андроидов, тех, что помогают ему здесь, — с тяжелым вздохом пояснил Кирак. — Если, конечно, черти не начинают им мешать раньше... Не далее как вчера он помешал господину муниципальному советнику Терракоте намазать горчицей физиономию Мурри...

— Какому такому Мурри? — поморщился Бэзил, поднося ко рту бокал.

— Это мой помощник по кухне, мастер... У него еще не сформировались нужные рабочие навыки, но он подает большие надежды. Иногда хозяин выпускает его в зал обслуживать посетителей. Обычно нареканий к нему не бывает... Но у мастера Терракоты, по всей видимости, возникли...

— М-да?.. И какие же, позволь спросить? — поинтересовался Бэзил, смакуя действительно неплохой херес местного изготовления.

— Это мы не скоро узнаем... — скорбно склонил голову Кирак. — Мурри не понял смысла предъявленных ему претензий, а сам мастер Терракота вряд ли появится здесь скоро. Он пересек мост там, недалеко от перекрестка — тут я позволю себе употребить выражение, которым воспользовался мастер Ставрос, — «далеко обгоняя собственный визг»... Мне будет жаль, если вам э-э... придется повторить этот своеобразный рекорд. От себя замечу, что визг господина Терракоты весьма напоминал визг поросенка, которому...

Бэзил поперхнулся хересом, и тот немного разбавил вылившиеся ему на колени струи горячего какао. Орри не сдержался и прыснул в свою чашку. Каманера весело расхохоталась и наконец впилась зубами в ростбиф. Ела она его самозабвенно — высасывая телячью плоть до последней капли, а потом, вяло и меланхолично, мечтательно прикрыв глаза, дожевывала обескровленные ломтики. Происходящим за столом она уже больше не интересовалась.

Не найдя окрест ни малейшего сочувствия своему гневу, Бэзил досадливо бросил андроиду:

— Поддай мне салфетку и, будь добр, избавь от своего общества...

* * *

— Вот давно бы так, — заметил Ставрос, подходя к нему сзади. — Я это здесь быстро

понял — почти сразу, как прилетел. Не трогай андроидов, и будешь жить спокойно. Они здесь умеют досадить тем, кто их утомляет. А мне так с моими надо еще и дружить, чтобы Комитет по наемному труду не придирался по разным поводам... Ну, вот что: не будешь заказывать еще чего на ужин — оплачивай счет и вали ночевать в домик. Они за изгородью, справа. Я включил ночлег в счет. Паренек ваш пусть переночует в гостевой, наверху. Там будет теплее. Что до мадам, то...

— Я останусь в гостиной, — благодушно уведомила его Каманера. — Сна ни в одном глазу. Полнолуние... Посмотрю новости по Ти-Ви. Давно не смотрела здешних новостей...

— Да, — торопливо подтвердил Бэзил. — Когда у Элен бессонница, ей лучше вот так...

— Воля ваша, — пожал плечами Ставрос. — Гони сто семьдесят баксов и, как говорится, располагай собой...

Наступил решающий момент.

— Орри, — медовым голосом обратился к мальку его новый Друг. — Будь добр, набери на аппарате дяди Косты номер э-э... Алекса. Ты ведь вспомнил его? Мне придется спросить у него кодовый номер твоей карточки...

Физиономия Ставроса вытянулась.

— Так вы... Так ты, мальчик, просто взял карту своего папы и... И даже не спросил у него кодового пароля?

— Алекс вовсе не мой папа...

Выражение тревоги и подозрительности явно обозначилось на физиономии Ставроса.

— Это сущие пустяки... — махнул рукой Бэзил. — Дайте мальчонке аппарат, и мы все урегулируем за пару минут...

Ставрос с подозрением протянул аппарат Орри. Того прошиб мелкий пот, но трубку он взял и мужественно настучал на клавиатуре домашний номер Алекса. Мобильник тот никогда с собой не таскал, чтобы не беспокоили.

Как и ожидал Орри, автоответчик не преминул уведомить его о том, что хозяина дома нет, и предложил оставить для него сообщение. Орри попытался улыбнуться и пожал плечами. Вышло довольно жалко. Он протянул аппарат Ставросу, но тот даже не заметил его.

Коста окончательно превратился в грозную тучу, готовую обрушить страшной силы разряд на первого, кто под такой разряд угодит. Орри очень не хотелось оказаться этим «кем-то». В конце концов, он ничем не был виноват в происшедшем.

«Туча» подумала немного и развернулась в сторону Бэзила.

— В общем, обштопал ты меня... — задумчиво произнес Коста. — Пожрал, попил, девку свою накормил... Ладно, малек не в счет... И теперь думаешь вот так вот и уйти, как фраер?

— Ну, ты же сам проверял... — торопливо затараторил Кац. — Карта платежеспособна, ты эти деньги получишь... Уже сегодня же...

— Кто этот чертов Алекс? — грозно спросил Ставрос. — Это его карта вообще?

— Да, его... Но она... Он... Орри, как зовут дядю Алекса? И где его найти?

— Алекса зовут Алекс Триз, — внес в разговор ясность Орри. — «Прокат и обмен виртуальных игр»... А найти его сейчас трудно. Может, его плохие люди забрали. Может, не забрали, а он от них прячется...

— Неплохо... — констатировал Коста. — Неплохо ты меня нагрел, Котяра...

Он задумчиво рассматривал Каца анфас, чем вызвал у того непреодолимое желание

повернуться в профиль. А еще лучше — просто забраться под стол.

— При ребенке я бить тебя не буду... — успокоил его Коста. — Но до тех пор, пока сто семьдесят баксов не будут у меня на столе, тебе придется погулять без твоего роскошного прикида... Мадам мы пока оставим у нас погостить, пацан тоже здесь целее будет, а ты, скотина, найдешь у меня в кладовке всякое барахлишко... То, что андройды надевают мусор убирать, и в нем отправишься в город решать с Тризом своим, с плохими людьми, с хорошими и со всеми, с кем хочешь, где тебе эти сто семьдесят баксов достать. Хоть займи, хоть банк ограбь, хоть у аллаха из задницы вырви... А не принесешь до вечера, включаю «счетчик»... Лады?

— Господи, я не знал, что ты стал таким мелочным, Коста...

— Важен принцип! — грубо оборвал его содержатель «Зеленых чертей». — Я не люблю, когда старые друзья меня вот так накалывают по мелочам.

— Но зачем же лишать меня костюма?

Голос Бэзила перешел в режим верещания.

— Это же мой способ зарабатывать! Кто пустит меня в лохмотьях в приличный офис?!

— Так иди в неприличный! Радуйся, что я тебя не выпускаю отсюда вообще в чем мать родила! Все! Точка. Конец предложения. Абзац. Разговор закончен!

— Если тебе нужен залог, — продолжал верещать Бэзил, — то какой же это залог?

Он прихватил свой фрак за лацканы и принялся демонстрировать их Ставросу.

— Это? Это?! Он же потерт! Залит кофе и всякой дрянью... Какой это может быть залог?

— Что ты мне в нос суешь свою мануфактуру?! — взорвался Ставрос. — Знаю я ей цену! Я потому ее у тебя и забираю, что больше с тебя взять нечего. Только и всего...

— Но зачем же тебе это старье? Вот на Элен прекрасная юбка. А на мальчике совсем не ношенная почти куртка. Легкая и теплая... Или вот...

— Так ты, сука, уже и ребенка раздеть готов?! — зашипела молчавшая до сих пор Элен и грозно поднялась из кресла.

— Элен! Бога ради, контролируй себя, Элен! — с неподдельным испугом заорал Бэзил, стараясь поместить Косту между собой и своей спутницей. — Помни, что сейчас — Полнолуние...

Орри проворно выскочил из-за стола, успев сунуть в карманы еще пару пирожков. Потом он — второй раз за эти сутки — сказал «Брек!» и выставил вперед правую руку с поднятой ладонью.

— Сколько, вы говорите, мы должны вам? — обратился он к слегка оторопевшему Косте. — Сто семьдесят баксов? Пять сотен разменять можете?

Он уселся на пол, для удобства подвернув под себя ноги, вытащил из-под куртки свою фляжку и принялся отвинчивать у нее дно.

Присутствующие, в том числе Кирак и выглянувший из кухни Мурри, не без удивления наблюдали за его манипуляциями. Дно фляжки отошло легко и обнаружило простенький тайник, он занимал больше половины ее объема. Тайник был плотно набит банкнотами Первого Федерального. Так плотно, что они сейчас оправдывали свое прозвище — «капуста».

— Откуда это у тебя, мальчик? — вкрадчиво спросил Ставрос.

— Это, считайте, деньги Храма... — хмуро буркнул Орри. — От пана Волыны их мне передали для... В общем, на самом деле, чтобы выследить, куда я с ними пойду... Одним

словом, придется занять — не пропадать же Бэзилу без штанов? Потом вернем... Так вы разменяете?

Он протянул купюру Ставросу. Тот разгладил ее, по старинке посмотрел на свет и кивнул Кираку.

— Принеси...

Через секунду верный андроид был уже снова перед Ставросом, держа наготове стальной ящик, служивший Косте, видимо, разменной кассой. Еще через минуту расчеты были благополучно окончены. Ящик убрался назад, в кабинет Косты, а фляжка-тайник вернулась под куртку Орри. Воцарилась всеобщая тишина.

Потом Ставрос молча мотнул головой, предлагая Бэзилу пройти за ним.

* * *

В кабинете Ставрос кивнул Бэзилу на кресло, а сам втиснулся за выдавший виды письменный стол.

— Признайся...

Он навалился животом на стол и вперил в Каца взгляд своих выпуклых глаз.

— Вы уговорили мальчишку грабануть папашу... Ну не папашу, а какого-то лопуха из родственников, и бежать с вами на Трассу или еще куда-нибудь? Ты знаешь, что здесь делают с похитителями детей? Ты думаешь, тебе удастся по-тихому сплавить малька куда-то?

— Да нет! — замахал на него руками Бэзил. — Как бог свят — нет! Это все экспромт! Чистой воды экспромт! Мы с Элен...

— Кстати, Элен эту свою ты откуда раздобыл? Она с клеймом? Видно же, что на Харуре за решеткой побывала...

— Да нет, у нее нет клейма!.. Ты меня не путай! Элен, это другая песня...

— Говоришь, клейма нет? Значит, до суда сбежала... Говоришь, другая песня? Ну что ж, другая так другая... Откуда малек-то?

— Да из Лесу! Там его и встретили. Еще до дождя... Один-одинешенек...

Бэзил решил не усложнять разговора упоминаниями про звеннов. Да и про клятву Огню и Ветру решил лучше промолчать. Как и про другую свою клятву, из-за которой, собственно, и оказался здесь, в Бэ-Ка.

— И при нем — карточка эта... А говорить толком он не стал. Одни какие-то Алекс, Мохо... Теперь вот про Вольну какого-то...

Лицо Ставрота дернулось:

— Это ты вовремя про пана напомнил... Я чуть и не упустил... Только наперед учти: пан Вольна не «какой-то». И никогда «каким-то» не будет! Такие, как он, Стук, Билли-Беда, здесь под крылышком у людей высокого полета гуляют. И не приведи тебя господи с ними на узкой дорожке встретиться...

Он замолчал, барабаня короткими волосатыми пальцами по столу.

— Однако же с мальком надо как-то быть... Быть с ним надо как-то...

Он снова уставился на ровным счетом ничего ему не говорящую физиономию Бэзила. Тот уставился на него:

— Кажется, и просто все... Как у младенца леденец стырить... Однако ж... Такие имена

упоминаются... Лучше не рисковать... Не рисковать лучше... Вот что...

Он схватил трубку многоканального блока связи и ткнул в единственную кнопку — одну из многих, что теснились на панели памяти. Этому человеку Ставрос звонил частенько, и всякий раз набирать его номер целиком было уж слишком геморройно.

— Алло, Тедди? — приветствовал он своего собеседника. — Время позднее, а ты, я вижу, на ногах... Да... Да... Не жизнь, а сплошные поводы для бессонницы... Нет — только чистый воздух, чистая совесть и жизнь в деревне... Только это — никаких таблеток... Да, это нам не по карману... Послушай... Я здесь оторвался от городских сплетен... Да... Ты мне намекни... Намекни только — тебе фамилия Триз ничего не говорит? Вот как? Да — Алекс Триз... Ну, а если я добавлю сюда имя малька одного... Что? Да, именно... Орри его зовут... По-андроидски как-то... Но не... Что там у тебя?

Коста недоуменно уставился на Бэзила, словно тот мог объяснить ему, что приключилось на той стороне канала связи.

— Да... Да ты что?! Нет... Нет, не у меня... Не...

Трубка в его руке разразилась всполошным кудяхтаньем, потом панически заверещала и смолкла. Ставрос подержал ее с минуту, глядя на пластмассовое изделие, словно на семибатюшную гадюку. Потом точно таким же взглядом смерил сразу поджавшегося Каца.

— Кого ты привел ко мне?! — тихо спросил он.

Шепотом спросил.

Львиный рык и перекаты громовых раскатов навели бы на Бэзила меньше страху, чем этот шепот. Ответа Каца Ставрос дожидаться не стал. Просто несколько раз ткнул пальцем в трубку и доверительно сообщил:

— По-моему, Рубинчик свалился с кровати. Это для него опасно. Остеохондроз...

— Какой Рубинчик? — изумился Бэзил. — Лева Рубинчик из Метрополии? Его занесли в эти места? Как интересно!..

— Тедди. Тедди Рубинчик из Нижнего города... Ты его не знаешь, но это неважно. Зато он знает всех. Так вот, когда он узнал, что я спрашиваю про малька по имени Орри, да который еще имеет отношение к Алексу Тризу, то он упал с койки... Поверишь ли мне, Тедди Рубинчик упал с койки... Он очень возбудимый — Тедди... Он сказал, что нас всех убьют...

— Он что — чумной? — озадаченно спросил Бэзил.

— Кто? Тедди? Да нет, он просто холерик...

— Я про малька. У него что — болезнь какая-то, которой он нас всех перезаразил?

— Нет... Это не болезнь. Хуже... Он что-то такое знает, чего нельзя... Чего не хотят... Что-то связанное с каким-то Пророчеством... Или Предсказанием... Одним словом, Больше его заказали. Достать живым или мертвым... И всех, кому он что-то мог рассказать, под корень... И вот они его со вчерашнего дня и ловят...

— И с-сколько за него дают? — начав заикаться от волнения, осведомился Бэзил.

С минуту Ставрос печально разглядывал старого приятеля. Как, наверное, на далекой Земле разглядывают чудом к ним попавшего живого тропического богомола жители Алеутских островов.

— Новый ты в здешних местах. Неопытный... Запомни — такие люди, как Вольна, платят только за то, чего не могут взять. И только тому, у кого взять не могут. У таких, как мы, Вольна может просто взять то, что ему нужно. А потому мой тебе совет... Продай малька. Тольконе Больше, а тому, с кем Вольна станет торговаться. Ты, конечно, на таком

деле словишь мизер — ну, тысяч двадцать, двадцать пять от силы. Но останешься жив. И на кусок хлеба с маслом заработаешь и на фрак концертный... И на новый свитерок для твоей мамзели — а то в драном ходит... И продавай его немедленно. Раз Тедди Рубинчик знает, что про Орри его спрашивали из «Зеленых чертей», то скоро об этом будет знать весь Нью-Чепель. А раз об этом будет знать весь Нью-Чепель, скоро сюда пожалуют пан Волына и его люди... Тебе надо торопиться...

— Кому, кому я могу продать треклятого мальчишку? — заломил руки Бэзил.

— Да хоть первому встречному!

Коста стал решительно выбираться из-за стола. Это давалось ему нелегко.

— Кому угодно, лишь бы сбить его с рук и перевести стрелки на других людишек...

— И где я возьму этого чертова первого встречного ночью в лесу, на безлюдье! Там уже, по-моему, пурга начинается...

Ставрос подошел к окну, прислушался...

— Знаешь, — вдруг сказал он решительно. — Пожалуй, я могу составить тебе протекцию. Ну, по части первого встречного... За известный процент, конечно...

— Век буду благодарен! — с энтузиазмом воскликнул Бэзил. — По рукам!

— По рукам, — подтвердил Коста.

И вот он тут как тут — легок на помине — этот первый встречный. Тот самый гость, которого Коста ждал с раннего вечера! И таки дождался!

Заверещали звонки, забухало дверное кольцо, а входная дверь бара распахнулась под напором ломящихся в нее людей и андроидов. Загудели гуделки, затрещали трещотки, зазвенели струны, и бар наполнился пестрым и непонятным, но, главное, развеселым народом. Не весел, а наоборот — мрачен, как снеговая туча, был только человек громадного роста — косая сажень в плечах, борода до пояса, на ногах — первопроходческие сапоги с печную трубу каждый. Взгляд тонет в кустистых бровях, нос картошкой торчит из медно-рыжих усов, а сам их обладатель по пояс тонет в такой же — медного отлива — бородище. Сверху на все это нахлобучена ковбойская лихая шляпа: к вашим услугам содержатель Подземных Театров Нью-Чепеля и окрестностей мастер Стук собственной персоной!

Глава 4

ЗАДОМ НАПЕРЕД

Мохо выглядел неважно — похоже, что ветреная, снежная ночь не принесла ему ни отдыха, ни успокоения. Проснувшись, Ким застал его в том же положении, в котором оставил, засыпая: сидящим на корявом пне, поодаль от приткнувшихся к сейве каров. Только накинутый в предвидении холодной ночи капюшон его ветровки был откинут, да зажатая в кулаке трубка-носогрейка (дед, видно, втихую частенько нарушал здешний идиотский закон о табакокурении) теперь еле дымилась. Да и сам старый краснодеревщик кемарил на свежем ветерке, не проявляя других признаков жизни.

Агент проспал всю ночь как убитый, навалив на себя кучу теплой ветоши — вполне пригодной, впрочем, чтобы сойти за одеяла. Он знал, что ночи в Большой Колонии холодные, но только теперь, на природе, прочувствовал — насколько!

Алекс, как стало ясно из того, что соизволил буркнуть в ответ на расспросы погруженный в мрачные мысли владелец «Мастерских», с первыми признаками наступающего рассвета отправился искать Чжанна — предупредить его о грозящей опасности, а заодно и разузнать о том, как там идут дела у Орри.

— Вы за него не беспокоитесь? — невпопад спросил Ким. И получил в ответ один из самых мрачных взглядов, которые приходилось наблюдать его органам зрения.

— Ничего с мальком случиться не может! — отчеканил вдруг Мохо мрачно и так веско, словно и не думал только что подремывать. — Не дурной он. Много раз бродил тут. И со Скрипачом и так, в одиночку. Да и чему случиться-то? Лес пустой стоит...

И тут, словно для того, чтобы опровергнуть его слова, тишина оборвалась.

Сначала с шоссе донесся тихий посвист резко тормозящих каров, потом из-за верхушек деревьев вынырнул бойкий вертолет, украшенный красным крестом. Вертолет немного поныл плоховато отрегулированными движками — прямо в зените, над головами Агента и краснодеревщика, — резко снизился и завис над просекой поодаль. И тут же стало слышно, как с хрустом, повизгиванием и громкой бранью по тропинке, уходящей вниз, к крутым берегам Сонного озера, стала карабкаться чертова уйма народу и зверья.

Лидировали с полдюжины егерей в пятнистом обмундировании, увешанные винчестерами неслабого калибра. Каждого из них тащил за собой на поводке свирепый пес бульдожьей породы. Егеря сурово матерились. Вслед за егерями — примерно в том же количестве и тоже при оружии — плелись полицейские. Они понуро молчали. И это было правильно — куда там простому копу до строевого егеря по части изящества слога и общей крепости выражений...

Предпоследним шел мрачный как туча Алекс Триз, а совсем уж последним — еще один егерь. Притом егерь вида совершенно озверелого. Одной рукой он придерживал свой винчестер, дулом которого подгонял злого как черт Алекса, а другой придерживал на плече здоровенную псину. Псина глубоко страдала.

И было отчего — судя по количеству нашлепок репарирующего геля и неумело наложенных повязок, пес выдержал сражение с неплохо укомплектованной моторизованной дивизией. Глаза у бульдога горели жадной мщеницей.

Навстречу этой процессии со стороны шоссе появились люди. Пара полицейских чинов при мундирах и погонах чуть ли не вприпрыжку поспешала за угрюмым типом в штатском.

Тип был хоть и не при регалиях, но, видно, в большом звании, потому что при его появлении егеря стихли, копы подтянулись, а псы разом угомонились.

На Мохо с Кимом никто даже не подумал обращать внимание — словно и не было их вовсе. Один только Триз притормозил своего конвоира, который уперся стволом ему в спину так, что казалось, ствол либо вылезет сейчас у Алекса из живота, либо напрочь согнется пополам.

— Вот они! — заорал Алекс, указывая на приятелей, озадаченно топчущихся у фургона. — Вам нужны лица, способные меня удостоверить? Вот, вот они!

Сойдясь в одной точке, вся разношерстная компания вооруженных мужиков составила этакий не очень правильный круг, имевший в центре Агента на Контракте и совладельца «Мастерских Мохо и Френкеля» — словно именно они и были виновниками происходящего. Теперь и мрачный начальственный тип заметил их.

Собственно начальственного в нем было мало — ну тип как тип. Пальто в елочку, рост средний, глаза водянистые, вид усталый. Но все окружавшие его так старательно подтягивали животы и так пристально ели его глазами, что сомневаться не приходилось. Ким мучительно пытался вспомнить, по какому случаю ему уже приходилось лицезреть господина начальника, но все никак не мог — мешал антураж. Утренний лес уж очень не напоминал сумеречные недра полицейского ведомства Нью-Чепеля.

— А-а... Это вы, Яснов, — рассеянно буркнул тип. — Вас тоже привлекли к поискам этого беглого?

От удивления Ким чуть было не брякнул «да», но вовремя сообразил, что вряд ли орава полицейских, укрепленная егерской полуротой при поисковых псах, была брошена на поиски злосчастного мальчишки. Даже если обер-полицмейстеру за это на лапу дал сам пан Вольна.

— Я здесь по частному делу... — неопределенно сообщил он.

— А это кто? — осведомился тип, с презрительным удивлением уставившись не столько на Триза, сколько на его конвоира.

— А сам ты кто?! — воинственно парировал его вопрос Алекс.

— Окружной комиссар Морзе, к вашим услугам, — сухо представился тип и снова требовательно воззрился на рослого егеря.

Ким вспомнил наконец, что именно Морзе подписывал больше года назад согласие местной полиции на выдачу «дипломированному специалисту Яснову Киму лицензии на проведение частных расследований на контрактно-договорной основе, на территории, находящейся под юрисдикцией Федеральных законов, действительных в БК». Вид у комиссара и тогда был усталый, правда и довольно ядовитый в придачу.

— Неизвестное лицо, — определил егерь своего пленника. — Задержан на территории Леса...

— Он что, — повернулся Морзе к старшему из полицейских — лейтенанту, судя по серебряному крокодилу на его шевроне, — похож на андроида?

— Никак нет, — с виноватой озадаченностью отвечивал лейтенант. — Но он препятствовал розыскам и погоне... Кроме того, наносил оскорбления лицам при исполнении...

— Я и сейчас повторю, — заверил его Триз, — что вы — не полицейские, а стадо олухов! Если вам поручили ловить преступника, то его и ловите, а не устраивайте собачьи бои со стрельбой и плясками... Да, я помешал вам прикончить пса и не вижу в этом ни

состава преступления, ни...

— Он этого пса натравил на лейтенанта Приста, — вмешался в разговор егерь.

— Этого? — с демонстративным удивлением осведомился комиссар, указывая на взваленного на егерские плечи увечного бульдога.

— Да нет! — позволил себе осерчать на Комиссарову бестолковость рослый детина. — Суккуб, наоборот, можно сказать, лейтенанта спас. Отбил его у этой суки...

— Это был кобель, — заметил лейтенант.

Он, видимо, был более наблюдателен. И весьма немногословен. На протяжении всего дальнейшего разговора он только стоял по стойке «смирно» и выразительно вращал глазами. Говорить ему просто не дали.

— Кроме того, Бренди — вовсе не моя собака, — тут же вставил в разговор свое слово Триз. — И я не натравливал его ни на кого... Лейтенант первым...

Комиссар прикрыл глаза и молча скрипнул зубами.

— Лейтенант Прист! — сказал он с тем выражением, с которым обращаются психиатры к наиболее безнадежным из своих пациентов. — Вы получили простейшее из возможных задание: задержать беглого андроида. Вам было четко указано его местонахождение. Более того, вам в помощь отрядили егерскую команду со спецсобаками. Объясните мне, на кой черт вам сдались вооруженные егеря и такое количество псов? Притом боевых псов, а не ищеек! Для поимки всего-то одного андроида, который, в принципе — я повторяю: в принципе-пе! — человеку никакого вреда причинить не может. Ни действием, ни бездействием...

— Не скажите, господин комиссар, — возразил пятнистый верзила, к которому, собственно, комиссар и не думал обращаться. — Сейчас, после такого Предсказания, на андроидов вся столица косо смотрит. А уж чего ждать от андроида беглого, так вообще...

— За распространение идиотских слухов о всяких Предсказаниях полагается дисциплинарное взыскание, егерь! — зло оборвал его комиссар. — Чтобы я последний раз слышал эту чушь! Крыши у всех тут поехали от этого Предсказания...

И снова повернулся к онемевшему Присту.

— Логично было ожидать, лейтенант, что вы управитесь с делом за полчаса. От силы — за час. Вместо этого вы проводите в Лесу полночи, андроида упускаете, калечите казенную собаку и задерживаете вообще невесть кого, неведомо за что! Я прошу вас в двух словах объяснить мне — как такое стало возможным? Только это — и ничего больше!

Лейтенант Прист принялся с шумом втягивать воздух, готовя свой организм к нелегкой работе по сопряжению звуков в слова, а слов в предложения. Но начать рассказ ему помешали два вооруженных носилками санитары, они выбрались из чащи и кинулись к собравшимся с деловитым покрякиванием: «Где раненые?! Где тут раненые?!»

Прист уставился на них, словно на привидения и, не выпуская набранного внутрь воздуха, молча указал глазами на злосчастного Суккуба. Санитары озадаченно воззрились на несколько необычного пациента.

Егерь, не говоря худого слова, быстро и осторожно стащил своего пса со спины и вручил его медикам.

— Понимаете, — обратился он к Морзе. — Мы уже почти нашли этого уродя, уже видели его почти что в упор — там, у ключика с особенной водой... И лейтенант Прист уже почти отдал команду на задержание, когда...

— Когда у него развязались шнурки на ботинках?! — зло осведомился комиссар, не глядя на егеря, а пожирая глазами онемевшего лейтенанта. — Или когда на него нашло

затмение? Когда у вас земля разверзлась под ногами? Когда злые бесы овладели вами? Когда — что?! Что могло двум десяткам здоровых мужиков при оружии помешать в задержании бестолкового андроида?! Что, я спрашиваю?!

Санитары, махнув рукой на продолжающиеся на полянке препирательства, молча уволокли Суккуба по направлению к своему вертолету.

— Да насчет злых бесов почти что и верно... — заметил облаченный в пятнистую униформу детина. — Мы ту псину приبلудную и не заметили даже, и откуда она взялась под ногами у лейтенанта. Ну, он ей — понятное дело — вломил хорошего пинка. Так что закувыркалась. Но кто ж знал, что она окажется такой злобной тварью?! А еще мужик этот... — он кивнул на приводящего себя в порядок Триза, — выскочил, замахал руками, заорал как сумасшедший...

— А что же мне прикажете делать, если все ваши псы, как бешеные, рванули прямо на Бренди?! — резонно возразил Триз.

— Полез прямо под пули...

— А за каким чертом вы стреляли по собаке?!

— Я подтверждаю, — взволнованно перебил попытавшегося что-то вымолвить комиссара Мохо. — Это не его собака. И ни на кого он натравить ее не мог! Бренди его бы не стал слушаться. Он вообще никого не слушается. Кроме Орри — иногда. И я подтверждаю личность задержанного... Это Александр Триз, проживающий...

— Да отпустите вы наконец человека! — распорядился комиссар. — И уберите вашу пушку — не приведи господь, она выпалит...

Егерь нехотя убрал свой винчестер за плечо и слегка подтолкнул Алекса по направлению к его приятелям: свободен, мол... Алекс тут же повернулся к нему и смерил детину возмущенным взглядом. Но от дальнейших высказываний воздержался.

— Так куда же вы дели Бренди? — подступился ко все еще безмолвствующему лейтенанту Мохо. — Ту собаку, что...

— Зараза искусала Суккуба... — вновь за лейтенанта ответил егерь. — И улизнула. Наверное, подыхать уползла, чтоб ей!..

— Господи! Если эти... застрелили Брендика насмерть, то!.. То я!.. — возопил Мохо. — Это будет такой удар для ребенка...

— Особо не рыдай, — успокоил его Триз. — Если Бренди и зацепили, то несильно... Таким мастерам в цистерну с дерьмом пулю с пяти метров вогнать — шесть попыток потребуется. Удивительно, как это они друг друга на фиг не перестреляли. Им потом еще и собственные кобели мешали — действительно, словно взбесились. Они их битый час уговаривали снова в погоню двинуться. Да куда там! За это время от них не то что андроид — черепаха Тортилла на паровом ходу в Независимые Территории смоеется...

— Послушайте, — прервал его словоизлияния Агент на Контракте. — А Орри как же?

Он повернулся к застывшему в полной немоте и так и не успевшему выпустить набранный в грудь воздух лейтенанту Присту.

— А ваши люди не встретили в Лесу мальчишку? Ребенка лет двенадцати, от силы — четырнадцати? Таких здесь зовут мальками...

Он слишком поздно заметил сигналы, которые подавал ему Мохо, — тараща глаза и шевеля своей пушистой бородой — и осекся.

— Так здесь еще и дети бродят ночами? — досадливо осведомился Морзе. — Простите, но что вы вообще делаете в Лесу звеннов в такое время, господа? Вы все... Разыскиваете

сбежавшего малька?..

— Нет, — резко ответил ему Алекс и тем избавил Агента от необходимости в деликатных объяснениях. — Мы, видите ли, привезли нашего знакомого показать ему звеннов. Он, знаете ли, никогда не видел живого звенна... А малек, это просто так... Бродит здесь один такой часто...

— Я, допустим, тоже никогда живого звенна не видел, — встрял в разговор давешний егерь. — А мертвого тем более... А вы этак вот сразу приехали, и вот вам нате и звенны. Смотри — не хочу.

— Представьте себе, именно так! — вызывающе задрал подбородок Алекс.

— Вы их прикармливаете, что ли? — с издевательской подначкой осведомился верзила. — Или что другое с ними делаете?

— Мы с ними дружим, — просветил его Триз. — На это, насколько я помню, лицензии не требуется?

— На это — не требуется, — нахмурился егерь, а вот на съезд автотехники с шоссе — требуется. При пересечении Леса звеннов.

— Вон она — лицензия, — буркнул Мохо, кивая на зеленую бумажку, укрепленную за стеклом фургончика.

— А у вас, мастер, лицензия есть? — продолжал приставать верзила.

Ким замешкался с ответом.

Комиссар между тем рявкнул нечто нечленораздельное о бездельниках и разгильдяях и, круто развернувшись, направился к шоссе, где в утреннем тумане поджидали его и его людей кары — хмурые, как и он сам.

— Комиссар! — окликнул его Агент. — Не будете ли вы так добры пояснить мне, чем Предсказание Хакеров так переполошило народ?

Морзе уставился на него так, словно Агент попросил у него мятный леденец.

— Вы знакомы с текстом этого м-м... документа?

— Пока нет, — честно признался Ким.

— Завидую вам! — порадовал его комиссар. — И не стремитесь забивать себе голову всякой ерундой. Приехали посмотреть на звеннов, вот и любуйтесь себе на здоровье. Не мне же, в конце концов, знакомить вас с документами, запрещенными к распространению...

Он снова резко развернулся и, уже не сбавляя шаг, двинулся к шоссе. За ним потопал лейтенант Прист. Теперь стало видно, что проделал Брендик с кормовой частью его форменных брюк. А брюки полицейским в Большой Колонии шили из тканей прочности куда как высокой.

Вся остальная компания потянулась за ним. Последним шествовал пятнистый верзила, бубня себе под нос нечто о подозрительных пентюхах, без толку болтающихся по Лесу.

— Далось вам это Предсказание, господин Яснов, — фыркнул себе под нос Мохо.

Было видно, что он уже жалеет, что эта тема вообще всплыла в их разговорах. Ким решительно поставил в этом месте своих размышлений над происходящим жирную воображаемую галочку. Мохо тем временем извлек на свет божий свою трубочку, опасливо укрытую в широченной ладони на время появления блюстителей закона, затянулся и продолжил:

— Сейчас надо думать, где малька ловить. Напрасно вы про него господину комиссару обмолвились — памятьлив он... А Орри прячется, небось. Напугали его бандюки эти. Забился куда-нибудь, да и сидит, переживает опасность...

— Ну, — пожал плечами Триз, — Орри не очень-то и перепугаешь. Они его и не заметили вовсе. Эти дятлы и мамонта живого у себя под носом не заметят, если на нем не будет габаритных огней... А Орри сейчас тащит Брендика. Лечить. Или к Тахо на Болота, или к нормальному ветеринару в город...

— Ох... — почесал в затылке краснодеревщик, но так и не сказал ничего, потому что из кустов выломился повернувший с полпути перекошенный и молчаливый лейтенант Прист.

Не говоря худого слова, он подошел к «пульчинелле» и прилепил ей на лобовое стекло штрафную квитанцию — за несанкционированный съезд с шоссе. Повернулся и снова исчез за кустами.

В лесу запели звенны.

* * *

«Заснула... Все-таки я позволила себе заснуть в ночь Полнолуния... — уныло призналась самой себе Каманера. — Напилась как сволочь — от всегдашнего скучного страха, что приходит ко мне этими ночами, — напилась. И заснула-таки... Но, может быть, все обошлось? Может, если что и было — никто ничего и не заметил?»

И тут же усмехнулась себе — той усмешкой, которой усмеваются только глубокие старухи или до срока повзрослевшие дети. И еще — такие, как она... Как же... А эта ломота в глазах, это тошнотворное отвращение к ясному дневному свету, так щедро льющемуся с небес? Да не отвращение — страх... А эти ногти — кривые и обломанные, — ногти, над которыми она корпела все вчерашнее утро, положив столько труда на то, чтобы сделать их безупречными... И то, что под ногтями... Гос-с-споди! Сделай так, чтобы то была только лишь лесная грязь... А откуда ей взяться — лесной-то грязи? Похоже, что она и не покидала ночью эту тесную комнатенку... Кстати — чью? Как ее сюда занесло?

Ах... Ну да, ну да... Тот очаровательный молодой араб... Он что-то долго и путано объяснял ей про сложности взаимоотношений в театре мастера Стука... До Элен так и не дошло, почему он через каждые три-четыре фразы сбивался на горячие объяснения того, что он никогда — ни-ког-да не согласится играть Арлекина до тех пор, пока... Пока что? И что было потом?

Каманеру передернуло.

Она осторожно заглянула под кровать (труп там, слава богу, не было) и осмотрела простыни (тоже ничего ужасного, с точки зрения женщины двадцати с небольшим лет). Выглянула из окна, осторожно отодвинув полоски жалюзи. Ни полицейские кары, ни кареты «красного креста» не портили пейзаж. Что ж, возможно, они уже разъехались или укрылись с противоположной стороны дома. Следовательно мирно попивает кофе на кухне, а полисмены ждут ее за дверью.

Ничего подобного, на лестнице, спускающейся в вестибюль мотеля, ни души. Господа артисты отсыплются по разбросанным по территории мотеля домикам. Контейнеровозы с оборудованием расставлены по этой территории тут и там, как попало. Дежурный андроид дремлет за стойкой, погруженный в кроссворд. Тот — с физиономией-блином, что так забавно подкалывал надутого дурака Бэзила. Поздороваемся с ним... Милая улыбка, сделаем ему ручкой...

И сразу в душевую. Смыть все долой! Просто грязь это или... И руки — руки... Ногти

всегда почему-то медленнее приходят в норму, чем зубы... Так... Теперь можно глянуть на себя в зеркало. Угу... Нормально. Все идет нормально. Улучшений по сравнению с прошлыми разами нет. Но нет и ухудшения... Господи — это же всего лишь Полнолуние Чистой Луны... Чего ты хочешь...

Все-таки беспокоит отсутствие вчерашнего кавалера. Есть что-то такое в арабах, покада они молоды... М-да... Кавалеров я пугаю часто. Был случай, когда одного пришлось вертолетом снимать с верхушки сосны, с которой спуститься самостоятельно он никак не мог... Слава богу, парень оказался не болтлив — только обходил ее за километр, встречая в том маленьком городке. Но где же этот — как его, кстати, звали? Ломанул с перепугу в лес? Надрался виски и спит неведомо где? Коротает утро в городе, в приемной психиатра?

Ах, ну к чему мне эти неприятности?.. Ну к чему?..

Снаружи послышался бравурный писк сигнала подъехавшего на автопилоте кара — роскошная прогулочная модель. К сожалению, слишком яркого красного цвета. Прямо-таки пожарного. Интересно, кто это вызвал такой?

Долго гадать ей не пришлось — к машине вышел, поигрывая ключами, не кто иной, как Бэзил — несколько опухший после вчерашнего неожиданного пиршества и страшно довольный собой. У машины он стал в позу, достойную ее счастливого обладателя, и, опершись о крышу низко посаженного салона, приветственно помахал Элен. Та подошла и не без удивления стала осматривать представшую композицию...

— Мы выиграла в лотерею, Бэз? — невозмутимо осведомилась она. — Или ты получил наследство? Богатый дядюшка в Метрополии, да? Вовремя старикан склеил лапы...

— Не угадала, — картинно покачал головой Кац.

— Значит, ты обыграл Ставроса в карты. Он проспится и набьет тебе морду. Рано или поздно шулерские замашки тебя погубят...

— Опять не угадала! Присаживайся, прокатимся до города, я поведаю тебе, как следует делать деньги из ничего... Заодно, — добавил он, галантно сдвигая в сторону бесшумную дверь и помогая Элен занять место на заднем сиденье, — посмотришь на наше новое место работы...

Огненного цвета кар едва успел покинуть площадку перед «Зелеными чертями», как из дома пулей выскочили мастер Стук и его шофер. Оба они были куда злее упомянутых исчадий ада. Шофер ожесточенно давил на пульт дистанционного вызова «мерседеса» мастера, а сам мастер худыми словами клял Бэзила Каца, весь род его, а с ним вместе — все остальные колена израилевы.

— Чертов шаромыжник! — орал он, втискиваясь в мало подходивший ему по размерам кар. — Он решил продать мне товар и тут же увести его — прямо из-под носа! Потрясающее хамство! Догнать! Догнать его, сук-ку, не-мед-лен-но!!!

«Мерседес» рванул с места и устремился за беспородным, но достаточно быстрым каром Бэзила.

— Мы, оказывается, уже работаем? — спрашивала тем временем ничего не подозревавшая Элен у своего партнера. — Еще на кого-то?

— Тс-с-с! — Бэзил с укоризной прижал палец к губам. — Что значит «еще на кого-то»? Наш единственный работодатель сейчас — уважаемый мастер Стук. Мы выполняем для него, так сказать, деликатные поручения и оплату получаем в полном соответствии с мерой этой деликатности...

— Черт возьми!

Каманера не находила слов:

— Ты не нашел ничего лучше, как во время случайной пьявки наняться в услужение к содержателю половины притонов Нью-Чепеля! Да еще и меня впутать в это дело! Ты хоть соображаешь, с кем ты связался?

— Поверь мне, дорогая, — невозмутимо парировал Бэзил, — нам не придется сильно пачкать руки. И вообще напрягаться. Наш найм — чистойшей синекура. Способ расплатиться с нами за выгодную покупку...

— Час от часу не легче! — констатировала Элен. — Какую такую покупку ты умудрился впарить Стуку? Алмазные копи на Диане? Акции Объединенной энергосистемы Сириуса? Гудзонов залив на Земле-матушке?

— Я продал ему Орри... — скромно признался Бэзил.

— Орри? — ошалело уставилась на него Каманера и с силой хлопнула себя по лбу. — Вот про кого я забыла напрочь со всей этой пьянкой и Полнолунием!.. Немедленно поворачивай назад!

— Что у тебя с руками? — осторожно осведомился Бэзил, не рискуя послушаться ее приказа. — Ты... Ты все-таки заснула вчера?

— Ты продал Орри?!!! — не слушая его, завопила Элен. — Ты продал Орри этому типу?!!! Какого же черта ты клялся Огнем и Ветром?!

— Да мало ли чем я клялся, — недоуменно пожал плечами ее коварный партнер. — Могу поклясться и Касторкой и Скипидаром, если хочешь...

— Дурачина! — определила развитие его умственных способностей Каманера. — Это — особая Клятва. Она... Она заставляет себя выполнять! Ты нас подставил!! Невероятно!!! Идиот!!! Скотина!!!

И она вцепилась Бэзилу в физиономию. Всеми десятью КОГТЯМИ.

— Что это они там делают? — поинтересовался шофер мастера Стука, пытаясь избежать лобового столкновения с неожиданно свернувшем и пошедшим на таран каром, догнать который ему было велено самым категорическим образом.

Стук не успел ответить на этот вопрос что-либо вразумительное, поскольку оба кара, изрядно бортанув друг друга на встречных курсах, разлетелись по разные обочины шоссе и замерли в полной неподвижности.

Содержателю Подземных Театров потребовалось секунд сорок, чтобы выдрать себя из сложившегося домиком кресла и вышибить заклинившую дверцу салона. Выбравшись из машины, он сжал покрепче оба своих кулака и двинулся навстречу выпорхнувшей из второго кара Элен.

Лоб магната шоу-бизнеса украшала солидная шишка, у Элен сошедший было «фонарь» под левым глазом сменил его родной брат — под правым. Оба участника предстоящих переговоров были настроены решительно.

— От-да-вай-те мальчишку! — выдавил из себя мастер Стук.

— Это вы отдавайте его! — зашипела в ответ Элен. — Я не дала согласия моему партнеру...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Партнер этот — с разодранной физиономией — наконец тоже выбрался из кара и, узрев, что шофер «мерседеса» движется на помощь шефу, вооружась никелированным гаечным ключом, подался в ближайшие кусты.

Водитель «мерса» решительными шагами пересек полсотни метров, разделявшие

покалеченные автомобили, и заглянул в салон кара Бэзила. Там он, видно, не обнаружил того, что намеревался найти, и, все также решительно обогнув машину, рывком и не прибегая к помощи ключа, открыл багажник. Тот тоже не содержал искомого объекта. Водила повернулся к своему шефу и демонстративно развел руками — мол «ни-че-го!!!»

Стук остановился как вкопанный. На какое-то время способность к членораздельной и даже относительно вежливой речи вернулась к нему.

— Простите, мадам, но... Тут у нас обознатушки какие-то получают...

Он уставился на гневную Элен:

— Вы считаете, что мальчишка находится у меня?

— Так ведь не у нас же! — парировала его вопрос Каманера. Переварив сказанное, оба участника переговоров снова застыли в недоумении.

— Я нич-ч-чего не понимаю! — охарактеризовала наконец положение дел Каманера.

Стук махнул рукой шоферу — не лезь, мол, погоди... и мрачным кивком головы пригласил все еще взъерошенную Элен отойти к обочине. Там оба они не создавали помех движению по шоссе и могли к тому же присесть на пни недавно выкорчеванных деревьев.

— Так мальчишка не с вами?.. — попытался уяснить себе положение дел Стук.

— Да откуда вы взяли, что он с нами должен быть?

— И какого же черта вы так шустро наострили лыжи от «Зеленых чертей»? С утра пораньше, покуда никто глаз не продрал?

— Вы, я вижу, за нами присматривали? — зло сверкнула на Стука своими зелеными глазами Каманера.

— А как же?

Стук надулся от возмущения:

— После того, как кто-то выпустил мальчишку из кладовой... Не на кого было грешить, кроме вас двоих...

— А кто его запирали в эту кладовую?

Глаза Стука выпучились от изумления.

— Как кто? Ставрос его там и запер. После того, как они с этим вашим Кацем малька продали мне. Там его и заперли до завтра. В смысле — до сегодня заперли. И сегодня я собирался чин-чином его оттуда забрать... Как вдруг кладовая оказывается пуста, словно башка с похмелья!

— Я не давала согласия Бэзилу на такую сделку!

Каманера даже подбоченилась и бросила окрест хищный взгляд. Высунувшаяся было из кустов физиономия Каца, украшенная боевыми шрамами, тотчас в тех же кустах и исчезла.

— И потом! Пеняйте на себя, если у вас не хватило ума приставить к кладовке своего человека!

— Не считайте меня за полного идиота, мисс! Человек там стоял. Но оказался придурком. Его, видите ли, с дежурства Зеленые Черты выманили на Болота!

Элен посмотрела на магната с оттенком сожаления во взгляде:

— Могу только поздравить вас с такими подручными. Продолжайте в том же духе, и они скоро вас самого снесут к чертям на Болота! — Она безнадежно махнула рукой:

— Я с самого начала поняла, что с этим пострелом надо ухо держать востро. Таким из какой-то кладовки выбраться — раз плюнуть!

— Не скажите! — сердито возразил ей Стук. — Вы не знаете, какие кладовые здесь у Косты! Испанской инквизиции с ее подземельями только поучиться надо у него...

Он задумчиво уставился перед собой:

— А я-то был так уверен, что вы все трое — в сговоре. И что мальчишка прятался всю ночь где-то поблизости и теперь вот удирает с вами...

— Не с нами! — топнула ногой Каманера. — И не с вами! И хотела бы я, чтобы хоть кто-нибудь толком объяснил мне, где он! И что там с ним в кладовке приключилось?! Не крысы же его съели в самом деле?

— Ох!.. — Стук озадаченно сгреб свою бороду в кулак. — А ведь об этом я и не подумал...

* * *

Дать необходимые мастеру, да и Элен тоже пояснения могли, пожалуй, только два живых существа.

Одним из них был замерший над очередным вопросом кроссворда и одновременно дежурящий в «Чертях» Кирак. Вопрос («Где мнения высказываются прямо и свободно?») — слово из шести букв) никак не поддавался сонному разуму андроида. Самый естественный ответ — дурдом — никак не согласовывался с пересекающими словами. Про Орри спрашивать его просто никому не приходило в голову. Андройдов вообще лучше никогда не спрашивать о том, чего сам не знаешь без их помощи. Бестолковые они создания. Этим все и сказано.

Вторым существом, осведомленным о том, что приключилось в кладовке Ставроса на самом деле, был сам Орри.

Собственно, за прошедшую ночь с ним случилось следующее...

Сон сморил Орри в одночасье, почти сразу после того, как разом подобревший после появления долгожданных гостей Ставрос отправил его на кухню — напиться чаю и закусить пирожками в компании тамошних андройдов.

Чай был настоян на местных травах и напоминал ему те настои, которыми Нолан отпаивал его после той его долгой болезни, да и потом, когда Орри просто случалось простыть в ночном Лесу. А иногда и просто так, чтобы мальчишке крепче спалось. Да и пирожки тоже пришлись Орри по вкусу. Начиненные настоящей на меду маковой кашицей, они показались ему чем-то вроде тех яств, что продают в Верхнем городе в магазинах «Сладкий мир». Орри пожалел о том, что уже набил карманы той едой, которую подали Бэзилу и Элен за ужином. Но для пары-другой маковых пирожков в них место все-таки сыскалось.

Орри немного смущало то обстоятельство, что все три андройда (Кирак, Мурри и еще один, имени которого Орри не успел запомнить), «бескорыстно помогавшие» Ставросу в делах кулинарии и поддержания в «Зеленых чертях» чистоты и порядка, были ужасно «зажаты». Они даже чаепитие свое было затеяли за отдельным довольно невзрачного вида столом, чтобы не стеснять навязанного им гостя. Но разговор у них с Орри завязался быстро — андройды были чрезвычайно возбуждены, увидев артистов Стука. Из этих артистов половина были андройдами. Это будило в кухонных работниках полузапретные мысли о том, как далеко может пойти любой из них в «современном обществе». От этого андройды сделались веселее и разговорчивее. То один, то другой из них выскакивал прислужить в зал или в домики мотеля, куда стало перемещаться веселье, и быстро возвращался с чем-то

интересным.

Впрочем, понятны, а следовательно, и интересны эти новости были только андроидам. Сам же Орри, у которого отчаянно слипались глаза, поддерживать разговор вскоре уже не мог, и ему так и не удалось уговорить никого из своих новых знакомцев угоститься ни этим чудным — специально для него заваренным — чаем, ни вкусной сдобой. Вместо этого они глотали заваренный на молоке черный чай с солью, лавровым листом и маслом, а заедали эту жижу здоровенными ломтями белесого пресного сыра.

Впрочем, долго созерцать этот ужас Орри не пришлось — под оживленное бормотание андроидов и сами они, и их малоаппетитное съестное, и сама кухня поплыли перед его глазами. Голова Орри наполнилась приятной тяжестью, склонилась к поверхности стола и уютно устроилась на ней. А потом глубокий сон поглотил все вокруг. Только ощущение легкого успокоительного неудобства от притороченной к поясу фляжке Некоторое время удерживалось в его проворно погружающемся в мир снов сознании. Потом и его не стало.

Но именно это отсутствие маленького неудобства, мешавшего сперва ему заснуть, и заставило его проснуться. Как-то рывком, сразу...

«Да нет! — сказал себе Орри. — Это, конечно, очень плохо, что кто-то спер у меня фляжку с денежками Волыны, но только проснулся я не от этого... А от того, что какая-то дурацкая тварь пробежала по мне. Это плохо...»

Он резко сел на лежанке, сооруженной из ящичков попкорном, и стал оглядываться вокруг.

«Если это та самая гостевая наверху, про которую говорил усатый грек, — сказал себе Орри, — где, по его греческому мнению, будет теплее, то тут я с ним не соглашусь, будь он хоть древний римлянин! Холод здесь собачий!»

Он поежился, кутаясь в коротковатую куртку.

Маленькую комнатку, в которой он оказался, освещал только сочившийся из крохотного окошка под самыми стропилами свет Чистой Луны — благо было полнолуние, и она плыла в небе Большой Колонии во всей своей нетронутой красе. Но этой иллюминации было достаточно, чтобы понять, что разместили его далеко не в самой комфортабельной комнате «Зеленых чертей». Стены были голые, синтепластовые. Впрочем, самих стен было почти не видно из-за громоздящихся вдоль них гор небрежно сваленных ящичков, кулей и канистр с этикетками настолько яркими, что, казалось, они светились в темноте. Потолок этого просторного чулана был смонтирован из ребристой металлокерамики. Это был даже не потолок, а просто внутренняя часть крыши — помещение-то было явно чердачное, нежилое...

«Что ж, насчет „наверху“ усатый Коста не соврал, — умозаключил Орри. — Тут все сходится...»

Все пространство между самой крышей и стропилами было затянуто канатоподобной паутиной, сплетенной местными сумеречными псевдопауками — существами, мало располагающими к уединению с ними, как, впрочем, и их земными подобиями.

Но пауки и паутина были не самым неприятным, что поджидало Орри в этом закутке. Самое неприятное он увидел, когда глянул на пол, на который уже было опустил ноги. Там по пыльному, век не метенному цементу оживленно шныряли создания, хорошо знакомые жителям половины Обитаемых Миров, населенных выходцами с Земли. Собственно, эти создания тоже могли себя числить полноправными выходцами с Родины Человечества.

Крыс — а это именно они разбудили Орри своей активной деятельностью —

Человечество прихватывало с собой во все свои великие странствия. И благодарные твари никогда не упускали случая убедительно доказать, что всюду, где может ужиться человек, крыса точно уживется с двойным комфортом!

Волны Первой и Второй — не слишком удачных — Экспансий землян в иные миры так и оставили иные из наименее гостеприимных землеподобных планет безлюдными, но крысиный писк с тех пор уже не утихал под небесами тех неуютных уголков Вселенной.

В каждом из них крысы отдавали свое многочисленное потомство в жертву беспощадному богу Естественного Отбора, и взамен тот наделял их род новыми могучими приспособительными возможностями. Крысы мельчали и крупнели, мутировали, становились хитрее или примитивнее, лишались хвостов и обзаводились дополнительными желудками. Даже переходили на травоядение. Но оставались крысами — мерзкими и вредоносными обитателями сумеречных подполий Мироздания.

Там же, где люди не бросили крыс в беде, те на вид изменились мало — так и остались торпедообразными сгустками энергичной, обросшей серой шерстью коварной плоти, от которой ничего хорошего ждать не приходилось. Что же до крыс Большой Колонии, то своим размером и злобностью натуры они явно превосходили средние по Обитаемому Космосу показатели для своего вида.

Орри мог в этом убедиться воочию. Даже при таком скудном освещении. Поняв, что на разорение им выставлен целый склад плохо упакованного съестного (а именно таковым и были набиты карманы Орри), проворные твари не стали долго с ним миндальничать. Одна из них уже расправлялась с добытым из бокового кармана куртки ломтем буженины, поглощая его, кажется, вместе с салфеткой, в которую тот был завернут. Пробуждение Орри немного обескуражило серых разбойниц, но чувствовалось, что не надолго.

От обиды и холода Орри чуть было не расплакался, но, решив, по здравом размышлении, что распускать нюни не время, да и старый Нолан никак не одобрил бы хныканье в такой ситуации, он занялся другим делом.

Он привел в порядок потревоженные серым ворьем карманы — карточка Алекса тоже испарилась — и запустил в возящихся на полу тварей тяжелой банкой с чем-то тушеным или маринованным — благо в этих метательных снарядах недостатка в кладовке не было. Крысы с недовольным писком ретировались в укрытия, которых в этом лабиринте ящиков и кулей тоже хватало.

Расчистив себе дорогу к двери, Орри очень скоро убедился, что только понапрасну потревожил своих соседей по заточению — да-да, теперь он убедился, что его именно заточили!

* * *

Дверь кладовой, сбита из прочных и тяжелых досок, была заперта снаружи. Подергав ее, Орри убедился, что, хотя дверь слегка раскачивалась на петлях и временами был виден чуть ли не сантиметровой зазор между ней и притолокой, раскрыться ей мешал пудовый замок, судя по всему висящий на вкрученных в крепкую древесину кольцах. Слышно было, как он тяжело брякался о доски, когда Орри с размаху налегал на створку. В щель между притолокой и створкой двери даже удалось просунуть пальцы, но толку от этого было мало. Орри мог нащупать массивную дужку замка и даже те кольца, в которые она была продета

(тоже толстенные и массивные), но сделать с ними хоть что-нибудь было решительно невозможно.

Увидев, что сами по себе они вовсе не интересуют непрошеного гостя, крысы вновь начали выбираться на открытое пространство и, образовав вокруг Орри опасливый кружок, стали наблюдать за его потугами обрести свободу. К тому времени, когда мальчишка уже порядком обессилел, за места в партере уже дрались, а самые предприимчивые особи, похоже, начали заключать пари на предполагаемые результаты состязания между мальком и дверью. Но тут весь крысиный кайф поломал хрипловатый и недовольный голос, раздавшийся из-за тяжелых досок: «Ты, давай кончай свои фокусы, парень! Прищепишь себе пальцы, а мне после за тебя отдуваться! Отойди от двери, тебе говорят!»

Наверное, у приставленного сторожить Орри типа имелись все основания быть недовольным таким раскладом: там внизу пьянка в разгаре. Дружки веселятся в свое удовольствие, заводят себе подружек, а потом свеженародившимися парочками разойдутся встречать утро по пустующим домикам мотеля и трейлерам Стукова каравана... А он — трезвый как угод поутру — должен прозябать здесь под самой крышей проклятой халупы, не только без подружки, но даже без глотка виски! И все из-за дурацкого мальчишки, который за каким-то дьяволом так вдруг сдался шефу! И хоть бы этот шкет дрых, натрескавшись на кухне под завязку, — так нет! Не спится чертовой козявке! Ведь видно же, что с этакой дверью и четыре таких лба, как мастер Стук, за неделю не управятся. Без ключа-то... А ключик — вот он...

Тут сторож с некоторым самодовольством похлопал себя по карману. И вдруг понял, что в обмундировании его — довольно стандартном обмундировании «шестерки при бугре» — не хватало чего-то очень существенного. Ствола!

— Дяденька! — взмолился тем временем Орри. — А за что меня?! Ведь я же — ничего. Ведь я же — никому!..

Орри, кстати, действительно не понимал, как так получилось, что после залитого ночными дождями Леса, после Клятвы Огня и Ветра, после тепла и уюта этой странной норы — мотеля Косты Ставроса — он вдруг взял да и оказался взаперти, наедине с сумеречными тварями, под надзором типа, которому (судя по голосу и выговору) в Нижнем городе уже на втором — от силы на третьем повороте начисто срезали бы подметки. Его явно наказывали. Но вот за что? Неужели за Предсказание? Да ведь глупость же все это! Фантазии хакерские!

Хотя — какие у хакеров фантазии?

Хоть бы знать, что они напредсказывали там в этот раз... Орри много бы дал, чтобы за прошедшие сутки ему кто-нибудь толком рассказал, что в очередном Предсказании такого про него и про Нолана наговорили, что все кругом кинулись их ловить и убивать.

Он оглянулся на крыс. Те уже снова набрались наглости — заходили с флангов, дергая азартно принюхивающимися носами. Пришлось быстренько запустить заранее припасенной банкой засахаренных цукатов в самую обнаглевшую из его соседок по заточению.

В рядах противника случились паника и замешательство. Но в этот момент внимание Орри привлекло то, что происходило за тяжелыми дверьми его узилища — там, на свободе...

Там сторож еле слышно — почти шепотом — начал какой-то странный разговор с кем-то другим.

С кем?

Орри на всякий случай отскочил от двери, снова забрался на ящики с попкорном и

замер, прислушиваясь.

— Отдай! Отдай, говорю, сволочь! — убеждал кого-то сторож. — Отдай, а не то хуже будет!

Ответом на эти увещания и угрозы было лишь какое-то насмешливое, даже глумливое блекотание. Было оно совсем неразборчивым, но явно издевательским. Ко всему оно сопровождалось каким-то кудахтающим и побулькивающим похохатыванием и взвизгиванием.

Орри стало жутковато. Одно дело крысы — ну, цапнут там, ну, пусть даже совсем закусают... твари опасные, мерзкие, но все-таки свои, понятные... «Посюсторонние», сказал бы Орри, если бы знал такое слово. И совсем другое — то, кудахтающее и клекочущее из темноты, с чем озверело ругался его сторож... Орри подобрал под себя ноги — не потому что боялся, что его за них схватят, а просто словно стараясь забраться под несуществующее одеяло. Была у него такая привычка, когда на ночь глядя вдруг вспоминалась ему какая-нибудь страшилка из тех, что любят гнать по Ти-Ви... Крысиную рать словно подменили. Сжавшись и, кажется, даже оцетинившись, серые твари подались по углам, и только глаза их противно сверкали теперь из темноты.

Шум за дверью все нарастал, а потом вдруг кудахтанье и похихикивание сменились дробным топотом словно бы детских ножек. Топот этот быстро истаял где-то вдали и внизу. Его почти сразу заглушил обрушившийся следом топот ножиц сторожа. Он покинул свой пост и стремительно грохотал вниз по невидимой лестнице, выкрикивая: «Стой! Верни ствол, ур-р-р-род!! Догоню — убью, с-с-сука!!!»

Затем наступила тишина. И Орри, и крысиная братия, затаив дыхание, прислушивались к тому, что творилось за тяжелыми створками двери.

Некоторое время там не творилось ничего. Только издали доносились звуки затихающего по углам мотеля. Потом в шуршащей тишине прозвучали осторожные шаги. Кто-то тихо, стараясь не привлекать внимания, заступил на место пустившегося в погоню невесть за чем сторожа. Этот «кто-то» тихо приблизился к двери кладовки. Поскреб ее ногтями, кашлянул. Стал светить в щель галогеновым фонариком. Потом спросил чуть слышно: «Орри, ты спишь?»

Орри узнал этот голос. Хотя его обладатель никогда раньше не говорил с Орри шепотом, ошибиться было невозможно. Соскочить на пол бесшумно, не наступив при этом на хвост ни одной из серых разбойниц, оказалось делом несложным.

— Это ты, Кирак? — тоже как можно тише отозвался Орри.

— Да, я... Тебе надо уходить, малек... Бежать... Спрятаться... у тебя есть где спрятаться?

— Есть, — уверенно ответил Орри.

Объяснять, что уверенность эта проистекает только из веры в свою счастливую звезду, он не стал.

— Найду куда залезть, — заверил он Кирака. — Ты только отопри меня!

Кирак снаружи озадаченно засопел.

— Ты дверь... Дверь отопри скорее! — торопил его Орри. — Пока тип этот, что меня здесь взаперти держал, назад не вернулся!

Кирак засопел еще озадаченнее.

— Вот что... — зашептал он снова, теперь уже горячо, не заботясь о том, что кто-то может услышать его. — Не бойся. Он не вернется... Качок этот... Его, похоже, того... Черти

зеленые с собой уволокли... Это точно... Это ж твои... Только... Только ключи от кладовки у него остались... С собой утащил, гад...

— Тогда... — Орри сглотнул вдруг заполнившую рот слюну. — Тогда гони за моими друзьями... Бэзил... Или Элен... Каманера... Они помогут...

— Ага... Держи карман шире! Они ж тебя Стуку и продали! Ты что, не понял, что Коста специально велел тебя травяным отваром напоить? И с маком этим пирожки тебе подсунуть? Да чтоб дрых ты без задних ног и не мешал им свои делишки обдeldывать! Или ты Предсказания не знаешь?

Наступила тишина. Орри ведь действительно не знал Предсказания... И не мог поверить, что его новые друзья, поклявшиеся Огню и Ветру, могли обмануть его...

Не дождавшись ответа, Кирак снова озадаченно засопел.

— Это... Ты... — наконец родил он какую-то новую идею. — Ты посмотри... Там под крышей окошко... Ты оттуда сможешь спуститься. Там стена неровная... Окошко это... У него решетка на винтах держится или как?

Предприняв довольно рискованную экспедицию по наваленным до самых стропил ящикам, кулям и коробкам, запутавшись в светящейся паутине, Орри установил — на винтах!

— На больших? — тут же стал уточнять Кирак.

— Вот на таких! — показал ему в свете фонаря в щель Орри.

— Сейчас... Сейчас я... — торопливо запыхтел Кирак и растаял во тьме.

Только брошенный им фонарик озарял сумеречным светом грязный потолок чердака по ту сторону двери. Орри, не теряя времени даром, принялся соорудать себе насест, устроившись на котором он смог бы орудовать с головками винтов решетки на окошке, ведущем на свободу.

Тут Орри чуть было не свалился от испуга со своего насеста: где-то совсем близко кто-то вдруг заорал благим матом и, похоже, стал ломиться в оконную раму — ту, что по соседству. Орри вновь затаился, тревожно прислушиваясь к происходившему снаружи. Шум вскоре стих. Никому до него не было никакого дела. Видно, когда «У Зеленых чертей» веселились, то уж веселились вовсю. Орри осторожно спустился к двери и попытался хоть что-то рассмотреть сквозь щель между дверью и притолокой. Но в бликах света от фонарика кроме пыли и грязных стен ничего и никого не было видно.

Кирак не заставил себя долго ждать.

— Эй! — засипел он задыхающимся голосом. — Ты здесь? Держи отвертку...

С отверткой тоже получилось непросто — в щель она не пролезала, а когда пролезла, оказалось — не та. Нужна была простая, а не крестовая. Кирак смотался за инструментом еще раз и сурово наказал: «Железку потом наружу брось. Под окно. А то с утра разбираться начнут...»

— Слушай... — спросил Орри уходящего уже андроида. — А чего это ты... Ну, отпустить меня надумал отсюда? По Первому Закону?

Кирак тихо фыркнул.

— Ты что? — спросил он. — Не понял? Ведь по Предсказанию же...

И после этого растаял в темноте.

Орри задумчиво пощупал жало отвертки и, оставив на потом размышления и догадки, полез сражаться с ржавыми винтами, удерживающими решетку на узком подпотолочном окошке. Проклятые винты не поддавались — их вкрутили в раму, наверное, лет сто назад. Несколько раз Орри казалось, что все пропало, и только злорадное попискивание,

доносившееся снизу, заставляло его налегать на отвертку изо всей силы. И труды его не пропали даром: винты один за другим нехотя, со скрипом покинули свои гнезда и брякнулись в темноту — на головы крысиному войску.

К тому моменту, когда вниз, вызвав бурю протестующего писка, грохнулась и сама решетка, Орри уже с ног до головы был в пыли и в потревоженной паутине. Она уже не мерцала, а довольно заметно светилась, устилая его плечи и рукава. Но ему было сейчас не до забот о чистоте своего наряда. Все оставшиеся у него силы он положил на то, чтобы протиснуться в дурацкое окошко. Пришлось еще вернуться за отверткой — он вспомнил, что подведет Кирака, если оставит это свидетельство его соучастия тем, кто бросится на поиски поутру. Отвертку он выбросил так, чтобы та не затерялась, а упала поближе к стене. Ему показалось, что вслед за глухим ударом, сопровождавшим ее падение, последовал чей-то сдавленный вскрик. Но это явно был не его сторож и не кто-нибудь из той братии, что устроила за ним охоту. Те уж не стали бы таиться и сдерживать вопли, получив инструментом по голове. Орри стиснул зубы и снова полез в окошко.

«Ты сможешь спуститься», — сказал ему Кирак полчаса назад, сообщив о неровной стене. Большие оптимисты эти андроиды! Стена и впрямь изобилвала выступающими элементами — остатками карнизов, окнами и подоконниками, кирпичами, которым надоело сидеть на своем месте... Но все это мало способствовало безопасности спуска с высоты третьего этажа. Спуск этот напоминал скорее просто падение небольшого предмета с довольно опасной высоты, затрудняемое разного рода досадными препятствиями. На высоте трех-четырех метров препятствия эти кончились, и свободно грохнуться о землю мальчишке помешал только чей-то счастливо подвернувшийся закривок.

— О Аллах! — произнес его обладатель, поневоле с размаху становясь на четвереньки.

Орри оказался в положении всадника и — пришпорь он своего «скакуна» — тот, глядишь, понес бы его во всю прыть. Но малек не стал пользоваться этой экзотической возможностью, а скатился со своего спасителя и секунду-другую стоял примерно в таком же, как и тот, положении. Потом оба они выпрямились и устали друг на друга.

Пострадавшим был молоденький, приятной наружности араб. Одежда его пребывала, мягко выражаясь, в беспорядке — рубаша лишь с одного боку была запихнута в штаны, а ноги босы. Он был явно перепуган.

Орри попытался пробормотать что-то вроде извинений, но от испуга при падении он почти утратил способность к членораздельной речи. Так что ему оставалось только неопределенно мычать и светиться — клятая паутина пристала к его одежде намертво.

Это произвело на юного араба неизгладимое впечатление: глаза его — и без того перепуганно вытаращенные — окончательно вылезли из орбит, а ноги подогнулись, не желая слушаться своего хозяина.

— Шайтан! — горестно вскрикнул он, скорее констатируя непреложный факт явления нечистого, чем желая обругать свалившегося ему на голову незнакомца. — Снова Шайтан! Это ночь Шайтана, мамой клянусь!

Придя к этому малоутешительному выводу, парень наконец сумел-таки повернуться на непослушных ногах и припустил куда-то в сторону шоссе.

Орри не стал вникать в детали странной встречи и тоже поспешил убраться подобру-поздорову — в сторону Сонного озера. Туда, где должен был находиться Ключ под Камнем.

Лужайка на заднем дворе «Зеленых чертей» опустела на минуту-другую. Потом из-за угла здания, не торопясь, вышел Кирак, подобрал валяющуюся на траве отвертку и с нею

Много позже, когда утро уже воцарилось над лесами и долами, взявшими Нью-Чепель в кольцо, на поляне этой все еще продолжали выяснять отношения мастер Стук, хмурый Ставрос, их присные и неразлучные Бэзил Кац и Элен Каманера. Чуть поодаль, уныло приткнувшись к объездной дорожке, стояли два покалеченных кара, с трудом сумевших доставить своих разъяренных хозяев обратно к гостеприимному обиталищу зеленых исчадий ада.

— Объясни мне одно, — допытывался Стук у понуро уставившегося в землю качка. — Как ты, пьяная скотина...

— Не очень пьяная, — уточнил качок. — Вы, мастер, и глотка мне не дали сделать, а сразу отправили сторожить этого придурошного малька...

— Вот именно! — навис над ним содержатель Подземных Театров. — Тебя отправили сторожить хорошо запертого мальчишку. Который к тому же спал как сурок! Сто-ро-жить! А не шляться по болотам! Хорошо, что андроиды Косты вас сами там отыскивали! А то куковали бы вы оба на той кочке до Второго Пришествия! За каким чертом тебя туда понесло?

— За зеленым! — уверенно ответил качок. — Он, мастер, был весь из себя такой зеленый и светился немного...

— Сейчас ты, сволочь, станешь весь из себя зеленый! — пообещал ему мастер. — И...

— Нет, шеф! Он не врет! — горячо заступился за бедолагу молчавший до сих пор парень, поименованный Али — тонкий, черноглазый и смуглый.

Он опасливо глянул на Каманеру. Та с демонстративной рассеянностью рассматривала лазоревый небосвод над головой. Парень сглотнул слюну и продолжил:

— В гостинице, действительно... того...

— Что «того»?! — надвинулся на него резко помрачневший Коста. — Что в моей гостинице — «того»?

— Н-нечисто здесь... — преодолевая природную робость, настаивал на своем Али. — Черти тут водятся, я сам в-видел... И-и... и о-оборот...

— И кто еще? — скосилась на него, заломив левую бровь, Каманера.

— И-и... И — так... Разное... — поспешно оборвал сам себя юный Али, стараясь не встречаться взглядом с кошачьими, зелеными и непроницаемыми глазами Элен. — Я сам... Сам на черта налетел, на зеленого и светящегося... Когда бежал по коридору!

— А за каким дьяволом тебе надо было бегать по моим коридорам? — продолжал наседать на него Коста. — От кого ты убежал, спрашивается?

Али машинально схватился рукой за горло. Над широким воротом его рубахи виднелись два маленьких пятнышка. Ссадинки. Или укусы.

— Да так... Было от кого... — ответил он уклончиво. — В вашей гостинице, знаете, есть от кого убегать, господин Ставрос...

— Ну и что он тебе сделал, черт этот? — перебил и его и готового уже взорваться Косту мастер Стук. — Отчего тебя на болота понесло? Следом за дурнем этим? — он кивнул на качка.

— Он... Он пугал меня... — стал объяснять Али. — У него еще наган был... Здоровый такой револьвер...

— Это мой! — запальчиво воскликнул качок. — Эта сволочь утянула у меня ствол!

— Удивительно, как у тебя не утянули твои мужские причиндалы! — взорвался мастер. — Где она у тебя была — твоя пушка? Как всегда валялась на подоконнике?

— Шеф! Я только на секунду положил ствол рядом, когда раскуривал си...

— За каким хреном ты его вообще вертел в руках, дубина? Чтобы его у тебя отнял первый попавшийся ряженный придурок? Или ты от сонного малька отстреливаться собирався? Тебе вообще оружие в руки давать можно только под наркозом. Иначе непременно или подаришь пушку первому встречному, или умудришься выпалить сам себе в задницу, как на прошлое Рождество...

— То был не ряженный, мастер... Вы бы сами побывали на моем месте, ей-богу, тоже растерялись бы...

— Это точно, — подтвердил Али. — Это был самый настоящий черт... И я от него выскочил в окно. Я даже забыл, что это чердачный этаж, и чуть не свернул себе шею... И только я начал приходить в себя, как он свалился мне прямо на спину... Я еле успел унести ноги... А потом я услышал, как он кричит там, на Болотах... И решил, что надо помочь...

— Если на тебя и прыгнул черт, — задумчиво пробормотал качок, — то уже не мой. Другой...

— Да, — согласился Али. — Этот был без нагана... Он сначала швырнул мне на голову такую...

Он показал руками нечто, что должно было означать отвертку, неосмотрительно брошенную Орри в окно перед спуском.

— Я своего до самых Болот гонял, — не без гордости продолжил качок. — Если бы не проклятая трясина...

— Чтоб ты в ней утоп! — зло оборвал его мастер Стук. — Ты скажи мне, как мальку-то удалось из кладовой вылезти?!

— Так это ясно, — вмешался в разговор поостывший Ставрос. — Гаденьш винты скрутил на решетке. Там окно вроде вентиляционного — видите? На нем была решетка присобачена...

— Соплями, Коста, она у тебя присобачена была! — определил основную конструктивную особенность обсуждаемого приспособления босс шоу-бизнеса. — В общем, так: Буч, — он с презрением глянул на качка, — с Али, видно, квасили всю ночь. И квасили основательно, коли до зеленых чертей допились. Да и без марафета дело не обошлось, раз обоих на болота потом занесло... А малек тем временем прочухался, что к чему допетрил — не дурной, видно, — вам, задницы вы ишачьи, решеточку и своротил. Может, у него в кармане инструмент какой нашелся. Плохо мы обыскали его...

— Да у него в карманах какой только жратвы не напихано было! — развел руками Ставрос. — Я как руку сунул, так и влез...

Во что именно влез Коста, сунувшись в карман Орри, мастер Стук слушать не стал. Он с грозным видом повернулся к двум своим новым служащим.

— Ну что ж, — задумчиво сказал он, разглядывая залепленную репарирующим гелем физиономию Бэзила. — За руку вас ухватить не удалось, братцы мои...

Он закрутил бороду на три оборота вокруг ладони:

— Что и говорить, сплеховали мои ребята...

Качку Бучу достался еще один многообещающий взгляд шефа.

— Однако и то, что не вы это все подстроили, — тоже не факт... Так что вот как поступим... Раз уж вы подрядились у меня денежки зарабатывать...

— Э-э, нет! — резко оборвала его Элен. — Мой, с позволения сказать, партнер действовал без моего согласия! И страшно продешевил! Я не...

— Ваши разногласия... — густым басом протрубил Стук и навернул бороду на ладонь еще одним оборотом, — разрешайте сами. Друг с другом. Но денежки вы будете получать только за то, что возьмете сейчас ноги в руки и кинетесь искать вашего подопечного. Немедленно! Сразу! Аванс уже у вас на руках!

— Требую удвоить!

Каманера уперла руки в крутые бока:

— Или я не двинусь с места! И он тоже!

Она пригвоздила Бэзила к месту одним только взглядом.

Некоторое время они словно играли с мастером в гляделки. И верх взяла Каманера. Стук вытянул из заднего кармана бумажник, из него — электронную кредитку и потыкал немного кривым ногтем в ее сенсорную «плешь». Потом небрежно протянул карточку Элен.

— Черт с вами, мисс! Но если вы не найдете мальчишку за три дня...

Он не окончил своей угрозы и повернулся к Бучу и Али.

— А вы какого черта раззявили рты?! По местам! Живо!

Обоих провинившихся как ветром сдуло. Владелец Подземных Театров опустил тяжелую руку на плечо старого друга Косты, и оба они в горестном молчании побрели к зданию «Зеленых чертей».

Оставшись наедине, партнеры по Клятве Огня и Ветра некоторое время без особой симпатии смотрели друг на друга. Потом Бэзил вздохнул:

— Хотел бы я знать, где сейчас находится чертов мальчишка...

— Где бы он ни находился, — пожалала плечами Элен, — он уже далеко отсюда.

В этом она ошибалась. И неудивительно, она ведь ничего не знала о многих событиях этой ночи. Все они начались и закончились еще тогда, когда в небе над Большой Колонией светили звезды.

* * *

Звезды все еще светили в небе над Лесом звеннов и над Сонным озером, когда Орри добрался наконец до неприметного плоского камня, из-под которого вытекал незаметный ручеек, почти сразу же сливавшийся с другим ручьем — побольше, — ну а тот уж впадал в само озеро, намыв в месте своего впадения небольшую отмель. На этой отмели, закатав штанины и зайдя по колени в ледяную воду, Орри и привел в порядок себя и свою одежду. Умывшись и отряхнувшись, он снова стал ощущать себя самим собой, словно и не было вовсе странного ночного приключения.

Он поглядел на небо. Надо было торопиться.

Нет, небо еще не было освещено утренней зарей. Но легкие облака уже были утренними — весенними. И ветер из пронизывающего, ледяного ветра ночной зимы становился просто прохладным ветром утра.

Перевернуть Камень было задачей нелегкой, но все-таки выполнимой. По счастью, в

Лесу нашелся подходящий крепкий сук, который Орри использовал как рычаг, и валун хороший попался, чтобы использовать его для упора. На нижней стороне Камня, действительно, были выбиты буквы. Так, словно он когда-то служил частью фасада или мемориальной плиты. Чистая Луна еще не ушла с неба, и Орри, стоя над Камнем на коленях, легко прочитал слово:

РОБАТУМ.

«Робатум», — повторил он про себя. Потом еще раз и еще — «Робатум, робатум, робатум...»

Убедившись, что слово запомнилось крепко, он наклонился к Ключу, зачерпнул полную пригоршню воды и выпил — всю до капли. Странная это была вода — легкая и будто пронизанная каким-то внутренним теплом. Она не оставила во рту ни малейшего привкуса, будто он и не пил ее, эту воду. Напиться вдосталь необычной воды было трудно — Орри глотал ее пригоршню за пригоршней и так и не ощущал, что утолил жажду. А потом по телу его разлилось странное тепло, и он понял: «Все! Теперь хватит...»

Он привалил камень на место — снова надписью вниз — и медленно, уже с трудом переставляя тяжелеющие с каждой секундой ноги, поплелся вверх по берегу искать в чаще Потайную хижину.

* * *

Уже совсем недалеко — в двух-трех десятках шагов от хижины — усталость и какое-то блаженное, теплое безразличие ко всему, наполнившее его, чуть не взяли над ним верх, и, только собрав всю свою волю в кулак, Орри смог дотащиться до дверей.

И вот там-то сон с него как ветром сдуло!

В хижине побывали гости. И гости — чужие. Контрольки зацепленные за притолоку двери ветки и натянутая у порога незаметная ниточка — были не на месте. Да и сама дверь была прикрыта плоховато.

Орри напрягся, словно сделался ростом меньше, и — готовясь при первом же признаке опасности дать стрекача — осторожно приблизился к бревенчатой стене убежища и заглянул в окошко. В хижине кто-то был! И мало того, что был, но еще и спал, безмятежно похрапывая и причмокивая во сне! Спал прямо на той лежанке, где, бывало, спал сам Нолан. Другую лежанку — ту, что была прямо под окошком — разглядеть не удавалось. Для этого нужно было слишком уж сильно вывернуть шею. Но, судя по еле слышным звукам, на ней тоже кто-то расположился. Они были странно знакомы Орри, эти звуки...

Он присел под окном на корточки и задумался. В эту ночь с ним приключилось много странного. Но то, что он обнаружил сейчас, было самым странным. Орри тяжело вздохнул. Делать нечего, надо действовать — так или иначе.

Орри чуть слышно свистнул своим условным свистом.

В ответ послышалось короткое, встревоженное тьяканье, сразу сменившееся полным надежды преданным поскуливанием. Что-то тяжелое шлепнулось на пол хижины и принялось передвигаться, стуча когтями по дереву и посапывая. Тут же храп спящего на лежанке Нолана типа резко оборвался, и недовольный молодой, чуть хриловатый со сна голос окликнул источник стука и сопения:

— Ты куда, дурачок?! Лежи! Лежи! Тебе лежать надо!..

Но Брендик — это был именно он — и не подумал слушаться этих приказаний, а уже отворил ударом носа дверь хижины и, прихрамывая, устремился навстречу Орри. Следом за ним из двери высунулась лохматая голова, пытающаяся продрать свои страшно заспанные глаза, и спросила Орри:

— Ты кто?!

— А ты кто?! — не дал сбить себя с толку Орри. — Что случилось с Брендиком?

Последний вопрос был не лишним. Пес явно побывал в переделке: его передняя лапа была неумело перевязана чем-то вроде шарфика, разукрашенного пятнами крови. Одно из ушей не торчало вверх радостным флажком, а поникло, видимо тоже пострадав в неизвестной Орри схватке.

— Это полиция... — грустно объяснил обладатель лохматой головы, появляясь на свет божий уже целиком.

Был он высок, худощав, немного нескладен. Совсем недавно он был, наверное, еще подростком. А теперь находился в том возрасте, когда к нему уже больше подходило неопределенное — «молодой человек». Физиономия его Орри понравилась, хотя и озадачила какой-то просветленной отрешенностью.

— Они вообще озверели, — объяснил незнакомец. — Стреляют во все, что движется — глупые, несчастные люди...

— Сволочи они! Гады, а никакие не несчастные! — зло возразил Орри, полностью переключившийся на неумелое врачевание своего четвероногого друга. Пес вздрагивал, поскуливал, но, видно, до конца доверял неуклюжему лекарю.

— Какие же гады! — никак не мог успокоиться Орри. — А чего их принесло сюда в Лес? Делать им, что ли, нечего было, кроме как по лесам животных калечить?

— Это все из-за меня... — вздохнул лохматый тип. — Собственно, это меня они искали... А ваша собака меня спасла... Она дралась, как лев...

— Брендик кому хочешь козью морду устроит! — заверил собеседника Орри, не без гордости рассматривая переделанную им на свой манер повязку на лапе героической псины. — А чего тебя копы ищут?

И снова повторил свой вопрос — так и оставшийся без ответа.

— И кто ты такой?

Незнакомец скроил ироническую мину: «Я поэт, — сообщил он. — Зовуся Цветик. От меня вам всем приветик!» И снова тяжело вздохнул.

— Нет, серьезно, — пояснил он. — Я действительно поэт. Только зовусь не Цветик, конечно, а Бирим. Просто Бирим. Вполне возможно, что ты когда-нибудь читал мои стихи. Или слышал... Будем же знакомы.

Судя по всему, назвавшийся Биримом тип высоко ценил свой поэтический дар. Скорее всего, даже немного преувеличивал его значение. Но насчет того, что Орри мог слышать его стихи, он не ошибся. Только вот Орри за обилием приключившихся событий не припомнил, что там декламировала Каманера, глядя на Чистую Луну.

— Раз тебя зовут Бирим, — с самым серьезным выражением лица заявил Орри, — то от нас тебе «Тирлим»! А меня зовут Оруэлл Нолан. Можно просто Орри... Имя у тебя какое-то... Андроидское...

Слово «Тирлим» заставило лицо Бирима — этакое тщательно вылепленное, с тонкими чертами лицо — нервно дернуться. От какого-то неприятного воспоминания, надо полагать.

— А я и есть андроид, — ответил он. Тон его сразу стал натянутым. — А тебе что — не

нравятся андроиды, малек?

— Да нет... — пожал плечами Орри. — Дразниться не буду. Среди андроидов тоже много хороших людей...

Это вызвало у Бирима приступ саркастического смеха.

— Это надо записать! Еще тот афоризм! Только такой вот малек, как ты, и может брякнуть, что среди андроидов есть люди! Да еще хорошие. Притом много... Нет, это просится на бумагу...

— Слушай, ты, писатель, — обиженно насупился Орри. — Пошли в хижину. А то так нас отовсюду и видно, и слышно. А это нехорошо. Тебя вон полиция ищет. И меня тоже — кое-кто...

Он попробовал подхватить Брендика на руки, но тот оказался слишком для него тяжел. Тогда на помощь пришел Бирим. Брендик, который сроду не подпускал к себе чужих, неожиданно смиренно позволил взять себя на руки, из чего Орри умозаключил, что, наверное, есть в Бириме что-то, что расположило пса к нему. И насколько он знал Бренди — а знали они друг друга ровно столько, сколько Орри помнил себя, — это «что-то» не могло оказаться плохим.

— Ты не подумай чего, — бросил он на ходу Бириму. — Просто странно... Первый раз вижу такого молодого андроида. Ведь их... вас — больше не делают...

Бирим, который уже стоял в дверях, повернулся к нему, и градус иронии на его физиономии поднялся до высшей отметки.

— Не верь этим сказкам, малек! Сейчас в Бэ-Ка андроидов делают больше, чем при Империи. И никто, никому, ничего... Это, дружок, такой выгодный бизнес, что никакими законами никакая Сеть его не остановит... А я к тому же — андроид специализированный. Изготовлен по особому заказу мастера Стука... Наделен поэтическим талантом и артистической душой... Ни более, ни менее. Теперь мастер будет за мной гоняться по всей Колонии, пока не поймает. Или пока не убедится, что ловить уже некого. Боюсь, что этот час наступит уже вскоре... Я...

Бирим попытался сориентироваться в темноте внутреннего пространства хижины, но только с помощью Орри избежал неудачной посадки мимо лежанки.

— Я не сдамся им живым!.. — твердо закончил он.

В голосе его прозвучал вызов, словно он ожидал, что Орри немедленно начнет уговаривать его отдаться в руки властей и неведомого мастера.

Но Орри вместо этого молча стал пихать ему в руки — одно за другим — всяческие яства, спасенные от крысиной потравы в многочисленных карманах его уже изрядно перемазанной куртки.

— На вот ешь, — предложил он. — Ты, наверное, с утра не ел — раз в бегах...

Спрашивать Орри о происхождении его съестных припасов Бирим не стал. И медлить с их уничтожением тоже. Некоторое время в хижине слышны были только звуки, сопровождающие процесс интенсивного поглощения пищи. Убедившись, что с этим все в порядке, Орри задал вполне достойный малька, смыслящего кое-что в жизни, вопрос:

— А как этот твой мастер сумел напустить на тебя копов? Ведь ты... Ведь андроидов запрещено держать в собственности. Вы ведь — свободный народ...

Брендик тяжело соскользнул с колен Бирима и переправился в изножье лежанки, на которой устроился его хозяин. Виновато свернулся там в темноте.

— Свободный народ, говоришь? — все с тем же вызовом в голосе спросил Бирим. — И

где же ты, скажи мне на милость, видел свободного андроида? Такого, которому не приходилось бы всю жизнь ищачить на людей?

Орри подумал немного и возразил — опять-таки резонно:

— Так ведь и людям всю жизнь приходится ищачить. На других людей... По крайней мере, всем, кого я знаю...

Бирим возмущенно фыркнул, но призадумался:

— Нет. Я не про то... Я не про то, что просто ищачить... Но... Ведь вы — люди — можете выбирать... На кого вам работать, где вам жить... Выбираете, кто вами будет править... А заодно — и нами... И у вас нет Ка-И...

Да, это точно, у людей их «программой» не был предусмотрен Ка-И — Категорический Императив — потребность в служении роду людскому. По крайней мере, у многих из них. Даже такому мальку, как Орри, это было понятно. В знак согласия он тяжело вздохнул.

Вода Ключа под Камнем начинала оказывать на него свое действие — слова и мысли уже начали путаться у Орри в голове, и он поторопился спросить:

— Ладно, так как же все-таки получилось, что копы гонятся за тобой?

— А так, что я — нарушитель Первого Закона. Так им сказали.

— Ты что, кого-то прикончил? — с явным недоверием спросил Орри. Он уже понял, что Бирим — из тех, кто неспособен убить даже муху по ошибке. Непреднамеренно. Но вопрос все-таки задал — чтоб Бирим испугался и перестал наконец рассуждать вокруг да около.

Это ему удалось.

— Ну вот, так сразу и прикончил! — раздраженно фыркнул из темноты Бирим. — Никого я не прикончил! Я присвоил — понимаешь — присвоил собственность мастера Стука. И тем нанес вред человеку. Первый Закон можно нарушить по-всякому...

— Ты чего — деньги у него спер? — удивился Орри. — Ведь андроиды же не воруют...

В темноте послышалось угрюмое сопение Бирима.

— По-твоему, спереть можно только деньги? Или какие-нибудь там бриллианты? Смешной ты, малек! Мастер заявил прокурору, что я присвоил его ин-тел-лек-ту-аль-ну-ю собственность! Понял что-нибудь? Интеллектуальную! Ты хоть слово такое слышал? Ин-тел-лек-ту-аль-ный?

Теперь угрюмо засопел Орри:

— Слышал, не дурной... Интеллектуальный — это когда в компьютере... В общем, когда не на самом деле...

Бирим фыркнул:

— Когда не на самом деле и в компьютере, это — виртуальный! А интеллектуальный — это когда в голове...

— А из головы разве что-нибудь украсть можно? — озадачился Орри. — И что — после того, как ты из головы у мастера чего-то там такое вытащил, он совсем дураком сделался?

— Дураком с тобой можно сделаться... — вздохнул Бирим. — Ничего к тому же из головы не вытаскивая. А только внимательно слушая. Интеллектуальная собственность, малек, это то, что ты создаешь с помощью интеллекта. Ума то есть. Стихи, например.

— А стихи — это что? Собственность? — в очередной раз удивился Орри. — Их же каждый может...

— Каждый может!..

Бирим даже поперхнулся от возмущения:

— Да ты хоть знаешь, что такое стихи, малек?..

— Конечно, знаю, — уверенно отозвался Орри. — Стихи — это рэп такой, рифмованный.

Некоторое время Бирим убито молчал. Потом спросил задумчиво:

— Ладно, ну а рэп тогда — это что такое?

— Н-ну... — задумчиво протянул Орри.

Вообще-то он хотел сказать, что «рэп — это когда ерунду всякую молотят под музыку и получается забавно так...», но воздержался. Он уже понял, что собеседник его на стихах сдвинутый. Поэтом называется. А поэты как раз стихи и сочиняют. И может быть, даже рэп. Хотя для рэпа, конечно, у них кишка тонка... Это не всякий может. Но Бирим этот воображает, наверное, что и такое потянет... Воображала он, чувствуется, тот еще...

— Н-ну... — он наконец сформулировал свою мысль так, чтобы не обидеть гостя-собеседника, вспомнив фразу, вычитанную из школьного учебника словесности, открытого им пару раз в жизни, — это ритмическая декламация... Которая... которая...

— Чудак ты! — решительно определил Бирим. — Рэп — это...

И затараторил быстро-быстро, сливая слова и аккомпанируя сам ртом, носом и, кажется, еще ушами, прищелкивая при этом пальцами и языком:

«Рэп — это сумбурсловияностьмысли! Рэп! Это тормозшизыигадлякайфогооттяга И по Понедельникам он летает над заливом как стая птиц, Накурившихся умныхкниг. Но непонявшихвнихнифига А По пятницам рэпбродит позаблудшим душам каккарманник По Зброшенным переулкам И ищет лишний грошчтобуйти В мир, гденетничйгокромемикрофонанабитогокрутой Че-Пухою И! Находит его В твоей кепке, что бросил к ногам Чтоб не мешалатебетараторить твой рэп-на-углу! Дзинь! Рэп, это надежный доход! Рэп он надежен как смерть И! Рэп так же важен, как жизнь. Но! Безжизни еще можнс Прожить, а без рэпа — фиг! Рэп, это царство без...»

Тут Странная вода и усталость окончательно сделали свое дело, и Орри почувствовал, что медленно, но верно уплывает куда-то далеко. Совсем в иные места, чем здесь. Но он все-таки успел вспомнить главное.

«Надо читать заклинание, — подсказал ему из глубины памяти голос Нолана. — Ты помнишь Слово на Камне?»

Конечно, Орри помнил Слово: РОБАТУМ.

И он помнил, что произносить его надо не как обычно, а от конца к началу.

Задом наперед.

Он так и сделал. Закрыв глаза и, уплывая в сумеречные миры сна, стал повторять: «Мутабор! Мутабор! Мутабор!»

Часть вторая
ПЛУТОВСТВО

Глава 5

КУКЛЫ СУДЬБЫ

Мохо смотрел на Кима с величайшей подозрительностью.

— Вы так близко к сердцу принимаете судьбу этого мальчугана. Хотите непременно найти его сейчас. Только вот — почему? Нам с Алексом очень хотелось бы знать имя вашего нанимателя, господин Агент... Конечно, у вас неплохая репутация среди честных людей, и все такое... Но... Кто мог вас нанять для того, чтобы присматривать за Орри? Нолан? Да Скрипач в жизни не стал бы связываться с такими вещами, как сыскные агентства. У него и денег-то свободных не было, чтобы нанять Агента. Я или Алекс еще могли бы скинуться и заплатить вам, чтобы вы не дали парнишке пропасть. Так ведь не мы же все-таки к вам обратились. Тогда — кто?

Ким ожесточенно потер левую ноздрю:

— Послушайте, господин краснодеревщик... Вот скажите мне — если вы бы получили заказ от какого-то господина, который убедительно попросил бы не сообщать его имени никому из тех, кто к вам с таким вопросом обратится... Ну не беря в расчет налоговое ведомство...

Тут оба они улыбнулись друг другу. Чуть-чуть понимающе.

— Вы бы ответили на этот пустяковый вопрос, ну... Ну, скажем, тому же господину Тризу? Ведь, как я понимаю, он ваш довольно близкий друг...

Мохо криво улыбнулся:

— Понимаете, господин Агент... Мы с господином Тризом слишком давно знаем друг друга... И мы давно знаем, какие вопросы можем задавать друг другу, а от каких лучше воздержаться...

— Так вот, господин Мохо, поймите, что если у меня и есть какая-то, как вы говорите, «репутация среди честных людей», так это — среди всего прочего — потому, что я никогда не нарушал своих контрактных обязательств. И никогда не выдавал своих нанимателей. Если это было предусмотрено нашей с ними договоренностью. Это все, что я могу ответить на ваш вопрос. Если угодно, я продолжу поиски Оруэлла Нолана уже вполне самостоятельно. Но нарушить свои обязательства перед нанимателями — без их на то согласия — я не имею ни права, ни возможности... Так что — повторяю уже не первый раз — или мы будем друг другу помогать, или, наоборот, путаться друг у друга под ногами. Это вопрос взаимного доверия. Целиком и полностью.

Опять наступило молчание.

— Ладно, — бросил наконец Алекс, поднимаясь с пня, на котором переждал, пока прекратятся пререкания между Агентом и совладельцем «Мастерских». — Копы смылись и, похоже, надолго. Надо поторопиться к Ключу. Не приведи господи, если с Орри что приключилось. Там от этих идиотов и пулю шальную словить недолго было...

— Нет, — убежденно возразил Клавдий, тоже поднимаясь на ноги (он устроился на подножке кабины своего фургончика). — Не должно. Иначе как же с Предсказанием?..

— Да вот все так же! — раздраженно бросил Триз и, не оборачиваясь, затопал по тропинке вниз к озеру. — Предсказание — оно не бронжилет. И не скорая помощь... И вообще непонятно, что здесь творится... Если такой оравой андроида ловят, то, может, у андроида этого совсем шарики за ролики зашли... И что будет, если они с Орри наткнутся

друг на друга? А?

Мохо молча нырнул в кабину и появился оттуда с грозного вида обрезом в одной руке и с не менее грозным тесаком — в другой.

— Эй! — окликнул он Алекса, который уже вознамерился двинуться в глубь таинственно зеленеющей сейвы. — Возьми!

Он протянул тесак Алексу:

— Пустяк, но, глядишь, и сгодится.

Потом вопросительно воззрился на Кима. Тот нехотя достал из кармана свой газовик и повертел им в воздухе.

Алекс прикинул тесак в руке на вес, поморщившись, глянул на газовый пистолет Агента.

— Жидковато, — заметил он. — А вашей пукалкой, господин Яснов, только лохов пугать. Газами здешний народ не возьмешь — разве только кишечными...

Он повернулся спиной к бестолковым партнерам и решительно шагнул в сейву. Ким пожал плечами и спрятал газовик на место.

— В конце концов, — буркнул вслед ему Мохо, — должен же мальчишка нам хоть знак какой-то оставить. Ну, ты знаешь, как договорено... — Он досадливо крикнул и, засопев, устремился следом за Алексом по тропинке вниз.

Совсем недавно ее и различить-то трудно было в густой траве — тропинку эту. Но теперь, когда по ней протопала дюжина полицейских дуболомов, она могла сойти за небольшую грунтовку. На секунду Алекс задержался и, разглядывая что-то впереди, бросил через плечо Киму:

— Вы присоединяйтесь к нам, мастер... Не слушайте старого дурака Клаву. Я так думаю, что если с вами что и не так, господин Агент, так все равно лучше будет, если вы при нас пока побудете. Под присмотром, так сказать... Ну а то, что у вас от нас секреты, так мы не в обиде... Мы ж вам тоже кой-чего рассказывать не торопимся...

— Кое-что могли бы уже и не секретить, — сварливо заметил Ким, с трудом поспевая за привычными к здешним местам Клавдием и Алексом. — По-моему, я один во всей Большой Колонии не знаю, что там сказано в этом вашем Великом Предсказании Хакеров...

— Нет, — вполне серьезно отозвался Алекс. — Есть еще один, по крайней мере, кто этого не знает. Не должен.

— И кто же это? — осведомился Ким, удачно избегая возможности проватиться в нору, смахивающую на кротовую.

— Тот, про кого в Предсказании сказано, — объяснил ему Триз. — Сам Орри Нолан.

* * *

— Так, значит, стихи сочинял ты? — добивался Орри у Бирима, карабкаясь вслед за ним по крутому склону вверх ко Второму шоссе, тому, что вело к Космотерминалу. Присутствие у него на плечах увечного Брендика не слишком облегчало его задачу.

— Да, — угрюмо втолковывал ему Бирим. — И стихи и баллады и оды и сонеты и еще фиг знает что. А мастер все это оформлял как свою интеллектуальную собственность... А теперь получилось так, что я только и могу прокормиться тем, что эти самые песни и баллады буду прохожим исполнять — на большой дороге. Пока до своих друзей не доберусь.

И получается, что я присвоил интеллектуальную собственность мастера Стука в корыстных целях...

— Так ты же не за деньги ведь... — недоуменно возразил ему Орри. — Ты за кусок хлеба...

— Здесь так получается...

Бирим остановился, отирая пот со своего очень правильно исполненного природой лица.

— В общем, не каждый же встречный-поперечный носит за пазухой котлету... Или пирожок. Как ты вот... А вот мелочишка — она почти у всякого в кармане водится. Ну или кредитка разовая, полудохлая — знаешь, из тех, что на предъявителя, — на которой уже только пара грошиков и осталась... Ну вот и кидают...

Бирим похлопал себя по карманам. В карманах звякнуло.

— Это уже вроде как нарушение получается, — неодобрительно заметил Орри.

Конечно, он кривил душой — ему и самому случалось с оглядкой кинуть мелкую монетку на покупку леденцов какому-нибудь андроиду. Те часто подрабатывали на людных углах демонстрацией фокусов или своих вокальных, а то и других каких способностей. Никто такое за нарушение в Нью-Чепеле не считал — даже самые закоренелые сегрегаты. Потому что и сегрегаты, в конце концов, тоже люди. По крайней мере, папаша Нолан так часто про них говорил.

— А это как посмотреть, — хмуро возразил Бирим. — Денежные операции для андроидов запрещены. Но держать в руках деньги им никто не запрещал. И если кому-то вздумалось послать андроида к своему приятелю — занести тому старый должок, например, так разве это будет денежная операция? И если народ сдает мне деньги на хранение, чтобы я их потом отдал — по их же поручению, заметь — кому-то, кто просто из благодарности...

— Ага, просто из благодарности нальет тебе тарелку супа, пустит на ночлег или подвезет до соседнего городка... Нашел дурака — верить, что это не операция с деньгами!

Орри презрительно фыркнул:

— В том-то и дело, малек, что все зависит от точки зрения... Можно на эти вещи посмотреть так, а можно иначе...

— И копы в этот раз взяли и посмотрели как раз иначе...

— Они посмотрели так, как им велели смотреть денежки мастера Стука...

Некоторое время Орри молча сопел, преодолевая крутизну склона. Бирим сжалился над мальком: присел на подходящую корягу и жестом пригласил Орри устроиться рядом. Брендик облегченно вздохнул, прильнув к свежей травке. Орри вытащил из кармана свой последний уцелевший трофей вчерашнего пиршества — шоколадный батончик, содрал с него упаковку и поделился лакомством со своим четвероногим другом. Легкий ветерок унес цветастый станиолевый пакетик к кустам и на них оставил.

— Не пойму я, — буркнул Орри, слегка отдышавшись. — Стихи-то твои такие деньги стоят, что ли, что Стук этот на тебя всех собак спустил? Или ты как-то еще его достал?

— Хе-хе... — горестно вздохнул Бирим. — Стихи никем не признанного поэта стоят по два гроша за килограмм. А килограмм чистой бумаги стоит все четыре... Вся эта затея с украденной интеллектуальной собственностью только затем ему и нужна, чтобы меня снова поймать. Мастер никак не может разрешить мне гулять на свободе...

— Так все-таки... Почему же это? — удивленно наморщил лоб Орри.

— Да потому, — упавшим голосом объяснил Бирим, — что я — вещественное

А в это время на противоположном краю Леса — на том, что выходил к Пригородному шоссе — происходили вещи, которые, без всякого сомнения, заинтересовали бы и Орри, и Бирима, и даже окружного комиссара Морзе, не поспешив он ретироваться из владений звеннов столь поспешно.

Четверо взрослых и вполне серьезных на вид мужчин разыгрывали на высвеченной утренним светом полянке странную пантомиму — словно играли в прятки с невидимкой. Один из них довольно ловко манипулировал легкой, почти невидимой сетью, остальные неуклюже подыгрывали ему в роли загонщиков. Всем им эта игра успела порядком надоест к тому моменту, когда наступил ее финал.

— Готово! — выкрикнул крепко сложенный бородач в потертой охотничьей куртке. — Он здесь, под сетью!

Трое одетых в цивильные, похоронно-чопорные наряды мордovorотов с недоверием топтались вокруг неподвижно лежавшей на пожелтой листве тонкой, почти незаметной сетки. Их облачение удивительно не соответствовало атмосфере утреннего Леса. Некоторым оправданием их здесь присутствия могла бы послужить разве что свежеврытая могила, а при ней — гроб с покойником и пастором, но ничего подобного окрест не наблюдалось. Бородач, тяжело дыша, отирал с лица пот.

— Ну и заставил он меня побегать, скотина... — доверительно сообщил он мордovorотам.

Тут же сеть возмущенно трепыхнулась, и под ней — казалось, прямо в воздухе над желтыми и коричневыми листьями — возникло слабо светящееся слово. Довольно нехорошее, оно продержалось в пространстве секунд пять или шесть и растаяло, оставив после себя в душе бородатого ловца чувство глубокой обиды.

— Обзывается, сволочь! — с досадой произнес он и сделал попытку пнуть нечто находящееся под сетью своим тяжеленным ботинком, но один из мордovorотов удержал его от столь неосторожного поступка.

— Вот он, — сообщил мордovorот, приглядываясь к чему-то под сетью. — Я вижу его, Рашид!

Второй мордovorот — поименованный Рашидом — принялся напряженно таращиться в направлении, в котором тыкал пальцем толщиной со ствол охотничьего ружья его приятель.

— А ты, Генри? — осведомился тот, скосившись на третьего типа в черном.

— Теперь вижу, — радостно сообщил Генри. — Ей-ей, Чарли, первый раз в жизни вижу живого звенна своими глазами, а не на картинке...

Звенн тем временем написал в воздухе еще одно худое слово. Этим он крайне огорчил всю собравшуюся вокруг него компанию.

— Зачем ты так, Джанни? — с огорчением произнес бородач. — Господа только и хотят, что поговорить с тобой. Спросить кое о чем... Ну, пришлось под сеть тебя загонять — так ты же, когда тебя по-хорошему звали, не приходил... А сейчас скажешь господам, что им нужно, и, ей-богу — скажи куда хочешь... Мы же ведь не изверги какие...

Сеть снова затрепыхалась, и в воздухе поплыли новые слова — на этот раз вполне

печатные.

«Пусть эти господа поторопятся. Я быстро отвечу, и тогда уходите. Вы нарушаете свои собственные законы».

— Черт возьми! — возмутился Генри. — Этот таракан-переросток еще будет учить меня нашим законам! Он будет, видите ли, мне толковать Конституцию...

— Вот что... — перебил его бородатый ловец. — Вы давайте поторапливайтесь с вашими вопросами, а то, неровен час, тварюга передумает... Или другие звенны шухер поднимут... Так что вы — это...

Главный из мордovorотов — тот, кого звали Чарли — задумчиво воззрился на него.

— Ладно... — буркнул он наконец. — Мы со зверушкой без свидетелей разговаривать будем... Ступай. Свободен...

— Вы мне пока только задаток отдали... — напомнил ловец. — И сеть я вам не в подарок оставляю. Вещь денег стоит.

Чарли поморщился и с явной неохотой вытянул из внутреннего кармана приятно шуршащий пакет. Ловец взвесил свой заработок, подкинув пакет на мозолистой ладони, и, не пересчитывая купюры, отправил их в сумку, притороченную к поясу.

— Вы того... будьте поосторожнее... — посоветовал бородач своим работодателям. — Вы учтите, что они — звенны — не то чтоб злопамятны, а...

Ловец фразу не закончил.

Люди пана Волины, хотя и слыли (недаром) народом в общении малоприятным, в денежных вопросах были достаточно щепетильны. Если уж вы от них что-то получали, то получали без всяких проблем — или оговоренную сумму, с точностью до самого паршивого гроша, или пулю в затылок. Фирма, как говорится, гарантировала.

От греха подальше ловец поспешил убраться восвояси, даже не заикнувшись о судьбе своей сети, которая, господа хорошие, тоже денежек стоит. Хорошую на звенна сеть сделать не всякий мастак может. Так что и пошел он лесом, творя по дороге Малые — от Беды — обряды. На полдороги к шоссе он нос к носу столкнулся с Агентом на Контракте.

Агент шел по Лесу не один. В авангарде мини-экспедиции двигался довольно мрачно настроенный Клавдий Мохо, а арьергард был представлен рассеянно жующим травинку Александром Тризом, который, несмотря на упомянутую рассеянность, все-таки первым заметил ловца.

Тот, впрочем, и не думал скрываться от пары своих старых знакомцев. Совсем напротив — предупреждая помахивая увесистой ладонью, он двинулся им навстречу.

— Давно не виделись, — приветствовал его Триз. — Неужто старина Чосер опять взялся за старое?

— Никогда и не бросал, — угрюмо отрезал ловец. — Погодите туда ходить, ребята...

Он кивнул куда-то в пространство за своей спиной.

— Там сейчас нехорошо... Пулю можно словить.

В другой раз реакция Клавдия и Алекса была бы иной — поворчав немного, они просто свернули бы в сторону и пошли дальше своей дорогой, поругивая вполголоса и чертова браконьера, и его темные делишки. Которые их, в конце концов, вовсе не касались. Это все — в другой раз. Но не в этот!

В этот раз все, что происходило в Лесу звеннов, их касалось — и даже очень касалось!

Поэтому старина Чосер был молниеносно взят в кольцо и отиснут к ближайшему стволу, который и помешал ему отступать дальше, в лесную чащобу. Столь недружелюбное и

энергичное поведение двух его старых знакомых и неизвестно откуда взявшегося типа порядком изумило ловца звеннов.

— Вы что это?! — с недоумением спросил он, уставившись на обрез, которым недвусмысленно поигрывал Клавдий, и на тесак, как по волшебству объявившийся в руке Алекса. — Вы что — сбесились?!

— Нет, — заверил его Алекс. — Пока еще нет. Но можем и взбеситься, если выяснится, что ты обидел нашего друга... Ты знаешь, о ком я говорю...

— Послушайте...

Ловец скосился на газовик, который немного застенчиво рассматривал Ким, словно только для этого — посмотреть, дыхнуть на запотевший в утренней прохладе ствол и потереть его о рукав — он его и извлек на свет божий. Тем не менее пушка могла оказаться и хорошей переделкой — из невинного газоиспускателя в нечто гораздо более серьезное. Мастеров на такие штучки в Большой Колонии хватало. И много народу таскало в карманах замаскированные под невинные, не требующие регистрации пукалки орудия, пробивающие напрочь суперкевлар.

Потом он перевел взгляд на пудовый кулачище Мохо, на столь же увесистый кулак Триза и, приняв во внимание эти решающие аргументы, продолжил:

— Послушайте, у меня просто заказ. От солидных людей. Да, он относится к этому вашему Чжанну. К тезке ихнего шефа. В смысле — заказчиков...

— Джанни?

Мохо понимающе глянул на партнеров:

— Все ясно. Пан Волына...

Он повернулся к ловцу:

— Где они?! Сколько их?!

— Трое. Все при оружии — учтите...

— Что они с Чжанном делают?!

— Они всего лишь хотят поговорить с ним. Правда, они этого не умеют — разговаривать со звеннами как надо. Но от моих услуг они отказались. Так что...

Чосер криво усмехнулся.

— Ты б уж лучше спросил, что Чжанн делает с ними. Я этих ослов честно предупредил, что со звеннами шутки плохи... Они мастера глаза отводить. И не только... У меня от этого одного предвидятся неприятности — без вашей, господа, помощи. Каждый — прости, господи, — идиот, который советов слушать не хочет и нарывается на неприятности, потом на меня вину за дурь свою свалить норовит. Да что и говорить — вот взять ту историю, что в прошлом году вышла — в месяц Других Богов... Стоп!

Он поднял палец к небу.

— Слышите?

В утренней тишине даже выстрелы из оснащенных глушителями стволов, раздавшиеся за ближайшим поросшим густым кустарником бугром, были слышны вполне отчетливо. А еще лучше слышны были вконец непотребная брань и вздорные крики, неожиданно огласившие Лес звеннов, пронизанный лучами восходящего светила.

— Все! — констатировал ловец. — Ребята нарвались. Я, с вашего позволения, пошел...

Мохо выдержал паузу — короткую, но «со значением».

— Иди. Но только помни, если с Чжанном что-то не так, то мы тебя засекли за нарушением закона. Лишение звенна свободы. Напомнить статью?

— С каких это пор ты заделался таким законником, Клавдий? — недовольно буркнул ловец, но развивать эту тему не стал.

Не оборачиваясь, он затопал прочь.

— Так... — повернулся к Агенту Мохо. — Опоздали мы... И рискуем нарваться на троих мужиков — злых и вооруженных. Пойдете с нами дальше, мастер, или как?

— Пойду, — заверил его Ким. — Можете на меня положиться. Мое присутствие, пожалуй, даже более желательно, чем вы думаете. Не знаю, что там у них происходит, — тут он умолк, прислушиваясь к воплям и брани, доносящимся из-за недалекого бугорка, — но не думаю, что мы так вот сразу нарвемся на вооруженное нападение... А вот на шальную пулю — так это вполне...

— Большой вы оптимист, господин частный исследователь... — с нескрываемым сарказмом заметил Алекс. — Впрочем, кое-какие козыри у нас при себе есть... Слава богу, хотя бы бумаги мои мне те ослы оставили...

Он вытащил бумажник, а из него взятую в пластик заверенную ксерокопию чего-то очень впечатляющего, украшенного гербами, печатями и витиеватыми подписями, и помахал документом в воздухе.

— Я, господин Агент, к вашему сведению, уполномоченный от Города по делам Леса. Общественный, конечно. Но как-никак — лицо официальное. Наделен некоторыми правами...

Ким не стал уточнять, какими, собственно, правами наделены общественные уполномоченные от Города по делам Леса. В местном законодательстве он кое-что смыслил и подозревал, что права эти довольно зыбки. Клавдий же оказался не столь тактичен.

— Народу пана Волыны на твои права наплевать с высокой сосны, — скептически заметил он. — Хотя, на худой конец, и такая ксива сойдет. Вот что, ребята: движемся вперед осторожно, цепью. От дерева к дереву. Прикрываясь. Понятно? И базар если состоится, то поаккуратнее будем... Без выпендрежа. Еще раз спрашиваю: всем все понятно?

Всем все было понятно.

* * *

В домике кемпинга «Зеленых чертей» перед экраном Ти-Ви, слегка пригорюнившись, предавались размышлениям двое не слишком удачливых партнеров.

— У тебя есть хоть какие-то планы? — осведомился Бэзил, делая вид, что целиком и полностью погружен в ожидание начала сводки криминальных новостей. — Хоть какие-то соображения о том, где искать проклятого шкета? Без гроша в кармане, без криминальных связей, без пищи и в розыске у мафии — куда он денется? Мне даже жаль его, право слово. Обидно только одно, что его загребет простая полиция или люди этого, как его... Волинского, что ли, прежде чем мы найдем. Ну что станет делать двенадцатилетний ребенок один-одинешенек при таком раскладе?

— Во всяком случае, не поднимет лапки вверх и не пойдет сдаваться, — небрежно ответила его партнерша, не отрывая взгляда от экрана. — Ты не знаешь здешних шкетов из Нижнего города. Он заставит нас попотеть... А про Волыну... — тут она слегка наклонила голову вбок, при этом стараясь не встретиться взглядом с мистером Кацем, — ...запомни, не Волинского, а Во-лы-ну — тебе Стук рассказал?

— Н-е-т, — с легкой обидой в голосе промяукал Кац, — это от Ставроса... Этого Волыну надо оч-ч-чень даже иметь в виду...

— Ты уж совсем меня за дуру не щ-щ-итай... — злобно прошипела Каманера, демонстративно продолжая буравить своими зелеными глазами экран Ти-Ви. По нему сейчас вяло проплывали маловыразительные кадры не особенно интересной криминальной жизни Бэ-Ка. Но стоило быть внимательным — совсем не исключалось, что в следующем сюжете оба партнера могли увидеть себя самих, объявленных в федеральный или еще какой-нибудь розыск. Основания для того были.

— А если тебя интересует, есть ли у меня планы, то слушай, — продолжила она. — Ниточки у нас все-таки есть. Только две, но — что есть, это точно.

— Итак, — с ядовитой иронией поинтересовался Бэзил, — первая?

— Самая очевидная, — задрав свой конопатый нос, определила Каманера, — от этого шкета все ждут какого-то страшного фокуса. Причем одни ждут чего-то плохого, а другие — чего-то хорошего. Надеюсь, ты догадываешься, кто это «другие»?

Она наконец с неохотой оторвалась от лицезрения видеоряда и многозначительно скосила глаза на Бэзила, которому все труднее было скрывать одолевавшее его любопытство.

— Это андройды, — выждав эффектную паузу, выдала она. — А сказать, почему?

— Ну, — промычал Бэзил.

Каманера, не скрывая гордости за свою сообразительность, сообщила:

— Иначе бы они не устроили ему побег!

— А почему ты думаешь, что это андройды?

— Не утомляй меня, Бэз... — по-кошачьи отмахнулась от него изящной лапкой Элен. — Достаточно глянуть на хитрую рожу твоего лучшего друга Кирака, и все станет предельно ясным. Это только Коста, который здесь без году неделя, верит в то, что может купить их с потрохами за обеды с кухонного стола. И потом — этот номер с зеленым чертом, что заявился пугать охранника... Это типично андроидский номер. Они дружат — андройды и болотные черти...

Бэзил поглядел на Каманеру так, словно она на его глазах достала из рукава живого кролика.

— Так что, зеленые черти, по-твоему, действительно существуют? — опасно поинтересовался он.

— Об этом потом, — на сей раз раздраженно отмахнулась та. — Нам надо узнать, за что все так запали на этого Орри. И когда узнаем, что от него ждут, тогда, может, пойдем, где и когда он должен быть.

— Все здесь шепчутся про какое-то Предсказание Хакеров.

— Вот этим и займемся... Завещанием... А еще Храмом, каким-то Алексом — помнишь, о нем малек болтал со звенном? Все это взаимосвязано.

— Ну, а вторая ниточка?

— А вторая ниточка, — нараспев продолжила Элен, наслаждаясь своей осведомленностью, — это ключ у Сонного озера. Ты помнишь — он шел туда за Странной водой. Это тоже непросто. Вообще, как ты думаешь — что надо было мальку в Лесу звеннов на ночь глядя? Просто пришел набрать водички? Он мог бы сделать это и в более подходящее время. В детстве бывает полно времени...

Бэзил пожал плечами.

— Вот то-то и оно. — Каманера прищелкнула языком. — Это Место — интересное. Уж

я-то это знаю... Сама в детстве по Лесу бродила. Когда-то знала его как свои пять пальцев... Отправляемся туда сразу, сейчас! Пока там хоть что-то можно найти... Не так далеко. Сначала — к ключу, а там — посмотрим...

Бэзил просительно скосил глаза на Каманеру:

— Давай досмотрим выпуск.

Он снова перевел взгляд на экран и замер. Из голографического окна на него смотрел не кто иной, как Бирим.

А суровый голос диктора предупреждал, что долг каждого — человека, андроида «или иного разумного обитателя Большой Колонии» — поставить в известность правоохранные органы о местонахождении изображенного на снимке андроида, если оно станет им известно. Встретившим его рекомендовалось проявлять предельную осторожность, так как есть основания полагать, что у данной особи нарушено функционирование нейрофизиологического механизма, обеспечивающего выполнение Первого Закона. За содействие поимке или обезвреживанию опасного субъекта предлагалось вознаграждение. В очень солидном размере.

— Какой бред! — воскликнула Каманера, резко вставая из кресла. И поймала опасливо скошенный на нее взгляд Бэзила. — Я знаю, о чем ты подумал. Выбрось это из головы! Выбрось, я сказала! Пошли! Время не ждет!

* * *

— Какое такое из тебя вещественное доказательство? — недоуменно спросил Орри. — И чему доказательство?

— Да тому, что делается в Подземных Театрах, малек, — вздохнул Бирим. — Хозяин знает, что если это выплывет наружу, его бизнесу конец... Хотя на самом деле все всё, конечно, знают. Только карты на бочку выложить не могут. А я — вот такая карта. Козырная, можно сказать...

— Не все и не всё! — возразил ему Орри, поглаживая изрядно скисшего от длительного перехода Брендика. — Я вот, например, ни фиги о Подземных Театрах не знаю. Кроме того, что всякие дурни болтают...

Бирим повернулся к нему, сузив свои огромные, как плоски, глаза в узкие щелки — почти такие, как у самого Орри.

— А что болтают о Подземных Театрах всякие дурни? А, малек?

Орри пожал плечами.

— Н-ну... Разное... Что там вроде гладиаторские бои устраивают... Со ставками... Как на ипподроме. Только не на лошадку, а на жизнь... Ну, на жизнь андроида, конеч...

Тут Орри запнулся и виновато глянул на Бирима.

— Фигня! — отмахнулся от него Бирим. — То есть действительно... Бывает такое. Но это — фигня, по сравнению с тем... — Тут он замер, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Чему Орри всегда завидовал — так это внутреннему напоминателю, встроенному в организм каждого андроида. Не нужно им никаких часов, никакого органайзера. Андройды всегда сами знают, который час, и никогда не забывают о назначенных делах.

— Сейчас они остановятся... — отрешенно пробормотал Бирим, поднимаясь на ноги. — Там выше... На шоссе. Пошли — успеем залезть на грузовик. До Космотерминала

доберемся... А там — не пропадем. Там — Вавилонское столпотворение... Главное — не засветиться, а там... А там — на жизнь заработаем, на первое время...

Орри послушно принялся преодолевать последнюю сотню метров, отделявшую их от ленты шоссе. Брендика ему пришлось спустить на землю и гнать перед собой своим ходом.

— Смотри сюда, — сказал Бирим и кивнул вверх, туда, где над ними громоздилась обочина шоссе. — Видишь?

— Вижу, — растерянно согласился Орри.

Все, что он видел, было громадным контейнеровозом, нелепо торчавшим перед самым поворотом и казавшимся одиноким и заброшенным.

— Туда, туда, — скомандовал Бирим и помог Орри вновь забросить на плечи Брендика. Брендик сурово вздохнул.

— А что, он поломался, что ли?

Действительно, зрелище бесхозного контейнеровоза, безмятежно прикорнувшего посреди лесной дороги, было само по себе удивительным. Контейнеровозы-автоматы или стоят на стоянках, или мчатся по своему маршруту. Или гниют на автомобильном кладбище. Четвертого не дано. Однако — вот же...

— Что это за?.. — снова спросил Орри.

— Не задавай глупых вопросов, малек!

Бирим с появившейся в нем необыкновенной кошачьей грацией проскользнул к заднему колесу машины, смахивающей на айсберг. Колесо было в полтора раза выше него. А рост у Бирима был немаленький.

— Давай пса сюда, — скомандовал он, в две-три секунды забравшись на крыло. — Сейчас здесь не заперто.

Брендик слабо заскулил, мужественно сцепив свои пугающих размеров зубы, но преодолел высоту, не подав и виду, что его боевые ранения причиняют ему хоть какое-то неудобство. Вслед за ним, цепляясь за выступы и впадины протектора гигантской шины, совершил свое восхождение Орри.

— Сюда, сюда, за брезент, — распорядился Бирим. И в этот момент сразу с обеих сторон громадного контейнеровоза затопали чьи-то ноги и заговорили чьи-то голоса.

— Давай, давай, Кароль, за руль. Здесь легавые, — орал тот, кто подходил с тылу.

— Да на хрена ж ты их дожидался, сука проклятая! — вторил ему тот, кто судорожно карабкался в кабину.

— Пломбу, пломбу срочно вешай, а то погорим начисто!

Торопливые шаги приближались, хотя и откуда-то издалека — с двух сторон сразу.

— Все! Не знаю, как они, а мы — погорели! — в отчаянии прошипел Бирим. — Сейчас они полезут сюда и...

— Кто они? — прошипел в ответ Орри. — Те, которые про пломбу орут?

— Сопровождающие... — все тем же шипом объяснил ему Бирим, пытаясь сдвинуть в сторону стальную дверь контейнера. — Здесь они груз принимают. В смысле — настоящий, а не тот, что по документам... И пломбы липовые на двери лепят. Мол, проверено уже на месте погрузки... Контрабанда чистой воды... Я-то думал...

Он снова приналег на дверь.

— Я-то думал, что они уже двери запломбировали и теперь мы здесь, под брезентом, поедем... А теперь — по шеям получим. В лучшем случае. В самом лучшем. Если и контейнер не занырем...

— А зачем — в контейнер?

— А затем, что и убить могут. Если подумают, что мы что-то видели... Это смотря на кого нарвешься...

— А ты откуда это знаешь?..

— От верблюда! — зло оборвал его Бирим и в отчаянии — шаги сопровождающих приближались — снова бросился на треклятую дверь.

И тут, когда сопровождающие уже было сошлись у торца контейнера, дверь вдруг, словно сама собой, легко отошла в сторону, и в образовавшуюся щель высунулась мускулистая рука. Рука эта ухватила Бирима за шиворот и втянула его внутрь стального ящика. Орри, порядком напуганный перспективой встретиться с сурово настроенными сопровождающими, не теряя времени, опрометью кинулся за ним следом, увлекая за собой Брендика и больно ударившись о чей-то твердый как скала живот.

Дверь с лязгом задвинулась, и на мгновение Орри оказался в полнейшей тьме. Потом кто-то в темноте хрипло произнес:

— Это Бирим!.. Разорви меня черти, если это не Бирим! Откуда ты здесь?! Ты же ведешь уже год как смотался! Зачем вернулся? По Рыжей Бороде соскучился? Он-то про тебя чуть не каждый день вспоминает. Как сам понимаешь — добрым словом... Тебе не икалось там, где тебя бес носил? И кого это ты с собой притащил, стихоплет чертов?

Бирим мрачно буркнул в ответ:

— Эй, кто-нибудь — посветите мальку. Не видите, что ли, что он не из наших?

— Погодите, — отозвался другой голос. — Пусть они пломбы сначала наложат. А то вздумают заглянуть, а тут два зайца и собака...

Словно подслушав его слова, дверь отъехала чуть в сторону, и — сварливый голос спросил снаружи:

— Ну, вы там — лишеныцы... Все на месте? Больше никого не ждем. Сейчас патруль нагрянет. Так что сидите тихо и не бубните там...

Дверь плотно въехала в пазы, и послышалась торопливая возня с замками. Кто-то бесшумно взял Орри за плечи и легко, как игрушку, перенес в глубь контейнера на что-то мягкое и пахнущее сиденьем автобуса. Потом на колени его был водружен жалобно пискнувший Брендик.

Кто-то громко зашипел, призывая к тишине.

За стенами контейнера глухо спорили несколько голосов. О чем спорили — разобрать было совершенно невозможно.

— Торжественный миг, — прошептал кто-то во мраке, скорее ехидно, чем тихо, — полиция на лапу получает...

На остряка зашикали, и мрак снова наполнился тишиной. Слился с ней.

«Они, наверное, родственники, — подумалось почему-то Орри, — мрак и тишина... Брат и сестра, наверное. А может — муж и жена... Надо у Бирима спросить. Где-нибудь в стихах такое наверняка сказано... А если не сказано — пусть сочинит... Красиво получится...»

Разговоры снаружи смолкли. Кто-то условным стуком постучал в стенку контейнера, потом еле слышно взвыл какой-то сервомотор. Что-то клацнуло, лязгнуло, и контейнер качнуло.

— Тронулись, — вздохнул кто-то, и во тьме вспыхнул приглушенным зеленоватым светом крохотный фонарик.

Орри принялся вглядываться в окружающее. Этим окружающим были в основном лица. Лица эти были разными — плоскими и острыми, как лезвие секиры, круглыми и вытянутыми, веселыми и грустными. Но во всех было что-то общее. Не хорошее и не плохое — просто общее. Долго догадываться о причинах такого неуловимого сходства не приходилось.

— Вы что тут? — осторожно спросил Орри. — Все андроиды, что ли?

Ответом ему был несильный взрыв невеселого смеха.

— Ты не ошибся, малек... — произнес наконец чей-то горьковатый голос. — Да, здесь все мы до одного — андроиды. Куклы Судьбы. И все мы — беглецы. Ты уж прости, но наша и твоя, наверное, родная Бэ-Ка нам горше горькой редьки... Не выжить нам в ней... А вот ты-то зачем в бега подался, несмышлениш? Ведь для вас — людей — жизнь там вполне ничего. На папу обиделся за то, что по попке нашлепал? Или стихи Биримовы так полюбились, что ты к нему в ученики-оруженосцы подался?

— Шутки шутками, — прервал эту тираду хриплый голос, — а ситуация аховая. Я уж не говорю про то, что будет, когда там — в конце пути — выяснится, что у нас тут перебор на две с половиной личности... Там мы уж как-то их прикроем... В обиду не дадим. Хотя особой зависти к их судьбе я не испытываю. Коли они денежек с собой в избытке не прихватили. Но вот с какой радости ты, Бирим, снова на Бэ-Ка подался? Знаешь, просто в ум не возьму. А потом снова назад, с планеты прочь — зачем?

— Да я и в мыслях не имел с планеты снова убежать! — запальчиво возразил Бирим. — Мне теперь судьба — на родине лапти откинуть...

Он умолк и погрузился, насколько это можно было различить в темноте.

Орри тем временем слегка адаптировался к слабому освещению и стал различать детали интерьера контейнера. Изнутри контейнер был вовсе не контейнером. Был он чем-то вроде той титановой емкости, в которой, если судить по видеофильмам и «виртуалке», перевозят для участия в смертельных схватках с инопланетной нечистью героев Космодесанта. Ну разве что сильно потрепанный. На стенках были развешаны регенераторы кислорода и пластиковые баллоны с питьевой водой. Народ, наполнявший слабо освещенное пространство вокруг, располагался на точно таких противоперегрузочных креслах-лежанках, какие Орри частенько видел по Ти-Ви — как видно, списанных с армейских кораблей. Точно на такой лежанке устроили и его — благо примерно половина лежанок вокруг пустовала.

— Понимаешь, — встрепенулся Бирим, — я просто хотел до Космотерминала зайцем сам доехать и малька довести. У него с мафией какие-то проблемы...

Кто-то в глубине контейнера протяжно присвистнул:

— Ни фиги себе! «Какие-то проблемы с мафией»... У малька... Разное слышал, не такое...

— Всякое бывает, — меланхолично бросил беглый поэт. — Но суть в том, что его пес спас меня от погони... Там — в Лесу звеннов.

— Так за тобой там гонялись? — спросили из темноты. — Что, Рыжая Борода тебя вычислил?

— Вычислил... — мрачно подтвердил Бирим. — Помогли ему... И жуткие собаки гнались за мной по Лесу! А этот отважный пес бросился им навстречу...

Брендик смущенно заурчал. Бессловесное создание почуяло, что слушателям излагается сильно романтизированная версия происшествий минувшей ночи. И в этом оно оказалось

право.

Пока Бирим повествовал о том, как не достигший еще полного собачьего совершеннолетия Брендик в одиночку справлялся с двумя (или четырьмя) дюжинами бойцовых псов, сам герой рождающейся саги все глубже и глубже зарывался носом под бок Орри и недовольным повизгиванием давал знать, что не разделяет такого преувеличения своей роли в Истории.

— Ну а потом... Потом мы встретились с мальком — хозяином геройской псины — в заброшенной лесной хижине у ручья... — закончил первую часть своего повествования Бирим.

— То не ручей был, — заметил Орри, желавший хотя бы относительно того, чему сам был свидетелем, сохранить достоверность, — а вовсе даже ключ. И хижина совсем не заброшенная... Просто замаскированная.

— Так или иначе, — продолжил Бирим, игнорируя коррективы участника событий, — мы провели в ней остаток ночи, и никто не обнаружил нас в этом убежище. А на рассвете, проснувшись с первыми лучами восходящего светила...

Орри плюнул на то обстоятельство, что поднимать с трудом продравшего глаза стихоплета «с первыми лучами» пришлось ему с Брендиком. И было это делом совсем не легким. Вмешиваться в дальнейший ход повествования он не стал.

— ...проснувшись с первыми лучами восходящего светила, — продолжал Бирим, — я тут же вспомнил, что именно в это время совсем недалеко отсюда останавливается грузовоз Кароля, чтобы принять на борт очередную партию беглецов, жаждущих обрести свободу, и подумал...

— Слушай, — спросил обладатель хриплого баса, — признайся: ты долго думал?

— Нет, — скромно признался Бирим, — эта мысль пришла ко мне мгновенно.

— Я так и знал! — вздохнул хрипун. — И мысль эта была — забраться на свободную площадку за контейнером под брезент и доехать до Космотерминала.

— Именно! — подтвердил Бирим. — Ты ведь сам знаешь, что там — вокруг корпусов — такой Шанхай, что год продержаться можно, и ни одна собака тебя не найдет! И крыша над головой будет и на пропитание заработать можно. И себе, и мальку. Я вот одним рэпом под старинку — на любом углу...

— Бирим! Стихоплет ты мой дорогой! — застонал басовитый хрипун. — Да тебя и искать-то никто б не стал! Мастер просто кинул бы кость местной братве, и она тебя, как миленького, сдала бы ему на руки. В любом виде. Там же у местных авторитетов все схвачено и перехвачено! Помнишь же, что про такие вот Шанхай говорили умные люди? «Всякий видимый хаос — это на самом деле невидимый порядок»! А уж если б ты с репой своей...

— С рэпом! — обиженно поправил его Бирим.

— Вот я и говорю: с репой своей! Да если б ты на любой перекресток вылез, так никому и напрягаться бы не пришлось! И ты не только такую дурость сморозить хотел, так еще и малька за собой потянул!

— Ну, — уныло возразил Бирим, — рэперов-то в Колонии хватает...

— Вот именно что хватает! И все они наперечет известны любителям этой тарабарщины! Так что засветился бы ты мгновенно! Проще было бы тебе не рэпом, а рэкетом заняться. Нашего брата — андроида, — из тех, что приторговывают втихую, на счетчик бы ставил... Ей-богу, дольше бы продержался часа на два...

Орри впервые слышал, чтобы андроиды в открытую говорили о том, что могут заниматься рэкетом. Хотя... Если, действительно, наезжать они будут на своего брата — андроида, то Первому Закону это вовсе не противоречит. Кое-что о довольно жестоких разборках между андроидами ему слышать приходилось. Хотя Орри не слишком верил этим слухам — все те андроиды, с которыми он дружил и которых знал, вообще были добрейшими малышами.

«Это, конечно, хрипун так шутит...» — подумал он.

— Так что, — добавил из тьмы чей-то ехидный голос, — считай, что тебе повезло, если в этой коробочке с нами вместе опять из здешних мест выберешься... Вот оно — андроидское счастье!

— Мое счастье, — вздохнул Бирим, — бежать от одной ловушки к другой. И рано или поздно, а одна из них — захлопнется!

Тут он — неожиданно для Орри — заговорил стихами:

*Я — поэт. Пишу для кукол.
Долго кукол я баюкал,
Но пришел час роковой —
Поплачусь я головой!
Свистнет, гикнет Карабас
И своей ужасной плеткой
Доберется он до нас.
Ясен суд его короткий —
Роль сыграть в последний раз!
А я все писал для кукол...
Кукол к страсти понукал.
Черный кот во тьме мяукал —
Мне на бегство намекал
(Да, свободы я алкал!).
С бегством я обрел свободу,
Но свобода беглецу
Без погони — не к лицу.
Как мне объяснить народу,
Что андроиду-уроду
Нет свободы в мире этом:
Как родился он «с приветом»,
(Без того — не быть поэтом!)
Так привет свой вам и шлет
С того места, где помрет...*

Бирим прочитал свои вирши с таким чувством, что Брендика прошибла слеза. Он тихо заскулил и прижался к плечу Орри. Того это задело.

— Ты что, сдурел? — обратился он к горюющему над своей судьбой сочинителю. — Собаку перепугал. С чего ты помирать надумал? Какая плетка? Какой Карабас?! Какая «роль в последний раз»?

Тут он запнулся, поймав себя на том, что и сам заговорил стихами.

— Эх ты, малек... — вздохнул Бирим. — Ни черта ты не понимаешь ни в андроидах, ни в Судьбе.

— Ребята, — обратился он в темноту, — объясните малолетке, что с нами творят в Подземных Театрах.

— А стоит малолетке такое знать? — спросил уже знакомый Орри хриплый голос.

— Стоит, — уверенно ответил Бирим. — Раз уж он к нам прилип, то пусть знает.

Он снова тяжело вздохнул:

— Я лично за то, чтобы вообще все знали об этом. Да они и знают эти «все». Только никто никому не признается. Надо, чтобы кто-то сказал об этом вслух! Только мне этого не дадут.

— Ну конечно! — отозвался хриплый голос. — Если ты за год во второй раз на Приют намылится, то с тобой крупный непорядок творится, друг мой, стихоплет.

— На Приют? Так мы... Так нас тащат на Приют?! — горестно воскликнул Бирим.

— Нет, в санаторий. На курорт, — зло отозвался хрипун. — По-твоему, куда еще, кроме Приюта, могут забросить нашего брата за те грошки, что мы здесь натырили — правдами и неправдами?! Ладно, не будем о грустном... Вот Мантра пускай расскажет твоему несмышленьшу, во что он влип.

Мантра, еле видный в подсвеченном галогеновым фонариком сумраке, откашлялся и довольно приятным «профессорским» голосом обратился к Орри:

— Слушай, мальчик, ты вообще-то знаешь, откуда взялись андроиды и зачем их делают?

— Ну как же, — пожал плечами Орри. — Вы — универсальные слуги. Предмет эксплуатации, — добавил он слова, не вполне ему понятные, но зато слышанные от Нолана.

— Ага, щ-щаз-з! — иронически прошамповал его слова Мантра. — Запомни, андроиды — это солдаты. Жестокие, безжалостные и очень стойкие солдаты, которые выполняют любой приказ и в любых условиях. Любой ценой. И Империя их создала, когда стало ясно, что грядут гражданские войны, которые развалят ее на части.

— Вообще-то я об этом слышал... — неуверенно пробормотал Орри. — Только я думал, что это — сегрегатские выдумки...

— Никакие не выдумки, малек! В ту пору биоинженерными методами нас и создали. Сразу несколько типов. Ты ведь заметил, что андроиды немного различаются между собой?

— Заметил, — признал очевидный факт Орри.

— Но в целом тогда задача перед нами стояла одна — высаживаться в мятежных мирах, а там... Усмирять, уничтожать, карать.

— Людей? — недоверчиво спросил Орри.

— Прости, но в основном — людей... Ну и других разумных существ и роботов — в случае межцивилизационных конфликтов... Но это уже второстепенная была задача.

Мантра замолк на секунду-другую.

— А Первый Закон? — озадаченно спросил Орри.

— А не было у нас тогда запрограммировано никакого Первого Закона! Каратели, они на то и каратели, чтобы причинять вред людям. Как действием, так и бездействием иногда. Вот таких идеальных солдат ученые Империи и создали... Но только пустить в дело их не успели. Или не решились. Побоялись, может, непредвиденных последствий. Всюду во всех Мирах нас тогда уничтожили. Демонтировали. Загнали в резервации. А вот здесь — в Большой Колонии — решили сохранить ради эксперимента. Только при этом загнали нам

вот сюда, — Мантра постучал по черепу, — культ Великого Айзека с его Первым Законом, что мол никто из нас никому из вас — людей — ни за что и никогда не может причинить вреда. Да так хорошо загнали, что никто не может понять, как от него — культа этого — нас избавить. Перепрограммировали нас, так сказать, и законсервировали. А как ты думаешь, малек, на что годен солдат, который не способен и пальцем тронуть человека?

Орри гмыкнул, еще раз пожал плечами и предположил:

— Ну, вот чтобы людей защищать...

— От кого? — ядовито спросил Мантра. — От кого нам защищать людей в Большой Колонии? От звеннов? От тахо? Или от самих себя? Так вот учти, что ни звенны, ни тахо людей и пальцем не тронут: вы им просто безразличны. Вы для них просто тени из другого мира. А вас самих от себя защитить мы не можем по Первому Закону Великого Айзека, потому что человек, даже если он зверь и преступник, он все равно человек, и его не тронь. Так на что же мы годны здесь? От кого мы должны защищать вас?

— Н-ну, я не знаю... от болезней... от чудищ инопланетных... — растерянно парировал повторный вопрос Орри.

— От болезней? Гм... да. Тут ты угадал, малек. Среди андроидов попадаются неплохие врачи, но они повязаны по рукам и ногам, потому что нельзя людям больно делать, так что остается им психотерапия да всякий массаж и консультации. А вот инопланетных чудищ что-то в здешних краях не видали от начала века. И, боюсь, никогда не увидят. Если, конечно, нас с вами за них не считать. Потому что для звеннов и тахо мы-то как раз и есть пришельцы с самых что ни на есть иных планет. И при том — заправские чудища. Потому что у них о красоте немного свои понятия. И об уродстве тоже.

— Да, все в мире относительно... — вздохнул Бирим.

— Теперь ты понял, малек, — продолжил Мантра, — почему мы в четыре раза более сильные, чем любой человек? Мы способны пережить такие ранения, которые вам и не снились. А теперь мы — созданные для войн и катастроф — здесь, на вашей планете, способны только на подхвате работать — дворниками да официантами. А в сущности — в ногах путаться у вщего технического прогресса.

Слова эти были встречены неодобрительным гулом среди невидимой в темноте аудитории. Но оспаривать горькую для них истину никто из андроидов не стал.

— Мы здесь лишние, действительно лишние! — сурово продолжил Мантра. — И эти ваши сегрегаты, по существу, правы. Вам от нас избавиться — только к лучшему. Но так ведь же нет — нас все больше и больше. И знаешь, кому мы здесь нужны по-настоящему?

— Н-ну, вот мастер Стук из вас вроде артистов делает... Только почему — в Подземных Театрах, не знаю, — признался Орри.

Мантра ядовито засмеялся.

— Подскажу тебе еще одну вещь, которую мы можем делать. Андроиды еще могут уничтожать других андроидов, причинять им вред. На это запрета не наложено. Из нас можно сделать гладиаторов. Это у Стука — наказание такое. За малую провинность — плетка...

— Так это у него кличка такая — Карабас? — догадался Орри, вспомнив Биримовы стихи. — А почему?

— Фиг знает... — задумчиво поскреб в затылке Мантра. — Это древнее что-то. Библейское...

— Да нет, — возразил из темноты кто-то шибко грамотный. — В Святом Писании, там

— Варрава... А в английском написании будет — Барабас... Но не Карабас... А вообще, его обычно иначе, как мастер Стук, не называют. Или просто — Мастер. С большой, понимаешь, буквы.

— Да черт с ней, с кличкой Стука! — отмахнулся от грамотея Мантра. — Так вот: за малую провинность — плетка. А за побег или за то, что полиции показания дал, — последняя роль. На сцену — один на один, и — до смерти одного из сражающихся. И так — тур за туром. Полуфинал, финал... Есть среди вас, людей, ты уж меня прости за такие слова, малек, такие выродки, что готовы большие деньги платить за то, чтобы на такое зрелище полюбоваться.

— И никто про это не настучал полиции?

— Наверно, настучали — и немало... Только избиение и убийство андроидов — тем более их взаимное уничтожение — уголовным законом не карается. Максимум, что могут за вещи припать, так это штраф за организацию аморальных зрелищ. Но с Мастером копы по таким пустякам не связываются. А многие из них сами на бои поглядеть заходят. И судьи с Мастером дружат. Вот так, малек.

Мантра помолчал.

— Вот так — наши на сцене уродуются, а зрители ставки делают, пари заключают... А Мастер с этого неплохие денежки гребет. А кроме того, он еще умудряется наживать на тех несчастных, кто в конце выживает, — он их просто продает мафии... Хотя это уже — поперек закона.

— Это как? — не понял Орри. — Ведь вы же не можете нападать на людей! Или травить их наркотиками...

— Зато друг на друга — можем. И на подхвате работать — курьерами там, на стреме стоять... Первый Закон — он только с виду ясный и понятный. А на самом деле его по тысяче кривых объехать можно. Можно из андроидов составлять конкурирующие банды и шайки для чего-то и кого-то. Для охраны складов, явок, для перевозки посылок по опасным маршрутам... Но не это главное. Стук не с этого основной доход имеет — не с подпольных боев и не с работорговли.

— А что же тогда главное?

— Главное в том, что кто-то надеется, что Первый Закон у нас можно все-таки выключить. Отменить. И вот для этого и существуют Подземные Театры мастера Стука. На вид это все самый настоящий шоу-бизнес. Ведь андроиды — это еще и прекрасные артисты. Нас недаром называют Куклами Судьбы, но на самом деле деньги Мастеру платят не за это. Нас тренируют, обучают и одурачивают так, чтобы у кого-то из нас в конце концов пропала способность отличать андроидов от людей, а представление — от действительности. Такое случается — с одним из двух-трех сотен. А иногда и сюрпризы выходят: вот Бирим, к примеру, стихи сочинять стал...

Бирим смущенно кашлянул.

— И вот тогда, — продолжил Мантра, — кто-то из нас перестает понимать, на сцене он живет или в реальной жизни. И таких ждет одно из двух — одних изучают, стараются найти ключ к Первому Закону. Мне не хочется даже думать, что делают с ними, а других ждет судьба попроще — их продают в солдаты. В другие миры. У Мастера довольно большой доход с этого бизнеса. На один только Харур уходит по несколько сотен наших в год, но дело в том, что тем, кто платит Мастеру за его работу, этого мало. Им нужны не сотни и не тысячи, им нужно разгадать секрет Первого Закона вообще. Ты знаешь, малек, сколько идет

войн в Обитаемом Космосе вот сейчас, в эту минуту?

Орри неуверенно покачал головой:

— Так вот, малек, эти войны могут проглатывать миллион андроидов каждый год, а может быть, и каждый месяц. И мастер Стук из кожи вон лезет, чтобы на эту цифру выйти, ну а мы здесь, в этой железной коробке, это те, кто не захотел в этих играх участвовать. Мы — это те, кто захотел совершить самое страшное для андроидов преступление. Знаешь, какое?

Мантра подвинулся ближе и приблизил свое лицо к Орри.

— К-какое? — заикаясь, спросил малек.

— Жить как лю-ди, — по слогам произнес Мантра и отодвинулся назад во мрак. — Просто жить как люди. Поэтому мы и уходим из этого дурацкого мира в Приют, на Трассу, к черту на кулички. Ведь андроиды могут жить просто, как все. Это ведь только так говорится, что у нас души нет...

Он тяжело вздохнул:

— А тебя-то как сюда занесло, малек, с псиной твоей? Кстати, тебя хоть как зовут-то?

— В самом деле, как тебя зовут? — с удивлением поинтересовался Бирим. В его голосе не чувствовалось ни малейшей вины.

Орри даже не обиделся на него. Он уже успел понять, что хоть Бирим — малый сам по себе и неплохой, но вот только единственно, что Бириму интересно, так это его — поэта и аароида Бирима — роль в Мироздании. Чего обижаться? Раз уж так сделан человек, точнее, андроид.

— Орри, — представился Орри, — Оруэлл Нолан. Вот и все.

Вслед за этими словами в набитом андроидами контейнере вдруг наступила оглушительная тишина. Тишину эту нарушило только хриплое, секунд на десять растянувшееся «И-и-и-их!». Затем последовал не менее хриплый, заданный вполголоса вопрос:

— Бирим, ты зачем приволок его сюда? Ему же вовсе не в Приюте место!

Бирим был крепко озадачен.

— Н-нет, — наконец откликнулся он, — этого не может быть! Слушай, малек, ты не врешь?

— А вы чего это все? — осторожно спросил Орри. — Что это вы все как шальные стали? Это из-за хакерского Предсказания?

— Правильно, малек, — аккуратно выговаривая слова, произнес Мантра и потом задумчиво, видимо уже самому себе, а не Бириму, пояснил:

— Да нет, не врет он. А то, что его с нами в Приют несет, значит, так надо.

Мантра помолчал и добавил с каким-то особым выражением:

— Судьба...

* * *

И, словно откликнувшись на это особенное слово, контейнеровоз резко затормозил, свернул вправо, свернул влево, взял какой-то подъем, и снаружи в контейнер стали долетать неразборчивые звуки голосов и куда более разборчивые лязги, скрипы и стуки каких-то инструментов, совершающих над контейнером с беглецами непонятные манипуляции.

Потом контейнер рвануло вверх, вбок, крутануло и потащило куда-то. Тащило, впрочем, недолго. Снова раздались скрежет, лязг, гул, и вдруг наступила тишина. Абсолютно мертвая тишина, какой Орри не слышал никогда в жизни.

— Загрузили, — прошипел кто-то в тишине. — Нас загрузили, ребята. Кажется, пронесло.

— Это тебя на Приюте пронесет, — ответил ему знакомый хриплый голос. — Пронесет получше всякого слабительного. А пока пристегнитесь, ребята. Оно, может, сутки старта ждать будем, а может, и через час дернем. И малька, малька с собакой его пристегните, чтобы, не дай бог, по полу не размазало!

— Господи! — тоскливо взвыл Бирим. — На Приют! Опять на Приют! Ведь чуяло мое сердце...

— Слушай, ты, поэт! — окликнул его из темноты хрипун. — Ты б лучше стихи читал. И притом уж совсем хорошо бы было, если б про себя читал. В том смысле, что не вслух.

И тут стало не до стихов. Орри еще только застегивал натянутый на него кем-то из соседей ремень, когда перегрузка обрушилась на обитателей контейнера. Даже мужественный Брендик тихо заскулил. Кое-кто из неудобно устроившихся на своих лежанках андроидов тихо чертыхался. Вообще-то это было своего рода выражение сочувствия затесавшемуся среди них обычному человеку. Тем более мальку с собакой. Что до андроидов, то для их приспособленных для участия в высадках Космодесанта организмов все это было сущим пустяком.

Орри некоторое время казалось, что он не может дышать. Как-никак это был его первый выход в космос. И ему казалось, что тот неведомый грузовоз, в который так поспешно — перед самым стартом — впихнули их контейнер, будет разгоняться целую вечность. И когда эта вечность закончилась, он испытал невероятное облегчение. Только когда низкий рев разгонных двигателей смолк, он понял, что слышал его. Просто этот рев невидимого дракона на какое-то время так заполнил все его существо, что стал ему незаметен, и только когда благословенная, еще ни разу не испытанная в жизни невесомость внушила ему иллюзию падения в бесконечную пропасть, он испугался по-настоящему.

— Черт! — воскликнул он. — Это всегда так?

— Не знаю, — ответил Бирим. — Я всего второй раз в космосе. Нет, точнее третий.

— Послушай, — спросил из темноты давешний хрипун. — Ну все-таки какого ж ты туда-сюда летаешь?

— Не знаю, — ответил Бирим. — Судьба... Тебе же сказали — Судьба.

— А ты ничего... не пищал, — обратился хрипун к Орри. — Теперь заснуть постарайся. Сейчас корабль маневр закончит и начнет разгоняться. Это долгая волынка. Спи — не бойся. Разбудить не забудем...

Тяжесть, и вправду, вернулась в контейнер вместе с еле заметной, даже успокаивающей по-своему вибрацией маршевого двигателя. И плоховато выспавшийся после бурной ночи Орри, действительно, стал задремывать. Брендик тихонько посапывал у него под боком и уютно грел этот бок. Андроиды вполголоса обсуждали между собой что-то свое. И их бормотание тоже усыпляло Орри.

И никто наконец не гнался за ним и не норовил ни продать, ни запереть.

— Блин! Корабль на Приют пошел, — пробормотал Мохо, прислушиваясь к грому, долетевшему с небес. — Всех звеннов распугает, зараза!

Он кивком велел притаившимся за деревьями Киму и Алексу продвигаться вперед и сам двинулся через вершину невысокого холма.

На поляне, скрытой за этим возвышением, перед ними открылась странная картина: двое людей пана Волыны — их невозможно было не узнать по похоронной униформе, — кружа по открытому пространству, словно в каком-то нелепом танце, тупо водили перед собой стволами здоровенных пистолетов, а третий стоял поодаль у зарослей кустарника на четвереньках. Точнее, на обоих коленях и на одной руке. Другую — правую — руку он прижимал к кормовой части своего тела и притом крыл непотребными словами двух своих партнеров. Его пистолет — тоже пугающих размеров — валялся недалеко от него на изумрудной травке.

— Эй, господа хорошие! — окликнул их Мохо, осторожно появляясь из-за ствола дерева. — Вы чего это здесь дуэли развели? Человека, вижу, подранили... Нехорошо получается!

— Заткнись, дед! — глянув на него искоса, отозвался один из двоих круживших по поляне бандитов и, заметив в стороне какое-то движение, выпалил в эту сторону из своего ствола. С его партнера, случившегося на линии огня, тут же слетела шляпа. Тот шархнулся в сторону и сел на травку, опасливо ощупывая голову.

— Второй раз, мать твою! — сообщил он несколько обескураженному стрелку. — Если ты, ишак, еще раз на меня ствол наведешь, я тебя первым пристрелю, сука!

— Так какого черта ты под пули лезешь, зараза?! — возмутился стрелявший. — Я снова из-за тебя его потерял...

— Так у вас и впрямь смертоубийство выйдет... — сурово произнес Алекс, тоже выходя из укрытия и помахивая в воздухе своим удостоверением и тесаком. — Немедленно убирайтесь отсюда и стреляйтесь где угодно. Хоть перед Ратушей! Но не здесь. Это — Лес звеннов!

— А ты откуда взялся?! — зло осведомился неудачливый стрелок, держа оружие наготове.

— Собственно, откуда здесь взялись вы? — вступил в разговор Ким, тоже появляясь на сцене. Свой газовик он аккуратно держал стволом вниз. — Я вижу, у вас как-то неудачно сложился разговор с тезкой вашего шефа? Со звенном Джанни... А если правильно, то с Чжанном.

Бандиты уставились на него несколько ошалело.

— Я вот о чем попрошу вас, господа... — продолжил Агент, спокойно приближаясь к ним. — Звякните сейчас господину Больше и сообщите, что тут находится Агент Ким Яснор. И выслушайте, что он вам по этому поводу скажет. Сделайте это немедленно. Пока не случилось новых недоразумений...

Все трое бандитов со злым недоумением переводили взгляды с одного из трех потенциальных противников на другого. Но один из них — тот, что остался без шляпы — все-таки нехотя вытащил из внутреннего кармана свой мобильник и ткнул в кнопку, которая, видно, «помнила» номер канала связи пана.

— Алло, шеф... — угрюмо бросил он в микрофон. — ...Да, с места... Да, в общем... В общем, мы с ним работаем... Тут другое... Тут вот объявился тип... Говорит, что агент. Звать Ким Яснор. С ним еще двое. Все при оружии. Как быть?

Некоторое время он вслушивался в сварливое верещание трубки, закатив глаза куда-то — под низкий, смахивающий на козырек кепки лоб. Потом молча протянул трубку Киму.

— Алло? — без всякого выражения в голосе спросил Агент.

— Это действительно вы? — сердито осведомился пан Волина.

— Если вы не узнаете мой голос, — все так же невыразительно отозвался Ким, — то напомню вам ваше же обещание. Вы дали мне его всего несколько часов назад...

Пан помолчал секунду-другую — видимо, затягиваясь своей любимой сигарой — и наконец буркнул:

— Не надо напоминать. Я хорошо помню — и свои обещания и твой голос, Агент. Принято. Передай трубку Рашиду.

— Это вы Рашид? — осведомился Ким у подавшего ему трубку типа.

Тот молча кивнул и взял трубку из рук Агента. Так же молча выслушал нечто, судя по всему, короткое и раздраженное и, пряча мобильник в карман, коротко — кивком — дал команду остальным двум участникам неудачной охоты на звенна.

Вдвоем они подхватили третьего участника охоты — того, что так удачно поймал пулю ягодицей — и так, связкой, молча потопали прочь. Не молчал только пострадавший. Его кучерявый перемат не скоро стих за деревьями.

— А ты, оказывается, накоротке с Большой... — задумчиво констатировал Алекс, исподлобья глядя на Агента. — У тебя не с ним ли контракт, часом?

— У нас с ним уговор — друг другу не мешать, — уклончиво ответил Ким, выдержав направленный на него подозрительный взгляд.

И вдруг — боковым зрением — неожиданно увидел звенна.

Совсем рядом с собой.

Увидели его и Алекс с Клавдием.

«У меня были неприятности, — написал звенн в воздухе бегущей строкой, — потому что я дружу с людьми. С тобой, Алекс».

Цвет надписи был упрекающим.

— Я виноват, Чжанн, — признал Триз. — Я подставил тебя, впутав в наши людские дела. Прости, если можешь... Расскажи: что здесь произошло? И еще скажи: к тебе приходил Орри?

Последовала пауза.

Потом звенн коротко стрекотнул, и в воздухе возникли строчки уже более благожелательной расцветки: «Я сам тоже виноват. Грех любопытства. Здесь было: Чосер поймал меня. Он уже второй раз поймал меня. Оба раза — одно и то же. Только первый раз хотели меня увезти в Метрополию. Продать. А в этот раз им нужен был Орри. Чосер им всегда помогает меня ловить. В этот раз — тоже. С ним были три плохих человека. Они его прогнали и хотели быть со мной одни. Хотели знать, где Орри. Не умели говорить хорошо. Пришлось им отвести глаза. И тогда я ушел из сети. Она здесь лежит. Не запутайтесь. Надо ее отдать Чосеру. А то ему будет трудно снова ловить меня...»

«Не правы, — подумал Ким, — ох, как не правы те, кто считает, что у звеннов нет чувства юмора...»

«Потом я стал с ними играть, а они сильно рассердились и стали стрелять. И тогда они немножко попали друг в друга. Потому что у них немножко все стало путаться в голове. Такое бывает. Потом пришли вы».

— Я так и думал, — мрачно пробормотал Алекс. — Я так и думал, что вышло что-то в

этом роде. Стало быть, наболтал я лишнего — тогда, под химией... Но ты ведь ничего им не рассказал, Чжанн? Про Орри?

«Я им ничего не написал. Только плохие слова. Мне стыдно. И немного обычных. Про Орри — ничего не написал».

— Ясно, — вступил в разговор Клавдий. — А Орри? Орри-то к тебе приходил?

«Он приходил, — заверила его бегущая строка, окрасившись в теплые тона, — я отдал ему карточку, и он ушел. Есть предчувствие. Дар предвидения».

— Какое предчувствие? — с тревогой спросил Мохо. — Что с ним случилось?

«Его нет, — сообщила строка грустным фиолетовым цветом. — Его нигде нет».

— Да ты что такое городишь?! — возмутился Мохо. — Он не мог погибнуть!

«Я не пишу „погиб“, — обиженной желто-зеленой строкой отозвался звенн. — Я пишу „его нет“. Здесь».

— Черт возьми!

Мохо развел руками и повернулся к Алексу и Киму.

— Фиг поймешь! Его чего ж — живым на небеса взяли?

И, сказав это, запнулся, ошеломленный осенившей его догадкой.

— Послушай, — нагнулся он к Чжанну. — «Здесь» — это значит в Большой Колонии? На этой планете?

«Именно это я и хотел написать!» — подтвердил звенн.

И тут, как это часто бывает с представителями его племени, настроение Чжанна резко изменилось — будто солнышко зашло за тучу.

«Я очень жалею... — написал он в воздухе ядовито-фиолетовыми каракулями. — Я очень жалею, что связался с вами — людьми. Мне кажется, я принес вам только вред...»

— Ты ошибаешься, Чжанн... — начал было утешать его Мохо.

Но не тут-то было: в воздухе белой молнией повисло: «Никогда не покажусь вам больше! Никогда!!!»

И звенна как не бывало.

Ким ошеломленно потряс головой — она как-то странно опустела и в то же время пошла кругом. Ноги его вдруг неожиданно подогнулись, его охватила необъяснимая слабость и он опустился на ближайший пенек.

— Ах, черт! — с досадой воскликнул Алекс. — Позабыли мы его предупредить... Чтоб на звенна не глазел долго...

— Я думал, он такие вещи знает... — растерянно развел руками Клавдий.

— Я знал... — слабым голосом отозвался Ким. — Но вылетело из головы...

— Ничего, — успокоил его краснодеревщик. — Минут через пять пройдет. Главное, при следующей встрече не забудь.

— Сомневаюсь, что будут следующие встречи, — покачал головой Ким. — Звенны, говорят, редко с людьми дружат. Вот — один был, и того спугнули...

— Да, — признал Алекс, — Нехорошо с Чжанном вышло. Никогда, сказал, не покажется. А у звеннов слово — кремень. Значит, суток четверо его не увидим...

— Ладно, — махнул рукой Клавдий. — Тут надо разобраться, что с Орри получилось. Предчувствие предчувствием, Предвидение предвидением, но малек в опасной ситуации. При нем денежки Волыны...

— Никаких денежек при нем не было... — пожал плечами Мохо. — Я бы заметил. Ничего при нем не было, кроме бутербродов и фляжки. Да и та — пустая. Я вот в толк не

возьму — с чего тот расщедрился этак, а потом...

— Все яснее ясного! — раздраженно поморщился Триз. — Пан одним из первых узнал про новое Предсказание и решил одним махом накрыть обоих — и отца и сына. Его люди первым встретили малька, и пан сделал вид, что жертвует на Храм — с ним иногда бывают приступы щедрости, и наивный малек вполне мог этому поверить. А цель была — посмотреть, куда побежит малек. Потому что Нолана вычислить — задача нелегкая. Сам он с паном встречаться не стал бы ни за что. И денег его, скорее всего, не взял бы.

— Это точно, — согласился Клавдий. — Ни при каких обстоятельствах!

— А вот Орри по малости лет такой тонкости не просек, обрадовался важному поручению и напрямую двинул на Тик-Так. Но на старика навел не он. Скорее это параллельная группа. Двое людей пана Волыны оказались посообразительнее, связались с сегрегатами и вышли на Скрипача по их каналам раньше, чем сработал вариант с Орри. А сегрегаты — сам знаешь — на идею Храма смотрят косо. Отсюда и все остальное. Сегрегаты затеяли отвлекающую бузу на улице, а те — двое догадливых — под шумок взяли за Скрипача. Но у них сорвалось. Вот и все. Хуже другое...

Прислушиваясь к происходящему разговору, Ким отметил, что головокружение и слабость довольно быстро покидают его, а картина произошедшего постепенно становится яснее.

— Хуже другое, — продолжил Триз. — Наш обидчивый таракан поспешил избавиться от карточки, на которой хранятся все пожертвования. И не нашел ничего умнее, чем доверить ее мальку. Если Орри кому-то об этом проболтался, то с ним может случиться все что угодно...

— Во-первых, — резонно возразил Клавдий, — Орри не такой дурак, чтобы не держать рот на замке. А во-вторых, код карточки знаешь только ты. Правда, ситуация теперь, действительно, какая-то... неоднозначная. Код без карточки — все равно что карточка без кода...

— В городе полно чистоделов из породы хакеров, — угрюмо бросил Алекс. — И имея на руках карточку, кто-нибудь из них — за хороший процент — может исхитриться расколоть код и скачать денежки на другой счет. А самого Орри... Его могли продать на Трассу. Торговцам органами.

— Торговцам органами? — тревожно переспросил Клавдий. — Орри?

— Органами! — зло подтвердил Алекс. — Трансплантатами! Это судьба очень многих пропавших без вести мальков. Если он напоролся на каких-нибудь сволочей, то они вполне могли... Они же ведь не могут знать, что мальчишка не...

Он резко смолк, покосившись на Кима. Тот не подал виду, что уже почти пришел в себя.

— Вот что, — определил Клавдий. — Нечего нам гипотезы строить и разговоры разводить. Двинули к ключу. К хижине. Если Орри там был, то вполне мог оставить знак. Или хоть какие-нибудь следы. Тут нам мастер Яснов и пригодится. Как-никак, это его дело — по следу идти!

— Вы совершенно правы, — отозвался Ким, поднимаясь на ноги. — Медлить не стоит, — добавил он, хотя его слегка пошатывало. — Где там этот ключ и эта хижина? Ведите.

— Вперед! — распорядился Мохо.

Когда шаги честной компании затихли вдали, из-за пригорка торопливо появился Рашид. Быстрым осторожным шагом он подошел к своей валяющейся на траве продырявленной пулей шляпе, поднял ее, проверил — цел ли прикрепленный к ней изнутри регистратор, нахлобучил шляпу на голову и убыл с опустевшего места действия.

Глава 6

КОШКИ-МЫШКИ

— Камень недавно переворачивали, — определил Алекс, осмотрев прикрывающую ключ плитку. — Думаю, что это Орри. Больше никому не нужно. Это хорошо...

— А почему ему надо было переворачивать камень? — поинтересовался Ким. — Там ему было что-то оставлено?

— Да нет... — в голосе Клавдия прозвучала нотка неискренности. — Просто это традиция такая. Поверье... Пойдемте к хижине...

Триз решительно зашагал вверх по ему одному заметной тропинке. Мохо поспешил за ним. Это дало Агенту возможность задержаться на несколько секунд у ключа, проверить, работает ли его регистратор, и, быстро присев, приподнять не слишком тяжелую плитку.

Он прочел надпись, зачерпнул и пригубил странную на вкус — почти неощутимую — воду, положил плитку на место и поспешил вслед за двумя поручителями Орри Нолана. Догнал он их уже у самой хижины.

— Хорошая маскировка, — оценил он лесное жилище Скрипача и его приемного сынишки.

Действительно, небольшая пещерка с пристроенной к ней бревенчатой стеной была сверху надежно укрыта скальным козырьком, а спереди густым кустарником и нагромождениями дикого камня. Заметить ее можно было, только подойдя вплотную — да и то если искать специально. Это днем. А о ночи говорить не приходилось.

Клавдий осторожно отворил дверь и осветил себе фонарем. Хижина была пуста, в общем-то довольно опрятна и явно недавно покинута — пыль со стола была стерта, а на нем стояли две сполоснутые — по-детски небрежно — тарелки с еще не окаменевшими остатками чего-то съестного. Да и в воздухе витал слабый запах этим утром подогретого кофе.

Впрочем, был и гораздо более явный знак того, что Орри побывал здесь недавно — одна из тарелок прижимала дном к столу листок, исписанный кругло-корявым детским почерком.

Клавдий жадно схватил его и стал вертеть перед своим пористым носом.

— Откуда здесь взялась такая бумага? — задумчиво сказал он. — Сроду ни у старика, ни у Орри не было блокнотов с веленовой бумагой... И тарелок — две... Кого это он подцепил в пути?

Положив фонарь на стол, он поднес листок к сочившемуся из узкого окна свету. Прочитав, он протянул бумагу Киму.

«Кто найдет — передайте Нолану, — писал Орри. — Я был на ключе и сделал все как он сказал. Типерь я встретил Бирима и он паможет мне на время спрятатся. Его тоже все ищут. Деньги и карту у миня украли в кемпинге у зеленых чертей Ставрок и Стук. И запирили миня. Миня им прадали Бэсил и Елен. Но я не знаю точно. А я убижал. Когда смогу — дам знать. И передайте это все Киму Яснову из агенства Ким».

Подпись состояла из одной буквы «О» с закорючкой.

— По правописанию у Орри был явно не высший балл, — заметил Агент.

— Так я и знал, что малька облапошили! — заорал Алекс. — Ограбили и, верно, хотели продать каким-то...

— А может, просто сдать Вольне, — пожал плечами Клавдий. — Хотя Вольна и

Стук... Трудно совместимо. Но и Стук — не сахар. Пожалуй, даже кое-что похуже... Похуже, чем Вольна, я хочу сказать. И какой-то Бэзил... И какая-то Елена... И еще — какой-то Бирим... Хотя... Бирим... Я что-то такое похожее слышал от андроидов...

— К черту андроидов! — продолжал рвать и метать Алекс. — Они здесь совершенно ни при чем! А Бирим этот — голову даю на отсечение — еще один проходимец, который сдаст Орри или Вольне, или Стуку... Хотя — зачем он Мастеру?! Вот что...

Он резко повернулся к Киму:

— Раз уж вы у нас розыскных дел мастер, так вам и карты в руки! Скажите свое умное слово...

— Тише... — попридержал его Клавдий. — Тише, потому что вот видишь, — он помахал в воздухе запиской и аккуратно положил ее на стол, — малек, оказывается, уже знаком с мастером Ясным. И, похоже, доверяет ему... Только вот не знаю — плохо это или хорошо...

— И еще потому тише, — понизив голос, добавил Ким, — что сюда идут.

Все прислушались.

Действительно, сверху, по склону, под чьими-то шагами осыпались камни. И оттуда же — с уходящей к ключу тропинки — доносились чьи-то приглушенные голоса. Какие-то двое спорили между собой.

— Гляди-ка, — уже совершенно отчетливо прозвучал ясный девический голос. — Хибарка Старого лесника еще цела... В детстве мы в ней вечерами рассказывали друг другу разные страшилки... Знаешь, Бэзил, это какой-то знак! Нам непременно надо заглянуть в нее...

— Черт бы побрал! — крикнул Клавдий. — Вот и какой-то Бэзил... Легок на помине! Тетка, что ли? Стоило бы спрятаться и послушать...

— А здесь есть где? — недоуменно осведомился Ким.

Клавдий усмехнулся, ударом ноги сбил в сторону тяжелый, вросший в пол крюк и легко, словно перышко, поднял прямо у себя из-под ног тяжеленную деревянную крышку подпола, из которого пахло ледяной сыростью.

— Здесь у Нолана небольшой погреб, — пояснил он. — Вторая пещерка — подземная. — Они с Орри хранили здесь запас еды и... всего такого-разного...

— Поторопимся, — коротко бросил Алекс.

Через пять секунд хижина опустела.

Еще через десяток-другой тягучих мгновений дверь ее со скрипом отворилась и впустила внутрь двоих — Бэзила и Каманеру.

* * *

— Так приятно порой вспомнить детство... — прощепетала Каманера, умудряясь проделать сложнейшее танцевальное па по тесному объему хижины, которая, наверное, и впрямь лет двадцать назад называлась Хижиной Старого лесника и служила прибежищем призраков, оживших мертвецов и прочих детских страхов.

— Еще приятнее было бы, — мрачно буркнул Бэзил, — если бы мы нашли хоть какой-то след милого ребенка... Надеюсь, кто-нибудь уже свернул ему шею!

— И тем самым оставил нас без того куса масла на тот кусок хлеба, который мы

схлопотали на Харуре? Ты нелогичен, Бэзил. Хотя жаден и злобен. Удивительное сочетание. Хотя и отнюдь не редкое.

Она с размаху села на одну из двух лежанок, составлявших вкупе с прибитым к стене столиком-полкой всю мебелировку хижины. Бэзил не без опаски опустился на лежанку напротив. Он даже заглянул под нее — то ли затем, чтобы проверить надежность своего сиденья, то ли чтобы удостовериться, что там не притаился кто-то или что-то. Открытие, которое он при этом сделал, было приятным.

— Смотри-ка, Элен, — радостно возвестил он. — Да тут целый склад!

Он нырнул под лежанку и поднялся увенчанный клочьями паутины и хлопьями вековой пыли, однако с трофеем — здоровенной металлопластиковой банкой с этикеткой защитного цвета.

— Тушенка, — сообщил он, торопливо выдергивая из крышки чеку устройства саморазогрева. Из армейских НЗ. Там много таких! Посмотри под своей койкой. Там, наверное...

— Тебе б что бы ни жрать — все только б на халяву! — возмущенно воскликнула Элен и вырвала банку у него из рук. — Тебе что — аванса от Стука мало? Доберемся до города, — продолжала она, отбрасывая в сторону самовскрывающуюся крышку консервов, — и закусим в приличном кафе...

С этими словами она тем не менее принялась сосредоточенно вываливать содержимое банки в прихваченную со стола плоску. Сыскалась и ложка, которой она зачерпнула армейский харч, попробовала и, произнеся «м-м-м-м!», принялась поглощать его с изяществом светской дамы, вкушающей, скуки ради, суп из соловьиных языков.

— Вот она — цыганская душа, — вздохнул Бэзил и отправился за второй банкой корма.

— Послушай, — спросил он, снова появляясь на свет божий, — так ты всерьез говорила тогда об этих... О Зеленых чертях? Или это шутка такая? Вопрос не праздный!

— Если не праздный, то отвечаю: не шутка, — заверила его Элен, смакуя крохотный кусочек мяса. — Зеленые черти — это, если можно так выразиться, овеществленные страхи. Ожившие...

— Это как? — не понял Бэзил, обжегся саморазогревшейся банкой, чуть было не уронил ее и зашипел от ожога и досады.

— А вот так! — пояснила Элен, любясь содержимым очередной ложки. — О психоморфах слышал?

— Слышал, — пожал плечами Бэзил и зажмурился, втягивая носом аппетитный мясной дух, разлившийся по хижине из вскрытой им банки. — Даже видал — на выставке, на Океании... А они тут при чем?

— А при том, что черти — это и есть разновидность психоморфов. Особый их вид. Очень редкий. Они, например, в Рощах за Болотами водятся... Они не просто воспроизводят форму того, что у людей в подсознании. Они еще и эти... динамические структуры воспроизводят... Поведение, в смысле... И потом живут самостоятельной жизнью.

— М-м-м... И долго живут? — осведомился Бэзил сквозь набитую в рот тушенку.

— Никто не знает. Но, наверное, очень долго. Говорят, что те черти, что бродят по Болотам и вокруг, — это порождение подсознания многих поколений алкоголиков, что обитали на Старых мельницах, которые построили здесь в Эпоху Изоляции. Еще до того, как заключили договор со звеннами и вернули им Лес...

— И андройды с ними дружат?

— Что-то вроде того. Иногда они совместно устраивают разные розыгрыши. Особенно если чувствуют себя обиженными...

Элен дернула плечом и усмехнулась, как если бы речь шла о проделках непослушных детей.

— Ты скажи лучше, — спросила она, — почему считаешь, что вопрос твой не праздный?

Вопрос, похоже, застал Бэзила врасплох. Он потряс головой, словно отгоняя какую-то непрошеную мысль.

— Так... — поморщился он. — Глупость, в общем. Просто подумалось, что слишком много на этой планеточке чертовщины творится. И может, малек этот — вовсе не малек, а... В общем, чушь это. Вот ты лучше объясни — если тут у вас такие интересные твари водятся, так почему же за ними не гоняются по всем Болотам яйцеголовые зоологи и биологи со всей Федерации, а только слухи передаются из уст в уста?

Каманера косо усмехнулась.

— Большая Колония не торопится делиться своими секретами с кем попало. Никому не нужно, чтобы здесь толпились, всякие посторонние. С нас здесь хватает повышенного интереса всевозможных спецакадемий к проблеме андроидов. Местный университет и всякие там академии со временем сами со всем этим разберутся. Или не разберутся...

Она легкомысленно взмахнула рукой.

— А ты сама-то их видела? Или это только так — бабушкины сказки?

— Я разное видела... — неопределенно ответила Каманера, вычищая свою площадку. — Ты ведь и про то тоже думал, что это бабушкины сказки. Про то, что делают со мной луны..

Бэзил поперхнулся, отставил прочь опустошенную банку и резко изменил тему разговора:

— Так или иначе, а никаких следов милой крошки — Орри Нолана — мы так и не нашли.

— Откуда ты взял, Бэз, что мы не нашли никаких следов? — пожала плечами Элен. — Разве никто не трогал камень над Странным ключом? Кстати, кому потребовалось менять там камень? Раньше там был совсем другой...

Бэзил только фыркнул.

— Слушай, Элен, — раздраженно начал он. — Конечно, я понимаю, что милые твоему сердцу воспоминания не дают тебе покоя, но, извини меня, то, что за десяток с лишним лет кто-то утащил от лесного родничка один булыжник, а еще кто-то приволок туда другой, не имеет ни малейшего отношения к чертову мальчишке.

— За тем исключением, что он таки добрался до Странной воды, за которой отправился. Во всяком случае, он покопошился вокруг ключа...

— Почему ты думаешь, что копошился именно он?

— Потому что за одну ночь к Странному ключу такого паломничества быть не может. К нему вообще неделями никто не подходит. Лес звеннов — место безлюдное. Это был малек. Больше никому.

В метре ниже, в слабо освещенном фонарем Клавдия подполе, Ким осторожно похлопал себя по карманам, скосил глаза на Алекса и тихо — одними губами — спросил:

— Где?.. Где записка? У вас?

Лицо Алекса изменилось, и он грозно повернулся к Клавдию. У того глаза медленно полезли на лоб.

— Разорви меня собаки! — прошипел он и вцепился обеими руками в свою черную с проседью бороду. — Разорви меня собаки!!! Я, старый осел, забыл ее там наверху — прямо посреди стола!!!

— Ослож...пие! — зашипел Алекс. — Ослож...пие!!! — вот как это называется! Не ожидал я от тебя, Клавдий, такого... А вы-то какого черта ушами хлопали, Агент?!

Ким молчал, прислушиваясь к происходящему наверху. Там происходило именно то, чего он опасался больше всего.

Каманера легко вскочила с лежанки и снова кругом прошлась по хижине — теперь уже совсем в другом темпе, присматриваясь к каждой щелочке и норовя тронуть кончиками ловких пальцев каждую пустяковинку, попадавшуюся ей на глаза.

— А ну-ка, крошка Бэззи, раскрой глаза пошире и посмотри вокруг... — пропела она. — Разве не очевидно, что ночевал малек здесь? Кто, например, позабыл убрать со стола посуду, из которой мы только что ели?

Крошка Бэззи снизошел наконец до того, чтобы, презрительно шурясь, обозреть плохо освещенное помещение. И вдруг, издав звук, больше всего напоминающий кошачий мяв, кинулся к столу и схватил с него белевший на нем листок бумаги.

— Какой, на фиг, малек!!! — заорал он. — Никакой не малек!!! Этот шкет гуляет себе неведомо где!!! Это он! Паршивый стихоплет! Только этот дурак царапает свои вирши на веленовой бумаге, да еще с серебряным обрезом!

— Как?! — воскликнула Элен и молниеносным движением выхватила листок из рук Бэзила. — Бирим?! Здесь был Бирим?

Она впилась глазами в нацарапанные на листке строки.

— А кто же еще? — фыркнул Бэзил. — Прятался наверняка здесь от своего Мастера-Рыжей Бороды... И кропал очередные бездарные вирши...

— Вирши, говоришь?

Каманера так зло сверкнула глазами в сторону партнера, что тот невольно заслонил свою все еще украшенную кляксами биогеля физиономию локтем.

— Бездарные, говоришь?!

Элен грозно надвинулась на Бэзила:

— Будь добр, прочитай, что за вирши нацарапаны на листке из Биримова блокнота! Эти ж детские каракульки наверняка наш шкет наслюнявил. Да ты читай, читай! Вдвоем они здесь с Биримом были! Вдвоем! Понял? И поблагодари бога за то, что мы — первые, кто после них вошел в эту халупу! Сочинение написано на двоечку, но нас с тобой под колокольню подвести могло вполне... Имена хоть и с ошибочками, но названы. Ты представляешь, что было бы, если бы эта писанина попала к кому-то из его взрослых дружков? А их у него, вижу, хватает... Тот Алекс, который доверил звенну денежки... Нолан... Слыхала я про какого-то Нолана-Скрипача... Только это, наверное, не тот Нолан... Тому уж сколько лет должно быть?.. И вот еще Яснор какой-то... Но теперь это даже к лучшему! Потянулась ниточка, потянулась...

В ее голосе звучало радостное возбуждение:

— Агентство какое-то... Вот это — легко вычислимо... И малек наверняка кинется к дяде, которому так доверяет. Или вот он пишет — даст знать... Это хорошо, что он доверяет дяде Яснору... Теперь самое главное, чтобы дядя Яснор доверился нам.

В подполе дядя Яснор скептически почесал нос.

Метром выше почти то же самое проделал и Бэзил Кац.

— Да, это уже кое-что... — признал он.

— Хорошо, что хоть это ты признаешь!

Бэзил потянулся за листком, но Каманера отдернула руку и молниеносным движением извлекла из кармашка на поясе зажигалку и щелкнула ею. Язычок пламени затрепетал перед самым носом Каца.

— Нечего сто раз разглядывать бумажку! У тебя хорошая память, Бэз! А документы и документики вроде этого надо уничтожать сразу. Незамедлительно! Сюда вот прямо сейчас могут нагрянуть взрослые дяди со стволами. Ты лучше займись тем, чтобы комнатенке такой вид придать, словно в ней сроду никто этой ночью и не был.

Пока пламя бесшумно пожирало веленевый листочек, Бэзил суетливо разглаживал лежанки, смахивал со стола крошки и засовывал подальше в углы остатки пластиковых упаковок от чего-то съестного.

— Слушай, — задумчиво произнес он и остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. — А ты уверена, что вот эти... Те, кому эта записочка адресована, здесь не побывали?

— Ага!.. — криво усмехнулась Элен. — Побывали, прочитали, бросили и убежали. Полная фигня! Это уж настоящими ослами надо быть, чтобы нам на память готовый след оставить.

— Это точно, — прошептал в подполе Алекс, зло сверля взглядом Клавдия.

— А может, и не фигня, — запальчиво возразил Бэзил этажом выше. — Может, ловушка... Специально подкинули нам ЭДФесок и...

— Не грузи меня, Бэз, — отмахнулась от него Каманера, отдраивая ладони от сажи. — Лучше тарелки засунь куда-нибудь, тарелки эти и банки, а то глаз режут... Да хоть сюда вот — в подпол скинь...

Она кивнула на еле различимый в корявом полу люк.

Клавдий едва успел погасить свой фонарь, прежде чем крышка люка поднялась и он получил первой из тяжелых керамических плошек по темечку. Вторая прошла мимо и грянулась о каменный пол подпола-пещеры. Брызнули осколки. Вслед за плошками в подпол с грохотом полетели банки из-под тушенки и грязные ложки. Крышка захлопнулась, и Бэзил аккуратно накинул массивное кольцо-петлю на крюк, запирающий подпол.

— Ну? — устало осведомился он. — Еще распоряжения будут?

— Будут, — сухо бросила Элен. — Сматываемся!

Скрипнула дверь, и в хижине наступила тишина.

* * *

— Ох, блин, как больно! — наконец позволил себе простонать Клавдий, ощупывая быстро растущую на темени шишку. — Не могли просто на полку посуду поставить, кретины! Да еще и заперли нас здесь! Как выбираться будем, мастера. Крюк там у Скрипача вбит что надо. Попались, как мыши в мышеловку!

— А ты разве этого не замечал раньше? — иронически осведомился Алекс. — Все мы мыши. И все мы только и делаем, что расставляем друг для друга мышеловки...

— Завязывай с философией! — зло оборвал его красно-деревщик. — С крышкой что-то делать надо!

— Попробуем тесаком, — предложил Алекс. — Посвети. Клавдий...

— Знаете... — задумчиво пробормотал Ким, следя за потугами Алекса протолкнуть лезвие тесака в щель между крышкой люка и полом хижины. — А ведь мне сначала показалось, что этот Бэз немного туповат... Вечно я ошибаюсь в людях.

— А мне показалось, что либо он влюблен в свою компаньонку, — хмуро бросил Алекс, продолжая курочить крышку, — либо намеревается ее прикончить. Либо и то и другое... Такое тоже бывает. Слишком уж он терпеливо сносил издевательства этой соплячки. По голосу судя, девице только недавно за двадцать перевалило... Из молодых, да ранних...

— Думаю, что скоро мы познакомимся с ней поближе, — уверенно заметил Ким.

— А почему вы, разрешите узнать, считаете, что этот Бэз умнее, чем показался сначала? — поинтересовался Мохо.

Он старательно подсвечивал поле деятельности Триза, который уже начал скрипеть зубами от злости на неподдающуюся крышку.

— Потому что он подал мне прекрасный совет, мастер Мохо... — пояснил Ким. — Вы, наверное, уже поняли — какой.

— Понял, — подтвердил Клавдий. — Не дурной. Кажется, мой промах для вас может стать очень хитрым ходом... Я не прав?

— Я же сказал, мастер, — согласился с ним Ким, — скоро, сдастся мне, мы познакомимся с этой прелестной парочкой поближе. Не прилагая дополнительных усилий. Не знаю только, как это поможет нам найти Орри...

Он опять потер нос и вдруг тронул Алекса за плечо и снова перешел на шепот...

— Тише, мастер! Кажется, у нас опять гости...

И действительно, словно кто-то прокручивал звукозапись, сделанную полчаса назад. Снова посыпались камешки на крутой тропинке, снова скрипнула дверь хижины... На этом сходство звуковых рядов закончилось. Шаги того, кто вошел в тесное, пронизанное скуными лучами света, пробивающегося через узкие оконца, пространство, были осторожными, неспешными и уверенными.

Трое в подполе обменялись недоуменными взглядами. Но и только.

Кто-то, вошедший в хижину, был, похоже, здесь не первый раз. Этот «кто-то» прошелся по хижине взад-вперед, не произнося ни звука, пнул крюк крышки люка, убедился в том, что тот держится на своем месте крепко, потом то ли откашлялся, то ли рассмеялся — хрипло и коротко — и направился к двери. Та послушно скрипнула еще раз, и еще раз хижину наполнила тишина. Только лесные гиганты поскрипывали далеко снаружи.

* * *

— Кажется, придется попортить пол старику Нолану, — мрачно определил Алекс. — Попробуй, Клавдий, из своей хлопушки снести проклятый запор. Только так, чтобы не зашибить нас рикошетом...

Мохо нехотя снял свой обрез с плеча.

— Погодите вы открывать огонь! — вмешался в дело Ким доставая из кармана складной нож. — Тут головки болтов петельных выходят вниз, к нам... Сейчас я попробую...

К счастью, болты, удерживавшие две массивные петли крышки люка, не настолько проржавели за много лет, чтобы не поддаться усилиям Агента. Хотя попотеть ему пришлось

изрядно. Через сорок минут вся честная компания вновь обрела свободу.

— Вот что, — утирая пот со лба, произнес Агент и устало присел на лежанку. — Нам надо договориться о взаимодействии, мастера. Это значит — о многом.

— Кто же спорит, — пожал плечами Клавдий. — Сейчас договоримся и двинем в город. Орри нам работы задал...

— Насчет города — это понятно, — согласился Ким. — Если Орри будет выходить на связь со мной, то других явок, кроме моего агентства, у нас нет. Но вот о чем я хочу с вами договориться сразу и без обиняков, мастера... Никакого взаимодействия у нас не получится, если я не буду знать элементарной подоплеки того, что происходит. У меня накопилась масса вопросов, без ответов на которые я связан по рукам и ногам. Мне непонятно — кой черт Орри сдался бандитам Вольны. Неясно — зачем он нужен мастеру Стуку. Совсем темный вопрос — что это за его теперешний спутник Бирим. И, наконец, — раз уж это напрямую касается Орри — что же, в конце концов, гласит Предсказание Хакеров?

Мохо, кряхтя, полез в недра одного из многочисленных карманов своей походной куртки, извлек оттуда объемистую флягу и принялся шарить по полкам над окном.

— Эх, господин Агент, господин Агент... — пробормотал он, доставая оттуда и ставя на стол тройку разномастных стаканов. — Тяжелый у нас разговор получится... Вот, на хрену настоячку не желаете? С лесным орехом...

Ким нахохлился, сидя на краешке лежанки в позе ожидания. Алекс опустился рядом с ним и успокаивающе похлопал его по колену.

— На одни ваши вопросы, Агент, ответить легче легкого. А на другие мы сами хотели бы знать ответ. Здешние места такие... Многие привыкли многое понимать без слов. Или обходиться без того, чтобы понимать вообще. Просто принимать некоторые вещи как факт — вот и все...

Клавдий, продолжая покряхтывать и хитро примеряться, пазлил часть содержимого своей фляги по стаканам, умудрившись всех наделить равными толиками прозрачной жидкости темно-орехового цвета.

— Мое творение, мастера, — с гордостью представил он предлагаемый напиток. — Оцените.

Ким опрокинул свой стакан залпом — сказывались русские гены. Досмотрев вспыхнувший перед глазами фейерверк, он осторожно выдохнул воздух и поискал глазами хоть какую-нибудь закуску. Про таковую, оказывается, забыли.

— Замечательная штука, — произнес он как можно более искренне, как только вновь обрел способность говорить.

— Да, — согласился с ним Алекс, смакуя свою порцию удивительной отравы. — Клавдий не только тумбочки да секретеры мастерить может...

Мохо утерся рукавом и, крякнув, сел напротив Кима.

— Давай договоримся так, — определил он. — Самый ваш, мастер, простой вопрос — про то, что это еще за Бирим такой на нашу голову сыскался — ты кому-нибудь из андроидов, что поумнее, задай. У меня в башке что-то такое крутится, крутится, а вот что — не вспомню никак, хоть убей. Шишка мешает, наверное. — Он с опаской потрогал темя. — Он в общем чем-то среди них известен. То ли художник, то ли архитектор...

— А может, просто тезка? — предположил Ким. — Откуда андроидской знаменитости взяться среди ночи в Лесу звеннов, да еще и уводить куда-то Орри?

— У андроидов, к вашему сведению, — сообщил Киму Клавдий, — не бывает

одинаковых имен. Бывают похожие. Или совпадающие с именами тех, кого уже нет на планете. Но одинаковых в одно и то же время — никогда.

Ким пожал плечами, признавая странный факт.

— Теперь — о мастере Стуке...

Клавдий почесал в затылке.

— Кажется, это какой-то здешний шоумен? — припомнил Ким.

— Шоумен, это слабо сказано, господин Агент. Стук если и не король шоу-бизнеса в наших краях, то уж один из князей — точно. Личность, что и говорить, колоритнейшая. Только бизнес у него темный. Очень даже темный...

Ким вопросительно глянул на Клавдия.

— Понимаете, мастер... Я немного разбираюсь в таких вещах. Мой старший крутится в этом... в этом всем. Шоу-бизнес в нашей галактической глуши прост: вовремя закупаешь в Метрополии или на Океании очередную партию видео или программ к виртуалке, перезаключаешь договора с рекламодателями и крутишь всю эту потеху по Ти-Ви, в концертных залах и салонах ровно столько, чтобы получить с дела максимальный навар. Затем цикл повторяется по новой. Все просто до идиотизма. Более того, умникам такими делами заниматься противопоказано. Королями тут ходят вовсе не те, кто выдумает в этой комбинации из трех пальцев что-то новое и оригинальное, а тот, у кого локти лучше работают или крыша покруче. Не та крыша, что едет, а та, которая...

— Понятно, — вздохнул Ким. — Но ведь у вас тут процветает с десятков киностудий. В одном Нью-Чепеле — до полудюжины театров...

— Не путайте попрошайничество с бизнесом, господин Агент, — усмехнулся Клавдий. — Потому что и опера, и балет, и драма, и цирк — все это хозяйство влачит здесь свое существование на деньги спонсоров. Или — на худой конец — на дотации от Сети.

Ким никак не мог привыкнуть к тому, что привычное слово «сеть», во всем мире означающее всемирную или локальную информационную систему, здесь, в Бэ-Ка, является синонимом слова «правительство». А тому, что у нормальных людей называется «сеть», здесь соответствовало архаическое «интернет».

— А что до студий, — продолжил Клавдий, — так их спонсируют федерального масштаба киногогиганты. Наши студии для них — «кузница кадров», как говорили в старину. Стоит какому-нибудь режиссеру, сценаристу или еще кому-то из этой братии сотворить что-либо путное — только его и видели. Будет ишачить за большие деньги где-нибудь в периферийном филиале «Метро-Голдвин» или «Юнайтед Артисте». Таких всегда умеют убедить, что лучше быть последним в городе, чем первым в деревне...

Мохо вздохнул. Должно быть, за вздохом этим стояло что-то личное — скорее всего, связанное с судьбой того самого старшего сына, которого он только что помянул.

— Так вот, — вернулся он к теме разговора, — о Стуке. С ним все поперек такой логики. Объявился он всего-то лет пять-шесть назад и принялся вербовать направо и налево андроидов и второсортных артистишек. Притом за такие деньги, которые платят разве что в Океании вполне приличным специалистам.

— Ведь андроидам не... — начал было Ким.

И махнул рукой — не к чему было забивать себе голову тысяча сто первым способом объехать запрет на коммерческую деятельность для андроидов. Безусловно, формально андроиды занимались в заведениях Стука чистой воды самодеятельностью.

Клавдий понимающе кивнул и продолжил:

— Театры Рыжей Бороды — это у Стука прозвище такое — недаром окрестили «подземными». Он арендовал бывшие бомбоубежища во всех больших городах Колонии. А это целые подземные города. Их еще при Империи понастроили немало. А к концу Эпохи Изоляции, когда правили сепаратисты, на рытье этих проклятых нор мобилизовали все взрослое население городов. Готовились оказать сопротивление Федеральному Космофлоту. Глупость, конечно. Зато складскими помещениями Колония оказалась обеспечена с избытком. И мастеру Стуку хватило места под студии и залы. Откуда на все это взялись капиталы — бог весть. Точно такая же тайна, как и то, откуда взялся сам Рыжая Борода.

— И он умудряется получать от своих театров большие доходы? — скептически поинтересовался Ким.

— Какое там!

Мохо только рукой махнул.

— Правда, за билеты на свои спектакли Мастер берет деньги просто фантастические. Ну так ведь миллионеров у нас хотя и хватает, но все-таки не так, чтобы очень... По крайней мере, не столько, чтобы прокормить всю ораву, которая толпится вокруг Рыжей Бороды.

— Он должен быть очень хорошо раскручен в средствах информации... Реклама у него должна быть неслабой. Странно, что я первый раз слышу об этом типе.

— Ровным счетом ничего странного. Это у Рыжей Бороды стиль такой. Реклама через тайну. Через рассказы. Слухи. Недомолвки. Секреты. Мало кто видел Мастера в лицо. Он никогда не появляется на экранах. Не дает интервью. Не подпускает к себе фотографов. И знаете, Агент, этот дешевый трюк работает лучше, чем любой телевизионный пиар. Даже я, хотя никогда в глаза не видел Рыжую Бороду, все-таки отстегнул от своих кровных порядочную сумму, чтобы посмотреть, что же там делается — на Подземной сцене.

— Ну и? — вопросительно глянул на него Ким.

— Да ничего особенного и не делалось — примитивные бегалки-стрелялки. Я даже не понял, за что же я заплатил денежки. Но вот что я понял хорошо — так это то, что все это только прикрытие. Прикрытие для какой-то странной и — чуется мое сердце — грязной затеи... Ну и бог с ним! Хватит нам о Стуке разглагольствовать. Одно скажу — не торопитесь вы с ним связываться. Темная личность. Темная... И зачем ему Орри понадобился, сказать трудно. Может, продать кому-то хотел.

— Больше? — поинтересовался Ким.

— Ну уж нет! Люди пана на людей Стука волками смотрят. Когда и где кошка между ними пробежала — бог весть, но слухи были, что вольновские мафиози пару раз Подземные Театры громили.

Клавдий откашлялся, скупыми движениями расставил на столе сбившиеся было в кучку стаканы и снова пустил в ход свою флягу. Ким поразился ее вместимости.

— Теперь самое время и о пане пару слов сказать, — крикнул Мохо. — Но сначала по второй пропустим. Поехали!

Поехал Ким на этот раз с большой осторожностью. Но тут же убедился, что поглощать творения Клавдия маленькими глотками — занятие, достойное только изощренных мазохистов и, мысленно осенив себя крестным знаменем, добил свою дозу крепчайшего пойла одним глотком.

— Закусывать все же надо, — заметил, вытирая выступившие слезы, Алекс. — Ты, Агент, давай пошарь там под лежанкой, может, черти эти не все сожрали.

Ким пошарил и вытащил на свет божий очередную металлопластиковую банку.

Некоторое время все трое мудрили с чекой самоподогрева и другой — самовскрытия банки. Минуту-другую тишину, царящую в хижине, нарушало только чавканье трех пар челюстей. Банка опустела в мгновение ока.

— Так вот, пан Вольна, — провозгласил Клавдий, — бандит бандитом и к тайнам никаким не причастен, так что, по логике вещей, ему наш Орри как телеге пятое колесо. Значит, что?!

— Значит, что? — несколько отупело спросил Алекс, которого от пошла явно повело.

— А то и значит, — сурово определил Клавдий, нацепив наконец на свой охотничий нож приличный кус тушенки, — что заказал нашего Орри кто-то третий, кто позади Вольны и позади Рыжей Бороды стоит. И пока вы его, господин Агент, в упор не увидите, заказчика этого, ваше дело — труба.

— Для этого я должен знать... — начал Ким, ощущая, что язык уже плоховато слушается его.

— Понятно! — оборвал его Мохо. — Для этого вам про малька всю его подноготную знать надо, да еще Хакерское Предсказание вам на блюдечке принести изволь. Так вот, — он тяжело наклонился к Киму, чуть не ткнув того бородой. — С этим к Скрипачу! К Нолану! Захочет раскрыться — раскроется, а нет, так не обессудьте, мастер! Тогда сами копайте, как знаете, а на нас — слово. А слово ломать — последнее дело!

Тут Мохо вдруг скис, сгорбился и пригорюнился.

— Да только плох Скрипач, плох... Не знаю, сможет ли?

— Мы — организуем, — приободрил его Алекс. — Выкарабкается старик, выкарабкается... А как только, так сразу... Сразу тебе, Агент, со стариком тет-а-тет организуем...

— Ну все! — оборвал Клавдий, решительно вставая на ноги. — По последней и поперли отсюда!

Он уже без былой ловкости на глазок расплескал остатки своего «творения» по стаканам и неловко запихнул флягу во внутренний карман.

— Я п-пожалуй... — начал Ким.

— Нет — никаких! — оборвал его Мохо. — По последней — и в город! А там на вас, Агент, выйдем. Найдем как-нибудь!

Он опустошил свой стакан и взглядом потребовал того же от собеседников.

«Последний раз в жизни пью, не закусывая», — пообещал себе Ким, проглатывая обжигающую жижу. Терпеливо досмотрев очередной фейерверк, вспыхнувший перед глазами, он двинулся вслед за Клавдием прочь от Сонного озера к той далекой опушке, где терпеливо дожидалась его «пульчинелла». К удивлению Кима, на ее лобовом стекле не прибавилось ни одной новой штрафной квитанции.

— Вы как-то обмолвились, что мастер Стук и Вольна не слишком ладят друг с другом? — спросил напоследок Ким, отпирая дверцу кара.

— «Не ладят» — это не то слово... — усмехнулся Триз. — Уж и не знаю, какая кошка пробежала между ними в свое время. Люди Вольны не один раз громили то один, то другой из Подземных Театров. Скорее всего, это не простой рэкет. Вольна прекрасно понимает, что достает не рядового содержателя балаганного промысла. А он отнюдь не охотник лезть на рожон, пан Вольна... Значит, что-то придает ему смелости. Мастер ему платит той же монетой. В прошлом году он чуть не засадил пана в тюрьму...

— Ну что ж...

Ким привычным жестом потер нос:

— Будем иметь это в виду. А пока...

Обменявшись короткими прощальными рукопожатиями, все трое разошлись по своим машинам. Клавдий немного помедлил, дожидаясь, когда шустрый кар Агента скроется за деревьями, и только тогда запустил движок своего фургончика.

— Я вот что думаю... — задумчиво произнес он, не оборачиваясь на Алекса. — Девушка эта... Элен. Она слишком много наболтала тогда — пока они с дружкой старикову тушенку трескали. Мне показалось... — он с сомнением поскреб бороду, — Мне показалось, что дружок ее — Бэз тот, — что у него что-то такое мелькнуло в башке... Оттого он и спрашивать ее про чертей стал... Но я не про него. Я в том смысле, что...

— В том смысле, что наш приятель — розыскных дел мастер услышал кое-что, чего ему слышать не стоило? Знаешь, Клавдий, ты слишком глубоко копаешь. Агент, конечно, вроде не дурак, но уж такой догадливости от него ждать не стоит...

— Могут найтись и такие, кто ему подскажет...

Клавдий смолк и сосредоточенно уставился на летящую под колеса фургона дорогу.

* * *

— Знакомые места... — заметила Элен, карабкаясь вслед за Бэзилем по крутой тропинке.

— Еще бы! — насмешливо буркнул тот. — Не далее как вчера мы с этой кручи вниз пыхтели. После того, как по милости твоего стихоплета нас так и не довезли до города проклятые шаромыжники с Приюта. Теперь снова на шоссе к Терминалу выберемся и...

— Учти, что на этом шоссе не удастся поймать попутку... — напомнила ему Каманера.

— Ты мне это уже третий раз объясняешь. Спасибо, — язвительно поблагодарил ее Бэзил. — Но нам с тобой попутка — как говорят на Святой Анне — «без надобности».

Он утер пот, смерил взглядом расстояние до насыпи шоссе — и с тяжелым вздохом опустил на пенек. Пошарив по карманам, он извлек на свет божий новенький мобильник и стал небрежно тыкать в кнопки набора номера.

— Когда успел обзавестись игрушкой? — поинтересовалась Элен. — Подарок от дядюшки Стука?

— Нет, от автомагазина — приз за покупку кара. Был заботливо уложен в «бардачок». Даже в эту глушь проникли представления о культуре сервиса... Жаль только, что машину сразу побили. Ну да ничего — сейчас вызову арендную тачку. Прямо сюда. Алло? — бросил он в трубку. — Я хочу на недельку-другую арендовать что-нибудь приличное... «Проксиму», например. Да, конечно, адаптированную к местным условиям модель. И немедленно. Вас не затруднит подать машину на э-э... сто пятый километр шоссе на Космотерминал? Да, я запомнил свой код. Отлично.

Бэзил сунул кредитную карточку в щель мобильника, предназначенную для дистанционных расчетов, и с грустью понаблюдал за тем, как цифра, мерцающая на индикаторе, немного поубавила свою величину.

— Я думаю, что через четверть часа... — начал он бодро, но Каманера не слушала его.

Она внимательно присматривалась к яркому пятнышку, трепетавшему на кусте поодаль.

— Проклятье! — воскликнула Элен. — Малек побывал здесь!

С удивительной легкостью она преодолела естественную полосу препятствий, отделявшую ее от приметного куста и, завладев оберткой шоколадного батончика, преодолела буераки в обратном направлении.

— Узнаешь? — осведомилась она, размахивая своим «вещ-доком» перед носом Бэзила. — Шкет вчера вечером на моих глазах засунул в карман пару именно таких шоколадок.

— Не суй мне под нос всякий мусор! — подался назад Бэзил. — Господи, боже мой! Да таких шоколадок можно закупить где угодно! И сколько угодно! С чего ты взяла, что... Бумажку эту могли просто из окна автобуса выкинуть. Может, она тут год уж как валяется! Да мало ли что еще...

— Ветер... Ветер все утро не менялся! И дует он в сторону шоссе. А не наоборот! И бросили обертку здесь совсем недавно — она еще пахнет миндалем и ванилью! И... И, в конце концов, меня еще никогда не подводила интуиция! Я уверена, что они были здесь — Орри и Бирим!

Бэзил пожал плечами, как бы желая сказать: «Если тебе так уж этого охота, то — черт с ним — пусть будет так...»

— А за каким дьяволом их, собственно, могло понести сюда? — спросил он вслух. — Сама же говоришь, что попутку здесь поймать невозможно...

— Да, — согласилась Каманера. — Легковушки здесь могут сутками не появляться. По этому направлению ходят только рейсовые автобусы с пассажирами — на Космотерминал и обратно. Они остановок не делают. И еще — грузовозы-автоматы. Те тоже останавливаться не должны. Но Орри мог этого и не знать.

— А вот Бирим не мог не знать! — раздраженно возразил Бэзил. — И про автобусы и про грузовозы, которые не останавливаются.

— Но, сам знаешь, иногда останавливаются. И делают это именно в одном из таких мест, как вот этот поворот на сто пятом. Чтобы высадить зайцев вроде нас. Или наоборот — принять их на борт... Ты знаешь, меня это очень беспокоит...

— Чушь! — ошетинился Бэзил. — Ты сама знаешь, сколько стоит безбилетная прогулка до Приюта. И обратно. А оба наших бегунка не имеют и гроша в кармане. Так что, боюсь, им придется топтать сотню километров на своих двоих. Хотят — к городу, хотят — к Терминалу. Расстояние примерно одинаковое.

— Очень сомневаюсь в том, что они сделают такую глупость, — задумчиво пробормотала она. — Мы чего-то не учитываем, Бэз, в этом раскладе. Например, того, что не один Стук вышел на охоту за мальком. И того, что у малька водятся, какие-то друзья — те самые, которым он оставил свою записочку. Может, кто-то из них поджидал их здесь. И самое главное — мы не знаем, на кой черт такой уйме народу сдался двенадцатилетний малек. Нас используют втемную. И это мне не нравится. Очень не нравится!

— Подумай лучше о том, на какой козе нам подъехать к друзьям малька...

Бэзил поднялся с пенька и принялся отряхивать с одежды всякую лесную труху.

— Ну, для того, чтобы зацепить доброго дядю Яснова, у меня уже есть неплохой крючок! — заверила его Элен. — Пошли!

И они зашагали вверх по склону, одолевая последние сотни метров, отделявшие их от шоссе, по которому вот-вот должен был прикатить на автопилоте заказанный Бэзилом кар.

Заметив, что дорога от Леса явно дала несколько лишних кругов и поворотов, Ким понял, что принимать скоропалительные решения, находясь под градусом, не стоит. Он переключил «пульчинеллу» на автопилот и до города добрался, не прикасаясь к рулю.

Закрыв за собой дверь агентства «Ким», он некоторое время шарил по ящикам стола, пока не нашел наконец несколько таблеток «собрайети». Проглотив их все, он минут десять сидел в уголке дивана, тупо уставившись на полочку с блюдом для психоморфа. Тот продолжал сохранять вид свирепого кабаньего рыла. Ощувив наконец, что снова приходит в форму, Агент встал, потыкал пальцами в кнопки автоответчика (никто не звонил ему за это время), тяжело вздохнул, взял трубку, набрал нужный номер и опять сел на диван.

— Господин Волина? — осведомился он, когда на противоположном конце канала связи раздался милый девичий голос.

— Одну минуту, — притормозила его секретарша. Последовал музыкальный сигнал переключения, и хриловатый голос спросил:

— Ну, что там?

— Вы узнаете меня? — уточнил Ким.

— Ну? — подтвердил Волина.

— Так вот, интересующий вас объект...

— Объект? Ах, ну да...

— Вчерашним вечером этот самый объект находился в полном распоряжении господина Стука.

— Ого! А вы?..

— Это все, что я могу вам сейчас сказать. Еще раз вас попрошу: пусть ваши люди не путаются у меня под ногами.

Последовала минутная пауза.

— Не будут, — коротко бросил Волина.

— Ну вот и ладно, — согласился Ким и положил трубку.

На столе перед Большой лежала простреленная шляпа Рашида. Сам Рашид в позе напряженного ожидания стоял поодаль. За его спиной переминались остальные два участника неудачной охоты на звенна. Пан подкидывал на ладони извлеченный из шляпы мини-регистратор.

— Прокрутить запись еще раз? — услужливо предложил Рашид.

Пан перевел тяжелый взгляд с регистратора на своего подручного. Отложил регистратор в сторону.

— Не стоит... У меня еще уши не заложило. И со зрением все в порядке... Я все, что надо, просек. Будь спокоен.

И, сменив гнев на милость, добавил:

— Неплохой трюк у тебя со шляпой этой вышел...

Он потянулся к серебряному ларцу с сигарами, и Рашид заботливо подвинул тяжелый короб под руку шефа.

— Хорошо, что Чарли не удалось продырявить машинку... И твою башку, кстати, тоже.

Волина задумчиво поводил расслабленной дланью над россыпью дорогого курева и, выбрав на одной из многочисленных полочек приглянувшуюся ему коричневую «торпеду»,

протянул ее Рашиду.

— Кстати, о башке... Поработай-ка ею немного...

Провинившийся Чарли поспешил щелкнуть зажигалкой и протянул огонек явно вошедшему в фавор Рашиду. Тот демонстративно проигнорировал подхалимаж и наклонился прикурить от массивной мраморной настольной зажигалки шефа — тем более что тот снисходительно сделал ему приглашающий жест.

— Прикинь-ка, Раш, какой выхлоп мы имеем от того, что слышали? И от того, что посмотрели?

Чело Рашида мгновенно покрыли крохотные бисеринки пота. Ему явно предстоял экзамен — из тех, что шеф любил устраивать своим подручным часто и неожиданно. Экзамен, за которым могло последовать головокружительное возвышение или же — стремительное падение.

— Этот ваш Агент... Он — двусмысленный какой-то... — начал он разыгрывать козырную карту — карту недоверия шефа ко всему и вся. — Но... Так или иначе...

Тут Рашид решил подстраховаться на тот случай, если пан по каким-то одному ему известным причинам благоволит к залетному сыскарю.

— Во всяком случае, ему, похоже, удалось втереться в доверие к друзьям Скрипача. И... — тут гениальная мысль посетила его. — И через него мы на чертова старикана снова сможем выйти! Он — рано или поздно — пойдет на встречу с Ноланом...

Вспомнив вдруг, что пан особо догадливым тоже не доверял, Рашид резко снизил обороты.

— Во всяком случае, это очень возможно... — нерешительным тоном добавил он.

Дальше не мешало бы показать себя и совсем уж дураком, чтобы дать возможность шефу блеснуть интеллектом. И Рашид уверенно закончил:

— Надо сесть ему на хвост. И не слезать! Пока мы не выйдем на Нолана. А когда малек узнает, что...

— Ты огорчаешь меня, Раш... — поморщился шеф, раскуривая сигару от мощного языка пламени, испущенного мраморным кубом, украшающим его президентских размеров стол.

Впрочем, эта реплика звучала скорее похвалой, чем упреком. В том смысле, что «это хорошо, что ты не слишком умничаешь, Рашид».

— Ты меня огорчаешь... — повторил пан, выпустив клуб ароматного дыма в пространство. — Разве трудно понять, что профессионалу на хвост не сядешь? А этот Яснов — как ни крути — профессионал. Мы даже прослушку на его контору подвесить не смогли. Защита у него поставлена неплохая. И слежку он просечет моментально — будь уверен! И вот тогда в глупое положение нас может поставить...

Пан откинулся в кресле и, прищурившись, воззрился на замершего в ожидании ценных указаний Рашида.

— А из виду сыскаря этого упускать, однако же, нельзя...

Пан украсил воздушное пространство своего кабинета еще одним минутным шедевром, сотворенным из табачного дыма.

— Нельзя... — повторил он задумчиво. — Никак нельзя. До поры до времени он вроде честно денежки отрабатывает. Вот, — пан кивнул на массивный настольный блок связи, — звякнул да мне... Но об этом потом... А все равно рано или поздно — свернет он на другую дорожку. Так что же нам делать с ним?

Он обвел подручных тяжелым взглядом из-под набрякших полуопущенных век. Во

взгляде этом сквозило самодовольное лукавство.

— Я так думаю, что надо нам это слабое звено укрепить! — торжественно умозаклучил пан Волына. — Да-да, что вы так на меня уставились. Подклеить к мастеру Яснову нашего человечка надо. Но такого, у которого на лбу не написано было бы наше с ним близкое знакомство. Снабдить нам надо этого Дон Кихота нашим оруженосцем. Санчо, так сказать, Пансой...

Пан сосредоточил внимание на тлеющем кончике сигары.

— Санчо... — повторил он, словно прислушиваясь к звучанию этого нехитрого имени. — А ведь есть у нас как раз Санчо. Весьма подходящий...

— Это вы про Санчо-Тарана? — недоуменно спросил Чарли. — Он же только долги с народа вышибать умеет... Да и каждая собака в городе знает, что он — наш человек.

— По-моему, — неожиданно вставил в разговор свое слово молчавший до той поры Генри, — шеф имеет в виду Санчо Мурагона. Мельника. Они с мастером Яновым, можно сказать, коллеги. Правда, лицензию у него, как говорится, того... Но зато родство душ... И про то, что он на нас крепко завязан, мало кто знает.

— Угадал... — Волына одобрительно глянул на сообразительного подручного и с некоторой иронией в голосе осведомился. — Кстати, как поживает твоя «корма»? Пуля рассосалась?

— Извлекли... — хмуро сообщил Генри.

И в подтверждение своих слов вынул из кармана виновницу своих бед. Подбросил на ладони и снова спрятал от греха подальше.

— Ну, значит, скоро сидеть сможешь. На радость прокурору, — пошутил пан. — А пока мухой лети за Мельником. Чтоб через полчаса здесь был. Только не очень светись с ним рядом. И вообще, обойдись без посторонних. Тут нам реклама не нужна.

Генри расторопно выскользнул из кабинета.

— Шеф, — угрюмо заметил Рашид. — Мурагон может — все дело завалить. Он, знаете, — не без придури. Любит на ходу всякие выдумки выдумывать. Без всякого предупреждения...

— Да, импровизации у Мельника не всегда, как говорится, «в жилу», — признал пан. — Однако когда надо к человеку в доверие влезть, тут ему равных нет.

— Все-ж таки ненадежен он... — пожал плечами Рашид. — И обижен на нас...

— Ты покажи мне, Раш, кого-нибудь такого, кто на старого доброго Джанни зуба бы не имел... Короче, я решил, что с Яновым поработает Мурагон. Все! Точка, конец предложения, абзац. Теперь вы с Чарли отправляйтесь нашего лучшего друга — Стука — вычислять. Пора мне с ним душевно побеседовать... Опять этот обормот нам дорогу перебежал!

* * *

— Все в норме? — осведомился навигатор Лоуренс у капитана Танги.

Спросил он это именно потому, что явно что-то было не в норме. Взгляд капитана Роя Танги были сосредоточен на экране главных показателей.

— Влипли! — самому себе сказал капитан Рой.

— Что значит «влипли»? — спросил навигатор. — Там же у нас на таможне все

схвачено...

— Какая на хрен таможня? — оборвал его капитан. — Федералы! Сейчас нас будут потрошить федералы!

И действительно, на параллельную орбиту за грузовозом «Чунга-Чанга» неторопливо выдвигался федеральный эсминец.

— Кирдык! — определил Лоуренс. — Запали... или по наводке, или судьба наша такая!

— Судьба не судьба, а контейнеры — на хрен! Сбрасывай!

— Так там же... — возразил было навигатор.

— На хрен, на хрен! — повторил капитан. — Тебе Седые Луны светят? Мне — так нет!

— Мы еще и монастырь раздолбаем к чертовой матери — контейнерами этими! Мы как раз...

— Исполняй приказ!! — рявкнул капитан.

Навигатор Лоуренс рванул воротник. Пуговицы закувыркались и поплыли в невесомости в разные стороны по рубке управления, словно некое напоминание о чем-то.

— Все равно там андроиды, — коротко бросил капитан. — А они не живые, в них души нет.

Навигатор поджал соответствующий рычаг и проклял себя в душе навеки. Впрочем, в который уже раз.

* * *

Орри проснулся оттого, что падал в бездну. В окружавшей темноте гомонили андроиды.

— Это маневр, — говорил кто-то, — сейчас от разгона к торможению переходим.

— Да был, был уже маневр, — возражал ему кто-то знающий.

— Ребята, нас кинули! — четко определил обладатель хриплого голоса. — У кого есть, включите навигацию!

Наступила тишина. Брендик поджался к Орри. Орри поджался сам к себе.

— Точно, нас кинули, — подтвердил догадку хрипуна Мантра. — Сто двенадцать километров до поверхности. По вертикали. Падаем по касательной.

— Ну и какой же выхлоп? — осведомился кто-то из темноты.

— А выхлоп такой, что об камень со скоростью один километр в секунду!

Вновь наступила тишина.

— С-суки... — пробормотал кто-то. — Так и знал, что пробросят нас. Слышите? У нас еще и двери сифонят...

— Ни фиги, — провозгласил хрипун. — Ребята, заряды в руки! Работаем по аварийной программе! — приказал он.

— Так здесь же малек! Ему кранты!

Орри показалось, что это был голос Мантры.

— Что будет, то и будет, — распорядился хрипун. — Пленку доставайте! Герметик! Перекрывайте все возможные дыры! И у кого там радио?! SOS сигнальте, SOS!!!

Брендик еще теснее прижался к Орри, а Орри вдруг ощутил себя как-то странно. Он вдруг понял, что совсем не боится смерти. Страшной и глупой смерти внутри железного сундука, стремительно падающего на поверхность ночного спутника Большой Колонии...

Андроиды работали споро. Одни извлекли откуда-то из своего скудного багажа

основательных размеров сверла, другие — какие-то подозрительного вида трубы и патрубки. Из всего этого они проворно собирали странного вида конструкцию, которую укрепили на стене контейнера. В стену эту впились насаженные на конец патрубков сверла. Орри только и делал, что, прижимая к себе Брендика, удивленно хлопал глазами.

— Это посадочные заряды, — объяснил ему Бирим. — Десантное вооружение. Откуда только добыли...

В глазах поэта-неудачника плясал страх.

— Сейчас притормаживать будем. Потом об поверхность долбанемся. Ты держись, малек!

Громоздкий, неповоротливый контейнер оканчивал свой путь — последние сотни две километров над унылой скалистой поверхностью Приюта.

— Сейчас будет разгерметизация, — крикнул Мантра и принялся вытаскивать откуда-то из-под себя прозрачный неуклюжий мешок. — На, держи, — кинул он его Орри. — Залезай и застегивай! Может, спасешься... Да сам, сам залезай! Не собаку, не собаку!..

Голос его потонул сначала в нарастающем свисте воздуха, выходящего через зазоры лихорадочно проверченных в стенках контейнера отверстий, а потом звуков вообще не стало.

Контейнер сверкающим прямоугольником описывал в небе последние километры своего полета. Навстречу надвигающимся скалам выпалили тормозные заряды. Один, другой, третий... Траектория полета нелепого металлического ящика стала более крутой. Он коснулся неровной поверхности горного склона, неуклюже перевернулся несколько раз, грохнулся в серую пыль долины, отделяющей его от сверкающих корпусов монастыря беженцев, и проехал по этой пыли с полкилометра. От монастыря навстречу помятому металлическому параллелепипеду уже спешили два гусеничных вездехода.

* * *

Агент встал с дивана, прошел в крохотную ванную и умылся холодной водой, потом вновь направился к блоку связи, взял трубку и набрал номер.

— Алло, это ты, Тамагочи? — спросил он.

— Привет! — хмуро произнес Тамагочи, услышав в трубке знакомый голос. — Я так и знал, что ты от меня со своими делами не отлепишься. Но учти, что через четверть часа у меня...

— Вот что, ты уж меня прости, — чуть смущенно произнес Ким, — но без твоей помощи мне не обойтись. Мне с парой типов поговорить надо. Ну, хотя бы с одним типом из двоих. А оба они — в тюрьге. Срок мотают. Не мог бы ты организовать...

Тамагочи поперхнулся чем-то невидимым и осведомился:

— Ты, Ким, понимаешь, что разговариваешь не с окружным прокурором и не с директором тюрьмы? Я всего-навсего Коля Стольников — патрульная служба. Так что...

— Да я понимаю, что формально ты тут совершенно без пользы. Ну так ведь я ж вашу братию знаю. Слушай, Коля, помоги — не советом, так маневром. Сам понимаешь, официальным путем я за полгода на нужных людей не выйду.

На том конце провода раздался тяжелый вздох:

— Ну ладно, давай координаты сидельцев твоих и завтра будь в Ратуше. С утра

пораньше. Я тебя сведу с кем надо.

Ким открыл заранее подготовленную записную книжку (она уже начала приобретать потертый вид) и прочитал в трубку:

«Довлатов Тенгиз — вторая городская тюрьма г. Нью-Чепель. Думштейн Аркадий — государственное учреждение принудительного лечения и реабилитации № 113, поселок Парадиз-19...»

— Заметано, — хмуро уведомил его Тамагочи. — Кстати, с психом у тебя вообще проблем не будет. Можешь хоть прямо сейчас отправляться. Тут я сам звякну кому следует. А вот к тому, что в тюрюге парится, — только через Ратушу. Ну, до завтра! А то тут мне пора...

И Ник повесил трубку, не тратя времени на выслушивание благодарностей.

Ким перебрался за письменный стол и набрал в поисковой системе только два слова — «Бирим» и «Андроид». Сеть мгновенно известила его: «Последняя информация — файл TV-сюжета. Демонстрировался в 7 часов сегодня. Длительность — полторы минуты. Желаете просмотреть сюжет? Y/N».

Ким ткнул в клавишу «Y», полюбовался портретом Бирима и наслаждался загробным голосом диктора, призывавшего сознательных граждан Колонии оказать помощь органам правопорядка в задержании ставшего опасным свихнувшегося андроида. По окончании сюжета Сеть осведомилась, не желает ли клиент получить дальнейшую информацию по своему запросу. Всего таковой было с полмегабайта.

Ким скачал эти полмега на свой ноутбук и запросил Сеть о местонахождении поселка Парадиз-19. Это было, слава богу, недалеко.

* * *

— Мутабор... — выговорил Орри и, не раскрывая глаз, закрутил головой, бессознательно пытаясь удобнее устроить свой затылок на больничной подушке.

Затянутая в белоснежный халат девушка поправила эту подушку, и Орри успокоился.

— Значит, он все-таки может говорить, — удовлетворенно констатировал Бирим и покосился на девушку. — Может, и совсем оклемается...

Та была стройна, хороша собой и невероятно строга на вид. На Бирима она устремила такой возмущенный взгляд, словно именно он был главным виновником приключившихся несчастий.

— Что значит «может»? — требовательно спросила она. — Мой долг — полностью восстановить здоровье ребенка и вернуть его в лоно семьи здоровым и полноценным мальчиком, а не лишенным зрения и речи калекой!

— Вам в этом отношении повезло, Саша, — подал голос с соседней койки Мантра. — То, что приключилось с мальчишкой, иначе чем чудом и не назовешь! Отделаться при аварийной посадке контейнера при его падении, собственно говоря, одним лишь сотрясением мозга...

— У него нет признаков сотрясения, — возразила поименованная Сашей девушка. — У мальчика — тяжелейший стресс. Я ужасно опасалась последствий эмболии... Ведь вы

утверждаете, что в момент падения произошла почти полная разгерметизация вашего контейнера.

— Да и удар о грунт был неслабый, — заметил Мантра. — Люди в таких условиях просто не должны оставаться живыми. Даже нас — андроидов — почти всех поперекалечило...

Действительно, в палате не было свободных коек.

— А он — чужак, — продолжил Мантра, — вместо того чтобы спасательный мешок на себя натягивать, псину свою туда упрятал... И надо же — жив остался песик-то...

— У малька должен был азот в крови вскипеть, — подал голос с койки напротив кто-то из мало пострадавших андроидов. — У него глазные яблоки должны были полопаться, да и вообще смерть от асфиксии за считанные секунды наступает... А тут — глубокий обморок и все... Ну понятно, у нас, андроидов, масса всяких защитных систем предусмотрена — вплоть до способности к регенерации... Но у мальчишки-то, у мальчишки...

— Судьба... — вздохнул Бирим.

— Хорошо вам, Бирим, — сурово напустилась на него белоснежная девица, — благодарить Судьбу. А о своей собственной роли в этой его Судьбе ты подумал? Я всегда говорила, что тебе совершенно чуждо чувство ответственности! Но то, что ты устроил в этот раз, это — верх черствости и себялюбия! Как ты мог вместо того, чтобы позаботиться о том, как вернуть ребенка его родителям или просто кому-то, кто смог бы надлежащим образом позаботиться о...

— О, боги! Боги! — застонал Бирим и, заскрежетав зубами, захромал прочь из палаты.

— Зря вы на него так напустились, мэм, — заступился за уязвленного стихоплета Мантра. — У него, похоже, просто не было другого выхода. За ними обоими гонялись — там, на планете — и бандиты и полиция... А что до семьи, так... Мальчишка — приемный сын Нолана-Скрипача. А тот сейчас чуть ли не при смерти, покушение на него было...

— Того самого Нолана, что основал Храм Единения? — Глаза девушки округлились.

— Именно его. Вы про Хакерское Предсказание слышали, мэм?

— Я не уделяю внимания всяким ложным пророчествам, — строго отрубил «мэм». — Но дело мастера Нолана уважаю и рада, что могу...

Тут ее речь прервали повизгивание, поскребывание и чьи-то строгие, вполголоса, однако, произносимые окрики и увещания, доносившиеся из-за двери.

Белоснежная девица устремилась к двери и, приоткрыв ее, отчитала кого-то, кто «не уследил за собакой, которая чуть было не ворвалась в палату и...»

Шумы стихли, и строгая «мэм» снова подошла к постели Орри, чтобы убедиться, что имевшее место безобразие не повредило пострадавшему мальку.

— Так вот, — продолжил свой защитительный монолог Мантра. — У стихоплета нашего просто выхода не было. Они с мальком в наш контейнер, словно в ловушку угодили...

— Почему-то именно Бирим и те, кто с ним связывается, всегда оказываются в безвыходном положении — то в бегах, то в запертом контейнере, то... Почему этого не происходит с нормальными людьми и андроидами?

Тут за дверью опять заскреблись, заскулили и заругались.

Глаза Орри распахнулись и не без труда сфокусировались на лице белоснежной девицы.

— Ой! — тихо произнес он. — Откуда вы взялись, мэм?

Улыбка впервые за время пребывания «мэм» в палате осветила ее лицо. И тут же снова сменилась строгой миной.

— Я секретарь сестры-настоятельницы, — пояснила она начавшему вертеть головой Орри. — Меня зовут Александра. Сестра Александра Дин. А ты — ты помнишь, как тебя зовут?

— Орри, конечно, — обиженно отозвался пострадавший. — В смысле — Оруэлл Нолан. Вы училка?

Сестра Александра снова подавила произвольную улыбку и строго спросила:

— А почему ты так думаешь?

— Просто так... Мне так показалось. У вас вид такой, мэм... Словно...

Тут Орри попытался сесть на койке, но мисс Дин удержала его от чересчур поспешной попытки выйти из роли больного.

— Лежи спокойно, Орри, — строго приказала она. — Не бойся, я вовсе не учительница. Сейчас тебе принесут большую чашку вкусного питательного бульона... Ты ведь проголодался, правда?

Она постучала по клавишам вмонтированного в спинку кровати пульта и сделала попытку погладить Орри по голове. Не склонный к сентиментальности малек увернулся от предназначенной ему ласки и беспокойно воззрился на сестру Александру.

— Брендик... — тревожно спросил он. — Как там Брендик?

«Пульчинелла» бойко бежала сначала по пустынному хайвею, затем — по «стратегической» бетонке и наконец свернула на один из многочисленных крытых щебенкой проселков. Здесь ее не слишком продвинутый бортовой компьютер начал путаться в маршрутных данных, и Ким взял управление каром на себя. Постоянно справляясь с выведенной на экран ноутбука картой и заехав-таки пару раз на какие-то забытые богом фермы-автоматы, он все же дотянул до дорожного указателя, сообщившего ему, что до поселка «Парадиз-19» осталось всего пара километров. Государственное учреждение принудительного лечения и реабилитации № 113 и вправду располагалось в указанном «Парадизе».

Собственно, кроме сто тринадцатого дурдома, в поселке наличествовали лишь станция подзарядки автотранспорта, зал торговых автоматов и небольшое кафе — тоже на автоматике и с не слишком разнообразным меню. Поодаль — за заросшим бурьяном оврагом — виднелись с полдюжины коттеджей — надо думать, жилье персонала, обслуживающего это небогатое хозяйство.

«Пульчинеллу» Ким отправил возобновлять запас рабочих сил на заправочную станцию, а свои силы отправился восстанавливать в кафе. Поглощая куриный окорочок — из тех, что издревле именуются в честь какого-то фермера или кулинара «ножками Буша», — он созерцал довольно унылый забор «заведения». Забор поверху украшала колючая проволока. Это не радовало. Который уж раз Ким прикидывал в уме план предстоящего разговора.

Некоторое время на нажатия сенсора, укрепленного рядом с массивными, тронутыми ржавчиной воротами, не реагировали никто и ничто. Киму даже начало казаться, что дурдом вымер. Или что сенсор сломался. Он уже приготовился гвоздить в гулкие ворота кулаком, когда по упрятанному за невзрачной решеточкой селектору у него невежливо осведомились — какого, собственно, мастеру тут надо?

Ким помахал перед укрепленной на воротах телекамерой своим удостоверением и назвал себя. Небольшая калитка в воротах открылась, и Агенту предложили пройти в приемное отделение.

«К вам выйдет доктор Чаплин», — уведомил его напоследок простуженный селектор и смолк.

Изнутри «дом скорби» выглядел немного повеселее, чем снаружи. Собственно, это был не один дом, а целых четыре приземистых корпуса, соединенных переходами и украшенных по стенам жизнерадостными фресками. Ким подумал, что, судя по их художественным достоинствам, вполне возможно, что фрески эти — продукт творчества клиентов заведения.

Дежурная по приемному отделению — бесцветная блондинка, оснащенная компьютером, не обратила на Агента ни малейшего внимания. Только когда он осведомился относительно того, здесь ли ему следует ждать дока Чаплина, блондинка утвердительно кивнула, продолжая смотреть на экран, пошевеливать «мышкой» и постукивать клавишами своего порядком устаревшего инструмента.

Доктор Чаплин появился лишь минут через десять. Своего великого однофамильца он не напоминал нисколько. Был он массивен, лыс и держался несколько рассеянно.

— Господин э-э?.. — осведомился он, жестом предлагая Киму устраиваться в кресле у столика, видно предназначенного для бесед с посетителями.

— Яснов, — напомнил ему Ким. — Вас должны были предупредить, что...

— Да, мне звонили...

Док тяжело опустился в кресло.

— Вы, кажется, хотели побеседовать с Аркадием? С Думштейном? Я его лечащий врач. Может быть, будет лучше, если на какие-то ваши вопросы отвечу вам я? Дело в том... Я не уверен, что личная беседа с пациентом принесет вам большую пользу...

— Больной так плох, что не может связно объясняться? — огорчился Ким.

— Пациент... Я сказал — пациент, — уточнил доктор и поправил букетик цветов в вазе, украшавший столик. Он задумался на пару секунд.

— Связно выражаться? Нет, почему же... Мы много с ним беседуем. На разные темы. Аркадий часто высказывает верные и довольно остроумные суждения по самым разным вопросам... Он, знаете ли, весьма эрудированный человек... И выражается вполне связно. Иногда даже слишком. Но если вы ожидаете услышать что-то по существу его э-э... дела, то, смею вас заверить, ожидания такого рода напрасны.

— Мои вопросы не имеют отношения к тому делу, из-за которого господин Думштейн оказался сначала под следствием, а затем в числе ваших пациентов, доктор. Мне просто надо получить у него справку — чисто профессионального характера. Но и к вам — раз уж вы столь любезно предложили свою помощь — у меня будет пара вопросов.

— Мне не так редко приходится беседовать с вашими коллегами... А также со всевозможными судейскими. Так что большого труда это от меня не потребует. Кроме того, по опыту знаю, что вы от меня не отвяжетесь. Ваш брат — частный исследователь — отменно настырное племя... Я попрошу вас только об одном — выключите ваш регистратор. Он у вас справа на поясе, под пиджаком.

Оказывается, доктор был не таким уж рассеянным человеком, каким казался. Ким выключил регистратор, снял его с пояса и для пущей убедительности положил на стол перед собой.

— Но заметки вы мне делать разрешите? — осведомился он, доставая из кармана записную книжку и электрокарандаш.

Доктор задумчиво кивнул, сцепил кончики пальцев и принялся их сосредоточенно разглядывать.

— А вот что до «справки профессионального характера», так это вы очень туманно выразились, — сообщил он Киму. — Не знаю, что из этого получится...

— Вы опасаетесь, что у Думштейна после нашего разговора с ним может произойти рецидив? — задал Ким слегка провокационный вопрос. — Кстати, с каким диагнозом его поместили сюда?

— Чтобы произошел, как вы говорите, рецидив, господин Яснов, — док Чаплин улыбнулся, — нужно иметь в наличии само заболевание... Думштейн не болен — в обычном смысле этого слова. Диагноз, который ему поставила судебная комиссия, — полная чушь. Но это вовсе не значит, что я стану его оспаривать.

Ким потряс головой.

— То есть вы хотите, чтобы здоровый человек продолжал находиться в сумасшедшем

доме?

— Если этот здоровый человек прекратит свое пребывание в клинике, то он начнет свое пребывание в исправительном заведении. В тюрьме — говоря человеческим языком.

— Послушайте, док, — озадаченно потер нос Ким. — Тогда, ей-богу, еще краше получается! Выходит, что вы укрываете в своем заведении преступника...

— Кто вам сказал такую глупость? — пожал плечами док. — Аркадий — вовсе не преступник. Это всего лишь очень несчастный человек. Находящийся к тому же в состоянии сильнейшего стресса. А моя задача проста — хоть как-то облегчить его судьбу... Только и всего.

— Доктор, у нас с вами, простите, получаются, гм... нелады с логикой, — возразил Ким, рисуя в записной книжке основательных размеров вопросительный знак. — Или Думштейн невменяем и соответственно — невиновен, или он вмменяем и виновен. Третьего не дано. И четвертого — тоже...

— Вот они — замечательные плоды изучения формальной логики нашими законниками! — усмехнулся док. — Поймите, что я, как психиатр, подхожу к делу совершенно с иных позиций. Думштейн совершенно нормален с медицинской точки зрения. Совершенно адекватен тому миру, в котором живет. Только вот этот его мир пока не адекватен тому большому миру, в котором живем все мы.

— Это немного сложно для понимания, доктор, — заметил Ким.

— Скажите мне, пожалуйста, — снова усмехнулся док Чаплин. — Все население, допустим, гитлеровской Германии или подданные сталинского режима были ненормальными? Или, наоборот, все поголовно — преступниками? Они были нормальными людьми в ненормальном мирке. В подавляющем большинстве. Есть и более поздние примеры — вы сами их знаете. Только это крупномасштабные примеры. А мир здешнего хакерства на много порядков меньше и, в конечном счете, гораздо менее опасен.

— Кажется, я наконец понял вас, — вздохнул Ким. Вздохнул и доктор.

— Я не располагаю временем, чтобы читать вам лекцию о психологии хакеров. Но, я вижу, вам все равно придется заняться этим народом. Среди них есть и злонамеренные, корыстные личности. И Сеть совершенно правильно защищается от проникновения в ее секреты. Но в случае с Аркадием полагающееся ему наказание за взлом закрытых файлов — десять лет тюрьмы — явно слишком суровая мера.

Ким наклонил голову в знак некоего полусогласия. Срок, полагавшийся по здешним законам Думштейну, и Агенту казался явно великоватым.

— Аркадий — человек, заигравшийся в свои электронные игрушки, — пояснил Чаплин. — Субъективно он невиновен. И лишенный выхода в электронные сети — абсолютно безопасен. Здесь он находится именно в таком положении. Зато у него есть масса других возможностей. Сначала он их просто не замечал, находился в своего рода ступоре. Но теперь у нас уже есть кое-какие успехи. Сейчас вот он увлекся шахматами. Пишет философские эссе. Много читает. Заочно обучается на журналиста. Я ожидаю, что через год-два мы сможем со спокойной душой вернуть миру полноценного члена общества. А что до тюрьмы... Вы верите в то, что тюрьма исправляет человека?

— Далеко не всякого, — признал Ким. — Возможно, вы и правы. Скажите, вот вы, после того как длительное время находились в контакте с вашим пациентом... Вы можете мне что-нибудь сказать о том, что же именно такое рассекретил или пытался рассекретить Думштейн? В материалах дела это, знаете, не отражено.

— И неудивительно. Вы имеете представление, чем занимаются эти Хакеры Всех Миров? Думаете, обычным хулиганством? Нет, у них есть идейная база: они считают, что нельзя Сети доверять управление людьми. Внушили себе мысль о том, что в закрытых для доступа файлах таится если не чей-то злой умысел, то возможность причинить огромный вред населению нашей планеты. А может, и всему Обитаемому Космосу. И раскрытием такой опасности они занимаются. Законными и противозаконными методами.

— Гм... — Ким принялся рисовать рядом с вопросительным знаком восклицательный. — Нельзя сказать, чтобы это было уж и вовсе пустыми страхами.

— Да, — кивнул док. — Пример катастрофы на Фронде — козырная карта всех противников «кибернетического правительства». Их достаточно много, и они поддерживают работу Хакеров Всех Миров. Кто явно, а кто тайно. Не секрет, что их поддерживают и извне — Федеральный Директорат не в восторге от возможности лишиться работы. Да и вся армия федеральных бюрократов тоже.

Он побарабанил пальцами по столу.

— И им время от времени удается найти и продемонстрировать просто убийственные примеры возможных неприятных сюрпризов, которыми, по их мнению, просто напичкана Сеть. Такие скандальные публикации они называют своими Великими Пророчествами.

— Вы знаете содержание последнего из них? — живо поинтересовался Ким.

— Его очень быстро убрали из нашего Интернета, — пожал плечами доктор. — Почти мгновенно. И запретили к распространению. А слухи поползли разные. Так или иначе, последнее время разоблачения эти касались возможности управления андроидами. Со стороны Сети. Напрямую.

— Это может иметь отношение к тому делу, которым я занимаюсь, — заметил Ким, царапая в книжке: «Сеть — андроиды. Возможность управления». — Как это надо понимать?

— Это трактуют очень по-разному. Я не специалист. Более того, у меня просто нет времени заниматься подобными материями. Если вы не утратили желания поговорить с Аркадием...

— Не утратил, — заверил его Ким, закрывая записную книжку и поднимаясь из-за стола.

— Тогда спросите у него. Если это вам действительно необходимо. Постарайтесь поменьше возвращать его к мыслям о прошлом. Не разжигать азарта.

— Постараюсь.

— Тогда пойдемте в мой кабинет, — доктор тоже встал. — Я провожу вас. Одну минуту... Вы не будете против моего присутствия при вашем разговоре?

— Это будет даже к лучшему, — пожал плечами Ким.

— Вот и хорошо. Вы, оказывается, сговорчивей иных ваших коллег, — улыбнулся док.

Он достал из кармана халата трубку мобильного.

— Марта, пригласите мастера Думштейна в мой кабинет.

* * *

Конечно, казенный желтый дом все-таки не тюрьма. Но и далеко не курорт, как констатировал Ким, поторапливаясь вслед за доком Чаплиной по залитому мертвенным

светом бактерицидных ламп коридору вдоль вереницы стальных дверей с окошечками из вентиляционного стекла. Изнутри эти окошки гляделись просто небольшими зеркалами. Перед некоторыми из них торчали запертые в палатах пациенты и корчили в зеркала рожи — одни довольно уныло, другие — с большим энтузиазмом. Там, где подобных помех перед окошками не было, открывался внутренний вид палат — чистеньких, четырехместных, со стенами, выкрашенными в жизнерадостные тона, и окнами, забранными бронестеклом.

По дороге в свой кабинет док Чаплин поведал Агенту о том, что в распоряжении пациентов — после стабилизации их состояния — находятся бассейн, два спортзала, библиотека, мастерские по интересам и еще какие-то блага, сведения о которых Ким не успел запомнить.

В самом кабинете, кресле, предназначенном для пациента, их уже ждал Аркадий Думштейн — плотного сложения смуглый тип лет тридцати с коротким ежиком иссиня-черных волос и с живыми глазами. Поодаль на угловом диванчике в позе постоянного внимания к пациенту приютилась довольно атлетически сложенная медсестра, оснащенная электрошокером, болтающимся на правом запястье.

— Можете быть свободны, Марта, — улыбнулся ей док. Марта бесшумно исчезла за дверью, а док благодушно потрепал Думштейна по плечу.

— Познакомься, Аркадий, это мастер Яснов.

— Мастер, видимо, хочет поговорить со мной? — предположил Аркадий.

Ким протянул руку для рукопожатия:

— Мне нужна ваша маленькая консультация, Аркадий.

Аркадий не спешил пожимать руку новому знакомому. Он перевел взгляд на дока Чаплина.

— Мастер — по медицинской части? Или — по линии прокуратуры?

— Мастер проводит частное расследование. Оно никак не связано с твоим делом. Он, видишь ли, — Агент на Контракте. Мне его порекомендовали как человека, которому можно доверять. Ему что-то надо узнать о Великих Предсказаниях...

Думштейн протянул-таки Киму руку, но без особого энтузиазма. Совершив рукопожатие, тот смог наконец опуститься в кресло за письменным столом. Хозяин кресла занял место на угловом диванчике. Ким положил на колени и снова раскрыл записную книжку. Думштейн, неожиданно помрачнев, уставился на него не столько с интересом, сколько с какой-то неприязнью.

— Почему бы вам не поболтать на эту тему с кем-нибудь из тех, кто гуляет на воле, мастер? — хмуро осведомился он.

— Потому что официальным лицам запрещено распространять информацию, связанную с Предсказаниями. Да и лица неофициальные тоже опасаются каких-то последствий. А вот Хакеры Всех Миров, наоборот, стремятся распространять такую информацию. Но из известных миру членов этой организации только двое гуляют на свободе — Элеонора Дуленко, или Банева, проживает вне зоны юрисдикции Бэ-Ка — на Независимых Территориях, а Джордж-Амадей Биндерман пребывает в розыске.

— Значит, вас, мастер, просто не допускают к по-настоящему серьезной информации...

— Что поделать, — пожал плечами Ким. — «За неимением гербовой пишем на простой...»

Судя по выражению лиц, ни Думштейн, ни док Чаплин с этим русским выражением знакомы не были. Киму осталось только откашляться и добавить:

— Кроме того, вы, господин Думштейн, защищены в этой ситуации лучше, чем остальные члены вашей организации.

— Вы имеете в виду мой статус умалишенного?

Думштейн откинулся в кресле и закинул ногу на ногу.

— Лучше скажем так — лица, освобожденного от ответственности за свои поступки... — постарался сгладить оскорбительность предложенной формулировки Агент.

Думштейн язвительно улыбнулся:

— Ну что ж, если вы так решительно даете мне индульгенцию за грех разглашения секретов, то вам придется выслушать кое-что для вас, наверное, неожиданное... Уж извините, мастер, но у меня так давно не было случая рассказать о наших взглядах хоть какой-нибудь аудитории, что придется подвергнуть ваше терпение порядочному испытанию...

В глазах Аркадия вспыхнул желтоватый огонек. Он перегнулся через стол, приблизив свое лицо почти вплотную к лицу Агента. Ким покосился на дока Чаплина. Тот скептически поджал губы.

— Я ничего не имею против того, — улыбнулся Ким как можно более успокоительно, — чтобы немного побыть аудиторией для вас.

— Вы, верно, думаете, что такие, как я, — тихо, но с каким-то внутренним ожесточением начал Думштейн, — чуть ли не идолопоклонники теперешней кибернетической цивилизации? Что мы считаем компьютер и информационные сети своими идолами? Божествами, которые даровали нам абсолютную свободу?

— По крайней мере, — Ким выдавил из себя еще одну благостную улыбку, — многие считают, что дела обстоят именно так...

— Так вот это — величайшая глупость! — заверил его Аркадий. — Имейте в виду, что компьютер на самом деле — дар Сатаны! А отдать власть над собой этому творению собственных рук — значит проиграть последнюю из битв! Армагеддон! Сатану сделать царем мира сего! А знаете, что это значит?

Ким с беспокойством заметил, что в уголках губ собеседника закипает мелкими пузырьками пена слюны. Он снова с тревогой скопился на доктора Чаплина. Тот сделал еле заметный успокаивающий жест.

— Это значит, — азартно продолжил Думштейн, не дожидаясь ответа собеседника, — наступает преддверие Страшного суда! Конец света! Вот что это значит! Хотите, я докажу вам это?

«Кажется, — подумал Ким, — я начинаю понимать тех экспертов, которые подписали Аркадию его диагноз...»

— Вот, смотрите! — энергично жестикулируя, продолжил Аркадий. — Ведь нет никаких оснований сомневаться, что Бог есть! Тут спорить не о чем! Хотите, называйте его Природой, Первоначалом, Сводом законов природы... Все это пустяки, формальности!.. А теперь — рассудите...

Желтый огонек в глазах пациента дока Чаплина горел уже, что твоя фара.

— Бог всемогущ, всеведущ и всеведущ, не так ли?

— И всеблаг... — машинально вставил Ким, вспоминая из любопытства посещаемые им много лет назад семинары по теологии.

— Верно... И всеблаг!

Аркадий наклонил голову и с любопытством вперился своими чуть навывкате глазами в

лицо собеседника, словно удивляясь какому-то неожиданно обнаружившемуся в нем качеству.

— Так вот, — продолжил он подчеркнуто членораздельно, — а чем может быть озабочена всеведущая, вездесущая, всемогущая и — главное — всеблагая сила? Ясно, что только совершенствованием отданного в ее распоряжение мира! Это очевидно!

Ким не стал возражать. Он осторожно рисовал на чистой странице записной книжки рамочку. Рамочка получалась подозрительно похожей на траурную. Пока она была пуста

— А раз бог всеведущ, вездесущ, всемогущ, то все несовершенства нашего мира были им исправлены в то же мгновение, как только он их узрел! А узрел он — всеведущий и вездесущий — их все сразу! В первый же миг существования Мироздания! И в тот же миг — исправил их все!

Аркадий выпрямился в кресле и с превосходством уставился на собеседника.

— А что это значит, — спросил он тоном строгого экзаменатора.

— Э-э... В самом деле — что? — осторожно спросил Ким тоном провинившегося студиязуса.

— Это значит, — чуть ли не по слогам произнес Думштейн, — что мир совершенен!

«ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ БРЕД», — написал Агент в рамочке. Просто так — что написать хоть что-нибудь.

— А раз так, — с лихорадочным азартом продолжил Аркадий, уже начиная захлебываться своими словами, — все наши потуги этот совершенный мир улучшить на самом деле способны его только ухудшить! Все наши открытия и изобретения — советы Лукавого! А теперь мы — следуя советам Сатаны — своими руками создаем его! Да-да! Именно так и придет он в наш мир! Не из бездны и не с небес! Он будет создан нами самими! Для того чтобы потакать нашим грехам! А создав его, мы — отчаявшись в своих потугах править самими собой — сами отдадим себя во власть Нечистого! «Приди к нам и владей нами!» — скажем мы ему! И настанет конец дней!

Некоторое время длилась многозначительная пауза. Потом Аркадий — он, похоже, начал скисать после взрыва энтузиазма — вяло закончил:

— Ну а раз так, то, что остается нам — понявшим это, — кроме того как на каждом шагу ставить палки в колеса Джаггернауту, Колеснице Сатаны. Разоблачать все те ловушки, которые нашими руками расставил он в Сети, уже правящей частью Обитаемого Космоса... Собственно, в этом и состоит смысл наших предсказаний...

— Скажите...

Киму наконец удалось вклиниться в монолог собеседника, чтобы задать тот единственный, собственно говоря, вопрос, с которым он пришел сюда.

— Скажите, Аркадий, о чем говорится в последнем Предсказании?

Аркадий смотрел на него так, словно пробудился от какого-то чудесного сна, он снова обнаружил себя в серых буднях повседневности.

— Я могу сообщить вам, мастер, только то, что было сказано в последнем Предсказании, о котором знаю я. После того как меня заперли в этих милых стенах, у меня как-то неважно обстоит с новостями...

Он грустно усмехнулся.

— Расскажите хотя бы это. Последнее Предсказание, известное вам.

— Вам его наизусть зачитать, мастер? Если да, так — нет! Наизусть я помню только свои коды доступа. И государственный гимн Бэ-Ка. А если по смыслу — так пожалуйста:

нам удалось расколоть файлы с резервными планами Системы. Теми, что на случай «кризисного развития событий». Мятежа, эпидемии, Вторжения... Так вот — во всех этих случаях самым ненадежным элементом в системе защиты и спасения государства признаны мы — люди! Ставка делается совсем не на нас. Людское население Бэ-Ка подлежит в основном нейтрализации. Людей, как баранов, загонят в убежища, в лагеря, в резервации... Для того только, чтобы сохранить какое-то их количество для дальнейшего восстановления населения планеты.

— Разве основной задачей Сети не является поддержание и постоянное повышение уровня благосостояния именно людей, населяющих Бэ-Ка? — недоуменно спросил Ким.

— Разумеется. Именно это и является... Только вот в процессе самообучения за сорок лет управления нашим милым государством Сеть пришла к выводу, что наибольшей помехой на пути решения этой задачи является как раз само людское население Колонии. Между прочим, не надо быть мудрецом, чтобы догадаться об этом.

Ким усмехнулся.

— Однако, — заметил он, — никто за нас, людей, это самое благосостояние нам все равно создавать, поддерживать и так далее не станет...

— А вот в этом ошибаетесь, мастер! — торжественно воскликнул Аркадий.

Иссякший было энтузиазм снова возвращался к нему, и желтое пламя снова разгоралось в его глазах.

— Резервный вариант развития предусматривает, что людское население Колонии будет процветать и приумножаться под руководством и неусыпным контролем андроидов! Вы поняли, мастер? Ан-дро-и-дов! Теперь вам понятно, почему Сеть практически не борется с их тайным производством? Ей нужна постоянно находящаяся наготове армия послушных исполнителей ее премудрых директив. Исполнителей точных, умелых, послушных! Люди будут лишены всех прав. У них будут только обязанности — хорошо питаться, следить за своим здоровьем, растить детей в послушании... И самим слушаться своих добродетельных надсмотрщиков. Вы уже поняли — кого именно, Мастер. Соответствующий пакет чрезвычайных законов Сети уже наготове!

Ким растерянно кашлянул:

— Честно говоря, трудно поверить в такое... И потом... Почему, собственно, андроиды должны так уж беспрекословно быть исполнителями этих самых директив Сети?

— Да потому, мастер, что каждый из андроидов — и они все вместе взятые — может управляться на расстоянии. По радио. Вы не забыли той простой истины, что андроиды — это просто обезвреженные боевые биороботы? До поры до времени — обезвреженные. Организм каждого из них — прекрасный всеволновой приемник. И тот, кто пошлет этому приемнику его индивидуальный код переключения в режим радиуправления, может отдать такому роботу любой приказ. Внушить любую мысль. Послать куда угодно. Снять все ранее наложенные ограничения...

— И Первый Закон тоже?

— Скорее всего, и Первый Закон — тоже! Сегрегаты правы: пока андроиды живут бок о бок с людьми, Колония существует на пороховой бочке! Только эти дурни ошибаются, когда думают, что опасность исходит от отдельных сбрендивших «универсальных рабочих». Опасность заложена в Сети. Сеть знает все коды переключения всех андроидов. И воспользуется ими, когда сочтет это нужным. Уже этого одного достаточно, чтобы раз и навсегда упразднить и Сеть и саму идею «кибер-правления». Теперь вам, мастер, понятно,

почему на наши Предсказания наложено вето? Почему я разговариваю с вами здесь — в психушке? Почему вообще вся жизнь на этой милой планетке состоит из сплошных нелепостей? Если вы это поняли, то запишите это в своей книжечке, чтобы не забыть!

Некоторое время в кабинете царила тишина. Потом Ким положил свой электрокарандаш на стол, откашлялся и спросил:

— Все это имеет какое-нибудь отношение к господину Нолану? Его еще называют Скрипачом... И у него есть приемный сын...

Аркадий рассмеялся:

— Ну как же! Тот, что всю жизнь колдовал по Рошам и Болотам, а на старости лет надумал создать свою собственную религию! «Жертвуйте на Храм Единения!» Х-ха! Щаз-з!

Тут он немного посерьезнел:

— Единственное, чем этот старый осел отличается от других жуликов-сектантов, так это только то, что он — не жулик. И тем, что много смыслит по части колдовства. Знался и со звеннами и с тахо... Может выкидывать самые невероятные фокусы. Особенно когда скрипит на своем инструменте. Он и в самом деле верит, что если уравнивать андроидов в правах с людьми и дать и тем и другим общую религию, то из этого получится что-то путное. Жизнеспособный симбиоз... А то, что у него еще и сын есть, я не знал. Не интересовался такими деталями.

Думштейн замолчал, потер лоб и пожал плечами.

— Вот и все, мастер. Все, что я знаю про Скрипача... Вы хотите меня спросить о чем-то еще?

Док Чаплин у себя в углу кашлянул, намекая на то, что пора бы и закруглить разговор.

— Только один вопрос, — извиняющимся тоном произнес Ким. — Даже, собственно, и не вопрос... Я хочу попросить у вас совета... Подскажите мне, как я могу узнать, что сказано в последнем Предсказании?

Аркадий иронически скривился:

— Ну что же... Есть люди, которые за нашими Предсказаниями очень внимательно следят. И успевают их перехватить, прежде чем Сеть их изымет из Интернета... А потом распространяют среди тех, кому это интересно. Их здесь окрестили файндерами. Имен я вам — уж извините — называть не буду. Сможете найти таких — хорошо. А на нет и суда нет...

Ким нацарапал в книжке: ФАЙНДЕРЫ. Закрыв ее, поднялся и чуть церемонно поклонился.

— Спасибо и на том.

* * *

В коридоре, когда дверь кабинета закрылась за ними, доктор Чаплин повернулся к Киму.

— Я предупреждал вас, что особой пользы от этого разговора не будет. Вам, однако, везет — вы эту проповедь о сатанинской сущности компьютеров и о злокозненных андроидах выслушали в первый раз. И, надеюсь, в последний. А я ее выслушиваю — в различных вариантах — пожалуй, уже в какой-то там раз...

— И вам после этого не мерещатся «универсальные рабочие» с кинжалами в зубах?

Доктор добродушно рассмеялся:

— Знаете, андроид стрижет мне траву на газоне перед домом и моет мой кар. И в кафе, где я люблю посидеть, андроиды готовят превосходные русские блины. И у меня нет ни малейшего желания лишать себя этих маленьких удобств — сколько бы мне ни толковали про козни Сети... Не забудьте ваш регистратор. Вы его оставили на столе в приемном отделении. Всего вам хорошего, мастер Яснов...

* * *

Выйдя за ворота богоугодного заведения, Ким вытащил из кармана микропульт и вызвал «пульчинеллу». Та послушно верулила из-за угла, привычно прижимая дворником к лобовому стеклу очередное извещение о штрафе за несоблюдение очереди на заправочной станции.

Ким пожурил «пульчу», сунул квитанцию в бумажник и, перед тем как сесть за руль, окинул взглядом выцветшее от полуденной жары небо Большой Колонии. На западе оно уже начинало темнеть от закипающих на горизонте грозových туч.

Может быть, эта надвигающаяся вечерняя гроза и была причиной того, что Киму не передалось благодущие дока Чаплина. Всю дорогу назад до Нью-Чепеля его томила неясная тревога. Пролетающие мимо поля казались ему странным, застывшим океаном, готовящимся ожить и поглотить пересекающие его дороги, смыть города и села и вновь застыть в полуденной неподвижности. Далекый лес напоминал прибежище злых духов, а в отрогах виднеющихся на горизонте гор, безусловно, обитали коварные волшебники, гномы и тролли.

Добравшись до своего офиса, он опустошил найденную в холодильнике банку «Гиннеса» и, сев за стол, принялся просматривать накопившийся в его ноутбуке информационный хлам. Он разобрал эту кучу килобайт примерно наполовину, когда кто-то, на старинный манер, постучал в дверь агентства.

* * *

Вырулив к заливу, Клавдий облегченно вздохнул: «Матильда» была на месте и мирно покачивалась на тронутых рябью здешнего довольно миролюбивого моря-океана. На месте был и Рыжий Уитни. Он сидел на краю палубы своей посудины, уныло свесив ноги за борт, а голову — на грудь.

Мохо посигналил ему и тем заставил встать. Уитни поднялся и, спустившись по трапу, побрел навстречу старому приятелю.

Клавдий припарковал машину у въезда на пристань, захлопнул за собой дверь и поспешил ему навстречу.

— Что, плох старик? — с тревогой спросил он, беря Уитни за плечо и стараясь заглянуть ему в глаза.

— Нет старика, — мрачно ответил тот, не глядя на Мохо.

— Ты что говоришь?! — возмутился Клавдий. — Нолан не мог умереть! Он...

— Ты не понял, — махнул рукой Рыжий. — Не помер он. Ушел. Взял и ушел. Вот.

Клавдий обалдело уставился на него:

— Ерунду городишь! В его состоянии человек не то что ходить — руками-ногами

шевелить не может. Э, да ну тебя!

Он отмахнулся от мычащего что-то невразумительное Уитни и взбежал по трапу. Отворив дверь в каюту, он некоторое время тупо смотрел на аккуратно заправленную и совершенно пустую койку, на которой еще совсем недавно неподвижно лежал Скрипач. Потом он обвел взглядом все незамысловатое убранство каюты, поглядел даже на потолок, но ровным счетом ничего не обнаружил — из того, что могло бы послужить хоть каким-то объяснением таинственного исчезновения Нолана Нолана.

— Когда это случилось?! — повернулся он к уныло торчащему у него за спиной Рыжему.

— Ночью, — проямлил тот. — В котором часу — не знаю. Я спал...

— Надрался ты, как скотина, и проворонил все на свете!

— Я не... Я только чарку на сон грядущий... Я тут и спал — на корме, в спальнике...

Клавдий двинулся на Рыжего с такой угрожающей миной, что тот, пятясь, чуть не грохнулся в мирные воды залива.

— Похитили его! — гремел Клавдий. — По-хи-ти-ли! Понял ты, дятел?! Какого черта ты сразу мне знать не дал?

— М-меня отключили... — дергая рыжей башкой и разводя руками, стал объяснять Уитни. — В смысле — мобильник мой... З-за н-неуплату...

— А причиндалы твои тебе не оторвали — за неуплату?! А?! Ты почему мне не сказал, что у тебя счета за связь просрочены? Или думаешь, что у старины Клавдия под такое дело капусты не нашлось бы? Или в город до автомата дохромать ума не хватило? Э, да ну вас всех!

Он тяжело опустился на бухту каната, уложенного у борта, и, подперев голову кулаком, впал в тяжкие размышления.

— Так... — бормотал он. — Ясно, что, пока ты дрых, сюда приперлись несколько человек, Скрипачу рот заткнули, а то и на месте порешили и прочь унесли. Вот только кто и куда? Могли ведь и прямо тут — за борт скинуть... А что?!

— Я чутко очень сплю... — обиженно возразил Уитни. — Если бы даже на пирсе кто шумнул, я бы все равно... А уж прямо тут — на борту... И потом, Нолан... Он вот это вот.

Он протянул Клавдию слегка помятый листок бумаги в клетку.

— А начать с этого ты не мог?! — озверело уставился на Рыжего Клавдий. — Ты ж меня, дурак, до кондратия чуть не довел!..

Он выхватил листок из рук бестолкового приятеля, снова рухнул на бухту каната и, расправив листок на колене, принялся читать написанное на нем — шевеля губами и водя по строкам могучим, смахивающим на дубовый сук пальцем.

«Не беспокойтесь за меня, — писал Скрипач. — Меня поставили на ноги и хранят те знания и те связи с миром — избавь вас господь познакомиться с ним, — которые я обрел за свою долгую, может быть, слишком долгую жизнь. Конечно, это не легко дается мне. Но Орри попал в беду. Не спрашивайте меня, откуда мне стало известно это. Если ему не поможем я и все вы, мои друзья, то случится самое страшное — сбудется злая часть Предсказания».

Дальше читать стало труднее — Скрипач написал последние строки записки явно второпях.

«Буду с вами честен. Вовсе не это страшно мне. Мне просто страшно за то, что станет с маленьким Орри. Я не знал, что этот плод моей фантазии будет так дорог мне». Потом

почерк Скрипача снова становился вполне отчетливым.

«Я сам свяжусь с вами, когда будет надо. Но если случится что-то непредвиденное, вам поможет найти меня Каррог из Рош».

Мохо тихо присвистнул и почесал в затылке.

* * *

О причине, по которой Санчо Мурагона прозвали Мельник, среди знающего его народа велись порою жаркие споры. Злые языки, конечно, уверяли, что так его окрестили за обыкновение молоть всяческую чепуху и ахинею. Языки менее злые, но более осведомленные, склонны были поддерживать точку зрения, согласно которой кличка досталась Санчо, потому что Зброшенные мельницы в свое время частенько служили ему убежищем от периодически наезжавших на него одураченных клиентов или от пускавшихся вдруг на поиски Санчо правоохранительных органов. А может, Мельником окрестили Санчо Мурагона просто за его обличье — приземистого, неряшливо одетого, прижимистого и добродушного одновременно селянина.

Вечно облаченный в грубошерстные клетчатые рубахи с расстегнутым воротом, мешковатые брюки и бесформенные штиблеты с косо стертymi каблуками, Санчо тем не менее обладал совершенно необъяснимой притягательностью даже для людей, особой доверчивостью не отличавшихся. Поменяв на своем веку добрую дюжину профессий, Санчо надолго задержался в зыбком качестве частного расследователя. Занятие это позволяло ему с успехом заниматься своим любимым делом — балансировать на незримой грани между криминалом и законностью. Его занимал даже не навар, который такая эквилибристика позволяла срубить и с тех и с других, а сама атмосфера захватывающей бесконечной игры, в которую превращалась при этом его жизнь. Но, как сказано кем-то из мудрых: «Блаженны играющие, ибо — доиграются!»

Санчо Мурагон доигрался, по большому счету, лет пять назад. Скооперировавшись между собой, изрядно пострадавшие по причине последовательного провала его хитроумных комбинаций лихие люди с потрохами «слили» Санчо прокуратуре, а та — стимулированная хорошими взносами неизвестных доброхотов «в пользу поддержания законности и порядка» — скрутила его в бараний рог.

Как Санчо удалось отбиться от предъявленных ему обвинений, осталось тайной, покрытой густой завесой дурно пахнушего мрака. Многочисленные его недоброжелатели остались весьма и весьма недовольны тем, что все его неприятности свелись к некоему условному сроку исправительно-трудовых работ и к пожизненному лишению лицензии на ведение частных расследований. Впрочем, самые зоркие из этих недоброжелателей отчетливо различили маячившую в упомянутом мраке фигуру Джанни Вольны и, сами отцепившись от Санчо, недвусмысленно посоветовали сделать то же другим. Среди русскоязычной части теневого мира Нью-Чепеля Мурагон получил тогда еще одну кличку — Санчо с ранчо. При чем здесь какое-то ранчо, скрытные славяне редко кому объясняли. Но Санчо таки дознался до смысла сего словосочетания, после чего на русских стал смотреть исподлобья.

Вообще, с тех пор уделом Мельника стало одиночество и случайные заработки, полная — рабская, собственно говоря — подчиненность пану и унылая тоска за стойкой

«Последней инстанции». Именно там — за этой стойкой — и отыскал его Генри, после того как для порядка безуспешно подергал обшарпанную дверь с невыразительной табличкой «С. Мурагон — консультации и работа по доверенностям». В офис свой Мурагон заходил лишь изредка — проверить набежавшую за неделю-другую почту. В основном — счета и напоминания о необходимости оплатить оные.

Все остальное время Санчо предавался любимому способу убийения времени — субстанции, в отсутствие денег пустой и лишенной какого бы то ни было смысла. Он задумчиво созерцал экран Ти-Ви и не спеша смаковал «Дворянское» — самое дешевое пойло из набора спиртного в кабаках Нью-Чепеля. В промежутках между глотками он забрасывал в рот — пару-тройку соленых орешков — бесплатных, от заведения.

Соблюсти ценное указание шефа — «не светиться рядом» с Санчо — было легче легкого. «Последняя инстанция» была пуста полуденной пустотой забегаловки, безнадежно забытой людьми и богом. Санчо был единственным одушевленным предметом, оживлявшим ее пыльное нутро. Бармена в штате кафе предусмотрено не было — его заменяли две дюжины Древних как мир кнопочных сервисных автоматов. Никаких посторонних глаз окрест не было и не предвиделось. Поэтому Генри не мудрствуя лукаво притулился за стойкой слева от Санчо. Тот хмуро покосился на явившегося по его душу посланца Волыны и, изобразив на физиономии полнейшее благодушие, сделал обеими руками широкий приглашающий жест.

— В ногах правды нет. Присаживайся, приятель... С радостью угостил бы тебя, да...

«Приятель» поморщился и жестом дал понять, что может и постоять.

— Угостить я и сам тебя, гуся лапчатого, могу... — буркнул он и сунул кредитную карточку в щель ближайшего автомата.

Почти не глядя, он ткнул в пару кнопок на обшарпанном корпусе и подтвердил серьезность своего заказа крепким тумачком. Автомат взвыл, словно пытаемый грешник, и изверг из своих недр две стопки «двойного пшеничного» со льдом. Генри, по прежнему глядя куда-то мимо, отпасовал по столу одну из них в направлении Санчо.

— Глотай и по-скорому приводи себя в порядок, Санчо, — распорядился он. — Шеф требует тебя к ноге. И немедленно! Ты это... Хоть галстук нацепи. И что это за украшение у тебя под глазом?

Санчо, не меняя задумчивой мины, приложил стопку со льдом к хорошо означенному фонарю около левой скулы.

— Да так... — пожал он плечами. — Зашел сюда днями Аскольд Шутов. Ты, по-моему, знаком с этой свиньей... Очень вежливо со мной поздоровался, спросил как дела... Я отвечаю в том смысле, что дела мои как нельзя лучше и, понятное дело, интересуюсь, как продвигается его бизнес...

Он отнял стопку от подбитой скулы и отхлебнул из нее.

— Вот так — слово за слово — я и схлопотал в рыло... — закончил он со вздохом сожаления.

Прикончив виски, он принялся рассматривать остатки льда, дотаивающего на дне пластиковой емкости, с таким видом, словно это созерцание и было тем занятием, для которого он появился на свет.

— Ты знаешь, Санчо, — уведомил его Генри, потирая лоб, — почему-то всегда получается так, что стоит мне три минуты поговорить с тобой, и я перестаю соображать, на каком свете нахожусь...

— Да ты не переживай, а присядь-ка лучше... — утешил его Санчо.

— Я уже сказал — постою! — раздраженно оборвал его посланец шефа. — Говорю тебе

— бери ноги в руки и двигай к шефу. Вот...

Он вытянул из нагрудного кармана несколько соединенных канцелярской скрепкой купюр и бросил их на стойку у локтя Санчо.

— Это тебе. Подъемные. С приличным человеком работать придется...

— Это с кем же, если не секрет?

— Ты должен его знать. Тот русский, что открыл свою контору в центре с год назад. Такой — смахивает на индейца. С отметиной тут... Примерно там, где у тебя фонарь.

— Яснов?

Физиономию Санчо наконец покинуло уныние. Теперь на ней поселилось удивление.

— Как-то не могу себе представить, чтобы этот мальчик связался с паном... — задумчиво пробормотал он, продолжая выразительно рассматривать опустевшую стопку.

Генри демонстративно проигнорировал этот намек и ободряюще похлопал Санчо по плечу.

— Вот и дуй к пану. Он тебе все растолкует. Только не через парадный вход прись. Через «Оскара» пройдешь. И «фонарь» свой поправь. В ближайшей парикмахерской, где делают косметику...

* * *

Санчо так и поступил. Уже через четверть часа он смотрелся вполне благообразно для того, чтобы войти в помещение клуба любителей всяческих кинодревностей «Оскар» и, не слишком задерживаясь в его просмотровых залах, пройти черным ходом в смежное с клубом бюро ритуальных услуг «Феникс» — постоянную резиденцию Джанни Волены и его присных.

Разговор с паном занял не больше времени, чем занял бы его, допустим, визит к дантисту. И удовольствия Санчо он доставил ровно столько же. Вышел он опять через помещение «Оскара», тут же избавился от галстука, сунув его в карман пиджака, и бодро зашагал по улице, слегка морщась и время от времени ощупывая свой изрядно пополневший бумажник. Шеф не поскупился на «представительские расходы».

До офиса агентства «Ким» Санчо добрался на своих двоих — на ходу ему думалось легче. А пораскинуть мозгами было над чем. Перед самой дверью агентства Мельник крепко почесал в затылке и только после завершения этого ритуала аккуратно, на старинный манер постучал в дверь костяшками пальцев.

— Рад видеть вас, мастер Мурагон, — бодро соврал Ким, приглашая нежданного посетителя пройти внутрь офиса и занять подходящее место в кресле для посетителей.

— Какой я мастер! — отмахнулся от него Санчо и грохнулся в кресло у журнального столика. — Это ты у нас — мастер. А я так, частный консультант. Без лицензии на расследования... Кстати, и с Мурагоном не уродуйся. Я тут для всех — просто Санчо. Так что...

— Будете кофе, Санчо? — с сомнением в голосе предложил Ким.

— У меня с собой есть что покрепче... — со значением произнес Санчо и извлек из недр внутреннего кармана флягу — размером, конечно, поменьше, чем у Клавдия, но явно

приходящуюся ей младшей сестрой.

— Не удивляйся, — подмигнул он Киму. — Я к тебе с небольшой проблемой. Моя проблема, я и ставлю...

— Очень мило с твоей стороны, Санчо, — вздохнул Агент, тоже переходя на «ты», — но квасить тебе придется в одиночку. Я собрался наглотаться — до завтрашнего утра. Так что пустой перевод продукта выйдет.

— Ну, ты хоть символически...

Ким молча расставил на столике пластиковые стаканчики, разыскал в холодильнике и выставил на стол упаковку с закуской — местным эквивалентом маслин, — сел напротив Санчо и вопросительно взглянул на него.

Вид Мурагона, не намеренного, судя по всему, стрельнуть у собеседника хотя бы пятерку баксов, поверг его в недоуменное и несколько тревожное состояние.

— Дельце недолгое — не больше чем на час-полтора, — заверил его Санчо, разливая спиртное по стаканчикам. — А тебе — пять процентов. Тебе просто посидеть и послушать придется.

— Я так полагаю, — отозвался Ким, — что ты меня не иначе как в консерваторию приглашаешь... Только заранее предупреждаю: я в музыке ни бум-бум...

— Слушать тебе придется свой родной «великий и могучий», как вы, русские, любите говорить... Ты не забыл его еще? Но сначала — примем.

— Тебе что — переводчик нужен? — пожал плечами Ким, символически пригубив оказавшееся неплохим виски и закусывая этот символический плоток ягодой неизвестной природы.

— Понимаешь, — пояснил Санчо, — тут один человек, что не хочет светиться, поручил мне переговоры провести. С парой русских со Святой Анны. Причем русских этой самой породы, что имеют дурную привычку то и дело между собой переговариваться на своем языке. Причем еще и на таком сленге, что не всякий переводчик просечет. Вот тут спец и нужен — вроде тебя.

— Сленг в Метрополии и на Святой Анне — две разные вещи, — пожал плечами Ким. — Наливай себе, не стесняйся, Санчо. Я — пас.

Санчо не замедлил воспользоваться этим предложением:

— В любом случае ты лучше меня справишься с этой задачкой, чем я. По ходу дела ты мне давай знать, чем дело пахнет. А перед тем как подписывать бумаги, выйдем покурить, и ты мне скажешь подробно, о чем там толковали между собой эти ребята. Пустяк, но две сотни тебе гарантированы.

— Вот что... — Ким забросил в рот еще одну соленую ягоду и стал пытаться определить, что же она на самом деле напоминает на вкус. — Вот что... я, конечно, поучаствую в твоём бизнесе, Санчо. Только про две сотни забудь. Ты мне лучше маневром помоги.

— Что за вопрос, дорогой!

Санчо отмерил себе третью дозу выпивки.

— Если это в моих силах, то...

— Думаю, что вполне... Ты ведь сможешь свести меня с кем-нибудь из файндеров? Тех ребят, что шарят по Сети и сочиняют Предсказания.

— Тебя интересуют эти бредни Хакеров Всех Миров? — пожал плечами Санчо. — У кого-то вырос на них зуб? Впрочем, ничего удивительного... Эти типы уже всех достали в

Бэ-Ка.

— Меня как раз интересует их последнее сочинение, — уточнил Ким. — Так ты познакомишь меня с файндерами?

— На кой черт тебе сдались эти бредни? — пожал плечами Мурагон.

— Это уж моя головная боль, — улыбнулся Агент, мысленно обругав себя за излишнюю болтливость. — Так ты познакомишь меня с файндерами?

— Да хоть завтра. Только, сам понимаешь, встретишься с нужным человеком тет-а-тет. И без всяких ссылок на меня. Заметано?

— Заметано, — согласился Агент. — Кстати, когда я буду нужен тебе с твоими русскими?

— Завтра — во второй половине...

Санчо с грустной миной завернул пробку на горлышке своей фляги и поднялся из-за стола.

— Подходи к пяти пополудни в «Кукабарру». Это на Вернон-лейн... Впрочем, по твоему делу, я, наверное, позвоню тебе раньше. Всего тебе...

Ким сделал Санчо ручкой и с силой потер нос.

Санчо Мурагон — не городящий ерунды! Санчо — ни разу за время разговора не попросивший в долг ни одного бакса! Санчо — предлагающий подзаработать!

«Нет, — пожал плечами Ким. — Это неспроста!»

* * *

Ким все еще смотрел на закрывшуюся за Санчо дверь и прикидывал, в чем же состоит смысл появления в числе его клиентов еще и этого экзотического персонажа, когда в офисе раздался деликатный сигнал дверного сенсора.

«Кажется, у меня сегодня приемный день, — предположил Ким, поднимаясь из-за стола. — Знал бы заранее, хоть ковер бы почистил...»

— Входите, мисс, — самым любезным тоном произнес он, нажимая кнопку дистанционного пульта.

Дверь скользнула в сторону и пропустила в кабинет невысокую, изящного сложения девушку — рыжую и конопатую. Одетая она была в нечто кричаще-яркое, но, без сомнения, со вкусом подобранное. Девушка подарила Киму очаровательную улыбку, проворно уселась, закинув ногу на ногу в предложенное ей кресло, многообещающе сверкнула огромными зелеными глазами и представилась:

— Фокс. Алиса Фокс, артистка.

Она взмахнула в воздухе визитной карточкой и небрежно положила ее на стол перед Агентом. Тот тоже улыбнулся — как можно более приветливо — и осведомился о цели визита столь симпатичной посетительницы.

— Моя цель — справедливость! — уверенно произнесла та и покрутила головой, словно проверяя, не подсматривает ли кто за нею. — Позвольте, мастер, немного нарушить здешние законы...

Она извлекла из кармашка — одного из многочисленных карманов и карманчиков своего цветастого кафтана-сарафана — зажигалку, длиннющую слегка помятую сигарету, бросила на Кима выразительный взгляд, засмолила свое курево, явно получая от этого

непередаваемое удовольствие.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне восстановить справедливость в отношении моего э-э... друга! — объяснила она и затаилась горьковатым, как на пожарище, дымом.

Характерная симпатичная хрипотца в ее голосе не оставила у Агента ни малейшего сомнения в том, что перед ним одна из двух собеседников, решавших свои проблемы в хижине на Сонном озере — метром-двумя выше над его головой.

— О ком идет речь? — спросил Ким, пододвигая поближе к собеседнице пластиковое блюдечко вместо пепельницы.

— Вы, должно быть, уже видели это отвратительное объявление? — осведомилась посетительница агентства «Ким», поименовавшая себя Алисой.

Тут она ловко извлекла из сумки свернутую в трубочку распечатку и, удерживая ее кончиками пальцев, сунула чуть ли не в нос Агенту.

— Вы верите этому?

Киму пришлось слегка отпрянуть, чтобы разминуться с сим предметом.

Распечатка воспроизводила уже хорошо знакомое ему уведомление о необходимости проявлять величайшие осторожность и сознательность при встрече с лишенным, по всей видимости, ограничений Первого Закона беглым андроидом Биримом. Уведомление содержало и голографический портрет разыскиваемого и ссылку на базу данных, где можно было подучить дополнительные сведения о нем, в том числе и его снимки, сделанные в другое время и в других ракурсах.

— Я уже знаком с этой ориентировкой... — несколько рассеянно признал он. — Совсем недавно это транслировали по Ти-Ви. Верю ли я тому, что в ней сказано? Оснований не верить у меня, признаюсь, пока нет. Но... мисс — я не занимаюсь ловлей андроидов. Это не моя специфика...

— Х-ха!

Мисс Фокс взмахнула рукой, начертав над столом Агента сложную дымную загогулину.

— А и речи нет о том, чтобы я просила вас, мастер Яснов, кого-то ловить! Все обстоит как раз наоборот! Я хочу, чтобы вы помогли мне объяснить этим тупицам, что Бирима надо оставить в покое! Он не представляет ни малейшей опасности. Ни для кого!

Ким задумчиво уставился на рыжую собеседницу.

— Должно быть, вы хорошо знаете этого... это лицо? — осторожно предположил он. — И у вас есть веские основания оказать ему посильную помощь...

Мисс Фокс недоуменно воззрилась на Агента.

— Я надеюсь, — сурово произнесла она, — вы не разделяете здешних предрассудков? Ведь вам — человеку из Метрополии — не должны внушать отрицательных эмоций человеческие отношения между людьми и андроидами. В сущности, андроиды созданы людьми по их собственному образу и подобию...

Ким поднял обе руки в знак полного согласия с мнением собеседницы:

— Поймите меня правильно. Раз уж вы желаете, чтобы я помог вам рассеять некое недоразумение, связанное с тем, что именно этот андроид объявлен в розыск, то я должен знать, почему вы считаете, что против него выдвинуты ложные обвинения...

— Абсолютно ложные! — запальчиво заверила его мисс Фокс. — Да если это вас так интересует, я лично знакома с андроидом по имени Бирим. Я, в некотором смысле, являюсь поклонницей его творчества...

— В таком случае, — остановил Агент зарождающийся поток ее красноречия, —

прежде чем расспрашивать вас о том что вы знаете по существу дела, нам следует подписать контракт, который обязывал бы меня использовать полученную от вас информацию только в пользу заказчика — то есть вас И в этом контракте обусловить объем работы, которую я должен буду выполнить для вас, мисс, и то вознаграждение, которое могу за эту работу рассчитывать.

Мисс Фокс энергично развернулась к письменному столу и энергично взмахнула сигаретой.

— Приятно иметь дело с разумным человеком! — воскликнула она. — Заводите вашу шарманку, — она кивнула на тер минал. — Сейчас мы оговорим все самым наилучшим образом!

Они и вправду довольно быстро управились с составлением документа, согласно которому «Ким Яснов, действуя в качестве Агента Заказчика и в рамках прав, предоставляемых ему лицензией на проведение в частном порядке розыскных и иных действий», брал на себя обязательства «найти и представить в распоряжение Заказчика убедительные, признаваемые судом доказательства необоснованности обвинений, выдвинутых в адрес андроида Бирима, и действий, предпринятых властями в его отношении, если таковые доказательства существуют». Еще договор предусматривал, что Агент при первой представившейся ему возможности обеспечивает осуществление встречи или иных форм контакта Заказчика с вышеупомянутым Биримом.

Тут Ким слегка заартачился:

— Вообще-то тут у нас возникают нелады с законом. Покуда этот Бирим в розыске, в том случае, если я каким-то образом установлю его местонахождение, я буду обязан...

— А где вы видите хоть слово о том, что вы беретесь это местонахождение устанавливать? — невозмутимо пожала плечами Алиса. — Поверьте, я с законом дружу...

Похоже, несмотря на довольно молодые лета, рыжая девица, действительно, смыслила кое-что в том, как составлять бумаги скользкого содержания.

— Я буду держать вас в курсе дела, — заверил своего новоиспеченного Заказчика Ким, помещая подписанные экземпляры Контракта в недра регистратора. — Номер вашего канала Связи указан тут — в ваших данных...

— Не обращайте внимания на эту цифирь, — отмахнулась от столь смешных слов мисс Фокс. — Это формальность чистой воды. Я давно не пользуюсь этим каналом... Поверьте, будет гораздо удобнее, если я сама буду выходить на связь с вами. Кстати, вы не против того, чтобы получить аванс наличными — без всяких формальностей с переводом денег через банк? Только э-э... вам не сложно будет набросать расписочку о получении этой суммы? Можно от руки — в свободной форме...

Ким возражать не стал. Аванс, правда, мог бы быть и более основательным, но, принимая во внимание то, что принятые на себя обязательства в общем-то не прибавляли работы, в обиде Агент себя не чувствовал. Он достал записную книжку, раскрыл ее и положил перед собой на столе. Вооружился электрокарандашом.

Покуда он совершал этот маленький обряд, мисс с демонстративным равнодушием обзревала неказистое убранство офиса. Один только раз равнодушное личико ее исказила произвольная гримаса — то ли испуга, то ли какого-то странного омерзения. Ким, искоса наблюдавший за посетительницей, проследил направление ее взгляда. Предметом, нарушившим безмятежное спокойствие мисс, был психоморф, покоящийся в своем блюде с питательным раствором. Сейчас он был занят медленным превращением во что-то

неопределенное. Ким кашлянул:

— Ну вот, мисс, теперь вы можете поведать мне все, что вам известно по существу порученного мне дела. Без опасений, что я этой информацией начну вдруг злоупотреблять...

— Я познакомилась с ним на Приюте... Как вы знаете, этот спутник нашей планеты...

— Вы сказали «нашей», — слегка озадачился Ким. — Разве вы уроженка этого Мира?

— Да, разумеется. Но вот уже бог весть сколько лет мотаюсь по Обитаемым Мирам, так что научилась, знаете ли, смотреть на вещи шире, чем здешние обыватели... Так о чем это я?

— Вы сказали, что встретили андроида Бирима на спутнике этой планеты, называемом Приют.

Мисс Фокс выпустила в воздух задумчивое колечко табачного дыма. Потом — еще одно.

— Да. Вы знаете, на Приют не распространяется юрисдикция Большой Колонии, и там издавна располагаются Монастыри Пестрой Веры. Те, кто не в ладах со здешними властями и не чувствуют за собой вины, обычно находят там пристанище. По крайней мере — на время. Для тех, кто может убедить тамошнее братство в своей благонамеренности, там обычно находится работа, и они могут худо-бедно отработать расходы на свое проживание. А кроме того, в каком-нибудь из монастырей всегда могут — за скромное пожертвование — найти пристанище такие вот вечные странники, вроде меня, в ожидании подходящего для них рейса с планеты или наоборот...

«Приют. Монастырь». Записал Ким машинально и спросил:

— Вы путешествуете одна?

— Нет, с моим импресарио... Но он не имеет никакого отношения к тому делу, что привело меня к вам... Его дело — организационные вопросы. Сейчас он ведет переговоры с дирекцией театров...

— Подземных? — невиннейшим тоном осведомился Ким. Мисс чуть поперхнулась и испортила очередное дымное колечко, уже готовое сорваться с ее очаровательных губок.

— Господи! Как вы могли подумать, что я могу связаться с этими... С этими темными дельцами? Разумеется, он ведет переговоры с Объединенной дирекцией театров Нью-Чепеля...

— Я, видимо, еще не до конца въехал в здешние дела, мисс. Тем более в проблемы шоу-бизнеса...

— В таком случае вам следует знать, что Бирим — это беглец из одного из таких вертепов! Его эксплуатировали самым бессовестным образом. Его действительно пытались лишить рассудка. Отключить у него Первый Закон!

— Вот как? Разве такие вещи возможны?

— Раньше я тоже думала, что Первый Закон для андроидов — это нечто неотъемлемое... Но потом узнала, что на Трассе существует настоящий черный рынок андроидов-солдат. Почти всегда их психика безнадежно изуродована... Их, например, используют в качестве смертников в гражданских войнах на этом ужасном Харуре...

— Вы бывали на Харуре? — спугнул очередное дымное колечко Агент.

— Упаси бог! Что делать настоящему артисту в тех ужасных снегах?! Кому там нужно настоящее искусство?! Там никогда не кончится война... Ни-ког-да!

Глаза мисс Фокс стали вдруг пусты, и зрачки их уставились на что-то вдалеке. На что-то, существующее в совсем другом мире. Этого «что-то» не дано было видеть Агенту на Контракте.

«Харур», — записал он в книжке. И трижды подчеркнул это слово. Мисс Фокс,

судорожно затягиваясь сигаретой, задумалась о чем-то своем.

Ким поспешил вывести собеседницу из странной прострации.

— Просто вы оказались так хорошо информированы... — извиняющимся тоном проговорил он. — Я, например, впервые слышу о том, что андроиды...

— И не просто андроиды, мастер! А именно андроиды отсюда — из Большой Колонии!

— Все это рассказал вам Бирим?

— Не он один. Если бы вы поболтались по Трассе хотя бы годик-другой... И не в каюте люкс...

— Я путешествую экономическим классом, мисс. В лучшем случае — туристическим.

Алиса махнула рукой:

— Все это — не то. Вы даже не представляете себе, Агент, как и в каком обществе приходится перебираться из одного Мира в другой таким, как...

Она осеклась и несколькими резкими взмахами ладони рассеяла повисший над столом дым.

— Короче — именно так обстоят дела. Мы подружились с Биримом. Он... Он даже посвящал мне стихи. Понимаете, одни андроиды сходили с ума от того, что там с ними делали — в Подземных Театрах, а у других вдруг обнаруживались различные способности — часто довольно необычные. По крайней мере — необычные для андроидов. Они часто скрывают их. Вот Бирим ударился в стихосложение. Но скрывать этого — не скрывал. Наоборот, он приобрел изрядную популярность среди своих собратьев.

— У вас много друзей среди андроидов?

— Знаете, там — в монастырях Приюта — люди и андроиды относятся друг к другу, можно сказать, по-дружески. Но с Биримом мы действительно сошлись накоротке. Я даже пыталась удержать его от этого безумного шага — возвращения в Бэ-Ка...

— Вот об этом поподробнее, пожалуйста... — попросил Ким. — Ведь к тому времени Бирим был уже объявлен опасным беглецом?

— Да. Именно так. Рыжая Борода — Стук — сделал все возможное, чтобы скомпрометировать свою жертву. В этом и состоит ваша задача, Агент, — доказать, что Стук подкупил полицейских чинов, для того чтобы они — безо всяких на то оснований — начали прямо-таки охоту на несчастного...

— Так зачем же, мисс, этот несчастный надумал именно в такой неподходящий момент вернуться на планету?

— От безысходности. Да-да, Агент, — от безысходности!

Видя, что Ким никак не может уяснить себе суть дела, мисс Фокс приступила к более подробным и, видно, не очень приятным для нее объяснениям:

— Как вы понимаете, Агент, все поэтические натуры — существа крайне увлекающиеся. Способные неожиданно вспылать любовью, ревностью, ненавистью или обожанием к любому, самому неожиданному предмету. И в самое обычно неподходящее время! Бирим, к сожалению, — не исключение. И, представляете, — предметом своих воздыханий он выбрал эту белую моль — Александру Дин!

— Не имел удовольствия знать эту особу... — напомнил ей Ким, отметив про себя, что, судя по интонации, с которой мисс Фокс произнесла ее имя, попадись ей госпожа Дин в темном переулке, результат этой встречи нетрудно было бы предсказать. Если упомянутая Дин не была, конечно, чемпионом мира по контактному карате. Имя и фамилию ее он нацарапал где-то в середине листка записной книжки.

— Именно не знать эту особу — удовольствие! — просветила его полная гнева Алиса. — А знать — сущее мучение! И ведь всего-то — секретаришка при сестре-настоятельнице! А такую власть забрала надо всем в этом паршивом монастыре! Сестра-настоятельница только знай себе клювом щелкает. Рада стараться. А все дела идут через сестру-секретаршу. Сестра Александра — то, сестра Александра — это... А уж когда сестра Александра въехала в то обстоятельство, что Бирим не сводит глаз с ее подсиненных кудряшек, она не нашла ничего лучше, как взять над ним шефство!

— В каком э-э... смысле — шефство? — не понял Ким. — Мне представлялось, что ваш друг — вполне взрослый э-э... Вполне взрослая особь.

— Она, видите ли, решила научить его слагать стихи! У нее, видите ли, — филологическое образование!

«Наверное, все-таки — филологическое», — подумал Ким, но поправлять темпераментную собеседницу не решился.

— У нее, университетский, видите ли, диплом! И на этом основании она целыми днями талдычила ему про ямб, хорей, ритмику и всю такую хрень. Вы подумайте только: это — человеку, то есть, тьфу! — андроиду, который ни в чем этом сроду не нуждается, потому что он и так — поэт милостью божьей!

«Почитать эти его вирши, что ли? — меланхолично подумал Ким. — Хотя это будет, скорее всего, пустой тратой времени. Мисс явно слишком восторженно воспринимает творчество своего друга». И записал в книжке напротив имени сестры Александры: «Училка».

— А этот лопух, представляете, — продолжала мисс Фокс, — сперва слушал ее, раззявив варежку и чуть ли не конспектировал поучения этой дуры! Но когда она взялась еще и хорошим манерам его обучать... Вот тогда ему стало просто некуда деваться! На то, чтобы на Трассу пробраться, стихами не заработаешь. А на Приюте от сестры Александры деваться некуда. К тому же он ее — идиотку — все обидеть боялся.

— Тяжелый случай... — признал Ким.

— А тут еще с планеты прибыла очередная партия беженцев. В основном андроиды. А среди них — парочка провокаторов. Или просто восторженных дураков. И они раззвонили по всему монастырю, что в Подземных Театрах произошли волнения. Из-за его бегства Бирима. И последующих обвинений. Что-то типа забастовки. И что в результате этой фигни Рыжая Борода отступился, простил Бирима и отозвал свои заявления из полиции, прокуратуры и других контор, куда он их разослал. И этот дурачок клюнул на такие вот сплетни! В ту же ночь прибежал ко мне — мы как раз готовились убыть сюда — на планету. Плакался в жилетку, уговорил взять его с собой...

— Он мог бы, наверное...

— Не мог! А мы могли обеспечить ему перелет на э-э... льготных основаниях. Понимаете, всегда можно договориться с экипажем каботажной посуды... Здесь издавна процветал бизнес, основанный на оказании такого рода услуг...

«В общем, прилетели зайцами. За четверть цены. А то и меньше, — расшифровал нехитрые иносказания Ким. — Чего и следовало ожидать на основании всего ранее сказанного». Слово «зайцем» он обвел в своей книжке двойной рамкой.

— Последний раз я видела Бирима на шоссе Нью-Чепель — Космотерминал, — продолжила мисс Фокс. — Там, на сто пятом километре, мы расстались с ним. На следующее утро, после первого же выпуска новостей, я поняла, что он обманут! И сразу

направилась к вам.

— Кстати, мисс, почему вы остановили свой выбор именно на моем агентстве? — безразличным тоном поинтересовался Ким. И означил в книжке цифру «105».

— Вы открылись недавно. И имя у вас не типичное для здешних мест. Значит, вы — человек со стороны. Без предрассудков. Мне именно такой человек и нужен. В качестве Агента, разумеется.

— Скажите, — все таким же нейтральным тоном спросил Ким, — куда он направился? И были ли у него спутники?

— К Сонному озеру, — уверенно ответила мисс Фокс. — Безусловно, он был один...

— А вас, очевидно, сопровождал ваш импресарио?

— Именно так.

— До города вы добрались на попутке?

— Мы переночевали в кемпинге. Потом наняли кар. Пока я не могу сказать вам точно, где мы остановимся на сколько-нибудь постоянное время. Да, вот еще...

Мисс потеряла виски:

— Мой импресарио... Если вам вдруг придется столкнуться с ним... Его зовут Фелипе Казарес. Так вот, ему вовсе не обязательно знать о том, что я обращалась к вам. И о том, по какому поводу обращалась... Даже если он будет говорить с вами от моего имени...

— Пункт о конфиденциальности наших отношений содержится в Контракте, мисс, — напомнил Алисе Ким. И подчеркнул в книжке слово «импресарио».

— В таком случае, если у вас нет больше вопросов ко мне...

— Пока нет, — вежливо поклонился Ким, закрывая свою записную книжку. — Но они непременно возникнут в ближайшее время...

— Сколько времени, вы думаете, займет ваша работа? — спросила мисс, заглядывая в глаза Агенту.

Ким улыбнулся:

— Вы, конечно, знаете, как говорят здесь, когда затрудняются определить сроки... «Раньше Полнолуния Большой Луны»... Это вроде большая редкость на здешнем небосводе...

Никогда раньше он не видел, чтобы лицо милой девушки менялось так мгновенно и так разительно. И никогда не видел такой пронзительной ярости в глазах человека — будь то мужчина или женщина.

— Вы неудачно пошутили...

Голос мисс Фокс прервался. Она швырнула недокуренную сигарету в стакан для карандашей, сглотнула слюну и закончила, быстро становясь самой собой:

— Полнолуние Большой Луны, действительно, редкая штука. Но как раз сейчас оно состоится скоро. Очень скоро...

Ким понял, что наступил мисс на больную мозоль, а потому распрощался с новоприобретенным Заказчиком самым любезным образом — даже предложил чашечку кофе, но мисс решительно отказалась от угощения и стремительно ушла, унося свой экземпляр Контракта и оставив взамен в сумраке кабинета запах дешевого табака и дорогих духов.

Убедившись, что остался наконец один, Ким стремительно принялся за дело. Вывел на экран сделанную автоматическим регистратором видеозапись состоявшегося разговора, покрутил ее взад-вперед, подобрал кадры, изображавшие его недавнюю посетительницу анфас, в профиль и еще в двух-трех ракурсах, и сбросил их в отдельную директорию. Туда же добавил файл спектрального анализа голоса мисс Алисы и отправил все это хозяйство в систему опознавания личности здешней полиции — благо такую услугу она оказывала лицензированным детективам за вполне умеренное вознаграждение. На дисплее тут же возник вопросник — полицейская сеть была не против того, чтобы получить еще какую-нибудь дополнительную информацию относительно представленной к опознанию личности.

Ким не смог добавить к своему запросу ничего, кроме того, что упомянутая личность представилась Алисой Фокс, артисткой, и предположительно при других обстоятельствах называет себя именем Элен.

Ответ не заставил себя долго ждать.

«Предъявленное к опознанию лицо, — гласил он, — с вероятностью 90,03% идентифицировано как Элен Каманера. Образование — первая ступень общеобразовательного лицея, затем — неоконченное цирковое училище. Лицо без определенных занятий, судимая по статьям...»

Статей этих набиралась чуть ли не дюжина. Но дело было довольно давно, и в ту пору суд принял во внимание чистосердечное раскаяние и юный возраст правонарушительницы. Повлиял и ее сиротский статус: мать (Симона Каманера — год рождения) убыла на постоянное место жительства на Квесту, отец неизвестен. Элен отделалась условным сроком и взятием под опеку комиссии по делам молодежной преступности. Из-под какой опеки скрылась в неизвестном направлении. И так в неизвестности и пребывала, пока не была полтора года назад задержана органами государственной безопасности Империи Харур за черт-те сколько световых лет от Бэ-Ка. Смысл предъявленных юной особе обвинений и решение, принятое тамошним трибуналом в ее отношении, до консульства Колонии на Харуре не довели. А консульство на ответе на свои запросы и не настаивало. Ему и так хватало головной боли там — во владениях Одноглазого Императора. Во мраке ледяных пустынь, охваченных злым пламенем неутихающей междоусобицы. Так что судьба лихой Элен до сегодняшнего утра вычислению не поддавалась. Во всяком случае, розыску и судебному преследованию она не подлежала. И вообще, решительно никого на Планете Чуева не интересовала.

Что касается Алисы Фокс, то лиц женского пола с таким именем в Колонии насчитывалось сто девятнадцать. Ни одна из перечисленных дам особого сходства с лицом, предъявленным к опознанию, не имела.

Ким призадумался.

То, что на него вышла, безусловно, посетительница хижины у Сонного озера, у него сомнения не вызывало. Так же, как и то, что она и ее спутник подряжены для розыска Орри Нолана. Ход, который «мисс Фокс» изобрела для этой цели, был по-своему безупречен: если Орри скрывается где-то, находясь под покровительством Бирима — чего, по ее разумению, нанятый ею агент знать не может, — то она не вызовет у этого агента ни малейших подозрений. И вместе с тем, отыскав этого чертова стихоплета, господин Яснор, как на тарелочке, преподнесет ей и самого Орри.

«А вот еще интересная мысль... — Ким задумчиво повертел в руках записную книжку и вновь раскрыл ее. — Охота на Бирима началась той же ночью. Буквально сразу после

возвращения его на планету. Как и всякий заяц-каботажник, никакой таможенной регистрации он, разумеется, не проходил и проходить не мог. Тогда откуда, спрашивается, полиция получила сигнал о том, что он находится на планете, и не где-нибудь, а именно в Лесу звеннов?»

Агент усмехнулся и покачал головой. Снова раскрыл записную книжку и в конце страницы, где оставалось еще свободное место после сделанных по разговору с «мисс Фокс» заметок, размашисто вывел: «КТО СВОЛОЧЬ?» Закрыв книжку и спрятал в карман.

Догадаться, на кого работает парочка Элен-Бэзил, было в общем-то не трудно. Если они уже умудрились продать его содержателю Подземных Театров, то не будет ничего удивительного, если этот господин и отправил обоих проходимцев на отлов сбежавшего товара. Ему, без сомнения, и предназначалась взятая с Кима «расписочка». Он готов был поклясться, что разбитная Каманера снисходительно приняла документ именно в «свободной форме» не иначе как для того, чтобы добавить к означенной в нем скромной сумме нолик-другой — перед тем как подшить бумажку к отчету, предназначенному для господина нанимателя.

Но, как ни странно, Кима не покидало ощущение, что где-то — может, в чем-то самом для нее важном — Каманера была с ним откровенна. Пусть всего несколько мгновений — но была.

Он бросил взгляд на своего психоморфа и снова усмехнулся: вместо злобного оскала кабаньей морды на него смотрела острая мордочка лисы — хитрая и настороженная.

* * *

Роскошный «ройал-флайт» мастера Стука развернулся и остановился перед стоящим на отшибе, на границе Леса и города, огромным особняком. Одним из многих принадлежащих ему домов, раскиданных по всей Бэ-Ка. Собственно, это трехэтажное красного кирпича здание можно было бы смело назвать дворцом, если бы не его неуловимое, но совершенно отчетливое сходство с тюрьмой. Часть леса вокруг здания была огорожена чугунной оградой и играла роль парка.

Мастер не без труда выломился из далеко не узкой для человека обычных габаритов двери своей супертачки и, буркнув шоферу: «Не отлучайся», широкими шагами устремился к дому.

Его ждали — почтительно изогнувшийся в ожидании ценных указаний секретарь и слуга-андроид, принявший от босса небрежно сброшенное пальто и трость.

— Звонки? Посетители? — осведомился Мастер, поднимаясь по винтовой лестнице в каминную залу — место, облюбованное им для того, чтобы коротать вечно дождливые. и холодные вечера.

— Все рядовые встречи — на вашем органайзере, Мастер... Особая просьба — от муниципального советника Дерюгина. Советник просит о встрече без свидетелей. В его охотничьем домике... Я взял на себя смелость...

— Послать советника подальше? — лениво осведомился Мастер, помещая себя в огромных размеров дубовое кресло. — Шучу, шучу, Дании... С паршивой овцы хоть шерсти клок... Когда, стало быть?

— Следующий четверг. Нас ждут к двадцати ноль-ноль.

— Что еще?

Дании мялся.

— Дело в том, что... Господин Фрогмор очень, очень настаивал на том, чтобы...

— Вот как? Господин Фрогмор настаивал?

Голос Мастера был полон мрачной иронии. Дании предварил свой ответ тяжелым вздохом.

— Мастер Фрогмор настоятельно просил вас встретиться с ним сегодня, в полночь. В «Доме Торна».

Мастер поперхнулся, покраснел, как рак, и с такой силой поставил чашу с грогом на широкий подлокотник кресла, что чуть не окатил разогретым вином верного андроида.

— Это просто бедлам какой-то! — воскликнул он в сердцах, утираясь бородой. — Старина Хью просто спятил. Вшивый аптекаришка, приторговывающий дохлыми пиявками и позавчерашними сплетнями, набирается наглости диктовать мне — мне! — когда и куда являться на встречу с ним!

— Поразительная наглость! — согласился с ним Дании. — И еще... Поблизости весь вечер толклись два типа от Волыны. Вели себя по-хамски. Трои со своими людьми ими занялись, и типы отвалили.

Никакой реакции на это в общем-то банальное сообщение не последовало. После минуты-другой молчания Мастер поднялся из кресла, прошелся взад-вперед по зале, фыркнул пару раз себе в бороду и снова водрузил себя в кресло.

— Запомни вот этих двоих...

Он достал из внутреннего кармана и протянул секретарю листок бумаги.

— Вчера я их нанял. По пустяковому делу. Но ситуация изменилась. Может быть, я поторопился... Мне нужна вся их подноготная. И для обоих надо соорудить приличные бумаги на чужие имена. Если будут выходить на связь, немедленно дай мне знать.

Секретарь не лишенным изящества движением поместил листок в кожаную папку у себя под мышкой и застыл в ожидании текущих распоряжений.

Мастер задумался, приняв почти роденовскую позу, допивая мелкими глотками грог и занюхивая выпитое кончиком бороды.

— Черт с ним! — наконец произнес он. — Вызови Троя с его ребятами. Я двину-таки в «Дом Торна»!

Чиновник Ратуши, к которому Тамагочи адресовал Кима, довольно снисходительно отнесся к его просьбе и решил вопрос парой звонков куда-то «в департамент» и в самую каталажку. После чего пояснил:

— Там для вас будет выписан пропуск, на проходной. Представитесь и объясните, что вы от советника Рутмайера — от меня, то есть — к мастеру Дерини. Он заместитель директора Второй городской.

— Я весьма обязан вам... — начал Ким. Советник Рутмайер только отмахнулся от слов благодарности.

— Постарайтесь не отнять у Дерини слишком много времени, — доброжелательно бросил он.

Помолчал, побарабанил пальцами по столу и добавил:

— И постарайтесь не узнать ничего лишнего. Это бывает опасно. Поверьте мне.

* * *

Вторая городская тюрьма Нью-Чепеля — столицы Конфедерации Свободных Земел (более известной в Мирах как Большая Колония, что на Планете Чуева) — когда-то располагалась на глухой окраине. Но города, тем более столицы, имеют неприятное обыкновение расти. И расти самым причудливым образом. В результате древний как мастодонт, замшелый многоэтажный корпус исправительно-трудового заведения возвышался прямо на новенькой, франтоватой Мардук-плаза аккурат напротив сверкающего золоченым стеклом елочного украшения — нового здания Фондовой биржи, служа деловому люду мрачным напоминанием народной мудрости о суме и тюрьме.

Приняли Кима в этом невеселом месте куда как менее гостеприимно, чем в сумасшедшем доме. Помариновали на пропускной, заставили минут сорок дожидаться, пока сыщется означенный в рекомендательном письме заместитель директора заведения, а сам господин заместитель соизволил отдать распоряжение проводить господина Яснова к нему в кабинет только час спустя.

Господин Дерини — типичный тюремный чиновник — обликом своим гармонировал с духом вверенного его заботам заведения. Он был хмур, костюм его напоминал одеяние сельского пастора, и доброжелательности он не проявил. Письмо из мэрии он покрутил перед носом без особого к этой бумажке доверия, потом нехотя поднял трубку селектора и поинтересовался у кого-то где, собственно говоря, сейчас находится и чем занят «этот ваш Тенги»?

Из чего Агент заключил, что Тенгиз Довлатов — лицо, тюремной администрации так хорошо известное, что его не только не вызывают по номеру, но даже поминают уменьшительным именем. Тюремный чиновник, морщась, выслушал какие-то объяснения, почесал за ухом, буркнул что-то на одном только вертухаям понятном жаргоне, положил трубку на место и обратил на Кима мутный, недовольный взгляд.

— Вам придется подождать, мастер. Заключение Довлатов сейчас занят на

общественных работах.

Он надавил кнопку на панели сбоку от стола и уставился на дверь кабинета, словно намереваясь открыть ее взглядом. За дверью послышалось нарастающее шепуршение, ее ручка дернулась туда-сюда, и наконец на пороге возник рослый охранник, так и не успевший проглотить до конца что-то, что пережевывал в тот момент, когда шефу приспичило вызвать его. Завершив акт глотания, служитель закона известил господина заместителя о том, что сержант Левски по вызову явился.

Тюремный чиновник кивнул на Кима:

— Проводишь мастера в вычислительный центр. Пусть подождет там — в комнате отдыха. И скажи этому... кто там у них... Мануильскому, чтобы он на кофе-брейк отпустил Тенги поговорить с мастером... А вы, мастер, — он повернулся к Киму, — как говорится, не злоупотребляйте... Тенги у нас тут на вес золота. После разговора отметьте ваш пропуск у моего секретаря...

Ким так и не сподобился пережить то, к чему мысленно готовился, — долгий проход через вереницу решетчатых дверей, мимо забранных стальными прутьями окон и бронированных дверей камер по унылым тюремным коридорам. Ему не пришлось покидать той вполне гражданской части древнего архитектурного монстра, где располагалась администрация тюрьмы.

— Тенгиз у нас на положении расконвоированного, — пояснил Киму добродушно настроенный сержант Левски, топя перед ним по направлению к лифту. — Его только разве в город не выпускают. Не потому, чтобы не сбежал. Сопрут его у нас... Без него мы бы разорились. На услуги от провайдеров... Чуть глюк какой или вирус... Или просто завис... Так сразу за Тенги посылают. Но это — даже не полдела. Он всему начальству новейший софт отлаживает и — главное — игры накрутейшие ставит... Через то — на особом режиме. Ти-Ви в камере, бассейн — в любой день, солярий — когда угодно. Жрачку, коль приспичит, — из ресторана приносят. Временами он тут с друзьями такие пиры закатывает... Ей-богу, я с ним поменялся бы... Да вот не дал бог такой башки.

Они вошли в лифт и стали тихонько проваливаться сквозь толщу залитых ярким светом пустынных, на первый взгляд, этажей административного блока Второй городской.

— Скажите, — поинтересовался Ким, — а кого у вас в заведении больше — служащих или заключенных?

— Ну, ты спросишь, мастер! — широко улыбнулся сержант.

Тут лифт прибыл по назначению, и столь многообещающе начавшийся разговор тут же и оборвался. Сержант Левски подтянулся, посуровел лицом и, преодолев на пару с Агентом десяток-другой метров по лабиринту сумеречных коридоров, вежливым жестом направил того в комнатку, примыкающую к обширному кабинету, где дюжина — не меньше — клерков млела перед волшебными мерцающими окнами дисплеев. Туда, в этот мирок озабоченных «синих воротничков», сержант и канул, усадив Кима в кресло близ автомата, предназначенного торговать гамбургерами и кофе. Ким привычно извлек на свет божий свою записную книжку и карандаш. На чистой странице он изобразил сначала знак инь-янь, потом несколько разных смайликов, потом принялся рисовать цветы и травы. Протекли еще четверть часа безмолвного ожидания, когда сержант снова возник из светло мерцающего небытия.

— Минут через двадцать, мастер, Тенги будет к вашим услугам, — буркнул он. — Я, с вашего позволения, сторожить вас не буду. Закончите разговор — отметитесь в канцелярии

и, как говорится, счастливого полета!

Обещанные двадцать минут Ким провел, созерцая довольно хмурого вида рыбок в аквариуме, составлявшем, видимо, табельную принадлежность комнаты отдыха вычислительного центра. Он уже начал было различать их по характерам, когда его внимание привлекло деликатное покашливание. Покашливание издавал тип, вошедший в комнату отдыха из зала и ничем тюремного заключенного не напоминавший, если не считать нашивки с номером над нагрудным карманом синей рубашки.

Тенгиз Довлатов ничем не отличался от обычного «синего воротничка». На вид ему было лет сорок с небольшим, и, точно так же как и сам Ким, он среди европейцев смотрелся бы европейцем, а среди азиатов — азиатом. Только веки его были немного тяжеловаты, а скулы чуть высоки для типичного англосаксонского протестанта.

— Вы хотели поговорить со мной, мастер? — спросил вошедший.

— Вы Тенгиз? — осведомился Ким, привстав и протягивая руку.

— У вас проблемы, мастер?

— Не без того, — пожал плечами Агент. — У меня к вам, собственно, только один вопрос.

— Ну, вот давайте кофейку себе налейте и задавайте этот свой вопрос, — совсем уж по-хозяйски распорядился Тенги.

Ким позаботился о том, чтобы кофеек достался не только ему, но и его собеседнику. Почесав затылок, потерев нос и откашлявшись, он наконец осмелился спросить:

— Меня интересует последнее Предсказание Хакеров. Его смысл и содержание.

Лицо собеседника застыло.

— Вы знаете, мастер, — Тенгиз отхлебнул из пластикового стаканчика, — меня оно тоже интересует. И думаете, почему? Я ведь здесь отсечен от Сети. В тюрьме — сеть своя, изолированная И тут я вам не помощник...

— Я и не рассчитывал получить от вас точный текст Предсказаний, — осторожно выговорил Ким, крутя в руках стаканчик с кофе. — Давайте сделаем так: скажите мне, если бы вас завтра выпустили на свободу, то что бы вы сделали, чтобы узнать хоть что-нибудь о тех Предсказаниях, которые появились на свет божий, пока вы сидели здесь?

Тенгиз рассмеялся беззвучным смехом и поставил свой стаканчик на стол.

— Вы, мастер, — сказал он наконец — точно не свой здесь. Кто ж вам даст файндеровский адрес?

— Файндеровский? — переспросил Ким.

— Ну да, адрес файндера. Такого типа, который выслушивает наши бредни и распространяет их по белу свету! За такие вещи года два-полтора полагается... А я своим друзьям не враг!

— Хорошо, — пожал плечами Ким. — Давайте сделаем еще одно предположение. Давайте предположим, что от того, знаю я или нет о самом последнем Предсказании, зависит жизнь человека. Маленького ребенка. Тогда как?

Благодушная физиономия Тенгиза вдруг исказилась гримасой непонятого отвращения.

— Нечестно играете, мастер! — жестко возразил он. — Я же вас проверить не могу. Так какого же черта!

Ким молчал, просто рассматривая собеседника так, как, бывает, рассматривают люди портреты прошлых веков.

«А в самом деле — я играю честно?» — нацарапал Ким в книжке.

— Понимаете, Тенгиз, — наконец произнес он. — Мне от вас нужны не улики. Мне от вас нужен намек. Не более того.

Тенгиз отвел взгляд. Отбарабанил по столу короткую дробь своими сильными, поросшими темной шерстью пальцами, поморщился и наконец бросил:

— Ну ладно, мастер, считайте, что ничего я вам не говорил. Суньтесь в казино «Белфаст», а там Гарри Винчестером поинтересуйтесь. Все. Я вам ничего не говорил, а вы ничего не слышали. И вообще, это к делу никакого отношения не имеет. Что еще?

— Да в общем-то ничего, — пожал плечами Ким, заноса в книжку еще две содержательные строчки. — Разве что вот, примите привет от Аркадия.

— От Думштейна, что ли?

— Да, — подтвердил Ким, поднимаясь на ноги. — Жив-здо-ров... Так что...

— Так вы говорили с ним?

Тенгиз и не думал вставать, а наоборот — вцепился в кресло:

— Вот что, мастер, если вы с ним говорили или говорить собираетесь, в уме держите вот что: Думштейн — псих! Законченный псих. Он на андроидах поведенный! И ни в коем случае всего, что он вам наболтает, вы в ум не берите. Ни за что и никогда. Псих, говорю. Законченный псих!

— Хорошо, — ответил Ким.

И для большей убедительности записал: «ПСИХ. ЗАКОНЧЕННЫЙ».

— Я буду об этом помнить, — заверил он Тенгиза. Тот направил на Агента указующий перст:

— Тогда помните еще и вот о чем... Вы влезаете в дело весьма и весьма двусмысленное. Все, что связано с проблемами андроидов, может обернуться по-разному. Я не верю в то, что они — существа злокозненные. Просто... Просто, если все эти игры приведут к тому, что андроидов уравниют в правах с людьми, то может получиться нехорошая ситуация. Ведь мы просто молчим про то, что андроиды не просто не хуже людей, а лучше них по очень многим показателям. И ничего не будет удивительного, если уже после нескольких лет такого равноправия на всех командных постах в Колонии окажутся именно андроиды. Неудивительно будет, если они даже вообразят себя высшей расой — у них для этого полно оснований... Так что... Может, пусть лучше уж остаются тем, что они есть сейчас, — Куклами Судьбы?

— Вы думаете, дело обстоит настолько серьезно? — пожал плечами Ким.

— Во всяком случае, я так считаю, — вздохнул Тенгиз. — И считаю необходимым доводить это свое мнение до сведения тех, кто соприкасается с подобными вещами. Но люди одержимы гордыней и не хотят верить в то, что могут проиграть в честном соревновании творениям собственных рук.

— Если мне станет известно что-то связанное с этим, — сказал Ким, поднимаясь с сиденья, — я попробую проконсультироваться с вами. Вы не будете возражать?

— Если вы позаботитесь притащить со свободы пару дисков с последними новинками Сети, то можете рассчитывать на самое к себе хорошее отношение с моей стороны. До встречи. И будьте осторожны, мастер. Да вот, впрочем, по вашу душу уже и пришли.

В дверях комнаты отдыха и впрямь возник привычно хмурый господин Дерини. Ким шагнул ему навстречу, всем своим видом давая понять, что закончил свои дела и до крайности благодарен господину заместителю директора.

Тюремный чиновник вяло улыбнулся.

— Рад, что смог оказаться вам полезен, мастер. Но попрошу вас на минуту заглянуть в мой кабинет. Там вас ждет человек, который специально заехал сюда за вами.

В таком предложении, сделанном в стенах казенного дома, мог крыться любой подвох. Ким вздохнул с облегчением, когда за дверьми кабинета господина заместителя навстречу ему из-за стола поднялся его вчерашний знакомец — окружной комиссар Морзе.

— Здравствуйте, мастер... — хмуро произнес он. — С трудом нашел вас. Надеюсь, вы не откажетесь проехать со мной в комиссариат. Там вас ждут двое офицеров. Как говорится, из «компетентных органов». Более компетентных, чем городская полиция. У них есть к вам вопросы...

Ким только пожал плечами в знак согласия. Ссориться со здешними силовиками ему было вовсе не с руки. Он молча проследовал за комиссаром через вереницу лязгающих дверей и, выйдя наконец на свет божий, поспешил отправить «пульчинеллу» на ее привычную стоянку близ офиса агентства «Ким», а сам занял место на сиденье служебного «форда» справа от комиссара.

Всю дорогу до комиссариата они промолчали. Разве что обменялись парой вялых замечаний о погоде и злонравии местного Ти-Ви. В кабинете Морзе скромно — за боковым столиком — их ждали двое: огромных размеров тип в затемненных очках — массивных, с претензией на антикварное происхождение. Тип был облачен в мундир с погонями подполковника. Вторым жаждущим задать свои вопросы Агенту был невысокий рыжеватый штатский, ничем, ровным счетом, не отличающийся от любого из мириадом клерков, заполняющих в начале и конце рабочего дня деловые кварталы любого крупного города Федерации.

— Подполковник Баррон, — представился военный. — Планетарная контрразведка.

— Следователь Клецки, — назвал себя штатский. — Федеральное управление расследований.

— Оставляю мастера Яснова в вашем распоряжении, — угрюмо уведомил своих гостей комиссар. — У меня дела...

— Я готов ответить на ваши вопросы, господа... — сухо произнес Ким.

— Садитесь, садитесь... — с чуть излишней ласковостью в голосе распорядился подполковник, указывая крепко сбитой дланью, где именно следует занять место мастеру Агенту.

Федеральный следователь, неопределенно улыбаясь, раскладывал перед собой какие-то не слишком многочисленные распечатки. Потом, поняв по наступившей паузе, что теперь его выход, поднял взгляд на присевшего наконец в кресло Кима.

— Скажите... — начал он предельно вежливо. — Скажите, почему вы направили в информсеть региональной полиции запрос, касающийся мисс Элен Каманеры — уроженки здешних мест? С чем связан ваш интерес к этой персоне? Вас не затруднит ответить на этот вопрос?

«Вот так, — сказал себе Ким, — а ты-то уж решил, что бедная маленькая Каманера никому не интересна на этой планетке... А оказывается, ее имя внесено в список ключевых слов, которые, промелькнув в сетях коммуникаций, мгновенно ставят на уши здешнюю

госбезопасность».

— Не затруднит, — пожал он плечами — Я просто пытался установить истинную личность моей клиентки. У меня возникли подозрения, что она называет себя чужим именем.

Интересоваться тем, каким образом содержание конфиденциального запроса, поступившего в информсеть, стало известно сразу двум силовым структурам Федерации, было бы в сложившейся ситуации просто дурным тоном.

— Вы остались довольны полученным от Сети ответом, мастер? — включился в разговор подполковник Баррон.

— Он оставил меня в недоумении, — честно признался Агент.

— Почему же вы не поспешили поделиться вашим, гм... недоумением с компетентными в этом отношении службами?

Задавая этот вопрос, Федеральный следователь проникновенно заглянул Киму в глаза.

— Поймите, — продолжил он. — Наш разговор может найти свое продолжение либо в чисто формальном, либо в более продуктивном — неформальном — русле... Поймите также, что этот, гм... выбор русла нашей с вами беседы во многом определит перспективы вашей дальнейшей деятельности на... гм, выбранном вами поприще...

— Я прекрасно понимаю это...

Эти слова Агент произнес как можно более невыразительно.

— Ну, так и поглядим на ситуацию с этих двух возможных позиций... — продолжил Федеральный следователь, украсив свою физиономию несколько иезуитской улыбкой. — Формально вам стало известно лишь то, что ваша заказчица предпочитает называть себя чужим именем. Бывает... Это не карается законом само по себе. Вы узнали также, что она не числится в розыске ни по линии Федеральных служб, ни по линии региональных органов правопорядка. Формально это освобождает вас от необходимости отвечать на какие бы то ни было вопросы со стороны этих структур. Формально также не имеет никакого значения то, что мисс Каманера была арестована службой безопасности одного из Миров Федерации, а потом вновь объявилась за тридевять земель от этого Мира цела и невредима. Ведь Харур не требует ее выдачи ни от одного из остальных тридцати двух Миров... Право же...

Федеральный следователь наклонился над столом, максимально приблизив свои зрачки к зрачкам Агента:

— Право же, ваша позиция выглядит этически безупречной. Формально. Но только — чисто формально! — Он поднялся из-за стола и принялся прохаживаться вдоль стены мрачноватого кабинета. — А вот если посмотреть на дело по существу... По существу, господин Агент! То... То мы увидим следующую — далеко не приглядную — картину: прожженная авантюристка неизвестно зачем оказывается во владениях политического режима, который лишь номинально принадлежит к Федерации, а фактически открыто враждебен большинству из ее — Федерации этой — Миров... Режима, который не брезгает шпионажем, диверсиями и разного рода провокациями в десяти, по крайней мере, Мирах, населенных людьми. Режима, который практически не скрывает своих претензий на господство в Обитаемом Космосе... Или вы иначе оцениваете политику Императора Алонзо?

— Трудно найти в Обитаемом Космосе человека, который не знал бы этих очевидных вещей, — пожал плечами Ким. — Разве что на самом Харуре...

— В таком случае почему у вас не возникло совершенно определенных подозрений,

когда вам стало известно, что арестованная на этом самом Харуре авантюристка вновь оказывается на свободе с совершенно незапятнанной репутацией? Неужели вам неизвестно, что судьба всех тех, кто имел несчастье попасть в руки Харурской охранки, довольно печальна? Тем более тех, кто попал туда по такому обвинению, как мисс Каманера?

— В полицейском досье нет сведений о предъявленных этой госпоже обвинениях... — вздохнул Ким.

— В этом вы правы... — Подполковник Баррон пошевелил разложенные перед ним на столе бумаги. — Эта информация имеет иной уровень доступа. Но раз уж вы теперь напрямую работаете с этой госпожой, то для вас может быть сделано исключение... На определенных условиях, конечно.

— Вы имеете в виду сотрудничество с вашими организациями? Я никогда не становился к вам в оппозицию. Это подразумевается условиями моего лицензионного соглашения.

— Не только. — Баррон резким жестом поправил очки. — Вы должны объяснить нам, почему вы немедленно — я повторяю: не-мед-лен-но — не поставили компетентные органы в известность о том, что имели непосредственный контакт с лицом, возможно завербованным спецслужбами Империи Харур?

Ким с трудом удержался от того, чтобы по привычке почесать нос. Он только прикоснулся кончиками пальцев к почти незаметному шраму-отметинке на левой скуле — памяти о разорвавшей его жизнь надвое полосе немоты и беспамятства.

— Вас устроит такое, например, объяснение? — тщательно подбирая слова, начал он. — Сразу же, ознакомившись с полученным мною досье мисс Каманеры, я ни минуты не сомневался, что поступившая на мой терминал информация станет известна компетентным органам и вызовет у них интерес. Это было так же неизбежно, как, скажем, восход и заход солнца...

Федеральный следователь, наделенный, видно, чувством — юмора, более развитым, чем у его коллеги, улыбнулся — вяло, уголком рта, — но все-таки улыбнулся. Подполковник хранил неприязненное молчание и хмуро, исподлобья смотрел на Агента.

— Так что мне все равно не угнаться за вами, господа. Наша сегодняшняя встреча — хорошее тому доказательство...

Подполковник резко оборвал его:

— Довольно морочить друг другу голову! Если вы хотите, чтобы вам хоть сколько-нибудь доверяли, мастер Яснов, то будьте добры выложить нам все, что вам известно о вашей подозрительной заказчице. Стоит вопрос о немедленном взятии этой красотки под стражу.

Чтобы получить хоть несколько секунд на размышление, Ким откашлялся в кулак и начал с несколько затянутого «э-э-э...».

— Собственно говоря, мне приходится нарушить пункт моего Контракта — тот, что касается конфиденциальности доверенной мне информации. Но, принимая во внимание то, что Заказчик сам пытался ввести меня в заблуждени, относительно своей личности...

— Довольно лирики! — снова оборвал его Баррон. Поймав взгляд Федерального следователя, брошенный в его сторону, подполковник сухо кашлянул и несколько снизил обороты.

— Давайте по порядку, — уже более спокойно продолжил он, разглаживая и без того вовсе не измятые распечатки, разложенные перед ним. — Прежде всего мы хотели бы знать ваше мнение, почему выбор этой особы, когда ей потребовалось нанять частного

детектива, — пал именно на вас? Какие вы господин Яснов, дали для этого поводы?

— Я и сам задал ей этот вопрос, — пожал плечами Ким. — Ответ меня вполне удовлетворил... Хотя, конечно, и тут мисс Каманера не была вполне откровенна. В двух словах: моей заказчице нужен был Агент, который не мог быть в курсе ее прошлого. Кроме того, ее Агент не должен слишком хорошо разбираться в сложностях здешних взаимоотношений между людьми и андроидами. Агент, лишенный, так сказать, местных предрассудков.

— Андройды? — не понял Баррон. — При чем тут андройды?

Ким позволил себе досадливо поморщиться:

— Если бы мы, действительно, «давали по порядку», то вы бы уже знали — при чем. Мисс, видите ли, горит желанием доказать необоснованность обвинений, выдвинутых против одного беглого андроида.

На лицах обоих представителей силовых структур отразилось некоторое недоумение.

— Вы хотите сказать?.. — начал Федеральный следователь. — Вы хотите сказать, что этой особе приспичило заниматься благотворительностью? Она для этого сюда прилетела с Харура?

— Вы можете смеяться, господин следователь, — развел руками Ким, — но именно таков смысл подписанного нами Контракта.

В кабинете на минуту воцарилась недоуменная тишина. Ким позволил себе нарушить ее тихим кашлем. Впрочем, то конца рассеивать недоумение своей чиновной аудитории Агент не собирался.

— Я не думаю, что это истинная цель моей клиентки, — сообщил он им свое мнение. — Но если вы ее сейчас задержите... Ведь на данной стадии возможно только задержание мисс, не так ли? Она ни на йоту не преступила пока закон. По крайней мере, если и преступила, то не попала. Так что ордер на полноценный арест госпожи Каманеры сейчас не подпишет ни один нормальный прокурор. Так вот — в случае ее задержания, боюсь, как раз этой истинной цели мы так и не узнаем...

Господин Клецки нервно дернул щекой:

— Не беспокойтесь о том, о чем должны беспокоиться мы. Скажите-ка лучше, текст Контракта, случайно, не с вами? Нас — сами понимаете — интересует адрес мадам... Она ведь должна была указать его в Контракте?

— Без сомнения, господин следователь... И даже на самом деле указала его. Так же, как и номер своего канала связи. Но дала понять, что использовать эти координаты, чтобы связаться с ней, — пустая трата времени. Она сама свяжется со мной, когда сочтет это нужным. Что до текста Контракта, то я легко могу запросить его с терминала моего офиса.

Клецки неожиданно кончил болтаться по кабинету и решительно уселся за стол комиссара. Побарабанил кончиками пальцев по его потертой поверхности и воззрился на Кима так, словно прикидывал — стоит ли платить чаевые столь нерадивому официанту?

— Вот что, — сообщил он наконец о своем решении. — Раз уж вы — тот крючок, на который, рано или поздно, клюнет наша рыжая рыбка, то продолжайте честно выполнять взятые на себя контрактные обязанности. Мы постараемся не слишком путаться у вас под ногами. Ваше дело — всего лишь четко и, главное, своевременно информировать нас о ваших контактах с мисс Каманерой. И обо всех сопутствующих вашим с ней отношениям обстоятельствах.

— Я заинтересован в этом не меньше вашего, господа, — со всей возможной

убедительной силой заверил его Агент.

— Прекрасно, что вы понимаете нас.

Федеральный следователь покосился на подполковника Баррона, который поспешил кивнуть в знак согласия.

— Наши люди посетят ваш офис, господин Яснов. В вашем присутствии, разумеется. Нужно сделать дактилоскопию — бумаги контракта, который подписывала мисс, предметов, которых она касалась... Вероятность опознания пока составляет девяносто процентов. В случае положительной идентификации отпечатков мы будем иметь стопроцентную уверенность в том, что не пали жертвой путаницы. А сейчас вы не торопясь расскажете нам во всех деталях все обстоятельства визита мисс Каманеры и заключения вашего с ней Контракта. Постараемся не мешать вам.

Впоследствии, анализируя свои показания, Ким нашел, что у него есть все основания гордиться своим умением импровизировать — по крайней мере, в условиях мягкого перекрестного допроса. Любопытство господина следователя и господина подполковника он удовлетворил полностью, ни словом не обмолвившись ни о существовании в природе Орри, ни о событиях в хижине у Сонного озера. Бирима пришлось-таки «сдать» — деться тут было некуда. Впрочем, попасть в руки спецслужб для него было бы все-таки лучшей перспективой, чем быть отловленным городской полицией, которая, судя по всему, состояла на откупе у хозяина Подземных Театров, и сдала бы несчастного стихоплета с рук на руки его бывшему хозяину.

— Ну что же, — заключил наконец господин Клецки, — по всей видимости, сегодня нам уже не стоит отнимать друг у друга время. Наши специалисты посетят ваш офис не более чем через сорок минут. После чего вы можете быть совершенно свободны, если правильно поняли смысл нашей с вами договоренности. У вас нет вопросов к нам? Мы могли бы решить какие-то ваши проблемы. В порядке, так сказать, взаимности...

— Пара вопросов к вам у меня действительно найдется, — признал Агент. — Например, не могли бы вы по своим каналам установить, кто именно и когда поставил местную полицию в известность о том, что беглый андроид Бирим снова находится на планете. И даже точно указал, где именно следует его искать.

— Принято, — буркнул Баррон. — Тоже мне — бином Ньютона.

— Кроме того, — как можно более скромно напомнил Ким, — вы намекали мне, что можете просветить меня относительно истории с арестом мисс Каманеры в Империи Харур.

— Это — темный вопрос, господин Агент... Скорее всего, коллега Клецки более точно сможет...

Баррон бросил взгляд на Федерального следователя. Тот невесело улыбнулся, точнее, иронически скривился.

— Тут информации на самом деле кот наплакал... Но есть кое-какие интересные моменты. Неожиданные... Например — мотивы этого ареста. Сперва в Консульстве полагали, что имело место нечто банальное — контрабанда или жульничество... Действительно — похоже, мисс умудрилась надуть сразу две преступные группировки, промышлявшие в тех краях сбытом оружия. И на том прокололась. Так что арест властями был для нее скорее благом. Можно сказать — спасением. Но... Но когда мы навели справки по своим каналам, то выяснилось, что мисс угодила в каталажку с весьма странной формулировкой своей вины. Ее арестовали вовсе не за мошенничество и не за контрабанду.

— А за что же?

— За колдовство, господин Агент. Мисс Каманера была арестована за занятия колдовством.

* * *

— У тебя больше не болит голова? — ласково спросила сестра Александра.

Орри осторожно высунулся из-под одеяла и энергично покрутил головой, давая понять, что она у него не болит.

— Ну, вот и прекрасно, — сказала сестра Александра, опускаясь на стул, стоявший в изголовье кровати Орри. — Ты знаешь, что все андроиды уже выздоровели?

— Это хорошо, — осторожно согласился Орри.

— И все они уже трудятся, чтобы оправдать те средства, которые были затрачены на их лечение. А ты, мальчик, как ты думаешь, чем можешь отблагодарить людей, которые тебя лечат, кормят и поят?

— Если хотите, — вымолвил Орри, — я буду подметать пол в монастыре.

— Ты думаешь, некому это делать? — заинтересованно спросила сестра Александра. И, не дожидаясь ответа на этот риторический вопрос, пояснила:

— Ты можешь отблагодарить людей, которые помогают тебе, пока ты еще мал, только тем, что когда вырастешь, то станешь большим и умным человеком и будешь помогать расти таким же малькам, какой ты сейчас.

— Да, мэм, конечно, — охотно признал Орри, — я вырасту большим и умным и буду это... помогать.

— А знаешь, что ты для этого должен сделать? — продолжила сестра Александра,

Орри недоуменно шмыгнул носом: что делать для того, чтобы вырасти большим и умным, он решительно не знал.

— Для этого, — пояснила сестра Александра, — ты должен учиться, учиться и... догадайся, что еще ты должен делать?

— И есть рисовую кашу... — робко предположил Орри, припомнив что-то из тех наставлений, которых выслушать ему пришлось за последнее время немерено, и вновь нырнул под одеяло.

— Нет... То есть, да. Кашу, конечно, есть надо, — несколько смешавшись, согласилась сестра Александра. — Но главным образом, ты должен учиться! Учиться! Учиться! И учиться! Так завещали мудрые предки.

Орри снова опасно высунулся из-под одеяла и скосил глаз на стопку потрепанных учебников, высящуюся на коленях сестры Александры.

— Знаешь ли ты, Орри, — осведомилась она, хладнокровно игнорируя его маневры, — что там, у тебя на родине, уже в полном разгаре учебный год. А ты еще ни разу не заглянул в учебник. Как у тебя, кстати, обстоят дела с математикой?

— 3-замечательно, — как можно более уверенно произнес Орри, и как бы в подтверждение своих слов он поспешно выпалил первое и последнее, что он помнил на этот счет. — Шестью восемь — сорок восемь! Шестью девять не отмерять! А сколько же будет девятью сорок четыре, мэм? — хитро сверкнув глазами-щелочками, неожиданно спросил он.

— Со... То есть, тьфу! Триста тридцать два! — смешалась «мэм» и, чтобы скрыть свое смущение, строгим тоном добавила: — Вот что, Орри, сейчас все твои ровесники на уроках

литературы проходят теорию стихосложения. Можешь ли ты мне, например, сказать, что такое палиндром?

От удивления Орри вновь нырнул под спасительный покров одеяла и лишь спустя некоторое время выглянул оттуда, чтобы проверить, не забыла ли его мучительница о своем вопросе. Та терпеливо дожидалась очередного «сеанса связи».

— Вот что, — строго определила она, теряя остатки терпения. — Ты уже вполне оправился от своей травмы и поэтому можешь сесть.

Она приподняла подушку и придала Орри необходимую позу.

— Держи вставочку, — приказала она, вручая ему электрокарандаш, — и напиши вот здесь, — перед Орри неожиданно объявилась раскрытая тетрадь, — такую волшебную фразу: «А роза упала на лапу Азора». Написал? Теперь прочти ее в обратном порядке.

— Задом наперед, что ли? — уточнил Орри.

— От конца к началу, — постаралась довести до его сознания смысл задания сестра Александра.

— Я и говорю — задом наперед, как «РОБАТУМ»? — брякнул Орри и тут же прикусил себе язык.

— Нет, это решительно невозможно! — воскликнула сестра Александра, в отчаянии хлопнув карандашом по тетради. — Вот что, Бирим!

Сидевший в уголке опустевшей палаты стихотворец востепенел.

— Если ты хочешь, чтобы от тебя здесь был хоть какой-то прок, — сурово распорядилась мисс Дин, — проследи, чтобы до ужина малек проработал весь двадцать второй параграф. И помоги ему сделать упражнения, а то он в слове из четырех букв делает восемь ошибок. И еще — по химии расскажи ему про окислы азота.

— Я ничего про них не знаю, — робко возразил Бирим.

— Я тоже, — решительно отрезала сестра Александра. — Но школьной программой это предусмотрено. Когда я вернусь — проверю!

Некоторое время и Орри и Бирим прислушивались к стихающему вдалеке стуку каблучков рассерженной сестры Дин.

— Послушай, — сказал наконец Орри, выбираясь из-под напластования одеял и подушек. — Я все время хотел у тебя спросить, что будет, если я умру и так и не выполню того, что сказано в этом... Предсказании. Я ведь не знаю, что там про меня сказано... А я умру — это точно, если выучу про эти самые окислы азота... Тебе меня не жалко?

— Мне самого себя жалко, — грустно ответил Бирим. — Ведь это надо же — чтобы сердце мне разбила эта засушенная мумия...

— Тяжелый случай, — признал Орри, испустив сочувственный вздох, — а может, ну ее на фиг, училку-мучилку эту? Ведь не может быть такого, чтобы из этого места совсем нельзя было убежать?

Бирим тяжело вздохнул.

— Я вот попробовал. Ты видел, что из этого получилось... Судьба. Ее не переспоришь...

— Подумаешь! — фыркнул Орри. — Может, и не переспоришь, так ведь и заранее ничего не угадаешь. Один раз — облом, а на второй — фарт.

Он постарался на пальцах проиллюстрировать защищаемый тезис:

— Давай еще раз попробуем. Ведь у меня Предсказание. Чего-то такое я сделать должен... По крайней мере, одного человека найти — это точно. И ясно, что здесь я ничего такого сделать не смогу.

— Кто знает? — Бирим испустил еще один вздох. — Никто толком не знает, что точно сказано в Предсказании. Может быть, то, что тебе предстоит сделать для андроидов, ты сделаешь только когда-нибудь лет через пятьдесят...

— Нет... Есть, наверное, такие, кто все-таки знает... Нолан — точно знал. Но все боятся сказать мне...

Орри уныло свесил ноги с кровати и немного поболтал ими — просто так, для разнообразия.

— Простудишься... — предостерег его Бирим. — На вот, накинь...

Он перебросил Орри свой висевший на спинке стула свитер:

— Да не так. Надпись не на животе должна быть, а на спине. Все наши так носят — чтоб глаза людям не мозолила. Нечего таким украшением гордиться.

Орри, насупясь, стянул надетый уже было свитер, критически посмотрел на вышитый на потертом трикотаже узор. Тот сложился в слова «Театры Барри Стука». Чем-то они показались ему необычными. Он еще раз перечитал надпись.

— Так Карабаса вашего — Рыжую Бороду — зовут Барри? — с интересом осведомился он.

— А ты не знал?

— Может быть, раньше когда-то слышал. Или видел. Но только сейчас сообразил...

Бирим пожал плечами. Для него было совершенно безразлично, зовут ли его прежнего ненавистного хозяина Барри, Эфраимом, Абдуллою или еще как.

— Послушай, — продолжал любопытствовать Орри. — А ты... Или еще кто-нибудь... Вы никогда не слышали про какую-нибудь электронную карточку — такую, которой шеф очень бы уж дорожил? Платиновую...

Бирим фыркнул от столь наивного вопроса:

— Ты что — думаешь, что Рыжая Борода со мной советуется о своих денежных делах? Или вывешивает на всеобщее обозрение свои банковские счета? О таких вещах не болтают, малек!

— Да я так просто... Слышал такое... Вроде легенды — что, мол, есть такой какой-то Барри, а у него — электронная карточка. Только — не банковская. Это — ключ. К какой-то программе. Но тот Барри не знает, куда эту карточку надо вставлять — в какой терминал...

Бирим скосил на Орри глаза:

— Ты это... Ты кого-то про Предсказание, что ли, расспрашивал?

— Нет... — озадаченно протянул Орри.

— Правильно. И не расспрашивай! Тебе — нельзя. Вот что: я про эти азотистые окислы ничего не знаю и знать не хочу... Но вот про поэзию двадцатого века могу тебе рассказать интересные вещи. Это было захватывающее время...

— А про парил... про подрил...

— Про палиндромы?

— Да, про панилдромы — не будешь? — с надеждой спросил Орри

— Не буду, — милостиво согласился Бирим.

— Тогда — давай... — уныло вздохнул Орри. — Если ты говоришь, что интересно... — И обиженно добавил: — Я про эти панилдромы ничего не знаю, но девятью сорок четыре будет триста девяносто шесть! Вот! Я это еще давно заучил...

Выйдя из ворот исправительного заведения, Ким не спешил устремляться к «пульче». И на то были свои причины. Вернувшись с очередной подзарядки, своевольный таункар нашел, что наилучшим местом парковки для него является индивидуальный «спот», отведенный отсутствующему на месте «мерседесу» директора каталажки. Совершенно естественно, что ее ветровое стекло украсила очередная штрафная квитанция, а вокруг нахального механизма похаживал грозного вида страж порядка, явно намеренный провести воспитательную работу с владельцем.

Не подавая виду, что имеет к оконфузившемуся средству передвижения хоть какое-то отношение, Ким прогулочным шагом завернул за угол, потом — за другой и уже оттуда послал «пульче» сигнал вызова. Сообразительный кар торопливо выкатился ему навстречу, далеко опередив запыхавшегося постового, и, приняв хозяина в свое нутро, уверенно, на автопилоте, покатил по направлению к офису агентства «Ким».

Достав из бардачка блок связи, Ким обнаружил в своем «почтовом ящике» умеренных размеров кучу присланных ему сообщений. Немедленного внимания заслуживали, впрочем, только два из них — одно текстовое, а другое — файл видеосеанса.

Текст — несколько строк, зашифрованных кодом Управления расследований, «для подписчиков специнформации» — был отправлен обязательным господином Клецки и извещал Кима о том, что сообщение о возврате беглого андроида Бирима на территорию Колонии было получено полицией вчера ранним утром из кемпинга «У Зеленых чертей» (арендатор К. Ставрос) от «доброжелателя, пожелавшего остаться неизвестным». Поднатужившись, Ким припомнил, где и когда слышал об упомянутых исчадиях ада. Он достал свой регистратор, присоединил его к ноутбуку и вывел на экран изображение листка с посланием Орри.

«...Теперь я встретил Бирима и он паможет мне на время спрятаться. Его тоже все ищут. Деньги и карту у миня украли в кемпинге у зеленых чертей Ставрос и Стук. И запырили миня. Миня им прадали Бэсил и Елен. Но я не знаю точно...» — прочитал он. Потер лоб — призадуматься тут было о чем. Видимо, визита к «Чертям» не избежать.

Видеофайл прибыл прямо с украшения небес Бэ-Ка — одного из монастырей Приюта. Отправителем послания значилась некая «сестра Александра Дин». Чтобы вывести его содержание на дисплей ноутбука, Киму пришлось попотеть — в таком архаичном формате он был записан. Когда же запись «пошла», Киму пришлось испытать порядочное удивление.

На экране перед ним возникло удивительно правильное, даже прямо-таки совершенное девичье личико, которое портила только его почти полная бесцветность и чрезмерно суровое выражение, написанное на нем.

«Господин Яснов! — обратилась девица к Киму. — На правах сестры-секретарши монастыря Кунта-ин-Шая, что на Приюте, я должна поставить вас в известность о том, что при совершенно необычных обстоятельствах во вверенном частично и моим заботам монастыре очутился подросток Оруэлл Нолан. По его словам, вы — единственное лицо, которое способно оказать ему немедленную помощь. Поэтому я решила наряду с его приемным отцом поставить в известность о том положении, в котором он находится, также и вас».

Произнеся столь сложный пассаж, сестра Александра устремила на невидимого ей

собеседника предельно требовательный взгляд.

«У меня, — продолжила она голосом, исполненным подозрения, — вовсе не сложилось впечатления, что Орри — позвольте мне называть его так — предоставлены по месту его постоянного жительства необходимые условия для получения требуемого образования и воспитания. Мальчик, несмотря на хорошие задатки, исключительно недисциплинирован и не проявляет ни малейшего интереса к учебе. Это свидетельствует о том, что ему пришлось долгое время вращаться не в лучшем обществе. Однако, признавая права господина Нолана, как его законного приемного отца, и вас, господин Яснов, как лица, которое он назвал своим доверенным, я призываю вас как можно скорее связаться со мной, с тем чтобы урегулировать вопрос о скорейшем возвращении подростка в лоно семьи».

Там — в глубине экрана — сестра Александра поджала губы и собрала какие-то разложенные на невидимом Киму столе бумаги.

«Мальчик, — сообщила она, снова бросив на камеру строгий взгляд, — пережил большую травму — связанную с аварийной посадкой. Но сейчас он удивительно быстро идет на поправку. Вы можете не беспокоиться — ему обеспечен наилучший уход. Поторопитесь связаться со мной».

Ким потряс головой. Столь неожиданное появление Орри в сотне с небольшим тысяч километров от поверхности Планеты Чуева — в полном соответствии с озарением, посетившим давешнего звенна, — было, что ни говори, приятным сюрпризом. Но послание сестры Александры таило в себе и некий подвох.

Агент открутил запись к началу и снова стал выслушивать укоризненный голос мисс Дин. Ага — вот оно!

«...Поэтому я решила наряду с его приемным отцом поставить в известность...»

— Проклятая дура! — прошептал Ким и вывел на экран информацию об адресации послания. Ну — точно:

«Копия — Нолану Нолану, до востребования, Главный почтамт г. Нью-Чепель, Федерация Свободных Земель».

Принимая во внимание то, что за Скрипачом так же, как и за самим Орри, идет охота с мелким бреднем, рассчитывать на то, что содержание послания сестры Александры останется неизвестным для посторонних глаз, было бы непростительной наивностью. Ким решительно кликнул стрелочкой курсора по украшающей экран кнопке «ответить на послание» и дополнил приказ командой из меню «Режим» — «строго конфиденциально».

«Уважаемая мисс Дин! — быстро настукал он на клавиатуре. — Я прибуду за Орри Ноланом в ближайшее время. Убедительно прошу не допускать к мальчику никаких других лиц, которые будут пытаться установить с ним контакт. Не посылайте никому никаких писем о нем. Отзовите ваше послание с Главного почтамта. Мальчик находится в большой опасности. До встречи. Ким Яснов».

Отправив письмо, он сверился с состоянием своего счета и количеством наличных в бумажнике и, скрипнув зубами, принялся набивать заказ на ближайший рейс до Приюта. Кассы Космотерминала предложили ему на выбор рейс третьим классом, отбывающий завтра в пять утра, или туристическим, завтра же, но уже в полдень. Естественно, что и быстрее и дешевле получалось лететь по первому варианту.

Кончив возиться с заказом, он принялся названивать попеременно то Мохо, то Тризу. Оба, как на грех, то ли вырубил свои мобильники, то ли по каким-то причинам остерегались выходить на связь.

Зато неожиданно, уже подъехав к своему офису, у самой входной двери он узрел дожидавшегося его гостя — там, благодушно рассматривая синие небеса в ожидании, пока ему отопрут, переминался с ноги на ногу Санчо Мурагон.

Ну что ж — как нельзя кстати. Договоренность о встрече в «Кукабарре» следовало отложить. Киму предстояли гораздо более важные дела в других местах. В кемпинге «У Зеленых чертей», например. Ким отворил дверь и кивком пригласил Санчо заходить без лишних церемоний.

— Вот что, — обмахиваясь шляпой, сообщил тот — Нужны тебе файндерские связи? Готово. Поехали.

— И куда же? — осведомился Ким, снова запирая дверь и жестом приглашая Санчо занять место в салоне «пульчинеллы».

— В казино «Белфаст», — добродушно прогудел Санчо, копошась на тесном сиденье, словно курица на насесте. — Есть ТШ такой Гарри Винчестер...

Ну что же — все сходилось. Только вот к добру ли так хорошо сходилось-то?

* * *

Ким привел себя в порядок, уложил свой минимальный дорожный комплект в небольшой — как у школьника, отправляющегося на загородный уик-энд, — рюкзачок и обрядился в дорожную одежду — надежную и удобную куртку и джинсы харурского пошива. Подумав, сунул в отдельный карман рюкзака свой «вальтер», пару обойм к нему и лицензию на ношение оружия. Могло случиться так, что одним газовиком не обойтись.

Возиться с разогревом консервов он не стал, а просто дошел до пиццерии братьев Леонарди и поужинал там на скорую руку. У него осталось еще время на обратном пути заглянуть в лавку-автомат и купить съестного в дорогу.

В офис он уже не стал заходить и направился сразу к «пульче». На этот раз вместо положенной пары штрафных квитанций она обзавелась засунутым под «дворник» пакетом, украшенном торопливой надписью: «Искал вас по всему городу, но не нашел. Улетаю, не повидав лично. Жаль. Г. Г.». Пакет Ким молча сунул во внутренний карман куртки, решив, что с бестолковым «Г. Г.» можно будет разобраться и попозже. Пора было в «Белфаст».

* * *

«Дом Торна» — формально обычная окраинная гостиница — мрачная, смахивающая на средневековый замок руина — был издавна местом встречи лихого народа Бэ-Ка. Перед тем как ввериться в руки своему ненадежному порученцу, мастер Стук несколько минут, не выходя из машины, оглядывал окрестность. На стоянке лишних машин не наблюдалось. Только пара умеренно навороченных джипов, видно принадлежащих сошке поменьше, надумавшей, на ночь глядя, заглянуть к «Торну», украшала ее не слишком живописное пространство. Картинка — типовая. Что, впрочем, ровным счетом ничего не значило.

— Ну как там, Трой? — нервно поинтересовался Барри у поджарого, лысого как колена типа, сидящего по правую руку от него.

Тип держал голову на плечах чуть набекрень — по-птичьи, — чтобы удобнее было

прислушиваться к воткнутому в ухо микрофону.

— Ребята уже заканчивают проверку, — заверил шефа командующий его корпусом телохранителей. — Удивительно, но все вроде чисто.

— Ну, вот и чудесно! — мрачно буркнул Барри и стал с определенным трудом протискиваться в широко распахнутую дверцу своего рыдвана. — Ждите меня, где условлено. Ближко не суйтесь... У Хью обычно разговор ко мне деликатный бывает, да и пуглив он аки голубь...

Пара охранников, стороживших покой неполной дюжины среднего калибра шишек, затеявших в эту ночь встречу в полупустом баре «Дома Торна», встретила Барри с изъявлениями глубочайшего почтения. Такие посетители были здесь, что ни говори, редкостью.

— Хью?.. — небрежно сплюнул через губу Мастер, не обращая ни малейшего внимания на оказываемые ему знаки внимания.

— Мастер Фрогмор ждет вас в третьем кабинете... — шелестящим голосом доверительно сообщил ему подоспевший тут же метрдотель, лично пытаясь принять от почетного клиента его плащ и трость, набалдашник которой мог бы сгодиться в качестве золотовалютного резерва для какой-нибудь средних размеров независимой республики. От плаща Мастер охотно избавился, а трость оставил при себе. Снимать с головы широкополую шляпу клиенту не пришло в голову.

— Великолепно... — мрачно прогудел Барри, ледоколом двигаясь через зал, залитый интимно мерцающим светом скрытых софитов. — Как мило со стороны старины Фрогмора, что он не заставил меня ждать появления его... гм... персоны...

Сопровождающие всем своим видом показали, что ценят юмор великого человека.

— Позаботьтесь о том, чтобы нас не тревожили по пустякам... И...

Мастер задержался у входа в кабинет.

— И подайте нам, скажем, э-э...

— Быть может, Мастер изволит заказать «Шато д'Иф» сорок второго? — искательно предположил метрдотель. — И свежих устриц со льдом?

— Устрицы, это дело... — одобрил его мысль Мастер. — Люблю эту мразь погонять по пищеводу туда-сюда раз этак пятнадцать каждую... А «Шато» ваше — пойло не про меня. Выставь-ка лучше бутыль «бурбона». Мне... А старине Хью сакэ подайте. И подогреть это пойло не забудьте. Его, беднягу, от этой касторки прямо-таки наизнанку выворачивает...

— На десерт, как всегда, горячий шоколад с бисквитами? — невозмутимо прошелестел верный служитель Таробин-Туу — беса ресторанов и забегаловок.

Полная абсурдность заказа именитого клиента ничуть не трогала его. В «Дом Торна» народ собирался не для того, чтобы закусить. И даже не для того, чтобы выпить. Сюда приходили толковать. Такой постановке задачи соответствовал и оказываемый сервис.

— До десерта еще дожить надо... — многообещающе прогудел Мастер и канул в недрах третьего кабинета.

Недра эти содержали в себе высушенного, как мумия, и нервного, словно грешник, ждущий приговора Страшного суда, Хью Фрогмора.

Несмотря на свое полное и всеми в Нью-Чепеле безоговорочно признанное ничтожество и на свой премерзкий нрав, Хью был личностью в Колонии известной, пожалуй, не менее, чем тот же пан Волина или даже сам Рыжая Борода. И — что поразительно — куда как более незаменимой!

В самом деле: сгинь и пропадом пропади сейчас и тот и другой из воротил подпольного бизнеса (а хоть бы и они все!) и на смену им — после короткого периода смятения и междоусобицы — придут точно такие же лихие люди и обеспечат прежний уровень преступности, трафик наркотиков и торговлю андроидами. Словом, не оставят правоохранительные органы без работы и восстановят нормальные условия течения жизни.

Но вот если бы Судьбе вздумалось лишить столицу Конфедерации Свободных Республик Хьюго Фрогмора, нежно прозванного Пугалом, многое в Нью-Чепеле пошло бы наперекосяк, а кое-что и вовсе бы обрушилось со страшным дребезгом.

Формально мастер Фрогмор числился фармацевтом и приторговывал в окраинной и страшно запущенной аптечной лавке разными препаратами сомнительного, как правило, свойства. В основном речь шла о продукции местных знахарей, изготовлявших из здешних трав, насекомых и прочей дряни субстанции, именуемые, в зависимости от состояния левой ноги мастера Фрогмора, то «афрозодиаком», то «элеватором либидо», а то и вовсе «универсальным опорожнителем кишечника». Последнее чаще всего соответствовало действительности — даже, порой, в большей мере, чем того хотели бы пациенты (чтобы не называть их жертвами) почтенного фармацевта.

Аптечный бизнес Хью с шарлатанами от медицины носил, так сказать, обоюдный характер. Мастер Фрогмор не только и не столько торговал их снадобьями (что было делом рискованным и чреватым несоразмерно большими взятками разным проверяющим инстанциям), сколько обеспечивал господ знахарей (а случалось, что и вполне приличных специалистов) различным сырьем из здешних лесов и — главным образом — болот. В частности, довольно часто он нанимал обнищавших андроидов и направлял их форсировать присмотренные участки топи. «Добровольцы» возвращались на сушу, увешанные местными (весьма целебными) пиявками и другими фармакологически интересными паразитами. Собрыв, таким образом, обильный урожай, приносивший ему немалые суммы «на карманные расходы», добродетельный заготовитель фармсырья вознаграждал страдания своих подопечных тарелкой супа, ночлегом в отапливаемых палатках и поутру снова направлял их за очередным уловом.

Но все эти достаточно разнообразные виды деятельности мастера Фрогмора ни в какое сравнение не шли с его способностью доставать для каждого, кто желал заполучить в свое распоряжение что-либо из ряда вон выходящее — начиная от лекарств и кончая произведениями искусства, — именно то, что клиент пожелает. Если клиент не скупился на комиссионные, разумеется. Избегал (и избегал железно) Хью только трех видов товара: оружия, наркоты и андроидов (те, что шли к нему внаем на «болотный бизнес», никогда не поступали на черный рынок рабочей силы). Не то чтобы ему были страшны соответствующие статьи местного и федерального законодательства. Страшны бывали, как правило, люди, которым можно было по неосторожности перебежать дорожку, ступив на тонкий и скользкий лед такого рода бизнеса.

Зато существовал товар, который вознаграждал старину Хью за похвальное воздержание в отношении этих трех аспектов теневого бизнеса. Этим товаром была для него информация. Ею — актуальной и всегда интересной клиентам — он бывал всегда полон до ушей. Куда до него было Тедди Рубинчику, о котором справедливо говорили, что он знает все обо всем, что случилось в славном Нью-Чепеле! Хью знал больше! Он знал о событиях до того, как они должны были приключиться. А иногда знал, вместо чего они приключались. Это делало его фигуру необыкновенно привлекательной даже для таких тузов Нью-Чепеля, каким, вне

всякого сомнения, был Барри Стук.

Фигура эта была сутулой, вечно облаченной в мятый, грязноватый плащ. И венчала ее, фигуру эту, сверху натянутая на уши шляпа, вырванная, судя по всему из собачьего горла. Никто и никогда не мог объяснить ни кому-то другому, ни себе самому, почему по виду Хью Фрогмор — человек, гребущий порой немалые денежки, — был вечно сир и убог. Тем более что никаких видимых пороков за ним не числилось. Не пил он по-черному, наркотиками не баловался и в греховном увлечении прекрасным полом замечен не был. Просто стиль у него был такой. Грязновато-убогий. Всем назло.

Стиль этот заставлял его часто весьма уважаемых партнеров назначать свои конфиденциальные встречи с господином фармацевтом в местах весьма специфических. Таких, как кемпинг «У Зеленых чертей» или «Дом Торна».

Приветствовать Мастера сколь-либо почтительным образом Хью и не подумал. Он был полностью (ну, по крайней мере, по уши) погружен в изучение содержимого стоявшей перед ним тарелки здешней фирменной «целебной похлебки». Над тарелкой возвышались только его оттопыренные хрящеватые уши. Уши эти недовольно шевелились. В ответ на появление Рыжей Бороды Хью только покрутил над головой дымящейся ложкой и озвучил этот жест невнятным похрюкиванием.

Поразить Барри Стука хамством было трудно. Скорее всего — совсем невозможно. Поэтому он обошелся вообще без приветствий. Просто швырнул на стол свою шляпу, чуть было не сверзив на пол софит-ночничок и половину сервировки, этот стол украшавшей. Он уселся в жалобно скрипнувшее под ним кресло, широко расставив ноги, уткнул в пол между ними свою всему Нью-Чепелю известную трость и мрачно прогудел:

— Ну?!

Хью поднял голову от тарелки, нервически облизал узким и отменно длинным языком следы похлебки с губ, подбородка и кончика носа и невнятно пробормотал:

— На один товар, что есть у вас, Мастер, нашелся покупатель. Очень специфический... Но только это надо сделать быстро... Очень быстро.

Барри продолжал мрачно сверлить его взглядом. Не произнося ни слова.

Хью нервно пошевелил ушами и пояснил:

— Речь идет о Рашиде. Он хочет сделать покупку так, чтобы его шеф не знал о сделке.

— Речь идет о Раше, который шестеркой ходит под Вольной? — уточнил Барри.

— Так ведь не о Рашиде же Бубнове, что принимает ставки на ипподроме, — пожал плечами Фрогмор. — Естественно, это тот Раш Каримов, что у пана Джанни в особые доверенных лицах числится. Но тем не менее временами через голову своего шефа обтяпывает неплохой бизнес.

— Не знал об этом... — задумчиво протянул Мастер.

В дверь кабинета деликатно постучали, и в ответ на неопределенного содержания рык Мастера створка сдвинулась в сторону и вкатился сервисный автомат. Понятливое изделие «Таунсенд-Электро» молниеносно разместило на свободном от шляпы пространстве стола заказ. А именно: хрустальное блюдо с местными устрицами на льду, бутылку любимого Мастером «бурбона» с граненым полубокалом и вазочкой с особым льдом с вершин Тату-Гросо. Перед Хью была водружена изысканной формы бутылочка сакэ, завернутая в горячую салфетку и миниатюрный, но емкий керамический стаканчик. Фармацевта перекосило.

— Я бы предпочел... — начал он.

— Ты меня уважаешь? — мрачно спросил Рыжая Борода, наполняя миниатюрную

емкость собеседника дымящимся пойлом.

После чего от души плеснул себе виски, не забыв на треть заполнить полубокал романтически-голубым льдом. Достал из кармана здоровенный складной нож и принялся курочить раковину злосчастливого моллюска.

На лице Фрогмора отразилась целая гамма чувств, передающих разные степени омерзения, но стаканчик отвратительной ему жидкости он-таки проглотил. После чего был с ножа угощен далеко не любимой им устрицей. Природное хамство удивительным образом уживалось в нем с благоприобретенной покорностью сильным мира сего.

— Итак: Раш... — вернулся к начатой теме Барри. — Он хочет провернуть за спиной Джанни какую-то сделку с нами... Это — цугцванг...

— Цу... — что? — потряс головой Хью. Барри налил ему по второй. Сам же лишь отхлебнул немного «бурбона» и взялся за следующую устрицу.

— Цугцванг, иными словами — «вилка», — поморщился он. — Не ожидал, что твоя эрудиция на нулевом уровне! Глотай, однако же...

Потребовалось секунд пятнадцать, чтобы гримаса отвращения сошла с физиономии Хью, снова послушно проглотившего этот гибрид самогона и касторки. В это время Барри втолковывал ему:

— Почувствуй разницу: эту ситуацию можно понимать двумя разными способами. И соответственно совсем по-разному себя вести... Или твой Рашид...

— Ну почему же мой?! — возмутился Фрогмор. И был тут же угощен очередной порцией закуски.

— Или твой Рашид, — не обращая внимания на возмущенные реплики собеседника, продолжил Рыжая Борода, — ставит нам ловушку...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он уперся в переносицу старины Хью тяжелым взглядом.

— Или сильно подставляется сам! Ты понимаешь, что если мы зафиксируем такую закулисную сделку, то Раш — в наших руках до конца дней своих. Ну, или до конца дней пана Джанни... В любом случае это полезно. Но только не в том, где нам предлагают бесплатный сыр в хорошо оборудованной мышеловке...

— Ты держишь меня за дурака? — скорбным голосом поинтересовался Фрогмор, с тоской глядя на то, как третий раз наполняется подогретой гадостью его стаканчик. — По-твоему, я не подстраховался на этот счет? По-твоему, не получил гарантий?

— Ну, так гарантии — на бочку! — грянул ладонью-лопатой по столу владелец Подземных Театров. — И по существу, а не вокруг да около!..

— Да о чем речь, Мастер! — пожал плечами Хью. — Гарантия перед вами сидит и извините за выражение, сакэ г-глотает! По-вашему, я сунул бы голову в петлю, если бы не был уверен, что Раш влез в долги и растратил шефовы денежки? Теперь ищет способ заткнуть дыру в финансах ихней империи... Сейчас под ваш, Мастер, товар ему спускают неплохой кредит. А когда дело выгорит, он еще и при крупном наваре останется.

— Раш? Долги?..

Мастер демонстративно пожал плечами. Фрогмор устремил на него безоблачно честный взгляд своих выцветших глаз. И демонстративно проглотил содержимое стаканчика.

— А вы разве не в курсе, что Раш поигрывает на бирже? — осведомился он, морщась. — Впрочем, вряд ли, кроме меня, он с кем-то делился этим секретом...

— А с тобой — с какой радости?

— Я консультировал хитреца...

— Ага! И, значит, доконсультировался...

Фрогмор оскорбленно скривился:

— Его погубило то, что мои советы не шли ему впрок. Я говорил, что опасно класть все яйца в одну корзину... Так нет же вложил все, что удалось спереть из шефовой казны в дурной «Триангл»...

Мастер криво усмехнулся и отхлебнул еще немного виски. Афера «Триангл-Сити» была все еще притчей во языцех по всей Бэ-Ка, да и по всей Федерации тоже. Давненько строители финансовых пирамид не разоряли столько народу таким примитивным способом. Поистине все новое — это хорошо забытое старое...

— Ну что ж... Если Раш серьезно на мели, грех не помочь человечку... Только вот насчет товара что-то не пойму я...

— Раш намекал на того мальчишку, что вы на пару с Костой, так сказать, усыновили... У него нашелся покупатель, которому это чадо требуется прямо-таки позарез...

Мастер удивленно выкатил глаза и задумчиво позвякал остатками льда в своем бокале. Получалось, что не один он был в курсе последнего Предсказания... Да и что удивительного: не одни мы такие умные... Только вот товар, о котором шла речь, был нужен самому Барри, и уступать его — пусть и по самой дорогой цене — он не собирался. К тому же и товара-то этого у него на руках и не было... Впрочем, почему бы и не поторговаться, чтобы нащупать того самого покупателя, которому собирается сбавить мальчишку проныра Раш.

— Ну, и какие же цены на такой товарец нынче на рынке? — иронически поинтересовался он.

— Рашид уверен, что цена вам понравится... — заверил Мастера Хью, с тревогой наблюдая за процессом нового наполнения своего стакана.

— Ну, так за чем дело стало?

Барри заломил бровь в знак картинного удивления.

— За вашим, Мастер, согласием, — пояснил Хью, давясь проклятым зельем. — За вашим согласием встретиться с ним без свидетелей!

Он принялся с ненавистью разжевывать очередного навязанного ему моллюска так, словно тот был жилистым куском престарелой кобылы.

— Считай, что такое согласие ты получил! Я прихвачу с собой только Троя и двоих его людей. Они не станут болтать лишнего.

Хью скривился сильнее, чем при поглощении подогретого сакэ. Это было трудно, но ему удалось.

— Вы не поняли, мастер, — уныло произнес он, — Рашид хочет встретиться с глазу на глаз. Без всяких свидетелей вообще. Иначе, как говорится, базара не будет...

Мастер Стук выкатил глаза так, словно его собеседник имел наглость испортить воздух. Потом налил себе еще виски, подцепил щипчиками лед и задумчиво позвенел им. Размышления его длились без малого минуты три.

За это время Фрогмор раза четыре промокнул салфеткой выступившие на низком лбу бисеринки пота. Потом в эту салфетку громогласно высморкался. С Мастером он старался глазами не встречаться. И Мастер, занятый мыслительной деятельностью, совершенно напрасно игнорировал эти симптомы.

— Ладно... — задумчиво произнес он и подхватил с блюда очередную устрицу. — Будет, будет базар... Но только... — тут он наконец поднял на Хью тяжелый взгляд и грозно

сверкнул зажатым в руке ножом. — Если ты гарантируешь, что об этом разговоре действительно ни одна живая душа...

Фрогмор изобразил на лице полное понимание своей великой ответственности перед столь значительной персоной.

— Ну так где и когда? — осведомился Барри, выплескивая в стаканчик собеседника остатки сакэ.

— М-можно прямо сейчас, — выдавил Хью, почему-то судорожно оглядываясь по сторонам. — У К-косты... Только надо сменить автомобиль. Ваш уж слишком заметный... Я в-вызову такси...

Он вытащил из недр мятого плаща потертый мобильник и начал было настукивать на панельке номер вызова транспорта.

— Ни шута себе — «с глазу на глаз»!

Мастер грохнул бокатом по столу так, что в физиономию собеседника полетели брызги виски и осколки льда.

— Да Коста — темная лошадка! — голос Барри сделался тверже гранита. — Одно дело, когда в его «Чертях» я встречаюсь с тобой, засранцем, и совсем другое — рандеву с Рашем! Ты хоть соображаешь, что говоришь?!

Судорожно утираясь и облизываясь, Хью как-то машинально залил в себя остатки отравы и поискал глазами — чем бы закусить. Рыжая Борода с мрачной физиономией сунул ему под нос насаженного на кончик ножа ненавистного моллюска.

— Коста тут ни ухом ни рылом... — выдавил он, с трудом проглотив ненавистную закуску. — Он на хорошем крючке у Раша. Да и у меня тоже... Есть за Костой грешки — еще с Трассы. Из-за них ему и здесь не поздоровится. Так что он и не подумает болтать лишнего. Да к тому же он и не будет свидетелем. Предоставит помещение, а сам нос в наши дела совать не станет. Это даже очень хорошо, что он здесь пока — из залетных... Он ведь, пожалуй, не слишком разбирается в здешнем раскладе... А вслепую играть не захочет... А вот за тем, чтобы посторонних не подманить, проследит четко...

Мастер сверлил Хью взглядом. Тот снова ухватился за мобильник и попросил разрешения набрать номер до конца. Выдержав паузу минуты в две-три, Барри мрачно кивнул. Тот тут же достучал последние две-три цифры и загнусавил в микрофон нечто торопливое и убедительное.

— Ну? — грозно уставился на него Мастер.

— Через пару минут будет машина, — заверил его Хью. — Здесь, на Виндж-стрит... Надо только выйти через запасной выход...

Теперь уже Мастер потянул из-за пояса плотно зажатый его объемистым брюхом мобильник и надавил фиксированную кнопку вызова. Хью с тревогой следил за его действиями.

— Трои? — осведомился в трубку Барри. — Вот что: на сегодня можешь быть свободен. И все твои люди тоже... Но только если я...

Хью сделал умоляюще-предупреждающий жест.

— Если до шести утра я не свяжусь с тобой, то...

Он, нахмурился, уставился на Фрогмора.

— Ладно. Одним словом: если я слишком задержусь — подсуетитесь... Нет... Нет... — угрюмо буркнул он в ответ на недоуменное курлыканье трубки. — И — ни-ка-ких хвостов! Сейчас — все свободны. Все!

Он ткнул в кнопку отбоя и не без труда вернул мобильник на прежнее место. Потом решительно отодвинул в сторону початую и все еще на три четверти полную бутылку виски и решительно поднялся из-за стола.

— Счет! — громогласно потребовал он, грянув тростью об пол.

Сервисный автомат, испуганный до полубморочного состояния, подставил клиенту свою панель расчетов с высвеченной на ней суммой. Мини-робот послушно проглотил и тут же вернул Мастеру его кредитную карточку. Тот небрежно сунул ее в жилетный карман и, не оборачиваясь, направился к выходу. Хью поспешил за ним, утираясь очередной салфеткой и болезненно икая.

В зале он опередил Мастера и засеменял впереди, услужливо указывая дорогу к запасному выходу.

* * *

Такси уже ждало их вблизи невзрачной, незаметной издали двери черного хода. Привычная фигура андроида на месте шофера отсутствовала. Это был считающийся в Бэ-Ка роскошью беспилотный кар-автомат. Улица была безлюдна. На стынущем небе Нью-Чепеля в прогалинах между туч подрагивали пронзительно яркие звезды. Мастер мрачно глянул на них и принялся втискиваться в кабину кара. Вслед за ним в салон скользнул беспрерывно икающий Фрогмор.

— Никогда бы не поверил, — буркнул Барри, — что мне доведется выходить из порядочного ресторана через кухню!

— Ради дела приходится порой терпеть э-э... некоторые неудобства... — примирительно промычал Хью, елозя на сиденье.

Перед его носом — на панели управления — зеленоватым светом вспыхнул сенсорный экран приема заказа. Одновременно из динамика голос робота-оператора осведомился о том, куда желают отправиться уважаемые мастера.

Фрогмор не стал давать заказ устно — бог его знает, кто может прослушивать городской эфир. Он принялся тыкать дрожащим пальцем в сенсорный экран, вводя заказ непосредственно в бортовой компьютер кара. Мастер с брезгливой гримасой наблюдал за его занятием.

Компьютер пискнул, свет в салоне стал немного ярче, движок тихо загудел. Кар сноровисто побежал по мокрому от начинающегося дождя асфальту. Мастер откинулся на сиденье и облегченно вздохнул.

И совершенно напрасно.

Тихое шипение заполнило салон. Но не только оно. Еще его наполнил горьковатый запах аэрозольного «вырубателя». Барри только и успел, что грозно выпучить глаза и развернуться в сторону лоящего воздух ртом Фрогмора. Затем он рухнул тому на плечо и через минуту уже спал на этом плече крепким сном новорожденного младенца.

* * *

— Не понимаю, чем вы так недовольны? — ядовито улыбаясь, осведомился пан Вольна

у прикрученного к тяжелому дубовому креслу Стука.

Тот ответил лишь зубовным скрежетом и попытками высвободиться от сковывавших любое его движение веревок. Но те были достаточно прочны, и все потуги владельца Подземных Театров свелись к забавному подпрыгиванию кресла вместе с седоком по полу просторного чердачного чулана. Того самого, в котором пришлось общаться с крысиным воинством Орри Нолану.

— В самом деле, — продолжал пан, — вы же хотели очутиться в «Зеленых чертях»? И вот вы именно там, куда хотели попасть! Хотели поговорить о том мальке, которого словили на пару с Костой? И вот — пожалуйста! Именно о нем и пойдет речь! Правда, переговоры придется вести не с Рашем, а со мною, лично...

Пан Вольна обменялся улыбкой с Рашидом, стоящим подле кресла, в котором он сидел напротив своего пленника.

— Я сверну шею проклятому фармацевтишке! — проревел Стук. — Как я не понял, что он заманивает меня в самую элементарную ловушку! И как я не понял, что машина, которую он вызвал, — такое же такси, как я — балерина!

— Да полно вам волноваться... Не стоит так уж злобиться на старину Хью. У нег просто не было выбора. К тому же вы так напоили беднягу, что он чуть было не отдал богу душу, когда попал под «вырубатель». Из него уйма устриц вышла — мои ребята еле отмыли кар.

Пан извлек из внутреннего кармана пиджака свой футляр с сигарами и принялся выбирать подходящий к случаю экземпляр.

— Не желаете закурить? — осведомился он.

— Заткни свое курево себе в...! — порекомендовал ему Барри.

— Напрасно отказываетесь, Мастер, — пожал плечами пан и принялся раскуривать свою «гавану». — Табачок прямо из Метрополии...

— Ты, скотина, еще не знаешь, во что вляпался! — многообещающе уведомил его Рыжая Борода. — Но скоро поймешь, каких чертей спустил на себя, когда поднял руку на старину Барри! Скоро ты это узнаешь!

— Не теряйте времени, Мастер, — посоветовал ему Вольна. — Кому, как не мне, знать, что почем на этой планете. — И если уж решил нарушить нашу договоренность о невмешательстве, то на это есть веские причины. Очень веские!

— Плевать я хотел на твои причины! — заорал Барри. — Знаю я их! Деньжищи тебе огромные светят! Не знаю от кого, но — светят! Вот ты и прешь на рожон!

— В общем-то ты прав... — признал Вольна, выпуская сигарный дым не то чтобы прямо в физиономию пленника, но и не мимо нее. — Я хорошо, очень хорошо представляю, что после того, как отпущу тебя на волю — а отпустить-таки придется, — ты и твои людишки устройте мне на Бэ-Ка развеселую жизнь. Но только за мальчишку дают столько, что я смогу преспокойно перебраться в более подходящий для моего бизнеса мирок... И преданных мне человечков, — он глянул на Рашида хоть и искоса, но со значением, — с собой прихватить. А вот вы, Мастер, малька продать не сумеете. Вам он для чего-то другого сдался... Не знаю для чего, но для другого... Так что, может, перейдем к делу?

— Перейдем, — с неожиданным спокойствием согласился Барри. — Что тебе, собственно, от меня надо? Если ты успел и с Костой спеться, то должен лучше меня знать, что удрал малек. Ноги сделал. Тягу дал! Так что почему б тебе самому его не поискать — днем с огнем? Так сказать, на досуге?

Волына поморщился:

— Насчет того, чтобы самому шкета этого поискать, — это уж моя печаль... Только вот ваши людишки за ним тоже охотятся. Те самые, что к Косте его затащили. И сдаётся мне, что шансы у них неплохие. Что-то они про него знают. Какой-то подход к нему имеют... Но двое — это мало. Вы, Мастер, теперь заинтересованы в том, чтобы всю свою команду на поиски малька бросить. Самым живейшим образом заинтересованы...

— Где гарантии того, что как только мальчишка окажется у тебя в руках...

— Через сутки. Ровно через сутки после того, Мастер. Мне, простите, еще время требуется, чтобы ноги унести...

Мастер нахмурился и после минутного размышления решительно отрубил:

— Я настаиваю на своей доле в твоей затее!

Волына снова скривился:

— Послушайте, вы не в том положении, Мастер, чтоб еще и торговаться...

Барри уставился на него тяжелым взглядом:

— Сейчас — не в том. А вот как выпустишь ты меня, положение круто изменится. В другой мирок, говоришь, убраться хочешь. Так ведь у старины Барри руки длинные... В любом мирке трястись будешь до конца жизни! А возьмешь в долю — так плюну я на тебя и не стану время гробить на отмщения всякие. Как, по-твоему, стоят твои нервы четверти от того бабла, что ты срубить хочешь?

Волына призадумался:

— Четверти, не четверти, а вот десяти процентов, пожалуй...

— Сойдемся на двадцати! — отрубил Барри. Волына вздохнул:

— По рукам... Сейчас ты своим людям звякнешь, чтобы не вибрировали. И за дело поскорей брались.

— Тогда развязывай! Я уж постараюсь шею тебе не свернуть. И вообще, без фокусов обойдусь...

— Сначала — только правую ручку. Чтоб трубку держать мог. А потом уж ты сам справишься... Под замком сидючи. Ращ, займись...

Барри только нервно дернул щекой:

— Ладно. Давай мобильник!

— Вот, прокрутите-ка эту запись, шеф...

Раш протянул пану Больше карточку-дискету:

— Это от Майка. Перехват сообщения, поступившего на номер Яснова. С Приюта Очень любопытное. Можете считать, что мальчишка у нас в кармане. Все, как говорится, в ажуре!

Пан придвинул к себе выполненный под мрамор терминал и сунул карточку в щель. Выслушав требовательный голосок сестры Александры и пробежав глазами текстовку ответного послания Кима, он недоуменно воззрился на своего помощника.

— Похоже, этот малый как-то вышел-таки на малька... Но... Это сильно похоже на двойную игру... Почему он немедленно не поставил в известность меня? Почему он внушает этой бабе, что малек в опасности?

Раш пожал плечами:

— Все может быть, шеф. Может, этот тип и мудрит. А может, просто не хочет, чтобы мы его кинули... Ведь если мы будем знать, где спрятался мальчишка, то уже вполне сможем обойтись и без всяких Ясных с их агентствами. А мы теперь и впрямь знаем это...

Вольна откинулся в кресле, и на лице у него означилось некоторое удовлетворение умственными способностями подчиненного.

— И мы ведь именно так и поступим, Раш? Ведь именно так?

* * *

Каманера позволила Бэзилу пригласить ее на поздний ужин в «Крик павлина». Видимо, Бэзил уже успел навести справки и выбрал для почти полуночной трапезы кафе с претензией на место средоточия здешней интеллектуальной тусовки. Владельцы кафе, конечно, либо обладали весьма своеобразным чувством юмора, либо о павлинах имели весьма слабое представление, а уж об их криках — вообще никакого. Диковинную птицу из Метрополии сюда пока что никто завезти не сподобился. Но народ сведущий воспринимал «Крик» с надлежащей иронией, остальным же было до лампочки, как там орут в иных Мирах эти экзотические твари (предположительно все-таки — дивными голосами), и кафе пользовалось достаточной популярностью.

Вид у обоих партнеров по поискам был кислый. Бэзил рассеянно помешивал свой аперитив пластмассовой имитацией павлиньего пера и рассматривал радужные узоры на прихотливо изгибающихся стенах заведения. Встретаться взглядом с Элен он явно избегал. Что до Каманеры, то она бросила паевой аперитив только один полный отвращения взгляд и отодвинула его в сторону с таким видом, словно это был, по крайней мере, настой цикуты. Вид у нее был сосредоточенный и слегка отрешенный.

Андроид-официант, подав аперитив, дождался, когда оба клиента обратят внимание на роскошно изданные экземпляры меню, и вновь возник вроде бы из ничего за правым плечом Бэзила. Каманера небрежно махнула рукой спутнику, давая ему «карт-бланш» на выбор вечерней снеди.

Бэзил принялся не столько словами, сколько жестами, телодвижениями и выразительными взглядами объяснять андроиду смысл своего довольно сложного заказа. Расстройство, в котором он пребывал, вовсе не лишило его аппетита. Официант принял заказ со стоическим терпением и рысью убыл его исполнять. Тем временем на маленькой эстраде в центре небольшого в общем-то зала начало разворачиваться некое голографическое действо, призванное обозначить очередной этап развития местного «синтетического искусства». После трех-четырех секунд созерцания происходящего Бэзил демонстративно развернул свое кресло спиной к эстраде и в дальнейшем не обращал на него ни малейшего внимания.

— О господи! — вздохнул он. — Этот провинциализм!..

— Может быть, перейдем к делу, Бэз? — неприязненным тоном осведомилась Элен, наблюдая, как андроид, обряженный в затейливый кафтан, сервирует стол, расставляя на нем нечто аппетитно дымящееся и наполняя хрусталь высоких бокалов вином из графина тяжелого резного стекла.

— Я, собственно, хотел тебе предоставить первое слово... — несколько неопределенно промямлил Бэзил, опрокидывая в себя наконец аперитив. — У меня дела обстоят довольно сложно...

— Я не сомневаюсь, что ты не терял времени на то, чтобы подзапутать наши дела... — вздохнула Элен, рассматривая происходящее на эстраде через янтарную толщу вина в бокале, поднятом на уровень задумчиво прищуренных глаз. — Ты это умеешь... Ну что ж... Начнем с меня.

Она пригубила бокал и заломила бровь, оставшись, видимо, не совсем довольна его содержимым.

— Этого Яснова я вычислила довольно легко... Агентство «Ким». Типичная контора частного сыскаря. О постоянной клиентуре и речи нет. Неудивительно, что он даже за дела нашего малька взялся. А уж за мой заказ схватился обеими руками...

— Пронырливый тип? — с видимым равнодушием поинтересовался Бэзил.

— Да нет...

Каманера пожалала плечами:

— Довольно симпатичный парень. И не из дураков, видно. Но очень настороженный какой-то... Так или иначе, заказ мой он выполнит. А значит и на малька нас выведет.

— То есть как это — выведет?

Бэзил чуть не подавился нежнейшим суфле:

— Ты что? Так ему и поручила — найти Орри Нолана?!

— Может быть, моя физиономия интеллектом и не обезображена, — сухо заметила Элен, — но в черепной коробке у меня порядок. Если, конечно, дело происходит не в полнолуние... Я заключила с мастером Ясновым контракт на поиски андроида Бирима. Думаю, что он не имеет ни малейшего представления о том, что, разыскивая Бирима, он тем самым найдет нам и Орри...

Бэзил недовольно поморщился и осушил свой бокал.

— Этот тип может быть гораздо более осведомлен о деле, чем ты полагаешь, дорогая... Впрочем, это, судя по всему, уже не так важно. Я, кажется, точно знаю, где сейчас скрывается малек.

Каманера удивленно приподняла брови:

— Тогда уж, будь добр, поделись со мною — простушкой — своими соображениями...

— Ну что же, — Бэзил откинулся в кресле и с чувством видимого превосходства неторопливо закинул ногу на ногу. — Все дело в связях, моя дорогая. В связях...

Он снова наполнил бокал.

Элен нервно отхлебнула свое вино.

— Не понимаю, Бэз, какие связи могут быть у тебя здесь?

— Довольно неожиданные, дорогая Элен...

Бэзил явно наслаждался своим успехом.

— Довольно неожиданные... Понимаешь, дорогая Элен... Этого самого Триза я нашел без труда. Представился ему как Луиджи Брателли. Как ты помнишь, это мой сценический псевдоним. Наплел ему всякого. Ну, что-то вроде того, что я — пианист-виртуоз — хотел бы организовать благотворительный концерт в пользу этого их Храма Единения. А также выразить сочувствие мастеру Нолану, который получил ранения от неизвестных злодеев. Вот тут-то господин Триз и выдал первую порцию полезной информации. «Неизвестных? — говорит. — Очень даже известных!» И посвятил меня в дела некоего пана Волыны по кличке Рыло. Этот тип, как говорится, «крышует» половину игорных заведений в этой, так сказать, столице. Мерзок по природе, и, кроме того, у него какой-то зуб на Скрипача. Это у Нолана прозвище такое...

— Волына?

Элен дернула плечом:

— Новое для меня лицо...

— Вот видишь. Но это не суть важно, дорогая. Важно то, что с этого места мне удалось в разговоре съехать на тему об Орри. Так, упомянуть о том, что не сделали ли бандиты чего плохого сынишке Скрипача... Тут мастер Триз резко замкнулся, но дал понять, что, наверное, еще нет. Потому что ищут этого малька повсюду, как говорится, днем с огнем. Зачем, по его словам, — неизвестно. Может быть, чтобы шантажировать старика...

Бэзил покрутил в пальцах полупустой бокал:

— Ну, в общем, откровенничать со мной на эти темы он не стал. Обещал посодействовать по части устройства концерта. И, сам того не поняв, наколочку дал. В том смысле, что перечислил места, куда мне не следует обращаться на предмет аренды зала для этого самого концерта. Ну, и всего такого. Чтобы не нарваться на людей Волыны. Я, естественно, сразу туда и двинул.

Элен снова удивленно заломила бровь:

— Не ожидала, что ты такой рискованный тип, Бэз...

Бэз украсил свою физиономию горделивой улыбкой:

— Как-никак надо отрабатывать денежки Мастера. Ну, и еще — хоть немного доверять своей интуиции.

Он выразительно постукал кончиком указательного пальца по правой ноздре своего — достойного любой из книг рекордов — носа. Очевидно, Бэз полагал, что именно этот орган служит вместилищем многих его качеств. И интуиции — тоже.

— Я еще и легендочку, соответствующую под этот свой визит, пристроил, — все с тем же непробиваемым самодовольством уточнил Бэзил. — Будто я собираюсь открыть здесь небольшой салон. И заранее хочу подстраховаться... В том смысле, что прошу ясновельможного пана подержать надо мной крышу... Пришлось, конечно, чуть ли не весь день потратить на то, чтобы выйти на штаб-квартиру этого господина.

Он пригубил вино, закусил источавшим дивный запах ломтиком ветчины и рассеянно

щелкнул пальцами.

— Но, знаешь, что касается легенды, то этого не потребовалось. Когда я заявился в «Пирамиду», а это, как я понял, у пана нечто вроде офиса...

— Господи! — поразились Элен. — Это же, если у меня не отшибло память, похоронная контора!

— Да, — с кривой усмешкой подтвердил Бэзил. — Фирма по оказанию ритуальных услуг. У здешних мафиози — весьма своеобразное чувство юмора. Но не в нем дело. Не в юморе господ рэкетиров...

Он снова горделиво уставился на Элен.

— Не тяни кота за хвост, Бэз! — раздраженно подтолкнула она замерший было маховик рассказа своего партнера.

— Дело в том, что первым, на кого я наткнулся в этом скорбном месте, был Чарли Буч. Собственно, никого другого там и не было. А Чарли — мой старый приятель, еще по Океании. Он чуть не погорел там и вот — перебрался в здешнюю глухомань. Теперь ходит в шестерках у этого самого Рыла. И сдается мне, что не очень доволен такой ролью...

— Гм... У тебя в любом закоулке Галактики найдется какое-нибудь полезное знакомство.

Каманера решительно поставила бокал на стол и, сложив руки на груди, вперилась в физиономию собеседника.

— Ты его, понятное дело, раскрутил на откровенность?

— Х-хе! — Бэзил только пожал плечами, показывая, что уж это-то само собой разумеется. — Его и раскручивать не пришлось! Он тут же запер свою богадельню и потащил меня в ближайшую забегаловку — обозначить нашу встречу. И обозначили мы ее, надо сказать, основательно. Благо у Чарли там неограниченный кредит. Язык у него развязался почти мгновенно. Неприятности на Чарли обрушились. Так что он просто жаждал излить душу.

— И ты, конечно, оказался благодарным слушателем?

— Собственно говоря, единственным. Он сейчас не в чести у шефа, а раз так, то и вся их братия смотрит на беднягу косо.

— И чем же бедняга провинился перед этим Рылом?

— Как я понял — на днях подстрелил кого-то из своих. Слава богу — не насмерть. И не намеренно. Иначе ему бы просто свернули шею. Он мне всю голову продолбил: все поносил каких-то звеннов и какого-то Генри. Звеннов за то, что они ему «глаза отводили», а Генри за то, что тот не вовремя подставил свою э-э... корму ему под пулю...

— Если они занимались стрельбой в Лесу... — Элен изумленно всплеснула руками, — то они — не просто идиоты. Я и слова-то не найду, чтобы такую дурь как-то назвать...

— Бог с ней, с их дурью! Главное, Чарли, помимо того что схлопотал за свой подвиг по физиономии, был еще и наказан. Его отстранили от дела. Оставили за дежурного. Все остальные чуть ли не в полном составе готовятся убить на Приют. Ближайшим рейсом. А то и отдельный кораблик арендуют. И знаешь, какое у них там — на Приюте этом — дело?

Каманера напряженно выпрямилась:

— Кажется, догадываюсь...

— Да-да. Это именно то, что ты подумала. Чарли... — без всякого нажима с моей стороны — брякнул, что они отправляются туда «выковыривать проклятого Ноланова приемша». Так открытым текстом и выдал. За малька обещаны сумасшедшие деньги. Вот

так! Чарли больше всего огорчало, что в долю его решили не брать.

Элен вскочила с кресла и с такой силой треснула кулачком по столу, что расставленная на нем снедь чуть не вылетела из тарелок.

— Какого же черта!? Чего ради ты здесь прохлаждаешься, вместо того чтобы тут же трясти Мастера за его рыжую бороду на предмет срочной нашей отправки на перехват?!

Бэзил пожал плечами:

— А почему ты думаешь, что я этого не сделал? Просто наш уважаемый работодатель убыл на какое-то сверхсекретное рандеву. А без него тот чертов идиот, что сидит у Стука на блоке связи, никаких действий предпринимать не может. По-моему, он решил, что мы задумали таким манером смыться.

— Почему же ты не связался сразу же со мной?! А впрочем, понятно!

Элен безнадежно махнула рукой. Бэзил, посетив логово здешней мафии, израсходовал весь запас своей храбрости года на полтора вперед. А перспектива встретиться с бандитами в тесноватых куполах и подземельях Приюта его явно не прельщала. Отчего он и стал столь нетороплив.

— Хотела бы я знать...

Элен стиснула виски, словно пытаясь удержать стремительно разбегающиеся мысли:

— Хотела бы я знать, как они вычислили малька! У них что — свой человек на Приюте?

— Все проще. Они прослушивали канал связи какого-то детектива, который для них искал малька. И перехватили его разговор с Приютом. Кажется, с какой-то из старших сестер. Она требовала, чтобы сыскарь этот немедленно прилетел за мальчишкой.

— Так почему бы им просто не подождать, пока этот тип... О, боже! Я, кажется, знаю, о ком идет речь!

— У меня тоже мелькнула мысль, что это тот самый Ким Яснов. Он, верно, как-то сумел втереться к мальку в доверие...

— Так почему бы им не подождать, пока Яснов не доставит им мальчишку в целости и сохранности, и не устроить им на Космотерминале встречу с цветами?

— Думаю, что они подозревают парня в двойной игре. Он мог вычислить главного покупателя и может, например, выйти на него напрямую, а пана «кинуть»...

— Гм... Он не произвел на меня впечатления прохвоста...

— Вот что!..

Каманера решительно вытащила из притороченной к поясу сумки свой мобильник:

— Надо предупредить их там... Ч-черт! У меня в аппарате только номер этой ученой дуры — сестры Дин!

— Это чревато... Волына поймет, что произошла утечка, и начнет трясти как следует Чарли. А этот баран сдаст ему нас...

— Не нас, а тебя, дорогой... Впрочем, это не важно. Говоришь, этот твой Чарли изрядно поднабрался? Ну что же. Где у нас «Пирамида», я еще не забыла... Надо будет по дороге прикупить спиртного по его вкусу. Так что никого из нас он Больше не сольет...

Глаза у Бэзила побелели и потихоньку полезли на лоб.

— Ты... Ты — что? Хочешь его?.. Того?..

— Не вибрируй, дорогой. Я это дерьмо и щепочкой трогать не буду... Просто на пару-другую суток ему явно прописан обет молчания... Хотя... В любом случае нам придется уносить отсюда ноги, как только мы справимся со всем тем дерьмом, в которое впутались по твоей, кстати сказать, милости!

Бэзил опасливо покосился на свою непредсказуемую подругу, ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу ставшего вдруг ужасно тесным воротничка. Он справился, однако, с эмоциями и изобразил на лице ядовитую усмешку.

— Беседы со следователями на Харуре тебе стали уже больше по душе? Я ведь порядочно рисковал, когда вытягивал тебя оттуда...

Каманера не успела парировать этот упрек. Мобильник тихонько заверещал в ее руке.

* * *

Разговор не занял много времени. Бросив в трубку несколько односложных «да» и «нет» и закончив словами: «"Крик павлина", ждем...», Элен нервно помахала в воздухе электронной кредиткой. Ей несколько секунд не удавалось упрятать мобильник в фирменную сумочку. За это время за ее плечом материализовался окафтаненный андроид с мини-терминалом в руках.

— Вы покидаете нас так быстро, мэм? — осведомился он, наблюдая за тем, как мэм не может попасть нужным торцом карточки в щель терминала. — Позвольте вам помочь?

Элен позволила и решительно зашагала к выходу. Бэзил окинул полным скорби взглядом почти нетронутый ужин и только лишь початый графин прекрасного, надо сказать, местного вина и поспешил следом за явно обозленной подругой.

* * *

— У них там фигня какая-то приключилась, — глухо сказала Элен.

Ночной ветер доставал ее даже под громадным козырьком-навесом, пронимал до костей и заставлял зябко ежиться.

— В общем, им приспичило нас к ноге вызвать. Кар пришлют минут через пять-шесть...

— Ты говорила с самим Стуком? — поинтересовался Бэзил, поднимая воротник пиджака. — Господи, сколько бы я дал сейчас за пачку сигарет! Да и ты тоже, я думаю. Проклятая планета некурящих...

Элен, морщась, помотала головой. То ли отказываясь от мысли о куреве, то ли в ответ на ранее заданный вопрос.

— Нет, это был кто-то из его людей. Назвал пароль. Но... Судя по всему, он расстроен. Очень расстроен...

Бэзил сгорбился и стал вконец печален и хмур.

— Не нравится мне все это... — констатировал он. — Ух как не нравится...

Элен не удостоила его ответом, и последующие пять-шесть минут длилось молчание, пока из дождливого мрака не появился ярко-красный «феррари-торпедо», из которого им энергично махал рукой импозантного вида тип в напыленных на нос, несмотря на ночную темень, черных очках.

* * *

Казино «Белфаст», приютившееся в самом сердце тех кварталов славного Нью-Чепеля, что в старину считались ирландскими, не было знаменито решительно ничем, кроме самого факта своего существования. Здесь не случилось исторических разборок между светилами преступного мира. Никто ни разу не срывал здесь рекордного банка. Никто не стрелялся прилюдно, разорившись в пух и прах. В общем, тут было скучно.

Само собой, при основном заведении процветала куча мелких заведений-прилипал, начиная от службы предсказания будущего и кончая заурядной виртуалкой (только немного более «крутой», чем то позволяли соответствующие законы Бэ-Ка — весьма либеральные, надо сказать, законы). Все это великолепие обслуживал в общем-то один на все про все роскошный сервер на волоконной фотоэлектронике. Хоть и местной сборки, зато всегда предпоследнего поколения. Сервер, в свою очередь, регулярно обслуживал и всегда вовремя апгрейдил Гарри Мумен по кличке Винчестер.

На осторожные вопросы о происхождении столь огнестрельной клички Гарри регулярно объяснял любопытствующим, что прозвище свое получил в честь какой-то детали, применявшейся в компьютерах еще во времена, предшествовавшие имперской эре. Врал, должно быть.

В отличие от большинства лиц, подозреваемых в хакерстве — публики довольно неопрятной, — Гарри был франтоват, щеголял в клубных пиджаках с гербами на нагрудных карманах и золочеными пуговицами, в светлых фланелевых брюках и рубашках в мелкую полоску с отложным воротником. В общем, смахивал больше на яхтсмена, чем на компьютерного маньяка. Впрочем, каждый, пообщавшийся с Винчестером больше пяти минут, быстро приходил к выводу, что внешность обманчива.

Когда Гарри находился «у себя» в небольшом подвальчике рядом с помещением охранной службы казино, там, бывало, собиралась довольно разношерстная компания. Сначала — довольно давно уже — на компанию эту смотрели косо. Хозяева «Белфаста» имели все основания с подозрением относиться к любому, кто слишком часто отирается вокруг казино. Но со временем, поняв, что компанию Винчестера составляют такие же, как он сам, слегка двинутые на компьютерах психи, администрация казино перестала пенять Гарри на его знакомства. Тем более что над самим Гарри витал хорошо ощутимый дух хакерства, а с хакерами игорные заведения Колонии предпочитали дружить. Обозленный хакер всегда способен на какую-нибудь гадость, которая надолго отведит от заведения солидную публику, а дружественно настроенный может оказаться даже весьма полезен — эту истину в Бэ-Ка знали все.

Обслуживал «Белфаст» Гарри по вторникам и четвергам. Иногда — за сверхурочные — подрабатывал в воскресные дни. Так что в эту среду застал его Санчо на месте совершенно случайно. Но если для Мурагона эта случайность была счастливой, то Винчестер ее таковой вовсе не считал.

По крайней мере, охраннику, который услужливо проводил Санчо к нему в подвальчик, он всем своим видом выразил крайнее неудовольствие. Тому это было, впрочем, совершенно безразлично — купюра, полученная им от щедрого посетителя, вполне нейтрализовала понесенный им моральный ущерб.

— Слушайте, мастер, — воззрился на Санчо рослый франт с волосами, забранными на затылке в косичку. — Да вы действительно имеете честь видеть перед собой Гарри Мумена. Но только Гарри Мумен забежал сюда на пару минут — захватить кое-какие распечатки, принять кофейку и удалиться как можно скорее и в нужном ему направлении...

— Я и не собираюсь вас надолго задерживать, мастер, — добродушно пожал плечами Санчо. — Что же касается кофейку, то чем хлебать второпях растворимую дрянь, не лучше ли нам подняться в бар этажом выше и там за чашечкой-другой «мокко» обсудить одно маленькое дельце... А неотложные дела, мастер... Они ведь не перестанут быть неотложными, если их отложить минут на десять-двадцать?

Гарри все еще пытался осмыслить сказанное, а Санчо уже подхватил его под локоток и увлек прочь от клавиатур и дисплеев в коридорчик, ведущий прочь из служебных помещений «Белфаста».

— Только на десять минут, — буркнул Винчестер, запирая дверь своего логова на архаичный замок с металлическим ключом. — И кофе — за ваш счет! Учтите: будете грузить меня всякой лабудой, пеняйте на себя...

— Да какая уж там лабуда!

Санчо расплылся в улыбке, по-детски непосредственной.

— Дело — денежное. Сами срубите сотню-другую баксов и мне — грешному — перепадет полтинничек-другой...

— Это вы называете денежным делом? — поднял бровь Гарри, усаживаясь за угловой столик пустынного по утреннему времени бара.

— Так ведь баксы — федеральная зелень... — улыбнулся Санчо.

— Так ведь здешние фантики за баксы никто и не имеет, — пожал плечами Винчестер.

Улыбка Санчо стала и вовсе радужной.

— Так ведь и дела — всего ничего...

— Валяй! — мрачноватым тоном согласился с предложенным раскладом хакер. — В твоём распоряжении три минуты.

Санчо отхлебнул кофе. И тоже перешел на «ты».

— Если ты удержишься в «Белфасте» минут этак на двадцать-тридцать, то к тебе подвалит один интересный сыскарь, — неторопливо начал он и тут же жестом остановил взъерепенившегося было Винчестера. — Нет, не от копов. Агент на Контракте. Его можешь не бояться.

— А кто тебе сказал, что Гарри Мумен кого-то боится? — пожал плечами Гарри. — Просто я не люблю не только копов, но и все копоподобное... У этого типа будет ко мне заказ? Или как?

— У него к тебе вопрос будет... Только и всего. Его интересует последнее Предсказание. Как видишь, дел всего на грош, а навар — какой-никакой — будет.

Гарри поморщился.

— Дел тут будет года на три условного. За распространение... Тем более в корыстных целях. Так что этот твой сыскарь может идти себе лесом.

Санчо благодушно отмахнулся от слов Винчестера.

— Он не станет закладывать тебя. Это я тебе гарантирую...

— О, да... — поморщился Гарри. — Принимая во внимание, что я с вами, мастер, знаком всего минут пять, то гарантия ваша — еще, как говорится, та...

Улыбка Санчо стала лучезарнее.

— Ну, может, ты меня и плоховато знаешь, парень... И гарантия моя для тебя — пустой звук... А что ты скажешь про гарантию от Джанни Волены? Могу устроить вам с ним разговор...

Винчестер быстро заморгал, прикидывая что-то в уме. Потом равнодушно махнул рукой.

— Не пойму я вас... В какие-то непонятки вы меня тянете. Ну да ладно. Я не пойму только, почему бы этому типу не подвалить ко мне сразу? С наличными. К чему эта вот китайская церемония. Парламентария он, понимаешь, прислал...

Санчо огорчился непонятливостью собеседника.

— Дело в том, — ласково объяснил он, — что мастеру Яснову, а зовут того сыскаря именно так: Ким Яснов, так вот, мастеру Яснову надо знать, о чем сказано в этом вашем гребаном Предсказании. А мне надо знать другое. Мне надо знать, зачем мастеру Яснову нужно это Предсказание. Только и всего. Всего и только... Собственно, за это и будут денежки плачены. Ни за что другое...

— И с этим вопросом вы, мастер, пришли ко мне? Не проще ли спросить об этом у самого господина Яснова?

Санчо рассмеялся весело и добродушно — давая, однако, собеседнику понять, что тот задал уж и вовсе дурацкий вопрос.

— Вряд ли он станет распространяться на эту тему со мной... А у вас, Гарри, есть возможность его раскрутить... Ну скажите, что просто так этот ваш секрет не продаете. Что можете его доверить лишь тому, чьи помыслы чисты. Ну и все такое в этом духе... А потом я зайду к вам и вы поделитесь со мной вашим мнением о том, какие цели преследует этот парень...

Физиономия Винчестера как-то потускнела. Он слегка отодвинул от себя недопитый кофе и промокнул губы салфеткой.

— Мне кажется, мастер... — произнес он без всякого выражения. — Мне кажется, что вы мне сватаете дельце, которое дурно пахнет. Просто воняет, сказал бы я...

Санчо был слегка обескуражен. Он задумчиво поскреб плохо выбритый подбородок.

— Послушайте, мастер, — рассудительно предположил он, — ведь если бы я подкатился к вам с заказом на взлом какой-нибудь сети или чего-то там в этом роде, ваше обоняние не стало бы мешать вашему бизнесу? Не так ли? Так почему же сейчас, когда я прошу вас взломать маленький файл — только не в памяти компьютера, а в голове обычного частного детектива, вы вдруг становитесь так щепетильны?

— Да потому, — ответствовал неприятным голосом Гарри, — что вы, мастер, из меня дурака делаете. За паршивые двести баксов, которые к тому же и не вы сами мне платите, я вам стучать должен. Причем как раз на того мужика, который денежки и выкладывает. Вы, мастер, я вижу — большой умелец на чужом горбу в рай въезжать...

— Гм...

Санчо снова поскреб подбородок.

— Вообще говоря, это ж ведь я тебе клиента сватаю, — хмуро заметил он. — Но резон в твоих словах, парень, есть. Я согласен, за разговор с агентом ты честно получаешь две сотни баксов, а потом за пару минут беседы со стариной Санчо — кстати, разреши представиться, меня Санчо Мурагоном кличут — вторые две сотни. Могу вперед отмусолить...

Гарри снова пододвинул чашечку к себе и коршуном навис над ней.

— Я, господин Мурагон, не спешу получать деньги вперед за работу, которую, может, и раздумаю делать. Так что не торопитесь расставаться с баксами. А агент этот ваш пускай поторопится. Я буду ждать его в «Белфасте» не больше часа. А потом вы сможете застать меня в «Ланцелоте». Всю вторую половину дня. Это охранная фирма. Находится...

— Я знаю, где она находится, — заверил его Мурагон.

— Вот и чудесно, — хмуро улыбнулся Гарри. — Вызовите меня из вестибюля, и я к вам

выйду на пару минут.

Он залпом допил остатки кофе и начал подниматься из-за стойки.

— Ну, — вздохнул Санчо, — тогда у меня остается только одна небольшая к тебе просьба. Личная, так сказать...

— Ну?.. — мрачно уставился на него Гарри.

— Мастер Яснов не должен ничего знать о том, что Санчо Мурагон когда-либо встречался с Гарри Муменом. А тем более — о том, что они о чем-то договорились между собой...

— Само собой разумеется, — пожал плечами Гарри. Он жестом пресек поползновение Санчо позвать бармена-андроида.

— И не надо платить за мой кофе. И за свой тоже. Считайте, мастер, что я вас угостил. А у меня здесь кредит лет на двести вперед...

Вообще говоря, с Кимом Санчо удачно разминулся. И разминулся лишь чудом. Тот появился в «Белфасте» раньше, чем предполагал Мурагон, и какая-то добрая душа, заметившая Винчестера в кафе, адресовала Агента именно туда. Если бы он вошел в зал не через внутреннюю дверь, то непременно столкнулся бы с Мурагоном в дверях, ведущих в обширный вестибюль игорного заведения.

Узнав припаркованную на стоянке казино «пульчинеллу», Санчо перекрестился и сразу стал как-то незаметен. Такой незаметной тенью он и шмыгнул в замеченный аккурат напротив стоянки пивной бар. Бар оказался не из лучших. Во всяком случае, судя по числу посетителей — не процветал. Санчо везло на такие вот питейные заведения, которые в точности как его излюбленная «Последняя инстанция» и помирать не умирают, но и выздоравливать вовсе не намерены. Впрочем, безлюдье было на руку Санчо. Он без помех занял позицию за столиком с хорошим видом как на стоянку, так и на выход из казино и, вооружась кружкой «Пенистого особого», принялся выжидать появления Агента.

* * *

Что до Кима, то у него не возникло особых проблем с распознаванием Винчестера, описание и изображения этой колоритной личности содержались в тех досье, к которым он теперь имел доступ стараниями господ Баррона и Клецки. Да и добрая душа, отпасовавшая его в кафе, тоже довольно доходчиво объяснила ему, что речь идет о «фраере в белых штанах, с хвостиком на затылке и в синем пиджаке с золотым „крабом“ на нагрудном кармане». Личность, полностью соответствующая этому описанию, как раз собиралась покинуть зал и чуть не столкнулась с Кимом на пути к служебному входу.

— Извините, — торопливо остановил Ким Винчестера. — Если не ошибаюсь, вы — Гарри Мумен?

Гарри пожал плечами и заверил Агента, что при крещении был наречен именно так.

— У вас, мастер, ко мне заказ? — осведомился он. — Или просто консультация?

— Скорее консультация, — определил род ожидаемой от собеседника услуги Агент. — Но для начала разрешите угостить вас чашечкой кофе. Или вы предпочитаете другие напитки?

— Здесь угощаю только я, — отрезал Гарри. — И кофе я уже сыт по горло. И вообще, для серьезного разговора пройдемте в серьезное место, мастер. В мой чулан. Там хорошая

защита от прослушки. Нечего нам здесь торчать посреди зала пугачами огородными.

В «чулане» Винчестера — некоем гибриде офиса и мастерской — хозяин небрежным кивком предложил гостю присаживаться в продавленное кресло, а сам, насвистывая что-то маломузыкальное, принялся копать на столе, заваленном всякой околокомпьютерной всячиной. Казалось, он полностью утратил интерес к Агенту. Ким понял, что ход «e2 — e4» предстоит сделать ему. И решил сразу перейти к сути дела.

— Меня к вам адресовали, — начал он, — как к человеку который может меня ознакомить с содержанием последнего Предсказания Хакеров...

— Вас адресовали... — промычал Гарри, не оборачиваясь. — Кого «вас» — извините за любопытство? С кем имею честь? И кто адресовал?

— Вот мое удостоверение... — Ким протянул Гарри карточку. — Я провожу частное расследование... Рекомендовал мне вас (тут Ким решил для пользы дела немного покривить душой) мой клиент. А имена клиентов не принято разглашать без их согласия...

Винчестер на карточку даже не взглянул, а просто помахал ею у объектива считывателя информации. На экран пристроенного поодаль терминала (одного из неполной дюжины приютившихся в комнатухе) высыпалось целое лукошко информации о личности и занятиях Кима Яснова — Агента на Контракте. Техника Винчестера полужгала «запечатанные», предназначенные для чтения только с санкции судьи файлы идентификатора Кима, словно пригоршню семечек.

Гарри кинул на экран взгляд, который мог бы сойти за рассеянный, и наконец соизволил повернуться к Киму.

— Вашим клиентом случайно не Рыло является? — с видимым безразличием поинтересовался он, возвращая карточку Агенту. — Я про Джанни Вольту говорю. Ладно-ладно — можете не отвечать. Только если это он, то Джанни с вами, мастер, похоже, в какие-то непонятки играет. В кошки-мышки... Уж кому о наших предсказаниях первому докладывают, так это ему...

Ким пожал плечами.

— Это сложная история. И мне не хотелось бы вас утомлять ее деталями. Так или иначе, но мне не хочется обращаться с этим вопросом к господину Больше...

— Ну, — вздохнул Гарри, — воля ваша: не хочется, так не хочется... Распечаточку Предсказания я вам дам. Только вы знаете, что это дело противозаконное?

Ким мог бы заметить, что Гарри Мумену не стоит так уж опасаться конфликта с Законом. Ну хотя бы потому, что Закон не может не учесть услуг, которые хакер Винчестер время от времени оказывал разным секретным службам. Очень интересные сведения на этот счет содержались в досье господ Баррона и Клецки. Но разговор на эти темы явно пахнул шантажом, и Агент только пожал плечами в знак того, что уж малолетним-то ребенком его считать незачем. Гарри такой ответ, похоже, вполне удовлетворил:

— Распечатку вы, мастер, получите при двух условиях, — сообщил он. — Первое: расскажите мне поподробнее — зачем вам сдалось Предсказание? Видите ли, мы — Хакеры Всех Миров — делаем все от нас зависящее, чтобы наши Предсказания не были использованы во зло никому из живущих... Стараемся их отдавать только в чистые руки. И под благие начинания.

От этой слащавой тирады самого Гарри чуть не стошнило, но дело есть дело — обязательства перед клиентом, пришедшим первым, надо было тоже выполнить. Или попытаться выполнить... По крайней мере, в благодарность за то, что он привел этого —

второго.

— А второе условие? — поинтересовался Ким.

— А второе после первого, — усмехнулся Гарри.

— Ну что же...

Ким почесал нос и стал говорить, тщательно подбирая слова:

— Видите ли... Получилось так, что из-за этого Предсказания попал в беду мальчонка. Малек, как здесь называют детей такого возраста... На него началась целая охота. Его приемного отца серьезно ранили...

— Я, кажется, догадываюсь, о ком идет речь... — хмуро заметил Гарри. — И, чтобы уж сразу определиться... У вас, мастер, — тут он кивнул на экран терминала, — неплохие показатели. На криминал никогда не работали. В другой ситуации я не очень бы интересовался, зачем тебе знать Предсказание. Но... Откуда я знаю, на кого ты работаешь... И даже если у тебя намерения самые наилучшие, нет у меня уверенности, что тебя не водят за нос... И твоими руками не хотят учинить злое дело.

— Буду откровенен с вами...

Ким машинально дотронулся до небольшого шрама — не шрама даже, а так, отметины от пули, прошедшей когда-то через его жизнь и память — чуть пониже левой скулы. Так у него всегда получалось, когда он не был полностью убежден, правильно ли то, что он собирается сделать. Сделать или сказать.

— Может быть, вам не понравится то, как я собираюсь поступить в сложившейся ситуации, но это все же лучше, чем если вы поймаете меня на вранье... Я связан довольно противоречивыми обязательствами. И рано или поздно мне придется сделать выбор. Впрочем, я его уже сделал. Буду вытаскивать мальчонку до последнего. Если надо, органирую его эвакуацию из этой Системы вообще. Хотя после этого с моей агентской практикой здесь будет, скорее всего, покончено...

— Это меньшее, что вам угрожает, мастер, если вы задумали разыграть свою игру, — угрюмо бросил Гарри. — Будете вытаскивать мальчонку до последнего... Может быть, ваше решение изменится... Когда я вам выложу Предсказание. Когда и если...

Он задумался на минуту. Для Кима минута эта была довольно долгой. Потом Винчестер нервно щелкнул пальцами, означив тем какое-то принятое в уме решение.

— Хотя вы и нагнали порядком тумана, господин Яснов... Словом, считайте, что первое условие вы выполнили.

— Что ж...

Ким пожал плечами с несколько наигранным безразличием.

— Готов выслушать второе...

Гарри наконец позволил себе улыбнуться.

— Второе условие называется «двести баксов». Налом, разумеется.

Ким тоже улыбнулся и молча отсчитал купюры.

Винчестер небрежно бросил деньги в ящик стола и из него же достал листок распечатки.

— Вот, читайте, господин Агент. Думаю, мне придется кое-что растолковать вам. Вы же человек нездешний. Только постарайтесь быть попонятливее — мне уже пора быть совсем в другом месте...

Ким испытал некоторое разочарование. Обряд посвящения в таинство Предсказания был на удивление прозаичен. Послание, содержащее великую и ужасную вест, вовсе не

было высечено на каменных скрижалях и хранилось не за семью печатями, в каком-нибудь храме или капище. Оно было распечатано на успевшем поистрепаться листке обычной бумаги с загибающимися уголками и валялось в ящике без замка вместе со старыми счетами и использованными кредитными карточками.

Чтение этого документа заняло у Агента минут семь-восемь. Просмотрев его для верности еще раз, он поднял глаза на Гарри и откашлялся.

— Если я правильно понял... — начал он, — речь идет о том, что вами найдена щель в Сети, которая позволит изменить статус андроидов. И изменить их, как это тут сказано, — «внутренние настройки»... Причем возможны варианты...

— Вы правильно уловили мысль, мастер, — кивнул Гарри. — В двух словах: можно просто-напросто отключить всех андроидов и отправить их на консервацию или демонтаж. Сразу или поэтапно. И на том закончить дурацкий эксперимент, в который нас втянули после развала Империи. А можно — наоборот. Изменить законы так, что андроиды будут уравнены в правах с людьми. И таким манером навсегда покончить с этой пародией на рабовладельческий строй, которая царит на нашей милой планетке. И еще можно при этом отменить действие Первого Закона. То есть подвести андроидов под обычное уголовное законодательство, оставив им право причинять людям вред в случае необходимой самозащиты, войны и так далее. И, наконец, можно привести их в то исходное состояние, в котором они находились по замыслу их создателей. То есть превратить в озверелое и беспощадное воинство. Ну и, разумеется, можно оставить все как есть. Остается только найти этого мудреца, который догадается, какой из этих вариантов менее катастрофичен. А катастрофа будет. В любом случае. Можете не сомневаться. Или вам надо разжевать эту мысль?

Ким мотнул головой и озадаченно перевел взгляд на листок.

Потом снова воззрился на Мумена.

— Так, — тихо произнес он. — И теперь — второе из того, что я понял... Получается, что Оруэлл Нолан, значащийся приемным сыном Нолана Нолана...

— Является единственным разумным существом, которое может получить доступ к управлению внутренними настройками Сети. Не ко всем, конечно. Только к тем, что имеют отношение к статусу андроидов. А основное правило Сети — не допускать к управлению такого рода настройками субъектов, заинтересованных в результатах изменений таких настроек. Ну а заинтересованные субъекты в этой группе настроек ясное дело кто...

— Андроиды... — не столько предположил, сколько просто признал Ким.

— И люди, — пожав плечами, закончил короткий список Гарри.

Несколько секунд Ким и Гарри смотрели друг на друга так, словно упражнялись в занятии телепатией. Потом Ким озадаченно улыбнулся и закончил свою мысль:

— И люди...

Он сам поразился нелепости сказанного. И его логичности.

— Совершенно верно, — подтвердил Гарри. — И люди.

Ким снова — не отводя взгляда от собеседника — невольно коснулся отметины на левой щеке.

— Получается... — попробовал он сформулировать самый, пожалуй, главный вывод из состоявшегося разговора (а что-то подсказывало ему, что разговор их уже завершился). — Получается, что Сеть считает, будто Орри... Оруэлл Нолан не является ни человеком, ни андроидом... Кто же он тогда? Пришелец из иной Вселенной, что ли?

Гарри пожал плечами.

— Не то что разного рода пришельцев, но даже обитателей любого из известных Миров Сеть не допустит к управлению своими настройками. Только законного жителя Большой Колонии... Оруэлл Нолан именно таков. Вполне.

Ким снова перевел взгляд на листок распечатки и перечитал недлинный текст еще и еще раз, пытаясь найти ответ на сложившуюся перед ним головоломку. Потряс головой и вопросительно воззрился на Гарри.

— Ну и как же разрешается этот парадокс?

Хакер снова пожал плечами.

— Почему вы думаете, что он вообще имеет решение? По крайней мере, решение, известное мне? Нам просто не удалось получить от Сети ответ на вопрос «Кто такой Оруэлл Нолан?» Точнее, ответ был — «Это Оруэлл Нолан. Приемный сын Нолана Нолана». И ничего больше.

Ким бросил взгляд на часы. Пора было трогаться на Космотерминал.

* * *

Спустившись в бар, Ставрос бросил косой взгляд на маячивших за отдаленным столиком людей Волыны и движением подбородка отправил Кирака обслужить не слишком желанных постояльцев очередной полудюжиной пива.

После этого он занялся привычным делом — протиранием и без того тысячекратно протертых бокалов. Этот обряд весьма способствовал процессу его мыслительной деятельности — как перебирание четок помогает верующим возносить молитвы Господу. От занятия этого его отвлекло в меру деликатное и в меру настойчивое покашливание бесшумно появившегося в баре посетителя. Посетитель выглядел достаточно молодо и был, судя по всему, не из здешних.

— Хотите горло промочить, мастер? — флегматично осведомился Коста. — Пива или чего покрепче? Виски, джин, коньячок? Если желаете, то найдется и сакэ... — добавил он, приняв во внимание разрез глаз и высоту скул незнакомца.

— От пива не откажусь, — признал Ким. — «Гиннес», если можно. Но, собственно, я сюда прикатил не за этим.

Коста и ухом не повел. Только кивнул Кираку, чтобы тот позаботился о «Гиннесс». Запотевшая кружка тут же явилась перед клиентом. Тот извлек на свет божий бумажник, означив тем намерение рассчитываться наличными. И, по всей видимости, не только за пиво.

Коста продолжал глядеть сквозь клиента ничего не выражающим взглядом. Но в знак определенного интереса к закинутой им наживке несколько приподнял левую бровь.

— Я, знаете, катил тут на Космотерминал и на повороте к «Горбтому мосту» вспомнил, что в вашем заведении я смогу получить ответ на один небольшой вопрос... Я, видите ли, по контрактам выполняю в интересах клиентов частные расследования...

Он извлек из бумажника свое удостоверение и положил на стол перед Ставросом. Рядом поместил купюру неплохого достоинства. Тот еле заметно пожал плечами, не проявив особого интереса ни к тому, ни к другому.

— Позавчера ранним утром, — пояснил Ким, — отсюда, от вас кто-то позвонил в

полицейский комиссариат... Мне хочется, чтобы вы или кто-то из ваших работников припомнили ну хотя бы как выглядел этот человек. Не беспокойтесь. У него не будет неприятностей с законом...

— У меня неважная память... — поморщился Коста.

К деньгам он не притронулся. Ким вздохнул, забрал от греха подальше свое удостоверение, а на стойку добавил еще пару банкнот. Тут ему пришлось на минуту забыть о пиве.

За его спиной раздались тяжелые, слегка шаркающие шаги. Один из людей Волыны не торопясь приблизился к стойке и кивнул Ставросу, чтобы тот отошел с ним в сторонку. Коста тяжело засопел и двинулся к дальнему концу стойки. Бандит двинулся за ним и негромко произнес в подставленное ему мохнатое ухо:

— Парень работает на Рыло. Будь с ним повежливей. И поосторожнее.

Потом повернулся и не торопясь прошествовал к своему столу.

Коста, продолжая тяжело сопеть, возвратился к Киму. Глянул на него исподлобья и пихнул купюры в карман своего декоративного кафтана. Прделав это, он слегка наклонился к собеседнику и сообщил:

— Звонил в тот день — с утра пораньше — один тип. Не знаю — в полицию или в прачечную. Не прислушивался. Здесь он залетный, но я его знаю как облупленного. Бэзил Кац. Кличка Котяра. Его на днях нанял мастер Стук — может, знаете такого...

Тут он позволил себе слегка улыбнуться.

— При нем еще шалава такая крутится... На вид — молоденькая. Но, кажется, прожженная. Рыжая. Глазищи зеленые. Звать Элен Каманера.

Ким чуть было не присвистнул от удивления. Коста, похоже, этого не заметил. Он в этот момент потирал лоб, прикидывая — не напрасно ли так задешево заложил старого знакомого. Хотя тот и не просил держать звонок в секрете.

— Только если вы, мастер, будете искать эту парочку — учтите, что, скорее всего, они здесь работают с липовыми документами и под чужими именами. Так что ориентируйтесь на приметы...

Ким пожал плечами.

— Ну, девицу вы мне обрисовали достаточно четко. А вот этот Котяра...

Память Ставрота пришлось оживлять еще одной пристойной купюрой, и описание внешности и манер Бэзила Каца обогатило анналы памяти Агента на Контракте. Он — в который уже раз — извлек из внутреннего кармана свою черную записную книжку, отыскал страничку, украшенную вопросом «КТО СВОЛОЧЬ?!!!», и чуть ниже этих слов пометил данные Бэзила Каца. После чего ему осталось допить свое пиво и вернуться в общество «пульчинеллы», смиренно ожидавшей его на стоянке. Нашалить за это время она не успела.

Конечно же, холодные ночные часы, оставшиеся до посадки на шаттл, можно было провести и в заведении Ставрота. Но Ким предпочел кемпинг на полдороге до Терминала. Так было спокойнее.

* * *

Пустоватые залы. Бесшумно скользящие ленты багажных и пассажирских транспортеров и эскалаторов. Залитые безжизненным светом флуоресцентных панелей ряды

автоматизированных турникетов перед жерлами туннелей, ведущих к посадочным люкам космолайнеров дальнего и ближнего следования. Вереницы киосков с немудреными сувенирами и свободными от пошлости товарами...

Все Космотерминалы Федерации одинаковы, что делает пребывание в их недрах похожим на сновидение, снова и снова посещающее вас на протяжении всей жизни. Это сравнение всегда приходило Киму в голову, когда ему случалось встречать или провожать кого-то из родных и близких, странствующих по Мирам Федерации. Или — как вот сейчас — отправляться в такое странствие самому.

Правда, в этот раз странствие предстояло — по меркам Галактики — суперкороткое. Расстояние от Планеты Чуева до крохотного Приюта было гораздо меньше расстояния от Земли до украшения ее небес — Луны. Так что полет туда как-то даже за космический рейс почти не считался. Так, что-то среднее между трансконтинентальным перелетом и заатмосферной экскурсией... Ким и багажа с собой не прихватил никакого — все необходимое уместилось в обычный деловой кейс. Задерживаться в гостях у адептов Пестрой Веры в его планы не входило.

В этот день было маловато желающих побывать на крошечном планетоиде, только тем и славном, что на нем приютилась дюжина предприятий, нуждающихся для своих целей в высоком вакууме и низкой гравитации, примерно столько же энергоблоков, обеспечивающих процентов десять электроэнергии этого Мира, да с десятков экзотических монастырей и санаториев. Ким стал в конец крохотной очереди на эскалатор, ведущий в зал отправления, и почти уже ступил на проворно убегающие вверх ступени, когда на плечо ему легла чья-то легкая рука.

— Подождите минутку, — произнес за его спиной глуховатый, но очень отчетливый голос. — Нам надо поговорить, мастер Яснов.

Ким машинально сделал шаг в сторону, обернулся и оказался лицом к лицу с высоким стариком — сухопарым и слегка сутулым, с лицом узким, как лезвие секиры. Агент слегка потряс головой — ему уже довелось видеть снимки Скрипача, так что не приходилось сомневаться в том, кто стоит перед ним.

— Господин Нолан, если не ошибаюсь? — не столько спросил, сколько констатировал он. — Признаться, не ожидал увидеть вас в таком э-э... прекрасном состоянии. Мне говорили, что вам нанесли довольно серьезные ранения...

— Вас не обманули. Но мне помогли быстро прийти в форму. По крайней мере, на некоторое время.

«Кто же это так поднаторел в медицине, что за сутки ставит на ноги человека с почти смертельными ранениями? — подумал Ким. — Хотел бы я иметь таких друзей...»

Но вслух произнес только:

— Рад за вас...

— Рад тому, что вы рады, — с суховатой иронией заметил старик. — Только примите во внимание, что за все на свете приходится платить. В том числе и за мгновенное исцеление... Впрочем, давайте от слов перейдем к делу, — сам себя оборвал старик. — У меня к вам серьезный разговор. А торопиться вам некуда — поверьте мне... Неужели вы думаете, что вам вот так просто дадут забрать Орри с Приюта и вернуться к себе в офис с ним за ручку? Вы под довольно плотным колпаком у людей Волыны. Впрочем... Мальчика уже не будет там, куда вы за ним направились... Мы с вами встретим его здесь, на планете. Но не в Космотерминале.

Ким озадаченно воззрился на Скрипача:

— Где же, в таком случае?

— Мне кажется, что вам сейчас — пока еще не объявили посадку — следует сдать билет. И тогда уж мы поговорим поподробнее. Если вы к тому же не откажетесь подбросить меня на вашем каре до одного места — неподалеку от города, впрочем, не так уж и неподалеку, тогда у нас будет достаточно времени для разговора... И не забудьте взять вашу «пушку» из багажа сопровождения. Она нам может пригодиться.

— С удовольствием окажу вам эту услугу, — пожал плечами Ким.

— Буду ждать вас у второй стоянки. Вы ведь туда отправили машину?

— Да, — кивнул Ким. — Красная «пульчинелла». Скорее всего, уже со штрафной квитанцией на ветровом стекле...

* * *

Скрипач действительно ждал Кима у его кара. За то время, пока Агент решал вопрос со своим билетом, старик успел подготовиться к предстоящему путешествию — обзавелся парой пледов, объемистым термосом с чем-то, надо полагать, горячим и укрепляющим и основательным пакетом сандвичей. Ким вздохнул, предвидя неблизкий путь.

Что до «пульчи», то по части штрафных квитанций она конечно же не обманула ожиданий Кима. Тот тяжело вздохнул, засунул клятые бумажки в «бардачок», подождал, пока старый Нолан устроится на сиденье справа от него, и врубил движок.

Минут двадцать они молча катили по шоссе. Только несколько раз Скрипач позволил себе короткими репликами указать, куда сворачивать на том или ином перекрестке. Потом, когда шоссе превратилось в петляющий сквозь Лес проселок, уже не пересекающийся с другими дорогами, старик искоса глянул на Агента и не столько спросил, сколько подтвердил сам для себя результат своих предыдущих наблюдений:

— Сдается мне, что вы много узнали о мальчишке за последние день-два, мастер? Впрочем, что это я? Вам, наверное, привычнее будет не «мастер», а «господин»? Ведь вы не абориген. Как, впрочем, и я... Мне тоже, знаете ли, пришлось долго привыкать к здешнему этикету.

Он усмехнулся в ответ на удивление на лице Агента:

— Видно, вы не слишком глубоко копали мое досье, господин Агент...

Ким охотно с этим согласился.

— Признаться, — вздохнул он, — я думал, что ваше происхождение не может как-то влиять на столь недавние события... Здесь ведь совершенно безразличны к таким вещам... Ни национализма, ни ксенофобии... Меня гораздо больше интересует происхождение Орри... Особенно после того, как мне растолковали смысл так называемого Великого Предсказания...

— Насчет Орри вы, в общем-то, правы, Агент... — кивнул Скрипач. — А вот что касается незначительности событий давнего прошлого для понимания происходящего в наши дни... Вы ведь, если не ошибаюсь, хорошо подкованы в юриспруденции. И должны знать массу прецедентов, из которых следует нечто прямо противоположное...

Он замолк на минуту и продолжил уже на таком менторском тоне:

— Знаете, я ведь, как и вы, — из Метрополии. И сюда прибыл в вашем примерно

возрасте. Зачем и как — об этом нам, может, еще случится поговорить. Только тому уже сто лет в обед, как говорится... Здесь уже и не помнят той поры, когда судьба занесла меня в этот Мир. Впрочем, сейчас не обо мне речь. Я хотел бы поточнее определиться с вашей ролью в той игре, что связана с судьбой Орри. И понять, что вам удалось узнать о нем самом и об этой игре...

Ким пожал плечами.

— Честно говоря, я не назвал бы игрой охоту взрослых людей на малолетнего мальчишку. Если Орри — действительно малолетний мальчишка, а не нечто иное...

Скрипач покосился на собеседника.

— Больше доверяйте очевидному, Агент. Поверьте, Орри — это именно то, чем он вам кажется, — мальчишка со сбитыми коленками двенадцати лет от роду, сообразительный и непослушный. Правда, к этому обычному набору добавлены некоторые другие качества, отсутствующие у простых смертных, но это не делает его каким-то inferнальным созданием. Это вообще не имеет отношения к его личности.

Старик помолчал немного. Потом упрямо наклонил голову и другим уже тоном продолжал:

— А то, что происходит вокруг него... Это все-таки игра. Только игра эта не его. Злая игра взрослых людей на большие деньги. Ему еще рано было в ней участвовать. Слишком рано... Я только начал готовить его к тому, что ему предстояло совершить Но... В дело вмешалась сама Судьба — в виде идиотского Предсказания Хакеров. И все закрутилось со страшной скоростью...

Странное чувство вызывал этот разговор у Кима. Вместо того чтобы вещать и проповедовать, как подобало бы главе полурелигиозной секты, Скрипач говорил скорее языком резидента какой-то из галактических спецслужб — языком современным, суховатым и в то же время довольно выразительным. Правда, говорил он пока загадками.

— Послушайте, — честно попросил Агент. — А не проще ли будет все-таки, если вы сразу объясните мне — что же такое Орри? И чего хотят от него люди вроде Волены? Я сейчас кое-как понимаю, что мальчишка — единственный, кого послушается Сеть... Но остальное, признаться, представляю с большим трудом...

— Что такое Орри и как он появился в этом Мире, я охотно расскажу вам, как только вы сможете убедить меня, что вы — именно тот, за кого я вас принимаю. Друг, а не враг. Ну а расстановку сил в нашей игре я вам обрисую прямо сейчас, в дороге.

Что до дороги, по которой бойко бежала строптивая «пульчинелла», то теперь эта извивающаяся по Лесу полоска уплотненного грунта уже и слова доброго не стоила. Так что бег «пульчи» походил сейчас на галоп резвой козочки. Впрочем, она старалась. Старалась, как могла, сгладить неудобства пути своему хозяину. Впрочем, скорее — приятелю. Хозяев над собой изделие здешнего филиала «Фиата» не терпело. Паршивая, в общем, была дорога, и Ким пока что не знал, куда она ведет.

— И как же я вам докажу, что я с вами — по одну линию фронта? — спросил Ким, стараясь, в свою очередь, помочь «пульче» с честью справиться с выпавшим на ее долю испытанием.

Скрипач улыбнулся сухой короткой улыбкой.

— Считайте, что вы будете проходить испытание, Агент...

Он помолчал секунду-другую и добавил:

— Мне очень хотелось бы обойтись без этого — у вас неплохая репутация, господин

Агент, но вы сами посеяли в моей душе сомнения... Сразу же после того как Орри побывал у вас, в агентство «Ким» нагрянул господин Волина с телохранителями... После чего у вас появились довольно солидные наличные. Дальше — больше. Вас посещает некая дама, нанятая Барри Стуком именно с целью поиска Орри... Вы входите в контакт с местной контрразведкой и с федералами... Мои информаторы ничего не перепутали?

— У вашего Храма очень неплохие информаторы... — признал Ким.

— У Храма много друзей, — согласился Скрипач. — В самых разных сферах здешнего общества...

Снова последовала короткая пауза.

— Я не сомневаюсь... — произнес старик и задумчиво пожевал губами. — Я не сомневаюсь в том, что вы сможете дать совершенно убедительные объяснения по каждому из...

— В этом вы как раз ошибаетесь, — осторожно прервал его Ким. — Я не смогу дать вам убедительных объяснений ни по одному из тех сомнительных моментов моего поведения, что так насторожили вас. Я связан условиями Контракта. И не одного. И, поверьте, я соблюдаю эти условия вовсе не потому, что опасаясь лишиться лицензии на проведение частных расследований.

— Вы щепетильны в вопросах этики, — согласился Скрипач. — Мне говорили... Что ж... Раз уж объясниться в «сомнительных», как вы сами, Агент, выразились, моментах вам не позволяет профессиональная этика, то тем охотнее, надеюсь, вы согласитесь испытать себя в деле...

— Думаю, вы не заставите меня ходить по раскаленному железу или глотать «напиток истины», — усмехнулся Ким, стараясь уберечь «пульчинеллу» от слишком тесного контакта с большим пнем, торчащим на обочине очередного сложного выверта дороги.

— И без «детектора лжи» мы тоже обойдемся, — улыбнулся Скрипач.

Ким с облегчением стер пот со лба — чертов пень остался позади.

— Итак, — осведомился он, — что же требуется от меня? Где и когда мне предстоит делом доказать, что я не верблюд?

Скрипач пожал плечами:

— Странно, что вы не догадались, господин Агент. — Мы с вами как раз и едем на место вашего испытания. Вам предстоит узнать много нового. В том числе и о своих нанимателях. С кем-то из них мы можем там встретиться. Будьте готовы.

Тем временем Лес по сторонам дороги начал редеть.

Разбежался чахлой порослью по сырым и серым песчаным дюнам. Расползся неровными островками кустарника. Перестал быть лесом и превратился в песчаную пустошь. Горбатые холмы загромоздили горизонт.

А из-за дюн дохнуло гнилым запахом Болот. Далеких еще Болот, за которыми в Рощах жили колдуны.

Ким оторвал правую руку от руля и ожесточенно почесал левую сторону носа.

— Ладно... Вопрос о доверии будем решать, так сказать, экспериментальным путем... Однако вы, господин Нолан, обещали просветить меня относительно расклада карт в том, что вы считаете игрой...

Скрипач в знак согласия кивнул и прикрыл глаза.

— Вообще-то, — начал он издалека, — получить ключ к решению проблемы андроидов не прочь в Бэ-Ка всякий. Проблема эта проела плешь здесь всем — начиная от

муниципальных властей и до мелкого жулья включительно... Так что, как только Хакеры Всех Миров вывесили на куче сайтов свое последнее Предсказание, среди тех, кто успел его прочесть, начался немыслимый ажиотаж. Появилась толпа желающих жертвовать на Храм. В том числе Джанни Волына. Но это — особый случай... Вы, без сомнения, почитали его досье, и я не стану распространяться о нем самом, его банде, ее составе и подвигах. Но в досье вряд ли отражено одно обстоятельство. Оно известно немногим. За этим бандитом стоят люди, для которых власть над андроидами в нашем космическом захолустье — не главное...

— Я, честно говоря, не совсем понимаю вас, — заметил Ким.

— Пока что вы меня совсем не понимаете, — усмехнулся Нолан. — Волыну крышуют люди из здешнего филиала «Дженерал трендс»...

— Люди Комплекса?! — с удивлением воскликнул Ким.

С этим разветвленным, полукриминальным синдикатом разработчиков и производителей новейших видов вооружений ему приходилось сталкиваться всерьез.

— Они самые, — подтвердил Нолан. — Охотники за всякими диковинками, на основе которых можно изготовить какую-нибудь систему вооружений или другую смертоносную штучку. Для них Предсказание стало Указанием. Прямой подсказкой, как наконец заполучить интересный для их исследований объект — им оказался Орри — и его создателя, старого Нолана Нолана... Они давно интересовались подобными вещами. И ни с кем не хотят ими делиться.

«Вот как... — подумал Ким. — Оказывается, малек Орри — нечто большее, чем даже ключик к управлению Сетью. Он сам по себе нечто гораздо более интересное. И, кажется, — гораздо более страшное...»

Скрипач тем временем — словно давая собеседнику время на размышления — смолк и углубился в созерцание довольно унылого пейзажа за окном.

— Собственно, — снова заговорил он, — Орри спасло только то, что Джанни решил сорвать двойной куш. Сдать своим хозяевам и его и меня одновременно. Конечно, прочтя Предсказание, я тут же велел сорванцу отправляться в наше лесное убежище — вы ведь побывали там? — и не показывать носа оттуда. Но, как вы, наверное, успели заметить, мальчишка чересчур самостоятелен и непослушен. Перед тем как выполнить мой наказ, он надумал быстренько завершить какие-то свои мальчишеские дела в Нижнем городе. А там почти сразу наткнулся на доброго дядю. Не знаю, случайно или добрый дядя все неплохо организовал заранее. Так вот, наткнулся он на доброго дядю — пана Волыну, — который вдруг пожелал именно через двенадцатилетнего малька передать его папе существенную сумму — пожертвование на Храм. Ну что может быть естественнее, не так ли? Передавать деньги через несовершеннолетнего малька... Сделана такая очевидная глупость с совершенно очевидной целью — следуя за ним, выйти на меня и схватить обоих разом. Но более сообразительные ребята из его подручных нашли меня еще раньше. Может быть, чисто случайно. И поступили со мной согласно принципу «захватить или уничтожить». Как видите, Агент, они в том не слишком преуспели...

Минуту-другую Ким переваривал полученную информацию.

— Ясное дело, — предположил он, — вы повремените сообщать, чем же все-таки Орри так интересен Комплексу...

— Вы совершенно правы, Агент, — усмехнулся Скрипач. Вам придется подождать результатов Испытания. Считайте, что информация, которую вы узнаете, — ваш гонорар за

участие в предстоящем деле.

Он нахмурился, словно что-то вспоминая. Потом снова повернулся к Агенту:

— Теперь о второй силе, участвующей в игре. Это я о Барри Стуке, в прошлом — моем большом приятеле. Вы успели разобраться немного в том, что такое его Подземные Театры?

— Специально вникать в это у меня просто не было времени... — признался Ким. — Но кое-что слышал и кое-что читал в местной прессе... Подпольные гладиаторские бои с использованием андроидов в качестве бойцов. «Черный тотализатор» и все такое...

— Это только верхушка айсберга, — прервал его Нолан. — Довольно грязная, но только верхушка... Так сказать, побочный заработок при основном производстве. А это производство состоит в превращении андроидов в солдат, пригодных для использования в различных наемных армиях, в силовых структурах, в криминальном подполье... Ведь быть универсальными солдатами — их исходное предназначение. Остается только снять искусственно наложенные много позже ограничения — Законы Великого Айзека. Это нелегко, но возможно — были бы деньги. У Барри они есть. За ним точно так же, как и за Большой, стоят довольно мощные полукриминальные структуры галактического масштаба. Я в первую очередь имею в виду Легион. Это ведь не просто странствующая орда наемников, но и большие деньги. И большая политика. Правда, этим силам безразличны академические тонкости происхождения и природы того ключа, который откроет им доступ к власти над судьбой андроидов Большой Колонии. Им нужны только сами андроиды — боевые люди-роботы. И как можно больше.

— И это несмотря на всеобщий запрет на их применение... — вздохнул Ким.

Удивительного для него здесь не было ровным счетом ничего. И сенаторы, и депутаты, да и сам Федеральный Директорат могли издавать сколько угодно запретительных законов и декретов. Но костры вооруженных конфликтов продолжали полыхать и тлеть в разных концах бывшей Империи. Они поглощали ровно столько запрещенных видов оружия (а андроиды в общем-то и были таким оружием), сколько его мог поставить черный рынок вооружений.

В ответ на реплику Агента Скрипач только пожал плечами.

— До сих пор, — продолжил он, — производство андроидов с отмененным Первым Законом было у Барри делом штучным. Каждый годный к продаже экземпляр получали своим методом — целенаправленным воспитанием, психическими воздействиями, психохимической обработкой или, наконец, путем хирургического вмешательства. Потому что нейрокоды отмены Законов Айзека — тайна, и даже лучшие хакеры не способны исторгнуть ее из файлов Сети. Процент брака огромен. Этот-то брак и идет на сцены и арены Подземных Театров. И учтите, что действовать ему приходится постоянно в обход закона — подпольно. Это сильно его ограничивает. А теперь перед ним приоткрылась возможность получить в свое распоряжение всех андроидов Большой Колонии! И на совершенно законных основаниях!

— Это как сказать, — покачал головой Ким. — Если с помощью Орри ему удастся вернуть андроидам их исходную сущность, то очень скоро на планете начнется ад кромешный.

— А именно этого ему и надо! — воскликнул Скрипач. — Безусловно, на взбунтовавшихся андроидов — а они взбунтуются непременно — не будет никакой управы. Кроме заранее подготовленных в Подземных Театрах лидеров такого бунта. А они будут беспрекословно подчиняться Барри Стуку. Так он, по крайней мере, себе это представляет.

Так что только он и станет столпом законности и порядка на планете. Уже вне зависимости от того, кто или что будет представлять власть формально. Все это будет представлено перед остальными Мирами как победа сил демократии над рабовладельческим строем. А существующий в Большой Колонии строй действительно напоминает рабовладельческий и непопулярен в Федерации — и это удержит Директорат от вторжения. И эта планета станет крупнейшим поставщиком боевых андроидов в Обитаемом Космосе. А Барри — одним из самых богатых людей в нем. Причем — учтите это, Агент, — все граждане Колонии, принадлежащие к роду людскому, встретят широкую распродажу андроидов аплодисментами. Потому что жизнь на планете с никому не подчиняющимися беспредельщиками, каждый из которых стоит нескольких десятков профессиональных воинов, — отнюдь не сахар. Да и с доходов от этой торговли населению перепадет хоть какая-то толика...

Нет, конечно же, такая распродажа будет называться вербовкой, контрактованием и другими вполне легальными терминами. Пожалуй, даже не придется отменять в Бэ-Ка соответствующие федеральные законы о запрете торговли разумными существами.

— Вы так хорошо осведомлены о планах мастера Стука... — позволил себе высказать сомнение Ким. — У вас и среди его окружения есть своя э-э... агентура?

— А по-вашему, ее не должно там быть? Вас еще не просветили о сути моих отношений с этим человеком? Он ходил в моих приятелях много лет назад. И он ограбил меня...

— Вы говорили, что та женщина, что приходила заключать со мной контракт, — человек Стука?

— Сейчас да. Но, собственно говоря, Элен Каманера — ничья. Она всегда сама по себе. Вам это может показаться странным, но я знаю ее гораздо лучше, чем мастер Стук.

То, что Скрипач знает настоящее имя его посетительницы, уже не удивило Кима. Старик был непрост и, похоже, всеведущ.

— Насколько я понял, — заметил он, — она, несмотря на молодость, прожженная авантюристка...

Лицо Скрипача чуть заметно изменилось. Видно, печаль посетила старика.

— Можете считать, что так. Это будет проще. Но она и очень несчастное создание... В том есть и моя вина.

— Вы говорите, что Стук ограбил вас? — постарался сменить тему Агент.

— Да, — кивнул Нолан, — ограбил... Но об этом я вам расскажу чуть позже — нам предстоит довольно долгое ожидание. И будьте готовы — ближе к ночи, а то и ночью мы будем пробираться через Болота. Учтите — пробираться будем на своих двоих. Из наземной техники через Болота пройти сможет, пожалуй, только хороший глайдер. Остановите кар. Выходим. Не забудьте пакет с сэндвичами. Я понесу термос и пледы.

Ким остановил «пульчинеллу» и спрыгнул с невысокой подножки на сырой песок обочины. Несколько раз присел, разминая порядком затекшие ноги. Окинул взглядом воздвигнувшуюся перед ним дюну.

— Спрячьте кар вон в тех зарослях, — деловито распорядился Скрипач. — И полезли наверх.

По сигналу пульта управления послушная машина юркнула за занавес невысокой «черной травы», немного обиженно пошуршала там и затихла. Двое ее пассажиров принялись, утопая по щиколотку в песке, взбираться к гребню дюны.

С этого гребня перед ними открылись Болота — совсем не такие, какими бывают

болота на Земле. Над бескрайней гладью, тянущейся к скрытому дымкой горизонту, вознеслись потоки седых испарений, принимающие причудливые формы трав, деревьев, гигантских грибов... Лишь кое-где глаз различал над бурой жижей кочки и малые островки, поросшие чем-то пегим и корявым.

«Там, за этой дымкой, живут колдуны, — напомнил себе Ким. — Точнее, те, кого здесь называют колдунами... А в самих Болотах обитают мудрые тахо...»

— Садитесь, — пригласил его старик. — Постелите плед и садитесь. Он непромокаемый...

— Что мы тут будем делать? — осведомился Ким.

Старик вздохнул:

— Я же сказал вам, что нам предстоит долгое ожидание... Вот тут мы и будем ждать. Смотреть в небо и ждать...

Часть третья
КЛЮЧ И ЗАМОК

— Эй!..

Бирим осторожно потряс Орри за плечо, и тот сквозь сон отозвался невнятным мурлыканьем. Потом, когда Бирим уж было отступился, готовый оставить малька досыпать, он вдруг вздрогнул и встрепаным воробьем выглянул из-под одеяла.

— Что? — протирая глаза, чирикнул он. — Кто? «А роза упала на лапу Азора» — типичный палиндром. Этого хватит?

И он снова шустро нырнул под одеяло. Недовольный тем, что его друга тревожат посреди ночи, Брендик глухо зарычал под койкой. Орри в ответ встревоженно зашебуршился под одеялом.

— Эй!

Бирим снова потряс его за плечо. На этот раз более уверенно.

— Орри! Это я — Бирим! — громким шепотом стал объяснять он. — Ты, похоже, меня с мисс Александрой спутал...

Орри снова осторожно выглянул из-под одеяла:

— Это точно?

— Точно, — заверил его Бирим. — А это — Мантра. Узнаешь? У него есть что сказать тебе...

— Ух-х... — облегченно вздохнул Орри, принимая наконец сидячее положение. — Я думал, что это она тебя привела... Она так и сказала, что я должен помнить урок, даже если меня разбудят посреди ночи... И спросят... Вот я и подумал...

Бирим тихо рассмеялся:

— Ну, это же только выражение такое... Образное...

— Да?

Орри шмыгнул носом.

— И ты меня не будешь пытаться про окислы азота? — с надеждой спросил он.

— Да конечно не буду, чудак ты этакий, — снова рассмеялся Бирим.

Орри облегченно ткнулся носом в подушку. Бирим присел на краешек его койки. В ногу ему ткнулся взволнованный нос Брендика.

— Ну, что, — сочувственно спросил андроид-пиит, — совсем доконала тебя Александра?

— Да ну! — отмахнулся Орри. — Александра тетка хорошая. Только на том подвинутая, что учиться всем вокруг нужно. «Как говорили древние, учиться, учиться и еще раз учиться!» Сто раз уж повторила. А мне еще — и лечиться... Постельный режим соблюдать. Хотя у меня уже совсем ничего не болит! А так она — ничего... Добра она нам хочет...

Он свесил ноги с койки, нагнулся и приласкал любопытного Брендика. Собственно, только то, что псина еще не до конца оклемалась после аварийного приземления, и удерживало Орри в лазарете. Ему очень хотелось полазить по Монастырю, по лабиринту его пещер — естественных и искусственных, — пронизывающих скальную толщу под чисто декоративным, под древнюю готику, куполом, выведенным на поверхность Приюта. Собственно, эта внешняя часть Монастыря служила только для стыковки и шлюзования с разного вида транспортом, связывающим его с внешним миром. Согласия на пребывание

Брендика в лазарете Орри добился угрозой полного бойкота занятий по школьной программе и ожесточенным отказом от приема лекарств и витаминов.

— В общем, ты прав... — согласился Бирим. — Сестра Дин — существо доброе, по сути своей... И если к ней привыкнуть...

— Не в том дело... — вздохнул Орри. — Просто мне здесь надолго застревать нельзя. Мне на Большую планету возвращаться надо... С Платиновой Картой разбираться...

Бирим вздохнул. Грустно посмотрел куда-то в сторону:

— Может, не надо с ней — с карточкой этой — разбираться?

— Надо, — обреченно вздохнул Орри. — Похоже... Похоже, что я для этого и... Для этого и появился...

Бирим уставился на Орри, как на сумасшедшего. Брендик с тревогой проследил за его взглядом. Видно, он тоже был сильно обеспокоен поведением своего друга.

— Слушай, — сказал Бирим, взяв Орри за руку и стараясь голосом и взглядом как-то успокоить его.

— Если ты знаешь что-то такое... что-то необыкновенное, то лучше скажи сразу, потому что у нас с тобой какая-то странная штука закручивается...

— Я не знаю ничего! В том-то и дело! Даже Нолан... Он никогда от меня ничего не скрывал, а вот тут... Правда, он ранен тяжело. Может, у него просто сил не было много говорить... А может, он и сам чего-то не знает.

Бирим стал печален. Брендик тоже закручинился.

— Знаешь... Я не сильно помогу тебе с этим... Но вот Мантра... Он тебе хочет кое-что рассказать. Он у нас большой специалист по всяким слухам и байкам. И даже по мифам и легендам. Нет такой штуки на белом свете, о которой он не знал бы хоть на полслова больше, чем любой другой... Мы тут немного поговорили, и оказалось, что в том, о чем ты меня спрашивал, есть смысл... Или что-то вроде... В общем, пусть он сам тебе расскажет...

Орри перевел озадаченный взгляд на Мантру. Тот пододвинул к койке Орри стул и оседлал его.

— Дело в том, малек, что эта история с карточкой — платиновой такой, — оказывается, действительно имеет отношение к Барри Стуку. Только... Он ее вроде как потерял. Лишился... Это — длинная история. И не знаю, как она тебе понравится...

Он задумчиво поскреб в затылке:

— Дело в том, что старик Нолан... Ты ведь действительно ему приемным сыном приходишься?

Орри ответил ему коротким нервным кивком. Он сел попрямее и поджал под себя ноги.

— Так вот, старик Нолан когда-то был дружен с Рыжей Бородой. Они оба тогда были не то что теперь... Тогда Подземных Театров еще и в проекте не было, и Барри сотрудничал с теми чудаками, что затеяли этот Храм Единения... Так сказать, окучивал это мероприятие по части финансов и бизнеса. Он и тогда уже основательно мудрил и имел с дела свой навар. Но и партнеров не обижал. Так что на его делишки Нолан с друзьями смотрели сквозь пальцы. Так и длилось до тех пор, пока Нолан не раздобыл через своих знакомых программистов эту самую карточку...

— Это ведь не кредитка? — догадался Орри.

— Она очень похожа на электронную кредитку, — пожал плечами Мантра. — Так говорят те, кто ее видел. Но вставлять ее в прорезь банкомата без толку. На ней не код денежного счета. Ее в читающее устройство компьютера вставлять надо. И то — далеко не

всякое, а такое, которое в секретном терминале находится. Там — на карточке этой — записаны совсем другие коды. Это ключи! Они открывают доступ к управлению Сетью!

— Ого! — Орри даже поежился.

Несмотря на юный возраст, он прекрасно понял, что означают слова «доступ к управлению Сетью». Доступ к управлению тем, что здесь, в Большой Колонии, само всем управляет! Действительно — «Ого!».

— Ну... — Мантра скептически скривил губы. — Ну, не такое уж и «Ого!». Платиновая Карточка открывает, говорят, доступ к управлению Сетью только частично — к тем программам, что напрямую связаны с работой по проблеме андроидов... И тогда тот, кто получит доступ к этим программам, сможет, например, сделать людей и андроидов равноправными. Или отменить любой из Законов Великого Айзека. Или... Но все остальное — политика, там, экономика... Это все остается под запретом.

С минуту все трое молчали.

— И все равно, — с несколько озадаченным восхищением произнес Бирим, — просто невероятно, как получилось так, что такая штука попала в руки простого смертного...

— Говорят... — в голосе Мантры прозвучала неуверенность. — Говорят, что Скрипач раскрутил как-то одного программиста — не простого, а из Высшей Касты. Из тех, что находятся напрямую под контролем Федерального Директората. И тот тоже стал большим энтузиастом идеи Храма. Скопировал часть кодов, чтобы помочь благому делу. Тем более что, как выяснилось, простому смертному с карточкой этой нечего и делать. Мало того что ее в какой-то тайный, невесть где расположенный терминал совать надо. У нее еще особая защита... Но об этом потом.

Мантра нахмурился и досадливо потер лоб. Видно было, что какая-то закавыка изрядно мешает ему вести рассказ. Что-то такое, что не было предназначено для ушей малька. Предназначено-то не было, а вот со всем остальным, что он хотел рассказать, было крепко связано.

— Так вот... Как раз в ту пору у Барри Стука завелись новые партнеры. Какие-то очень крутые жучки. Они-то его и финансировали на Театры. Ну, в ту пору, в самом начале этой затеи, Мастер всем лапшу на уши вешал — и Нолану в том числе — в том смысле, что Театры эти — благотворительность, что в них будет связь между людьми и андроидами укрепляться... А когда стали подозрения всякие возникать насчет того, что это за Театры такие, в которых по-настоящему убивают... Ну, хоть бы и только андроидов... И в которых у андроидов мозги набекрень съезжают... Вот тогда отношения Рыжей Бороды со Скрипачом стали портиться. Но какое-то время старик слухам не верил и старому своему знакомому все еще доверял... А напрасно!

— Барри узнал про карточку? — снова догадался Орри. — И ее стибрил?

Мантра угрюмо кивнул.

— Вот гадство! — с досадой воскликнул малек и стукнул кулаком по одеялу.

Это было неосторожно — Орри еще не освоился с низкой силой здешнего притяжения. Бирим вовремя ухватил взмывшего в воздух малька за ногу и не дал ему довольно высоко воспарить к потолку палаты.

Брендик поддержал возмущение друга суровым рычанием.

— И как это Нолан проболтался?! — недоуменно спросил Бирим, усаживая Орри на место. — Говорят, он очень осторожный старик. Добрый, но скрытный.

Мантра покачал головой:

— Скорее всего, он вовсе не проболтался. Он, наверное, даже не говорил Рыжей Бороде о таких вещах. Но зато тот втихую очень интересовался делами Скрипача. Чувал, что здесь можно хорошо пожить... В общем... В общем, он или жучков разных понавставлял повсюду, где Скрипач имел обыкновение с разными доверенными, как говорится, лицами дела обсуждать, или людишек каких-то подкупил — из тех, что побольше него знали про все эти вещи... Так или иначе, в один прекрасный день тайник, в котором хранилась Платиновая Карточка, оказался пуст, как гнилой орех! Ну а Барри окончательно порвал со Скрипачом. Очень грубо и поспешно.

— А это точно, что он карточку увел? — с подозрением осведомился Орри.

Он испугался вдруг, что Нолан имел в виду какого-нибудь другого Барри.

— Х-хе! — невесело рассмеялся Мантра. — Дело в том, что Рыжая Борода больше доверяет андроидам, чем людям. Он почти все свое, так сказать, окружение подобрал из наших. Знаешь, из тех, что не в ладах с Первым Законом... Этот грабеж — их рук дело. Сам рисковать не стал. Но только не учел, что у андроидов секретов друг от друга считай что и не бывает. Так что — просочилось...

Он помолчал немного, задумавшись, видно, о нравах своего племени. Вздохнул и продолжил:

— К тому времени у Мастера появились уже большие связи, и он сумел как-то дознаться, где находится этот самый секретный терминал. Точнее, один из многих секретных терминалов, которые по всей Бэ-Ка разбросаны. Ему, похоже, те же типы, что кредит на Театры подкинули, в этом помогли... Уж не знаю, что там Рыжая Борода удумал, какие программы менять захотел — хотя кое о чем тут догадаться нетрудно, — но он к терминалу этому тут же и ломанул. Ломануть-то ломанул, да на том и обломился!

— Ты говорил, что там еще какая-то защита поставлена... — припомнил Орри.

— Вот-вот, — подтвердил андроид. — Карточка эта не всякому открывает доступ. Да что не всякому! Только одному откроет!

— К-кому? — осторожно поинтересовался Орри. В голосе его прозвучала тревожная догадка. Мантра понимающе посмотрел на него и утвердительно кивнул:

— Это только теперь стало известно. Несколько дней назад. Когда хакеры вывесили в здешнем Интернете свое очередное Предсказание. Всего его тебе знать не надо, но вот то, что карточка откроет доступ одному только приемному сыну Нолана Нолана, тебе знать следует...

Наступила тишина.

— А почему? Почему я? — недоуменно спросил Орри.

— Не знаю... — как-то нехотя ответил андроид.

Глядел он при этом в сторону и морщился как-то мучительно.

— Не знаю... — повторил он, словно хотел убедить самого себя в том, что сказал правду. — Но только не думаю, что сейчас это имеет значение... Дело в том, что Платиновой Карточки больше нет. Рыжая Борода, когда понял, что не выгорело у него... Он, одним словом, пришел в бешенство и выбросил карточку в болото! Потом пожалел, но уж поздно было. Сам знаешь, что такое здешние Болота. В смысле — не здешние, а те, что на Планете... Что в них упало, то пропало. Хоть ты их до дна все вычерпай.

— А что? — поинтересовался Бирим. — Рыжая Борода это пробовал? Вычерпать?

— На это даже у «Земельной корпорации» кишка тонка. Но он к болотам ходил — тихо умолял. Чтобы поискали. Но только у тахо обида какая-то. Не на него вообще-то, а на его

подельника. Тьфу, черт, — как его зовут-то, гада маринованного? Прозвище у него еще такое — Пугало... Да, тьфу, как же его? Фрог... Правильно — Фрогмор! Хью Фрогмор! Он гадина, на тахо охотников натравливал — у них панцири на экспорт идут... А тахо, они хоть из Болот своих и носа не кажут, а что, кто и с кем у людей, да и у андроидов — знают лучше, чем сами люди с андроидами. Бог его весть как. Может, им звенны информацию подкидывают... Так что не стали с Барри говорить даже. Он уж и бушевал и угрозами их доставал — промышленные стоки от столицы в Болота направить сулил, крокодилов из Метрополии привезти... Да только все зря. Но Барри надежды не теряет. Какой-то у него расчет на это дело есть.

Орри приуныл. Повесив голову, он впал в задумчивость. Ничего не было понятно ему в этом деле. Нет — кое-что таки прояснилось. Например, почему такая чертова уйма народу кинулась доставать его и старого Нолана. И все равно досадное удивление одолевало его — какого черта госпожа Судьба, не спросив, определила его на исполнение какой-то ему самому неведомой миссии? Да еще такой, которую из-за утопленной карточки и выполнить-то никак невозможно? И чего ради дурацкие хакеры на весь мир растрезвонили про него? Гадство все это было, одним словом...

— Мантра... — вдруг неуверенно спросил он. — Так ведь если эту карточку Нолану записал его друг из программистов один раз... Так ведь он тогда, наверное, сможет и снова...

Андроид мрачно покачал головой.

— Знаешь, Орри... Тот его друг... В общем, смываться ему пришлось. На Трассу... Потому что за такие вещи — понятно, что бывает?..

Мантра откашлялся и начал уже было приподниматься со стула, явно сочтя свою миссию выполненной. Но Бирим остановил его.

— Слушай...

Он вроде бы был смущен вопросом, который собирался задать.

— Я, конечно, понимаю, Мантра, что у тебя — дар божий. Любую сплетню ловить, что стрекоза на хвосте принесла... Только... Вот эти вещи — про то, что Барри в Болото Платиновую Карточку закинул. Откуда ты это точно так знаешь?

На секунду-другую Мантра словно окаменел. Замер на полусогнутых. Потом снова неспешно опустился на стул:

— Понимаешь...

Он пригладил свою коротко стриженную шевелюру:

— Я не люблю об этом распространяться... В общем, я сам все это видел... Ну... почти все.

Он снова провел рукой по волосам. Вид у него был довольно смущенный.

— Дело в том, что я в ту пору ходил в свите у Мастера. Ему, правда, не удалось запортировать мне Первый Закон, но чем-то я ему тогда приглянулся. Он, должно быть, хотел иметь под рукой хоть одного нормального... В смысле — надежного андроида. Потому что у тех, кто у него обработку прошел, всякие разные штучки в поведении наблюдаются... Хотя и поручить им можно такое, чего нормальному андроиду ни в жисть поручить нельзя... Тогда я при Рыжей Бороде чем-то вроде оруженосца был... Ну это потом я только понял, что такое доверие хуже всякого подозрения. Он бы меня сейчас давно уже на «последнюю роль» поставил. За то, что слишком много знаю. Оттого я и решил с планеты смываться, что почувствовал, к чему дело идет...

Бирим вздохнул с облегчением:

— Это хорошо, Мантра, что ты не стал нам мозги пудрить на этот счет... Мне о тебе давно уже такое рассказывали...

— Выходит, это ты мне проверку устраивал?

Мантра невесело усмехнулся. Брендик осуждающе глянул на Мантру. Бирим печально покачал головой:

— Да нет, Мантра... Я в принципе знал, что ты — наш. Хотя и заносил когда-то хвосты за Рыжей Бородой... Мальку, ты сам видишь, важно знать то, что ты рассказал сейчас...

— И еще... — включился в разговор Орри. — И еще мне надо знать... Мне теперь обязательно надо знать, где был этот Тайный Терминал. С которого можно войти в управление Сетью... — Ведь если ты, — он повернулся к Мантре, — был тогда с Барри Стуком, так ты должен это знать?!

Мантра молча, тяжело, исподлобья поглядел на Орри:

— Вот что, малек... Тебе бы все это... Ну на тормозах спустить бы как-нибудь... Ведь нет той карточки уже. И не будет...

Орри поднял на него тревожный и полный недоверия взгляд:

— Это не важно...

В голосе его была теперь какая-то недетская отрешенность. Хотя сам голос оставался просто голосом растерянного, брошенного крутым разворотом событий черт знает куда малька.

— Это не важно, — повторил Орри. — Раз мне это нагадали, значит, так и будет. Нет. Это серьезно. — Он снова бросил короткий, тревожный взгляд на Мантру. — Знаешь, не надо за меня решать заранее, что получится, а что нет... Просто скажи, где это?

Мантра хрустнул суставами пальцев. Странно — у андроидов пальцы тоже хрустели... Как и у людей. Раньше Орри как-то не обращал на это внимания.

— Знаешь... Я точно не знаю... Он... Он меня с собой туда не взял... Оставил, как говорится, на стреме. Но примерно...

— Так где примерно? — почти по слогам произнес Орри.

— Слушай, малек...

Вид у Мантры был какой-то сокрушенно-рассеянный.

— Ты вот что... — Он резким движением вдруг взъерошил волосы, которые до того так тщательно приглаживал. — Может... Может, ну его? Это все — ну их всех к шуту — и Терминал этот, и Карточку Платиновую, и Рыжую Бороду? Тебе же просто жить надо, малек... Растить... Человеком делаться...

Лицо Орри болезненно дернулось.

— А что... А что, разве я не человек сейчас?

Мантра окончательно смешался:

— Я этого не говорил, малек... Я этого не говорил...

Он быстро облизнул губы языком:

— Ну... Это просто выражение такое... Я имел в виду, что не детское это дело. То, что дураки-хакеры тебе нагадали. Тебе лучше на планете не показываться. Здесь ты сможешь хоть целый год прожить.

— Это не важно... — безнадежно махнул рукой Орри. — Это Судьба! И вообще — ты просто ответь на мой вопрос. Потому что если я буду от Судьбы уклоняться, то только хуже будет...

— Почему ты так думаешь?

Орри пожал плечами, почесал в затылке.

— Понимаешь... Я это не думаю. Я просто знаю, что так получится...

Мантра и Бирим переглянулись. Грустно как-то переглянулись.

— Вот что, — сказал наконец Бирим. — Ты действительно Расскажи мальку все, что и вправду знаешь... А я... Я за ним присмотрю... Я теперь от него никуда...

Мантра пристально посмотрел в глаза Бирима. Потом откашлялся и стал объяснять:

— Это в Солнечном Каньоне. Там, где водопады. Ты знаешь?

Орри утвердительно кивнул. Когда-то, когда он только еще оправился от той странной хвори, что отрезала его от прежних лет жизни, Скрипач возил его на Солнечный. Если бы не патриархальный уклад жизни Большой Колонии, это огромное и живописное, готовое потягаться с Гранд-Каньоном, что в Метрополии, ущелье-пропасть непременно стало бы источником дохода для дюжины фирм, завязанных на туристическом бизнесе. Но в Бэ-Ка вовсе не жаждали притока чужаков. И в таком виде заработка не нуждались. Так что вся деловая активность вокруг Солнечного ограничилась тем, что каньон провозгласили (с благословения Сети) национальным парком-заповедником. В нем запретили вести всякую промышленную и рекламную деятельность и вскоре благополучно забыли об этом феномене природы. На уик-энд к Солнечному съезжалась дюжина-другая компаний — человек по пять-шесть каждая — и, украсив пейзаж положенным количеством пустых бутылок и пластиковых упаковок, убывала в Нью-Чепель вершить и дальше свои труды праведные — благо от столицы до каньона был всего-то неполный час пути на хорошем каре.

Нет, некоторое время у муниципальных властей посещение Солнечного считалось обязательным номером в программе приема всяких — далеко не частых — высокопоставленных гостей Колонии. Однако после того как секретарша посла Океании, зазевавшись, чуть было не совершила полет по вертикали длиной в полмили (помешало растущее из почти отвесной скалы деревце), подобные экскурсии не приветствовались. Так что Солнечный Каньон оставался местом достаточно безлюдным.

— Помнишь, — продолжил Мантра, — там, ближе к северному ущелью, — водопады? Целых три...

Орри подумал немного, наморщил лоб, вспоминая. Потом снова кивнул:

— Да... Целых три. Они очень красивые...

— Конечно, — согласился андроид. — Так вот: за одним из них — вход в эту... систему... Там такая каменная галерея... Скользящая, наверное, очень... Я сам видел, как Барри по ней, сбоку этак, прошел за водный занавес. Это на фокус было похоже... А куда он дальше делся — не знаю. Он вообще-то прихватил с собой рюкзачок, а меня оставил за машиной присматривать... Но я из любопытства... Стал не за каром присматривать, а за самим шефом. С каром-то что может статься при полном, как говорится, отсутствии присутствия? Ни души тогда не было — на сотню, наверное, миль окрест... Мастер специально и день подобрал — после праздников. И час — на восходе, когда еще ночной мороз не отступил... Кроме того, я должен был заботиться о безопасности человека, даже вопреки этого человека приказам... А там ведь пропасть — милю с лишним лететь. И, в общем, никакой техники безопасности. Такая вот загогулина. Ну, я Мастеру фору — в сотню метров. Дал ему скрыться за скалами. А потом пошел следом. Ты знаешь, как мы — андроиды — можем тихо передвигаться... И — маскироваться, вообще...

Орри понимающе улыбнулся. Он хорошо знал это. Как-никак, с городскими андроидами

он был накоротке. И даже успел кое-чему у них научиться за год, прошедший после того, как Нолан поставил его на ноги. Так — всяким мелким фокусам...

— Ну, — продолжил Мантра, — сначала Рыжая Борода просто спускался по тропинке для туристов. В самом начале — там даже ступеньки выбиты. И перила есть. А потом — жуть одна тропка узкая, как дьяволов хвост. Но Мастер, ничего не скажешь, держался молодцом. И не подумал оступиться или застрять где-нибудь... Легко этак, играючи спустился до площадочки небольшой — сотней метров ниже. И это при его-то комплекции!

Орри постарался представить себе Барри Стука в роли альпиниста-любителя, и это ему не очень-то удалось.

— А потом и того краше, — с некоторым восторгом продолжил андроид. — На площадке той он заправски вколотил в стену альпинистский костыль, приладил трос, забросил за край и стал спускаться по нему вниз. Ну прямо что твой паук по паутинке...

Он усмехнулся, должно быть вспомнив эту забавную сценку.

— Тут я его на время потерял из виду... Выждал немного и сам полез следом. Так мы по очереди вниз и спускались. Я его потом еще несколько раз из виду терял... А в конце концов он выбрался на ту галерею и за водопад-то тот и скрылся. А я за ним соваться не стал...

— А почему? — недоуменно поморщился Орри.

— Я защитную систему почувствовал, — вздохнул Мантра. — Ведь мы же, андроиды, и в темноте видим и электромагнитные поля ощущать можем... У Мастера, видно, свой пропуск был туда — дальше, в скалу. А я — сунься только туда, так всех бы чертей с цепи спустил... И ужасно перед Мастером лажанулся бы. А это мне в ту пору совсем не с руки бы было.

В общем, отчалил я назад до кара и стал честно ждать хозяина. Ну и он через пару часов вернулся — злой как черт... Больше я ничего не знаю... Карточку он уже не при мне в Болото закидывал. Это уж потом через тахо и через звеннов сплетня пошла... Ходил Мастер неделю от злобы черный и нас всех по углам гонял... Потом с фармацевтом, с Хью Фрогмором, «У Зеленых чертей» засел и еще двое суток квасил. Потом попер на болота и зашвырнул карточку ту прямехонько в топь. Вот так вот все и получилось. Вот таким вот образом...

Он, видно, счел свой рассказ оконченным и снова начал подниматься со стула.

— А какой из трех? — Орри впился в него глазами, словно пытаюсь удержать взглядом. — Из водопадов? Какой из трех?

Мантра напрягся, припоминая. Точнее, борясь с желанием соврать, что позабыл, за каким из потоков воды, падающей в озеро на дне Каньона, прячется ход к Таинственному Терминалу Сети. Но сознательно врать людям андроиду было никак нельзя. Однако ни снова опуститься на стул, ни окончательно выпрямиться Мантра не решался. Он опять задержался на полусогнутых. В условиях низкой силы тяготения это было не слишком утомительно.

— Вот... — он начал поводить перед собой руками. — Вот так... Если стоять лицом на север, то это будет крайний слева. Самый западный, в смысле... Он еще отличается от остальных, потому что он как бы в два этажа...

Андроид выпрямился и отодвинул свой стул. Теперь, когда он мог смотреть на малька сверху вниз, он наконец принял взрослый, полный жалости к ребенку тон.

— Ну, пока. Выздоровливай и... И не торопись ты навстречу Судьбе... Если ты в нее веришь, то она сама найдет тебя. Не торопись, Орри.

Он повернулся и, ссутулясь и чуть прихрамывая, заторо— пился к выходу из палаты.

Орри и Бирим остались вдвоем.

— Ну, и ты тоже будешь меня уговаривать оставаться здесь? — мрачно буркнул малек. — Только это все — ерунда, Меня и здесь отыщут... И потом... Тебе ведь тоже хочется отсюда смыться? Вот давай вдвоем и это...

— Послушай...

Бирим уставился на Орри пристальным взглядом. И во взгляде была просьба.

— Я хочу тебя спросить, Орри... Нет, не бойся, не про окислы азота и не про палиндромы... Совсем про другую вещь...

Он хрустнул пальцами.

— Помнишь, Орри... Ты рассказывал, что там, в кемпинге Косты, тебя как бы продали... И будто это сделали те двое — как раз те, с кем я вернулся, — Бэзил Кац и... И Элен... Элен Каманера... Ты уверен, что именно они продали тебя тогда?

— Ну... А как же они дали этому Косте запереть меня на чердаке с крысами?

— Ну Ведь Рыжая Борода устроил там, в «Зеленых чертях» пью... в смысле — вечеринку. А Элен совсем не умеет пить. Она, наверное, просто не знала о том, что произошло.

Из своего недолгого опыта общения с Каманерой Орри не вынес того впечатления, что умение пить не входило в набор ее достоинств. Но он деликатно придержал свое мнение при себе, шадя чувства старшего друга. Он только высоко поднял плечи и проямлил:

— А Бэзил этот? Он что, тоже, получается, в отключке был?

Бирим скривился:

— Вот этот — мог. Знаешь, я уже говорил тебе: он — подлый тип!

— Да, — подтвердил Орри. — Он тебя Тирлимом называл. Но знаешь... — Он поскреб в затылке. — Я вот вообще ничего не понял... Они же ведь Клятву Огня и Ветра дали...

— Когда это они успели? — поразился Бирим. — И кому же?

— Да мы с ними поклялись дружить... Ночью. В Лесу звеннов... И вот...

— В Лесу звеннов? Ох...

Бирим сурово глянул на Орри.

— Элен не может быть настолько беспринципной!.. Значит, тем более она ни при чем тут! Это, безусловно, проклятый музыкантишка! Все они не способны на честные поступки!

Тут Бирим прикусил язык и глянул на Орри виновато и искоса.

— Нет, ты не подумай, что я и про Скрипача так говорю... Мастер Нолан — не музыкантишка. Он — великий музыкант!

Но Орри думал о другом:

— Я еще тогда заметил... Ну, что Каманера про Клятву знает... Она перепугалась. И сначала клясться вроде не хотела... Она же — отсюда. Не из Приюта, я хотел сказать, а из Бэ-Ка. Так? А Бэзил, он чужак. У него даже говор не такой... Так что он и не понимал ни фиги, чем клянется...

— Ну что ж! Значит, это точно — он тебя Рыжей Бороде сдал.

Бирим даже повеселел:

— Теперь этот мерзавец нарвется на бо-о-льшие неприятности! Лес измену Клятве не прощает!

Похоже, что он — в отличие от большинства андроидов, которые, как известно, ни в бога, ни в черта не верят, а верят в Законы Великого Айзека — магию Леса все-таки принимал привсерьез. И тут же его веселье сменилось тревогой.

— Только раз они с Элен вместе клялись, Лес, может быть, я ей мстить будет... Нет!.. Теперь мне там надо быть — во что бы то ни стало!

— Вот и мне тоже... — поддакнул Орри. Бирим уставился на него в полном отчаянии и растерянности.

* * *

— Все в ажуре?! — зло прошипел пан, обрушиваясь всей своей массой в тяжелое, из местного чугунного дуба сработанное кресло. — Да... Это здесь называется полным ажуром: как только мы сходим с трапа на Приюте, местные спецназовцы берут нас под белы ручки и два часа допрашивают. А потом депортируют назад на планету в вонючем грузо-пассажирском транспортнике! Прекрасно! Теперь — еще больше ажур — я отправляюсь в «Пирамиду» разбираться со стервецом Чарли и что я вижу тут?

Он возрился на Рашида так, словно ожидал, что тот вытянет Чарли из кармана, как фокусник кролика из шляпы. Раш, однако, не оправдал его ожиданий.

— Никакого Чарли! — горестно констатировал шеф. — Вместо Чарли в конторе сидит в дрезину бухой Санчо Мурагон и несет такую околесицу, что уши вянут!

— Но все-таки, шеф, только Мельник может объяснить, кто нас заложил и куда подевался Чарли, — позволил себе заметить Рашид. — Он уже прочухался немного. Сейчас я обработаю его немного прохладной водичкой и он у нас запоет по-другому...

— Тащи его сюда! И поскорее!

Пан водрузил на стол перед собой пудовые, поросшие черной шерстью кулаки и замер в позе демонстративного ожидания.

Санчо, побывавший под струей ледяной воды и принужденный проглотить пару чашек крепчайшего кофе, явился пред его светлые очи через считанные минуты.

Раш и Гарри втащили его в кабинет и с размаху бросили на стул, придвинутый к столу напротив разъяренного шефа. Санчо уставился на Волыну медленно трезвеющим взглядом.

— М-мастер... — с некоторым удивлением произнес он. — Ч-что вы тут делаете?

Кулак Волыни грохнул по столу.

— Это ты, понимаешь, ты, пьяная скотина, сейчас расскажешь мне, что ты делал в «Пирамиде» и куда ты дел Чарли Буча!

— Ч-чарли? — еще более поразился Санчо. — Я-я его и не думал никуда девать... В том смысле, что никогда...

Он подумал немного и добавил:

— И сегодня тоже... В том смысле, что вчера... — Он провел языком по расквашенным губам и сообщил: — Мне твои ребята зря врезали... И еще кофе в глотку залили — горячий, ну что твой кипяток. И без сахара...

Пан тяжело поднялся с кресла и стал медленно огибать стол. Санчо, чуя недоброе, заерзал, пытаясь вместе со стулом, на котором сидел, убраться подальше от надвигающейся опасности.

Волына вдруг резко изменил темп движения и, стремительно подскочив к Санчо, схватил его за грудки. Тот вполне благоразумно не оказал ни малейшего сопротивления. Пока пан тряс его как грушу, Мурагон лишь пучил совершенно невинные глаза и издавал нечленораздельные звуки, призванные эту невинность подтвердить. Волына, отходя от

накатившей на него волны слепого бешенства, швырнул свою жертву на стул. Тот, как и вся мебель в кабинете, был сработан на совесть и таки не разлетелся вдребезги.

— Я велел тебе не спускать глаз с клятого сыскаря! — медленно, почти по слогам произнес пан. — Какого же рожна ты оказался в «Пирамиде»?! И какие черти унесли оттуда Чарли-бракодела?

— Его унесли не черти, мастер... — начал наконец выдавать осмысленный текст Мурагон, сумбурно поводя перед собой растопыренными конечностями. — Скорее наоборот... Не в том смысле, мастер, что ангелы на небо живьем взяли, а вовсе как бы даже снова наоборот... Никакие это не ангелы были... И не взяли... В смысле — не унесли...

Как и все, кому приходилось выслушивать речи Санчо больше десяти секунд, пан Волына ощутил легкое помрачение сознания и усомнился в своей способности понять хоть что-то из сказанного. Он приложил руку ко лбу, честно пытаясь понять, нет ли у него жара. Потом снова поднял Санчо над стулом и, медленно наливаясь яростью, по слогам произнес:

— И-ли ты не-мед-лен-но ска-жешь, ку-да дел-ся Чар-ли, или Я ВЫШИБУ ИЗ ТЕБ ДУХ ВОН!!!

Санчо икнул и на время потерял дар речи. Секунд пять-шесть он и Волына таращили глаза друг на друга, словно пытаясь вступить в телепатический контакт. Потом пан отпустил Санчо, и тот вновь грохнулся на сиденье стула.

— Так я все это к тому, чтобы вы, мастер, лучше меня поняли, — сдавленным голосом пояснил он. И, переведя дух, снова заговорил — горячо и торопливо, сопровождая свои слова бурной жестикуляцией: — Чарли вовсе не черти унесли, а шлюха увела. Рыжая такая... Хотя если так это повернуть, то и не шлюха вовсе... А просто стерва какая-то. А с другой стороны посмотреть, так, может, она Чарли и вовсе — лучшая подруга...

— По порядку, Санчо! — вступил в разговор Рашид. — По порядку и короче. Будешь мыслью растекаться — по пальцам бить буду! И уши порву!

— Нет, вот уши больше не надо! — подумав, попросил его Мурагон и опасно потрогал свои органы слуха — пунцовые и разбухшие, как пельмени.

Он повернулся и посмотрел в глаза пану.

— В общем, так... Корешился я с вашим Ясным, корешился и так на него весь день и ухлопал. Ему за каким-то дьяволом позарез знать надо было, о чем в последнем Предсказании Хакеров говорится...

— Так! — констатировал Волына и переглянулся с Рашидом. — Ну и как — дознался он до этого?

— Да, в общем да. Дознался. В том смысле, что...

— Короче! — приказал Рашид и замахнулся на Санчо рукояткой пистолета.

— Дознался он... Я его с одним типом свел. То есть не с типом, а...

Он покосился на Рашида и осекся, потом торопливо продолжил:

— Одним словом, познакомили его... Потом — я отследил — он еще заехал в транспортное агентство. Получил билеты. Мне не удалось рассмотреть какие...

— Можешь не волноваться на этот счет, — оборвал его Волына. — Продолжай.

— Ну а потом его снова понесло в офис. И там он, видно, и дрыхнуть лег... В общем, решил я, что на ночь могу от него отклеиться, и подался в «Пирамиду» — на доклад, так сказать. И не моя вина, мастер, что вас я там не застал... А застал я там Чарли, извините, уже нагрузившегося... Ну, так это, я считаю, — грех простительный...

— С кем же он надрался? — любопытствовал пан. — И от какой радости?

— Н-ну... — неопределенно протянул Санчо. — Н-ну... Видите ли, мастер, Чарли, как я уже сказал, был порядком навеселе и разговаривал он как-то э-э... невразумительно... Да я и сам его не особо расспрашивал. Потому что ну ни фига понять не мог из того, что он там буровил... Про друга какого-то закадычного... Знаете, мастер, он на вас очень в обиде был. За то, что вы его в долю какую-то не взяли. В деле каком-то. Оттого и надрался. Но не в офисе — этточно... Потому что там в «Пирамиде», в баре, полно выпивки было нетронутой...

Мурагон скорбно задумался. Должно быть, его охватили приятные воспоминания.

— Но вы с Чарли ее-таки тронули, — уточнил Рашид. — Выпивку. В общем полный свинарник в офисе устроили. Дальше, дорогуша. Что было дальше?

— Ну, посидели мы немного. Так, за жизнь вроде поговорили... И тут — звонок в дверь. И вваливается эта шалава. Рыжая... А может, не шалава, а только под шалаву косила... Знаете — трудно их понять. Баб, в смысле...

— Как звать-то ее? — поинтересовался Раш. Санчо сокрушенно покачал головой:

— П-по-моему, об том речи не шло... Она, значит, с пакетом таким была... Ну в нем там едиво всякое-разное. Ну и выпить... «Грант» — отличное пойло... Вроде как от друга того, что Чарли днем повстречал... Мол, и сам он вот-вот пожалует...

— Ну и что? — насел на него Волына. — Пожаловал друг этот?

Санчо склонил голову к одному плечу, потом к другому, покосился на Рашида и, пожав плечами, глубокомысленно отвечивал:

— Пожаловал он, вообще говоря. Но...

Он снова покосился на Рашида. Точнее, на его пистолет, рукоятка которого готова была с размаху приложиться по какому-нибудь чувствительному месту его организма.

— Но?.. — напомнил ему Волына.

— Но не появился он...

Рашид слегка потряс головой, отгоняя нахлынувшую на него мигрень.

Санчо развел руками.

— Я то имею в виду, — пояснил он, — что он снаружи остался — этот приятель его... В машине. Только погудел нам... Ну, тут девка эта рыжая Чарли под белы руки подхватила и на выход потянула. Мол, поехали с другом веселиться... И утащила-таки... А меня они бросили...

Он снова пригорюнился. Рашид склонился к его лицу:

— Как его звали?! Ведь эта девка его как-то называла?!

— Наверное, называла... — охотно согласился Санчо. — Только я... Ну, в общем, я все это ключьями какими-то вспоминаю...

— Ключьями, говоришь? Я тебе сейчас уши ключьями нарежу! Это тебе улучшит память, — пообещал ему Рашид. — Ты ж, было дело, сыском деньги зарабатывал. Значит, помнить такие вещи должен! Или совсем мозги пропил?

— Ну что вы все уши да уши?.. — заверещал Санчо. — Ей-богу, если бы я мог хоть что-то вспомнить, я бы вам как на духу... Я ж не знал, что они Чарли умыкнули...

— Так! — отрубил Волына. — Ты хотя бы запомнил, на какой тачке они укатили?

Тут Мурагон приосанился и принял вполне пристойную позу.

— Уж такие вещи у меня на автомате проходят. Это была «проксима А-12». Темно-красная. В номере, по-моему, есть шестерка... Я ж только один раз в окно глянул. Не очень внимательно.

— Ну, это уже кое-что... — неопределенно промычал Вольна. — Слушай... А тот парень, что был за рулем, — ну, приятель Чарли... Как он выглядел?

Санчо поморщился, словно у него заныл зуб:

— Да вы знаете, мастер... Я, помнится, действительно, разглядеть его получше хотел... А то так просто видно было, что кто-то там за рулем виднеется. Ну и пошел к окну — поближе чтобы было. Но стол, знаете, помешал...

— Ясно, — мрачно констатировал Рашид. — Там тебя и наши. Под столом этим...

Мурагон потупился и неуверенно выговорил:

— Я, знаете, мастер, не так уж и много спиртного проглотил. Вот и думаю, может, там чего намешано было — в «Гранте» этом?

Вольна поднял мрачный взгляд на своего подручного:

— Вот что... Пусть побудет там...

Он указал на дверь за спиной. Дверь была стальная, с хорошей звукоизоляцией. Вела она в довольно схожий с тюремной камерой чулан. Для кое-кого он становился последним пристанищем в брэнной жизни.

* * *

Оставшись втроем, Вольна, Рашид и Гарри некоторое время мрачно созерцали друг друга. Шеф явно предоставлял право высказаться первым кому-нибудь из подчиненных. Нарушил молчание помалкивавший во время допроса.

— Темнит Мельник, — сообщил он свое мнение об услышанном. — Боюсь, спелись они с этим Ясновым...

— Это точно его штучки! — поддержал Рашид. — Они на пару с Мурагоном раскрутили Чарли, узнали, что мы Яснову на Приюте дорогу перебежать хотим и Яснов на нас и спустил тамошних копов. Предупредил... А Чарли они напоили и, может, на фиг в Обводной канал скинули...

— А баба? — поинтересовался Гарри. — Что это еще за рыжая баба в дело впуталась?

— Да не было никакой бабы! — отмахнулся от него Рашид. — Ни рыжей, ни чернявой — никакой. Свистит Мельник. След путает...

— Брек! — оборвал цепь его рассуждений пан. — Не проходит! Если все так, то какого ж рожна было Мурагону в стельку надираться и самого себя нам в подарок оставлять?

— Да такого, что до выпивки жаден, скотина! — ничуть не смущаясь открывшимся изъяном своих умопостроений, парировал вопрос шефа Рашид. — Верно, когда Яснов уволок Чарли, он допивать виски остался, чтоб не пропадало... Или позже вернулся. Все за тем же... Ну и не рассчитал силенок... Ничего, поработаю с ним, и он все как на духу выложит...

Вольна наморщил лоб и взял сигару из ларца, который Гарри ему услужливо пододвинул, а Рашид — открыл.

— Нет... — сурово молвил он, отсекая кончик золоченым резачком. — Мельник — человек осторожный... Трусоватый... Нет, — повторил он, раскуривая драгоценную «гавану». — Да и на спиртное не так уж и жаден... Может, и вправду их там траванули... Там разобраться надо — с виски этим...

— Гм... — почесал в затылке Гарри. — А знаете, шеф, там ведь не было никакого «Гранта». У него ж бутылка характерная... Я бы сразу заметил... Не было — ни на столе, ни

на полу... Были две бутылки «Черной метки» из наших запасов. Одна — пустая, другая — наполовину. Ну и все...

— Вот я и говорю, — зло бросил Рашид. — Придуряется, сволочь!

Волына посмотрел на него взглядом таким тяжелым, что им бы впору колоть орехи.

— А ты как поступаешь, Раш, когда тебе поручают травануть какого-нибудь лоха? Бутылочку с дурью на месте оставляешь? На память родным и близким?

— Тоже верно... — виновато согласился Рашид. — Такие вещи с места действия забирать полагается. Чтоб копам служба не казалась медом...

— Так что, может, и не свистит Санчо... — задумчиво пробормотал пан, окутываясь облаком сизого дыма.

Оба его подручных хором замычали в знак согласия с сомнениями шефа. Оба разом вспомнили, что Санчо Мурагон всегда был чем-то симпатичен пану, и смекнули, что валить все на Мельника — не лучшая тактика на сегодняшний день.

— Мы, шеф, Стуковых людей еще в расчет не взяли... — резко сменил пластинку Рашид. — Они ж сейчас должны на цырлах бегать, чтобы шефа своего вызволить... А мы даже не знаем — кто такие... Может, их рук дело.

— Тоже — мысль... — рассеянно бросил пан. И резко грохнул кулаком по столу.

— С Барри я сам поговорю! А вы сейчас — за дело! Не позже сегодняшнего вечера Яснов притаранит на планету мальчишку. Майк говорит, что он на «Стеллу» два обратных билета заказал. Ты, Раш, организуешь ему встречу в Космотерминале. Деваться им некуда. Обоих ко мне. Сразу. Но будь повежливей. Пока все, что этот парень делает, поперек контракта не идет. Но людей прихвати побольше. Чтоб не улизнули и чтоб не отбил малька никто. А ты, — он указал подбородком на Гарри, — тоже берешь людей, что остались, и на пару с Мельником роете носом землю и как хотите, но выходите на Чарли и, главное, на тех, кто дурня умыкнул. Они-то теперь точно знают, что малек — на Приюте. И могут нам все карты вдрызг смешать...

— А Мурагона-то зачем из-под замка выпускать? — недоуменно пожал плечами Гарри.

— Да затем, что он сейчас из шкуры вон лезть будет, чтобы перед нами отмыться! — зло объяснил бестолковому подручному пан. — Это — во-первых. А во-вторых, он — профессиональный сыскарь. Детектив. Тебе только присматривать за ним надо хорошенько. Потому как соблазн у него, конечно, велик — деру от нас дать. Поэтому в работу его нос не суй, но и ни на шаг не отходи! Надо будет — в один с ним писсуар мочись! Но только — чтобы ни на шаг!

Волына сквозь табачный дым уставился на замерших в ожидании подручных. Он снова обрушил кулак на стол и оглушительно рявкнул:

— Какого черта вы торчите тут на полусогнутых? За дело, олухи!

* * *

Дверь чердачного чулана скрипнула, и между ней и косяком образовался основательный зазор. В зазор этот глянул глаз Косты Ставроса. Черный и полный вины и тревоги глаз.

— Послушайте, Мастер... — просипел содержатель «Зеленых чертей». — Послушайте... Если вы обещаете, что не покалечите слугу...

Ответом ему было нечто, напоминающее рев взбесившегося бегемота.

— Напрасно это вы так, Мастер... — сокрушенно посетовал Коста. — Покушайте немного, успокойте нервы...

Мастер неожиданно вял этим словам и с жутким сопением остановился против щели, в которую на него виновато пялился Ставрос, и, прочистив горло громоподобным кашлем, сказал каким-то странно вялым и бесцветным голосом:

— Ладно, давай сюда твоё едиво, Иуда...

— Поймите, Мастер, — торопливо забормотал Коста. — Меня поставили в безвыходное положение. В без-вы-ход-ное!!! Если я не буду делать того, что Рыло велел, — мне в Бэ-Ка не жить! Вы же знаете, у них тут все схвачено...

Он прервался на то, чтобы, позвякав замками и задвижками, отворить дверь и пропустить Кирака с подносом. Поднос украшали громадная тарелка довольно аппетитного мясного рагу и кувшин с вином. Натюрморт дополняли только деревянные ложка и кружка. По всей видимости, Коста постарался уберечь своего недобровольного постояльца от соблазна использовать предметы сервировки в качестве оружия. Андроид принялся пристраивать доставленную снедь на сооруженном из ящиков импровизированном столе. Сам же Ставрос остался снаружи — от греха подальше. В руках он сжимал внушительного вида обреза.

— Я вам как на духу говорю, — повторил он, — против моей воли вас у меня заперли. Сам бы я на такое не пошел...

— Вот что, — грозно произнес Барри, погружая ложку в рагу. — Выпустишь меня немедленно — получишь разом хорошие деньги, такие, что три забегаловки откупить сможешь и билет — куда пожелаешь... И плевать тебе будет на всяких Волын и прочую сволочь! А если, — тут его речь стала напоминать грозное мычание, ибо словам приходилось продирается через пережевываемые куски мяса. — Если и дальше меня под замком держать будешь, я, как только на свободу выйду, такую тебе жизнь устрою... А крыс здешних я тебе особо припомню. По специальному тарифу...

Коста немного отступил, дав Кираку возможность ретироваться с места действия, и, мрачно вздыхая, стал снова греметь задвижками и замками — теперь уже запирая дверь чулана.

— Мастер, — глухо произнес он. — Я бы рад... Сию минуту... Но внизу дежурят двое типов. Да таких отпетых, что... Тут один ваш знакомый с трудом уговорил эту парочку пропустить его к вам на минуту-другую. Сейчас он сюда поднимется, как только я уйду...

Он еще раз вздохнул и потопал вниз по лестнице.

* * *

После того как шаги Косты смолкли, тишину нарушало лишь сопение Мастера. Потом к его помощи пришли другие шаги — торопливые и сбивающиеся с ритма. Стук прекрасно знал, кому они принадлежат. Он решительно отодвинул полупустую тарелку, утерся рукавом и встал у двери в воинственную позу. Дверь спазматически задергалась, и во вновь открывшуюся щель опасливо заглянул Хью Фрогмор.

Метким плевком Мастер заставил его физиономию исчезнуть из поля зрения. Но уже через секунду из темноты раздался горячечный, торопливый шепот:

— Мастер, вы не должны меня винить в том, что вышло!.. Я и не подозревал, что...

— Не подозревал, скотина?! — взревел Барри. — Не корчи из себя идиота!! И не делай идиота из меня! Для чего ты притащился сюда? Если для того, чтобы я свернул тебе шею, то — пожалуйста! За этим у меня дело не станет! Только бы дотянуться до твоего паршивого загривка!

Казалось, эти слова огорчили фармацевта до глубины души.

— Поверьте, Мастер, я пришел, чтобы предложить вам выгодное дело... — скорбным шопотом сообщил он. — Мы можем хорошо использовать ваше теперешнее положение...

— Уж ты его использовал на полную катушку, мразь болотная!

В зазор между дверью и косяком чуть было не вписалась тарелка с остатками рагу, пущенная со страшной силой. Осколки злосчастной посуды загромыхали по полу, а часть рагу достигла-таки физиономии Фрогмора, которая на редкость своевременно снова возникла в щели.

— Вы напрасно так близко принимаете к сердцу эту ситуацию, Мастер, — укоризненно заметил Хью, рефлекторно облизываясь и стряхивая подливку с жиденьких бровей. — А между тем достаточно того, чтобы пошел слух... А он уже идет...

Стук попытался достать макушку коварного партнера деревянной ложкой, но не преуспел в этом, а лишь размочалил ложку в мелкую щепу.

— Послушайте, Мастер, — продолжал увещевать его Хью. — Завтра весь город будет убежден, что мафия замочила содержателя Подземных Театров. Понимаете, как это скажется на ставках тотализаторов — и белого, и черного?! А на курсах акций? Если вложить в нужный момент достаточно денег в акции и ставки, а они резко упадут в цене, то потом, когда вы снова выйдете на сцену, на этом можно наварить порядочные суммы...

Стук задумчиво уставился на украшенную разводами соуса физиономию Хью.

— Лично я попробую рискнуть таким манером, — стал торопливо закреплять достигнутый успех Фрогмор. — Но вы-то, Мастер, располагаете гораздо большими средствами... И если бы вы доверили мне распорядиться соответствующей суммой, то за очень небольшой процент я...

Мастер онемел от неслыханной наглости фармацевта. Но как это с ним бывало часто — неожиданно радикально изменил свое отношение к сложившемуся раскладу.

— Тоже мне — финансовый гений! — презрительно бросил он. — Да если бы мне оставили мой мобильник...

— Так ведь не оставили... — деликатно напомнил Фрогмор.

— Вот что! — рявкнул Мастер. — О процентах — забудь! Ты, гнида, будешь за свой иудин грех откупаться! И своих денег я тебе не доверю даже в страшном сне! Вот... У тебя бумага с собой есть? И чем писать... Давай сюда!

Стук на ближайшем ящике набросал на листке из блокнота короткую записку и просунул ее в щель.

— Вот... — понизив голос почти до шепота, буркнул он. — Под эту цидульку Август из Второго коммерческого выдаст тебе кредит. На сколько сможешь его уговорить, на столько и выдаст. На твое имя. Ты кредит и возвращаешь. Навар — мой, риск — твой. И катись!

Фармацевта как ветром сдуло.

— Ну? — нетерпеливо зашептал Орри. — У тебя уже есть план?

Бирим поднес палец к губам и ответил ему еле слышным «Тс-с-с-с!».

— Быстро одевайся, — распорядился он. — Вот твоя одежда.

Он кинул в подставленные ладони Орри объемистый пакет.

— И обувь — там же. У меня не только уже есть план. Я его уже привел в действие...

Есть пара проблем. Их надо срочно решать. Вот твоя одежда. Я ее стянул из камеры хранения...

— Ага... — живо откликнулся малек, пытаясь быстро натянуть штаны, что заставляло его проделывать немислимые кульбиты в воздухе.

Бирим помог ему, по ходу дела рассказывая, какие трудности предстоит преодолеть.

— Есть корабль, который возьмет нас на борт, — разъяснял он. — Но до него надо еще добраться. Через вакуум. Наружу-то мы выберемся — сквозь аварийный шлюз. Его как раз андройды обслуживают... Но ведь ты ни разу не надевал скафандра ни вакуумного, ни какого-то другого! Да и нет в Монастыре детских скафандров...

— И собачьих тоже нет. Наверняка... — с горечью предположил Орри.

Брендик покинул свое убежище под лазаретной койкой и встревоженно воззрился на своих — явно затевающих что-то рискованное — подопечных.

— Уж собачьих — точно нет, — мрачно признал Бирим. — А пройти надо километра два-два с половиной... Поэтому мы и решили вот что... Здесь при лазарете есть такие... В общем, контейнеры. Для транспортировки тяжело больных по открытой поверхности — с кораблей-спасателей в Монастырь. Или оттуда — на корабли «красного креста». В тех случаях, когда стыковочное шлюзование исключено. Это, в общем, тоже почти как скафандр, только без рук, без ног. Так, ящик, да и все...

— Вроде гроба? — наивно предположил Орри.

— Типун тебе на язык! — испуганно фыркнул Бирим. — Санитарный контейнер — это санитарный контейнер. Там полная система жизнеобеспечения. Если надо, можно подключать искусственное дыхание, искусственное сердце, искусственную печень. И так далее. Там все такое предусмотрено. Но тебе это, слава богу, не нужно... Пожалуй, вы с Брендиком в один контейнер уместитесь...

— Уместимся! — заверил его Орри.

Брендик поддержал его одобрительным поскуливанием.

— А вот чтобы нас не сразу заметили и назад не завернули, мне придется все время, пока Мантра и Дром тебя с Брендиком до корабля тащить будут, сестре Дин зубы заговаривать... Я и на чай к ней напросился. Потом догоню вас...

Орри уже хорошо знал этих двоих — Мантру-рассказчика и Дрома-хрипуна. И то, что сестра Александра явно равнодушна к Бириму — и не только как к стихотворцу, — тоже не было для него секретом.

— А что, Мантра и Дром тоже полетят с нами? — удивился он.

Бирим кивнул:

— Когда они поняли, о чем идет речь, то решили ради освобождения всех андроидов пойти на риск и вернуться на планету — подстраховать тебя... нас. Да Рыжей Бороде и в голову не придет, что мы осмелимся снова сунуться в Колонию. Тем более почти в самую столицу.

Орри наконец закончил одевание и, стараясь не воспарить очередной раз к потолку, принялся натягивать кроссовки.

— А корабль? — спросил он. — Откуда у вас так легко взялся корабль?

Бирим весело улыбнулся:

— А мы назад на той же «Чунга-Чанге» и полетим. Только не в контейнере, а вместе с экипажем.

— Это как?! — поразился Орри. — Они же нас тогда со ста двадцати километров хотели об скалы расколошматить! Как им теперь можно доверять? И потом — манюшки у вас откуда, чтоб за обратный пролет платить?

Бирим продолжал беззаботно улыбаться:

— Вот именно потому, что они тогда нас кинули, они нас вчетвером и повезут обратно. В обмен на доброе дело.

— Не понял я ни фиги! — потряс головой Орри.

— А тут и понимать нечего! — пожал плечами Бирим. — Типичный случай двойной трактовки Первого Закона. «Робот не может причинить человеку вреда своими действиями или своим бездействием»... Только вместо «робот» читай — «андроид».

— Да это все наизусть знают! — отмахнулся от него Орри. — А каким боком это нашего побега касается?

— А тем, что если мы — андроиды, которых незаконно перевозили на «Чунге» с Большой Колонии на Приют и притом сбросили с корабля на верную погибель — промолчим о случившемся, то что? Правильно: мы этим причиним вред людям, потому что оставим на свободе экипаж, способный и дальше нарушать разные законы. Так?

— Так... — неуверенно пробормотал Орри.

— А теперь... — Бирим начертил в воздухе сложную загогулину, — посмотри на это с другой стороны: если мы донесем властям о том, что произошло, а сестра Дин, допустим, подтвердит это, то экипаж «Чунги» отправится на Седые Луны. На много лет. При этом вред будет причинен еще многим — совершенно невинным — членам их семей, которые останутся без кормильцев... Это разве не будет нарушением Первого Закона? А?

— Будет... — сокрушенно признал Орри.

— Вот это, — поучительно произнес Бирим, — и есть типичный случай двойной трактовки Первого Закона. Нам — андроидам — приходится без конца решать такие задачки...

Орри задумался, чеша затылок.

— Ну и как вы их решаете? — наконец спросил он.

— Есть много решений, — с гордостью за свое превосходство в знании моральной алгебры сообщил ему Бирим. — Можно их решать методами аппроксимации или, например, итерации... Чаще всего используют метод оценки наименьшего вреда... Но в нашем случае мы решили задачу методом введения дополнительного условия.

— А это как? — снова недоуменно воззрился на него Орри.

— Очень просто, — охотно объяснил ему стихотворец. — В условия задачи вводится дополнительное условие, которое создает перевес в пользу одного из двух решений. Вот, например, Дром подкатывает к капитану Танги, обрисовывает ему получившуюся картину и спрашивает: какой вариант ему больше нравится. При том дополнительном условии, что в случае, если он выберет вариант первый, то должен компенсировать тот остаток зла, что в нем содержится. То есть доставить троих андроидов, мальчишку и собаку назад — на планету. Для совершения доброго деяния. И оно с лихвой перешибет тот вред, который он еще сможет натворить за свою жизнь всяческими нарушениями законов.

— Он так и сделал — Дром? — уточнил Орри.

— Так он и сделал, — признал Бирим.

Орри снова ожесточенно почесал затылок. Будь он по-взрослее, то легко понял бы эквивалентность термина «решение задачи путем введения дополнительного условия» слову «шантаж». Но двенадцатилетние мальки мыслят себе мир все еще в совершенно других категориях.

— Ладно, — прошептал Бирим. — Не ломай голову. Сиди и жди. Я пошел заговаривать зубы сестре Александре, а ты сиди и жди. За тобой придет Дром.

* * *

Орри сидел на койке в залитой еле заметным, мерцающим светом ночника палате и зябко ежился. Предстоящий побег не так страшил его, как предстоящее Деяние. В конце концов, побег был всего лишь приключением. Может быть, и опасным, но все-таки — веселым. Как бывают веселы все приключения для двенадцатилетнего мальчишки. А вот Деяние... (Он именно так окрестил про себя то, что ему предстояло, красивым взрослым словом «деяние»). Оно подразумевало Выбор. А в любом выборе всегда есть что-то страшное. В каком бы возрасте вам ни приходилось его сделать.

Тем более что от этого выбора зависела вовсе не его судьба, а судьба многих и многих — тех, каждый из которых знал гораздо больше него. И, наверное, был во много раз умнее его.

Орри снова зябко передернул плечами.

— Успокойся, малыш, — прозвучал в темноте голос. Очень знакомый Орри голос.

— Ты здесь? — тихо, не веря себе, прошептал он.

На миг ему показалось, что он просто спит, и все, что с ним было за эти последние дни, — просто сумбурный, больной сон. На миг он испытал какое-то похожее на обморок облегчение.

Но тут же понял, что это не сон. В углу палаты на пустующей койке устроилась так знакомая ему угловатая, похожая на уставшую старую птицу фигура.

— Я с тобой, — тихим голосом успокоил его Скрипач. — С тобой. Но не здесь. Не в этой комнате... Я — в твоём сознании, малыш.

— Ты... Ты мне снишься? — догадался Орри.

— «Сниться» — это не то слово, — Скрипач выпрямился, и Орри показалось, что он различает в густом сумраке острые черты его лица и влажное поблескивание глаз под густой сединой бровей.

— Это все — Странная вода... — глухо произнес он. — Странная вода и слово «Мутабор»... Помнишь, я же говорил тебе, что после этого в тебе кое-что изменится. Появятся новые способности. Откроются новые возможности... Если бы их не было, ты погиб бы, когда вместе с андроидами падал на Приют. И Брендик тоже погиб бы... Это ты спас его.

— Это что? — прошептал Орри. — Биополе?

— Чушь все это их биополе! — вздернул плечи старый Нолан. — Еще раз про него от тебя услышу — накажу! Просто ты ему отдал часть себя самого. Это — не красивое слово, в смысле... Потом я тебе расскажу, как это происходит... Только не думай, что ты сейчас все

можешь. Не думай так и не лезь на рожон. Но кое-что можешь — такое, что другие не могут.

Вот и сейчас мы с тобой разговариваем через подпространство Я от тебя за сотню тысяч километров — на планете...

— Я скоро вернусь к тебе! — зашептал Орри, горячо и торопливо. — Я не хотел попадать сюда... Так получилось...

— Знаю, знаю... — ворчливо прервал его Скрипач. — Я присматриваю за тобой... Издалека, но присматриваю... Всю вашу затею с побегом, как ты выражаешься, «просек»... Удачи вам. Только вот что...

— Ты как?! — перебил его Орри. — Тебе... Тебе — лучше?

— Лучше, малыш...

В темноте Орри почудилась улыбка на губах старика. Привычная — еле заметная, сухая...

— Совсем хорошо. Не беспокойся за меня. И не перебивай... Слушай меня очень внимательно. У меня не будет времени на то, чтобы повторять. Ваш корабль не должен опуститься в Космотерминале. Там вас будут ждать совсем не те, с кем тебе можно встречаться. Постарайтесь сделать так, чтобы корабль сел как можно ближе к Болотам. Пусть это будет аварийная посадка... Пусть. Тебе главное — разминуться с теми, кто хочет перехватить тебя. И выйти к Болотам.

Гермодверь за спиной Орри тихо отъехала в сторону. Дром шепотом окликнул его:

— Ты готов, малек?

Орри, не оборачиваясь, осторожно поднял руку с нервно растопыренными пальцами — «Не мешай!». Дром не доуменно замер в полете гермодвери.

— Выйти к Болотам... — повторил Орри. — Туда, где тахо?

— Правильно, малыш... — кивнул старый Нолан. — И ты уже догадался — зачем...

— Да, я догадался... — быстро кивнул Орри.

— С кем ты разговариваешь, малек? — удивленно спросил своим хрипящим шепотом Дром.

Он коснулся расположенного у двери сенсора, и сумрак в палате стал реже. Теперь Орри хорошо различал лицо приемного отца. Но Дром по-прежнему никого, кроме самого Орри, не видел в пустой палате.

— Вот и хорошо...

Скрипач утомленно прикрыл глаза:

— У тебя должно получиться... звенны тебе помогут. Я говорил с ними. Тебе пора...

Старик поднялся на ноги, и в палате не осталось никого, кроме Орри и вертящего головой Дрома.

— Пойдем! — Орри взял его за руку. — Нам пора.

* * *

— Теперь ты понимаешь, Чарли, что без нас тебе хана? — в очередной раз спросила Каманера до крайности удрученного подручного пана Волыны. Собственно — уже бывшего подручного.

— Или для того, чтобы это до тебя дошло, тебе надо опохмелиться?

Чарли только посмотрел на нее мутным взглядом и снова уронил голову на стол.

— Рыло тебе ни за что не простит того, что ты провалил его поход на Приют, — ласково втолковывал ему Бэзил. — И только мы можем помочь тебе слинять отсюда на Трассу. Куда хочешь... Но не бес-плат-но! Не бес-плат-но же!

Чарли, не поднимая головы, покосился на него и не произнес ни одного звука. Членораздельного, по крайней мере.

— Той дряни, что ты ему всыпала в пойло, — с горечью констатировал Бэзил, воззрившись на Каманеру, — хватило бы на дивизион. Конный. Мы не выжмем из проклятого дурня ни гроша!

Элен только воздела зеленые глазищи к декоративно закопченному потолку «Последней инстанции». По иронии судьбы, разговор происходил именно под ее сводами.

— Бросаем это, — Бэзил презрительно указал взглядом на полутруп, занимавший своим торсом и башкою половину столика, — и мотаем отсюда к чертям собачьим! Надо как-то определиться с Рыжей Бородой. Иначе мы — трупы.

Чарли с трудом пошевелил ушами и тяжело оторвал голову от стола.

— Мне надо выпить! — сообщил он совершенно безапелляционным тоном.

Каманера щелкнула в воздухе пальцами.

— «Черную метку»! — распорядилась она. — Тройную! Да не на троих, а тройную!

Старина Псковски — бармен «Инстанции», — столь же декоративный, как и копоть на потолке заведения, видя, что дела за угловым столиком обстоят не совсем тривиальным образом, не доверил исполнение заказа потертому сервисному автомату. Он лично — с графинчиком на подносе — приблизился к месту действия.

— Может, не стоит давать парню бухла? — предположил он, приглядываясь к Чарли.

— Стоит! — решительно определила Каманера. — Клин клином!

Она решительно наполнила «бухлом» объемистую чарку, ухватила Чарли за плечо и рывком привела его корпус в вертикальное положение. На поднесенную к его физиономии емкость со спиртным тот реагировал куда более живо, чем на приводившиеся ему разумные аргументы. Он перехватил чарку на лету, трепетной рукой поднес ее ко рту и всосал содержимое со шкварчанием и клетотом. Не прошло и десяти секунд, как глаза его просветлели, и он окинул окружающую действительность поистине орлиным взглядом.

Посмотреть в этой действительности было на что.

Именно в этот момент в «Инстанцию» внесло его бывшего коллегу Гарри, влекомого под ручку стариной Санчо Мурагоном. Ноги у Гарри заплетались одна за другую.

План Санчо был прост и почти гениален. На правах бывалого сыскаря он заявил напарнику, что лихие люди, умыкнувшие Чарли, не могли не отметить хотя бы в одном из порядочных баров столицы. В первом же из них, баре «Крик павлина», им совершенно неожиданно для Санчо удалось получить «наколочку» на зеленоглазую девицу, перепутать которую ни с кем было просто невозможно. Заодно здесь хорошо запомнили и внешность ее спутника. Тут Гарри окончательно уверовал в детективные способности своего подопечного и неосмотрительно доверился ему. После чего оба Шерлока Холмса начали поход по питейным заведениям, отмечаясь в каждом из них «для конспирации» рюмочкой-другой чего-нибудь фирменного. Причем Санчо — устойчивый к алкоголю — неусыпно следил, чтобы Гарри не отставал от него в объеме поглощенных напитков. Некоторое время спустя он даже дал напарнику изрядную фору, а еще немного погодя и вообще взял небольшой тайм-аут.

Теперь поставленная Санчо цель была уже почти достигнута. Гарри лыка не вязал.

Оставалось пристроить где-нибудь в надежном месте близкого к неменяемому состоянию напарника и дать тягу. Лечь на дно. Завершающий аккорд первой части своего плана Санчо, естественно, надумал дать в милой его сердцу «Последней инстанции». Где же еще? Меньше всего он рассчитывал столкнуться здесь нос к носу с объектом своих поисков. В его планы такое вовсе не входило.

— Ну вот! — воскликнул он, поворачиваясь к Гарри. — Пожалуйста! Я же говорил, что дело выеденного яйца не стоит!

— Т-ты молодец, Мурагон! — объявил тот, уставившись на Санчо глазами вареного судака. — Б-будешь от-тмечен!

Он вытащил из кармана мобильник и удивленно уставился на это чудо техники, соображая, что с ним следует делать.

— Тип заблюет мне сейчас весь ковер... — резонно предположил старина Псковски.

— Д-да-а-а? — удивленно воззрился на него Гарри, не без труда вытягивая из наплечной кобуры свой «дизерт игл».

Псковски отступил к стойке, но бояться ему было особенно нечего. Потому что взгляд Гарри тут же плавно переместился на окаменевшего Чарли.

— А что здесь делает Чарли? — спросил Гарри, разведя руками в стороны, что придало ему сходство со старинным сверхзвуковым истребителем.

В одной руке у него торчала пушка, в другой — блок мобильной связи.

Отвечать на заданный вопрос Чарли не пришлось: не удержав равновесие, его бывший коллега, не сгибая корпуса, клюнул носом вперед и врезался крепчайшим лбом в не уступающий ему по крепости угол стола. После чего распластался на ковре и остался недвижим.

— Нам повезло, — сухо заметил Бэзил.

— Однако похоже, что тип скорее мертв, чем жив... — угрюмо заметил Бэзил, издали осторожно рассматривая распростертого на ковре Гарри.

— Да нет... Тип скорее жив, чем мертв... — задумчиво констатировала Каманера, не приближаясь к предмету высказываемых суждений.

Санчо только крикнул, наклонился и забрал с ковра пушку. Валявшийся рядом мобильник он пинком отослал в угол питейного зала. Потом поднял глаза на Чарли. Тот так же, как и сам Санчо, неопределенно, ни в кого конкретно не целясь, баюкал в руках ствол довольно большого калибра. Взгляды их встретились.

— Вот что, — решительно вошла в игру Каманера. — У нас с вами, ребята, только два выхода из этого положения. Один плохой и другой — совсем хреновый. Или сейчас начнется большое мочилово, или мы с Бэзом вам обоим организуем тихий уход на Трассу. Куда хотите. Было б бабло...

— Бабло будет, — с неожиданной решимостью объявил Чарли и с демонстративной аккуратностью положил свою «беретту» на стол.

Санчо с готовностью последовал его примеру.

Бэзил подхватил по-прежнему бесчувственного Гарри под микитки и поместил его в кресло — не приведи господь, зайдет кто в столь ранний час в «Инстанцию» и узрит зрелище, наводящее на вполне определенные мысли...

Гарри с видимым трудом — не раскрывая глаз — повертел головой.

— Как бы не очнулся гад... — с досадой заметил Чарли. Санчо сочувственно вздохнул.

— Ничего, поспит еще...

Он оглянулся, разыскивая неведомо куда исчезнувшего старину Псковски. Чтобы найти такового, ему пришлось кряхтя наклониться и заглянуть глубоко под стойку бара.

— Мне — как обычно, — определил он свой заказ бармену, укрывшемуся за толщей тяжелого дуба и никелированной стали, — а мастеру там — за столиком — тройную «метку». Не три, а тройную...

После этого вернулся к глубоко задумавшейся честной компании.

— Так ты говоришь, что бабло будет? — обратился он к начавшему было снова впадать в протрацию Чарли.

— Будут, — признал тот, бодро встрепенувшись. — Будут, но не мои. Тут действовать надо молниеносно!

— Нам вообще надо действовать молниеносно... — мрачно заметила Каманера. — Или все мы пойдем на шашлыки... Ну, выкладывай — что у тебя там...

— Да все дела простые... — Чарли придержал за виски свою гудящую, как колокол, голову. — Когда мы потрошили нору Скрипача, то — по ходу дела, как говорится, — реквизировали его скрипочку. Тот еще инструмент. Говорят, заколдованный.

Каманера присвистнула — еще девчонкой она была наслышана про магический инструмент Нолана. Бэзил переглянулся с ней. Потом глянул на остолбеневшего Санчо. Похоже, речь шла о нетривиальном «товаре». Тем не менее тона своего Бэзил менять не стал.

— И этим инструментом ты думаешь окупить наши расходы на вытаскивание тебя из

такого дерьма? — осведомился он.

— Знатоки за него дают не менее четырехсот штук, — пояснил Чарли. — Федеральной зелены, естественно. И я знаю, где лежит эта прелесть.

— Так, — деловито определил Бэзил. — Оттуда, где она лежит, мы ее забираем. Мгновенно реализуем — хоть за полцены — и делим на четверых. За это время Элен побеспокоится о ксивах для вас и о билетах к ним. На ближайший дальнобойщик. Отдайте ей ваши удостоверения.

Чарли попробовал возразить, но это у него не получилось. Он махнул рукой, вытянул из нагрудного кармана свой идентификатор и протянул его Элен. Покопавшись в своих многочисленных карманах, то же самое проделал и Санчо.

— Из вашей, господа, доли, — Бэзил взглядом указал на Санчо и Чарли, — мы вычитаем стоимость ксив и билетов. И с тем — арриведерчи! А сейчас...

Бэзу пришлось прерваться. Из-под руки у него вынырнул бледный как смерть старина Псковски. На подносе он — словно голову Иоанна Крестителя — нес тройную «метку» для зашебуршившегося было Гарри и «особое пенное» — для Санчо.

Тот, не тратя времени даром, влил виски в начавшего проявлять признаки жизни напарника. Признаки тут же иссякли. Санчо отхлебнул своего «Особого» и начал было возражать Бэзилу по поводу распределения баксов за скрипку Нолана, но был послан в задницу и предпочел больше не качать права.

— Вы бы ребята, убрали стволы со стола, — осторожно напомнил честной компании старина Псковски. — Неровен час заглянет патруль. Да и вообще — от греха подальше...

Санчо послушно запихнул громоздкий «дизерт игл» за пройму жилета и поплотнее прикрыл полый пиджака. Чарли, не торопясь, убрал «беретту» в наплечную кабуру. Старина Псковски ретировался.

Бэзил обратил на Чарли требовательный взгляд.

— Так, где инструмент?

Чарли снова норовил клюнуть носом, от чего его удержала Каманера — очередным резким рывком за плечо.

— Инструмент?.. Ах, да — скрипочка... — сообразил он. — В камере хранения Космотерминала. Две тысячи шестнадцатая ячейка... Код... код... Знаете, это я клал ее туда — шеф так велел...

— Ну, и?.. — раздраженно перебил его Бэзил.

— Сейчас у меня голова плохо варит... Но ей-богу, я вспомню этот чертов код по дороге. Или, по крайней мере, когда увижу эту чертову ячейку...

— Замечательно! — ядовито определил сложившуюся ситуацию Бэзил. — Одно неплохо — нам не придется носиться по городу, как стаду взбесившихся грузовиков. Будем тихо и мирно отсиживаться в одном из баров Космотерминала, дожидаясь Элен с ксивами. Нам, кстати, тоже, возможно, предстоит небольшое космическое путешествие. Но если ты не вспомнишь этот дурацкий номер, то, прости, нам ничего не останется, как вернуть тебя твоему шефу. Так что — напрягись, уж будь добр...

Он окинул взглядом поле брани.

— Ну — нечего ждать. Двигаем к Терминалу. Элен, ты справишься со своей частью дела?

— Были б деньги, — дернула плечом Каманера. — А деньги — есть.

Четверо беспокойных посетителей стремительно покинули гостеприимную утробу

«Последней инстанции». Старина Псковски едва успел содрать со следовавшего в арьергарде Бэзила плату за выпитое, хотя тот, призывая в свидетели всевышнего, убеждал его, что расплатится с ним «оставленный в залог» бесчувственный Гарри.

Проводив взглядом «проклятых пентюхов» (иного имени для этой компании он найти не мог), старина Псковски решил, что в словах хитрого франта есть свой резон и не грех будет собрать с «последнего из могикан» второй урожай — в виде компенсации за доставленную нервотрепку. Он потряс Гарри за плечо, но тот только глянул на него мутным глазом и снова убыл в царство пьяной отключки. Старый бармен махнул рукой.

— Ну и народ! — вздохнул он. — Приводят один в дрезину бухой полутруп, потом опохмеляют, ставят на ноги и уводят — зато взамен оставляют новый, свеженький...

* * *

Элен появилась в условленном месте — северном баре Космотерминала, не заставив себя долго ждать.

— Держите! — скомандовала она, швыряя на столик пачку магнитных карточек. — Ваши удостоверения и билеты. Не забудьте прочитать ваши новые имена. А то будет неловко на таможенном контроле. И не попадайтесь ни на каких нарушениях. Серьезной проверки эта липа не выдержит. И двигаем на посадку. Билеты до Квесты. Полетите на «Чингисхане». Чарли, надеюсь, удалось выудить скрипку Нолана из камеры?

— Минут двадцать назад, — усмехнулся Бэзил. — После того как перебрал все комбинации цифр, что были у него в башке. Включая день ангела любимой бабушки.

Он кивнул на скромного вида слегка потертый футляр, в который мертвой хваткой вцепился снова готовый уйти в отключку Чарли.

— Покажи товар! — энергично распорядилась Элен. — Мне ее приходилось видеть — скрипочку эту...

Санчо помог непослушным пальцам Чарли расстегнуть нехитрый замок футляра, и перед компанией предстал несколько необычной формы инструмент, который, тем не менее, вне всякого сомнения, был скрипкой. Более того — скрипкой Нолана-Скрипача.

Каманера осторожно, как к святыне, прикоснулась к темному лаку корпуса инструмента и решительно захлопнула футляр.

— Оно самое! — провозгласила она. — Не настобал нас Чарли!

— А вот вы нас, похоже, как раз и настобали! — угрюмо парировал ее восторженное резюме Санчо. — Билетики купили на такой рейс, что нам не скрипку с рук сбывать, а на посадку, высунув язык, гнать надо. Где же наша доля? Тю-тю?

— В самом деле! — восторженно воскликнул вроде окончательно погасший Чарли. — Где же наша доля? Тю-тю?

— Вы имеете дело не с мошенниками! — провозгласила явную ложь Каманера. — Да, мы не успеем мгновенно сбить инструмент с рук. Но это ничего не значит! Мы выплатим вашу долю — с вычетом ваших документов и билетов, а также моих хлопот...

— наших хлопот... — ревниво поправил ее Бэзил.

— наших хлопот, — согласилась Каманера. — Так вот — со всеми этими вычетами мы выплатим вам вашу долю из своих кровных! Ну-ка, Бэзил, вытряхни свой лопатник, и пусть эти несчастные поделят его содержимое между собой, как хотят!

— Но почему же мои лопатник?! — взвился Бэзил. — Мы должны делить расходы ровно пополам!

— И доходы тоже! — оборвала его Элен. — Ты с лихвой компенсируешь расходы, когда мы загоним предмет. А пока поживешь из моего кошелька. И поторопись! Скоро окончится посадка. И скоро прибудет «Стелла». И будь я не я, если она не привезет сюда тех, кого нам нужно!

С тяжким вздохом Бэзил извлек на свет божий бумажник, страдальчески морщась, вытянул из него толстую пачку банкнот и нехотя перебросил ее Мурагону. Тот хорошо отработанными движениями наскоро пересчитал купюры и удивленно воззрился на Элен.

— Но это же мизер, мэм! — поражение воскликнул он.

— Не хотите, не берите! — отрезала Каманера. — Ваше дело! И отдайте мне пистолет — тот, что вы забрали у своего бухого приятеля. Эта штука доставит вам неприятности на контроле при посадке.

Санчо скривился, протянул отсчитанную половину денег невозмутимому Чарли и совсем уж нехотя под столом передал Каманере «дизерт игл». Та умудрилась поместить его в свою сумочку. В дамских сумочках может поместиться много чего...

— Погнали на посадку! — распорядился Бэзил. — И отдайте мне чертову скрипку, Чарли! А то еще неровен час прихватите ее с собой. Вне этой планеты она большой цены иметь не будет...

— П-потом! — сурово отрезал Чарли, направляясь к выходу из бара. — П-после того как...

* * *

— Через пару минут, — тихо произнес в трубку мобильного Рашид, — через второй зал начнут выпускать прибывших на «Стелле». Будьте начеку. Морис и Ник, с вашими людьми держите под контролем служебные ходы... Будьте внимательны.

— Мы внимательны, шеф, — отозвался Ковальски, бестолковый парень, которого на всякий случай отправили болтаться в залы посадки. — Вот я, например, только что в первом посадочном засек знаете кого?

— Мы здесь не в угадайку играем! — зло оборвал его Раш. — Кто там шатается у тебя под носом?

— У меня под носом шатается Чарли Буч, — сообщил Ковальски. — Собственно, он не шатается. Он проходит на посадку. Какой-то он... Немного на зомби смахивает сегодня.

— Он один? — ошарашенно осведомился Рашид.

— Да нет, — безмятежно заверил его Ковальски. — С ним еще этот... Ну... Мельник. Санчо Мурагон... И какой-то фраер. Похоже, провожающий. Видно, из залетных. Наряжен, как на прием в Ратуше.

— Так я и знал! — с досадой воскликнул Рашид. — Они спелись! Как, черт возьми, Мурагон ушел от Гарри?! Задержи их. Любой ценой! Я сейчас подтянусь к тебе.

Решительно расталкивая встречных-поперечных и стремительно скатываясь по лестницам эскалаторов, Раш в считанные секунды преодолел расстояние до первого посадочного. Каманера, заняв выгодную для наблюдения позицию — на балконе для встречающих, — тревожным взглядом проводила колоритного южанина, метеором

пронесшегося через залы и переходы Терминала.

«Это неспроста! Что-то здесь не так!» — она покинула свой (наблюдательный пункт и устремилась в первый посадочный, с не меньшей, чем Раш, скоростью и с гораздо большим изяществом и незаметностью. Разве что только раз-другой зацепила медлительных встречных отяжелевшей от «дизерт игла» сумочкой.

К месту действия она поспела вовремя. Ковальски успешно — уже у самого турникета таможенного контроля — перекрыл дорогу Чарли и Санчо. Почувявший недоброе Бэзил, не сводя глаз с футляра с инструментом в руке Чарли, замедлил шаг и как бы дистанцировался от провожаемой им пары. Еще немного и он бы затерялся в редковатой толпе, заполняющей зал. Но сзади всю троицу уже подпирал Раш, сменивший резвую рысь на зловеще неторопливую поступь. Засунув руки в карманы брюк чуть ли не по локоть, он многообещающе улыбнулся Чарли.

— Здравствуй, приятель... — светски любезным тоном произнес он. — Что ты тут делаешь — так далеко от того места, где тебе велели быть? А что здесь делает наш общий друг Санчо?

Он вынул из карманов руки в черных перчатках и удивленно развел ими — точно так же, как незадолго до этого разводил руками Гарри. Потом перевел взгляд на скрипичный футляр в руке Чарли и начал багроветь.

— Какая чудовищная сволочь! — заорал он уже безо всякой иронии в голосе. — Так ты еще и инструмент увести хотел?!

За секунду до этого слегка запыхавшаяся Каманера, прикинув расположение камер наблюдения, стала за спиной Раша так, чтобы быть заслоненной от бдительного ока охраны Космотерминала, вытянула из сумки пистолет, сняла его с предохранителя и отключила глушитель.

— Носом в землю! — приказал Рашиду звенящий как струна девичий голос за спиной. В спину ему уперлось нечто недвусмысленное и твердое.

Раш замер, а Ковальски — с явным запозданием — полез за своей пушкой.

— Я сказала: «Носом в землю!», — заорала Каманера и, резко развернув Рашида к себе лицом, прямо перед его физиономией выпалила сначала в потолок, а потом — как бы случайно — в ближайшую камеру наблюдения.

Камеру разнесло в клочья, с потолка посыпались обломки панели освещения, половина находящихся в зале оглохли, а Раш и Ковальски моментально оказались ничком на полу. Со всех сторон к месту происшествия неслись охранники Космотерминала.

— А ты... — Каманера повернулась к тому месту, где только что стоял Чарли.

Но и Чарли, и Санчо как ветром сдуло. Они уже пересекли линию посадочного контроля и, не оглядываясь, спешили к транспортеру, уносящему пассажиров в недра фирменного лайнера дальнего следования «Чингисхан». Только скрипичный футляр одиноко стоял поодаль на каменном полу — Чарли решил не искушать судьбу и играть честно.

Из толпы чертом из табакерки выскочил Бэзил, схватил инструмент и был таков.

Элен вялым движением бросила «дизерт игл» наземь, закатила глаза и, искусно имитируя обморок, повалилась на руки восьмерых охранников, подбежавших к ней.

— Спасибо... — еле слышно пролепетала она. — Спасибо, что спасли меня от зверей!..

И — так, по крайней мере, решили все присутствующие — лишилась сознания.

— Так каким же образом в ваших руках, мэм, оказалось оружие? — с максимально

возможной вежливостью осведомился комиссар криминальной полиции Даусон.

Себя Даусон почитал несчастнейшим из людей. По крайней мере — людей в форме. Именно в его комиссариат входил злосчастный Космотерминал со всеми его проблемами. Космотерминал, в котором у любого происшествия «ноги росли» из других Миров, а расследование простейших правонарушений превращалось в запутанную дипломатическую проблему. Сердце комиссара отдыхало лишь на случаях примитивного жульничества и воровства, которые, однако, были столь редки в здешних краях, что отличиться тут было просто не на чем.

— Я думаю, вы все видели — у вас же весь зал просматривается... — дрогнувшим голосом пролепетала Элен. — Всюду эти... камеры наблюдения...

— Одну из них, вы, кстати, снесли напрочь, мэ.м.

Голос комиссара был строг.

— И зачем вам потребовалось палить в белый свет, как в копеечку? Ваше счастье, что вы никого не зацепили. Получилась бы уголовщина чистой воды. Впрочем, по порядку. Итак, это — ваш пистолет?

— Нет, ну что вы! Откуда у оперной певицы такое оружие?! Я вырвала его из рук преступника, когда он набросился на моих друзей! Вы же знаете, как все было, по видеозаписи...

Комиссару Даусону очень хотелось сказать в ответ, что как раз из видеозаписи невозможно усмотреть, что именно происходило в течение трех-пяти секунд у турникета, прежде чем дамочка начала палить. Но давать такую фору допрашиваемой явно не стоило.

— Вы — смелая женщина, если поступили так... — с сомнением в голосе произнес он. — Однако зачем же было начинать пальбу?

— Я очень испугалась и не понимала, что делаю... — всхлипнула Элен.

— Скажите... — комиссар повертел в руках карточку-идентификатор, извлеченную из сумочки Каманеры. — Вы действительно Милица Торрес — певица?

— Да, — с гордостью ответила «Милица». — Колоратурное сопрано!

— Это вы про что? — недоуменно осведомился комиссар.

— Это я про меня, — несколько свысока пояснила «мисс Торрес». — Я — исполнительница старинных песен и романсов. Это, если угодно — моя специальность. Мой голос квалифицируется термином «колоратурное сопрано». Не бас, не тенор, а...

— Понятно, — вежливо оборвал ее объяснения комиссар. — Значит, вы прилетели сюда петь?

— Именно! — подтвердила Элен. — Я этим зарабатываю на жизнь. Точно так же, как вы — ловлей преступников. Если не верите, я вам исполню сейчас что-нибудь из своего репертуара...

Она кашлем прочистила горло, но была вовремя остановлена.

— Нет уж, увольте! — поднял руки комиссар Даусон. — Скажите лучше — вы прилетели сюда по своей инициативе и за свой счет?

— Ну что вы, комиссар! — всплеснула руками Каманера. — Ведь я ничего решительно не знала раньше о вашей милой планете — только название... Меня пригласил и оплатил мне перелет господин Барри Стук. Он считается у вас тут большим меценатом...

— Да уж... — вздохнул комиссар, отворачиваясь к широкому окну. — Меценат он известный... Скажите, в Космотерминал вы прибыли, чтобы проводить ваших друзей?

— Да, — признала Элен. — Мастера Ветрова и мастера Добермана...

Она назвала имена с липовых идентификаторов, наскоро купленных ею в Переулке Слепых — известном ей с детства гнезде проходимцев Большой Колонии. Слава богу, она не поленилась их запомнить.

— Что могли иметь господа Рашид Бегумов и Ян Ковальски против названных вами господ? Для того чтобы напасть на человека вот так — среди бела дня, с оружием в руках, да еще и на глазах у охраны и кучи свидетелей, — надо иметь очень веские причины.

— О, я ведь совсем недавно здесь, комиссар. И ничего не знаю об их делах. Просто случайно встретила старых знакомых. Они торопились в Космотерминал. А мне было по пути. Если бы я знала, что у них здесь проблемы с мафией...

— Значит, у вас были еще какие-то дела в Терминале? — полюбопытствовал комиссар.

— Ну, по сути дела, я собиралась встретить там одного моего друга, — добавила она. — Господина Кима Яснова. Он, должно быть, сейчас недоумевает, почему я не встретила его. С ним еще должен быть мальчик по имени Орри... Оруэлл.

Элен всплеснула руками:

— Будьте добры, комиссар... нельзя ли навести справки — прибыл ли мастер Яснов этим рейсом «Стеллы». Возможно, он прибудет с другим кораблем. Тогда еще не все потеряно...

— Рад оказать вам такую услугу, мэм... — пожал плечами комиссар.

Он кивнул лейтенанту, сидевшему за угловым столом перед компьютером, и тот быстро набрал на клавиатуре нехитрый запрос. Ответ, видимо, был мгновенным. Лейтенант поднял взгляд от дисплея и сообщил:

— В списке прибывших фамилии Яснов нет. А детей среди пассажиров не было вообще.

Элен приободрилась:

— Должно быть, что-то задержало его... Он непременно со мной свяжется. Жаль, что я не прихватила с собой мой мобильник...

— Ну что же... — вздохнул комиссар. — На нет и суда нет. Вы будете подавать заявление о вооруженном нападении на вас, мэм?

— О, нет! Нет! — испуганно зашебетала «Милица Торрес». — Я не хочу связываться со здешним криминалом. Я ужасно боюсь, что они мне припомнят эту историю... Я не хочу никакой огласки...

— Еще раз повторю, мэм, что на нет и суда нет. Можете на нас положиться, ваше имя мы разглашать не будем. Распишитесь вот здесь и здесь. И будьте готовы к тому, что с вас взыщут за ущерб, причиненный Космотерминалу. Хотя, возможно, платить придется господам, затеявшим эту стычку.

Вы совершенно свободны, мэм. Оставьте только нам свой адрес и номер канала связи...

Когда дверь за хрупкой фигуркой Элен задвинулась, комиссар откинулся в кресле и обратил взгляд на лейтенанта.

— Эта певичка сочиняла на ходу, — сообщил тот свое мнение начальству. — Жаль, что вы не дали ей спеть — думаю, она пустила бы такого петуха...

— Вот тут вы не правы, — заметил комиссар. — Спела бы она. Еще как спела бы. И канкан бы отмочила на столе — лишь бы отмазаться от этой истории. А история — темноватая...

— Для меня лично сомнительно, что при этом Рашиде было целых две пушки. Не доказать ничего невозможно. Кстати, я тут сделал запрос об этих господах Ветрове и Добермане. Таможне они тоже показались подозрительными. Сейчас, конечно, стало

привычно летать дальнобойщиками без багажа. Но чтобы даже без кейса — с одним бумажником... Такое бывает редко. А тут — сразу оба...

Он смолк, смущенно прокашлялся и осведомился:

— А как нам быть с этими Бегумовым и Ковальски? Единственное, что им можно пришить...

— Пусть заплатят за ущерб, а они это сделают охотно, и отпустите их к чертовой матери! — махнул рукой комиссар. — Это — люди Волыны. Со мной уже связались из столичного комиссариата. Им интереснее, чтобы эти типы шатались на свободе. За ними присматривают. Кстати, не далее как вчера их и еще целую кучу подельников депортировали с Приюта. Вот так. На госпожу певичку мы столичным коллегам, конечно, дадим ориентировочку. И хватит. Наше дело маленькое. А в рамках нашего комиссариата оно исчерпано.

— Ну что же, — пожал плечами лейтенант. — Как говорится: «Леди — с дилижанса, пони — легче»...

* * *

Дожидаясь такси-автомата, Элен отправила в ближайший утилизатор свою «ксиву». Быть Милицей Торрес в дальнейшем она не собиралась. «Алиса Фокс» — так «Алиса Фокс»... Что до фокуса, который неожиданно выкинул Ким, то он ее даже порадовал.

«У парня соображаловка работает получше, чем у меня, любимой, — прикинула она, усаживаясь в подоспевший по вызову беспилотный кар. — Просек-таки, что здесь — в Космотерминале — его ждут с распростертыми объятиями люди Волыны. Так что... Или полетел каким-то левым рейсом, или записался под чужим именем. У сыскарей это запросто. Но вот с мальком сложнее... Его в багаже не провезешь. И то — как сказать...»

Ее мало интересовало, куда, собственно, унесли черти Бэзила Каца. С пустым лопатником и с нулем связей в здешних краях никуда он не денется, даже имея на руках инструмент Нолана. С ним по Нью-Чепелю бродить — пустяк засветиться.

Да и обязательств перед разведкой Империи Харур забывать ему было не след. Так что как только первый приступ природной жадности пройдет, сам отыщет, сам в ножки поклонится...

Она настукала на терминале кара адрес в общем-то любившегося ей «Крика павлина», откинулась на потертую спинку сиденья и ткнула пальцем в кнопку приемника. Тот был настроен на волну местных новостей.

Где-то на полпути к Нью-Чепелю она узнала, что график каботажного космотранспорта Большой Колонии изменен «в связи с внеочередным стартом одного из грузовых кораблей со спутника Приют». Диктор приятным баритоном сообщил, что «обстоятельства столь необычного вылета в настоящий момент расследуются. Силовые структуры Колонии рассматривают среди прочих причин возможность захвата и угона космического судна. Запроса на посадку в зоне Космотерминала от столь странно ведущего себя корабля не последовало, что вызывает определенную тревогу у чинов Министерства Чрезвычайных Ситуаций».

И снова Каманера сказала себе, что это неспроста!

— Итак, мы в полнейшей заднице, ребята! — констатировал пан Вольна положение дел на текущий момент. — Чарли с Мурагоном вы упустили — ну, да и хрен с ними! Инструмент они, похоже, утянули с собой... Вот за это вам следовало бы оторвать все, что отрывается, но с этим — подождем. Пока кровью не искупите... Но все это мелочи...

Пан был явно подавлен и даже не столько злобился, сколько исходил какой-то словесной блевотиной. Которую, однако, его подручным приходилось теперь хлебать полными ложками.

— Теперь — главное, — продолжил он. — Сукин сын Яснов, вообще... Выпал из поля нашего зрения после того, как отправился на Приют...

— Он туда не отправлялся, шеф... — мрачно вставил в это словоизвержение свою реплику Раш. — Я проверил. Он сдал свой билет в самый последний момент перед отправлением корабля. И умотал неведомо куда.

— Да-а-а-а? — злобно протянул Рыло и уставился Рашу в глаза ледяным, сверлящим взглядом. — И почему же я узнаю об этом только теперь?

— Шеф — извиняющимся тоном возразил Раш, — я только двадцать минут назад навел справки.

— А почему ты, скотина, не навел их двадцать часов назад?! — ядовито осведомился пан. — Почему мы вообще должны были мотаться на Приют, откуда нас пинком отправили во свояси, когда чертов м...дак Яснов объехал нас по кривой и затеял какую-то свою игру?!

— Если бы в дело не вмешалась эта проклятая сука со стволом... — начал было Раш.

— А ты хоть что-нибудь успел узнать об этой чертовой девке?! — прохрипел пан. — Ведь ее захомотала охрана Терминала. Тут же — на месте! И сдала полиции... А уж в комиссариате Космопорта у нас есть свои людишки.

— Эту стерву почти тут же отпустили на все четыре стороны, — развел руками Раш. — А нас муржили еще целых шесть часов — до тех пор, пока не подоспел доктор Каррада и не отстегнул всем, кому положено, столько, сколько положено...

— Знаешь, — зло бросил шеф, — на каждый ваш прокол не напасешься докторов юриспруденции... Так ты узнал, кто эта баба?!

— Назвалась певицей. Здесь — по приглашению Барри Стука...

— Гос-с-споди боже ты мой!

Пан даже всплеснул руками:

— Ну как же я не догадался. Барри — под замком, но дело его живет! Ладно, у меня будет тема для дополнительного разговора с ним...

— Шеф... — подал голос Гарри.

Вид у него был не из лучших. Левый глаз практически скрывал здоровенный фингал, нос украшала солидная ссадина уголки рта время от времени передергивал нервный тик.

— А твой вонючий голос я вообще не хочу слышать! — сообщил ему пан. — После того, как ты позволил Мураготу этак прокатить нас... После этого ты годен только сортиры чистить! И не шваброй заметь. Не шваброй! Своей тупой башкой! На большее она не годится!

— Я только хочу сказать, шеф, — позволил себе продолжить Гарри, — что час назад прошло сообщение о том, что с Приюта стартовал какой-то непонятный корабль. Грузовоз. Но без груза — вообще. И еще... Они не декларировали состав экипажа и пассажиров

Похоже, они идут мимо Космотерминала — на аварийную. Может...

— Хрена же ты молчал раньше?! — взвился пан. — Почему о самом важном вы имеете привычку говорить в последнюю очередь?

Он тут же как-то сник, сгорбился и принялся массировать тяжело набрякшие веки.

— Сколько еще этому кораблику пилить до поверхности? — глухим, уставшим голосом спросил он.

— Десять часов примерно, — с готовностью сообщил провинившийся Гарри. — Точное время зависит от выбора места посадки.

— Так вот...

Шеф медленно открыл глаза и уставился на вытянувшихся во фронт подручных.

— Это самое «место посадки» вы должны вычислить раньше, чем сам экипаж кораблика. И мы должны его встречать там, в этом самом месте, в полной готовности. Раш!

Он уставился на обмишурившегося фаворита белыми от гнева глазами.

— Всеобщий сбор! Всем нашим разбиться на группы, погрузиться в транспорт — нужны вездеходы, глайдеры... И ждать команды. Ты, Яков, — он повернулся к замершему в углу невысокому, рано облысевшему типу лет тридцати, — берешь под контроль диспетчерскую Терминала. В деньгах не стесняйся. Ну... ты лучше меня знаешь — кому там и сколько...

Как только станет ясно, где и когда плюхнет кораблик, ты немедленно — я сказал: не-мед-лен-но! — даешь знать мне лично. Где. И когда! Даже если проклятое корыто шлепнется в другом полушарии. Даже если они грохнутся посреди Нью-Чепелл!

— Если они пойдут на столицу, их сшибут, — заметил лишившийся на время чувства юмора Гарри.

— Если я буду видеть твою физиономию перед собой больше пяти секунд, — уведомил его Волына, — то не знаю, кто сшибет этот грузовоз, а башку тебе сшибу я!

Городошная бита, приютившаяся у тумбы стола шефа, служила веским доказательством того, что сказанное не было ни метафорой, ни гиперболой. Гарри словно растворился в воздухе.

— Шеф, а вы уверены, что эта история с непослушным кораблем... Может, это все как-то по-другому сопрягается? — осторожно осведомился Раш. — Очень уж непохоже на этого малого — на Кима Яснова...

— Кима Яснова ты мне найдешь сам! — отрубил Джанни. — Здесь, на планете, он не мог потеряться. Наверняка у него уговор — кто, где и как встретит малька на поверхности... Поработай в этом направлении. Наверняка он подтянет на помощь этих своих новоявленных дружков — как их там...

— Клавдий и Александр, — задумчиво пробормотал Раш. — Но каждый из них может приволочь с собой целую рать... Эти чертовы сектанты за идею Храма Единения кому угодно могут башку оторвать. Хотя и помешаны на идеях гуманизма и демократии...

— Знаешь... — взгляд пана стал тяжел и выразителен. — Если мы начнем бояться еще и всякую мелкую сволочь, вроде слюнтяев, молящихся на этот самый Храм, то нас можно уже без всяких церемоний укладывать в гробы и засыпать ровным слоем грунта!

С минуту он сверлил ледяным взглядом то одного, то другого из членов своего «генерального штаба». Покончив с этим занятием, он коротко приказал:

— Пшли вон! Займитесь наконец делом, сукины дети!

Войдя в отделенный от общего зала бар «Крика павлина», Элен облегченно вздохнула. Ее вороватый партнер радостно делал ей ручкой от стойки. Скрипичный футляр покоился у него на коленях и был уже примкнут неведомо где добытыми наручниками к левому запястью Бэзила.

«Он бы еще плакат на спину прилепил, — подумала Элен, направляясь к стойке. — „Тут я. Не ошибитесь!“ или что-то в этом духе».

Вслух же она лишь брезгливо фыркнула:

— Ты мог бы упрятать эту штуку в камеру хранения... Или снять ящик в банке...

— Это при том, что ты заставила меня вычистить весь лопатник для этих двух кретинов? — с праведным негодованием в голосе спросил Бэзил. — Да если бы ты не догадалась заглянуть сюда, мне нечем было бы даже расплатиться за коктейль! Какие уж тут абонентские ящики!

— А эту прелесть, — Элен указала на тускло посверкивающие наручники, — тебе одолжил постовой полисмен?

— Эту «прелесть», — поморщился Бэзил, — я всегда ношу с собой. Могла бы заметить. Такие вещи всегда могут пригодиться, знаешь ли...

Каманера удивленно подняла бровь и пристроилась на высоком сиденье, слева от Бэзила.

— Что заказать для тебя? — ласково осведомился ее партнер.

— Минералку. И похолоднее! Допивай свою отраву, и мы дуем к Терминалу.

— Что за спешка, дорогая моя? — возмутился Бэзил. — И к тому же мы там слишком хорошо отметились — на Космотерминале...

— Ты не в курсе последних происшествий? Да?

Элен наклонилась к партнеру и зло впиалась взглядом в его зрачки. Тот не выдержал этого и повернулся к бармену.

— Холодной минеральной для мисс! — торопливо распорядился он.

— Какую именно воду пожелает... — попытался было осведомиться тот.

— Любую! — зло оборвала его Элен.

— Про какие происшествия ты говоришь? — развел руками Бэзил. — Ты бы лучше ввела меня в курс дела с мальком...

— Ввожу... — каменным голосом отчеканила Элен, принимая из рук бармена высокий запотевший стакан. — Ни Яснов, ни тем более Орри на «Стелле» не прибыли. Зато с Приюта стартовал какой-то взбесившийся грузовоз, который норовит приземлиться куда-то мимо Космотерминала. Тебе это ни о чем не говорит?

Бэзил высоко вздернул плечи.

— Ты думаешь, что?.. — осторожно предположил он. — Это может быть простым совпадением...

— Это не может быть простым совпадением! — оборвала его Каманера. — Пойми то, что мы — дураки — не просекли сразу: только полные идиоты решили бы возвращаться на планету через Терминал! Этот Яснов не позволит Рылу себя объегорить. Скорее всего подкупил экипаж и те подписались на несанкционированный старт и аварийную посадку. Ребята рискуют лишиться лицензии, но, видно, дело для них окупится...

Бармен! Я хочу расплатиться за нас обоих... Давай сюда ключи от кара, Бэз. Где ты, кстати, поставил машину?

Бэзилу удалось нагнать Элен только на автостоянке. Она уже запустила движок и сейчас с помощью встроенного компа копалась в сетевых новостях, выискивая сообщения о непослушном грузовозе, удравшем с Приюта.

— Вот! — воскликнула она, тыча пальцем в экран. — Прошло дополнительное сообщение: сестра из Монастыря Пестрой Веры делает заявление. По ее словам, корабль «Чунга-Чанга» не просто нарушил правила космических полетов. Она считает, что он угнан тремя андроидами с нарушенным Первым Законом. Они, по ее словам, взяли с собой в качестве заложника несовершеннолетнего ребенка, вместе с которым находились в лазарете Монастыря.

— Что ж, — пожал плечами Бэзил, — твоя интуиция, похоже, не обманула тебя...
Одного я не пойму...

— А ты догадался, что за сестра сделала это заявление? — прервала его Элен.

Лицо ее озарилось иронической улыбкой.

— Неужели твоя лучшая подруга Александра? — ядовито осведомился Бэзил.

— Ты не ошибся. И если моя соображалка еще в порядке, то наверняка один из андроидов с отключенным Первым Законом — твой лучший друг Бирим. Мастер Яснов, кажется, неплохо выполняет свои контрактные обязательства.

— Одного я не пойму... — повторил Бэзил. — Не могу взять в толк, откуда у этого прощельги взялись деньги на то, чтобы провернуть эту операцию?

Элен пожала плечами:

— Может быть, ему платит Храм. Даже не может быть, а наверняка. Храм — ведь это совсем не то, чем он кажется. Или — хочет казаться...

— А может, — задумчиво предположил Бэзил, — он работает на Волыну?

Элен поморщилась:

— Скорее уж — на контрразведку. Или на федералов. В прошлом он с ними сотрудничал. Я собрала о нем кое-какие слухи...

— И не побоялась связаться с человеком, который тянет за собой этакий хвост? — ехидно бросил Бэзил.

— Тем не менее у него — репутация порядочного человека, — снова пожала плечами Элен.

— Тогда он опасен вдвойне! — мрачно умозаключил Бэз.

* * *

Послеполуденные тучи уже начали затягивать небо над Болотами, когда Скрипач похлопал по плечу погруженного в раздумья Кима. А думать ему было над чем. Долгий разговор со старым музыкантом оставил в его душе чувство неугасающей тревоги. То, что судьба многомиллионной Большой Колонии оказалась в прямой зависимости от того, что взбредет в голову двенадцатилетнему мальку, было уже достаточным поводом для беспокойства. А уж то, как Скрипач упорно не желал хоть слово молвить о том, кто такой или что такое Орри, и вовсе приводило Агента в смятение. Впрочем, он старался сохранить хотя бы внешнее спокойствие и не утратить обычного внимания к окружающему.

— Слышите? — спросил Кима Скрипач, указывая длинным сухим пальцем в начинающие темнеть небеса.

Ким прислушался.

Откуда-то с невообразимой высоты до него донесся еле слышный, но хорошо знакомый звук. Работали посадочные движки типичного каботажного корабля. Работали с хриплым громом — надрывным и грозным одновременно.

— Это они? — тихо спросил Ким.

— Они, — утвердительно кивнул старик. — Нужно точно определить, куда они сядут, и двигаться туда максимально быстро. Сейчас сюда слетится вся нечисть Большой Колонии. Надо успеть опередить их. Я просил помощи у звеннов, но звенны всегда сами по себе. Никогда нельзя сказать точно, как они поступят на самом деле. Следует продублировать их...

Минуту спустя Киму уже не надо было напрягать слух. Хрипый, кашляющий гром в небесах все набирал и набирал силу. Он поднял голову и сквозь бегущие по небу тучи увидел неясное пока злое пламя, рвущееся из сопел посадочных дюз далекого еще корабля.

Он повернулся к Скрипачу:

— Похоже, они забирают туда — к востоку...

Нолан задумчиво смотрел в небо.

— Это хорошо... — медленно и тихо произнес он. — Они садятся удачно. Очень удачно... Пошли. Иди за мною шаг в шаг... И не оглядывайся. Это Болота...

Теперь грохот стоял уже над всей равниной. Пламя выхлопа изменило цвет — из белого сделалось голубым, почти невидимым. Казалось, что с неба опускаются перевернутые конфорки древней газовой плиты — из тех, что любят показывать в фильмах про двадцатый век. Но зато стало различимо и скользящее сквозь тучи темное, похожее на средневековую башню тело корабля.

— Он садится довольно близко... — прокричал Ким, стараясь перекрыть голосом хрип посадочных движков. — В зоне прямой видимости...

Старик не ответил ему. Только взмахом руки велел не отвлекаться, а следовать за ним, осторожно перебираясь с кочки на кочку. Корабль вышел из низко стелющихся облаков, и некоторое время его тускло поблескивающая, извергающая пламя туша была видна во всей своей красе. Если, конечно, можно говорить о красе каботажного грузовоза модели М-20 «Орбитер». Потом она — эта грохочущая, неуклюжая башня — стала медленно таять. Тонуть во вставшем над Болотами гнилом тумане. Стала еле различима. Исчезла совсем.

И грохот движков смолк.

Все, сели.

На какое-то время Киму казалось, что он оглох. Только спустя несколько минут он стал снова слышать чавканье болотной жижи у себя под ногами.

— Теперь главное — не сбиться с направления, — крикнул ему Скрипач.

И тут совершенно неожиданно в зыбком тумане перед ним тускло засверкала надпись. Поползла бегущей строкой. Ким протер глаза — знакомая латиница чередовалась в этой строке с совершенно неизвестными ему знаками. Прочитать, а тем более понять написанное в воздухе было практически невозможно.

Но Скрипач вздохнул облегченно. Смахнул рукавом пот со лба.

— Это звенны, — улыбнулся он. — Они встретят мальчишку... Теперь нам надо идти немного в другом направлении... Вон туда... Там выйдем на берег и по прямой двинем

назад — к твоему кару, нам надо засветло успеть к Солнечному Каньону.

Ким повертел головой, пытаясь поймать в поле зрения неуловимую и ускользящую сущность — фигуры звеннов, сошедшихся вокруг двух путников в своем темнящем сознание танце. Но ничего, кроме зыбкого ощущения присутствия чего-то легкого и тем не менее реального — как легки и, однако, реальны бывают тени и сновидения, — не посетило его в этот раз.

Он послушно последовал за стариком, уверенно повернувшим к почти невидимому в зыбкой дымке обрыву песчаного берега.

* * *

— Будь я проклят, если через два часа мы не будем уже в лапах у полиции, — в который раз за последние десять минут повторил навигатор Лоуренс.

Кэп Танги в который раз промолчал в ответ. Стеклянным взглядом, в котором застыли досада и ненависть, он вперился в экран внешнего обзора. Там, по серому склону дюны, залитому светом клонящегося к закату здешнего солнца, торопливо уходили вдаль к гнилому мареву Болот четыре человеческие фигурки — три рослые и одна поменьше. Заметно поменьше. Эта маленькая фигурка тащила на поводке довольно крупного пса. А может, это пес тащил за собой мальчишку. Холодный вечерний ветер торопливо заносил и без того еле заметные цепочки их следов.

— Куда их понесло? — зло спросил неведомо кого кэп. — Прутся прямо к трясинам. Они вон там начинаются. За тем леском... Чтоб им всем там утопнуть! Втравили нас в такую историю, что вовек не отмазаться!

— Будем гнуть одну линию, — отозвался Лоуренс. — У андроидов, что нас захватили, нелады с Первым Законом. Мальчишку они взяли в заложники... Кстати нехорошо будет, если копы сцапают эту компанию... Они-то им могут выложить совсем, гм... другую версию. Так что...

— Так что мы копам и выкладываем — прямо как на духу, — определил кэп канву, которой экипажу надлежало придерживаться в своих показаниях. — После посадки террористы-андроиды двинули в сторону шоссе. Прихватив с собой заложника. Там, судя по их высказываниям, уродов уже ждали сообщники на флаере.

Он помолчал, пробуя на зубок свое сочинение, и добавил:

— Никому и в голову не придет, что эти шизанутые поперлись к Болотам. И слава богу — в ветреную погоду на дюнах следы заносит за минуту-другую...

— М-м... да! — согласился навигатор Лоуренс. — Все было именно так, как вы и сказали, капитан.

* * *

— Она не простит меня! — с чувством произнес Бирим и рухнул на торчащий из песка окаменелый пенек.

Рухнул так, словно переломился сразу в нескольких местах. И такой вот изломанной, трагической кучей конечностей и замер, всем своим видом выражая неизбывное отчаяние.

— Она никогда — ни-ког-да! — не простит меня!

— Это ты про сестричку Анну? — бестактно осведомился у него Дром. — Так поскрипит зубами мамзелька, поскрипит — и успокоится...

Бирим бросил на него взгляд, исполненный жалости к начисто лишенному нравственного чувства приятелю.

— Дело не в том, друг мой Дром, — с отчаянием в голосе простонал он, — совсем не в том, что сестра Дин рано или поздно утешится!.. Дело — во мне! Я!.. Я! И никто другой обманул доверие! Доверие человека, который на меня полагался. Который от меня ждал большего... Чего-то гораздо большего! Ведь я с самого начала знал, что она... Что она равнодушна ко мне! И я ее предал!

— Успокойся, друг, — подал голос растянувшийся на песке Мантра. — Про то, что сестричка втюрилась в тебя по уши, не знал в Монастыре только ленивый...

Орри, тоже нашедший себе насест для короткой передышки, молча, про себя, поддержал Бирима в его — в общем-то бесполезном — споре с прозаически настроенными друзьями. Он пригладил вздыбившуюся слегка шерсть Брендика и перевел взгляд в сторону совсем уж близкого леска, точнее — рощицы — и прислушался. Теперь ему удалось поймать этот на грани восприятия тлеющий звук.

В роще пели звенны.

Как зачарованный, малек поднялся на ноги и сначала неуверенно, а потом все быстрее зашагал туда, откуда доносилось это пение. Бирим поднялся на ноги и поспешил догнать своего малолетнего подопечного. Мантра и Дром, кряхтя, снялись с якорей и поспешили за ними.

В лес они вошли вовремя. В воздухе над дюнами начиналась кутерьма. Словно мухи на оставленный без присмотра кусок съестного, к месту несанкционированной посадки «Чунга-Чанги» тянулись вертолеты: желто-черные — столичной полиции, черно-голубые — федеральной службы, тяжелые, в пятнистом камуфляже — ВВС, белые — медицинской службы, бело-красные — департамента чрезвычайных ситуаций. «Этажом выше», поближе к набегающим облакам, деловито барражировали истребители аэрокосмических сил. Но все они прибыли на место действия с опозданием. И никому из всего этого воинства пока что не было никакого дела до небольшого леска у самого берега Болот.

Чжанн дал Орри себя увидеть только после того, как тот поглубже зашел под тень редковатых деревьев рощи. Брендик приветствовал старых приятелей своего друга веселым потягиванием. Ему не впервой было с ними встречаться.

«Старый Нолан просил нас встретить тебя, — написал Чжанн в воздухе своей бегущей строкой. — Он просил проводить тебя к тахо...»

— Веди! — коротко ответил Орри.

«Это будет трудно... — отозвался Чжанн. — Но надо... Это очень надо...»

Орри быстро зашагал за торопливо мелькавшим впереди силуэтом звенна.

— Ты... Ты сможешь мне говорить? — спросил он. — У меня не очень получается так, как у них... У тахо...

«Я все сделаю. Я все сделаю, как просил Нолан», — начертил в воздухе звенн.

Бирим, Мантра и Дром окончательно догнали Орри только когда он уже почти совсем спустился к подернутой здешней светло-зеленой ряской непроницаемо-черной болотной воде. Ветер, завывавший над дюнами, здесь стих, слово угас в стоячем мареве Болот. Звенны привели своего подопечного к небольшому заливу, что назывался обычно Заводью. Теперь

они уже не прятались от человеческих глаз и просто незаметными тенями скользили чуть поодаль от тропки, еле различимой в сочащейся влагой траве. А тропка эта самым предательским образом ныряла в топкую темень болотных трясин. Потому что тропка эта была не для людей, а для тахо.

А всем в Бэ-Ка прекрасно известно: что для тахо родная среда обитания, то для людей полнейший карачун. Обратное, впрочем, тоже было почти верным, хотя тахо и не отдавали души своему черепашьему богу, оказавшись вне Болот. Просто родная среда большинства людей, пришедших на эту планету, — суетливые и пропитанные всякой отравой города — была для этих покрытых непробиваемыми панцирями созданий смертельно невыносима. По чисто психологическим причинам.

Тем не менее тахо живо интересовались делами новой для их мира цивилизации и временами сообщали людям свое об этих делах мнение. Только интерес свой они проявляли издали — с надежной дистанции. Посредниками между миром тахо и миром людей были звенны — вездесущие и неуловимые лесные сплетники-невидимки. Трясины не были им страшны — словно гигантские водомерки, они могли надежно удерживаться на поверхности спокойных вод. Вот и сейчас они подобрались к самой границе топи, выстроились в рядок — Чжанн и еще пятеро его соплеменников — и, опустив в воду тонкие металлические жезлы, приготовились заклинать тахо выйти для разговора.

Чжанн дал знак Орри остановиться чуть поодаль от жутковатой границы темных вод, и звенны принялись поколачивать по этим жезлам маленькими, выточеными из твердой местной древесины дротиками. Над Заводью поплыл тихий, очень отчетливо слышимый по обе стороны границы воздуха и воды перезвон. В нем не было того, что у людей принято называть мелодией и ритмом, но он был достаточно приятен для уха человека. Он словно пытался сообщить слушателю что-то. Но для того, чтобы можно было это «что-то» понять, сперва надо было понять какую-то его тайну...

Тайна эта, похоже, была известна тахо.

* * *

Спустя минут десять поверхность Заводи утратила свою зловещую неподвижность. Это походило на всплытие подводного корабля. Трясина взволновалась, покрылась пузырями — крупными, как спелые яблоки, — и наконец над нею поднялся панцирь тахо. Сначала панцирь — размером с кабину микролитражки, — а затем и голова. Голова эта была, собственно, головой древнего ящера. Только мудрые, упрятанные под тяжелые веки глаза наводили на мысль о том, что перед вами — разумное существо.

Разумное, но неприятно потревоженное вами.

Тахо, нехотя перебирая лапами, двинулся к берегу, на котором его поджидали звенны, Орри, Брендик и андроиды.

Чем ближе он подплывал к ним, тем медленнее становилось его движение.

— Это Хоон, — пояснил Чжанн Орри (все той же бегущей строкой, разумеется). — Это как бы старейшина... Трудно сказать точно, но очень старый...

Хоон тем временем подплыл к ним уже достаточно близко, чтобы и вовсе остановиться и начать разговор. Он с неприязнью уставился на Брендика и тяжело вздохнул.

Собственно, это и было речью тахо — следующие друг за другом серии вздохов и

постанываний. Такой, по крайней мере, она — эта речь — представлялась обычному человеческому уху. Звуковые же анализаторы, работающие в более широких диапазонах, выявили в этой речи великое множество других составляющих — лежащих в основном в низкой инфразвуковой части спектра. Единственным согласным, издаваемым тахо в воздушной среде и доступным человеческому слуху, был звук «тэ». Именно он звучал в самоназвании племени обитателей топей. Откуда в человеческом языке и взялся его перевод — «этого тахо».

Хоон закончил охать, вздыхать и шипеть и требовательно уставился на Брендика. Тот ощетинился. Но ощетинился молча.

— Он спрашивает, — перевел Чжанн, — зачем мы привели с собой зверя? Хоон не хочет, чтобы нас слушал зверь...

Надо сказать, что ни собак, ни кошек, ни любую другую живность, прирученную человеком, тахо не жаловали. Трудно сказать, что за этим стояло. Возможно, какой-то эпизод истории отношений между тахо и родом людским — истории далеко не простой и не окрашенной в розовые тона. А может, дело было в особенностях мировоззрения тахо, которые, по мнению людей сведущих, осуждали не столько людей за то, что они приручают и тем самым лишают свободы «братьев своих меньших», сколько самих этих «братьев» за то, что те позволили себя приручить. Так или иначе, присутствие Брендика не особенно улучшило атмосферу предстоящей беседы.

— Мне кажется, — от себя добавил Чжанн строкой доверительного цвета, — что лучше будет, если твой друг отведет зверя на опушку и побудет там с ним...

Орри тяжело вздохнул, присел на корточки и что-то зашептал на ухо своему четвероногому другу. Тот слушал его, понурив голову, потом бросил на приятеля скорбный, полный упрека взгляд и позволил, ему передать свой поводок в руки Бирима. Тот как можно ласковее потрепал пса по затылку и с достоинством удалился вверх по склону — снова в редковатую рощу. Брендик тоже всем своим видом показывал, что и он полон достоинства. Но достоинства оскорбленного.

Оба оставшихся на месте действия андроида деликатно — от греха подальше — отошли в сторонку и уселись на траве поодаль.

Тем временем Чжанн перебросился с Хооном еще парой-другой тяжких вздохов и стенаний, после чего сообщил оставшемуся сидеть на корточках и пригорюнившемуся Орри:

— Я сказал ему... Я сказал, что нас прислал на Болота Нолан-Скрипач. И что у нег большая просьба ко всем тахо. И эту просьбу ему передашь ты — сын Нолана... И Хоон мне ответил, что народ тахо будет всегда благодарен таким людям, как Нолан, которые боролись с... с плохими людьми за то, чтобы на тахо больше не охотились, как на диких зверей, из-за их панцирей. И за то, чтобы за тахо признали права разумных обитателей планеты... И я сказал ему, что о чем бы ты ни просил тахо от имени Скрипача, народ звеннов всегда будет поддерживать эту просьбу...

Он снова повернулся к бесстрастно неподвижной на вид туше Хоона и опять принялся вздыхать и хрипеть. Это продолжалось чуть ли не полчаса. Должно быть, болотный житель чем-то задел глубокие чувства своего лесного друга. Цвет строки, которой он перевел для Орри смысл состоявшейся перепалки, был оскорбленный — как у не успевшего остыть послековки металла.

Сама же строка эта была, однако, вполне корректна.

«Хоон говорит, — гласила она, — что народ тахо глубоко благодарен и народу звеннов

за то, что они оказали тахо великую помощь в том, чтобы установить взаимопонимание с народом людей. И раз звенны ходатайствуют о том, чтобы помочь Нолану, тахо, конечно, сделают все, что смогут, чтобы исполнить эту просьбу, если, конечно, это не унизит их — тахо — достоинства и не пойдет им во вред».

— Конечно, не унизит! — пожал плечами Орри. — И не пойдет... Это вообще тахо не касается...

Тут он прервался, задумался на минутку и чуть поправил формулировку сказанного:

— Это я в том смысле, что это все — дело только между людьми и андроидами. А звенны и тахо будут только смотреть со стороны...

Ответа пришлось дожидаться недолго.

— Все, что происходило до сих пор в нашем Мире между людьми и андроидами, всегда приводило к тревогам для тахо и для звеннов... Лучше всего, однако, будет выслушать суть дела...

Орри собрался с силами и для большего удобства устроился сидя на сочащейся влагой траве бережка. Потом, помогая себе размахиванием рук и выразительными гримасами, а также испусканием не очень членораздельных звуков, постарался как можно более ясно изложить не очень-то, видно, сговорчивому старейшине тахо историю попадания в недра Болот пресловутой Платиновой Карточки. Он, как мог, объяснил ее значение для жизни людей и андроидов в Бэ-Ка. Свою речь он закончил скромной просьбой к народу тахо помочь найти карточку и, буде она найдена, передать ее в руки ему, Орри, или Нолану-Скрипачу, которому народ тахо так благодарен за признание их разумными существами...

Чжанн переводил его рассказ довольно долго и, видно, достаточно путанно. Во всяком случае, результатом его стараний была довольно долгая пауза — гораздо более долгая, чем сам процесс изложения сути дела и его перевода на понятный тахо язык. Потом Хоон испустил очередной вздох и задом наперед стал отодвигаться от берега. Оба его собеседника встрепенулись и, каждый на свой манер, принялись выражать недоумение действиями партнера по переговорам.

Но вскоре они успокоились, так как тахо вдруг замедлил свое попятное движение. Подняв повыше над водой изрезанную морщинами и украшенную роговыми наростами голову, он принялся издавать особо торжественное шипение и пыхтение.

— Он говорит, — стал поспешно переводить его монолог Чжанн, — что, разумеется, для народа тахо не составит труда выполнить просьбу Нолана. Мало того, тот предмет, который забросил в Заводь огромный рыжий бородач, сейчас находится в надежном месте. Но тахо хорошо известен и сам этот человек. Раньше — до того, как тахо признали разумными созданиями, — он и его друзья принесли тахо огромный ущерб. Они готовы вернуть необходимую людям карточку, только если он от имени всех сделавших зло явится сюда и искренне покается в содеянном. Они готовы принять такое покаяние, ибо прошло уже много лет. Кроме того, многие допускают, что совершены они были по незнанию. И только тогда — после того, как, покаявшись, этот человек навсегда покинет Болотный край, — только тогда карточка вернется к людям... А пока — прощайте...

Орри остолбенело смотрел на то, как громадная, облаченная в загадочно переливающийся панцирь туша Хоона неторопливо удаляется в глубь Заводи и там уходит, тоже не торопясь, в темные недра трясины. Некоторое время верхушка его панциря небольшим островком еще высилась над тускло поблескивающей гладью, а затем и она исчезла, и только давешние здоровенные пузыри рвались теперь из глубины. Потом и их не

стало, и оставшуюся черную «прорубь» быстро затянуло зеленой ряской.

Орри перевел полный недоуменного отчаяния взгляд на звенна, потом на Мантру и Дрома. Звенны продолжали свой вечный странный танец, и трудно было сказать, что именно думают они о случившемся. Может быть, их беспокоила только мысль о том, как укрыться от близящегося дождя и последующей короткой ночной зимы. Что до андроидов, то вид у них был основательно озадаченный. Первым сориентировался в сложившейся ситуации Дром.

Он решительно поднялся на ноги и предложил:

— Отойдем поглубже в чащу. Будем держать военный совет. Мантра, свистни Бириму, чтобы подтягивался. Господа звенны, вы пойдете с нами?

«Сначала мы посоветуемся между собой», — написала в воздухе бегущая строка.

* * *

Там, где редкие ветви приболотного леса сходились над головами погуще, все пятеро беглецов с Приюта (считая таковым и жестоко обиженного, а оттого угрюмого Брендика), опасливо поглядывая на небо, устроились кто как мог — кто на пне, кто на сваленных в кучу ветках, кто притулясь к стволу, что покрепче. Орри выбрал для себя опорой полузатонувший в песчаном грунте валун и оперся о него спиной. За день валун успел нагреться — мелкая листва склонившегося над ним кривоватого деревца тому не помешала. Теперь он этим дневным теплом грел спину малька.

Орри посетило странное чувство, что когда-то — в той своей жизни, которую он никак не мог вспомнить — это тоже было его привычкой. Вот так — греть спину о камень в вечернем лесу. Может быть, даже вот в этой самой рощице. У этого вросшего в песок валуна. Только вот кто мог приводить его сюда? Такие вот зыбкие воспоминания все чаще стали посещать его. Посещать, наполняя душу тревогой.

Слишком глубоко погрузиться в зыбкую мглу этих размышлений ему не дал Дром. Он своим хриплым голосом вводил отсутствовавшего на переговорах Бирима в курс дела.

— Старый плавучий маразматик окончательно выжил из ума, — закончил он. — Добиться от нашего бывшего шефа и хозяина раскаяния и покаяния не смогли бы даже все инквизиторы древности, вместе взятые! Могли бы они там, в своих Болотах, об этом и знать! Но если уж тахо переклинило, то это — навсегда. Это вам любой скажет. Однако ведь какой-то выход должен же быть, черт побери?!

Последовала долгая пауза. Потом Бирим встряхнулся и без особой уверенности предложил:

— Гипнотизера надо найти... И чтоб он обработал Рыжую Бороду...

Мантра возмущенно фыркнул:

— Полная чушь! Уж я-то достаточно побегал у Стука в шестерках и — скажу тебе — никакой гипноз эту сатану не возьмет! Это он сам кого хочешь одним только взглядом до кондрашки доведет в два счета! Да и лучшие гипнотизеры в Бэ-Ка у него на жалованье состоят, чтобы таким вот, как мы, мозги калечить...

— И потом, — перебил его Дром. — Интересно, как это ты представляешь себе — заставить Рыжую Бороду слушать гипнотизера? Для этого его надо, по крайней мере, связать. И куда-нибудь заточить... Но мы, хоть втроем, хоть вдесятером, такого сделать просто не сможем. Мало того что Первый Закон мешает, так ведь Барри без охраны редко

куда показывается. И охрана у него неслабая...

И тут чуть ли не перед самым его носом снова возникла бегущая строка:

«Вам не придется связывать и запирасть этого человека. Уже вся ваша столица знает, что Рыжебородого связали и заперли. Это сделали те люди, которые хотели от меня узнать, где найти мальчика. Люди, которыми командует человек по кличке Рыло. Очень немного людей знают, где эти люди держат Рыжебородого. Но только звенны тоже знают — где... Нам рассказали андройды из того дома...»

Орри принялся озираться кругом. Тени звеннов окружили пятерых беглецов стремительным хороводом. Еле слышно звучало их пение. Наверное, только он один и слышал его.

— Так, значит, вы уже посоветовались? — угрюмо спросил Дром.

Он тоже мучительно пытался уловить в мелькании разноцветного сумрака фигуры звеннов. Но это получалось у него заметно хуже, чем у Орри.

— Мы вместе немного заглянули в другой день, — отвечал ему звенн. — В тот, который еще только будет. И поняли Судьбу. Кусочек Судьбы. Понемножку у нас это может каждый. А когда мы вместе — получается лучше. И мы увидели, что нам быть с вами. Хотя все получается не так, как хотел Нолан. И не так, как хотим мы — звенны. И не так, как хотите вы — люди...

Некоторое время андройды и Орри молча пытались осознать неожиданный поворот дела. Потом Орри задал сугубо практический вопрос:

— Так эти бандиты — ну, которые теперь держат взаперти Барри Стука... Они же его, наверное, неслабо охраняют...

— Они его хорошо спрятали, — согласился Чжанн, — и хорошо охраняют. Но — от людей. Не от звеннов... Они не представляют, что звенны станут освободить его.

— А вы станете? — с недоверчивой надеждой в голосе спросил Орри.

— Нет, не станем, — сообщила ему бегущая строка. — Его освободишь ты в обмен на покаяние... На покаяние перед тахо... Мы только приведем тебя к нему. И отведем глаза охране.

— Это ерунда какая-то! — сообщил свое мнение о сказанном Дром. — Такое выдумать может только тот, кто представления не имеет о нашем дорогом Барри. Сидя под замком, он вам пообещает все что угодно — лишь бы выйти на свободу. Но как только кто-нибудь его оттуда вызволит, этому кому-то придется туго! Он и сам человек неслабый... Чтобы справиться с Барри, нужен человек восемь крепкого сложения. А стоит ему оказаться на воле, тогда уж и его охранники будут тут как тут! Им сейчас придется свои грехи замаливать, пупки надрывая! А вы хотите пустить на это дело малька, на которого у Рыжей Бороды уже и так здоровенный зуб вырос! Который у него из-под носа убежал! Это прямо бред какой-то!

— Не такой уж и бред, — неожиданно прервал его Мантра. — Если на дело пойдут еще и друзья Нолана из города. Их не так уж и мало... И еще вот что... Барри ни в коем случае не сорвется с цепи сразу, как только получит свободу. Наоборот! Ему надо будет очень хорошо обращаться с мальком. Он сделает все, что сможет, чтобы вернуть его доверие — если, конечно, он надеется получить от него то, что хочет. И для начала ему придется — скрепя сердце и скрипя зубами — покаяться перед тахо. Ясно почему?

— Начинаю понимать... — пробормотал Дром. — Ему же надо соединить две части ключа от управления Сетью... Малька и Карту... Да еще и добиться того, чтобы малек приказал Сети сделать то, что ему надо...

— И это после того, как они с Костой меня заперли в чулане с крысами?! — возмутился Орри. — Нашел дурака!

— Кстати, — вдруг подал голос молчавший до сих пор Бирим, — зачем же он сделал такую глупость? Ему бы действительно — обласкать мальчишку, расположить его к себе...

— Да затем, — ласково объяснил ему Мантра, — что хозяин Стук и до сих пор еще не знает, что может вернуть себе Карту. А поэтому он сцапал Орри заложником. Просто заложником. Товаром... Может, хотел шантажировать Скрипача. Чтобы тот, например, свернул кампанию против Подземных Театров. А может, он уже знал, что Рыло ищет приемного сына Скрипача днем с огнем. И готов отвалить за него неплохие денежки.

— А этим бандитам... Им-то зачем я так нужен? — озадаченно спросил Орри.

В голосе его — помимо его воли — прозвучала какая-то растерянная тревога.

— Тоже чтобы шантажировать Нолана? — неуверенно предположил он.

Бирим почесал в затылке и осторожно переглянулся с Мантрой и Дромом.

— Наверное, те просто не знают, что Карта была выброшена в Болота... — пожал плечами Дром. — Или надеются получить какими-то путями другую, такую же...

— Ну, уж теперь я никому из этих типов не поверю! — стукнул ладонью по песку Орри. — И никакой Стук меня не перехитрит!

Мантра покачал головой:

— Ты еще не знаешь, Орри, каким коварным может быть Рыжая Борода. В свое время ему удалось втереться в доверие даже к старому Нолану. А тебя он сможет запросто обвести вокруг пальца. Поэтому никогда не оставайся с ним один на один. С тобой непременно должны быть старшие товарищи...

— Нам надо торопиться, — оборвала его бегущая строка. — Скоро дождь и ночь. Мы — звенны — еще успеем добраться до того места. Но мы не можем успеть донести туда мальчика... Ему придется добираться туда одному.

— Это куда же «туда»? — грозно осведомился Дром. — И почему это — одному?

— «Туда» — это в тот дом, где заперт Рыжебородый, — пояснил Чжанн. — Орри хорошо знает его. Он в той же комнате, где был заперт Орри.

Тут Орри расхохотался — вопреки серьезности открывавшейся перед ним перспективы.

— Как — на самом деле?! Там — «У Зеленых чертей»?! На чердаке?! С крысами?! Вот умора!

— Именно там, — подтвердил Чжанн. — Но туда дойти сможем только мы — звенны — и ты. Человек может добраться туда только по шоссе. А шоссе перекрыто. Ищут тех, кто заставил корабль с неба опуститься здесь — у Болот. А тебя не ищут. Они думают, что ты заложник и пираты тебя не могут отпустить. Так что ты не привлечешь большого внимания. И кроме того, Нолан сказал, что у тебя есть особые способности. Ты, как и мы, звенны, сможешь отвести глаза, когда нужно... Тебе нужно вспомнить, как это делается... А твоих друзей непременно схватят. Их схватят даже здесь, если мы задержимся. Двое из наших уведут вас через Болота... Туда, где все вы снова встретитесь... Надо спешить. Скоро начнется, дождь. А потом будет ночь. Сегодня будет очень плохая ночь...

* * *

— Дьявольщина! — вздохнул Бэзил. — Полный провал! Шоссе перекрыто с обеих

сторон в три слоя. У корабля уйма народу — прокурорская бригада, следственная... А на местности вообще мрак: всюду снуют люди Волыны. Пора, как говорится, сливать воду...

Он присел на бампер кара и принялся раскуривать дорогую сигару. С роскошью он не расставался даже в минуты великой скорби. Так же, как теперь с прикованным к запястью футляром с инструментом. Футляр порядком мешал ему справиться с раскуриванием сигары.

— Не все так хреново, как кажется, — задумчиво бросила Каманера, избравшая местом для короткого отдыха и двух-трех затяжек сигаретой придорожный валун.

— Разумеется, — согласился с ней Бэз. — Все на самом деле гораздо хреннее...

— Я про то, — отмахнулась от него Элен, — что раз их так активно ищут, то, значит, еще не нашли. Наш Орри — малек везучий...

— О, да! — снова признал ее правоту Бэзил. — Как говорится в одной сказке — кажется, русской — «я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...».

Каманера усмехнулась.

— Ну а от меня мальку не уйти... — уверенно закончила она. — Хотя бы потому, что нас связывает Клятва Огня и Ветра...

Бэзил опасливо покосился на нее.

— Я начинаю все меньше понимать тебя, Элен, — с тревогой заметил он. — Ты собираешься выполнять наши контрактные обязательства или... Или ты собираешься исполнять всякие дурацкие клятвы? И почему ты надеешься, что малек сам придет к нам в руки?

Ответом ему был взгляд, исполненный презрительной жалости к непосвященному.

— Дурацкие клятвы, дорогой Бэз, — голосом, полным наставительной иронии, произнесла она, — мы с тобой давали на Харуре. Те клятвы означали только непереносимое возмездие для отступников. Полнейшая чушь — клятва, основанная на страхе!

— А что, Клятва Огня и Ветра от таких клятв отличается? — пожал плечами Бэзил.

— Да! Это клятва не людей. Это клятва звеннов! И ее просто невозможно нарушить. Этого нам не даст Судьба!

— Мне бы твою веру во все эти глупости... — вздохнул Бэзил.

— Клятва звеннов, Бэз, каждого ее давшего делает немного звенном. И дает ему право рассчитывать на их — звеннов — помощь!

— И ты действительно хочешь просить звеннов найти для нас Орри?

— Именно это я и собираюсь сделать, Бэз. В детстве я дружила со звеннами. И до сих пор могу говорить с ними.

— Прости, но у тебя на лбу не написано, что ты давала клятву дружить с Орри, — снова пожал плечами Бэз.

— Они узнают это от него самого, — Элен отрешенно улыбнулась. — Не удивляйся. Он, без сомнения, у них. Иначе его давно нашли бы. И еще... Старый Нолан — большой друг здешних сапиенсов. И звеннов и тахо...

Бэзил задумчиво стряхнул пепел с сигары:

— Слушай, Элен... Не по нутру мне вся эта здешняя мистика... Может, не будем торопиться с нею связываться?

Каманера помолчала, отрешенно глядя в пространство перед собой:

— Приходится торопиться, Бэз... По крайней мере — мне.

— Почему, Элен?

— Потому что... — Каманера отбросила в пространство недокуренную сигарету. —

Потому что эта ночь будет Ночью Больной Луны!

Снова распротиться с «пульчинеллой» Киму пришлось уже на подъезде к Солнечному Каньону. Послушный кар отправился на автомате проселками — искать место стоянки поукромнее, а Скрипач и Ким отправились к Каньону по каменистой и неровной тропе.

— Это здесь... Вам нравится вид, Агент?

Скрипач остановился в том месте тропы, где она выходила к обрыву Солнечного Каньона и образовывала небольшую смотровую площадку. Старик опустил на камень.

Вид отсюда открывался действительно впечатляющий. Тем более что в отличие от различных «туристических объектов», которые Киму пришлось повидать в других, не столь провинциальных, как Бэ-Ка, Мирах, виды Солнечного не были растиражированы в многочисленных буклетах и рекламных видеороликах, издаваемых туристическими агентствами. Так что к встрече с этим гигантским щрамом планетарной коры, проточенным за миллионы лет водными потоками с высящихся за его спиной горных кряжей, Ким совершенно не был готов.

Только теперь он с особой остротой понял, что скучноватый и привычно земной мирок Нью-Чепеля, да и всей растянувшейся вдоль побережья Океана Большой Колонии, это только крошечная часть здешней суши, окруженная дикими и девственными пространствами. В которых таятся чудеса. До которых здесь никому нет дела.

Он слегка поежился, заглядывая в затянутую синеватой дымкой бездну.

— Осторожнее, — посоветовал ему Нолан. — Может закружиться голова. А ограждения здесь — никакого. Вот те три водопада... К ним ведет довольно... довольно неприятный спуск. Нам надо устроиться на подходах к этому спуску. Там, похоже, развернется основное... Основное в этой игре. Вон за тем водяным пологом — проход к Тайному Терминалу...

Он молча созерцал Каньон, и вид у него был такой, словно и сам он немного причастен к сотворению этого чуда.

— Нам повезло, — добавил он. — Сегодня вечерние дожди припозднились, и освещение — прекрасное. Солнечный особенно хорош именно вот таким — в лучах заходящей Звезды. Вообще, похоже, сегодня дожди пройдут редкие, и ночь будет ясная...

Он вдруг помрачнел — и Ким заметил это:

— Вам это вроде не очень нравится, мастер?

— Угадали, Агент. — Скрипач поморщился. — Сегодня — ночь полнолуния Больной Луны. Или — как тут говорят — просто Ночь Больной Луны. Может быть, вы не в курсе, но в такие ночи много случается плохого в этих краях.

— В действительности или по поверьям? — осведомился Ким. — Я просто слышал некоторые здешние поверья и предания... Те, что касаются Больной Луны. А точнее — ее полнолуния. Мне показалось, что все с этим связанное напоминает древний культ Хэллоуина... Раз вы, как и я — из Метрополии, то, наверное, знаете, о чем я говорю. Только здешний фольклор — он как-то... Ну более суров, что-ли... Или, точнее, мрачен.

— Плохое творится в такие ночи и по поверьям. Агент, — усмехнулся Скрипач, — и в действительности... Здесь все это переплетено. Действительность порождает поверья, а поверья — действительность... Нам не слишком повезло с этим. С тем, имею в виду, что

кульминация всей этой игры припала на эту ночь.

Ким пожал плечами и постарался улыбнуться как можно более иронически.

— Знаете, это еще, по словам древних, «бабушка надвое сказала» — для кого из играющих полнолуние плохая примета...

— Ну что ж, — ответил ему Нолан со своей чуть инквизиторской улыбкой. — Хорошо, что вы настроены оптимистично. Только не приведи вас бог путать оптимизм с самонадеянностью... — Он поднялся. — Но нам надо поторопиться. Надо успеть, как говорится, занять места в партере... Тем более что я пригласил сюда еще и своих друзей. Клавдия и Александра. Вы с ними уже познакомились... А те, надеюсь, не забудут прихватить с собой и своих друзей тоже. Нехорошо будет, если они нас опередят. Поспешим. Только спешите осторожно, Агент. Скажу вам точно то же, что и в трясине Болот: следуйте за мной нога в ногу. Полет с этой кручи кончается обычно весьма плачевно. Ну и...

Ким вопросительно уставился на замолкшего старика.

— Ну и будьте готовы в эту ночь встретить на своем пути нечисть, — усмехнулся он, — духов и оборотней...

С нечистью Киму дело иметь приходилось. Но не в этом Мире.

* * *

— Да брось ты оглядываться на кар! — пренебрежительно через плечо бросила Каманера Бэзилу, осторожным шагом углубляясь в чащу Леса. — Здесь не угоняют машины. Не те края. Тем более что и красть-то ее некому здесь на лесном проселке. В чащобе, можно сказать. Лучше смотри себе под ноги. Чует мое сердце — навернешься сейчас по полной программе. А если навернешься, то можешь так напороться на сук, что...

Бэз тут же исполнил предсказание и дальше двигался уже постанывая и придерживая свободной рукой разодранную штанину.

— Да не ори ты так! — цыкнула на него Элен. — Здесь тише надо быть. Скромнее...

Тут она сама чуть не провалилась в нору какой-то подземной твари и огласила пространство крепким словечком. Прижав палец к губам, прислушалась к тишине. По непроницаемым кронам, сомкнувшимся над их головой, шумела падающая с небес вода.

— Дождь... — прошептала она зачарованно. — Наконец-то дождь... Я так боялась, что вечер будет безоблачным. И ночь... Мне нужна снежная, облачная ночь. Без звезд. И без лун!

Она повернулась к охромевшему Бэзилу и иронически кивнула на прикованный к его левому запястью инструмент.

— Оставил бы ты лучше это сокровище в багажнике. Или — просто под сиденьем. Окрест народу ноль целых, ноль десятых... Только звенны, поверь. А то — неровен час — выйдем мы на людей, и тут уж непременно какой-нибудь дурень издали примет эту штуку за автомат. И решит стрелять первым... Тут же все кругом стоят на рогах — угонщиков-террористов ловят.

— Такие вещи, — зло отозвался Бэзил, — в багажниках не оставляют. Если, конечно, все то, что вы мне здесь наплели об инструменте, хоть наполовину правда. Скажи мне лучше, где хоть один из этих твоих звеннов, которых, по твоим словам, кругом просто тьма?

— Дождь, — снова тихонько произнесла Каманера слово, ставшее для нее заветным. — А в дождь звенны замолкают. И прячутся...

— И где же их нам искать теперь? — резонно осведомился Бэзил. — В таких-то буераках?

Каманера даже фыркнула от возмущения.

— Звенна, дорогой мой, — объяснила она, — найти невозможно. Особенно если он этого не захочет. Звенна можно только выманить. Позвать... Вот я сейчас и буду их звать.

— Ну так и зови! — раздраженно отозвался Бэзил. — Какого черта мы тут плутаем в сумерках по чащобе?!

— Выманить хоть одного звенна, тем более в дождь, милый мой, — менторским тоном пояснила Элен, — дело не простое. Ты тоже мне разбежался. Сперва надо найти колокольчики...

— Ко-ло-коль-чи-ки? — осатанело уставился на нее Бэзил. — Какие еще колокольчики и бубенчики могут быть в этих буераках? Здесь только клещей нахвататься можно да заражение крови заработать...

Он, морщась, поправил разодранную и испачканную кровью штанину

— Колокольчики звеннов, — объяснила Элен. — Они, звенны, их прячут в условных местах. Известных только посвященным. Я была посвященной. Их еще умеют искать дети. Но потом, когда становятся взрослыми, всегда забывают, как это делается. А я все помню и помню... И еще надо уметь в них звонить. Я умею...

* * *

Колокольчики звеннов... Кто в Большой Колонии не слышал о них? Как и все, что связано с призрачным и зыбким существованием этого племени, призрачно и зыбко все то, что написано и сказано про эти его странные произведения. Многие из тех, кому редко приходилось (или не приходилось совсем) бывать в Лесу, считали рассказы о них своего рода легендами. Достоянием здешнего фольклора — не более.

Говорят о них многое. Говорят, что, вызволив только посвященным известную мелодию, те из людей, кого звенны выбрали в друзья, могут выманить на встречу с собой эти причудливые существа, живущие на грани человеческого восприятия. Говорят, что укравшего колокольчики из заветного места, где звенны их прячут для своих друзей, звон поражает безумием. И наоборот — говорят, что звон этих колокольчиков исцеляет если не тело, то душу. И еще говорят, что колокольчики эти для звеннов делают люди.

Хотя несколько связок этих удивительных изготовленных из причудливых сплавов металлических цветков можно увидеть в музеях городов и монастырей Колонии, вопрос об их происхождении остается спорным...

Одни специалисты безапелляционно утверждают, что эти причудливые экспонаты — полнейшая мистификация. При этом они приводят данные металлографического и искусствоведческого анализа, убедительно свидетельствующие о том, что колокольчики — дело рук человеческих.

Другие — не опровергая приводимых фактов — отмечают, что именно так оно и должно быть. И приводят документы эпохи Изоляции, из которых следует — и следует почти непреложно, — что именно тайные сообщества кузнецов начали изготавливать (да, похоже, изготавливают и до сих пор) колокольчики для тех немногих, кто первыми — и именно с помощью музыкального звона — установил со звеннами контакт и начал обучать

их земным языкам. Гораздо позже, к слову сказать, точно таким же путем — через звенящие стержни — сами звенны научились вызывать доверчивых в ту пору тахо для встреч с людьми... (До той же поры разумность обитателей Болот считалась лишь весьма фантастическим допущением отдельных энтузиастов Контакта — из тех, что склонны видеть следы рассудочной деятельности даже в росте плесневой колонии.)

В общем, много чего говорят ученые люди.

Но те, кому пришлось жить — а тем более провести детство — вблизи Лесов звеннов, раскиданных по всей Бэ-Ка, в существование колокольчиков и в их силу верят. Верят тихо, но без всяких сомнений. И без особого желания посвящать в эту свою веру посторонних. Каманера была из таких.

* * *

Бэзилу так и не удалось понять, по каким признакам удалось Элен вычислить тайник-алтарек, расположенный в почти незаметном среди здешнего мха углублении древнего камня. То ли трава здесь росла не так, то ли как-то по-особенному располагались мелкие и невзрачные цветы, полускрытые в этой траве...

А может, и ни при чем здесь были и трава и цветы — гадать было бессмысленно. Главное — когда тонкая, быстрая рука Каманеры скользнула под мох, то исчезла она там почти по локоть. И вернулась со связкой из неполной дюжины колокольчиков.

Бэзил нагнулся над ладонью Элен и засопел, разглядывая их.

Были они все разные — не похожие друг на друга ни формой, ни узором (если их рельеф можно было назвать узором). Но все они были малы — чуть больше ногтя размером. Причудливые тонкие и острые крючочки украшали вершину каждого из них. Художественное чутье подсказало Бэзу, что коллекционеры, пожалуй, заинтересовались бы этими чудесными вещицами. И что будь Большая Колония не таким захолустным Миром, то уж наверняка здесь и в Федерации вообще существовал бы рынок таких изделий — настоящих и фальшивок, разумеется.

— Ты э-э... положишь их на место? — осведомился он. — Э-э... Потом?

Каманера проггла его полным подозрения взглядом:

— И не думай!! И не думай, Бэз!!! С такими вещами связываться — себе дороже! — И уже спокойнее пояснила: — Колокольчики надо отдать тому, кто придет на их звон. Он их положит туда, куда звенны сочтут нужным. Отойдем сюда — под большое дерево... Здесь суше.

И в самом деле, дождевая вода уже пропитала кроны здешних лесных гигантов там, где кроны эти были потоньше, и сухой опавшая листва оставалась только поближе к стволам и корням. Зато и сумрак там был погуще.

В этом сумраке Каманера, жестом велев Бэзу замолкнуть, встала, выпрямившись вдоль гладко уходящего вверх ствола, сосредоточилась и, закрыв глаза, приступила к ответственной операции подманивания звенна. Она осторожно, на ощупь, по одному, выбирала с ладони левой руки колокольчики и подносила то к одному, то к другому уху, прислушиваясь к их звучанию. Потом, придя к какому-то ей одной понятному решению, прикрепляла их на плечо, на рукав своей походной куртки, на джинсы — то у колена, то у щиколотки.

А потом она начала танцевать. (Наверное, «танцевать» было самым подходящим определением для ее занятия.) Танцевать неуверенно и несмело, вспоминая давно забытые движения и жесты. И по-прежнему не открывая глаз. Она словно ожидала каждого очередного звука колокольчиков и только тогда позволяла себе сделать следующее движение.

Странная, непривычная человеческому уху мелодия поплыла по Лесу.

Бэзил впервые видел перед собой робкую и неуверенную Элен. Нет, что там, разыгрывать робость и неуверенность, святую простоту и детскую наивность Каманера могла великолепно. Но Бэзил Кац на то и был Бэзилом Кацем, чтобы уметь прекрасно отличать игру от истинного состояния человека. И вот — он не верил собственным глазам — перед ним была Каманера, не знающая, каким станет ее следующее движение, и потому странно угловатая, напряженная и изящная одновременно. Бэзил прикрыл глаза и стал вспоминать их первое знакомство — там, далеко от этого сумрачного сырого леса, пропитанного чужим колдовством. Боже! Боже, как его занесло оттуда — сюда?!

Бэзил был уже готов прослезиться над своей судьбой, когда откуда-то из кроны дерева чуть ли не прямо ему на голову рухнуло то, что он принял за сноп странно сухой травы. Это был пришедший на зов звенн.

«Мы давно не виделись с тобой, Элли, — написала шелестящая тень тусклыми буквами на фоне зеленого сумрака. — Тебя сделали хуже — там, где ты была».

Звенны не делают комплиментов. Другьям — тем более.

Элен не смогла скрыть вздоха облегчения.

— Узнаю тебя, Занн, — улыбнулась она. — По корявому почерку. Как хорошо, что ты жив... Может быть, это вы здесь сделали лучше, а не меня сделали хуже?

«Это хорошо, что ты не разучилась шутить, — сообщили ей действительно не слишком правильные буковки, появляющиеся из полутьмы. — И хорошо, что помнишь меня. Но не стоило обо мне беспокоиться. Огонь и Ветер еще не скоро доберутся до меня... Но будет лучше, если ты сразу скажешь, зачем позвала меня. Ты же знаешь, в дождь звенны смотрят сны...»

— Мне нужно встретиться с одним мальком, — торопливо объяснила Элен. — Звенны его знают. Должны знать.

Едва заметная тень не ответила ничего. Звенн ждал продолжения разговора. А может, начинал смотреть сны.

— Я понимаю, — все так же торопливо продолжила Каманера, — не один малек дружит с вами. Наверное, их даже много... Но этот — он приемный сын Нолана. Скрипача... Он сейчас где-то с вами...

«Зачем ты хочешь встретиться с Орри Ноланом?» — спросил Занн.

— Он в беде, — объяснила Элен. — Мы должны ему помочь. Мы дали Клятву, что Орри Нолан будет нашим другом, пока есть Огонь и есть Ветер. — Звенны могут спросить об этом у него самого...

«Ты всегда любила обманывать, Элли, — сообщили неровные, тусклые буквы. — Я надеюсь, что сейчас...»

— С Клятвой не шутят — ты сам меня учил... Таким вещам. И я же сказала — звенны могут спросить у самого Орри...

«Сейчас это трудно — спросить у него, — написал в сумраке Занн. — Если ты что-то хочешь передать мальчику — скажи — мне. Ты знаешь — звеннам можно верить».

На мгновение Элен смешалась.

— Нам — как-то неопределенно произнесла она и тут же, бросив взгляд на Бэзила, нашлась. — Нам надо обязательно видеть его лично. И передать ему вот это...

Она кивнула на прикованный к запястью Бэзила футляр. Бэзил выпучил на нее глаза и издал звук — из тех, что издает содержимое расколотого яйца при встрече с раскаленной поверхностью сковородки. Но Каманера полностью игнорировала реакцию своего компаньона на этот неожиданный ход.

— Это... — хотела объяснить она.

«Не надо говорить».

Словно сухая трава зашуршала по потертому футляру, и что-то почти невесомое на мгновение коснулось тыльной стороны руки Бэзила — Бэз удостоился прикосновения звенна.

«Не надо говорить, — повторил Занн. — Это инструмент Нолана-Скрипача. Он играл на нем звеннам. Мы помним это...»

Наступила тишина. Только дождь шуршал в кронах — все сильнее и сильнее.

«Теперь я верю тебе, — написал Занн. — И еще — я немножко заглянул в будущее. Вы это называете будущим... Тебе действительно надо быть там...»

Каманера впилась глазами в плывущие перед ней знаки. И Бэзил — тоже впился. «Где? Где „там“?!» — говорил его взгляд.

«Вы встретите Орри у Солнечного Каньона, — ответил на этот немой вопрос Занн. — Там, где три водопада. Ты сможешь?..»

— Я смогу! — торопливо прервала его Элен, чуточку нервными движениями обирая со своей одежды колокольчики. — Я найду дорогу к Солнечному. Спасибо тебе, Занн. Не надо провожать нас. Спокойно спи. Прости, что я разбудила тебя...

«Звенны не спят... — поправил ее Занн. — Звенны смотрят сны».

— Да, — я совсем забыла про это, — улыбнулась Каманера. — Возьми...

Она протянула в пространство ладонь, на которой кучкой лежали колокольчики. И те исчезли с нее. Словно и не было их — колокольчиков звеннов.

— Пошли, — кивнула Элен Бэзилу. — Надо успеть добраться туда засветло.

Больше она не сказала ни слова и сосредоточенно молчала всю дорогу до дремлющего на обочине проселка кара. Только усаживаясь за руль, сообщила:

— Поведу я. Ты не знаешь дорогу...

— Здорово ты обвела вокруг пальца эту лесную нечисть, — отвесил ей комплимент Бэз, усаживаясь на сиденье рядом. — Особенно удачно получилось с инструментом. Я сначала и не сообразил...

— Боюсь, что ты и теперь еще не соображаешь, — оборвала его Элен, поворачивая ключ запуска движка. — Ты думаешь, мы обманули его?

— Тогда зачем же он сказал нам, где ловить малька? — высоко вздернул плечи Бэз. — Или наврал?

— Звенны не врут, — хмуро ответила Элен, осторожно ведя кар по мокрому гравию. — Звенны — странный народ.

Промаявшись целый день в чертовом чулане, сходяв пару раз под конвоем до ветру и окончательно загнав крысину рать в подполье меткими бросками увесистого башмака, Барри Стук завалился спать засветло. Разбудило Стука всего лишь поскрипывание двери, хотя самому ему казалось, что спит он крепко. По-другому он и не спал никогда.

«Нервы-то у меня стали совсем никуда», — сказал он себе и повернулся на другой бок.

Но тут к скрипу двери добавилось позвякивание ключа в замке, и чей-то тихий и странно знакомый голос произнес:

— Мастер Стук! Ма-а-астер Стук!

Мастер Стук проснулся окончательно и уселся на своем ложе, сооруженном из ящиков со спагетти.

— Какого черта?! — буркнул он в пространство, мрачно наматывая бороду на кулак. — Какого, спрашиваю я, черта вы не даете мне спать?!

Дверь — насколько позволяли ей петли замка — приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась удивительно знакомая мальчишеская физиономия. Поближе к полу в ту же щель заглянула довольно свирепая собачья морда.

— Тс-с-с! — сказал Орри, прижимая палец к губам. Брендик тихо, но угрожающе зарычал. Это успокоило Барри.

«Так это всего лишь сон! — с облегчением подумал он. — Тьфу! Вот напасть!»

Ну в самом деле, не мог же пряткий малек, сумевший удрать из вот этого самого чулана, вернуться сюда, чтобы поболтать с типом, от которого решительно ничего хорошего ожидать не мог! Да еще и собаку какую-то с собой приволочь...

— Мастер Стук... — продолжало окликать содержателя Подземных Театров докучливое сновидение. — Вы хотите на свободу, Мастер?

Для сна это было уже слишком.

Стук поднялся во весь рост и направился к двери. Стал напротив дурацкой щели и, подбоченясь, уставился на мальчишескую рожицу, дерзко смотревшую на него снизу вверх. Брендик снова издал предупреждающее рычание.

«Где же охрана? — спросил он себя. — Где, черт ее побери, охрана?!»

— Ну допустим, — сказал он вслух. — Допустим, я хочу на свободу... Ты что — пришел сюда, чтобы выпустить меня?

— Тс-с-с! — малек опять прижал палец к губам. — Говорите тише! Бандитов сейчас звенны путают. А я и на самом деле пришел сюда выпустить вас. То есть я бы вас ни за что не выпустил, но иначе тахо не отдадут мне Платиновую Карту...

— Тахо?.. — зачарованно повторил Мастер. — Платиновую Карту?

— Да, Мастер, — подтвердил Орри, явно досадуя на непонятливость собеседника. — Платиновую Карту. Ну, карточку такую — типа кредитной. Ту, Мастер, что вы сперли у Нолана...

— Как ты разговариваешь со старшими?! — возмутился Рыжая Борода, переходя, однако, на шепот. — И что ты за чушь несешь про то, что, мол, тахо эту карточку могут отдать?! Тахо мне ее никогда не вернут! Их переклинило на обиде за эти их чертовы панцири, которые я, мальчик, по неведению — только по неведению, заметь! — пускал на продажу...

— Вам, Мастер, они ее и не вернут! — перебил его Орри. — Они отдадут ее мне! Но только тогда, когда вы, Мастер, придете к Заводи и покаетесь перед всеми тахо за содеянное! Для этого я вас и хочу выпустить, Мастер... Только обещайте, что вы меня не тронете,

когда...

Мастер стоял, по-прежнему уперев руки в бока, но свирепое выражение сползло с его физиономии. Его сменила глубокая задумчивость.

— Трогать?.. Тебя?.. Х-хе!

Мастер даже хлопнул себя по ляжке от возмущения такой нелепой мыслью.

— Нет, мальчик, трогать тебя мне нельзя ни в коем разе... Я себе не враг...

Тут он дернул себя за бороду и досадливо махнул рукой.

— И перед тахо дурацкими покаюсь — черт с ними. Отпирай меня — да поскорее!

— Так вы обещаете, Мастер? — еще раз сурово спросил Орри.

— Обещаю, дурья твоя башка! О-бе-ща-ю!!! Ты, малек, — да еще при карточке — для меня просто клад!

— Я ничего для вас на заказ делать не буду, Мастер! — предупредил Орри, с натугой поворачивая ключ в замке.

— Х-хе! А я, может, и заказывать тебе ничего не собираюсь!

Потирая руки, Рыжая Борода смотрел, как Орри пыхтит над замком.

— Ты-то сам знаешь, малек, что ты с карточкой этой делать будешь? — осведомился он. — Или тебе уже взрослые дяди в уши надули белиберды всякой? А?..

Честно говоря, Орри не знал, что будет делать после того, как вставит Карту в щель Тайного Терминала. И «взрослые дяди» еще ничего не насоветовали ему. Но он надеялся — и крепко надеялся — на то, что, оказавшись наедине с этим таинственным терминалом, он догадается, какое решение принять. И вдохновение снизойдет на него. Или Нолан скажет, что надо делать. Ну хотя бы намекнет...

— А старина Барри, — продолжал тихо гудеть Рыжая Борода, — только всего и хочет, что с тобой потолковать... Разъяснить тебе — что и как... А там уж у тебя своя голова на плечах есть... Сам и сообразишь, что делать-то...

Со скрежетом и бряканьем замок наконец открылся, и проклятая скрипучая створка двери отошла в сторону. Орри опасливо отступил к ведущей вниз лестнице, и содержатель Подземных Театров не без труда протиснулся в освободившийся проход. Брендик бдительно и скептически наблюдал за его действиями, готовый в любой момент вступить за своего приятеля.

— Все-все-все! — заверил своих освободителей Барри, покручивая в воздухе растопыренными ладонями в знак самых мирных намерений и окидывая взглядом окружающую обстановку.

— Тс-с-с! — в который уж раз прошипел Орри и кивнул на притулившегося к стенке стража из людей Волыны.

Глаза стража закатились, а по физиономии бродила блаженная улыбка.

— Он сейчас того... — прошептал Орри. — Ничего не видит и не слышит... Его звеннь зачекотали... Но может проснуться...

Об этой коварной привычке звеннов Рыжая Борода был порядком наслышан, но жертву их видел впервые.

«А вы, хитрецы, над нами и шутки шуткуете, оказывается, — прикинул он. — Без нашего особого ведома...»

Орри запер дверь чулана, осторожно повесил ключи на место — стражу на пояс — и кивнул Стуку, чтобы тот следовал за ним. Скрипучие ступени лестницы не издавали ни звука под легкими ногами спускающегося на цыпочках малька, но зато уж брали свое и стонали во

весь голос под тяжелыми ступнями Рыжей Бороды. Замыкал шествие Брендик.

Внизу, в харчевне, уронив голову на стойку, крепко спал Коста. По-видимому, звенны и к нему нашли подход. На кухне невозмутимо протирал стаканы Кирак. В зале — за столом, уставленным пластиковыми стаканчиками с недопитым кофе и погашенными в нем окурками — кемарили еще двое людей Волыны.

Орри с его собакой и шкафоподобного Барри не замечал решительно никто.

«Недаром, ох, недаром Скрипач дружит со звеннами...» — пробормотал Рыжая Борода себе под нос.

Орри ухватил его за локоть и потащил маршрутом, ведущим через кухню.

— Сюда! Через черный ход выйдем! — громким шепотом командовал он.

Мастер Стук последовал за ним. Успев, впрочем, схватить со стойки бара мобильник Косты. Через кухню он проследовал, сверзив по пути медный таз и поймав его на лету, а с высокого порога черного хода чуть было не совершил полет, который непременно должен был бы окончиться в колючем кустарнике, разросшемся под этим порогом.

Но бог миловал, и, зачарованные внечувственным мельгешением звеннов, Ставрос и его челядь, а главное — выставленные на стражу люди Волыны продолжали пребывать в полугипнотическом трансе. Они не замечали того, что происходит у них на глазах. Точно так же, как многие из живущих не замечают того, что происходит под самым их носом, пребывая в таком привычном нам всем трансе повседневности. Почти прямо за домом располагалась автомобильная стоянка. Совершенно пустая.

— Транспорт! — еле слышно, но очень зло прошипел Стук. — На чем ноги уносить отсюда будем?!

Он всем корпусом развернулся к Орри.

— Тебя сюда звенны по воздуху принесли? — выдавил он из себя очень громким шепотом. — Или ты телепортировался откуда-нибудь? Где колеса? На чем к Болотам двинем?!

— Не-а... — чуть растерянно отозвался Орри. — Не телепортировался. Нас сюда ирокез привез. На мотике.

— Какой к дьяволу ирокез?! Какой к чертям мотик?!

— Ну, знаете, Мастер... Здесь гоняют по дорогам такие... Они под древних этих... как их... косят. Под рокеров. Где-то мотоциклы старинные достают — ну, не настоящие, конечно, но очень похожие. Которые на бензине работают. Ну и по ночам наряжаются под старину — кожа там, шипы, шлемы разрисованные... И гоняют по городу и вокруг...

— Ах, эти... — поморщился Барри.

— Угу, — кивнул Орри. — А вот этот мой еще и прическу такую носит — «ирокез» называется. Знаете — гребень такой, разрисованный... Ну, это когда он без шлема, конечно.

Орри шмыгнул носом и продолжил:

— Он как раз продышаться остановился. У обочины шоссе. Ну, я к нему и пристал — чтоб подвез. Он сначала меня послал... — тут Орри снова шмыгнул носом, вспоминая недавнюю обиду. — Но потом его Брендик... Ну, это... Убедил, одним словом.

Брендик, на которого оба они — Орри и Мастер — одновременно обратили свои взоры, смутился и принялся пристыженно искать блох в удаленных оконечностях своего организма. Орри вздохнул при воспоминании об имевших место событиях и закончил свое повествование:

— Ну вот, в общем, посадил он нас к себе на багажник и как дунул сюда! Даже на

блокпостях не останавливался! Я думал — меня ветром сдует. А как только мы с мотика слезли, так сразу на газах отсюда. Только пятки сверкали... Ну, в смысле, не пятки, конечно, а...

— Так мы здесь все-таки без колес?! — вернулся к исходной посылке Стук.

И тут с небрежно-элегантным разворотом на стоянку вкатился изумрудно-зеленый «рэмблер», груженный превесело настроенными длинноногими блондинками. За рулем «рэмблера» восседал шоколадного цвета громила, одетый в нечто немыслимо модное расцветки пожара в джунглях и весьма довольный предстоящим ему досугом под крышей «Зеленых чертей». Первое, что он сделал, вкатив свое дорогостоящее корыто на стоянку, — исторг из его недр громоподобный и в то же время залиvistый гудок. Если в радиусе километров десяти кто-то и вздумал вздремнуть в этот час, то кошмарное пробуждение ему было гарантировано. Мастер Стук выкатил глаза так, что они чуть не вылезли из орбит, и молча двинулся к машине.

— Эй! — окликнул его тип за рулем. — Моего бродягу, — он похлопал высунутой из окна рукой по дверце машины, — моют только автошампунем. «Мэлори» или «Хэвистоун». Других не признаю! С этим поторопись. И не вздумай прикидываться, что хочешь отрегулировать мне подвеску или энергопривод. Машина в полном порядке. Только что из салона. Вот тебе за то, чтобы ты не совал нос в ее потроха!

Он явно принимал Барри за служащего автостоянки.

Тот наклонился к окну водителя, выкаченными по-прежнему глазами поглядел на небрежно протянутую ему купюру, потом на самого типа за рулем и резким рывком распахнул дверцу. Тип, утратив равновесие, вывалился из кабины и было грянулся оземь, но долететь до грунта не успел. Содержатель Подземных Театров ухватил его в полете одной рукой за ворот, другой за гузку и без размаха перекинул через крышу автомобиля — прямо в те самые кусты у порога. Десятибаксовая бумажка осталась кружить в воздухе. Из кустов тут же понеслись нечеловеческие вопли.

Что до блондинок — было их пять или шесть, Орри не успел сосчитать, — то те сами без особых приглашений прыснули из «рэмблера», веером рассеиваясь по стоянке, подобно обитателям птичника, завидевшим в небе над собою тень коршуна или другого хищника.

Словно дожидаясь этого момента, затянутые мглой небеса разразились вечерним дождем — отменно холодным и хлестким, как харурские проклятия.

Стук впихнул себя за руль, резко развернул машину и, дав задний ход, подкатил ее к Орри. Тот забросил в салон Брендика и вскочил вслед за ним сам. Впрочем, даже самые проворные его действия казались Рыжей Бороде слишком медленными.

— Не задерживай, малек! — рявкнул он. — И захлопни обе дверцы — ту и эту!..

* * *

В «Чертях», должно быть, не сразу осмыслили все происшедшее и явно замешкались с погоней. Во всяком случае, в заднее окошко Орри смог увидеть только бодро убегающее назад шоссе.

— Они сейчас звякнут в полицию... — предупредил Стука Орри.

— Вот уж нет! — широко улыбнулся владелец Подземных Театров. — Скотина Ставрос скорее заплатит этой черной образине за две такие колымаги — чтоб заткнулся, — чем

впутает в дело полицию! А не хватит у Косты — Рыло ему подзаймет зелени. Они оба знают, чем пахнет дело о похищении самого Барри Стука! А кстати — о звонках...

Он вытянул из кармана мобильник Ставроса и набрал номер. С того конца линии, однако, не спешили отвечать. Чтобы не терять времени, Барри поставил кар на автопилот и, придерживая трубку одной рукой, другой стал рыться в «бардачке» справа от себя. Он не ошибся — первое, на что он там наткнулся, был ствол неслабого калибра. Проверив обойму и затвор на предмет наличия патронов, он ухмыльнулся, воскликнул «Ха! Всем хватит!» и засунул пистолет за пояс. Орри искоса и с тревогой посматривал на грозно торчащую в его сторону рукоять «стрелялки».

Брендику это тоже не понравилось, и он опасливо косился на эту черную страшную штуку.

Еще в «бардачке» нашлось несколько электронных кредитных карточек на предъявителя, что было весьма кстати — своего бумажника Барри лишился сразу после того, как попал в руки к людям Волыны.

— Там дальше мы все равно не проедем... — снова предупредил Орри. — Там — блокпосты. Ищут террористов. Тут корабль с Приюта угнали. И посадили у Болот...

— Надо же, какие дела творятся, пока всякие недоумки держат тебя взаперти! — прицокнул языком Рыжая Борода. И добавил: — Хотел бы я, однако, посмотреть, кто это и как не пропустит меня через какой-то вшивый блокпост...

Он вырубил автопилот, положил левую руку на руль и принялся все быстрее разгонять «рэмблер». Деревья вдоль дороги слились в одну рябую стену. Правая рука тоже пригодилась Рыжей Бороде. Мобильник наконец-то соединил его с кем надо, и ему пришлось покрепче прижать трубку к уху.

У Орри даже мелькнула опасная мысль о том, чтобы вытащить пистолет у него из-за пояса и, допустим, просто выкинуть его в окно. Он обменялся понимающим взглядом с Брендиком, но тот не одобрил этот замысел, и Орри решил не рисковать. Барри, словно догадавшись о его колебаниях, бросил на малька подозрительный взгляд и только после этого приступил к разговору.

— Ты спишь, Трой?! — злобно прорычал он. — Или в картишки режешься? Почему не снимаешь трубку?! И почему это я оказываюсь на свободе без всякой твоей помощи?! Это я задаю вопросы, а не ты! Что? За каким чертом? Он сказал вам правду... Только отзови ребят оттуда — гнездышко уже опустело. Птичка порхает на свободе... Птичка — это я, идиот! Нет меня уже у «Чертей», если тебе непонятно! Говоришь, вы здорово поработали с Хью? Как это он умудрился попасть вам в руки? Он еще ворочает языком? Подтащите его к трубке... Ну, подведите, раз он еще держится на ногах...

* * *

На ногах Хью Фрогмор, действительно, еще держался. Но вид имел неважный. Видимы синяков и ссадин на его — от природы помятой — физиономии не наблюдалось. Трой и его люди работали достаточно профессионально, но каждое движение отдавалось болью в той или иной части организма.

— Послушайте, Мастер... — начал он. — Почему вы не предупредили своих людей о том, что...

— Не задавай глупых вопросов, Хью! — раздраженно оборвал его Стук. — Твои подельники отобрали у меня мобильник, как только я продиктовал их условия Трою! Тебе надо было получше прятаться, раз уж влез в такую кашу!

— Прикажите своим костоломам оставить меня в покое, Мастер... — жалобно попросил Фрогмор. — Пусть меня оставят в покое, и я сделаю для вас все! Все!! Даже невозможное!!! Я согласен даже увеличить вашу долю в том деле, о котором мы договорились... За счет дохода от моих собственных средств. Ну, скажем, на целых два процента...

— Хорош торговаться! — оборвал его Рыжая Борода. — Дам я Трою распоряжение отпустить тебя на все четыре стороны. Но ты должен сразу — я повторяю: сразу! — нанять флаер и на всех парах дуть к Заводи!

— Но, Мастер! — в отчаянии простонал Хью. — После разговора с вашим Троем мне необходима хотя бы неделя постельного режима!

— Кто-то только что обещал сделать все возможное и невозможное в обмен на расставание с милейшим Троем! — заорал Мастер в трубку. — И если я не застаю тебя в том лесочке у Заводи, когда буду там, то постельный режим тебе уже не понадобится!

— Я не понимаю, Мастер, какой прок вам может быть от человека в таком состоянии, как я? — продолжал ныть Хью. — На что, спрашивается, способен полутруп, которым я стал по милости ваших подручных?

— На покаяние! — рывкнул Барри. — Даже полупокойник способен на покаяние. Я бы сказал, что для такого дела как раз лучше и подходит именно тот, кто на ладан дышит!

Хью почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Голос его дрогнул.

— Ч-что вы имеете в виду, Мастер? — с трудом слепливая звуки в слова, а слова в связную фразу, спросил он. — К-какое п-покаяние? За-а-ачем т-так вот сразу?

— Да ты, я вижу, уже в штаны наложил с перепугу... — усмехнулся Рыжая Борода. — Вот он — иудин грех — где тебе боком выходит! Не трясись, однако. Ничего тебе не станется! Мы перед тахо каяться будем. Пе-ред та-хо! Понял?

— Н-но, зачем? — не понял Хью. — П-почему?

— Затем! — зло оборвал его Мастер. — И потому! Передай трубку Трою!

Трою шеф велел «освободить засранца» и «быть готовыми к загородной прогулке». После чего просто вышвырнул мобильник в открытое окошко автомобиля.

— Радиоэхо, — объяснил он удивленно уставившемуся на него Орри. — Любой мобильник, даже выключенный, имеет свое радиоэхо — микросхемку, которая генерирует ответный сигнал на кодовый радиозапрос. Слабенький такой сигнальчик. Но по нему легко вычислить местонахождение мобилы.

А кодовый сигнал на любой абонент легко узнать из Сети. Например, зная, что абонентом является Коста Ставрос, можно отслеживать все передвижения его трубки. А он скрывать свой абонент не будет. Если Рыло спросит. Понятно? В принципе, соответствующая аппаратура есть только у полиции и контрразведки. Но почему-то и у меня такая есть. Думаю, что и у Рыла найдется. А нам вовсе не надо, чтобы пану Больше было известно, где мы с тобой гуляем...

Электронные кредитки Рыжая Борода обналичил в первом же придорожном кафе-автомате. Заодно он угостил порядком изголодавшегося Орри огромным чизбургером и внушительных размеров кружкой горячего какао.

Брендику перепала пара сосисок-гриль и возможность пометить любой из ближайших фонарных столбов — на выбор.

Горячее питье было особенно кстати, потому что холодный дождь сошел на нет и сменился еще более холодным — ночным уже ветром. Хотя до ночи было еще не так близко. Ненормальный сегодня был день и, по всему судя, ненормальной должна была быть и та ночь, что не спешила прийти вслед за ним. Оба они — Барри и Орри — старательно дожевывали свои «бургеры» в стеклянном кубике кафе и, ежась, посматривали на неожиданно просветлевшие и ставшие бездонно глубокими небеса.

— Этой ночью, пожалуй, можно будет увидеть звезды... — задумчиво заметил Рыжая Борода, разглядывая небосклон.

Чистое ночное небо было и впрямь диковиной для Большой Колонии. Но еще большей редкостью было услышать от содержателя Подземных Театров рассуждения о звездах и небесах. За отсутствием жизненного опыта Орри не оценил уникальность момента.

Что до полиции, то она, действительно, и не думала останавливать, а тем более — проверять автомобиль, за рулем которого сидела личность, узнаваемая в Бэ-Ка за километр. На военном блокпосте, правда, двое сержантов предприняли попытку поинтересоваться документами водителя, но кто-то более опытный отвел одного из них в сторонку, и тот вскоре махнул напарнику — «пропускай!».

* * *

Лесок у Заводи армия с полицией если и прочесывали, то, скорее всего, для проформы. Здесь царила все та же благодная и какая-то глуховатая, гасящая все посторонние звуки тишина. Только тишина теперь холодная, промозглая. Однако близкие Болота каким-то необъяснимым образом гасили дующий над равниной ветер и источали из себя равномерное, пропитанное гнилостным зловонием теплое дыхание. Один лишь звук нарушал царивший в леске покой, и звук этот издавал Хью Фрогмор.

С интенсивностью раз в десять секунд он отчаянно шмыгал носом. Со стороны могло показаться, что притулившийся у кривого дерева несуразный тип подает кому-то некий монотонный условный сигнал вроде «все спокойно... все тихо...» Впрочем, примерно такую функцию сей неблагозвучный звук и выполнил: если бы не «я здесь... я тут...», посылаемые носом простуженного фармацевта, найти его упакованную в бесформенный плащ фигуру среди начинающих сгущаться сумерек было бы нелегко. Себя обнаружить он не спешил, будучи погружен в какие-то свои унылые размышления. Приближающихся к нему Стука и Орри он заметил не сразу, а заметив, остолбенел от удивления.

— О господи всеблагой! — воскликнул он, вздымая руки к темнеющим небесам. — А-а?.. Э-э?.. — показал он глазами (и длинным, согбенным носом) на Орри.

Мастер резким жестом пресек его попытки удовлетворить свое любопытство и недоумение. Поняв, что вопросы неуместны, Хью откашлялся, поднял с земли и протянул Барри кожаную сумку.

— Это просил передать вам мастер Трои, — вполголоса пробормотал он, недоуменно

косясь на Орри. — Мастер Трои любезно доставил меня сюда на своем флаере, но поскольку вы не распорядились о том, чтобы он присутствовал... Одним словом, в случае чего, он будет поблизости... Здесь, — совсем уж тихо произнес он, указывая глазами на сумку, — ваши документы... ну, почти как те, что были... Идентификатор, кредитка и все такое... Мобильник... Он говорил что-то о кодирующей приставке... Оружия он мне не доверил... Тут еще аптечка...

— Все ясно.

Мастер накинул сумку на плечо, мобильник пристегнул к поясу, а Фрогмора взял за локоть, намереваясь отвести в сторону. Но тот придержал Барри, ухватившись за его рукав.

— И еще: знаете, Мастер... — горячо зашептал он, — Вы знаете, мне кажется, что где-то здесь — в роше — прячется звенн. Да-да! Самый настоящий звенн! — Егс передернуло. — Ненавижу этих тварей, Мастер! Не-на-ви-жу!!

Должно быть, у специалиста по источникам лекарственного сырья были какие-то свои счета к обитателям Леса. Орри почему-то подумал, что и у тех к Фрогмору, надо полагать, был свой счет.

«Зачем он потащил его сюда? — с недоумением подумал Орри. — Ведь тахо ничего не говорили о Фрогморе. И я тоже даже не заикнулся... Может, он просто не хочет брать вину на одного себя?»

Между тем мастер Стук послал в задницу все невроты Фрогмора — как касающиеся звеннов, так и все остальные, что есть у него в запасе — и, отведя фармацевта в сторонку, стал втолковывать ему суть предстоящего обряда.

А рядом с Орри появился Чжанн. Он почти не пытался маскироваться. Танец его — вечный и неуловимый танец звеннов — был сейчас сравнительно прост и незатейлив. Холод приближающейся ночи сковывал его. И бегущая строка была сейчас более медленной, неуверенной, мигающей.

«Ты все сделал, как мы договаривались?» — спросила невеселая строка.

— Да, я все так и сделал, — торопливо закивал головой малек. — Твои друзья... звенны... Они очень сильно помогли мне...

«Зачем ты привел еще одного человека? — спросил звенн. — Они один хуже другого — эти двое. Ты в большой опасности».

Орри хотел было объяснить, что он вовсе не приглашал Хью Фрогмора в рошу, но не стал тратить время своего друга на пустые разговоры. Звенны по вечерам прячутся и где-то пережидают ночные холода — говорят, почти убийственные для них. А Чжанн торчит здесь в роше, где становится все холоднее и холоднее.

— Скажи, что мне сейчас делать, Чжанн? — коротко бросил он. — И уходи в Лес. Становится холодно.

«Я позову тахо, — написал звенн. — И уйду только тогда, когда переведу тахо покаяние этих злодеев. Будь осторожен с этими двумя. Но особенно будь осторожен там, куда пойдешь потом. Там все будет не так, как все думают... А сейчас — жди у воды».

И шуршащая тень скользнула к краю трясины.

Только теперь Орри разглядел тонкий жезл, воткнутый в темную воду Заводи, совсем рядом от берега. Он был почти неразличим в пластах тумана, рождающегося от встречи теплых испарений прогретой за день болотной топи и холодного воздуха наступающей ночи. Туман и скрытые им растения порождали странные видения, плодили иллюзии, строили миражи. И высящийся из темных вод жезл казался лишь одним из таких видений...

А теперь жезл запел — тихо, почти неслышно запел свою лишенную мелодии, но странно притягательную песню. Но услышал ее не только Орри. На звук обернулись и Стук с Фрогмором. Обернулись по-разному. Рыжая Борода — медленно и уверенно, словно башня танка. Хью — стремительно, даже слегка подпрыгнув, как ужаленный.

— Вот! — громко зашептал он, тыча пальцем в туман. — Вот! Я же говорил, что здесь кругом — звенны! Видите!

— Заткнись! — коротко приказал ему Стук и вопросительно уставился на Орри.

— Это звенн зовет тахо, — объяснил тот. — Он потом будет переводить им ваше покаяние. Только вы не слишком долго кайтесь — он может простудиться. Или что-то вроде того... А тахо, наверное, сейчас высунется...

Он стал осторожно подбираться к берегу Заводи, а Барри и Хью с явной неохотой последовали за ним. У самой кромки мрачной трясины Орри с удивлением обнаружил, что между занавесом тумана и гладью гнилой воды существует разрыв, пробел, через который — если смотреть в него лежа на животе — пространство Заводи можно было просматривать довольно далеко. И как раз когда он понял это, Заводь закипела.

За этот день он второй раз видел, как всплывает тахо. Вообще-то ему и раньше приходилось наблюдать эту картину. Но впервые он увидел, как вдруг всплывают несколько — да какое там «несколько»! — много, очень много тахо! Они даже стукались панцирями, издавая при этом странный, неживой звук — будто камни перекатывались в какой-то гигантской качалке...

— Гос-с-споди! — шепотом воскликнул Фрогмор (он тоже заглядывал под полог тумана, стоя на четвереньках). — Какие панцири! И сколько! Какой материал! Сколько сырья!! Сколько сырья!!

— А ну, заткнись! — шепотом же прикрикнул на него Стук. — Тебе хочется, чтобы звенны перевели им и это?

Между тем наступила тишина. В тишине этой только панцири глухо постукивали друг о друга. Тахо ждали. Орри глянул в направлении звенящего жезла. Может быть, Чжанн даст команду? Но там ничего не было видно — одни только головы тахо, повернутые к горстке людей на берегу. Орри впервые с удивлением заметил, что «лица» у тахо различаются. Причем различаются довольно сильно.

Ему, однако, не пришлось долго предаваться физиогномическим наблюдениям за братьями по разуму. Потому что совершенно неожиданно содержатель Подземных Театров, до того высившийся башней над своими спутниками, грянулся на колени в болотную жижу и принялся истово каяться. Фрогмор присоединился к нему, но куда там фармацевтишке было до профессионала шоу-бизнеса, насмотревшегося всякого на собственных многочисленных сценах и самого не чуждого дара Мельпомены!

Стенания и рыдания мастера Стука разносились над Заводью, достигая ушей всех живых созданий, таковые имеющих. Как справлялся Чжанн с этим потоком эмоций, останется известным лишь ему самому. Особенно сильно каялся Мастер (очевидно, не слишком сведущий в биологии здешних разумных панцироидов) в том, что оставил сиротами массу крохотных тахо. Он то ли забыл, то ли вообще никогда не знал о том, что выращивание и воспитание молодых тахо — дело коллективное и только что отложенные яйца становятся анонимной общей собственностью той или иной популяции тахо в целом. Так что разговоры о сиротстве были не слишком понятны основной их массе.

Чем дальше слушал Орри излияния Мастера, тем смешнее ему становилось. Он бы, пс

своей мальковой натуре, не выдержал, наверное, и захихикал, если бы не вспомнил о том, каково сейчас приходится бедному Чжанну. И каково придется, еще — потом, когда ему нужно будет добираться в родной Лес... Здесь, над болотами, его еще спасало запасенное темными водами тепло и царящий над ними штиль, а там — за дюнами — долину насквозь «простреливали» холодные ночные ветра. И странное сегодня — чистое и глубокое — небо высасывало из всего, что простиралось под ним, последние остатки тепла.

Тем временем излияния Мастера стали оборачиваться другой несколько неожиданной — стороной. Неожиданной она была, главным образом, для Хью.

Пролив горькие слезы (физиологическое отправление, неясное для тахо) над своими прегрешениями против Болотного Народа, Рыжая Борода завел речь о степени своей вины. Так вот: вины-то за ним вроде почти совсем и не было. Точнее, была, но состояла она в грехе неведения. Ибо сам он не выманивал молодых и неопытных (или, наоборот, сбрендивших на старости лет) тахо на сушу, не обездвигивал и не умерщвлял их. И уж тем более не разделявал их тушки и не освобождал их брэнную плоть от обузы панцирей (столь ценных на мировом рынке). Нет! Он, мастер Стук, большей частью и в глаза всех этих ужасов не видел! Грех его в том лишь и состоял, что он — не ведая того, что спонсирует умерщвление разумных существ, — скупал плоды этих злодеяний и перепродавал упомянутые панцири, даже не прикасаясь к ним, в другие Миры таким же не ведающим, что творят, охотникам до денег. Тем не менее раскаяние Мастера было глубоким и искренним.

Что же до истинных злодеев, причинивших это великое зло народу тахо, таким, как пришедший с Мастером Хью...

Тут Хью испуганно оглянулся на Мастера и судорожно икнул.

Что до этих злодеев, то сверх принесенного ими покаяния они — может статья — достойны быть принесенными в жертву Болотному Народу. И он, мастер Стук, если на то будет воля тахо — готов всемерно...

Хью снова икнул и грянулся оземь, глубоко уйдя «рубильником» в сочащийся болотной жижей грунт.

Это произвело несколько неожиданное действие на тахо. Вся их громадная масса подалась от берега назад. А потом их головы — одна за другой — стали исчезать в трясине. Так же — один за другим — исчезли и панцири. Некоторое время Заводь бурлила пузырями, но очень быстро ее темные воды вновь стали невозмутимо спокойны. И ряска поспешила заштопать прорехи в узорах своего светло-зеленого ковра.

В воздухе поплыла строка:

«Тахо считают, что достаточно унизили злодеев. Пусть они уходят. Тахо просят мальчика оставаться на берегу и ждать. Я тоже ухожу. Прощай, Орри».

Не говоря худого слова, Стук поднял Фрогмора за воротник, поставил на ноги и встряхнул. Убедившись, что сознание и способность к передвижению — хоть и не в полной мере — вернулись к его ненадежному партнеру, он мотнул головой в сторону ведущего к шоссе проселка и, помогая Хью пинками и тычками, погнал его в том направлении. Мастер задержался лишь на пару секунд, чтобы бросить на Орри суровый взгляд и окликнуть его.

— Мы ждем тебя у машины, малек...

Орри остался сидеть на корточках у берега топи. Потревоженный было туман вновь потихоньку опускал над Заводью свой жемчужный занавес. Зрелище было завораживающим. Если бы не проклятое зловоние, исходящее от Болот, ими можно было любоваться без конца. Впрочем, с запахом Болот Орри уже свыкся.

Орри сидел и думал о том, как обидно и несправедливо сложилось все за эти дни. Совсем недавно самым страшным для него была предстоящая контрольная по тригонометрии. У него было множество друзей — все мальки Нижнего города. Были, конечно, и противные старшеклассники, и беспредельщики из местной шпаны, с которыми лучше было не встречаться. Но было и кому защитить его от них. Да он и сам мог постоять за себя. А еще был особый мир людей, посвященных в какие-то непонятные для него тайны. Был Нолан. Были Алекс и Клавдий. И другие...

А теперь вместо них рядом только злой и хитрый мастер Стук и противный Фрогмор-Пугало (его знали и не любили почти все мальки в Нижнем). И Бэзил с Элен куда-то пропали. Хотя тоже хороши: дали Клятву, а сами позволили гаду Ставросу запереть его в том чулане... И Бирима звенны увели куда-то к Солнечному... И Ким неизвестно где...

Хотя Орри и говорил-то с Кимом всего несколько минут, он почему-то ощущал к нему доверие и чувствовал, что тот не может оказаться плохим человеком.

В общем, мысли Орри были далеко не веселыми. Он уже совсем расстроился и хотел поплотнее закутаться в свою порядком замызгавшуюся за эти дни курточку да так и уснуть рядом с этой теплой, опасной водой. Но тут его ожидание кончилось.

Сначала ему показалось, что он успел заснуть и видит сон: на расстоянии вытянутой руки от него из воды совершенно бесшумно поднялась огромная змеиная голова на длинной шее и потянулась к нему. Орри чуть не вскрикнул от страха. Но тут же сообразил, что это всего-навсего тахо. Только маленький, молоденький еще тахо. Детеныш, наверное.

Еще через секунду он понял, что детеныш этот что-то протягивает ему. Что-то, зажатое в его беззубом рту. Он осторожно протянул руку и взял это. Голова тахо тут же с еле слышным бульканьем скрылась под водой.

А в руке у Орри остался тускло поблескивающий прямоугольничек — Платиновая Карта.

Оба сомнительных компаньона терпеливо дожидались Орри в «рэмблере», притулившемся на последних проходимых метрах проселка, ведущего к роще и Заводи. Увидев, что малек наконец возвращается, Мастер удовлетворенно потер руки. Он явно томился в сомнениях и теперь воспрянул духом.

Угрюмый, не чаявший уже встретить друга живым Брендик бросился навстречу Орри и радостно облизал его чумазую рожицу.

Что до Фрогмора, то тот, похоже, не собирался в ближайшее время приходить в себя после пережитых потрясений. Правда, при виде Карты он оживился и даже попытался схватить ее своими длинными и не слишком чистыми пальцами. Орри карточку отдернул, а Барри поползновения Хью пресек, с такой силой влупив по этим самым пальцам первым попавшимся предметом (к счастью, это был всего лишь брелок с ключами от зажигания, багажника и, должно быть, квартиры владельца «рэмблера»), что дальнейших попыток такого рода не последовало. После чего ключ запуска движка был использован по

назначению, и «рэмблер» побежал вперед, колыхаясь на колдобинах проселочной дороги.

Рыжая Борода всем своим видом выражал полное удовлетворение достигнутым результатом. Он даже стал напевать что-то, вырывая на дорогу, ведущую к Солнечному Каньону. Пережитое унижение было для него всего лишь забавным эпизодом. Ноль целых, ноль десятых. Ничто.

— Спрячь эту штуку, — Рыжая Борода прервал свои вокальные упражнения и кивнул на Карту, — понадежнее. От греха, как говорится, подальше. Конечно, она, по большому счету, не нужна ни мне, ни Хью и никому в мире вообще. Кроме тебя, разумеется. Точнее сказать, дорогой мой, если она и нужна кому-то, так только вместе с тобой. В комплекте, так сказать. Без тебя, деточка, эта Карта — всего лишь кусок пластика с красивым напылением. А ты без нее — всего лишь малолетний сорванец...

— Тогда п-почему... — вдруг вымолвил неожиданно вернувшийся к жизни Фрогмор. — Т-тогда п-почему же В-вольна г-готов зап-платить за малька хорошие д-денежки безо в-всяк-ких там к-карточек?..

Свой вопрос ему удалось сформулировать до конца только потому, что Рыжей Бороде оказалось очень трудно развернуться на тесном для него водительском сиденье, и он основательно замешкался с зуботычиной, которая надолго лишила Хью способности как задавать вопросы, так и воспринимать ответы на них.

— Дурак потому что Вольна твой! — отрезал Мастер. — Слышал что-то про Предсказание Хакеров, вот и решил, что за малька, там упомянутого, можно получить солидный куш...

Слова эти были адресованы скорее Орри и призваны были пресечь некие сомнения, могущие зародиться в его мальковой душе. С этим Мастер запоздал — сомнения уже давно роились в этой душе. Уже второй раз ему пытались внушить, что мафия начала за ним охотиться просто по глупости. Но что Орри точно знал, так это то, что Вольна не дурак и дураков при себе не держит. Это знал, пожалуй, весь город.

— Подумай лучше вот о чем, — резко сменил тему Рыжая Борода. — Вот ты, вот — Карта. И через пару часов мы будем уже совсем рядом с тем терминалом, в который ты эту Карту определишь. И спросит тебя Сеть: «Как ты, Оруэлл Нолан, прикажешь мне быть с андроидами?» И что ты ей ответишь? Вот о чем тебе сейчас думать надо. И думать быстро. Нам... Тебе никто много времени на размышления не даст. Или ты уже заранее все надумал, все решил? Или тебе уже сказали и разъяснили — как и что? А?

Смятенное молчание Орри было вполне ясным ответом на его вопрос.

— Вижу я, попал ты в эту историю ну как кур в ощиц, — констатировал содержатель Подземных Театров. — Может, и готовил тебя папаша твой — мною очень, кстати, уважаемый — к тому, чтобы во всем этом разобраться, да не успел!

Счастливая мысль вдруг осенила Орри.

— А может, и не надо? Может, надо подождать? Ну пока я подрасту немного и, ну, начну в таких вещах ну... ну — понимать что-нибудь... Разбираться...

Тут Рыжая Борода развеселился — зловещим весельем:

— Эх, хорошо бы это было — дать тебе, малек, время повзрослеть да поумнеть! Старый Нолан того и хотел. Да не судьба! После того как Хакеры — чертово отродье! — твое Предназначение разгласили, времени не осталось ни у тебя, ни у нас! Поэтому чем быстрее это свое Предназначение исполнишь, тем скорее от тебя здешний народ отвяжется. А до той поры жизни тебе не будет. Так что уж решай быстрее. И вот что...

Мастер откашлялся и приосанился. Насколько могла приосаниться стокилограммовая туша, втиснутая между сиденьем и баранкой чужого кара.

— Вот что... — менторским тоном, удивительно напомнившим Орри наставления сестры Дин, сказал Мастер. — Может, ты и не любишь таких вещей... Может, ты и меня, грешного, вовсе не любишь... Оно конечно: вольному воля... Но на твоём месте я бы послушал, что человек, который в этой каше долго варился, обо всем этом думает...

Орри молчал. Он подтянул ноги под себя и, свернувшись на сиденье клубком, молча смотрел в окно — в стремительно летящую мимо... мимо... мимо, быстро наступающую ночь.

— У тебя, малек, на руках три карты. И только три. И то, какую из них ты разыграешь, оно и покажет — насколько ты умный...

Малек никак не реагировал на эту игру на его самолюбии. Он смотрел в надвигающуюся тьму. А та летела мимо все быстрее и быстрее.

— Можешь оставить все как есть, — переждав секунд тридцать и признав, что малек паузу держит, продолжил Стук. — Только кому в Колонии это понравится? Андроидам? Уж точно — нет! Кому из людей? Так покажи мне в Колонии хоть одного чудака, которому эта петрушка, что у нас творится, не стала еще поперек горла. На нас и со стороны-то, из других Миров, давно уже косо смотрят. Рабовладельцами обзывают, санкциями грозятся...

Мастер навернул свою бороду на кулак и насупился.

— Так что эта карта у нас с тобой не играет...

Это «у нас с тобой» не слишком понравилось Орри. Но он промолчал.

— Знаю... — продолжал Рыжая Борода. — Ты вроде как с андроидами дружен... И хотел бы, верно, чтобы их за людей считали? Ну, просто выровняли в правах и всякие Айзековы Законы напрочь отменили? Чтобы они просто обычных законов слушались — тех, что по Конституции написаны. Так?

Орри произвел шевеление плечами и головой, означавшее нечто в духе «Ну, в общем...».

— Эх ты, голова!.. — усмехнулся Стук. — Так я и знал, что ты у нас добренький и на такую ерунду поведешься... А если подумать, что тогда на самом деле получится?

— А что получится? — дернул плечами Орри. — Все будут жить. Хорошо и в мире...

Мастер снова криво усмехнулся.

— А вот люди, малек... Люди, которые все у нас равны перед законом... Они что — так уж и в мире между собой живут? Сколько годочков назад мы с Независимыми Территориями воевали? И кто тебе поклянется, что на твоём веку новой войны не приключится? А мафия как тебе нравится? А Лесные Братья? Да и просто жулья всякого хватает... А теперь добавь-ка ко всему этому еще и андроидов. Свободных и равноправных. С отмененными Айзековыми Законами... И учти, что один андроид десятерых обычных хмырей стоит! Что они могут по многу дней не есть, не спать! Что у них реакции куда быстрее, а в башке — целый нейрокомпьютер встроен! Что они ультрафиолет и тепло видят! Что они радиоволны воспринимают!

Орри послушно кивал. Необыкновенные способности андроидов были хорошо известны всякому в Бэ-Ка.

— Ну а теперь сообрази, — подвел итог сказанному Рыжая Борода. — Долго мы, людишки, против таких тварей продержимся? Они же перво-наперво все рабочие места у людей, отобьют. И весь криминал под себя подомнут. И... Да что там!

Он безнадежно махнул рукой.

— И останемся мы, малек, как говорится, «на бобах»! Разве что пособие по безработице народу платить будут. А так одно останется — кому в другие Миры вербоваться, а кому — вымирать потихоньку... Или не веришь, что такое будет?

Орри сжался в комок. Ему не хотелось верить в такое. И все-таки... И все-таки он понимал, что в словах мастера Стука много правды. Он уже знал — жизнь Нью-Чепеля давала тому много примеров, — что люди не слишком склонны жалеть друг друга, и вовсе не всех их связывают узы дружбы или хотя бы взаимопонимания.

— Ты думаешь, они — андроиды — нас поблагодарят за то, что мы им дадим свободу? Х-хе! — фыркнул Мастер. — Они нам припомнят эти сорок лет рабства! И много чего еще припомнят! Такое припомнят, чего и не было никогда!

— Нет! — решительно возразил Орри, выпрямляясь на своем сиденье. — Они не такие... Они — справедливые!.. Они не станут людей притеснять.

— Ты уж поверь мне, малек! — прервал его Стук. — Поверь старому пройдохе, который зубы себе проел на дрессировке этих чертовых кукол... У них, как и у людей, — есть, конечно, хорошие и справедливые, а есть и такие, что... В общем, и эта карта не играет, малек. Уж поверь мне — не играет! Не с нее надо заходить. Не с нее, а с третьей — самой надежной!

Он наклонился к Орри и впился глазами в его зрачки. Брендик почувствовал недоброе и подал голос:

— Ты вспомни, малек...

Содержатель Подземных Театров словно вбивал в сознание мальчишки каждое свое слово.

— Ты вспомни, для чего вообще с самого начала сотворили андроидов! Вспомнил? А кем андроиду лучше быть — недоделкой без прав, без цели существования, без правильной работы или тем, кем его и задумали, — суперсолдатом Суперимперии? Что до человека — я скажу тебе точно — лучше быть тем, что ты есть. И с андроидами — поверь мне — все точно так же!

— Так ведь нам же не разрешили... — озадаченно пробормотал Орри. — Это же против закона... И потом — с кем же нам воевать? Мы же не воюем ни с кем...

— Кто не разрешил? — усмехнулся Стук. — Федералы? И против чьего закона? Против их — федерального... Так нам на эти их законишки плевать будет, когда у нас миллион суперсолдат под ружье станет. Никто сюда не сунется. А бомбить из космоса побоятся. Мы же ведь не агрессоры. А раз так — считай управы на нас нет. У них там Парламент с Директоратом до посинения спорить будут, какими санкциями нас тут допечь. А никакими не проймут. Мы здесь сами себя обеспечиваем всем необходимым. В случае чего — продержимся хоть сотню лет...

Мастер самодовольно погладил бороду и добавил уже почти мечтательно:

— А на суперсолдат покупатели найдутся... Ты знаешь, сколько войн по Обитаемому Космосу сейчас синим пламенем пылает? Не знаешь? Вот то-то... Так что мы себе для защиты тысяч сто этих кукол оставим, а остальных с молотка пустим. По всей Федерации. И заживем как боги...

— И почему только вы, Мастер, у нас не в президентах ходите? — не без яда в голосе осведомился Фрогмор.

— Ничего... — снова мечтательно погладил бороду Стук. — Дайте только срок... Будет вам и президент какой надо...

— Не замерзли, Агент? — осведомился Скрипач, протягивая Киму термос. — Хлебните немного.

— Пока нет, — отозвался Ким со дна небольшого, больше похожего на окоп овражка. — Здесь нет ветра. А с кофе я повременю...

— Это не кофе, дорогой мой, — рассмеялся старик. — Это моя собственная рецептура. Травы, коренья... Кое-какие здешние ягоды. Великолепно снимает усталость. А усталость нам сейчас вовсе не нужна. Время принимать первых гостей. Вон они появились на тропе — посмотрите...

Он протянул Киму бинокль.

Впрочем, и без бинокля невооруженным глазом были видны три фигурки, осторожно пробирающиеся по тропке к спуску в Каньон. Мощная оптика, однако, помогла Киму определиться точнее.

— У меня, конечно, не такой наметанный глаз, как у аборигенов, — заметил он, — но... но, по-моему, это — типичные андройды... И... И, кажется, одного из них я узнаю. Похоже, это именно тот случай, когда, как говорится, «на ловца и зверь бежит»...

— У вас уже успели завестись в Колонии знакомые андройды? — поинтересовался Скрипач.

— Этот к ним не относится, — вздохнул Ким. — Черт несет на нашу голову андройда, находящегося в розыске... Биримом звать... В каком-то смысле он мой клиент. Только он не знает об этом. Кстати, он если и не друг, то, по крайней мере, приятель Орри.

— Известная среди андройдов личность, — заметил Нолан. — Уникальный случай — андройд-поэт. Когда это Орри успел познакомиться с ним? Барри очень гордился, когда заполучил Бирима в свои Театры...

— От него он и сбежал, — вздохнул Ким. — Он его и объявил в розыск...

— И вы... Вы еще и на этот счет заключили Контракт?

— Нет. Я не работаю на Стука, — заверил его Ким. — Совсем на другое лицо и совсем в других целях.

— Надеюсь, вы не собираетесь сдавать его полиции?

— А вы, надеюсь, не собираетесь сообщать куда надо о таком моем профессиональном упущении?

Оба они невесело улыбнулись друг другу.

— Гос-с-споди! Что это было?! — ошарашенно спросил Бэзил, почти задремавший под шелест стремительного скольжения «проксимы» по шоссе, ведущему к Солнечному, и теперь разбуженный самым неделикатным образом.

Чуть не сбросив «проксиму» с дороги и заставив Каманеру на приличной скорости выполнить головоломнейший автодорожный маневр, мимо промчался какой-то автонахал.

— Это был «рэмблер», — пояснила Элен. — Зеленый, как речная тина. Последняя модель. Но это не важно. Важно то, что за рулем был не кто иной, как наш с тобой

работодатель — Барри Стук Рыжая Борода...

Она, поморщившись от натуги, сорвала пломбу с ограничителя скорости и с силой вдавила педаль энергопривода в пол.

Ее торопила ночь.

* * *

— Объяснения эти идиоты будут давать в другой раз! — произнес Джанни Волына голосом сухим и лишенным каких бы то ни было эмоций.

То есть ничего хорошего никому не предвещавшим.

— Сейчас, — продолжил он, — мне не интересно знать, как и почему они упустили из-под замка типа, с которого обязаны были не спускать глаз! Меня интересует, куда делся этот тип!

— На этот счет есть информация, — торопливо отрапортовал Рашид. — К сожалению, этот ишак — Руни Рикк — ну, шоумен, которого Стук из тачки его выкинул... Так вот он противоугонную систему включить не успел. Потому что из машины-то вылезать еще не думал. И поэтому отследить его было...

— Короче... Короче, Раш! — холодно в пространство попросил Волына.

— В общем, ему сели на хвост наши люди из полиции. Они за ним идут на вертолете. Наш клиент на всех парах дует от Болот к Солнечному...

— К Каньону? А дальше куда?

— Пока — неизвестно. Но мы можем его там отрезать. Погрузим человек двадцать на арендный стратосферный скоростник и как раз успеем... Я уже распорядился...

Волына впери в него совершенно прозрачный, ничего не выражающий взгляд. Голос его был так же невыразителен.

— Иногда ты вовремя проявляешь инициативу, Рашид...

* * *

И все-таки навыки универсальных бойцов, встроенные в структуру поведения андроидов, никуда не делись и при блокировании их агрессивно-наступательных программ. Засаду трое путников, добравшихся до Солнечного, почуяли вовремя, и, будь это действительно засада противника, толку от нее уж точно не было бы. Все трое скатились с противоположной обочины и растворились в «зеленке».

Ким вылез из овражка и, ежась от пронизывающего ветра, стал подниматься по тропинке.

— Бирим! — окликнул он невидимого в сгущающейся темноте клиента. — У меня есть кое-что для вас!

Ответом ему служило глухое молчание.

— У меня есть для вас кое-что от госпожи Алисы Фокс! — прокричал Ким.

Ничто, кроме подвывания ночного (теперь уже точно ночного) ветра, не послужило ему ответом.

— У этой девушки есть и другое имя, — настойчиво продолжал Ким. — Бирим,

считайте, что у меня к вам поручение от мисс Элен. Элен Каманеры...

На этот раз тишина была недолгой. Она длилась от силы десятков секунд. Затем последовало шуршание палой листвы, сдавленное восклицание: «Идиот!!!», и из кустов навстречу Агенту выбрался рослый лохматый и совсем еще молодой андроид.

— Как... Как вы сказали? — голосом, полным надежды, спросил он.

— Я сказал Элен Каманера. Вы не ослышались, — подтвердил Ким. — У меня к вам вообще большой разговор. А времени у нас мало. Так что, может быть, хватит нам играть в прятки? Давайте хотя бы представимся друг другу...

Из «зеленки», не особенно торопясь, выбрались еще двое андроидов. Оба лет на двадцать постарше Бирима.

— Послушайте, мастер... — хрипло провозгласил один из них.

— Ким Яснов, — отрекомендовался Ким. — Агент на Контракте. Возможно, Орри Нолан что-то говорил вам обо мне...

— Орри...

Вид у Бирима сделался и вовсе растерянный. Так что инициативу снова взял на себя Дром.

— Да, точно, — подтвердил он. — От Орри мы слышали о таком человеке... Но откуда мы можем знать, что он — это ты?

— А если я вам скажу, что это именно так, вы мне поверите? — осведомился Скрипач, выходя на тропинку.

Теперь оторопелый вид демонстрировал уже не один только Бирим. Все трое андроидов зачарованно смотрели на приближающегося к ним сухого старика, чье лицо в Бэ-Ка мог не узнать только слепой. Ну или новорожденный младенец.

— А мне говорили... — озадаченно произнес Мантра.

— Вам совершенно верно говорили, что люди Волыны уложили меня на больничную койку, — кивнул старик. — Но ведь вам, наверное, не только это говорили про меня?

— Теперь я вижу, что не зря говорят, — покачал головой Дром.

Ким откашлялся, испрашивая, таким образом, разрешения вмешаться в разговор.

— Пожалуй, нам есть что обсудить, — заметил он. — Но только давайте не будем украшать пейзаж своими фигурами. Отойдем подальше от чужих глаз. Я думаю, скоро здесь станетлюдно. Даже слишкомлюдно...

* * *

— Ты очень долго думаешь, малек, — окликнул Орри содержатель Подземных Театров. — Мы уже сворачиваем к Солнечному... Ты надумал, с какой карты ходить? Или ты, часом, задремал?

Орри покачал головой:

— Нет, я не сплю... Я думаю...

— Так до чего же ты додумался, сынок?

Орри нахмурился.

— Я не сынок вам, — буркнул он. — А до чего я додумался — это мое дело...

— Ну что ж, — флегматично пожал плечами Рыжая Борода. — Если ты так хочешь...

«Рэмблер» прокатил еще несколько сот метров по колдобинам ведущего к Каньону

проселка и замер, уткнувшись в совсем уж непроходимые буераки.

— Выходим, — распорядился Стук, отворяя дверцу салона. — Песика своего оставь здесь. В машине. С ним к Терминалу не пройдешь. Тропинки тут не простые...

Орри с сомнением глянул на Мастера и пригладил вздыбившуюся шерсть на загривке Брендика.

— Хью присмотрит за ним, — успокаивающим тоном добавил Мастер.

— Вы бы и сами здесь остались, Мастер, — хмуро отозвался Орри.

Мастер решительно покачал головой и принялся выбираться из кабины.

— Один не дойдешь... — уверенно пробасил он. — Ночь уже, а ты тропинки здешние не знаешь. Да и чует мое сердце: наши друзья — те, что Нолана подранили, а меня взаперти держали, — скоро здесь будут. Если не приспели уже... Так что — подстраховать тебя надо...

Орри вылез из кара и, ежась под холодным ветром, подозрительно глянул на Стука. Потом повернулся к Брендику и коротко приказал:

— Ждать! Ждать меня, Брендик! И веди себя хорошо!

— Приглядывай за псиной! — бросил Мастер скорчившемуся на заднем сиденье Хью.

Тот только тяжело вздохнул в ответ.

Мастер захлопнул дверцу машины и взял Орри за плечо.

— Пора, малек.

Оба они зашагали по извилистой тропе — вниз к тому месту, где от жалкого подобия смотровой площадки начинался крутой спуск к каменному «балкону», вдоль которого низвергались воды трех водопадов.

Брендик, упершись лапами в дверь кара, проводил своего приятеля взглядом, полным тревоги. Потом свернулся калачиком на сиденье и скосил на Фрогмора полный подозрительности взгляд. Фармацевт ответил ему тем же.

* * *

Каньон открылся перед Орри пугающей, темной бездной. Ни за что он не назвал бы его сейчас Солнечным. Он даже оторопел слегка, стараясь преодолеть охвативший его озноб.

И тут — словно в насмешку над ним — Каньон вдруг начал наливаться каким-то нехорошим, гнойно-желтым светом. Стали все более четко видимыми скрытые до этого тьмой детали мрачного, скалистого рельефа. И в этом свете Солнечный предстал перед ним как злобная карикатура на себя самого. Карикатура, написанная рукой живописца, погруженного в черную меланхолию. Уродливые тени потянулись по земле от камней и деревьев. И от самих путников, замерших в самом начале сбегающей вниз тропы.

Орри оглянулся, пытаясь понять, откуда льется этот недобрый свет. И понял — над далекими изломанными силуэтами гор всходило желтое, испещренное язвами кратеров светило. Больная Луна.

Глава 13

НОЧЬ БОЛЬНОЙ ЛУНЫ

«Они должны быть где-то здесь, — подумал Орри. — Не может быть, чтобы Бирим и его товарищи не успели добраться сюда. А вот Алекс и Клавдий могут и не успеть. Даже если звенны их нашли и предупредили сразу после того, как я отправился за Рыжей Бородой... Главное, чтобы Бирим, Дром и Мантра были здесь и не прошляпили нас. Они мне помогут, если что... Обязательно помогут...»

Но мысли эти не успокаивали. Наоборот — на душе у него становилось все тревожнее и тревожнее. Молчаливое сопение Стука за спиной тоже не способствовало улучшению настроения. А уж возможность столкнуться с людьми Волыны совсем добивала его.

«Если эти типы на нас наткнутся, непременно начнется пальба, — прикинул он. — Жаль, что Брендика нет со мной. Но оно и лучше. Он, глупый, полезет меня защищать, и его запросто пристрелят... Запросто».

* * *

— Остановимся здесь, — определила Элен. — Где-то за вон теми скалами дорога обрывается. Стук должен остановиться где-то там. Нам не стоит встречаться... Хотела бы я знать, как он вычислил Солнечный.

— Уж во всяком случае — не от звеннов, — пожал плечами Бэзил. — У тебя есть какие-нибудь соображения на этот счет?

Элен не ответила, погрузившись в манипуляции с рулевым управлением «проксимы». Она съехала с дороги и по ухабам дотянула до ближайших деревьев. Бэзил выбрался из кабины и, отойдя в сторону, критически оценил степень маскировки кара.

— Все равно машину заметят... — буркнул он подошедшей к нему Элен. — Ночь слишком светлая.

— Луна... Чертова Больная Луна, — простонала Каманера, стараясь не поднимать глаза к небу.

Но все-таки взглянула в черную пропасть над головой — исподлобья, украдкой. Она была на месте — Больная Луна. Злым, гноющим глазом она присматривала за своей пленницей. Элен криво улыбнулась ей.

И резко повернулась к Бэзилу.

— Ты понял, что от тебя сейчас требуется? Ты — понял?

— Пока что, как я понимаю, — пожал плечами Бэз, — мне следует повнимательнее глазеть по сторонам. Сдается мне...

— От тебя сейчас требуется главное, — зло оборвала его Элен. — Ты не должен дать мне заснуть! И отстегнул бы ты напрочь это свое украшение, — кивнула она на скрипку Нолана.

Бэзила передернуло.

— Боюсь, что спать этой ночью нам не придется, — усмехнулся он. — Так что твои опасения напрасны...

Но Элен уже не слушала его. Ее внимание было целиком поглощено доносящимся с

небес тихим ноющим звуком. Звук этот нарастал.

— Что до того, чтобы глазеть по сторонам, то с этим мы уже запоздали, — тихо сказала Элен. — К нам едут гости...

Теперь стал виден уже и источник звука — с неба к Каньону двигалось крошечное созвездие, составленное бортовыми огнями и пламенем посадочного движка скоростного «стратосферника». Еще пять-шесть секунд — и самолет скрылся за темным массивом леса. Звук двигателя смолк.

— Сели где-то рядом... — почему-то перейдя на шепот, констатировал Бэзил.

— Двигаемся по обочине... — приглушенным голосом отозвалась Элен. — Найдем сначала кар Стука и попытаемся сообразить, куда он двинул дальше. Наша задача — на него не напороться по дороге к Трем Водопадам...

Бэзил подумал, что первоочередная задача, скорее всего, не свернуть себе шею в чертовых буераках, но промолчал и осторожно последовал за Элен.

Обойдя нагромождение скал, за которыми скрывался последний отрезок грунтовки, компаньоны и впрямь узрели брошенный на обочине «рэмблер». В салоне кара горел приглушенный свет, одна из дверей была открыта нараспашку. Ни издали, ни вблизи никого живого в машине заметно не было.

Осмелев, Элен заглянула в кабину.

— Никого, — констатировала она. — Но здесь что-то было... Так вот машину не оставляют. Из нее не просто вышли, а выскочили. Можно сказать, сломя голову выскочили. И куда-то делись...

Бэзил осторожно почесал в затылке.

— Так или иначе, — вздохнула Каманера, — а нам надо идти к водопадам. Где-то здесь должен быть спуск...

— Там внизу заорал кто-то... — сообщил Кац. — И — слышишь — стреляют... Действительно, какая-то чертовщина начала твориться...

— Не поминай нечистого в такое время, — попрекнула его Элен, осторожно спускаясь по неверной тропинке, круто уходящей в пропасть. — Здесь есть другой путь — я помню. Короче. Главное — не свернуть себе шею...

* * *

— Не торопись этак, малек, — окликнул Орри Рыжая Борода. — Сейчас будет трудный спуск. Присядь. Сделаем маленький привал... Как раз и ручеек тут — можешь напиться...

Орри неохотно присел на небольшой выступ скалы — как раз над ручейком — больше из жалости к запыхавшемуся попугайчику. Кроме того, он понимал, что сейчас и ему самому полагалось быть усталым и вымотанным. Но он ни усталым, ни даже сонным себя не чувствовал. И инстинктивно понимал, что совсем не надо этого показывать мастеру Стуку. Не надо было тому знать, что Орри Нолан — совсем уже не тот бестолковый и вполне обычный мальчишка, которым он был до того, как напился воды из Странного ручья и заснул в старой хижине, повторяя, как заклинание, загадочное слово «Мутабор»...

Но пить действительно хотелось, и он с облегчением проглотил несколько пригоршней ледяной воды из ручья. Припал к ручью и Стук. Орри подивился, что струйка воды не пересохла.

Напившись и отерев бороду, содержатель Подземных Театров выпрямился и принял довольно грозный вид.

— Слушай меня внимательно, малек. Ты, конечно, ловко карабкаешься по этим каменюгам, но шансы свернуть шею на этом спуске велики даже для профессионального скалолаза. А тем более ночь сейчас. Поэтому ты пойдешь вторым и — будь добр — иди за мною след в след. И не думай выкинуть какой-нибудь фокус. Пошли!

Спуск и впрямь был сложным, но Орри глодало сомнение в том, что Рыжая Борода не отпускает его от себя ни на шаг только лишь из опасения за его жизнь. Нет. Мастер явно опасался, что, опередив его, Орри даст деру, а он сам застрянет на опасном склоне и уже не догонит прыткого малька. И опасения эти были отнюдь не безосновательны. Орри не упускал из виду, что по мере приближения к цели их похода все более мрачнеет его то ли спутник, то ли конвоир. Видел, как все более резкими становятся его добродушные в начале окрики. Не удивительно, что Орри уже принял в глубине души решение воспользоваться любым удобным случаем для того, чтобы оторваться от Стука и первым добраться до Тайного Терминала. Конечно, рукоять пистолета, торчащая из-за пояса Мастера, внушала ему страх, но здравый смысл подсказывает ему, что нужен он, Орри Нолан, Рыжей Бороде только живым и ни в каком ином виде. А раз так, то дело будет решать не скорость выпущенных вслед ему пуль, а только скорость его ног в сравнении со скоростью ног Барри Стука. Заведомо не очень высокой.

Удобный случай представился ему в самом конце спуска к галерее, ведущей к озерцу, в который окунали свои «бороды» Три Водопада. Тропа здесь заканчивалась крутым, метра в три высотой, порожком, преодолеть его можно было только используя в полную силу все конечности, данные человеку всемогущим Создателем. Громоздкая туша Рыжей Бороды основательно застряла на этом участке пути. Орри не без удивления заметил, что громадный бородач панически боится даже небольшой высоты и не может выпустить из рук ветки кустарника, в которые вцепился, начиная свое нисхождение. Малек понял, что ждать ему больше нечего. Он зажмурился и кубарем полетел вниз. К несчастью, он зацепил в этом своем полете какую-то часть тела своего конвоира, и тот, помятая нечистого и всех его присных, обрушился следом за ним в составе небольшой лавины из камней и комьев земли.

Достигнув низшей точки своего нисхождения, оба путника тут же развили бурную активность. Орри не мешкая вскочил на ноги и дал уже было стрекача, а мастер Стук принял все меры, чтобы этому воспрепятствовать. С неожиданной для его комплекции легкостью он вскочил на ноги и, ухватив левой рукой Орри за шиворот, правой упер ему в спину ствол пистолета.

— Стой, гаденыш! — грозно прошипел он. — Поигрались и хватит! Сейчас — с этой самой секунды — ты будешь делать только то, что я тебе скажу! Иначе размажу твои потроха по окружающему пейзажу! И даже не думай о том, что я об этом пожалею! Мне-то, может, и лучше будет, если как было все, так и останется. А вот папаша твой очень будет кручиниться. Может с горя и загнуться даже... Так что ты уж давай теперь от меня ни на шаг. И к Терминалу сейчас — живо! Ножками, ножками!..

За его спиной кто-то негромко откашлялся.

Мастер резко развернулся, продолжая удерживать Орри перед собой и вдавив ствол пистолета ему в спину так, что малек, всерьез испугался, не проткнет ли он его насквозь. Что до содержателя Подземных Театров, то он был на миг обескуражен.

Перед ним живой и здоровый — по крайней мере, на вид — стоял старый Нолан, а чуть поодаль с «вальтером» в руке сравнительно молодой тип, чуть смахивающий на китайца. А от ближайших зарослей Стука и его пленника отрезала тройка старых знакомых — беглых андроидов — Дром, Мантра и Бирим.

— Может быть, вы оставите мальчика в покое? — поинтересовался Скрипач. — Нам давно пора поговорить, Барри...

Но в ступоре мастер Стук был лишь считанные секунды.

— Хватит разговоров, старый шут! — заорал он. — И вы все, придурки, — назад! Прочь с дороги! Я не шучу! Повторяю с дороги — прочь! Если не хотите узнать, какого цвета мозги у вашего поганца!

Теперь ствол упирался Орри прямо в затылок. Андроиды нехотя отступили в сторону — на шаг-другой.

— Слушайте, господин Стук, — вступил в ход переговоров Ким. — Не валяйте дурака. Если вы застрелите мальчонку или хотя бы попытаетесь это сделать, то и двух шагов не уйдете с этого места!

— Ты даже не знаешь, дурень, — хрипло выкрикнул Барри, — кого ты хочешь напугать своей хлопушкой! Да ты даже не представляешь, что с тобой сделают в городе, если хоть волос упадет с моей головы!

— Это будет уже моей проблемой, — парировал его угрозу Ким. — И вряд ли — вашей!

Он старался выглядеть как можно более спокойно, но вид его малолетнего клиента, находящегося на волосок от смерти, заставил его голос слегка дрогнуть. Слишком много надежды было в устремленных на него и на Нолана глазах малька.

— Давайте поговорим спо... — продолжил он было.

Но тут процесс переговоров принял совершенно неожиданный оборот. С тропинки, нависающей над заросшей кустарником галереей, с трехметровой высоты на спину Мастера — точнее, на расположенную ниже спины часть его тела — обрушилось нечто. Нечто злобно рычащее. Нечто наделенное острейшими когтями и не менее острыми зубами Нечто, готовое положить свою жизнь за спасение попавшего в беду друга. Озверевший от гнева Брендик — собственной персоной!

Мастер чуть не выронил пистолет, рухнул на колени и заорал нечеловеческим голосом. Затем принялся кататься по земле, пытаясь освободиться от обрушившейся на него напасти и беспорядочно паля в белый свет, как в копеечку, в попытках поразить вцепившегося в его кормовой отсек пса.

И андроиды и Ким тут же рухнули ничком на землю, чтобы не стать жертвами выпущенных наобум пуль. Один только Скрипач остался стоять выпрямившись. Видимо, он и впрямь был заколдованным. Или считал себя таковым. Агент на Контракте — надо отдать ему должное — первым поднялся на ноги, как только пальба смолкла.

Мастер Стук стоял на коленях, дико озираясь и сжимая в одной руке здоровенный ствол, а другой машинально придерживая серьезно пострадавшие в своей деликатной части брюки. Ни Орри, ни Брендика окрест видно не было.

Зато на месте действия появился новый персонаж — уткнувшись носом в кусты, чуть поодаль от края каменистой галереи неподвижно белела нелепая, закутанная в мятый плащ

фигура. Голову фигуры украшала смахивающая на гриб шляпа, а шляпу эту — выразительная дыра. Дыра подозрительно дымилась. Содержатель Подземных Театров уставился на эту фигуру, как на привидение.

— Хью-ю-ю... — растерянно произнес он, делая шаг по направлению к своему неподвижному партнеру. — Хью-ю-ю... Фрогги...

И растерянно посмотрел на все еще зажатый в руке пистолет.

Ким подошел к нему, решительно отобрал еще не разряженную до конца пушку и отдал ее Скрипачу. Затем наклонился над Фрогмором и осторожно перевернул того лицом вверх. Все оставшиеся на скальной площадке сгруппировались вокруг. Агент снял с фармацевта пробитую насквозь шляпу и вздохнул с облегчением. Объем черепной коробки пострадавшего оказался достаточно мал, и его ранение можно было скорее назвать ссадиной, чем входным отверстием. Кто-то из андроидов тут же протянул Агенту тюбик с репарирующим гелем. Когда первые капли целебного препарата коснулись черепа Фрогмора, тот, морщась, открыл глаза и выкатил их, словно рак при виде кастрюли с бурлящим и уже благоухающим укропом кипятком.

— Хью... — теперь уже не с растерянностью, а с нарастающим озлоблением спросил Барри. — Какого черта, Хью? Какого черта ты отпустил эту зверюгу?

— Он... Она... — простонал Фрогаор. — Попробовали бы вы сами побыть наедине с этой тварью... В закрытом каре...

— Ты нагло врешь! — прошипел Мастер. — Ты просто пустился по моим следам! Хотел понюхать, как сложатся дела. А пса просто не смог удержать. Так ведь?!

Фрогмор обессиленно закрыл глаза и погрузился в полуобморочное состояние. Или искусно имитировал таковое. Во всяком случае, давать ответы на вопросы своего грозного компаньона он не собирался.

— Вот что, — решительно определил Скрипач. — Вам повезло, господин фармацевт. Нам просто не до вас. Убирайтесь отсюда подобру-поздорову. Лучше всего забейтесь в тот кар, на котором сюда прикатали, и дожидайтесь конца представления. Так будет безопаснее для всех.

Фармацевта как ветром сдуло.

— А этого борова, — старик бросил недобрый взгляд на мастера Стука, — придется связать получше и оставить где-нибудь здесь, поблизости. Разберемся с ним на обратном пути. Сейчас нам надо отыскать Орри...

* * *

А Орри тем временем запыхавшись продирался через окаймлявший озеро Трех Водопадов кустарник. Он очень хотел бы остаться там — на скальной галерее — вместе с Ноланом, Кимом и Биримом. И, безусловно, поступил бы именно так. Если бы не чувствовал, что уже не принадлежит самому себе. Его вело к Терминалу его Предназначение. Ну, а еще он понимал — тем самым здравым смыслом, что гнезвился теперь в его детском пока мозгу, что пользы от него во взрослой игре взрослых людей решительно никакой. Зато чем скорее он выполнит Предназначение, тем скорее снова станет простым мальчишкой. Мальком, свободным, как все мальки в городе...

Из кустов он выбрался на залитую злым светом Большой Луны прогалину. И замер.

Замерли и те, кого он увидел на ней.

Элен и Бэзил, не сговариваясь, дружелюбно растопырили руки и двинулись ему навстречу.

— Господи, как я волновалась за тебя, малыш! — с пафосом воскликнула Каманера.

— Как мы переживали за тебя! — в унисон ей простуженно загнусавил Бэзил. — Как могло получиться, что этот мерзавец Стук...

— Иди... Иди же сюда... — ласково позвала малька Элен.

Но доверие Орри к роду людскому было уже основательно подорвано за последние несколько суток. Так что вместо того чтобы доверчиво двинуться навстречу своим недавним друзьям, он начал выполнять довольно сложный маневр. Оставаясь повернутым лицом к ним, а спиной к стене кустарника, он начал обходить прогалину по кругу, стараясь приблизиться к тропке, уже напрямую поднимающейся к потокам воды низвергающимся в озеро. Брендик, грозно порыкивая, следовал за ним.

Довольно большой была эта прогалина. Пожалуй, она тянула на звание настоящей поляны. С краю ее ближе к тропе, уходящей к водопадам, высилась одинокая могучая сосна. Точнее — местное смолистое дерево, которое переселенцы с Земли называли именем привычного им растения.

Бэзил и Элен явно боялись потерять так неожиданно доставшуюся им добычу и тоже не спешили напрямую приближаться к Орри. Они словно приняли условия какой-то непонятной игры в хоровод и, мурлыча что-то ласковое и успокаивающее, двинулись точно так же вдоль зарослей — спиной к ним — в обход освещенной лунным светом прогалины. Так они все втроем и хороводили, пока полностью не поменялись местами. Теперь двое ловцов стояли спиной к чащобе, а их дичь наконец почти достигла начала желанной финишной тропинки.

И тут Каманера тихо охнула.

Она замерла, уставясь в нечто, что она узрела при свете Большой Луны за спиной Орри. Сам Орри, подозревая, что хитрая Элен только отвлекает таким образом его внимание, не торопился оборачиваться. И только когда Каманера, а за ней и Бэзил испуганно отступили в чащу, он чуть повернул голову и скосил глаза, чтобы высмотреть, что там делается у него за спиной.

* * *

— Лопни мои глаза! — растерянно воскликнул Рашид.

— Да это же проклятый постреленок — собственной персоной!

Он оглянулся на босса. Вольна тоже как зачарованный уставился на хрупкую фигурку, замершую между стеной прибрежного кустарника и цепочкой его — пана Вольны — чопорно, как на похороны, одетых подручных. Было их, пожалуй, побольше дюжины.

— Осторожно, — распорядился пан. — Если он успеет юркнуть в кусты, мы будем его искать всю ночь... И проклятый Стук... Он должен быть где-то здесь... Да вот, кажется, и он...

В этом пан ошибался. С лесной тропинки на прогалину торопливо выбирались пятеро — трое андроидов и двое людей. Ни Агент, ни Скрипач не сообразили сразу, что вышли лоб в лоб на десант мафии. Когда они смогли оценить обстановку, было уже слишком поздно.

Силы были явно неравны.

— Эй, Агент! — окликнул Кима Вольна. — Не стесняйтесь, подойдите поближе...

Ким, а за ним и все его спутники действительно подошли ближе к противнику, чтобы занять место за спиной Орри.

— Вы, я вижу, — продолжил пан, — честно выполняете условия Контракта. Малька, как говорится, нашли и доставили...

Орри затравленно оглянулся на Кима. Потом Агент многое бы отдал, чтобы навсегда забыть этот миг. Ну вот так же, как ему пришлось забыть о целом куске жизни, прожитом далеко отсюда — в Системе Чур... Даже пес Брендик смотрел на Агента с немым презрением.

— Ну что же, — картонным голосом отозвался он. — Вы заказывали встречу, господин Вольна. Но не более того. Я должен быть уверен, что уведу мальчика с этой встречи целым и невредимым...

— Знаете, — рассмеялся пан и, не торопясь, двинулся ему навстречу. — Я не могу даже обещать вам, что вы сами, мастер Яснов, уберетесь отсюда целым и невредимым...

Он остановился в нескольких шагах перед Скрипачом. Орри, испуганно озираясь, медленно пятился в сторону.

— А мне говорили...

Рыло достал из внутреннего кармана футляр с сигарами и не глядя вытащил одну.

— Мне говорили... — продолжил он, откусывая кончик «гаваны», — что у вас были проблемы со здоровьем, мастер Нолан? Врали поди?

Преданно следовавший за боссом Раш поспешил щелкнуть зажигалкой, и пан принялся вдумчиво раскуривать «гавану»

— Нет, не врали, мастер... — пожал плечами Скрипач. — Ваши люди не так часто врут вам, как вам кажется... Просто, когда надо, мне удастся встать на ноги, даже если у меня есть, как вы выразились, «проблемы со здоровьем»...

— Рад за вас... — задумчиво протянул пан, попыхивая ароматным дымком. — Что ж, тем интереснее будет продолжить наше знакомство... Несколько очень интересных людей просто жаждут познакомиться с вами и с вашим, э-э... сынишкой, мастер... Так что...

Рыло, прищурясь, воззрился на Кима.

— Так что, с вашего позволения, господин Агент, я забираю с собой этих двоих. А вы поступите благоразумно, если спрячете вашу хлопушку, — он кивнул на зажатый в руке Кима пистолет, — и уберетесь восвояси. Не бойтесь...

Тут лицо пана исказила ироническая улыбка.

— Не бойтесь. За услуги вам будет уплачено сполна...

«Кажется, — подумал Ким, — мне придется второй раз в жизни глотать пулю. Второй — и последний. Причем совершенно бесполезно. Но ведь не портить же у малька впечатление обо мне...»

— Ну что ж, — произнес он вслух. — Приятно это слышать. Всегда, как говорится, к вашим услугам...

Он сунул пистолет за борт куртки — дулом во внутренний карман и с совершенно дружелюбным видом шагнул к пану, протягивая ему на прощание руку.

Протянутая рука обычно провоцирует — чисто рефлекторно — ответный жест. Попался на этот несложный трюк и Рыло. Он с нарочитой, вальяжной небрежностью ответил Агенту вялым рукопожатием. Через секунду — не более — рука его была завернута за спину, а дуло

пистолета Кима упиралось ему в висок.

— Всем! — выкрикнул он. — Всем — положить оружие. Слышите? Положить оружие на травку и убираться в задницу! Немедленно! Иначе ваш босс — труп!

Андройды стремительно образовали вокруг Агента и его заложника плотное кольцо.

Конечно, пан чисто физически был много крепче Кима, но, как и все провинциальные гангстеры, приемами борьбы владел на чисто уличном уровне. Да и возраст давал себя знать. Равно как и привычка к кабинетной жизни. Поэтому он и не подумал оказывать Агенту особого сопротивления.

— А вот это ты зря... — задумчиво произнес он, перекидывая уцелевшую в короткой схватке сигару из одного угла рта в другой. — Теперь тебе в Колонии не жить...

— Не бойтесь, — зло съязвил Ким. — Я верну вам неустойку...

Бандиты были явно растеряны. Но сперва кто-то один, а за ним и все остальные нехотя стали класть стволы на землю. Последним задумчиво расстался со своей пушкой Рашид. Так же задумчиво — демонстративно медленно — он выпрямился, шагнул назад... И вдруг стремительно выхватил — Ким даже не успел сообразить откуда — второй ствол.

Дальнейшее произошло практически мгновенно. Два выстрела прозвучали одновременно. Точнее, прозвучал один из них — пистолет, прихваченный Стуком в угнанном «рэмблере» и сработавший сейчас в руках Скрипача. Пистолет Рашида, как и положено бандитскому стволу, был оборудован глушителем.

В течение доли секунды Ким поздравил себя дважды. Во-первых, с тем, что не нажал на спусковой крючок своего «вальтера», а во-вторых, с тем, что, кажется, остался жив. Стремительно — как это могут только андройды — Бирим встал между ним и Рашидом и «поймал» предназначенную Киму пулю. Ее удар отбросил его назад, но на ногах он удержался. Пуля в плечо — для андроида сущий пустяк.

Для Рашида дело обернулось хуже. Правая рука его повисла плетью. Пистолет плюхнулся наземь, и попыток поднять его под дулом пистолета Скрипача он делать не стал.

— Считай, что ты уволен, Раш! — мрачно уведомил его Вольна.

Но покалеченный Рашид уже не обращал внимания на шефа. Он смотрел за спину Агента — на заросли.

А из зарослей, сдирая с себя колючие репейники и ругаясь на чем свет стоит шел к скопившемуся на поляне народу мастер Стук. Вид у него был не из лучших — Брендик основательно поработал над его имиджем. За Мастером следовали, поигрывая стволами, пятеро его людей. Верный Трои таки не покинул босса в беде.

— Ну что? — громогласно осведомился Барри. — Нарвались, господа? Эй ты, китаеза, кончай эту сволочь! А мои мальчики замочат остальную компанию. Вот тогда и поговорим...

Ким не сразу сообразил, что «китаезой» поименован он сам, а «сволочью» — пан Вольна. Первое было явным преувеличением, второе — нет.

Развязка приближалась стремительно. Но совсем не такая, какую ждал хоть кто-то из собравшихся на прогалине. Над Каньоном раздался вой. Страшный, потусторонний вой оборотня.

Уже от одного этого звука кровь застыла в жилах у всех, кто его услышал. А когда из зарослей вынырнул и огромными, почти бесшумными прыжками понесся на людей огромный, невероятно уродливый Ночной Зверь, толпу на прогалине охватила паника. Ким не смог удержать заоравшего и рванувшегося из рук Вольну. Да, впрочем, уже не имело

смысла возиться с ним.

Положение вновь круто изменилось. Бандиты бросились кто куда — одни так и оставив брошенное оружие, другие — беспорядочно отстреливаясь. Вмиг на освещенном пространстве остались только Ким, Нолан и трое андроидов. Дром и Мантра были заняты раной Бирима. И еще на поляне остался Ночной Зверь.

Ким тряхнул головой — происходящее казалось ему сном. Нелепой галлюцинацией. Страшная, постоянно меняющая форму тварь тихими, пружинящими шагами обходила причудливый периметр поляны, то и дело оглашая воздух мучительным, стонущим воем. И причиной ее мук были, очевидно, не выпущенные в нее пули. Они-то как раз и не причинили Зверю видимого вреда.

Тварь остановилась, прекратив наконец свое кружение вокруг пятерых стоящих на залитой больным светом траве, и сама рухнула в эту траву. Зверь начал биться в каких-то невероятных конвульсиях, словно пытаясь сбросить с себя собственную шкуру. Перестать быть собой. В его вое становилось все больше и больше безысходной тоски и нарастающего гнева.

— Плохо дело, — тихо сказал Нолан. И шагнул к извивающемуся Зверю.

— Стойте! — окликнул его неуверенный, срывающийся голос.

Ким обернулся.

От зарослей к ним приближался порядком измазанный лесной грязью и нервно дергающийся тип. Когда-то — совсем недавно — его одеяние можно было назвать элегантным. Сейчас оно больше напоминало лохмотья бродяги из старинного фильма. В правой руке тип нес ком изодранной ткани, в котором можно было угадать какие-то детали женской одежды. А на левом запястье типа болтался пристегнутый наручником скрипичный футляр.

— Не подходите к ней... — крикнул тип. — Она может... Она все может сейчас... Нужно ждать, — объяснил он, подходя поближе. — Нужно ждать, пока зайдет эта проклятая луна... И потом снова ждать — ждать рассвета...

— Нам не придется ждать, — сухо оборвал его Нолан. — Нам не придется ждать, если вы позволите мне воспользоваться моим инструментом. Вы, кстати, очень вовремя доставили его сюда...

Он властным жестом указал на футляр.

Тип испуганно отвел руку с наручником назад.

— Вы... Вы хотите сказать, что вы — Нолан-Скрипач? — недоуменно спросил он.

— Именно это я и хочу сказать, — подтвердил старик. — Да вы, я вижу, — музыкант? Это всегда бывает заметно.

— Бэзил Кац — к вашим услугам, — несколько чопорно представился тип.

— Слышал о вас, — без особой приветливости в голосе заметил Нолан. — И хорошее, и плохое... И даже запись пары ваших концертов слышал. Теперь — будем знакомы лично.

Бэзил осторожно протянул Скрипачу руку. Тот пожал ее коротко и сухо — точно так же, как смеялся, улыбался и вообще говорил.

— Но кто может подтвердить мне... — начал было Кац.

— Вы получите подтверждение того, что я Нолан — Нолан по прозвищу Скрипач, как только я возьму в руки свой инструмент, — холодно отрезал старик. — И поторопитесь, если хотите прекратить мучения вашей подруги...

— Как?! — поразился Бэзил. — Вы... Вы — знаете?

— Да, я знаю, — оборвал его Нолан. — Поторопитесь. Это, — он кивнул на бьющегося в конвульсиях Зверя, — может плохо кончиться в такую ночь. И перестаньте думать о деньгах. Я, конечно, заплачу вам за то, что вы выручили мою скрипку из бандитских лап. Но большого гешефта вы на этом инструменте не сделаете. Поверьте мне.

— Действительно, поверьте ему, Кац, — тихо произнес незаметно приблизившийся к пианисту Бирим. — Получается, что я знаю вас обоих и...

Он запнулся — настолько поразительной была реакция Бэзила на его появление. До этого момента тот, видно, не узнавал своего соперника, а теперь обмер, выкатив глаза, словно узрел голову Медузы Горгоны. Дыра, пробитая пулей в плече юного андроида, и запекающаяся вокруг нее кровь только усиливали иллюзию встречи с выходцем с того света.

— И мне тоже, поверьте, — устало посоветовал Бэзилу Ким. — Этот джентльмен знает, что говорит...

Бэзил опасливо покосился на все еще зажатый в руке Агента пистолет, бросил ком растерзанной одежды в траву и с тяжелым вздохом принялся искать в карманах своего напроць загубленного в этой ночной прогулке костюма ключи от наручников. Нашел, вздохнул с облегчением и протянул Скрипачу футляр, отстегнутый наконец от растертого в кровь запястья.

Футляр этот, словно сам собою раскрылся в руках старика.

Нолан бережным движением извлек инструмент и смычок из их бархатного гнезда, не глядя отдал футляр Киму и неуловимо быстрым движением утвердил скрипку под своим острым подбородком. Смычок вспорхнул к струнам так, словно это он увлек за собой сухую кисть Скрипача, а вовсе не наоборот.

И над Каньоном поплыли звуки скрипки.

Странно, они — эти звуки — и не пытались даже спорить с другими звуками, царившими в этом мирке, отсеченном от остальной Вселенной крутыми скальными стенами. Ни с плеском Трех Водопадов, ни с шелестом листвы здешних деревьев, ни с тоскливым завыванием Зверя эта музыка просто не имела ничего общего. Не соприкасалась с ними.

И уже через мгновение Ким неожиданно понял, что не слышит ничего больше — только ту причудливую и грустную мелодию, что выводил на струнах скрипки старый Нолан. Он словно остался с нею наедине. Это было странно — стоять среди людей и андроидов, видеть и слышать все вокруг, даже ощущать порывы холодного ветра и запахи ночи и... И быть в то же время где-то далеко отсюда.

Это же, видно, происходило и со всеми, кто слышал звук Инструмента Нолана. Все на поляне замерли и как-то притихли. Бэзил медленно опустился на колени, Бирим потупился... А на самого Кима нахлынула тоска и странное чувство, что стоит сделать над собой только малое усилие — и ты вспомнишь себя. Себя настоящего, а не то слабое существо, полное воспоминаний обо всех сделанных на жизненном пути ошибках и неудачах настоящего себя...

Но самое странное творилось со Зверем. Он замер, прислушался к льющим на него звукам и вдруг скорчился, сжался в комок. И комок этот начал странно изменяться, словно он плавился и перетекал в какую-то другую — совсем другую-форму и одновременно силился остаться самим собой, сопротивлялся тому превращению, переходу, в который уводила, втягивала его мелодия скрипки Нолана. А когда это превращение завершилось, оборвалась и мелодия. Наступила оглушительная тишина. Тишина, полная шороха стылого

ветра в листве, еле слышного грохота водопадов и совсем уж тихого, всхлипывающего звука плача. Плакал тот, кто только что был Зверем...

Нолан тихо опустил инструмент в траву и первым подошел к скорчившейся и вздрагивающей от рыданий фигурке. За ним подошли и все, кто был на поляне, постепенно приходя в себя после обрушившейся на их души музыки.

Бирим присел на корточки и осторожно тронул за плечо дрожащее и захлебывающееся плачем существо. Оно подняло голову:

— Это...

Голос Бирима дрогнул:

— Это ты, Элен?.. Ты?..

— У тебя кровь... — хрипло и удивленно произнесла Кама-нера. Каманера, перестающая быть Ночным Зверем. — Ты... Ты ранен? Тебе больно?

Бирим молча и ошалело глядел на нее.

— В-вот... — запинаясь, выговорил Бэзил. — Вот твоя одежда, Элен... Она, правда... Ты ее сильно порвала...

Каманера молча сверкнула на сгрудившихся вокруг людей все еще бешеным, нечеловеческим взглядом своих зеленых глаз и уткнулась лицом в колени.

— Уйдите!.. — прошептала она. — Хоть отвернитесь, уроды! Мне надо одеться...

* * *

— Проклятье! Что это было? — с трудом выговаривая слова, спросил пан Вольна.

Почти вся его команда, сгрудившаяся на дне оврага, хранила молчание. Один только Рашид, от греха подальше ушедший за спины подельников, смог-таки выдавить из себя:.

— Зверь... То был Ночной Зверь... Про него рассказывали всякое. Но все думали, что он... В общем, его давно здесь не видели...

— Хрена там все думали! — взорвался босс. — Какого черта вы все припустились врасыпную, как зайцы от носорога? У вас у каждого — по два ствола на руках. Какого же дьявола вы эту тварь в мелкие клочья не разнесли?

— Да мы все по полному магазину выпалили... — оправдываясь, загудел кто-то из сошек помельче. — И ничего...

— А чертов пострел? — зло осведомился пан. — Снова оставил вас с носом?

Ему не ответили.

Все напряженно вслушивались в тишину. А тишина эта наполнялась хрустом валежника под чьими-то сапогами, приглушенными чертыханиями и окликаками. Вдалеке сквозь причудливые сплетения ветвей начали просвечивать лучи карманных фонарей и переносных прожекторов.

— О дьявол! — помянул нечистого пан и перешел на шепот. — Это же эти идиоты!.. Община Храма Единения! Слышите, придурок Клавдий кем-то там командует?

— Их не меньше сотни... — без особого оптимизма констатировал кто-то из сбившихся в плотную массу бандитов.

— Рвем отсюда когти! — коротко скомандовал Вольна. — На сегодня игра проиграна!

Сотня — не сотня, а человек тридцать, вооруженных кто охотничьими ружьями, а кто и просто кухонной утварью, стянулись к поляне и заполнили ее, окружив Скрипача и приветствуя его — каждый по-своему. Сквозь эту небольшую толпу к старику не без труда пробилась Клавдий и Алекс.

— Малец... — выговорил запыхавшийся Мохо. — Где Орри?..

— Его теперь надо искать там... — Нолан кивнул в сторону Трех Водопадов. — Пойдемте...

Клавдий развернулся к приведенному им люду и взмахом руки определил направление дальнейшего движения. Вслед за ним и Ноланом люди и андроиды стали поспешно покидать поляну. На какое-то время на ней задержались трое — Бирим, Каманера и Бэзил.

— Идите... — глухо проговорил Кац. — Идите со всеми... А я сам... Я вернусь в город... Мне с вами... Не надо мне оставаться с вами... Я... — Он исподлобья посмотрел на Бирима. — Я перед тобой виноват... Не надо мне было слушать эту чертову скрипку... Теперь уже не смогу... Не смогу быть таким, как раньше... Мне... Мне надо уйти... — Он молча повернулся и быстрым шагом скрылся в зарослях.

Каманера сочувственно посмотрела ему вслед.

— Это пройдет, — вздохнула она. — Эта Ноланова скрипка... Она делает людей чище... Будит в них что-то... Но потом это проходит... Пойдем со всеми...

Бирим молча накинул поверх ее порванной куртки свою — окровавленную, но теплую, обнял девушку за все еще вздрагивающие плечи и повел вслед за тихо гомонящей толпой к Водопадам.

Но поляна пустовала недолго. И двух минут не прошло после того, как ее покинули Элен с Биримом, кусты заколыхались, и на открытое пространство выбрался диковато озирающийся Хью Фрогмор. Когда он добрался до середины поляны, его окликнул хриплый голос, исходивший, как казалось, прямо с небес.

— Хью, сукин сын! — явственно произнес этот голос. — Кончай вертеть башкой и помоги мне наконец!

Хью испуганно икнул и уставился в звездный небосклон.

— Вы?! — пробормотал он. — Это вы — Мастер? Где вы?

— Да здесь... Здесь я, бестолочь чертова! На сосне!

Действительно, мастер Стук располагался в непосредственной близости от верхушки могучего дерева, украшавшего край поляны. Различить его в ветвях и на такой высоте было делом нелегким.

— Господи, как вы попали туда? — развел руками Фрогмор. — Спускайтесь — только осторожнее...

— Чертова зверюга! — пояснил содержатель Подземных Театров. — Она меня насмерть перепугала. Сам не знаю, как я взлетел на этот чертов насест... Теперь главное — с него выбраться... Тут еще проклятая смола... Борода, понимаешь, борода намертво приклеилась к

СТВОЛУ...

— Главное — будьте осторожны... — снова посоветовал ему Хью.

— Осторожны?! — заорал Стук. — Да я не могу, понимаешь ты, дубина, просто не могу отсюда спуститься без того, чтобы, не свернуть себе шею! Пригони сюда Троя и его ребят... Свяжись с кем-нибудь в городе... С пожарниками, что ли... Только не стой этак вот столбом!

— О, я немедленно приму меры... — Голос фармацевта стал просто медовым. — Я немедленно приму меры... Но сначала, Мастер... Сначала давайте обсудим финансовую сторону вопроса...

Тучи все-таки взяли свое и скрыли злое око Большой Луны, погрузив Каньон в полнейший мрак. Двигавшаяся к Водопадам процессия высвечивала себе дорогу уймой переносных светильников самой разной мощности. У крайнего «двухэтажного» водопада все остановились и направили лучи фонарей вверх, туда, куда указал Скрипач.

И лучи высветили сверху на уступе скалы маленькую фигурку. Орри устало сидел на краю уступа, свесив в пропасть ноги. На коленях его так же устало покоился Брендик. Дром и Мантра без долгих размышлений принялись карабкаться вверх и скоро уже стояли рядом с мальком. Орри поднял голову и посмотрел на них с какой-то странной грустью.

— Мы поможем тебе спуститься... — сказал Мантра, протягивая ему руку.

— Ты... — спросил Дром. — Ты ведь уже сделал это?

— Да, — тихо ответил Орри. — Теперь вы... Теперь вы — такие же, как все. Как мы...

— Мы уже знаем это, — сказал Мантра. — Мы больше не Куклы Судьбы.

* * *

Дождаться рассвета все пришедшие к Водопадам решили тут же — на берегу озера. Набрав в зарослях сухих веток, развели костры. Около одного из них сон сморил Брендика. Орри устроился с ним рядом. Никто не решался трогать их. Рядом с мальком остались только Клавдий, Алекс, Ким и Каманера с Биримом. Скрипач присел в сторонке, став почти невидимым в темноте. Клавдий деловито заварил чай из прихваченного с собой запаса. На каждого нашлась посуда, в которую Мохо щедро разлил дымящийся терпкий напиток. Бирим передал кружку Элен и наконец позволил себе поглядеть ей в глаза. Во взгляде его был немой вопрос.

Каманера присела перед костром на корточки, сжалась, стала совсем маленькой, словно малолетний беспризорник, и попыталась отогреть руки о горячий металл кружки.

— Понимаешь... — наконец сказала она. — Понимаешь, я сама виновата. Во всем, что со мной случилось, виновата я сама. И Лес... Может быть, еще и Лес виноват... Это давно началось... Странно... Я сейчас себе кажусь такой старой... Как будто это вовсе и не я была той маленькой девочкой, которая в Лесу разговаривала со звеннами. И с заколдованными зверями. Нет, я не чокнутая — я знаю, что я их выдумывала, этих зверей. А еще — друзей, с которыми я играла у Сонного озера, ходила к Странному ключу... Наверное, я их тоже выдумала. Потому что потом — когда мы все выросли, они... Они ничего не помнят. Они забыли все...

Она снова сжала кружку, словно отогреваясь от какого-то глубинного, сковывающего ее холода, и с горечью добавила:

— И звери со мной больше не разговаривают...

— Ты где-то рядом жила? — спросил Орри. — Когда была маленькая?

Ему почему-то тоже стало очень холодно — где-то внутри, и он тоже точно таким же, как Каманера, машинальным зябким движением сжал чашку с горячим чаем.

— Мы здесь и жили с мамой — у Леса... — ответила Элен, неподвижным взглядом уставившись в пламя костра. — Должно быть, он еще цел — наш дом... Небольшой такой... Сейчас заброшен, наверное... Я побоялась туда сходить. Мама была тут чем-то... чем-то вроде лесничихи. Или наблюдателя... Ей немного муниципалитет приплачивал и немного — университет. Чтобы она наблюдения вела, ну и вроде как присматривала — за звеннами, за тахо... Ну и свое хозяйство у нас было. Ферма — не ферма, а так... Мы не одни тогда так жили — там несколько семей таких было. Они... Все наши там еще во времена Изоляции поселились. Между Лесом и Болотами. Мы — дети этих семей — тогда дружили очень. И из города к маме ее друзья приезжали часто — тоже с детьми — на уикэнд, в отпуск... Так что я не одна тут росла...

А еще там часто цыгане проходили. Тогда в Колонии много цыган жило — они в Эпоху Изоляции из городов ушли, снова в таборы сбились, как в старину на Земле.

— Их и сейчас еще много, — буркнул Мохо.

— Так везде почти вышло, — заметил Алекс. — Во всех Мирах, где есть кони. И простор. Это неискоренимо. А тут еще Изоляция...

— Да, — согласилась Каманера. — Это неискоренимо. Кони и простор. И ночь. И костер. И воровская кровь. Это всё равно вернулось бы. Даже если бы и не было никакой Изоляции... А еще мы дружили со звеннами. И с тахо тоже дружили. По-своему... тахо ведь тоже добрые... И умные. Зря на них наговаривают. И с колдунами из Роцц мы тоже дружили. Я почти все время там, в Роццах, пропадала. У Каррога. Интересно, как он сейчас... Жие еще? Они ведь долго живут — колдуны... Странно... Он иногда мне мерещился — там, в других Мирах... Обознавалась я. Один раз даже окликнула какого-то чудака. Вот, наверное, испугался-то... Это все оттого, что он чем-то вроде отца мне был — Каррог...

— А-а твой отец? Настоящий, в смысле... — спросил Орри.

И тут же прикусил язык, сообразив, что мог ляпнуть что-то не то. Ведь его самого почти никогда не спрашивали о том, кто его мать и где она сейчас. А когда спрашивали, это всегда было... ну, почти больно.

— Отец? — тихо спросила она. — Знаешь, Орри, это очень странно, но... Но я тогда почему-то никогда не задумывалась о своем отце. И никто о нем со мной не говорил. И мне это казалось естественным — то, что у других папы есть, а у меня нет. Не видела в том трагедии. И у меня тогда мысли все не о том были. Дети, вообще, так все воспринимают. И не о том думают, о чем думают взрослые... А у меня... У меня эта разница была еще больше. В миллиард раз, наверное. Я к ним была ближе — к лесным тварям. К ночным тварям Леса... И еще... Я раньше путала явь и сон. Иногда совсем не различала. Да что врать — этс у меня и сейчас порой...

Она провела рукой по глазам.

— ...И когда потом мама мне объяснила разницу... то... То это было большим для меня облегчением. Я долго потом думала... Ну, знаете, что значит для маленького ребенка «долго»? Так вот, я по моим детским понятиям долго думала, что это сны... Что-то страшное, что делает со мной Больная Луна... И то странное, что дарит мне Луна Чистая... Что все это — сны... До тех пор, пока с мамой не начались постоянные истерики. Пока не

поняла, что она меня боится... Когда я это поняла, страх пришел и ко мне. Какое-то время я не могла понять, как мои сны передаются ей...

Мне в этих снах виделось, что я крадусь по глухим закоулкам Леса, и он, этот Лес, вдруг стал неузнаваем: сделался громаден и бескраен. Превратился в целую Вселенную, полную невероятным количеством звуков, шорохов, теней, призрачных образов, запахов... Да-да, именно запахи и были главным в этой совершенно иной Вселенной, в которую вдруг превращалось наше привычное пресное мироздание... Это был уже не скучный мир людей. То был мир Зверя, Зверя, в которого превращалась я!

Каманера уже не сидела, сжавшись в комок. Она выпрямилась и стояла перед пламенем костра на коленях, словно поклоняясь этому огненному божеству. Говорила она быстро, захлебываясь и глотая слова. То и дело она вспоминала про зажатую в руках кружку и, умудряясь не обжечься, пила крепко заваренный напиток.

— Превращалась... Не то, какое-то слово... Становилась — вот! Это не просто руки и ноги мои превращались в когтистые лапы. Не просто лицо преображалось в клыкастую морду. Нет! Вся я менялась. Чувства, желания, мысли... Нет — стоп! Мыслей вообще не остается, когда... Точнее, вместо мыслей душу заполняет что-то... Что-то, что заставляет тебя... Не заставляет даже... Обрекает. Обрекает поступать так, а не иначе... И совсем не важно, что ты думал о том о сем, пока был человеком. Что ты любил или не любил. Что нравилось тебе. И кто нравился... Ты — уже что-то совсем другое... Конечно — где-то там, уже почти за гранью сознания все еще живет память о том, что ты был совсем иным существом — удивительно странным и непонятным. Враждебным... Человеком. Но это... Это кажется чем-то бесконечно давно случившимся. Прожитым в далеком детстве.

Каманера тряхнула головой и перевела взгляд на полуопустевшую кружку. Мохо плеснул ей из котелка дымящегося чаю. Элен глотнула горячую жидкость, вздохнула чуть судорожно и продолжила:

— И только потом... потом я поняла, что мать мне врала. Вовсе не было это снами... Это и было... — Она запнулась... — Это и было тем, чем было... Никакими не снами... И тогда мать ушла. Исчезла...

— Послушайте... Вы что — всерьез верите, что то, что вам привиделось?.. — осторожно предположил Ким и так и не довел фразу до конца.

— А почему бы мне не верить в это? Ведь вы же не думаете, что то, что было с вами этой ночью, привиделось вам?

Ким этого не думал. Но и принимать это как непреложный факт не мог. Впрочем, свои сомнения он держал сейчас при себе.

Элен воззрилась куда-то мимо него. В мир, видимый лишь ей. Потом пожала плечами:

— Понимаете... Это — когда вы просыпаетесь в теплой постели, и восходящее уже солнышко светит вам в глаза, а с кухни тянет готовым омлетом, вы... вы можете считать, что никогда и нигде не были тем, чем привиделись себе в тяжелом сне... А вовсе не тогда... — Она снова судорожно глотнула травяной отвара. — А вовсе не тогда, когда ты просыпаешься в гуще прохваченного ночным морозом кустарника... Такого тебе чужого... И такого тебе знакомого... И не тогда, когда под ногтями у тебя чья-то кровь... А сами ногти эти... Они... Они еще вовсе не стали человеческими... — Она замкнулась. Уставилась в еще скованную ночным морозом землю. Она слишком затянулась — эта пауза.

— Послушай... — осторожно спросил Бирим. — Элен, ведь ты никогда на самом деле никого не...

Каманера глянула на него каким-то отчужденным, слепым взглядом, и вопрос повис в воздухе. Бириму вовсе не хотелось теперь услышать ответ на него.

— Так вы сказали... — попробовал изменить русло разговора Ким. — Вы сказали, что мать покинула вас... С кем же вы остались тогда?

— Всегда есть с кем остаться... — невесело усмехнулась Элен. — Знаете, я совсем не осуждаю мать... С оборотнем жить, это... Это не совсем жизнь даже. И она вовсе не виновата, что так вышло... — Элен нервно глотала горький и горячий чай. — Она в город меня перевезла. И оставила — подкинула, можно сказать, своим родственникам... Оставила пожить ненадолго. Сказала, что вернется скоро. И никогда уже не вернулась... Они хорошие люди были... Решили, что что-то с ней случилось. Я так иногда думаю, может быть, действительно, что-то случилось с матерью в дороге... Она ведь меня любила... Только вот не знаю, может, это мне просто казалось, что любила. И еще не знаю, как будет лучше: если она на самом деле меня не любила и ничего с ней плохого на самом деле не было. Или... или все-таки любила и плохое с ней все-таки случилось... Так вот, — вернула она свой рассказ в прежнюю колею, — я уже сказала, что родственники мои были добрыми людьми... Взяли на себя все заботы... Но только я тогда совсем другая была... Из Леса... Не такая, как теперь... И потом я знала... Знала, что будет в конце концов... А они этого не понимали. Не знали, почему я так боюсь лун... И вообще не знали, как это для них опасно... Понимаете, это можно обмануть... Объехать по кривой... Если не спать, когда луны начинают доставать тебя... — Она усмехнулась. — Думаете, это так просто — всего-то экая малость — не заснуть в полнолуние... Только за все надо платить... Приходится... Потому что, когда приходит срок, тогда... Тогда начинаешь понимать, что вовсе не хочешь избежать этого... Что как раз когда ты противилась судьбе, ты и была ненормальной. Опьяненной... А настоящая твоя судьба — там, в залитом мертвым лунным светом Лесу. Ледяном и чуждом всему человеческому. И ты проклинаешь себя за каждый лишний час, который остаешься в человеческой шкуре. Начинаешь ненавидеть весь мир вокруг себя. И с нетерпением ждешь новых лун... Молишься, чтобы скорее вернуться в себя саму...

— Это... Это похоже на действие наркотика... — заметил Ким.

— А в жизни многое похоже на действие наркотика... — пожалала плечами Каманера. — Например, сама жизнь. От нее трудно отвыкнуть. — Она снова ежась плотнула крепко настоящего на травах кипятку. — Я стала снова с Каррогом дружить. И он мне много рассказал про то, как это все вышло... Со мной. Много рассказал, но — не все... Например, после разговоров с ним я впервые стала догадываться о том, почему не помню отца...

— Так что было с тобой?.. С вами? — снова торопливо спросил Орри.

— Что было?..

Элен протянула Клавдию кружку — еще за одной дозой терпкого настоя. Поблагодарила кивком.

— Дело в том, что мать... Она суеверная была до предела. И ей плохое нагадали. Про детей. Для того у нее основания были. Она ведь нездешняя. Она вместе с беженцами с Аваллона сюда перебралась. Слыхали про тот Мир?

— Там применяли психотропное оружие... — припомнил Клавдий.

— Вот именно... Генетико-психотропное. Специальные вирусные препараты. Они не на сам мозг действуют, а на гены, от которых зависит развитие мозга. На следующие поколения. И мать ужасно боялась того, что будет с ее ребенком. И того, что этот ребенок может натворить...

— Вы родились здесь — в Колонии? — спросил Ким. — Или...

— Уже здесь... Но отец остался там — на Аваллоне. Ему не удалось уйти оттуда. Миры Федерации из беженцев принимали тогда только стариков, женщин и детей. Да и тех селили вне больших городов — боялись.

— И было чего бояться... — мрачно буркнул Мохо. — Они порой такое вытворяют — дети и внуки беженцев оттуда...

— Мать тогда узнала, что бывают — очень редко — такие дети... Заколдованные. От которых колдуны могут отвести беду. А тут еще и поселилась как раз в таких местах... Рядом с Рощами. А в Рощах — колдуны... А у колдунов Каррог — первый человек. По крайней мере — один из...

— Даже когда я был вот таким, — Клавдий показал, каким он был, — Каррог уже был стариком. И о нем всякие легенды ходили... Но в основном в том смысле, что лучше с ним не связываться... Один только Скрипач с ним на равных держался. Ну... — он покосился на Алекса. — Ну почти на равных...

— Он ее честно предупредил. — Каманера дернула плечами. Зябко поежилась. — Каррог честно сказал, что все может обернуться страшно. Что все заколдованные идут на риск. Но мать... она все-таки выбрала колдовство... Он потом очень жалел, что согласился на это... Говорил, что не простит себе никогда... Того, что случилось со мной... Потом я перестала приходить к нему. Поняла, что так будет лучше. Для всех... В общем так... Я от этих хороших и добрых родственников сбежала. Обокрала их — и сбежала... Ничего... Они богатые. И могли позволить себе быть добрыми. Они даже в полицию заявили только о том, что я ушла из дому, а про все остальное... Сказали, что из дому ничего не пропало. Я им потом верну. Обязательно... Когда у меня будет много денег. Своих... Им или их детям...

Она смолкла, поняв, что говорит что-то детское.

— Ты с цыганами ушла? — догадался Орри.

— Угу... Я потом с ними по всей Колонии шаталась. И Независимые Территории тоже обошла. И цыгане тоже поняли — очень быстро... Но они меня не прогоняли... Они вроде меня даже побаиваться стали. А потом когда я немного повзрослела, то поняла, что мне нужно уходить в другие Миры. В такие, где лун нет...

— Поэтому вас и занесло на Харур? — догадался Ким. — Впрочем, там, кажется...

Каманера покачала головой:

— Харур? Сначала была Мелетта. У нее, правда, луны есть, но почти невидимые. А вот у Харура лун целых три. Но туда я попала уже потом... После того, как я ужасно прокололась на Мелетте... Надо отдать должное Бэзилу — это он меня оттуда вытащил. Он порой бывает способен на бескорыстные поступки... — Элен усмехнулась своим словам. — Особенно когда такие поступки открывают для него интересные перспективы... Он, знаете... Бэзил не чужд своего рода сентиментальности и даже романтичности. Только все это у него... Да не только у него, и у меня тоже все какое-то... Слишком, наверное, практичное... Разбойный народ всегда и мечтателен и практичен...

С этим Ким был, пожалуй, согласен. Ему еще не встречался в жизни жулик, который не был бы в той или иной мере сентиментален. И даже у хладнокровных киллеров — он это знал не понаслышке — полиция при аресте частенько находила в карманах заготовленные на случай их гибели записки, адресованные какой-нибудь Мэри или Фатиме. Иногда — матери.

— Так значит, — предположил он, — вытаскивал вас Бэзил из ваших э-э...

неприятностей на Мелетте все-таки не совсем, гм, бескорыстно?

Элен пожала плечами:

— Да как вам сказать, Агент... Он помог бы мне, если бы ему и ничего, как говорится, не светило в этом деле... Тогда он мне казался этаким элегантным рыцарем без страха и упрека — утонченным музыкантом-виртуозом, немного не от мира сего. Который так, для разнообразия, подрабатывал еще и наводчиком... Или, наоборот — изящным авантюристом, у которого было необыкновенное хобби — так блестяще шарить по клавишам, что народ отваливал за билеты на его концерты денежки, за которые можно купить кар. Даже не очень подержанный кар, заметьте...

— Да, удивительное сочетание, что уж тут говорить, — заметил Клавдий, потом достал из кармана трубку-носогрейку и взглядом попросил у присутствующих разрешения подымить, немного.

— А чего удивительного? — вошел в разговор терпеливо помалкивавший Бирим. — Я, правда, тоже был в восторге от этого типа, когда встретился с ним впервые — там, на Приюте... Мне казалось, что, как человек высокого искусства, он один из немногих в состоянии понять мои стихи... Оценить их. А потом выяснилось, что все это чистое притворство!

— Он действительно понимает поэзию, — немного запальчиво возразила Каманера. — И твои стихи ему нравились. Сначала...

— Ага! — возмущенно парировал Бирим. — Сначала! Сначала мастер Кац был сама поэзия. Просто какие-то восторг и истечение! А потом стал сочинять на меня мерзкие пародии... И называть меня стал не иначе как «Тирлим-Бом-Бом»!

Орри еще раз вспомнил, как его невинное тирлимканье испортило настроение стихоплета.

— Ну как ты не понимаешь, дурачок, что он начал ревновать тебя... — попыталась успокоить его Элен. — Его, видишь ли, бесили те маленькие знаки внимания, которые я временами...

— Благородные люди никогда не скатываются до такой низкой мести! — окончательно вскипел уязвленный в своих лучших чувствах стихотворец. — Если у мастера были ко мне претензии, он мог, в конце концов, потребовать у меня удовлетворения. Сатисфакции...

— Это в смысле на дуэль вызвать? — иронически осведомился молчаливый Триз.

— Именно так! — гордо признал Бирим.

— А как же Первый Закон? — с еще большей иронией в голосе напомнил ему Алекс.

— Н-ну... — немного смешался андроид. — Можно было бы обойтись без физической драки... Например, просто бросить монетку...

— Этого еще не хватало! — вскинулась Каманера. — Чтобы мою благосклонность разыгрывали в «орла и решку»!

— Я совсем не это имел в виду! — совсем уж смутился Бирим. — Просто тот, кто проиграл... Тот должен бы был...

— Ага! — рассмеялся Клавдий, старательно набивая свою трубочку. — Тот должен был благородно удавиться... Или убыть в изгнание... Гусарство это называется, к твоему сведению...

— В конце концов, Бэзил все равно непорядочный человек! — надулся стихотворец. — Подумаешь — богема!

— Просто ты его не понимаешь, — обиделась за приятеля Элен. — У такого рода людей

совсем другой образ мыслей. И другая жизнь! Да, он много зарабатывал своими концертами... Но и тратил много — на таких Мирах, как Мелетта или Океания, люди из той обоймы, в которую входит Бэзил, просто обязаны жить, как говорится, на широкую ногу... Иначе их просто не поймут...

— Угу, — мрачно заметил Бирим. — В гостиницах «суперлюкс». И чтоб номер — на половину этажа, не меньше. И шампанское только прямой доставки из Метрополии... А если надо попасть в ресторан за пару кварталов, то не иначе как на заказном «роллсе»...

Каманера мечтательно вздохнула, охваченная какими-то своими воспоминаниями.

— Ах, если бы вы только знали, какие букеты он дарил мне — композиции из цветов трех разных Миров!

— Угу — цветы с других планет... Сигары с Кубы... И билеты на представления таких же дорогостоящих выпендрейщиков, как он сам. А чтобы расплатиться за все это — вербовка в харурские шпионы... — не унимался Бирим.

— Это совсем не то! — запротестовала Элен. — На Харуре мы оба попали в безвыходное положение... Мы же там очутились не по доброй воле! Просто с Мелетты надо было убираться любой ценой... А пассажирские рейсы между Мирами — не такая уж частая штука... Сами знаете, они не так уж нужны друг другу — эти наши Миры... Так что даже на Харур нам только чудом вырваться удалось...

В этом Каманера была права. Те из Миров, что выжили в эпоху Изоляции, стали окончательно самостоятельными людскими поселениями, раскиданными по необъятным просторам Обитаемого Космоса. Так что, несмотря на резко снизившуюся стоимость межзвездных перелетов, процветал в основном только космокаботаж — перевозки внутри отдельных планетных систем. А основным товаром, циркулирующим между Мирами, была информация. К ней добавлялись относительно малотоннажные экзотические грузы и продукция высоких технологий. Только громадные крейсера Объединенного Космофлота совершали частые и регулярные перелеты через подпространственные «туннели», присматривая за порядком в Федерации, да караваны переселенцев во исполнение того или иного Проекта Колонизации тянулись от одной «точки перехода» к другой. За последние десятилетия начал, правда, бурно развиваться межзвездный туризм — довольно дорогое, однако, удовольствие, не сильно увеличившее общее количество совершаемых кораблями Федерации рейсов. Так что бегство почти из любого Мира было делом трудным, а то и вовсе невозможным.

— Это, конечно, многое объясняет... — вежливо заметил Ким. — Но, если не секрет: что же там у вас такое приключилось — на Мелетте? Ненароком господин Кац не продулся, в карты? Там, насколько я знаю, таких долгов не прощают...

— Х-хе! — поморщилась Каманера. — Дело-то как раз в том, что Бэзил никогда не продувался. Ни в карты, ни в кости, ни во что другое... Точнее — мог продуть партию-другую, но банк, в конце концов, всегда срывал.

— Так он еще и шулер... — угрюмо заметил Бирим.

— Ну... — несколько смутилась Элен. — Не только это. У него было чутье и удача... Это людей злило, но он долго... Долго не попадался, одним словом. Но, знаете, и на старуху бывает проруха... Нечто в этом духе с ним было и в Метрополии, и на Океании... А в этот раз — на Мелетте. Но он вовремя понял, что надо смыться. Он такие вещи всегда чуял. И смылся. А меня прихватил с собой... Я тогда скрывалась... Он один знал где. И не выдавал. Хотя ему обещали простить за это кое-какие его грехи...

— Потому что знал, — заметил Клавдий из почти скрывшего его облака ароматного дыма, — что на Мелетте обещать простить и простить — разные вещи...

— Вы скрывались от полиции? — осведомился Ким. Каманера снова фыркнула:

— Полиция — фигня! Меня искали люди Тарквини!

— Серьезная личность, — признал Ким. — Его клан вошел, — можно сказать, в учебники криминалистики. Чем вы ему сумели насолить?

— Я продала ему ожерелье. С Шарады. Магическое... Он коллекционирует всякие такие штучки...

— Погорели на подделке? — несколько бестактно поинтересовался Триз.

— Почему же? Это было самое настоящее магическое ожерелье... Только оно на самом деле было не мое... Я его... взяла у Кручи... Так что и люди Кручи меня тоже искали по всей системе... — Последние слова Каманера произнесла не без гордости.

— Круча, судя по кличке, — серьезный господин... — предположил Алекс.

Элен это предположение развеселило.

— Круча, — успокоившись, пояснила она, — не господин. Круча — госпожа. Мадам. Сухая фурия. Контрабанда, пиратство и все такое... Хотя на вид — сама невинность... Я некоторое время работала в ее команде...

— Да... отметились вы на Мелетте здорово... — признал Мохо.

— Не всякий так смог бы, — скромно признала Элен.

— А на Харуре на чем-то в том же духе погорели? — предположил Алекс.

— Не совсем... — Элен угрюмо уставилась в опустевшую чашку.

— Насколько мне известно, — Ким постарался сформулировать свой вопрос поаккуратнее, — вы были арестованы за занятия м-м...

— Дознались таки!.. — вздохнула Каманера. — Да! За занятия колдовством меня загребли в тех краях!

— Это связано с вашими... С вашими превращениями?

— Не только. Просто я кой-чему обучилась. И у Каррога, и потом... В странствиях... Ну, не колдовство это настоящее, а так — фокусы. Ну и умение с магическими штучками обращаться... Там, на Харуре, постоянно то имперские войска воюют с сепаратистами, то сепаратисты — друг с другом. А то имперская гвардия сцепится с имперским же спецназом...

Элен безнадежно махнула рукой. Что и говорить — из всех Миров Федерации скованный вечной зимой Мир Харура был, по общему мнению, самым пропавшим.

— И поэтому, — продолжила она, — там полно наемников со всей Федерации и бог весть откуда еще. А наемники — народ суеверный. Да к тому же любят таскать с собой всякий хлам, который им впаривают на Шараде или на Джее. Под видом древних магических амулетов и всяких вещиц, что остались от Предтеч или от сгинувших цивилизаций. Чаще всего надувательство это все. Новодел, притом кое-как слепленный. Хотя попадались там и настоящие штуковины, не людскими руками сделанные...

Ее слегка передернуло от какого-то воспоминания.

— Ну я и промышляла тем, что кому гадала, кому вроде как с магией разбираться помогала... Чтобы дуболому из Легиона кошелек растрясти, большого ума не надо... Так что на кусок хлеба с маслом мне хватало. И мне, и Бэзу. Музыканты-виртуозы в тех краях не в цене... А азартные игры запрещены. То есть, конечно, народ все равно режется в картишки, но все больше только со своими...

— Так вот она — перспектива, ради которой он тебе помог смыться с Мелетты! — воскликнул Бирим голосом, полным сарказма. — Да он просто нахлебником твоим был — на Харуре! Альфонсом!

— Ты не прав! — запальчиво возразила Каманера. — Бэз мне м-м... ассистировал! И это у него неплохо получалось. Ведь для того чтобы произвести впечатление на клиента, надо о нем хоть что-то узнать заранее. А Бэзу удавалось и разговорить людей, и для меня пиар сделать... Иногда человека можно насмерть поразить, рассказав, сколько денег у него в бумажнике или...

— Так он еще и по карманам лазить мастер... — прокомментировал ее слова стихотворец.

— Тебе всего этого не понять... — отмахнулась от него Элен. — В общем, со временем мы на Харуре сориентировались и стали зарабатывать все больше и больше. Ну и... Ну и позавидовали мне местные специалисты по этой части. Конкуренты. Шарлатаны чертовы!

— Значит, тебя, мэ, сгубил твой артистизм... — вздохнул Мохо.

— Выходит, что так, — согласилась Элен. — Сначала мелко гадили. Вроде того, что клиентам моим снотворное со слабительным в питье подсыпали. А потом и вовсе озверели. Провокацию мне подстроили. И на меня материальчик для имперской прокуратуры состряпали.

— Конкуренция — она вещь такая... — многозначительно заметил Клавдий.

— А дурни из тамошней охранки, — горестно продолжила Каманера, — это все восприняли всерьез... Раз у них Император верит в магию и колдовство, значит, и они непременно должны во все это верить. А ведь за мошенничество там у них по статье выходит только каторга, а за колдовство — наказание огнем! А Бэзил загремел со мной за компанию. Ну и кое-кто из местных тоже. Как раз из тех, кто мне эту подножку ставил.

— С доносчиками часто так выходит, — усмехнулся Алекс.

— Угу... — согласилась с ним Элен. — Но я шла у них «паровозом»! — с гордостью добавила она. — Меня должны были сжечь на костре. Как настоящую ведьму!

— И тогда вы каким-то образом...

— И тогда Бэзил меня заложил. Чтобы спасти — заложил! Он тогда уже знал, что со мной бывает в полнолуние... Поэтому он меня побаивался. Уговаривал лечиться. Х-хе! Словно от этого лечат.

— Но ведь если люди Императора узнали, что ты не только ведьма, — недоуменно спросил Орри, — а еще и оборотень, тогда...

Тут он прикусил себе язык, сообразив, что все время задает обидные вопросы.

— Ты знаешь...

Каманера повернулась к нему:

— Это мелких колдунишек на Харуре отправляют на костер без лишних разговоров. А вот когда в колдовстве просматривается большой государственный интерес... Тогда и обращение с тобой другое. Бэзил сумел каким-то образом втолковать следователям, что я представляю интерес для тамошних яйцеголовых — тех, что военными разработками заняты...

— Он предложил им заняться вашей способностью к э-э...

— Вроде того. Но сначала он уговорил меня эту способность наглядно этой публике продемонстрировать.

Элен снова уставилась в кружку, и Клавдий, спохватившись, заботливо подлил ей

горячего настоя.

— Знаете, я всегда этого боялась — того, что меня начнут изучать. Не потому, что это могло быть больно или опасно — нет! Просто тогда я окончательно перестала бы чувствовать себя самой собой — человеком... Но Бэзил меня уговорил. — Она отхлебнула чай и злорадно хихикнула. — И уж я постаралась! Думаю, этим ученым мужам еще до сих пор икается — особенно в ночи полнолуния...

— А что же они от тебя хотели? — спросил Орри. — Чтобы ты их научила людей превращать в... в... — Он опять запнулся и обругал себя за глупость.

— В зверей, — закончила за него Каманера. — Что-то вроде того. У них возникла мысль создавать таких солдат-трансформеров. Чтобы они могли принимать такой вид, который будет удобен для условий тех мест, где им придется воевать.

— Это было бы похлеще всяких андроидов... — снова бестактно брякнул Орри и с ужасом покосился на Бирима — не обидится ли тот на него за такое предположение.

Но тот и глазом не моргнул.

— Наверное, — пожалала плечами Элен. — Только для этого остается понять самую малость — то, как происходит превращение человека в оборотня и наоборот. Сущий пустяк... Они, впрочем, оказались достаточно умны — эти харурские мудрецы, — чтобы понять, что самим им эта задачка не по зубам Во владениях Кривого Императора науки как-то не шибко процветают. Но и делиться своим секретом ни с кем не захотели — ни со Спецакадемией, ни с Комплексом, ни с Дальними Базами... В общем, дело передали Внешней разведке. А с делом вместе — и нас... А Внешняя разведка на Харуре — контора очень серьезная... Там за нас круто взялись.

Элен снова передернуло.

— Они надумали, что проблему надо попытаться решить с помощью агентурной работы. Выкрасть секрет у тех, кто им владеет.

— У колдунов из здешних Роц? — уточнил Ким.

— А точнее — у Каррога, — довела его мысль до конца Каманера. — А кто лучше меня знает, как подступиться к Каррогу? Вот нас с Бэзилом и определили участвовать в этой операции в качестве приманки. Взяли с нас страшную клятву... На клятву, впрочем, не очень положились и приставили к нам с полдюжины крутых ребят. И не сбежали чтоб, и — если надо — «силовую акцию» провести. Или Каррога — в мешок и — на Харур. Или запугать его. Шантажировать и все такое...

— И ты согласилась участвовать в таком деле? — каким-то потерянным голосом спросил Бирим.

— Одно дело дать согласие, — насмешливо ответила ему Элен, — а совсем другое — действительно согласиться... В общем, мы сразу решили смыться при первой возможности. А Каррога предупредить... — добавила она торопливо. — Если жив он еще...

— Жив, жив... — буркнул из табачного облака Клавдий. — Ничего ему не сделалось...

— Мне очень нравится эта логика, — заметил Триз. — Сначала подставить человека, а потом предупредить о той беде, которую сами на него накликали...

— Вы думаете, я этого не понимала с самого начала? — скосила на него свои зеленые глазищи Элен. — Да у нас просто другого выхода не было!

— И вам удалось бежать? Или эти «крутые ребята» бродят где-то окрест? — живо поинтересовался Мохо.

— Удалось! — в голосе Каманеры снова зазвучала гордость. — Правда, нам сильно

помогли обстоятельства... — добавила она невнятной скороговоркой.

— И какие же это были обстоятельства? — не отставал от нее Клавдий.

— Обстоятельства в виде агентов Федерального управления, — пояснила Элен. — С удостоверениями, стволами и наручниками. Сцапали они наших попугчиков на подходе к Бэ-Ка. Формально — за использование фальшивых документов. Может, и действительно паспорта у них были как-то помечены. А может, не паспорта, а они сами... Вот представьте: вдруг у федералов в харурской Внешней разведке свой «крот» сидит и стучит про каждую отправляемую группу, или...

— Или? — подтолкнул забуксовавший разговор Ким.

— Или Бэзил умудрился как-то незаметно наступать на эту компанию.

Ким про себя признал предположение Элен вполне обоснованным. На Бэзила это было очень похоже. Но Агент промолчал.

— Их, стало быть, сцапали, а вас — не тронули? — заметил Мохо, разгоняя ладонью сизый дым, чтобы заглянуть Каманере в глаза.

— Ну, с одной стороны, с паспортами у нас все было в порядке... — задумчиво произнесла Элен. — При нас были наши собственные документы. Настоящие. Внешне мы ни какого отношения к тем типам не имели... А с другой стороны — может, федералы не успели просто... Мы с Бэзом оперативно смылись — на грузовом шаттле. На Приют. Пришлось практически половину денег отдать за такой провоз...

— А на Приюте вас, так сказать, приютили? — иронично прогудел Клавдий.

— Ну, там, в Монастыре Пестрой Веры, мы выступили по полной программе! — с гордостью отозвалась Элен.

— Уж я помню... — угрюмо заметил Бирим. — Там перед вами все благоговели просто. И я — дурак — в первую очередь. Как же — беженцы из тоталитарного ада! Музыкант-виртуоз и юная драматическая актриса. В наш век, когда все герои на экране и на сцене — виртуалы, увидеть живую актрису — великая честь. Тем более что ты действительно хорошо играла. В твоих моноспектаклях... Помнишь, как ты изображала сразу мать, жену и любовницу какого-то типа? Вообще, сначала — первые несколько недель — все у вас было на высоте. И только потом...

— А потом... — вздохнула Элен. — Потом все было так, как я уже рассказывала вам, Агент. Нам пора было покинуть Приют и раствориться здесь — в Колонии. В монастырях весь народ на виду. И если бы с Харура послали за нами погоню, то вычислить нас там было бы дело плевое. А Бэ-Ка — такой муравейник, что... Вот так и пришлось спустить остатки денежек на пролет «зайцами» до поверхности планеты. И Бирим не пожалел своих сбережений — присоединился к нам. А то его окончательно довела бы до ручки его мадам училка...

— Не в этом дело! — невнятно произнес Бирим. — Стал бы я рисковать снова угодить в объятия Рыжей Бороды только из-за того, что Александра доставала меня своими поучениями...

Зеленые глазищи Каманеры насмешливо зыркнули в его сторону.

— Ну конечно — ты просто хотел подольше проводить нас... Меня и милого твоему сердцу Бэза. Да ведь нам все равно пришлось расстаться, как только мы выбрались из этого дурацкого контейнера...

— Я бы все равно нашел тебя! — почти выкрикнул сочинитель. — Потом обязательно нашел бы... Впрочем, — сообразил он, — как видишь — мы и на самом деле встретились...

Ведь так?

— Встретились... Благодаря Орри, — усмехнулась Элен. — Я ему клятву Огня и Ветра давала — дружить. Так что ты считай его теперь своим талисманом. Смотрите, а малек-то спит... — добавила она тихо.

Действительно, суматошный день и затянувшаяся беседа у костра сморили Орри, и он заснул, свернувшись в клубок у того валуна, о который опирался спиной, пока еще мог удерживать себя в сидячем положении. Брендик, не размыкая глаз, признал его право использовать себя в качестве грелки. Мохо прикрыл их своей необъятной курткой, повернулся к собравшимся у костра и помахал в воздухе своей не менее необъятной флягой.

— Ну, давайте разгонную, ребята! — прогудел он вполголоса. — Примем понемногу — и на боковую. А завтра с утра уж побежим кто куда — каждый по своей тропиночке...

Он старательно разлил свое «творение» по кружкам — получилось не так уж и «понемногу», — и компания молча сдвинула разномастные сосуды над начинающим затухать костром.

Клавдиево «творение» ударило Киму в голову, пожалуй еще почище, чем в первый раз. Его мгновенно потянуло в сон, и, примостившись возле Орри, он стал тихо проваливаться в зыбкую бездну сна. И уже из этой бездны слышал уплывающий от него тихий разговор Бирима и Каманеры.

— Напрасно это ты увязался за нами... — почти шептала Элен.

— Не за вами, а за тобой, — уточнял Бирим.

— Все равно. Ты же видишь — у нас все по-разному складывается. Я — неправильная. Моя судьба — убежать и прятаться. Когда-нибудь я устану. И Судьба догонит меня...

— Пусть она догонит нас вместе, — ответил Бирим.

* * *

Проснулся Ким довольно рано. И проснулся легко, с совершенно чистой от накопившихся тревог и забот головой. Во всяком случае, Нолану не пришлось долго трясти его за плечо.

— Вставайте, Агент, — тихо произнес он. — Пора вам получить ваш гонорар... Вы выдержали Испытание.

— Вы не ошиблись? — улыбнулся Ким, переходя из положения «лежа» в положение «сидя». — Мы ведь не подписывали с вами Контракт.

— Некоторые Контракты не требуют подписей, — улыбнулся Скрипач. — Они не требуют даже текста. Помните, я обещал расплатиться с вами знанием Истины. Истины о той игре, в которую втянул вас Орри.

— Против такой формы оплаты я не имею ничего против, — пожал плечами Ким.

Он повертел головой в поисках хоть какой-то воды для умывания. Вспомнил про ручей и, кивнув Нолану — «сейчас вернусь», — стал спускаться к тихо журчащей воде. Воздух еще только начинал нагреваться после морозной ночи. Из рта шел пар. Почти все собравшиеся под лесным гигантом все еще досматривали последние сны, но кое-кто уже разминал затекшие со сна конечности, а у ручейка даже образовалась небольшая очередь. В ней Ким занял место за Орри.

Нолан терпеливо дожидался их у догоревшего костра.

— Не стоит будить спящих, — кивнул он на Клавдия и Алекса. — Отсюда мы все разойдемся своими дорогами. По крайней мере, на время. Пойдемте назад к вашей машине. Нам придется довольно далеко ехать. Орри с Брендиком поедут с нами.

— В город? — предположил Ким.

— В городе ни вам, ни ему сейчас появляться не стоит, — покачал головой Скрипач. — Сейчас... Точнее, после утренней сводки новостей, когда Сеть объявит об изменении статуса андроидов, там заварится такая каша...

— Ну что ж... — пожал плечами Ким. — Да мне к тому же не с руки сейчас встречаться с господином Большой и его людьми. Так что...

— Так что мы поедем туда, где вас не достанут ни гангстеры, ни милые джентльмены из спецслужб, — усмехнулся Скрипач. — Вам пора познакомиться с Каррогом.

Эпилог

ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ

Верная «пульчинелла» исправно доставила своих седоков к Болотам. Дальше идти пришлось на своих двоих. Дорога к Роцам была не столько длинна, сколько утомительна. Хотя Скрипач и шел уверенно впереди, прокладывая путь через сочащуюся ледяной влагой топь, Брендик умудрился раз-другой сверзиться в какие-то коварные бочажки, и после третьей его попытки проделать этот номер Орри, от греха подальше, подхватил его на руки и понес дальше на себе. От предложенной Кимом помощи он наотрез отказался. Не то чтобы дулся на Агента за что-то, просто Брендика он не доверил бы и святым апостолам (как-никак не уберегли же те Сына Божия, вот и полагайся на них после такого...).

Болота кончились незаметно, и так же незаметно под ногами обозначилась дорога, широкими зигзагами огибавшая холмы, на которых уже явственно видны были первые Рощи. Теперь Ким понял, почему их звали Дымными. Небольшие заросли фантастических деревьев словно курились утренним туманом, а сам туман в их глубине сгущался, темнел, словно дым сырого костра. Если где и оставалось в этом пропитанном скепсисом и неверием мире место для колдовства, то тут, в Дымных Роцах, ему и было самое место.

Орри как-то встревоженно и радостно оглядывался вокруг. Брендика он наконец спустил с рук и позволил бежать перед собой вполне самостоятельно. Потом остановился и указал вперед.

— Смотрите! Это — за нами...

С обочины им просигналил взмахом руки невысокий моложавый мужчина, обряженный в ученический костюм Братства Роц — суровой шерсти плащ с клобуком и высокие болотные сапоги. Позади него — на обочине — притулился небольшой неброского окраса флаер.

— Ученик Риттер, — представился он, приблизившись.

— Я тебя помню!.. — вдруг воскликнул Орри, во все глаза разглядывая Ученика.

— А я тебя... — улыбнулся тот. — Вот и хорошо...

Ким коротко представился встречающему. Скрипач и Брендик, по всей видимости, в представлении не нуждались.

— Мастер Каррог послал за вами... — сообщил Ученик. — Я давно уже жду вас. Дальше через Болота нам нельзя — не наша территория...

Он услужливо отворил дверцу флаера.

— Садитесь.

Брендик рванул в машину первым. И, разумеется, занял почетное «генеральское» место.

Флаер покрыл оставшееся до Роц расстояние меньше, чем за полчаса. Причалил он к той из них, что, несмотря на позднее утро, все еще тонула в какой-то туманной дымке, словно унесла с собой в день островок рассветной мглы. Где-то в ее глубине просматривались очертания приземистого сооружения.

— Храм, — пояснил Нолан Агенту.

Остановив машину, Ученик Риттер проворно выбрался из нее и поклоном приветствовал появившуюся из-за причудливых деревьев фигуру в таком же, как и у него, сером плаще, но с поблескивающей на груди стальной цепочкой, судя по всему — знаком старшинства.

— Это Каррог, — тихо пояснил Скрипач. — Пойдемте.

Орри некоторое время сидел неподвижно. Потом сорвался с места и, опережая всех, кинулся к колдуну. Тот откинул капюшон и теперь смотрелся уже вполне сказочным магом — седовласым, бородатым и полным доброты, достоинства и тайны. Маг улыбался — рассеянно и задумчиво. Орри что-то быстро сказал колдуну, схватив его за руку. Тот потрепал его по голове и рассмеялся.

Когда-то Ким уже слышал этот смех. Только когда?..

Они со Скрипачом приблизились к Каррогу. Ученик Риттер выжидательно топтался позади.

— Отведите мальчика в мой кабинет и покормите, — кивнул ему Каррог. — Не забудьте про пса... — Потом добавил, глядя вслед: — Он начал вспоминать... Эти места и этих людей...

Повернувшись к Киму, он улыбнулся уже вполне официальной улыбкой хозяина, принимающего приглашенных им гостей.

— Не стоит тратить время на взаимные представления, господа... Все мы неким образом уже знакомы... Времени у нас не так много. А нам надо кое-что сказать друг другу... Начните первым вы, господин Агент...

— Собственно, — как можно более спокойно произнес Ким, — мы всего лишь хотели предупредить вас об опасности. Видите ли, вашими успехами в отношении м-м... трансформации живых существ заинтересовались люди с Харура... Дело в том, что небезызвестная вам госпожа Каманера...

— Если вы о младшей, Элен, то не стоит тратить время... Ее похождения в Обитаемом Космосе мне хорошо известны... И случившееся с ней на Харуре — тоже. Я, видите ли, стараюсь не упускать из виду это творение моих рук... И у меня есть для этого свои каналы информации.

Он снова рассмеялся — тихим характерным смехом. Теперь Ким вспомнил, где слышал этот смех.

В хижине у Сонного озера. Сидя в запертом подполе.

— А вот судьба ее матери — Симоны Каманеры...

Улыбка покинула лицо колдуна.

— Я дорого бы дал, чтобы узнать ее судьбу. Я в ответе за нее тоже.

— Вы...

Пару секунд Ким подыскивал слова.

— Вы считаете, что находитесь в безопасности здесь — в этих Рощах? Здесь же даже связи с городом порядочной нет. Если...

— В том, что Рощи не связаны со столицей бетонированным шоссе, есть свои плюсы, — усмехнулся Каррог. — А что до нападения лихих людей, то, поверьте, им придется несладко. Неужели вы думаете, что за многие десятилетия никому не приходило в голову поживиться за счет секретов нашего братства? Впрочем, пойдете в Храм, нам незачем торчать тут под открытым небом. Скоро начнется жара...

Он круто повернулся и зашагал к невысокому почти без всяких украшений зданию, скрытому за неровной стеной причудливых деревьев.

Если бы не скупой, но странно притягательный орнамент, бегущий под самой крышей здания, и не какой-то особый строгий порядок, царящий вокруг него, Храм можно было бы принять за большой, крепко сложенный из скальных глыб амбар. Узкие окна-бойницы

придавали ему средневековый вид, наводили на мысль о рыцарях Круглого стола, Мерлине и фее Моргане.

— Еще раз о моей безопасности...

Каррог достал из складок своего одеяния миниатюрный пульт и махнул им в сторону тяжелых, окованных сталью дверей. Те начали медленно отворяться.

— Чтобы окончательно закрыть эту тему... Вы находитесь на территории исследовательского комплекса, находящегося под прямым управлением Директората. Точнее — его Службы Тайного Знания. И охрана у нас тут соответствующая. Если потребуется, будут приведены в действие даже силы Объединенного Космофлота — благо на геостационаре здесь постоянно болтается пара их эсминцев... Проходите...

* * *

Ким с интересом оглядывался по сторонам. Внутри храм меньше всего соответствовал своему внешнему виду. Вдоль замшелых каменных стен тянулись толстенные высоковольтные кабели. На сборных лесах, заполнявших почти все внутреннее пространство главного зала, человек пять лаборантов в комбинезонах монтировали какого-то средних размеров научно-технического монстра из проводов, сочленений труб разного диаметра и металлических емкостей. По обе стороны от главного прохода в ряд стояла добрая дюжина одинаковых — приземистых и тяжеловесных — агрегатов. Агрегаты испускали низкий, натужный гул.

Ким припомнил, что видел такие штуки в научных программах Ти-Ви и на сайтах «популяр сайенс».

— Мини-суперколлайдеры? — спросил он Каррога, кивнув на грозно гудящие аппараты. — Вы здесь занимаетесь физикой элементарных частиц?

Каррог брошенным искоса взглядом одобрил его догадливость.

— Да, чем-то вроде того... Вообще-то — старье, — бросил он с несколько показной небрежностью. — Но зато используем мы этот хлам на сто десять процентов. Ничего: наши предки для того, чтобы работать с такими вещами, сооружали кольца ускорителей радиусом в десятки километров... И добивались кое-чего такого, что и сейчас смотрится вполне и вполне... Теперь сюда...

Он указал на небольшую дверь в стене. За дверью скрывалась узкая винтовая лестница, ведущая куда-то вниз — в прохладное подземелье.

Подземелье было огромной лабораторией. Судя по всему, биологической или медицинской. Точнее сказать, лабораторным цехом. Между белоснежными глыбами рефрижераторов располагались залитые фосфоресцирующим, слегка нереальным светом боксы, в которых, таинственно поблескивая, копошились металлические конечности дистанционных манипуляторов.

Ким заглянул в бокс, мимо которого их быстрым шагом вел колдун, — там железные пальцы робота под неусыпным взором пары видеокамер творили расправу над лабораторной крысой.

Кое-где виднелись сгорбившиеся над нишами микробиологических «ламинаров» фигуры лаборантов. Издали трудно было понять — людей или андроидов.

— Это наше биомедицинское хозяйство, — пояснил Каррог. — Пойдемте быстрее, не

будем мешать людям. Лучше посмотрим мой музей психоморфов...

* * *

Музей занимал два просторных подземных зала, с потолков которых спускались каменные сосульки сталагмитов навстречу поднимающимся к своду сталактитам. Посреди всего этого каменного и кристаллического великолепия были, не без изысканности, размещены витрины и экспонаты — голографические снимки, слепки, зарисовки самых невероятных разновидностей психоморфов.

Были здесь психоморфы — деревья и психоморфы — кустарники. Психоморфы — птицы и психоморфы — звери. Даже психоморфы — рыбы. Был угол, занятый целым «музеем восковых фигур» — голограммами психоморфов, которым чья-то фантазия придала карикатурное сходство с известными политическими и историческими деятелями.

— Это шалил кое-кто из моих учеников... — с улыбкой пояснил Каррог.

В отдельном зале, точнее — приделе музея были собраны образы завсегдатаев «Зеленых чертей». Еще в одном за витринами располагались собственно психоморфы. Одни хранили образы, порой весьма причудливые, оставленные кем-то из недавних посетителей, другие успели вернуться к своему привычному «древесному» виду. Перед витринами было установлено несколько кресел с укрепленными над ними металлическими колпаками, похожими на устройства для автоматической стрижки и завивки.

— Здесь можно поупражняться в формировании различных структур этих э-э... созданий, — пояснил Каррог. — Здесь собраны самые чувствительные клоны психоморфов. А это...

Он похлопал по одному из тускло посверкивающих колпаков.

— Это наше изобретение. Можете считать, что это своего рода концентратор образов. Сильно облегчает взаимодействие художника и материала, если можно так выразиться. Впрочем...

Он посмотрел на часы.

— Я, кажется, основательно замучил вас этой экскурсией. Пройдемте в мой кабинет. Там и поговорим подробнее.

* * *

Кабинет Каррога выглядел довольно аскетично и вместе с тем был местом экзотическим. Собственно говоря, это была неправильной формы пещера, переоборудованная под жилье. Точнее — под помещение, соединяющее жилье и рабочее место. Из голых каменных стен тут и там без особого порядка, словно сами по себе, выступали похожие просто на неровности скальной тверди плоскости светильников, ливших на неровный, расписанный странным узором потолок зыбкий, сумеречный свет. В одном — самом темном — углу возвышалась громада рабочего стола, увенчанная последней моделью многофункционального компьютера. На низких лавках вдоль стен были разложены распечатки, какие-то малопонятные предметы и даже книги, изданные, верно, типографским способом когда-то в минувшие века. Над ними в стены были вкручены

причудливые, похожие больше на рога каких-то древних ископаемых тварей металлические крюки. Одни из них пустовали, на другие были повешены где кожаная котомка, где какой-то меховой зипун, а где вообще непонятно что. На одном, смахивающем на носорожий таран, Ким заметил четки с очень искусно вырезанными бусинами в виде черепов каких-то созданий из страшных сказок.

Рядом с этим крюком, в том углу кабинета, где наполнявший его свет словно сосредоточился в некое подобие светлой лесной поляны, был накрыт небольшой стол, очевидно для Орри. Мальку было предоставлено явно хозяйское, накрытое роскошной шкурой кресло. Впрочем, оно уже опустело.

Судя по всему, Орри свою трапезу закончил (порядком насвинячив на низком, из одного куска горной породы сработанном столике). Сейчас он сидел на корточках у стола и скармливал благодарному Бренднику довольно аппетитные ломти мясного рулета.

В кабинет бесшумно вошел молчаливый андроид и быстро, без всякой суеты навел на столике порядок. Пододвинул к нему два кресла для гостей, поправил меховую шкуру на кресле хозяина и принял из рук второго, остававшегося за дверью слуги поднос с кувшином, из которого поднимался пахнувший лесными травами пар. Кроме кувшина на подносе была какая-то снедь в деревянных мисках, низкие, но объемистые пиалы и наборы ножей и вилок несколько хирургического вида. Все это слуга принялся проворно расставлять на освободившемся пространстве.

Каррог потрепал Орри по затылку и повернулся к Нолану.

— Действительно — лучше будет, если парнишка недельку-другую поживет у меня. Пока в городе не улягутся страсти.

Орри обменялся встревоженным взглядом с Ноланом, но тот успокаивающе кивнул ему.

Каррог окинул взглядом накрытый столик и, видно, остался доволен. Он кивком головы отпустил андроида и, кивнув Орри, приотворил ему дверь в соседнюю комнату.

— Пусть мальчик с собакой побудут здесь, в этом моем музее... Пусть он посмотрит мои коллекции — там, на витринах. Когда-то он любил их разглядывать... Здесь много всего интересного. Ты ведь не будешь ничего здесь трогать? — спросил он у Орри без особой уверенности в голосе.

Орри утвердительно кивнул головой и задом-задом подался в приоткрытую дверь. Брендик последовал за ним.

Каррог плотно прикрыл за ними створки.

Они остались в кабинете втроем.

Каррог вздохнул. Сам налил из дымящегося кувшина себе и гостям темной горячей жидкости. Достал откуда-то из складок плаща небольшую трубочку-носогрейку и задумчиво стал набивать ее.

— Это будет не самый короткий разговор, господин Агент... Так что присаживайтесь к столу, господа. Угощайтесь — это считайте местными маслинами, а это — филе рыбы торро. Хорошо утоляет голод, даже с самым обычным рисом. Кухня у меня нехитрая. Ну разве что соус довольно оригинален — изобретение одного из моих учеников. Оцените...

Компания без дальнейших приглашений принялась за еду. Ким вдруг понял, что и впрямь страшно проголодался за время пути к приюту колдуна — рыба торро, хотя, наверное, и не была чем-то из ряда вон выходящим, пришлось сейчас как нельзя более кстати.

— И попробуйте-ка этот мой настой, — напомнил хозяин. — Вы, должно быть, немного

устали в пути. И дорога через Болота изрядно туманит голову... А эта штука хорошо прочищает мозги. Иногда я только ею и держусь. Как-никак, я очень стар, господа... Нолан подтвердит вам это, господин Агент. Три курса реювенилизации — это вам не фунт изюма...

Ким пригубил налитый ему в каменную пиалу «фирменный» настой и с удивлением посмотрел на Колдуна.

— Вы... Вы здесь можете осуществлять реювенилизацию?

— Х-хе... — Каррог пожал плечами. — Зачем же здесь, молодой человек? Такие процедуры надо проделывать там, где их осуществляют наилучшим образом... На Терранове, Океании. В Метрополии, наконец. Вы удивлены, что я — замшелый маг из детской сказки — временами выбираюсь в Миры Федерации, как это проделывает, скажем, какой-нибудь простой коммерсант? Так вот, к вашему сведению — перед вами, выпускник двух университетов, доктор философских наук, автор более сотни научных работ по проблеме Предтеч. Такой же гражданин Федерации, как и вы. Оснащенный паспортом-идентификатором, чековой книжкой и всем прочим... И мое уединение в Рощах — дело сугубо добровольное.

— Сознаюсь, я ожидал чего-то более критического, — признался Ким.

— Будет вам и экзотика, молодой человек.

Каррог расположился в своем персональном — каменном, высланном звериной шкурой — кресле и принялся раскуривать трубку.

— Экзотика тут сводится к тому, что мне и моим собратьям удалось открыть в этих краях. Ведь большую часть своей жизни я посвятил исследованию психоморфов. Должен заметить, не один лишь я. Нас немало — таких, как я, — здесь, в Рощах. Мы называем друг друга «братьями». А здешний народ нас — «колдунами».

Ким отхлебнул еще настоя — больше из вежливости, чем из желания еще раз отведать этот пряный и вместе с тем лишенный вкуса напиток. Тем не менее он заметил, что усталость действительно покидает его, а голова стремительно яснее.

— Вас не угнетает это добровольное заточение? И вообще-то, что в Мирах так мало о вас знают? Ведь вы же утверждаете, что открыли здесь нечто необыкновенное... Тем не менее вокруг вас — глухая стена молчания...

— Поверьте — именно это как раз несколько не угнетает.

Каррог рассеянно поднес к губам свою пиалу, отхлебнул из нее и затянулся дымком смеси трав, тлеющей в его трубке.

— Гораздо больше я был бы огорчен тем, что знания, добытые нами, стали бы достоянием умов праздных и неподготовленных. Вот вы заметили, что наше вековое сидение в Рощах не принесло видимых миру результатов... А вас не удивляет, Агент, то, что, например, к психоморфам вообще не проявляет интереса никто, кроме тех людишек, что зарабатывают себе на хлеб, приторговывая ими? В качестве украшения для офисов и жилищ здешней публики. Не более.

— Признаться, вначале удивляло. Но потом я привык.

— А дело обстоит просто.

Каррог снова затянулся ароматным дымком.

— Мы, народ из Рощ, давно пришли к выводу, что знание механизмов явлений, которые породили психоморфов и придали им такие удивительные свойства, — дело далеко не безопасное. Пока в мире существуют мафии, войны и секретные службы, людям не стоит

знать слишком много. Подумайте, каких монстров могли бы породить подручные того же Одноглазого Императора, получи они в свои руки те знания, которые позволили нам с Ноланом создать Орри... И это только самый простой из примеров, которые я могу привести вам. К счастью, есть люди там — наверху... На самом верху...

Колдун сделал трубкой выразительный жест:

— Там есть люди, которые понимают нас. И, как говорится, не дают в обиду. — Он снова отхлебнул свой настой и снова затянулся трубкой. Усмехнулся. — Правда, чаще всего они делают это в обмен на небольшие услуги с нашей стороны... Но это сущие пустяки. Услуги мы оказываем иногда и совершенно бескорыстно. Как это имеет место в вашем случае, Агент.

— Значит, со мной вы не боитесь поделиться малой толикой ваших страшных тайн? — спросил приятно озадаченный Ким. Колдун поспешил развеять его иллюзии.

— Откуда вы взяли, что кто-то собирается делиться с вами знанием? — иронически приподняв бровь, осведомился он. — Я всего лишь намерен объяснить вам суть того, в чем вам пришлось принять участие — объяснить человеческим языком, не вдаваясь в технические, так сказать, подробности... Так вам будет легче жить, молодой человек...

— Пожалуй, да... — согласился Ким. — Потому что... Потому что мне, действительно, не дают покоя эти загадки: кто же все-таки Орри — человеческий ребенок или... Или что-то совсем иное?.. И что происходит в полнолуния с Каманерой...

— Элен, считайте, старшая сестра Орри. Они оба — психоморфы. Потомки одного клона этих удивительных существ...

— То есть все-таки не люди?

— Гм... А что есть человек?

Каррог устремил на Кима пристальный взгляд поверх пиалы с дымящимся отваром.

— Здешние дурни, — продолжил он едко, — и андроидов провозгласили нелюдьми. Как будто не знают той простой истины, что первые из них были получены путем генетических изменений клеток гомо сапиенс! Да, были использованы и искусственно сконструированные гены и техника химерных тканей... Но в основе — человеческий материал. Когда-то это было великой тайной Империи. Но сегодня стыдно не знать об этом. Так что андроиды — люди, самые настоящие люди. Измененные, в чем-то изуродованные, может быть, но все-таки, безусловно, люди... — Он отхлебнул своего отвара и поморщился. — Впрочем, я отвлекся...

— Ничего, — сухо заметил Нолан со своего места. — Молодому человеку полезно напомнить некоторые хорошо забытые вещи...

— Так вот, — продолжил Каррог, — если вы возьмете у Орри капельку крови из пальца, то под микроскопом обнаружите в ней точно такие же эритроциты, лимфоциты и фибробласты, как в собственной крови. А если используете электронную оптику, то в клетках — в тех же лейкоцитах например — найдете все то, что положено иметь соответствующей клетке — кучу различных мембран, ядро с ядрышком, митохондрии и все такое... И с этой точки зрения он, безусловно, самый обыкновенный ребенок.

Ким вздохнул с некоторым облегчением. Но Каррог продолжал:

— И только если копнете глубже... На субатомный уровень — туда, где для нас с вами начинают царствовать законы квантового мира и хаос случайных событий, то...

Колдун задумчиво побарабанил пальцами по столу:

— То будете очень сильно удивлены. Психоморфы сохраняют упорядоченность

структуры и на атомном и субатомных уровнях. Если угодно, то это организмы, которые вместо атомов и молекул построены из кварков и лептонов... И из таких частиц, о которых мы пока мало что знаем. И с этой точки зрения они совершенно чуждые нам существа. Но только существа собранные, сконструированные каждое из огромного количества ультрамалых самостоятельных структур. А каждая из этих структур довольно проста. Гораздо проще обычной клетки. Что-то на уровне сложности вируса. Каждая из таких структур способна на немного — воспроизводить саму себя и взаимодействовать с другими такими же структурами по определенным правилам. По законам фрактальных структур. Образовывать как бы мозаику, из которой слагаются уже знакомые нам атомные и молекулярные системы. Но только информационно гораздо более сложные, чем те, что образуются хаотически, без их участия. Происходит так называемая атомная и молекулярная мимикрия.

— Эти структуры... Они... Это что-то вроде ультраминиананороботов? — предположил Ким.

— Пожалуй, это верная аналогия, — согласился с ним Каррог. — Вот только нанороботов создали люди, а до них Предтечи. А вот чьих рук дело то, с чем мы столкнулись здесь, в Рощах, — остается загадкой до сих пор. Недалекие умы привыкли все непонятное, с чем мы встречаемся в своих странствиях по Мирам, сваливать на тех же Предтеч. Ну а я подозреваю, что не Предтечи породили психоморфов, а, наоборот, психоморфы — Предтеч.

Понимаете, сами по себе эти, как вы выразились, «ультраминиананороботы» не разумны. Нельзя даже сказать, что они самостоятельно приспособливаются к окружающей среде. Их стихия — мимикрия. Они копируют уже приспособленных. Их структуру и те образы, которые они генерируют. Если, конечно, те способны генерировать образы... Так вот: есть у меня подозрение, что эта планета была чьим-то полигоном. Или сборочным цехом. Местом, где из образов, которые генерировал неизвестный нам «кто-то», возникали различные существа. Зачем-то этому «кому-то» нужные. В том числе — и Предтечи. А может быть, и прапрапредки звеннов и тахо. Все они были своего рода психоморфами. Но потом в следующих поколениях субатомных «сборщиков» удалили из их организмов. Как строительные леса — за дальнейшей ненужностью. А затем и вовсе этот полигон был покинут. Почему — бог весть. И субатомные роботы остались здесь на произвол судьбы — копошиться сами по себе. И они продолжали копировать то, что окружало их. А что их окружало? Здесь, в Рощах и на Болотах? И звенны и тахо эти места избегают. Только разные деревья растут кругом. Вот психоморфы и приняли древесную форму. И таковыми оставались до тех пор, пока в Рощах не стали появляться люди.

Наступила пауза, затянувшаяся на несколько минут.

— А ведь насколько я помню тот куцый курс физики, что мне достался в молодости, — осторожно заметил Ким, — такие структуры из элементарных частиц должны содержать в своих связях очень большие запасы энергии... Если что-то нарушится в них...

— Они очень стабильны, эти субатомные роботы, — улыбнулся колдун. — Иначе эта планета давно перестала бы существовать... И вряд ли их самих по себе можно назвать разумными. Разумны только организмы, образованные из таких «хитрых» атомов и молекул. И мы снова приходим к выводу о том, что Орри — человек. Только...

Каррог поставил пиалу на стол и свел над ней пальцы «домиком», словно старался согреть руки в струйках восходящего к потолку пара.

— Только следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, мозаика, которую

образуют эти субатомные роботы, может принимать форму несколько различных устойчивых структур, между которыми практически нет переходных вариантов. Как говорится — дискретных. Образовывать, так сказать, несколько разных картинок, которые только в отдельных деталях совпадают одна с другой. Иными словами — психоморф может образовывать несколько различных организмов. И, что самое главное, при определенных условиях может мгновенно перестроиться из одного в другой. Изменить свой облик. Как картинка в калейдоскопе.

— Например, из человека — в Ночного Зверя?

— Вот именно... Это именно то, что получилось с Каманерой. Но сначала — о другой особенности психоморфов. Всем хорошо известной и никому не понятной — об их способности своими превращениями реагировать на состояние сознания людей... До сих пор неясен механизм этого явления. Вы не пугайтесь, молодой человек, но скорее всего каждый из тех, кто провел на этой планете достаточно долгое время, просто пропитан рассеянными повсюду субатомными роботами. Это относится и к нам с вами. Они складываются в необнаружимые обычными методами структуры, которые считывают, так сказать, содержимое наших черепов и передают — по цепочке — скоплениям своих «братьев», которые пытаются как-то проанализировать эту информацию. В том числе и реализуя ее в виде подобий образов, которые рождает наше сознание. Это, конечно, только одна из гипотез. Но мне она кажется наиболее близкой к истине. Тем более что мне удалось ее проверить — вплоть до практического использования.

— Вам удалось научиться управлять этим процессом?

— В известной мере. Я просто очень много поработал с теми созданиями, которых здесь принято называть Зелеными чертями. С материализованными страхами подвыпивших путников, забредавших в ареал обитания наиболее чувствительных психоморфов. — Каррог усмехнулся чему-то своему. — Я довольно долго занимался селекцией разных клонов психоморфов. И отработывал методы управления образованием из этой субстанции структур разного уровня — от макромолекул до целых организмов. По планете сейчас летает несколько сконструированных мною птиц — довольно удивительных. А с полдюжины здешних богатеев приобрели у меня псов довольно диковинных пород...

— Постойте, постойте... — встревоженно прервал его Ким. — Да так вы весь Обитаемый Космос населите своими психоморфами!.. Птички эти и псы размножатся и... — Он даже слегка поперхнулся рыбным филе.

— Не беспокойтесь, — успокаивающим жестом остановил его Каррог. — Субатомные роботы не перебираются в следующие поколения существ, которых они породили. Они просто не могут себя воспроизводить с той же скоростью, что и биологические структуры. В этом я убедился, наплодив достаточно много лабораторных тварей. Но до тех пор пока ко мне не обратилась Симона Каманера... До тех пор я не пытался воспроизвести на основе психоморфа нормального, живого человека...

— А зачем ей — матери Каманеры — это потребовалось? Заводить себе такую необыкновенную дочь?

— Видите ли, после обследования ей не посоветовали иметь детей... На Аваллоне, откуда она прибыла сюда...

— Да, я знаю. Генетико-психотропное оружие... Но... Но все равно: ведь если она не могла иметь родную дочь, то проще было бы усыновить какую-нибудь малышку... — продолжал допытываться Ким.

— Вы не представляете себе условий того времени. У нас в Колонии и так рождаемость не ахти какая. А тогда, когда мы еще только выкарабкивались из Эпохи Изоляции, мы были в состоянии жутчайшей демографической зимы. Казалось, еще десяток-другой лет и на планете останутся одни вымирающие старики. Поэтому ни о каких брошенных детях и речи идти не могло. И даже если приходилось кого-то усыновлять — ну там детей погибших или осужденных родителей, — то никто и никогда не доверил бы ребенка матери-одиночке. К тому же беженке с Аваллона. На них тогда очень косо смотрели. Кстати, если расспросите людей постарше, то поймете, что на то были свои причины.

— И вы, движимый, ну, состраданием...

— Не будем лицемерить! — оборвал Агента Каррог. — Научным интересом был я движим, старый осел. Любопытством. Ну а сострадание... Было, конечно, и сострадание... Симона была не таким уж плохим человеком... Но все обернулось... Вы видели, как все обернулось.

— Но почему именно так? — с досадой спросил Ким, откладывая в сторону вилку с нанизанным на нее куском рыбы. — Почему вдруг второй сутью Элен стало воплощение средневекового страха перед сказочным пугалом? Перед оборотнем? Откуда это-то взялось?

— Из подсознания.

Каррог отодвинул от себя пиалу и, подхватив со странного крюка четки, начал задумчиво перебирать их.

— Я отработывал формирование чисто биологической стороны вопроса. К тому моменту это у меня было уже поставлено на конвейер. Я просто подключал формирующегося психоморфа к уже готовым банкам информации. А вот эстетику — внешность будущего ребенка, его характер — формировала Симона. Силой своего воображения. Не буду останавливаться на технических деталях...

Каррог задумчиво перебросил очередную бусинку четок справа налево.

— Тогда у меня еще плохо была отлажена система отделения подсознательной информации от содержания сознания. Честно говоря, мне и теперь далеко не всегда удается эта операция. Воображение человека — неразделимый сплав одного и другого... Так или иначе, мне следовало лучше протестировать мать Элен. Гораздо тщательнее проверить ее в отношении всяческих страхов и фобий. Подавить ненужные ассоциативные цепочки. Но я не мог всего предвидеть тогда. Все участники этого эксперимента просто на месте не могли усидеть от радости, когда за стеклом стерильной камеры в кювете из аморфной массы «нулевого» психоморфа стал формироваться и наконец ожил и разразился криком крошечный живой малыш. Никто не хотел верить в плохое тогда...

Еще одна бусина проделала путь в пальцах колдуна.

— И потом... Когда стали появляться первые признаки... Симптомы этой своеобразной ликантропии... Я не хотел признаваться самому себе... А потом стало уже поздно. Перед нами был живой человек со своим сознанием, уничтожить которое было бы преступлением... Только сейчас — много лет спустя — я начинаю представлять себе, как можно избавиться от этой беды. Стабилизировать человеческий облик Элен и навсегда сохранить именно его. Вообще заменить в ней субстанцию психоморфа на атомы и молекулы, составляющие тело обычного человека.

— Значит, у Каманеры есть надежда?

— Да. У нее есть надежда стать простой смертной. Если она этого захочет...

Снова в полутемном кабинете повисла тишина. Она длилась добрый десяток секунд.

— Я не был безразличен к ее судьбе, — продолжил Каррог. — Когда я узнал, что она покинула планету... Я совершил несколько путешествий, стремясь постичь ее судьбу. Даже встречался ей — неузнанным...

«Недаром Каманере Каррог иногда мерещился в ее странствиях...» — подумал Ким.

— Но потом, — вздохнул колдун, — я понял, что самым большим благом будет предоставить Элен ее собственной судьбе. Вы видите, что я не ошибся — это судьба снова вернула ее сюда...

«Судьба вообще странная штука», — подумал Ким.

У него были свои причины так считать.

— А луны?.. — вдруг несколько неожиданно для себя самого спросил он. — Всяческие луны — этого и других Миров. И их полнолуния — при чем тут они?

— Сами по себе — ни при чем... Просто это сигнал, переводящий сознание психоморфа в такое состояние, которое провоцирует процесс превращения... Этот рефлекс начал формироваться у Элен, когда она впервые услышала про оборотней или увидела их по Ти-Ви. Точнее — не формироваться... Просыпаться. К тому же в Колонии с этими ее двумя лунами — Больной и Чистой... Да еще — с Приютом... Со всем этим связано столько всяких суеверий и побасенок...

— Значит, если бы не детские сказки?..

— Если бы не это, то что-то впервые спровоцировало бы превращение и стало бы постоянно действующим рефлексом. Страх. Или гнев...

Еще пять или шесть бусин кинули неторопливые пальцы Каррога.

— И все-таки... — Ким откашлялся. — И все-таки вы пошли на повторный эксперимент...

— Это был уже не эксперимент, — покачал головой Нолан. — Если вы говорите об Орри, конечно.

— Я говорю именно о нем... — подтвердил Ким.

— Это был не эксперимент, — повторил Скрипач. — Это было исполнение Судьбы. — Правда, я не знал, что, исполняя свой долг перед Судьбой, я окажусь в роли отца, отдающего на заклятие свое дитя...

— Честно говоря, я не до конца понял вашу мысль, — признался Агент.

— Первоначально все представлялось достаточно ясным... — усмехнулся Скрипач. — Большая Колония стала объектом долгосрочного социального эксперимента. С молчаливого согласия высших инстанций Федерации проверке подвергалась возможность широкого использования андроидов как замены целой ступени технологической структуры современной цивилизации. В этом был свой смысл — эпоха такого возрожденного рабства должна была послужить трамплином для скачка отсталой, окраинной цивилизации в век новейших технологий и самых современных социальных отношений.

Авторы этого проекта полагали, что в Большой Колонии произойдет примерно то же, что происходило в Древней Элладе — рабский труд одних позволит освободить творческий потенциал других. И последует быстрый расцвет наук, культуры, технологий...

К сожалению, эксперимент этот был поставлен под полный контроль планетарной компьютерной сети. Авторы эксперимента полагали, что его можно прервать в любой момент. Для этого достаточно было ввести в Сеть код, открывающий доступ к изменению законов, положенных в основу жизни Колонии, и остановить нежелательное развитие событий.

Я могу достаточно уверенно говорить об этих вещах, поскольку — теперь этот секрет уже не имеет значения — входил в круг посвященных, занятых в этом проекте. Не в качестве одного из авторов, не подумайте. Мы — около двух тысяч человек — были наблюдателями. Наблюдателями, внедренными в разные слои общества Колонии для отслеживания процессов, протекающих в нем. Кроме наблюдения мы должны были быть еще и модераторами этих процессов. В наши задачи входило вовремя купировать, гасить всяческие вспышки страстей, примирять враждующие стороны, буде такие объявятся, и оказывать — по возможности — помощь пострадавшим. Большинство из нас выступали и выступают здесь как руководители или вторые лица всевозможных общественных организаций, фондов, клубов, религиозных сект, через которые собирается информация о состоянии общества Колонии, чтобы как-то воздействовать на него...

— Ага... — заметил Ким. — Так, значит, ваш Храм Единения...

— Одна из таких организаций, — подтвердил Скрипач. — Вы совершенно правы, молодой человек. И моя так называемая «колдовская музыка», из-за которой так косо посматривают на меня здешние ортодоксы, это один из методов воздействия на психологию аудитории. Разработан, кстати, целым коллективом нейропсихологов высокого класса. Из чего — заметьте — вовсе не следует, что я — циничный шарлатан на службе у политических монстров. Я верю в идеи Храма. Точно так же, как верят в свои идеи и все остальные из Посвященных... Кстати, вербовали нас — а тому минуло уже более сорока лет — из круга лиц, как правило, оппозиционно настроенных к Проекту.

— Значит, этот дикий опыт длился... — прикинул Ким. — С тех самых пор, когда...

— Да-да. С тех самых пор, когда политическое управление в Колонии было передано компьютерной Сети. Этим обеспечивалась чистота эксперимента. Этим и еще его полной закрытостью. Атмосферой тайны, которой он был окружен с самого начала. Все было продумано до мелочей. Кроме того, что времена могут измениться.

— И они, похоже, действительно изменились за эти сорок лет?

— Трудно этого не заметить, — усмехнулся Нолан. — Изменились. И тут организаторы эксперимента попали в ими же самими созданную ловушку. Они сами позаботились о том, чтобы Сеть была системой гибкой, самообучающейся и притом способной защитить себя от попыток вмешательства со стороны тех, на ком был поставлен эксперимент. Вмешаться в него можно было только со стороны. С санкции центральных властей Федерации.

— То есть — Директората?

— Формально Директорат не был в курсе дела. Скорее речь идет о специальных комиссиях при Директорате, Академиях и тому подобном... Так вот: примерно через десяток лет после начала Проекта появились первые отрицательные результаты. Через пятнадцать-двадцать стало ясно, что затея провалилась. Не последовало ожидаемого расцвета наук и ремесел. Вместо этого развился застой. Общество Колонии стало стремительно катиться к полному антагонизму между людьми и андроидами. И между сторонниками и противниками уравнивания в правах андроидов с людьми. Начала набирать обороты преступность. Сеть стала терять реальный контроль над ситуацией.

В верхах Федерации тем временем подули новые ветры. Проект стали открыто называть преступной авантюрой. Принялись искать виноватых. Как вы думаете, их нашли?

— Вопрос предполагает ответ, — парировал Агент Яснов. — Вы хотите сказать, что от Проекта все открестились?

— Вот именно. У победы много отцов. Поражение всегда сирота. Все спецкомиссии

своевременно самораспустились, все фонды закрылись, все руководители сменили места работы. Все материалы исчезли. В том числе и пресловутый код доступа к управлению Сетью. Не было никакого Проекта!

Крайними оказались мы — круг наблюдателей-модераторов. Посвященные. Тогда — около двадцати лет назад — мы единодушно потребовали немедленно изменить положение андроидов в Колонии и развернуть программы выхода планеты из застоя и социального кризиса. В ответ на что были уведомлены о том, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Единственная помощь, которая нам была предоставлена по неофициальным каналам это та самая Платиновая Карточка — ключ к управлению планетарной Сетью. Только польза от нее в тот момент оказалась нулевой.

— Почему же все-таки?

— Вы, должно быть, невнимательно слушали меня, молодой человек, — усмехнулся Нолан. — Я только что довольно четко объяснил вам, что Сеть хорошо защищена от того, чтобы объекты проводимого с ее помощью эксперимента могли вмешаться в ход и правила этого эксперимента. Изменения в режим работы Сети могут быть внесены только с санкции субъекта этого эксперимента. Со стороны руководства Проекта. А таковой существовать перестал. И правопреемников не оставил. Более того, его как бы никогда и не было — этого Проекта. Так что изменения в ходе эксперимента принципиально внесены быть не могут.

Ким пожал плечами и озадаченно уставился на Скрипач.

— Это какая-то чушь... Простите... Во-первых, на свете существуют другие инстанции... Ну — тот же Директорат, например...

Оба старика с сожалением посмотрели на Агента.

— Для Сети, — со вздохом объяснил Скрипач, — Директорат существует только как равноправный участник разного рода переговоров между Конфедерацией Суверенных республик и остальной Федерацией. А главное — ни Директорат в целом и ни один из его членов просто не хотят брать на себя ни малейшей ответственности за то, что произойдет при изменении статуса андроидов в Колонии. Ведь вы же понимаете, что речь идет не об одной только Бэ-Ка. Речь идет о том, какое место андроиды займут в будущем всего Обитаемого Космоса. Об угрозе вытеснения человечества со сцены истории его же более совершенными созданиями. Или наоборот, об уничтожении или закабалении целой разумной расы, пусть и искусственно созданной. Какой политик, будучи в здравом уме, возьмет на себя такую ответственность?

— Тогда, в конце концов, у вас в руках находился ключ к Сети...

— Ключ, которым мы не в состоянии оказались воспользоваться. Он, если выразиться образно, «не стал поворачиваться в замке». Мало обладать ключом. Для того чтобы ключ отпер Сеть, Сеть должна сперва установить личность того, кто этот ключ приводит в действие. И личность эта должна иметь право на пользование ключом. И тут возникает полнейший тупик: и люди и андроиды, населяющие Большую Колонию, являются объектами эксперимента и не могут вмешиваться в работу Сети. Тем более этого не могут любые иные существа, населяющие планету. Ни тахо, ни звенны не являются гражданами Колонии и не принадлежат к человеческой цивилизации вообще. И даже если бы Директорат пошел на дикий выверт и даровал какому-нибудь из этих существ гражданство Колонии — с тем чтобы вручить ему ключ от Сети, — то ни один звенн и ни один тахо не пошел бы на это. Да, они согласны жить в мире с нами, но отдельно от нас. Не пересекаясь.

На протяжении следующих двадцати лет мы — Круг Посвященных — метались в

поисках выхода из положения. Пытались скомпенсировать правовое неравенство андроидов за счет внедрения идей равенства морального. Я предпринял попытку создать некую религию, объединяющую людей с андроидами в рамках единого мировоззрения... Но все эти потуги были только способами оттянуть окончательный кризис. Дела в Колонии развивались все хуже и хуже... Возникли новые формы закабаления андроидов. Такие дикие, как Подземные Театры. Окончательно затормозилось развитие промышленности и торговли. Дошло до смешного: стало выгодно ввозить на планету простые товары, входящие в набор продуктов нормального жизнеобеспечения. Необходимо было применять какие-то экстренные меры.

И тогда мы пришли к идее о том, что возникший тупик можно обойти формально — поручив «вставить ключ в замок» существу, которое было бы гражданином Колонии, но притом и не могло бы считаться ни человеком, ни андроидом.

— Психоморфу?

— Именно так. К тому времени я уже близко сошелся с Каррогом... Собственно, мы всегда были с ним близки. Посвященные часто прибегали к помощи народа из Роц. Так что я был в курсе его работы. Разумеется...

— Разумеется, меня не так просто было уговорить, — хмуро улыбнулся колдун. — Особенно принимая во внимание трагедию с Элен. Но к тому времени, когда Нолан обратился ко мне со своим предложением, я пришел к новым, очень перспективным решениям тех задач, которые ставила передо мною проблема управляемых превращений психоморфов. Так что у меня появилась гораздо большая уверенность в том, что удачное повторение моего эксперимента вполне возможно...

— И любопытство снова одержало над вами верх?

Как ни старался Ким обесцветить свой голос, грустноватая ирония все-таки означила себя в его вопросе. Каррог смотрел куда-то в сторону.

— Один римлянин, — рассеянно произнес он, — сказал как-то: «Плывать по морю — необходимо. Жить — не так уж необходимо»... Это он и про нашего брата — жрецов науки — сказал то же... Недаром наше знание — тайное. А то наломали бы дров в этом и без того не лучшем из миров... К тому же передо мной была поставлена цель куда более благая, чем просто удовлетворить материнский инстинкт одной-единственной женщины. Речь шла о будущем всей планетарной колонии. И вообще — о решении нравственной проблемы в масштабах всего Обитаемого Космоса...

Он иронически поморщился собственным словам.

— Одним словом, я дал старине Нолану себя уговорить...

Снова бусины четок с еле слышным пощелкиванием стали проделывать свой путь между сухими, как бы сами по себе существующими пальцами колдуна.

— В общем, — взял в свои руки нить рассказа Скрипач, — Орри был задуман нами, как орудие, способное пробить брешь в стене формальной логики, стоявшей между нами и решением все более острой проблемы, грозящей взорвать Колонию. Как инструмент.

— Нам следовало бы знать, — бросил со своего кресла Каррог, — что с такими силами, которые мы пробудили к жизни здесь, в Роцах, нельзя обращаться как с инструментами. С ними можно играть только на равных... Но даже в старости многое упускаешь из виду, когда затеваешь большое и сложное дело...

— Элен вы сотворили, как новорожденного младенца... — задумчиво прикинул Ким. — А Орри... Орри сразу возник одиннадцатилетним «мальком»?

— Нет... Все одиннадцать лет он рос и воспитывался здесь — в Рощах. Рос сообразительным и здоровым мальчишкой. Но...

Каррог то ли бросил, то ли уронил четки на стол. Некоторое время в тишине словно отзвывался резкий, трескучий звук их падения.

— Но в один прекрасный день он сунул свой любопытный нос туда, куда не надо... В мои записи, в мой компьютер. Во взрослые разговоры... И понял. Понял, что он — не такой, как все. Не человек. Это было чересчур большим потрясением для него. Он бросил все и исчез. Убежал. Пропал на Болотах... Мы сбились с ног, разыскивая его. — Он подобрал четки со стола и снова принялся перебирать их. — Нолан... — произнес он наконец обращаясь, похоже, больше к самому себе, чем к кому-то еще. — Нолан нашел Орри — еле живого, больного, в беспомощности... Он унес его к себе в Нижний город — и стал ему настоящим отцом. К счастью, шок не разрушил психику мальчика. Он просто забыл, вытеснил из памяти свое страшное открытие. И все с ним связанное. Практически всю свою жизнь до болезни. Остался самым обыкновенным мальчишкой — живым и непосредственным. Иногда так даже слишком живым. И долго бы еще не вспоминал ни о чем таком, если бы события не приняли такой крутой оборот. Впрочем, в этот раз он воспринял все не так остро. Должно быть, приобрел своего рода иммунитет к своему повторному открытию себя самого...

— Но...

Ким потряс головой, собираясь с мыслями.

— Собственно говоря, разве Сеть может отличать людей от психоморфов? Ведь Орри зарегистрирован в Колонии просто как ваш приемный сын, мастер Нолан...

— Только в официальных документах, господин Агент... — величаво взмахнул рукой Скрипач. — Только в официальных... Дело было задумано гораздо более тонко, чем вам кажется. Весь процесс создания и воспитания Орри проводился под контролем Сети. Да-да! Узкий круг лиц — ну, например, тогдашний полицмейстер столицы, высшие члены магистратуры и другие официальные лица были посвящены в историю его происхождения. Так что для Сети Орри, безусловно, не человек и не андроид... И в то же время он — не менее безусловно — целиком принадлежит нашей цивилизации и даже является гражданином Большой Колонии. Единственным, стоящим вне Эксперимента!

— И она... Тьфу! Сеть, одним словом, не подозревает, для чего явился на свет этот... Этот очеловеченный психоморф? А как же возрастной фактор? Орри же ведь несовершеннолетний... Даже на муниципальные выборы ходить не может...

— Сеть не может подозревать. Сеть может только проверять соответствие фактов во введенной в нее программе. Ей абсолютно безразлично предстоящее вмешательство в ее работу, если такое вмешательство не противоречит правилам, заложенным в нее. А что до возрастного фактора... Обладание ключом — высший приоритет. Он бьет все остальные. Сеть не подчинилась бы Орри только в том случае, если бы он не смог осмысленно ответить на ее вопросы.

— Да...

Ким почесал в затылке.

— Я, пожалуй, слишком очеловечил этот набор проводов и микрочипов... Но... Но ведь «де-факто» Орри исполнял волю объектов эксперимента — людей и андроидов...

— В том-то и дело, что нет, — воскликнул Каррог. — Орри выполнял только свою волю. Если бы кто-нибудь хоть словом обмолвился ему о том, в чем состоит его миссия...

Если бы его инструктировали и натаскивали, то это сделало бы его игрушкой в чужих руках. И Сеть имела бы все основания отказать ему в праве использовать ключ. Именно поэтому от Орри скрывали Предсказание. Все — и друзья андроидов и их злейшие враги. Каждый рассчитывал, что сумеет использовать малька втемную. Для того чтобы достигнуть наших целей, его руками мы могли предпринять только одно — позаботиться о его совести. И, похоже, мы сделали верную ставку

— Значит, его решение можно считать действительно самостоятельным?

— Без сомнения! — грохнул кулаком по столу Нолан. — Только от самой Сети он узнал о своей задаче и никому, кроме Сети, не задал ни одного вопроса перед тем, как сделать выбор.

Ким молчал, переводя взгляд с одного старика на другого

— Это было тяжелым испытанием для малька. И выбор, который ему пришлось сделать, и все с ним связанное. Вся эта история вообще.

Он потер лоб и поморщился.

— Но скажите, зачем было обрушивать это испытание на неокрепшего мальчишку?! Неужели нельзя было подождать? — закончил за него Каррог. — Именно так мы и собирались поступить. Но чертовы хакеры со своим Предсказанием спутали нам все карты И не только нам. События невероятно ускорятся. И мы уже ничего не могли предпринять чтобы хотя бы немного затормозить их. Да вы и сами всему были свидетелем Агент.

— А откуда на нашу голову взялось это Предсказание! — с досадою спросит Ким. — Как они добрались до ваших секретов.

Теперь лоб потер уже Нолан.

— Этот странный народ, — произнес он наконец, — делает в общем-то далеко не бесполезное дело. Они исследуют информационные ресурсы Сети. Шарят, так сказать, по ее законам... И извлекают на божий свет всяких опасных тварей, которые притаились в этих сумрачных лабиринтах... Стараются смоделировать заранее и предусмотреть возможные катастрофы и катаклизмы. И поставить людей в известность о них раньше, чем они разразятся. Другое дело, что среди этого народа немало паникеров, а то и злых шутников... Но не о них сейчас речь. Орри, как возможный фактор вмешательства — непредсказуемого, обратите внимание, вмешательства — в работу Сети, а значит и в жизнь Колонии и всей планеты в целом, они, как говорится, вычислили на кончике пера. И оценили такую ситуацию как возможность потенциального катаклизма. И не так уж были не правы. Вы в этом еще убедитесь. Другое дело, что не будь того катаклизма, который разразится благодаря тому, что ключ попал к Орри в руки, нас ждал бы другой — худший кризис... В общем, хакеры сделали свое дело — прокукарекали, а дальше хоть не рассветаи. И тем самым открыли сезон охоты на Орри. Дальнейшее вам известно, Агент.

— Знаете... — задумчиво молвил Каррог, снова отложив в сторону четки и взяв в ладони полупустую пиалу. — Я думаю, что Судьба правильно решила, послав Орри этот выбор именно сейчас — в том возрасте, когда разум его еще чист и незамутнен. Еще несколько лет... даже месяцев, быть может, и в душу его начнет проникать то, что делает нас опычнее и мудрее... Даже добрее временами. Но лишает знания, которое единственное позволяет понимать вещи и людей такими, какие они есть. Именно поэтому я уверен, что выбор Орри — каков бы он ни был — верен.

Ким слегка тряхнул головой, стараясь уложить в ней по местам порядком спутавшиеся мысли.

— А ваше чудесное исцеление, господин Нолан... Это тоже какой-то фокус с ультраминиананороботами?

— Да, — кивнул Каррог. — Моего друга надо было срочно поставить на ноги, и я пустил в дело экспериментальную методику. Еще до конца не отработанную... Нанороботы заменили поврежденные ткани и сосуды. Произвели, так сказать псевдорегенерацию организма господина Нолана. Но это был большой риск. Да и остается большим риском. Мы еще не до конца можем предсказать, как эти псевдоткани будут уживаться с тканями настоящими. И как они будут постепенно заменяться настоящими жизненно важными структурами...

Он осторожно поставил пиалу на стол. Выбил в специальную нишу и убрал с глаз долой выкуренную трубку.

В кабинете воцарилась тишина.

Запасы съестного на столе исчерпали себя как-то строго одновременно с темой разговора Хозяин промокнул губы салфеткой и выпрямился в кресле, давая понять, что его ждут дела.

— Надеюсь, здешняя снедь пришлась вам по вкусу...

— О, да!..

Ким не без смущения обнаружил, что основной урон филе рыбы торро нанес он сам. Оба старика за беседой еле притронулись к еде.

Каррог поднялся из кресла. Усмехнулся, заметив смущение гостя.

— Думаю, что я удовлетворил не только ваш голод, но и ваше любопытство, господин Агент... У вас, господа, еще есть время отдохнуть немного, пока мои ребята подгонят сюда флаер...

Нолан тоже поднялся и кивнул Киму в направлении выхода.

— Пройдемтесь по Роще... — предложил он. — Когда-то вам случится снова побывать здесь. А это очень живописные места. Заколдованные... И воздух здесь очень здоровый...

* * *

Пронизанный какой-то осенней свежестью воздух Рощи, действительно, развеял туман, снова сгустившийся в голове Агента после долгого разговора с Каррогом. Он отбросил на время сложные хитросплетения мыслей и постарался думать о чем-то простом — например, прокрутить в уме дорогу назад — до «Чин-Чин билдинга». Когда в порядке очередности его мысленному взору предстала «пульчинелла» с очередной пачкой квитанций за дворником лобового стекла, он вспомнил про обнаруженный в том же месте пакет с посланием от обиженного «Г. Г.».

Он похлопал себя по карманам и вытащил на свет божий слегка помятый пакет. Тяжело вздохнул и распечатал его. Так не хотелось возвращаться к бюрократической рутине повседневности с ее бесконечными предупреждениями об отключении и напоминаниями о неоплаченных счетах...

Пакет содержал в себе два конверта. Один — незапечатанный и без адреса. Другой был адресован ему — Киму — и отправлен с Прерии-II Леонидом Курляндским — адвокатом, взявшим на себя улаживание его финансовых дел в том далеком теперь от него Мире.

«Уважаемый господин Яснов! — писал его контрагент с Прерии. — Спешу сообщить

вам, что четвертого июля сего года (по местному календарю) вверенные вами мне облигации банка Гарроты были выставлены мною на аукцион „Сотби“ в Центре Галактической Торговли на правах коллекционных экземпляров, как один лот при стартовой цене — два федеральных доллара за экземпляр. Сообщаю, что все 900 (девятьсот) экземпляров были приобретены Объединением Музеев и Библиотек республики Океания по цене в 550 (пятьсот пятьдесят) федеральных долларов за экземпляр».

Ким потряс головой и перечитал: «пятьсот пятьдесят...»

«Таким образом, за вычетом налога и причитающегося мне процента...»

За вычетом налога и агентского процента сумма получалась все равно немалая. Киму и в голову не могло прийти, что ничего не стоящие облигации давно сгинувшего Мира, за которые не слишком много давали в Колонии Констанс (ему случилось там получить гонорар этими «фантиками»), пойдут с молотка по столь фантастической цене.

«Я перевожу причитающуюся вам сумму, — заканчивал Леонид, — на ваш счет в Первом Галактическом и поручаю своему коллеге господину Гонсало Гопнику, отбывающему на некоторое время в Большую Колонию, конфиденциально передать вам мое послание и получить от вас указания относительно моих дальнейших действий, если таковые указания будут иметь место».

Далее следовали стандартные заверения в совершеннейшем почтении к адресату и тому подобное словесное конфетти.

— О господи! — воскликнул Ким. — Гонсало... Его занесло сюда..

— Вы имеете в виду господина Гопника? — осведомился у него Нолан. — Того, что искал вас на днях? Неужели ему так и не удалось встретиться с вами?

Ким озадаченно смотрел на него.

— Он много хорошего рассказывал о вас... — заметил Нолан.

«Теперь ясно, что за „человек с Прерии“ сделал мне тут этакое „паблисити“. — подумал Ким. — И бьюсь об заклад — пану Больше он же про меня натрепался...»

Агент открыл незапечатанный конверт. То был счет от Гонсало «за посреднические услуги». От процента, удержанного Леонидом, он отличался мало Ким фыркнул и спрятал оба конверта во внутренний карман.

— Знаете, — повернулся он к Нолану, — кажется, Посвященным не придется скидываться мне на билет. И неустойку пану Больше я оплачу сам... И еще вот что... — Он почесал нос. — Пойдемте простимся с Орри. Мне будет грустно без него...

— Я сам собирался предложить вам это, — согласился Нолан. — Посмотрим, как он там... Чует мое сердце, учинит он еще что-нибудь. Не даст нам жить спокойно. Если не сейчас, то немного погодя...

В этом старик был прав.

Но это уже совсем другая история.

Больше книг на сайте — Knigolub.net